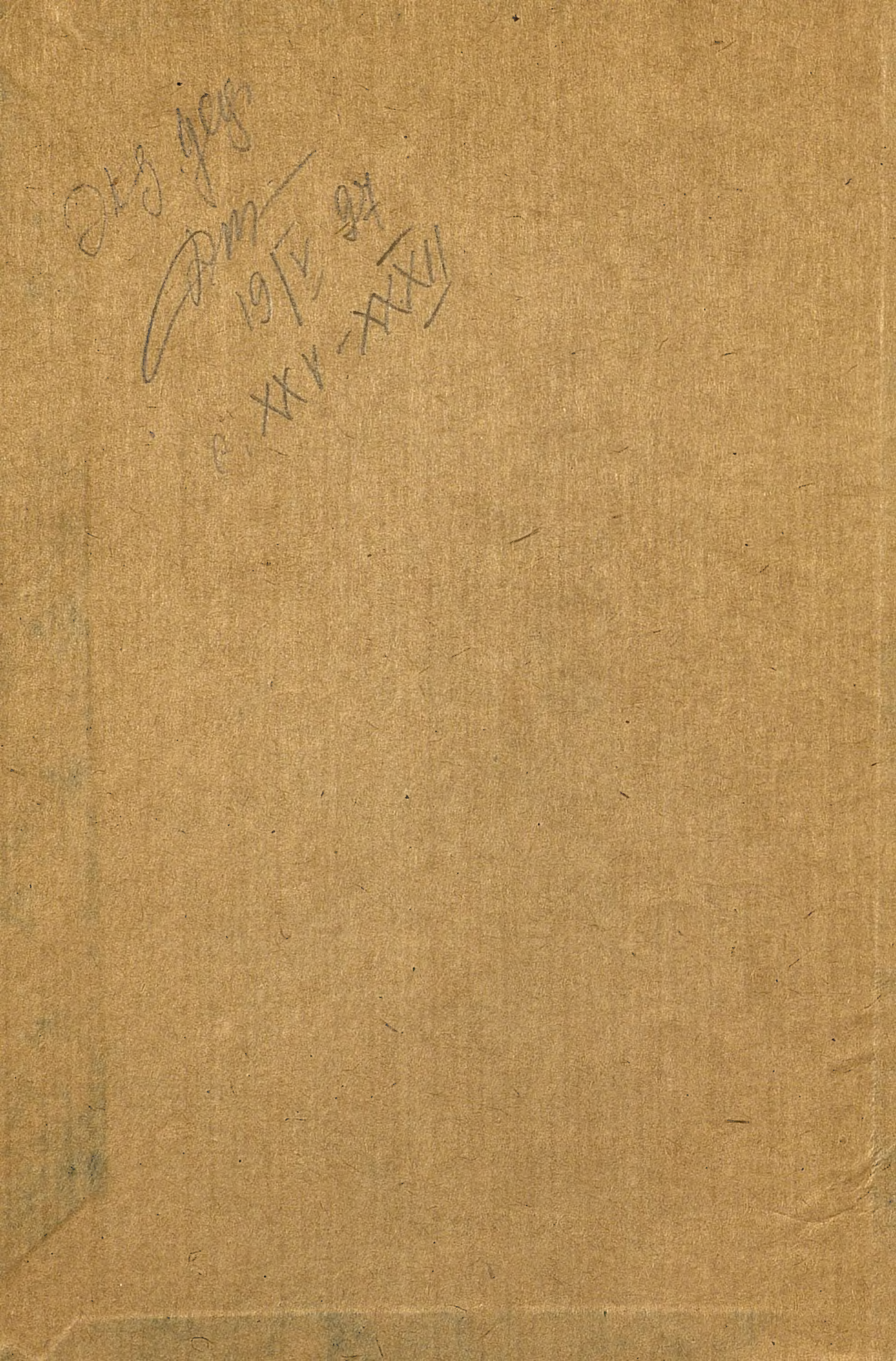
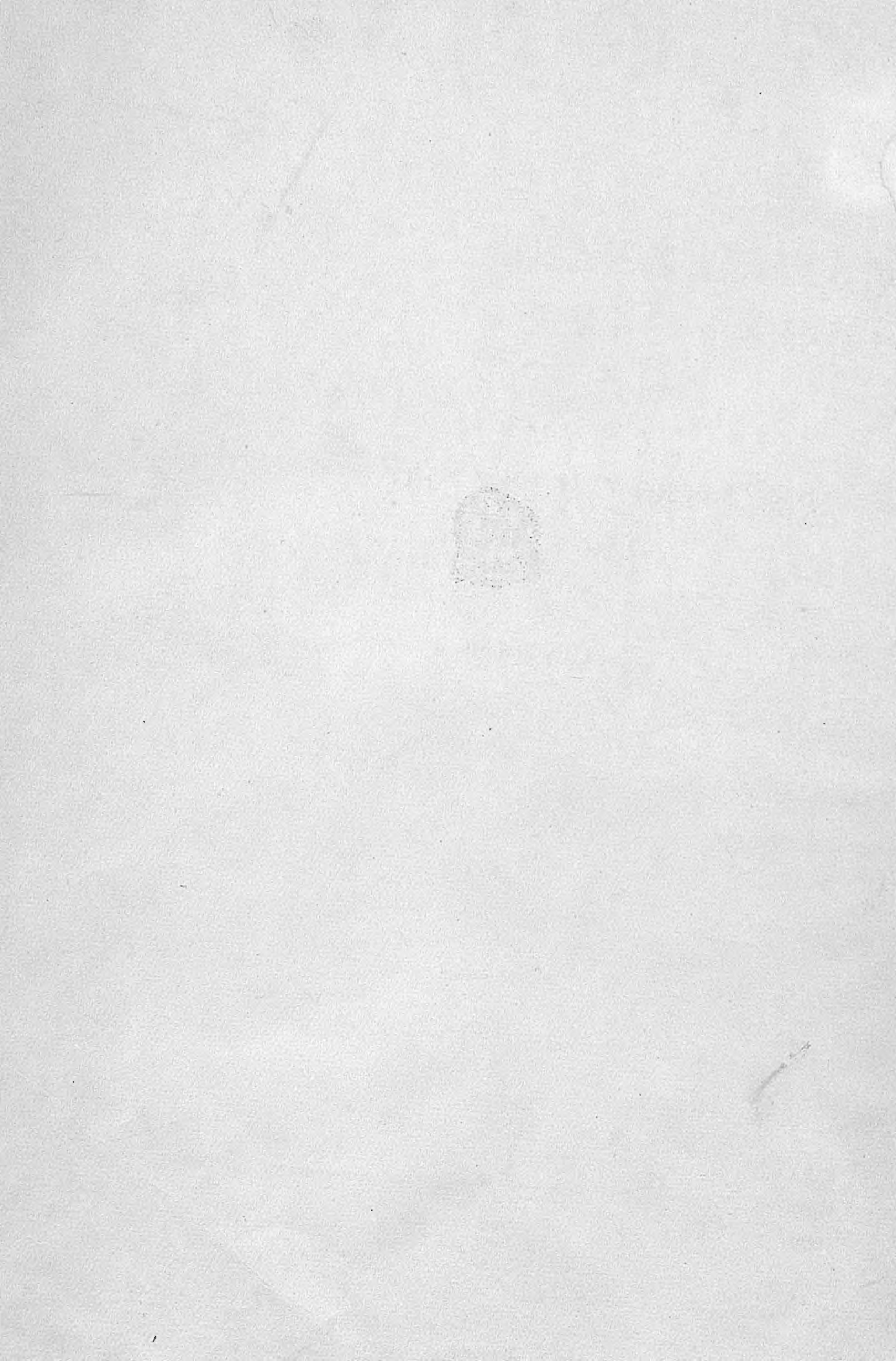
V
М-43

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ I





ЛЕ 0.9./V
М43

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
1914—1917 гг.

1931
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА / ЛЕНИНГРАД

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
по изданию документов эпохи империализма

М. Н. ПОКРОВСКИЙ (председатель),
Я. А. БЕРЗИН, В. В. МАКСАКОВ, Е. Б. ПАШУКАНИС, Ф. А. РОТШТЕЙН,
Г. И. ВАКС (ответств. секретарь)

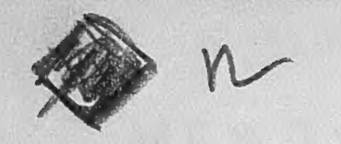
Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

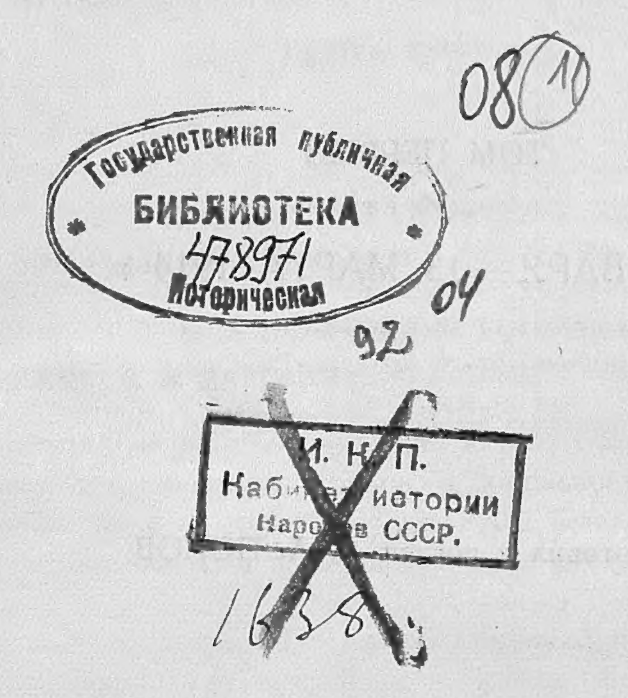
1931

ТОМ ПЕРВЫЙ

14 ЯНВАРЯ — 13 МАРТА 1914 г.

Подготовил к печати А. Л. ПОПОВ





Главлит № А—76517. С—54 Гиз № 40180. Зак. № 1104. 41 п. л. Тираж 5.000

Типография Огиза „Красный пролетарий", Москва, Краснопролетарская, 16.

Hartungsche Buchdruckerei, Königsberg Pr., Münchenhofplatz 4—5.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В первые же дни своего существования советская власть дала торжественное обещание разоблачить ту работу тайной дипломатии, которая привела мир к ужасной катастрофе 1914 года. Советские публикации тайных договоров, начавшие выходить в конце 1917 года, были первыми публикациями этого рода, которые видел мир. За этими наспех составленными сборниками, которые нарасхват читались дипломатами всех воевавших государств, последовал ряд более систематически подобранных и обработанных документов. Лишь долго спустя стали появляться аналогичные сборники других участвовавших в войне государств,—и теперь нет почти ни одной крупной державы, участницы мировой войны, которая не опубликовала бы того, что имеется в ее архивах по вопросу о возникновении войны 1914 года.

Насколько эти публикации полны и искренни,—покажет их детальный критический разбор и сравнение публикаций различных стран: эта работа только еще начинается. Во всяком случае относительно начала войны мы теперь знаем, благодаря советской инициативе, несомненно, большую часть того, что нашло свое выражение в тех или других документах. Всякий историк согласится, что дневники и письма подвели бы нас к действительной психологической подкладке совершившегося гораздо ближе, чем официальная переписка. Но дневников и писем пока опубликовано еще не так много,—и есть основание опасаться, что первые появились не в том точно виде, в каком были написаны непосредственно вслед за событиями. Исключение представляет разве опубликованный в СССР дневник русского министерства иностранных дел,—так как люди, которые могли бы быть заинтересованы в его „исправлении“, к счастью, лишены были всякой возможности повлиять на его издание.

Но это все относится к возникновению войны. Было бы величайшей наивностью думать однако же, что тайная диплома-

тия прекратила свое существование 4 августа 1914 года. Совсем напротив: эта дата была лишь началом ее расцвета,—те переговоры, которые велись в последующие годы, по своему цинизму и беззастенчивости далеко оставляли за собою наиболее откровенное хищничество предвоенного империализма. Боровшиеся „за свободу и цивилизацию" правительства обращались со свободой отдельных народов, преимущественно мелких, так, как не всегда бывало даже и в средние века. Чего стоит хотя бы дележ Турции, которым, как мы знаем из бумаг полковника Хауса, занимались с одинаковым усердием и в Лондоне и в Вашингтоне, так, как если бы никаких турок никогда не существовало.

Для опубликования документов тайной дипломатии военного времени до сих пор сделано чрезвычайно мало. Тут официальных публикаций почти вовсе нет, если опять-таки не считать Советского Союза. Только у нас появился уже целый ряд таких сборников, как „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны" (издание НКИД 1922 г.), „Раздел Азиатской Турции" (издание НКИД 1924 г.), „Константинополь и проливы" (2 тома, издание НКИД 1925—1926 гг.), „Царская Россия в мировой войне" (документы, относящиеся к вступлению в войну Турции, Болгарии, Румынии и Италии, издание Центрархива 1925 г.) и целый ряд публикаций в журнале „Красный архив": „Ставка и министерство иностранных дел" (переписка директоров дипломатической канцелярии царской ставки с Петроградом во время войны, „Красный архив", т.т. XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX и XXX), продолжение Дневника министерства иностранных дел за 1915—1916 годы (т.т. XXXI и XXXII), „Конференция союзников в Петрограде в 1917 году"—протоколы заседаний военного совещания 1—14 февраля 1917 года (т. XX) и т. д.

Теперь мы приступаем к систематическому изданию документов, относящихся как к „возникновению" войны, так и к дипломатии собственно военного времени. Подготовленные к печати 5 томов охватывают время с 14 января по 4 августа 1914 г. (1/I—22/VII ст. стиля). I том охватывает период 14/I—13/III 1914 г.; II—III тома—14/III—27/VI 1914 г.; IV том—28/VI—22/VII 1914 г.; V том—23/VII—4/VIII 1914 г.

Война была решена не в июле 1914 г., но значительно раньше. Точный момент этого решения, конечно, установлен быть не может: его попросту не было, этого точного момента: никто из участников не мог бы сказать, когда именно было решено—не воевать вообще (это, может быть, было решено за много лет до 1914 г.), а когда

было решено начать войну именно летом этого года. Момент взрыва давно заложенной мины был неясен для самих заложивших. Но **объективная обстановка**, из которой выходом могла быть только европейская война **в ближайшем будущем**, окончательно сложилась зимою 1913/14 года. К этому времени человек, который был бы в обладании всей политической и военной информацией обеих сторон (в таком положении реально не был ни один из руководителей политики готовых вступить в войну государств, не исключая Англии и Германии), мог бы ожидать взрыва „с часами в руках". Вот почему издатели решили начать ближайшую серию документов с 1 января 1914 г. Начав ранее, не было разумного основания остановиться на осени 1913 года: почему не 1912? почему не 1911? Начав позднее,—как делают почти все публикаторы,—значило бы предрешать вопрос о „виновнике". Когда англичане начали свой предвоенный том со свидания Николая с румынским королем в Констанце и Вильгельма с Францем-Фердинандом в Конопиште, то это имеет совершенно определенный смысл: войну начали Германия и Россия, Англия была лишь „вынуждена вмешаться". Если бы начать с переговоров об англо-русской морской конвенции, дело получило бы, конечно, иной вид...

Если бы начинать с наиболее осязательного **повода** войны, самым подходящим исходным моментом был бы „Видов день" 1914 года, 28/15 июня, день смерти наследника австро-венгерской монархии от руки сербских националистов. Но это был бы чисто внешний и формальный подход: дальше мне придется цитировать документ, устанавливающий, что Сербия (Пашич) сочла себя вправе обратиться к русскому правительству с настоятельной просьбой о снабжении сербской армии обмундированием, оружием и боевыми припасами уже 20 января старого стиля. Что это значит, опять-таки всякому совершенно понятно: уже в конце января—начале февраля в Сербии чувствовали непосредственное приближение новой войны. Русское правительство затянуло ответ, ибо оно не желало, чтобы сербы начали стрелять ранее, нежели будет обеспечена поддержка Англии, а этого не было еще и в марте, не только в январе... При свете этого факта дата убийства Франца-Фердинанда (фактическое „открытие военных действий") отступает на второй план.

Все эти „роковые дни" и „роковые недели", которым придают такое огромное значение буржуазные историки и издатели документов, для нас имеют совершенно третьестепенное значение, по-

скольку мы знаем, что война не была делом злой воли отдельных лиц и отдельных групп, но с железной необходимостью вытекала из экономической системы последних десятилетий,—системы монополистического капитализма. Но из этого отнюдь не следует, как думают иные наивные люди, что, значит, „виноватых нет“ и искать их не стоит. К войне привели захватнические вожделения всех империалистских правительств, но ни одно из них не призналось и не признается до сих пор в этом; все они, видите ли, стали жертвой чужих захватов. Установить захватничество всех империалистских правительств и группировок, установить не a priori, исходя из той предпосылки, что они должны быть захватчиками, а установить на основании непререкаемого, для всех обязательного документального материала—значит разрешить задачу огромной важности. Для борьбы с империализмом необходимо знать доподлинно и во всей точности, как он действует, каковы его приемы и методы. И когда захватническая деятельность империалистов будет непререкаемо установлена рядом неопровержимых документов, мы, конечно, получим обвинительный акт, но обвинительный акт не против отдельного лица или, тем паче, против отдельной страны, а против класса,—того класса, который держал в руках власть во всех больших странах в 1914 году и держит власть доселе в большинстве из них.

Русские документы, естественно, дают наиболее богатый материал для разоблачения захватнической политики российского империализма, военно-феодального в своей сущности, но уже начавшего переходить в капиталистический. Когда русский консул в Астрабаде наивно пишет, что „вмешательство (русского) отряда в местные дела есть неизбежное и естественное последствие пребывания здесь нашего отряда и нашего влияния и служит основным орудием усиления последнего“ (т. I, № 248), то перед нами простецкий военно-феодальный империализм; но когда русское правительство добивается отнять привилегии у английского банка в Персии и передать эти привилегии русскому банку, когда оно спорит с английским правительством о направлении Трансперсидской железной дороги, мы имеем образчики обычной империалистической политики новейшего типа. Одно диалектически переходит в другое, и спорить стоит не о том, какого именно империалистического разряда были субъективные мотивы тех или других захватчиков, а чьи интересы они выражали объективно. И тут печатаемые документы дают возможность провести четкое разграничение тех областей, где господствовали интересы именно русского империализма, конкури-

ровавшего из-за монополии с империалистической политикой других стран, и где русская политика являлась отражением интересов более сильных империалистических держав,—где царская Россия попросту была вассалом последних.

Ограничиваясь документами первого тома,—где, к слову сказать, относительно меньше сколько-нибудь крупных документов, не опубликованных ранее (хотя и здесь большинство документов все же совершенно новых),—мы отчетливо видим эти два течения, видим дипломатические „районы“, где русский империализм выступал от своего лица, где он бился за свои монополии,—даже и против своих союзников,—и „районы“, где непосредственные интересы русского империализма нащупать гораздо труднее и где его подталкивали империалисты тех стран, для которых именно здесь стояли на карте основные интересы.

Русский империализм не нужно было подталкивать ни в Персии, ни на Дальнем Востоке, откуда этот империализм отнюдь не ушел после разгрома 1904—1905 года: он только, проученный неудачей, действовал более осторожно, стараясь не сталкиваться с Японией и не залезать в сферу ее влияния. Тем не менее „стать твердой ногой“ и в Монголии и в Северной Манчжурии он отнюдь не терял надежды. По документам одного I тома (№№ 10, 46, 65, 91, 119, 136, 142, 179, 191—193, 216, 230, 254, 271, 278—281, 307—308, 330, 357, 363, 389, 391, 405—406, 431, 439—440, 444 и др.) можно написать маленькое исследование на эту тему, а между тем это лишь небольшой кусок из длинной цепи документов, тянущейся через все предыдущие годы и продолжающейся в следующих томах 1914 года.

Непосредственно для возникновения мировой войны еще более важен другой подобный отрывок, иллюстрирующий историю англо-русских отношений из-за Персии (№№ 25, 28, 59—60, 83, 90, 96, 112, 121, 151—152, 164, 178, 181, 189, 194, 206—208, 232, 248, 253, 255, 260, 282, 297, 319, 331, 349, 352—353, 359, 361, 372—373, 375, 383, 392—393, 397—398, 403, 412—413, 419, 441, 443 и др.). Мы возьмем из этой серии только несколько примеров, показывающих, насколько англо-русская „дружба“ за немного месяцев до начала войны оправдывала диалектический закон „единства противоположностей“.

На первом месте в числе приемов русской политики в Персии придется поставить простой и голый захват—захват земель. Это слово—не наше: оно со всем хладнокровием употреблено в таком ответственном документе, как „секретное письмо министра ино-

странных дел посланнику в Тегеране от 1 февраля ст. ст. 1914 г.": „Что же касается захвата нами этого района, то, имея чисто культурно-экономический характер, он может лишь послужить на пользу персидского правительства (№ 255). Начинается это письмо с „принципиального присоединения" министра к мнению временного заместителя посланника, Саблина, который телеграфировал 10 января: „Полагая, что покровительство и дальнейшее расширение русского землевладения в Персии является одной из самых главных задач наших здесь, как по соображениям политическим, так и экономическим, признаю усвоенный Ивановым (русским консулом в Астрабаде. *М. П.*) образ действий в делах покупки и аренды русско-подданными земель в Мазандеранской и Астрабадской провинциях единственно отвечающим создавшемуся положению вещей. Сопротивление правительства (персидского. *М. П.*) весьма понятно (!), и если постановления Туркманчайского акта[1] как бы склоняются в его пользу, то единственный и естественный закон страны, шариат[2], весьма нам благоприятен"... (док. № 90). Заслуживший одобрение у своего непосредственного начальника и самого министра консул Иванов прямо и просто смотрел на данные персидские провинции, как на русскую колонию, всячески выхваляя достоинство „приобретения", могущего не только служить житницею для „бедной водой Закаспийской области и для Туркестанского края, плодородные площади коего, в случае получения дешевого хлеба отсюда, могли бы быть использованы еще в больших размерах под культуру хлопка, но и самостоятельно представить из себя обширное поле для нашей деятельности в смысле использования теплого, влажного, богатого осадками климата этих провинций и их богатой почвы для культуры высокоценных субтропических и даже тропических растений и в особенности хлопка". (Донес. Иванова от 29/16 дек. 1913 г. за № 62; см. прим. 1 к док. № 90.)

Итак, задачу снабжения Средней Азии хлебом, которую советская власть разрешила постройкой Туркестано-Сибирской железной дороги, царская дипломатия предлагала разрешить захватом части Персии. Повторяю, это не был домысел захолустного дипломатического чиновника: этот план встретил полное одобрение руководителя русской иностранной политики. „Принципиально я присоединяюсь к мнению надворного советника Саблина и статского

---

[1] Русско-персидский договор, которым окончилась русско-персидская война 1826—1828 гг.

[2] Мусульманское гражданское право.

советника Иванова о желательности расширения, при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств, русского землевладения в Северной Персии и считаю, что это в особенности важно в районе Гюргена",—писал Сазонов (цит. док. № 255). „Помимо того, что развитие в этом крае хлопководства и эксплоатация ценных лесных пород представляют для нас большой экономический интерес, я полагаю, что и в политическом отношении проникновение именно в этот район русского элемента может иметь для нас большое значение". Ограничения, которые вносил Сазонов в „расширение русского землевладения", носили технический, если можно так выразиться, характер и приводили к практическим заключениям, по своей смелости далеко оставлявшим за собою план Иванова. „Захват больших земельных участков (до 15 000 десятин) лицами, не обладающими, повидимому, достаточными данными для осуществления крупных предприятий, представляется явлением безусловно нежелательным. Эти лица, по всей вероятности, имеют в виду либо перепродажу приобретенных ими по весьма низким ценам земель, либо эксплоатацию переселенцев, которых они привлекают на свои участки. К этому мнению присоединилось и состоявшееся на-днях совещание из представителей заинтересованных ведомств, которое признало, что наиболее желательным выходом из положения была бы скупка всех еще имеющихся в астрабадо-гюргенском районе свободных земель русскою казною (!), а в случае невозможности этого—нашим Учетно-ссудным банком Персии, с тем чтобы заселение означенных земель могло быть произведено затем на рациональных началах при содействии опытных чинов переселенческого управления"...

Ближайшие к русской границе персидские провинции рассматривались как форменная русская колония,—для довершения характеристики остается только прибавить, что одним из главных русских „землевладельцев" был сам консул Иванов. Русское захватничество естественно вызывало отпор со стороны персидского населения, которое возлагало свои надежды на тех, кого оно считало русскими конкурентами. „Мне достоверно известно,—писал тот же консул Иванов,—что главной темой интимных разговоров бельгийцев[1] и враждебной нам части персиян служит надежда на вмешательство в этих целях („чтобы разрушить особенно наше положение в Персии") Англии и Германии и стремления

[1] В руках бельгийских „советников" было финансовое управление Персии.

английской миссии в Тегеране сделать бельгийцев своим орудием" (док. № 248, разрядка моя. *М. П.*).

Итак, „враждебная" русским захватчикам часть персидского населения возлагала свои надежды на союзную с Николаем II Англию и враждебную последней, а также и России, Германию одинаково. Мы видели, какой переплет империалистических интересов здесь получался. Это не была иллюзия местного населения. Какой остроты достигал антагонизм русско-английских интересов в Персии в эти дни,—показывает переписка между Петербургом и Лондоном по вопросу о Трансперсидской железной дороге.

При проектировании этой последней с русской стороны держались того же принципа, который был—так неудачно—применен при русском проектировании железных дорог в Болгарии в 1880-х годах: персидские дороги должны были иметь выход к русской и, впоследствии, к индийской сети: всякое соединение с рельсовыми путями, идущими на запад, признавалось нежелательным; согласие на постройку Тегеран-Ханекинской ветки в 1910 году было специальной уступкой Германии. Отсюда стремление трассировать Трансперсидскую магистраль в направлении с северо-запада (русское Закавказье) на юго-восток (Афганистан и Индия). Англичане никак на это направление не соглашались. „Против направления восточнее Бендер-Аббаса у нас решительно все",—говорил Грей Бенкендорфу (телеграмма последнего от 5 февраля/23 января 1914 г. № 181). Это вызывало крайнее раздражение в Петербурге. „Нами уже неоднократно и категорически указано было лондонскому кабинету на полную неприемлемость для нас и для Société d'Etudes[1] направления на Бендер-Аббас вообще и на Исфагань—Шираз—Бендер-Аббас в особенности",—писал Бенкендорфу Сазонов. „Основанием для сего являлись такие важные мотивы, как излишнее удлинение на несколько сот верст транзитного пути, который может стать таковым лишь при условии, что он пройдет по кратчайшему направлению; нежелательность приближения этого пути к Багдадской железной дороге, которая могла бы со временем отвлечь к себе транзит, и, наконец, крайне вредное значение для наших торговых интересов в Северной Персии меридиональных железных дорог вообще" (док. № 152).

Положение осложнялось тем, что и железная дорога была не только „транзитным путем", но также и орудием захвата,—пожалуй, еще более грандиозного, чем тот, который проектировал на

[1] „Общество изысканий" Трансперсидской жел. дор.

северо-востоке Персии консул Иванов. „В тесной связи с вопросом о Трансперсидской железной дороге находится, как известно, вопрос о концессии на разработку горных богатств на обширном пространстве, частью в английской, частью в нейтральной зоне, которой добивается некий английский синдикат. Отметив, что Трансперсидская железная дорога может пересечь это пространство, Société d'Etudes, по справедливости, указало на то, что по существующему всюду в некультурных странах порядку ему необходимо будет располагать известной полосой земли (примерно по сто километров) по обе стороны пути, без чего реализация потребных на сооружение дороги капиталов встретит непреодолимые затруднения. Лондонский кабинет, ссылаясь на то, что упомянутый синдикат уже раньше заявил ему о своем желании и получил от него обещание поддержки, не признал возможным стать на точку зрения Société d'Etudes и вызвался лишь способствовать какому-либо компромиссу между обоими обществами. В результате синдикат высказал готовность предоставить Трансперсидской жел. дор. одну треть той части своей концессии, которая придется на нейтральную зону, при условии, что Société d'Etudes примет пропорциональное участие в авансе в 100 000 ф. ст., обещанном синдикатом шахскому правительству. Это предложение, как и следовало ожидать, не удовлетворило Société d'Etudes, которое подтвердило, что оно собственно в горной концессии вовсе не заинтересовано, а считает лишь необходимым обеспечить себе упомянутую полосу, где бы дорога ни прошла (!), причем в случае предоставления таковой оно не отказалось бы принять пропорциональное участие в сказанном авансе“ (там же).

Итак, лоскут персидской территории в 200 километров ширины и несколько сот километров длины, где бы этот лоскут ни пришелся (хотя бы в „английской“ по соглашению 1907 г. зоне), должен был перейти в русские руки. Ожесточенное противодействие англичан такому проекту более нежели понятно. И между будущими, через полгода, союзниками мировой войны за шесть месяцев происходил на этой почве чрезвычайно оживленный обмен мнений. „В моих беседах с сэром Дж. Бьюкененом по этим вопросам,—продолжает письмо Сазонов,—я не скрыл от него, что встречаемые в этом деле затруднения, в особенности в отношении направления дороги, внушают мне серьезные опасения, что все предприятие Трансперсидской жел. дор. может расстроиться. Я высказал при этом мнение, что это обстоятельство произвело бы, несомненно, очень тяжелое впечатление, так как оно свидетель-

ствовало бы, к вящшему ликованию наших недоброжелателей, о шаткости устоев, на которых покоится англо-русское согласие в Персии. Я добавил при этом, что в сомнениях, высказываемых сэром Э. Греем, просвечивает, по моему мнению, слишком большое опасение перед англо-индийским общественным мнением, которое, к сожалению, все еще не может отрешиться от фантастической боязни русского нашествия на Индию. Наконец, я счел нелишним дать понять послу, что в случае распадения Société d'Etudes вся постановка дела радикально изменится, и, по всей вероятности, образуется новое общество, которое займется постройкой намеченных нами дорог как в русской, так и в нейтральной зоне, безо всяких ограничений, т. е. и в районе, близком к персидско-афганской границе" (там же).

Дело доходило, таким образом, уже в январе 1914 г. до прямых угроз. Между тем Трансперсидская дорога являлась далеко не единственной точкой пересечения русско-английских интересов на этом театре, хотя, может быть, была главной. Русское правительство явно стремилось захватить персидский Азербайджан, всячески покровительствуя сепаратистским стремлениям азербайджанского губернатора Шоджа-эд-Доуле. В одной секретной русской записке (от 20 февраля ст. ст.), где излагаются требования, которые нужно было поставить англичанам в обмен на уступки в тибетском вопросе, говорится прямо и недвусмысленно: „В персидских делах мы равным образом могли бы добиться от англичан некоторых услуг. Напр., они могли бы дать нам обязательство не препятствовать образованию фактически автономного Азербайджана, под пожизненным главенством Шоджа-эд-Доуле и под нашим протекторатом с присоединением к Азербайджану принадлежавших некогда (при Петре I! *М. П.*) России Гиляна, Мазандерана и Астрабада" (док. № 384). Между тем Грей был так встревожен „новыми обстоятельствами, созданными Шоджей и не предвиденными соглашением (1907 г.),—обстоятельствами, которые делали необходимым полный пересмотр основ соглашения в чрезвычайно трудных условиях", что решил немедленно и конфиденциально переговорить с Бенкендорфом в таком тоне, что Бенкендорф начал умолять Сазонова „немедленно и категорически" отказаться от всякой поддержки Шоджи (секретная телеграмма Бенкендорфа от 7 марта/22 февраля 1914 г. № 392).

Если прибавить, что в те же первые месяцы 1914 года начинаются попытки захватить в русские руки сбор налогов в русской сфере влияния,—попытки, которые займут потом много места

в дипломатической переписке первой половины 1914 года,—причем сразу же дело принимает характер конкуренции между русским и английским банками, действовавшими в Персии (№№ 349, 359, 383 и др.),—мы получим такое количество конфликтов, которое может поставить изучающего документы перед вопросом: отчего в 1914 г. война вспыхнула не между Россией и Англией, а между Россией и Германией? Ответ может быть только один. Империалистская война не была исключительно или даже главным образом русским делом. Русский империализм был на мировом театре второстепенным или даже третьестепенным, а европейскую войну (с самого начала имевшую тенденцию стать мировой войной, поскольку участницами явились Япония—и de fasto и de jure—и Соединенные Штаты—de facto, ибо они сразу же стали главной индустриальной базой одной из воюющих сторон) мог развязать только империалистский конфликт первого порядка. Первостепенным было—или казалось—военное могущество России, и это дало последней такое положение в конфликте, которое совершенно не соответствовало ее значению экономическому.

Документы, печатаемые в I томе, полны, прежде всего, отзвуками прошлых войн—итало-турецкой, греко-турецкой, сербо-болгарской. Первые две главным образом напоминают о себе вопросом об Эгейских островах (№№ 1, 11, 41, 43, 51, 64, 67, 74—76, 95, 104—105, 113, 116, 121, 124, 173—174, 184, 195, 197, 201, 204, 215, 217, 219, 231—234, 236, 249, 262, 264—265, 268, 274, 283, 289, 292, 301, 306, 309, 311, 318, 321, 327, 356, 370—371, 374, 382, 414). Перечень по длине, как видим, не уступающий Дальнему Востоку и лишь немного—Персии. Смысл вопроса для русского правительства заключался в распределении тех из Эгейских островов, которые непосредственно примыкали к Дарданеллам, главным образом Лемноса, при современной артиллерии фактически замыкающего выход из пролива. Англия настаивала на переходе Лемноса в руки Греции—опять-таки к великой досаде своего будущего союзника, очень старавшегося о сохранении этого ключевого острова хотя бы в руках старого владельца, Турции: при разделе „наследства“ последней легко было бы захватить и Лемнос, отнять же его у греков не было ни предлогов, ни, при поддержке англичанами Греции, возможности. Когда Николаю выяснили, что наиболее выгодная для русского правительства комбинация не проходит, он был весьма огорчен и написал на соответствующей телеграмме Извольского: „Это очень неудобно“ (док. № 11). Факт был широко известен,—на нем играли турки, ища русской под-

держки: великий визирь в разговоре с русским поверенным в делах подчеркивал, что „переход названных (Эгейских) островов, и в особенности Лемноса, к Греции не может соответствовать русским интересам“ (док. № 318). Но Англия твердо поддерживала своего клиента, стремясь сохранить Лемнос за Грецией, явным образом по тем же причинам, которые побуждали Россию отстаивать „права“ Турции: вопрос шел о том, кто будет настоящим хозяином в Дарданеллах. Этот конфликт тянется долго, глубоко врезываясь в войну и заканчиваясь—и то лишь по видимости—мартовским соглашением 1915 года.

Превращение Греции в сторожа при Дарданелльском проливе создавало очень деликатные отношения между этим английским клиентом и английским союзником на востоке Европы. В Петербурге очень нервно следили за морскими вооружениями Греции. В записке, которую Сазонов представил Николаю 26/13 января 1914 г., набрасывается весьма любопытная программа разговоров с Венизелосом, приезд которого в Петербург ожидался в ближайшее время. Сазонов предлагал „не итти“ в этих разговорах „дальше выражения общих благожелательных чувств, коими неизменно руководилась Россия по отношению к Эллинскому королевству“. „Если бы,—что невозможно,—имеющий прибыть вскоре в С.-Петербург греческий первый министр г. Венизелос затронул вопрос о более тесном сближении с Россией и намекнул о возможности заключения с нами военно-морской конвенции, то мне представлялось бы наиболее соответственным выслушать с благожелательным вниманием все, что им было сказано по этому поводу, и в то же время избежать какого-либо связывающего нас ответа“. Николай написал на этой записке: „Согласен“ (док. № 104).

Мы видели, что в этом конфликте—опять-таки, по существу, конфликте России и Англии—Турция напрашивалась в союзники первой. Характерно, что впервые эта нота зазвучала уже в феврале; в июне дело дошло до известного предложения Талаатом Сазонову союза в Ливадии, а в августе в ряде предложений Энвера русскому военному агенту уже в совершенно конкретной форме[1]. Непосредственно соприкасавшиеся с турецким правительством русские дипломаты всегда были за принятие этих предложений. Под № 265 мы печатаем чрезвычайно интересную докладную записку Гулькевича (замещавшего уехавшего в отпуск Гирса), пытающегося растолковать Сазонову, что государство младотурок совсем

---

[1] См. сборник статей „Империалистская война“, стр. 173 и сл.

не то, что империя Абдул-Гамида, и что на Турцию невозможно смотреть и обращаться с нею „по-старому“. Гулькевич предлагал вместо нападения на турок или попыток их запугать, что по отношению к новому турецкому режиму не обещало никакого успеха, столковаться с турками. Идея не была совершенно новой,—проливы могли быть в русских руках фактически и при условии очень прочного союза с Турцией: одна из двух линий Николая I и шла именно в этом направлении. Экономическую базу для этого союза, как и указывал Гулькевич, найти было не так уже трудно: из барьера на дороге экономического развития Турции (препятствия в постройке малоазиатских железных дорог и т. п.) Россия, в силу своего географического положения, легко могла превратиться, рассуждая теоретически, в один из могущественнейших факторов этого развития. Но это именно только теоретическое рассуждение. Основной базой военно-феодального империализма был именно вопрос о проливах, а военно-феодальный империализм знал только методы внеэкономического принуждения. Проливы должны были быть завоеваны, и ни на какие компромиссы в этом случае Россия Николая II не шла. Предложения турок и советы русского посольства в Константинополе одинаково остались бесплодными.

История подготовки захвата проливов Россией не начинается и не кончается документами, входящими в I том настоящей серии. Здесь опять-таки мы имеем лишь окончание одной из попыток,—той, которая связана с именем Лимана фон Сандерса. Основной документ—совещание 31 декабря ст. ст.—как и другие главные документы, относящиеся к этому эпизоду, давно опубликованный,—войдет в предыдущий том. Я цитирую только документы, не опубликованные ранее. Как близко дело было к осуществлению попытки,—показывает печатаемое нами под № 84 письмо Сухомлинова Сазонову от 22/9 января 1914 г., где дело доходит до „выдвижения... необходимого числа войск в пределы Эрзерумского вилайета“, т. е. до прямого нарушения неприкосновенности турецкой территории, как до одного из подлежащих „осуществлению“ „мероприятий“. Что помешало „осуществлению“? Прежде всего, конечно, дипломатическая ловкость младотурок, очень быстро уступивших в формальном вопросе. Это отнимало у Сазонова и Сухомлинова формальный же повод для вмешательства. Затем, при полной готовности сухопутных сил, явное отставание сил морских, особенно подробно иллюстрируемое запиской морского министра Григоровича (№ 50; ср. письмо Гулькевича Сазонову под № 155). Но главное, повидимому, заключалось в неуверенности насчет позиции Ан-

глии и в неготовности Франции в данный именно момент ввязаться в европейскую войну. Насчет последнего нас информирует неопубликованное до сих пор письмо Извольского Сазонову от 30/17 января, где мы читаем: „Очень радуюсь благополучному окончанию инцидента с германской военной миссией и от души поздравляю вас с одержанным полным успехом... Здесь, видимо, у французов отлегло от сердца и хотя французское правительство, как вам известно, имело твердую решимость поддерживать нас в этом вопросе to the bitter end (до горького конца), оно, разумеется, очень довольно, что чаша эта его миновала“ (док. № 144). Хотя такое настроение сам Извольский объясняет тем, что для французов на первом плане здесь был турецкий заем, но, конечно, не эта мелочь могла помешать вступлению Франции в европейскую войну. Существеннее было другое—то, что „положение кабинета Думерга“, сравнительно „левого“, „заметно упрочилось“, и предстоявшие выборы, которые этот кабинет должен был проводить, обещали „победу крайним радикальным элементам, в ущерб более умеренной группе, во главе коей стоит сам президент республики“. Пуанкаре не чувствовал себя хозяином положения и выжидал для того, чтобы воевать, выборов, которые были бы для него неформальным вотумом доверия; после, в 1916 году, та же ситуация повторилась с Вильсоном. Сейчас, в начале 1914 года, война была бы для него не кстати. И, наконец, положение Англии весьма выразительно резюмировано в письме Бенкендорфа Сазонову от 11 февраля/29 января 1914 г. (№ 232). Грей уклонился от разговора, и русскому послу пришлось ограничиться беседой с Никольсоном, который сказал, по передаче Бенкендорфа, буквально следующее: „Что касается союза (с Россией. *М. П.*), Никольсон не скрыл от меня, что это всецело его мнение. И он далеко не один. Возможно, что Грей лично не далек от этого. Но Никольсон прибавил тотчас же— и я вполне разделяю его мнение,—что сейчас это (т. е. союз с Россией. *М. П.*) невозможно. Страна (т. е. Англия. *М. П.*) не готова к союзу ни с Францией ни с Россией и скорее утомляется даже от мысли о своем отдаленном союзнике, Японии. Я прибавлю, что теперешний кабинет, так давно стоящий у власти и переживающий кризис, который или затянется или кончится его (кабинета) падением, не обладает достаточным моральным авторитетом для такого важного дела“.

Читателям этой статьи прекрасно известно, что Англия в это время давно была уже союзницей Франции,—Никольсон явно использовал неосведомленность Бенкендорфа об этом факте. Но быть

союзницей России она еще не хотела; почему именно—это будет достаточно ясно для каждого читающего документ: Никольсон сряду после этого заговорил о Трансперсидской дороге. Англо-русский конфликт из-за Персии решительно имел более серьезное значение, чем казалось многим политикам тогда и кажется многим историкам до сих пор.

Но, не желая связывать себя прочными узами с персидским захватчиком, на которого еще, может быть, придется натравить Германию (разговоры Грея с полковником Хаусом [1]), не хотели и выпустить его из-под своей власти, слишком охладив его горячие ожидания. Еще в конце декабря 1913 года русского военного агента в Лондоне посетил его коллега, полковник Репингтон, имевший с русским генералом беседу, которую стоит привести целиком.

„Доношу, что на-днях меня посетил военный корреспондент газеты „Times“, полковник Репингтон, и сообщил следующее: английское общественное мнение, до сих пор, по непониманию, относившееся довольно равнодушно к вопросу о германской военной миссии в Константинополе, теперь начинает сознавать те многие невыгоды и опасности, кои связаны с этой миссией не только для России, но и для Великобритании. Ближайшая опасность для Англии заключается в том, что, так как Англия получает значительную долю своего продовольственного ввоза из южной России через проливы, то утверждение германского влияния на Босфоре приведет, в конце концов, как бы к тому, что, как выразился Репингтон, „германский генерал будет как бы держать в своих руках продовольствие Англии и, в случае войны Англии с Германией, будет иметь возможность угрожать Англии остановкой ее продовольственного ввоза, т. е. просто голодом“.

„Помимо вышеизложенной, крайне для Англии серьезной опасности, отмечается еще и та, что германское влияние на Босфоре приведет к усилению Германии в Малой Азии и к давлению Германии на английские сообщения с Индией. По вопросу о принятии турецкого флота в руки английских морских офицеров полковник Репингтон сказал мне, что газета „Times“ не вполне этой идее сочувствует, так как она усложняет все дело, но что во всяком случае, если германская миссия останется в Константинополе, то лучше, чтобы турецкий флот был бы в руках Англии, так как иначе Германия заберет в свои руки и его. Относительно купленного Турцией дредноута „Рио-де-Жанейро“ Репингтон сказал

[1] См. „Историк-марксист“, т. 15, стр. 5.

мне, что, по его сведениям, дредноут будет совершенно готов и вооружен к сдаче в мае сего года; подготовка же и обучение турецкой для него команды потребует не менее шести месяцев, так что дредноут может начать кампанию в октябре 1914 года. Репингтон прибавил, что в редакции „Times“ существует убеждение, что Германия подкупила Энвера“ (док. № 4).

Что эта информация чрезвычайно влиятельного английского военного и журналиста была не чем иным, как подстрекательством к дальнейшему влезанию России в конфликт, обнадеживая ее—без всякой формальной гарантии—помощью Англии,—это понятно без всяких объяснений. Но правительство Николая II было не так просто, как думали в Лондоне.

Из всех документов, которые мы пока процитировали,—а мы коснулись всех основных групп документов,—совершенно не видно одного—германского империализма. Это, конечно, отнюдь не значит, что эта, одна из решающих сил на театре мировой дипломатии в это время отсутствовала. Но это, несомненно, значит, что на русском участке этого театра в данный момент активная роль принадлежала не ей. Это, впрочем, отлично сознавали и в Петербурге, как свидетельствует нижеследующее письмо Сазонова морскому министру Григоровичу. „Письмом от 3 сего февраля ваше высокопревосходительство, ссылаясь на ряд появившихся за последнее время в германской печати статей, враждебных России и в частности касающихся нашего Балтийского флота, изволили запросить моего мнения о том, не представляет ли собою эта кампания немецкой печати организованной германским правительством подготовки общественного мнения к возможному активному против нас выступлению.—Не считая возможным утверждать, что берлинский кабинет непричастен к проявляемому ныне германскими газетами недружелюбному нам направлению, я затрудняюсь однако видеть в этом прямую подготовку им вооруженного столкновения с нами. Объяснения этого следует, по моему мнению, скорее искать в наблюдаемом вообще теперь агрессивном настроении части германского общества и в частности в раздражении, вызванном в Германии крайне враждебным по отношению к ней тоном нашей печати“ (док. № 267). Немец еще не собирался нападать, а тем не менее маленькие союзники России войны ждали, и в самом близком будущем. Под № 161 мы печатаем письмо Сазонову сербского премьера Пашича, содержащее в себе первую редакцию просьбы о снабжении из русских запасов сербской армии. Самая просьба давным-давно известна и опубликована, но в печатаемом

теперь письме характерно одно место. „Сербия должна обеспечить себя до ближайшей весны строго необходимым количеством ружей и пушек“,—писал Пашич. И хотя он ссылается конкретно на агрессивные намерения Болгарии, он делает это только для того, чтобы сказать, что последняя „получает ружья и военный материал из военных складов Австро-Венгрии“. Одной Болгарии, только-что разгромленной в 1913 г., Сербия, опираясь на своих балканских союзников, Грецию и Румынию, не боялась.

Я уже упомянул, что русское правительство не спешило с удовлетворением сербского ходатайства, и удовлетворено оно было, притом частично, лишь после убийства Франца-Фердинанда. Что это объясняется не скупостью,—показывает другой любопытный документ, печатаемый нами под № 196. Это уже не письмо Пашича, а письмо к Пашичу, притом не Сазонова, а Коковцова. Последний напоминает о маленьком долге—номинально Международному банку, а фактически русскому правительству—сербского офицерского общества „Задруга“. „Задруга“ была легальной оболочкой, за которой скрывались всякие сербские офицерские организации, и не посвященному в тайны русско-сербских отношений трудно понять, почему русское правительство нашло нужным обеспечить сербским офицерам заем ни более, ни менее как в 4 миллиона (золотых) франков. Знающему же эти отношения письмо Коковцова говорит очень много.

Но прежде всего оно рисует физиономию Коковцова. Чуть не накануне того дня, когда эти сербские офицерские организации станут чрезвычайно нужны, необходимы русскому правительству, начать такой-то мелочной спор из-за каких-то 4 миллионов франков. Нужно было совершенно не понимать задач русской внешней политики в это время, чтобы совершать такие бестактности. Конечно, Коковцова нужно было снять, и он был снят именно за непонимание задач внешней политики.

Об этом мы узнаем из двух случайных, но чрезвычайно выразительных документов нашей коллекции (№№ 250 и 256). Это—два „перехвата“ (иначе „дешифранта“) двух телеграмм только-что назначенного французским послом в Петербурге Палеолога Думергу, от 13 и 14 февраля. Из „чрезвычайно доверительного“ (très confidentiel) добавления к первой телеграмме мы узнаем, что Палеолог ехал в Россию в одном вагоне с известным Орловым, одним из приближеннейших людей Николая, хорошо известным по переписке последнего с Александрой Федоровной. Орлов сообщил французскому дипломату об отставке Коковцова. „Император,—прибавил

он,—еще четыре месяца тому назад сообщил мне о своем решении. Его величество упрекает г. Коковцова в том, что он всегда подчиняет общую политику и внешнюю политику финансовым интересам". В следующей телеграмме, на другой день, Палеолог давал дальнейшие подробности, еще более любопытные. „Дело идет не только об отказе от финансовой политики г. Коковцова, прежде всего остановившей на себе внимание императора, но и о новой ориентации общей политики. Ходит в самом деле слух, что министры военный [1] и народного просвещения уйдут в ближайшее время. Положение министра иностранных дел поколеблено. Меня уверяют, что г. Горемыкин (вновь назначенный председателем совета министров. *М. П.*), разделяющий мнение вел. кн. Николая и г. Гартвига, жестоко упрекал г. Сазонова, что тот оказался слишком послушен советам..." [2].

Придворные сплетни, скажете вы. Но ссылка на Николая „Большого" и Гартвига, фактического руководителя сербской политики в это время, звучит чрезвычайно правдоподобно. Сазонов „исправился" и удержался,—Коковцов был неисправим и полетел...

Как видим, не содержа в себе первостепенных новых „разоблачений", первый уже том нашей коллекции дает большое количество весьма любопытных деталей к тому, что было уже известно ранее. В последующих томах количество нового материала значительно возрастает.

М. Покровский.

---

[1] Группа не расшифрована вполне уверенно.

[2] Дальше не расшифровано.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ [1].

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Генеральное консульство — ген. консульство.

Депеша — деп.

Доверительно — довер.

Докладная записка — докл. зап.

Константинополь — К-поль.

Лит. копия — литографская копия.

Военное министерство — воен. м-во.

Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.

Морское министерство — мор. м-во.

Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.

Министерство финансов — м-во фин.

Министр — м-р.

Посольство — пос-во

Правительство — прав-во.

Памятная записка — пам. записка.

Телеграмма — тел.

Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении 26/XI 1912 г.— 10/V 1914 г., изд. М. И. Д., Петроград, 1915 г. — Ор. кн. [1].

Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне, изд. М. И. Д., Петроград 1914 г. — Ор. кн. [2].

Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 — М.

„Красный архив", изд. Центрархива—Кр. арх.

Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre, herausgegeben von B. von Siebert, Berlin und Leipzig 1921—Siebert.

Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, herausgegeben von B. von Siebert, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert (I), (II), (III).

Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911—1914, herausgegeben von Friedrich Stieve—Stieve (IV).

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette—Gr. Pol.

British Documents on the Origins of the War, 1898—1914—B. D.

Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914 (Dipl. Akt. des Oest.-Ung. Ministeriums des Aeusseren). Wien und Leipzig 1930—Oe. U. A.

---

[1] Для I тома.

[2] Для IV и V томов.

Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914, herausgegeben im Auftrage des Auswärtigen Amtes, Berlin 1921—K. D.

Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914 (herausg. vom Staatsamt für Aeusseres in Wien) Berlin 1922—D. A.

Documents diplomatiques 1914. La guerre européenne. I. Pièces relatives aux négociations qui ont précédé les déclarations de guerre de l'Allemagne à la Russie et à la France, Paris 1914—L. J.

Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910—Juillet 1914. Paris 1923—L. N. (I), (II).

Министарство иностраних дела. Дипломатска преписка о српско-аустриjском сукобу. Ниш 1914—С. с. к.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ.

(14/1 января — 13 марта/28 февраля 1914 г.)

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
244	12.II/30.I	Депеша № 7	Кудашев — Сазонову	К. 18	309
245	12.II/30.I	Тел. № 42	Гартвиг — Сазонову	К. 204	311
246	12.II/30.I	Тел. № 45	Гартвиг — Сазонову	К. 204	312
247	12.II/30.I	Тел. № 88	Гулькевич — Сазонову	К. 204	312
248	12.II/30.I	Тел. № 6	Иванов — Клемму	П. ст. 207/н	313
249	13.II/31.I	Письмо	Бьюкенен — Сазонову	П. А. 1667	314
250	13.II/31.I	Тел. № 90 и 91	Палеолог — Думергу	К. 203	315
251	13.II/31.I	Депеша № 6	Свербеев — Сазонову	К. 67	317
252	13.II/31.I	Письмо	Свербеев — Сазонову	К. 41	318
253	13.II/31.I	Тел. № 218	Воронцов-Дашков — Сазонову	К. 226	320
254	14/1.II	Пам. записка	Англ. пос-во в СПБ — м-ру ин. дел	С. А. 1583	320
255	14/1.II	Письмо № 86	Сазонов — Коростовцу	П. ст. 534/н	321
256	14/1.II	Тел. № 94	Палеолог — Думергу	К. 203	326
257	14/1.II	Тел. № 49	Гартвиг — Сазонову	К. 205	327
258	15/2.II	Тел. № 267	Сазонов — Свербееву	К. 205	327
259	15/2.II	Тел. № 31	Савинский — Сазонову	С. А. 1795	327
260	16/3.II	Тел. № 270	Сазонов — Коростовцу	П. ст. 350/н	328
261	16/3.II	Тел. № 272	Сазонов — Гулькевичу	П. А. 1346	329
262	16/3.II	Тел. № 46	Извольский — Сазонову	К. 178	330
263	16/3.II	Тел. № 23	Свербеев — Сазонову	К. 205	330
264	16/3.II	Тел. № 98	Гулькевич — Сазонову	К. 98	331
265	16/3.II	Письмо	Гулькевич — Сазонову	П. А. 1667	331
266	17/4.II	Тел. № 278	Сазонов — Савинскому	П. А. 218	336
267	17/4.II	Письмо № 10	Сазонов — Григоровичу	К. 63	336
268	17/4.II	Письмо	Демидов — Сазонову	В. Б./Г. 95	337
269	17/4.II	Депеша № 9	Арсеньев — Сазонову	В. Б./Р. 104	342
270	17/4.II	Тел. № 10	Обнорский — Сазонову	К. 183	343
271	18/5.II	Тел. № 282	Сазонов — Траутшольду	К. 205	344
272	18/5.II	Тел. № 37	Бенкендорф — Сазонову	К. 205	345
273	18/5.II	Тел. № 39	Бенкендорф — Сазонову	К. 205	346
274	18/5.II	Тел. № 51	Извольский — Сазонову	К. 178	347
275	18/5.II	Письмо	Савинский — Трубецкому	В. Б./Б 186	348
276	18/5.II	Тел. № 103	Гулькевич — Сазонову	К. 205	348
277	19/6.II	Тел. № 286	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 2163	349
278	19/6.II	Тел. № 288	Сазонов—В. Крупенскому	К. 205	349
279	19/6.II	Тел. № 289	Сазонов—В. Крупенскому	К. ст. 657	350
280	19/6.II	Тел. № 290	Сазонов—В. Крупенскому	К. 205	351
281	19/6.II	Тел. № 291	Сазонов — Миллеру	К. 205	352
282	19/6.II	Тел. № 292	Сазонов — Коростовцу	С. А. 1819	353
283	19/6.II	Тел. № 297	Сазонов — Бенкендорфу	К. 205	354
284	19/6.II	Тел. № 298	Сазонов — Извольскому	К. 205	354
285	19/6.II	Письмо № 93	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 2163	355
286	19/6.II	Письмо № 98	Сазонов — Бенкендорфу и Извольскому	В. Б./Ч. 135	357
287	19/6.II	Письмо № 99	Сазонов — Бенкендорфу и Извольскому	П. А. 1346	358
288	19/6.II	Письмо № 100	Сазонов — Барку	П. А. 1943	359
289	19/6.II	Письмо	Сазонов — Бенкендорфу	С. А. 214	360
290	19/6.II	Тел. № 41	Бенкендорф — Сазонову	К. 205	362
291	19/6.II	Письмо	Савинский — Сазонову	К. 205	363
292	19/6.II	Депеша № 16	Гулькевич — Сазонову	П. А. 214	369
293	20/7.II	Тел. № 304	Сазонов — Извольскому	П. А. 218	371
294	20/7.II	Депеша № 12	В. Крупенский—Сазонову	К. ст. 198	371
295	21/8.II	Журнал особого совещания		С. А. 447	373
296	21/8.II	Докладн. зап.	Сазонов — Николаю II	П. А. 1679	391

14 ЯНВАРЯ—13 МАРТА 1914 г.

№ 1. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

./. Телеграмма № 3588 [1]. 14/1 января 1914 г.

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 629 [2] получена.

Согласие Италии на предоставление Лемноса Греции не предрешает еще отношения к этому вопросу самой Турции и, следовательно, Германии, тем более, что римский кабинет, конечно, заинтересован менее других в судьбе островов, защищающих проливы.

Ввиду этого прошу вас весьма доверительно словесно сообщить министру иностранных дел наш взгляд на значение Лемноса и наше желание, не принимая ни лично, ни через другую державу инициативы в этом вопросе, не противодействовать однако оста-

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 25, № 1226.

[2] Тел. № 629 заключает в себе ответ Извольского на тел. Сазонова от 2 янв. 1914 г./20 дек. 1913 г. за № 3514 и на его письмо от 8 янв. 1914 г./26 дек. 1913 г. за № 1112. Сазонов указывал Извольскому, что если бы Турция или какая-либо другая держава выступили с предложением оставить за Турцией часть Эгейских островов, оккупированных греками, под условием соответствующей компенсации Греции, он счел бы необходимым поддержать это предложение в отношении островов Лемноса и Самофракии „ввиду несомненного стратегического значения их для обеспечения свободы проливов, особенно Лемноса". При этом однако Сазонов не считал возможным брать на себя инициативу пересмотра вопроса об островах, „предоставляя" ее „другим державам". Эта тел. Сазонова, равно как и его письмо, явилась следствием письма морского м-ра (от 18/5 дек. 1913 г. за № 4714), где указывалось, что, с точки зрения стратегической, необходимо оставить в руках Турции острова, „запирающие Дарданелльский пролив". Тел. от 12 янв. 1914 г./30 дек. 1913 г. за № 629 Извольский ответил, что, по словам Венизелоса, только-что прибывшего в Париж из Рима, „итальянское правительство готово согласиться на оставление за Грецией не только Хиоса и Митилены, но и Лемноса и Самофракии". Извольский полагал, что „вряд ли какая-либо из держав примет инициативу возбуждения такого разрешения вопроса, которое отвечало бы нашим стратегическим интересам". „Поэтому,—замечал он,—если вы имеете в виду настаивать на подобном разрешении, необходимо во избежание недоразумений с Францией... ныне же вполне определенно объясниться об этом с парижским кабинетом".

влению за Турцией Лемноса[1], если бы Турция на этом настаивала, за счет[2] соответствующей компенсации Греции.

Обратите внимание министра на крайнюю желательность избегнуть нескромности печати.

Сазонов.

Напрасно!

Царское Село, [17] 4 января 1914 г.

№ 2. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо[3]. 14/1 января 1914 г.

Телеграмма от [5 января] 23 мин. декабря за № 840[4] я имел честь передать вашему высокопревосходительству слова сэра В. Тирреля, лично которому было поручено объясниться с агентами Армстронга по вопросу о продаже ими линейного корабля „Рио-де-Жанейро“ Турции.

Ныне по получении письма вашего от [8 января] 26 декабря за № 1113[5] я вновь затронул вопрос с сэром А. Никольсоном, повторившим мне, что корабль достался в руки турок лишь благодаря требованию бразильского правительства об уплате ему немедленно наличными деньгами,—условие, которое оказалось в состоянии своевременно выполнить здешнее турецкое посольство благодаря сделке с банком Перье.

Ни греческое правительство, ни, впрочем, и итальянское, имевшие со своей стороны намерение приобрести „Рио-де-Жанейро“, не могли во-время уплатить требуемые приблизительно 1 500 тыс. ф. ст.

Сэр А. Никольсон также подтвердил мне слова Тирреля, что о продаже туркам чилийского дредноута нет речи, но он сомневается, чтобы оказалось возможным задержать приобретенные Турцией суда на английских заводах до осени 1915 г. Туркам известно, что постройка „Рио-де-Жанейро“ постепенно приближается к концу, и администрация Армстронга рассчитывает затянуть работы лишь до конца июля 1914 года, после чего пройдет еще некоторое время до доставления его в турецкие воды.

---

[1] Далее зачеркнуто: „и, быть может, Самофракии“.

[2] Далее зачеркнуто: „однако“.

[3] Лит. копия.

[4] Тел. от 5 янв. 1914 г. / 23 дек. 1913 г. за № 840 Эттер со слов Тирреля сообщал, что „Рио-де-Жанейро“ будет готов для посылки в Турцию не ранее осени 1914 г. Опубл. Siebert, III, S. 241, № 1025.

[5] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Позволяю себе прибавить, что английское адмиралтейство высказывает убеждение, что турецкие моряки очень нескоро научатся упарвлять и пользоваться таким сложным по своему механизму кораблем новейшего типа, каковым является „Рио".

В случае столкновения между Турцией и какой-либо державой корабль, разумеется, как сказал мне сэр А. Никольсон, во всяком случае будет задержан в Англии.

С глубоким почтением и пр.

Эттер.

№ 3. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо[1]. 14/1 января 1914 г.

Я счел долгом телеграммою от [7 января] 25 декабря № 847[2] вкратце ознакомить ваше высокопревосходительство со словами сэра Э. Грея, пригласившего меня к себе в этот день.

Он только-что ознакомился с телеграммою сэра Дж. Бьюкенена, передавшего ему соображения, побудившие вас предвидеть необходимость нового решительного выступления в Берлине до принятия более существенных мер воздействия против Турции.

Отдавая себе ясный отчет о всем значении предлагаемых вами шагов и мер давления и о возможных их последствиях, статс-секретарь сказал мне, что он намерен воспользоваться недельным сроком, чтобы самыми серьезными увещаниями склонить германское правительство к удовлетворению наших справедливых требований.

Мне известно, что у него в тот же день было продолжительное объяснение с князем Лихновским, и что сэру Эд. Гошену было вновь предложено продолжать свои настояния в Берлине. Сэр Э. Грей ни словом не обмолвился о дальнейшем образе действий Англии в случае осложнений, и он настаивал лишь на дипломатической поддержке, которую он готов и намерен оказать нам в настоящее время. Он высказал сомнение в готовности или, скорее, возможности для Франции применить по отношению к Турции действительное финансовое давление и обошел молчанием вопрос о возможном занятии нами турецких портов.

Нет сомнения, что здесь никогда не теряли надежды, что соглашение между нами и Германией будет достигнуто; с другой

[1] Лит. копия.
[2] Опубл. Siebert, S. 669.

стороны, нет также сомнения, что ни сэр Э. Грей, ни особенно г. Асквит, не желали бы, чтобы Англия, особенно в настоящее время, была вовлечена в активные действия. Помимо иных поводов и соображений, они в данную минуту имеют в виду затруднительное внутреннее положение страны и быстро приближающийся острый момент ирландского кризиса.

От сэра А. Никольсона я узнал, что вы вместе с гр. Пурталесом изволили изыскать приемлемую формулу для помещения в печати. Заметив мне одновременно, что, судя по известиям, полученным от посла в Константинополе, переговоры наши с Германией приняли более благоприятный оборот, помощник ст.-секретаря прибавил, что главное при настоящем положении вещей заключается в необходимости „sauver la face“[1], чего, повидимому, мы в самом непродолжительном времени добьемся. Он повторил мне мнение, выраженное сэром Э. Греем, что с формальной точки зрения выступление в Константинополе казалось бы ему менее обоснованным с тех пор, что стало известным, что власть германских офицеров не распространяется на проливы, которые, не в пример остальным частям Оттоманской империи, имеют официально признанное международное значение.

Граф Бенкендорф возвращается в Лондон через несколько дней, и я поэтому воздержусь от подробного обсуждения возможного, при известном обороте событий, образа действий великобританского правительства.

Примите и пр.

Эттер.

№ 4. Военный агент в Англии генерал-квартирмейстеру генерального штаба ген. Данилову.

Рапорт № 4. 14/1 января 1914 г.

Доношу, что на-днях меня посетил военный корреспондент газеты „Таймс“, полковник Репингтон, и сообщил следующее:

Английское общественное мнение, до сих пор, по непониманию, относившееся довольно равнодушно к вопросу о германской военной миссии в Константинополе, теперь начинает сознавать те многие невыгоды и опасности, кои связаны с этой миссией, не только для России, но и для Великобритании. Ближайшая опасность для Англии заключается в том, что так как Англия получает значи-

---

[1] „Спасти лицо“.

тельную долю своего продовольственного ввоза из южной России через проливы, то утверждение германского влияния на Босфоре приведет, в конце концов, как бы к тому, что, как выразился Репингтон, „германский генерал будет как бы держать в своих руках продовольствие Англии и в случае войны Англии с Германией будет иметь возможность угрожать Англии остановкой ее продовольственного ввоза, т. е. просто голодом“.

Помимо вышеизложенной, крайне для Англии серьезной, опасности, отмечается еще и та, что германское влияние на Босфоре приведет к усилению Германии в Малой Азии и к давлению Германии на английские сообщения с Индией. По вопросу о принятии турецкого флота в руки английских морских офицеров полковник Репингтон сказал мне, что газета „Таймс“ не вполне этой идее сочувствует, так как она усложняет все дело, но что во всяком случае, если германская миссия останется в Константинополе, то лучше, чтобы турецкий флот был бы в руках Англии, так как иначе Германия заберет в свои руки и его.

Относительно купленного Турцией дредноута „Рио-де-Жанейро“ Репингтон сказал мне, что, по его сведениям, дредноут будет совершенно готов и вооружен к сдаче в мае сего года; подготовка же и обучение турецкой для него команды потребует не менее шести месяцев, так что дредноут может начать кампанию в октябре 1914 года.

Репингтон прибавил, что в редакции „Таймс“ существует убеждение, что Германия подкупила Энвера.

Генерал-лейтенант Ермолов.

№ 5. Посол в Берлине министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 1[1]. 14/1 января 1914 г.

Вчера во время приема Ягов сказал мне строго конфиденциально, что дело Сандерса будет улажено в очень скором времени и что, не будь у него боязни преждевременных разоблачений в прессе, он бы мог, быть может, даже более точно определить срок.

Свербеев.

Нам лучше спокойно подождать.

Царское Село, [15] 2 января 1914 г.

[1] Царск. экз.

№ 6. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 2. 14/1 января 1914 г.

Получил № 1114 [1].

По поводу допущения делегата нашего в кассу Ягов сказал мне, что по изучении вопроса он сообщит мне на-днях же ответ берлинского кабинета, со стороны которого, вероятно, не встречается препятствий к удовлетворению нашего желания. В разговорах он тем не менее намекнул, что германскому правительству придется, может быть, усилить свое представительство в этом учреждении, так как с появлением нашего делегата, по его словам, усилится влияние голосов держав Тройственного согласия. Он упомянул также об отсутствии у нас держателей турецких ценностей, я же с своей стороны привел ему соответствующие возражения.

Сербеев.

№ 7. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Письмо [2]. 14/1 января 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Письмо это я поручаю возвращающемуся в Петербург епископу Анастасию. Сегодня [14] 1-е января, и потому я прежде всего спешу поздравить вас с новым годом и пожелать вам от души здоровья и сил в вашей тяжелой, многосложной работе. Бог даст, наступивший год принесет с собою повсюду желаемое успокоение: уж слишком много было треволнений общеполитического характера за истекшее совершенно исключительное время. За сербов я почти ручаюсь, что они не создадут осложнений; будут, конечно, следовать нашим указаниям, но все зависит от того, как станут

---

[1] Письмом от 9 янв. 1914 г./27 дек. 1913 г. за № 1114 Сазонов предлагал росс. представителям в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме довести до сведения соответствующих прав-в, что росс. прав-во обусловливает свое согласие на 4%-е увеличение турецких таможенных пошлин благоприятным для него разрешением вопроса об участии его представителя в Совете оттоманского долга. Он указывал также на „отсутствие у нас в противном случае оснований для защиты интересов Оттоманского публичного долга при возобновлении работ финансовой комиссии в Париже“.

[2] В делах б. м-ва ин. дел сохранилась только публикуемая здесь часть собственноручного письма Гартвига.

себя вести австрийцы в переговорах о Восточной железной дороге[1].

Из посылаемой с сегодняшним курьером депеши моей № 66[2] видно, что они все-таки собираются придушить сербов, которые все надежды возлагают на поддержку России и Франции. Последняя имеет в своих руках сильное оружие—деньги, а в Вене, повидимому, рассчитывают добиться в конце концов заключения займа в Париже. В других вопросах, мне кажется, нельзя ожидать затруднений. В албанском деле сербы очень осторожны и совсем подчиняются вашим советам и указаниям.

Теперь позволю себе отнять у вас еще немного времени по следующему поводу:

За все последнее время престолонаследник королевич Александр неоднократно в беседах со мною выражал горячее желание побывать в Петербурге, чтобы иметь счастье представиться государю императору. Он так прекрасно вел себя за весь тяжелый период, проявил столько самообладания, личной храбрости и самоотвержения во время обеих кампаний, что положительно завоевал себе симпатии и уважение не только всех сербов, но и союзников. Его образ действий сильно укрепил династию; семейные недоразумения стихли окончательно, и королевич Александр является единственным законным наследником...

№ 8. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 2[3]. 14/1 января 1914 г.

Телеграмму № 3582[4] получил. Прошу срочных указаний.

Предоставление генералу Сандерсу фактического командования строевою частью, в округ которой входила бы также и столица

---

[1] Имеются в виду переговоры об интернационализации жел.-дор. линий, принадлежавших об-ву Вост. жел. дорог, на территориях, отошедших от Турции после балканской войны к Сербии и Греции.

[2] При депеше от 13 янв. 1914 г./31 дек. 1913 г. за № 66 Гартвиг переслал экземпляр проекта австро-сербской жел.-дор. конвенции. „Самого поверхностного взгляда на этот документ достаточно,—писал Гартвиг в своей депеше,—чтобы не оставалось сомнений в затаенных стремлениях австро-венгерской монархии всецело подчинить Сербию своему экономическому гнету". „Передавая мне вышеизложенный документ, Пашич сказал, что сербское правительство ни в коем случае не согласится на принятие требований Австрии".

[3] Опубл. М., стр. 688.

[4] Телеграммой от 13 янв. 1914 г./31 дек. 1913 г. за № 3582 Сазонов просил Гирса сообщить, следует ли понимать его взгляд на дело Сандерса в том смысле, что предоставление Сандерсу должности инспектора всей турецкой армии допустимо, назначение же его инспектором первого территориального округа неприемлемо для росс. правительства. (Опубл. М., стр. 688.)

Оттоманской империи, что связано со званием инспектора первого округа, считаю для нас недопустимым. Напротив того, считаю приемлемым[1] комбинацию, которой на него возлагаются обязанности инспектора армии,—обязанности, вытекающие из его положения начальника германской военной миссии.

Гирс.

№ 9. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову, военному министру Сухомлинову, морскому министру Григоровичу и начальнику генерального штаба Жилинскому.

Письмо № 2. 15/2 января 1914 г.

Срочно. Весьма секретно.

М. г.,

В дополнение к обмену мнений, имевшему место на последнем совещании[2], считаю долгом препроводить у сего в-му в-ву копии двух секретных телеграмм имп. посла в Конс[тантино]п[о]ле от [11 и 13 января] 29 и 31 мин. декабря за №№ 1134[3] и 1142[4], а

---

[1] Так в подлиннике.

[2] См. „Журнал особого совещания" от 13 янв. 1914 г. / 31 дек. 1913 г.; опубл. в „Вестнике НКИД" 1919 г., № 1.

[3] В тел. от 11 янв. 1914 г./29 дек. 1913 г. за № 1134 Гирс передавал сообщение Адамова о тревожном положении в Эрзеруме (см. стр. 26, прим. 2).

[4] Тел. Гирса от 13 янв. 1914 г./31 дек. 1913 г. за № 1142 гласила: „Получил письмо № 1103. Прошу срочных распоряжений. Лично. Весьма доверительно. По вопросу, подлежащему обсуждению особого совещания, позволяю себе высказать нижеследующее. Политическая атмосфера настолько наэлектризована, что, несомненно, нам нужно быть готовыми ко всяким случайностям, дабы не обнаруживать в критический момент признаков нерешимости, могущей придать смелость нашим соперникам и усилить недоверие к нам наших союзников. В такой момент сильное выступление необходимо и может избавить нас от более крупных осложнений. Но едва ли вопрос о командовании германским генералом константинопольским корпусом, несмотря на свою серьезность, может сам по себе служить оправданием к возможному вызову нами крупных потрясений. В интересах Турции и Германии ликвидировать его к нашему удовлетворению в более или менее близкий срок, при настойчивом однако и спокойном с нашей стороны напоминании. Всякое наше слишком поспешное и сильное выступление может лишь осложнить вопрос, переведя его на почву защиты не исключительно интересов, а самолюбия. Вопрос этот мог бы лишь служить предлогом к выступлению, если таковое признается нами своевременным по общим политическим соображениям, но тогда оно не ограничится занятием Трапезунда или Баязета, а, несомненно, приведет к войне. При всем том, безусловно, нам следует, не теряя времени, усиленно увеличивать нашу боевую готовность, так как события на Ближнем Востоке во всякое время могут принять такой оборот, при котором мы вынуждены будем энергично выступить в защиту наших и достоинства и интересов. Как на один из вопросов, могущих вызвать решительное наше высту-

равно и с моих телеграмм на имя наших послов в Конс[тантино]п[о]ле, Париже, Лондоне и Берлине за №№ 3580 и 3581 [1] по поводу тревожных известий, получаемых из армянских вилайетов.

С своей стороны не могу не поддержать мнения имп. посла в Конс[тантино]п[о]ле, высказанного в телеграмме за № 1142, о желательности быть своевременно готовыми на случай наступления событий, которые могут потребовать нашего вмешательства и привести к гораздо более серьезным осложнениям, еслиб мы лишены были возможности принять быстрые и решительные меры.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь пок. просить вас не отказать сообщить ваше заключение [2] по указанному вопросу, с каковою просьбою я одновременно с сим обращаюсь ко всем участникам совещания [13 января] 31 мин. декабря.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 10. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Письмо № 3 [3] — 15/2 января 1914 г.

Доверительно.

М. г. Александр Яковлевич,

В дополнение к телеграмме от сего числа № 9 [4] им. ч. препроводить при сем вашему прев-ву выработанный в министерстве

пление, укажу на армянский в случае массовой резни армян. Тогда быстрым и энергичным действием мы, может быть, сможем предотвратить более крупные европейские осложнения. Но к такому действию нужно быть своевременно готовыми, не теряя из виду, что силы Турции быстро растут, что по окончании вопроса об островах она поспешит вернуть в восточную Анатолию задержанные на западном театре анатолийские дивизии, и, что в особенности для нас чувствительно, к средине года ее черноморский флот будет сильнее нашего и даст ей преимущество в быстроте передвижения войск и в деле защиты берегов".

[1] В тел. от 13 янв. 1914 г./31 дек. 1913 г. за № 3581 Сазонов просил Гирса „сделать Порте самое решительное внушение о тех последствиях, которые могло бы повлечь за собою непринятие своевременно мер для предотвращения беспорядков в армянских вилайетах". (Опубл. Ор. кн., стр. 139, № 123.) Тел. от того же числа за № 3580 Сазонов поручал росс. представителям в Лондоне, Париже и Берлине сообщить полученные от Адамова сведения (см. стр. 26, прим. 2) англ., франц. и герм. правительствам и просить их „сделать энергичное представление Порте" в смысле тел. № 3581. (Опубл. Ор. кн., стр. 140, № 124.)

[2] См. № 84 и прим.

[3] Черновик письма и прилагаемого проекта соглашения написан рукою Козакова.

[4] В тел. от 15/2 янв. 1914 г. за № 9 Сазонов одобрял предложение Миллера заключить жел.-дор. соглашение с монгольским прав-вом и знакомил его с глав-

иностр. дел проект железнодорожного соглашения с монгольским правительством. Как вы усмотрите, наш проект несколько разнится от приложенного к вашей депеше от [26] 13 мин. декабря, № 363 [1]. Нам казалось предпочтительным не говорить в проектируемом соглашении об исключительных правах России на жел.-дорожное строительство в Монголии, но фактически закрепить за нами это право, как вытекающее из естественного географического и торгового тяготения автономной Монголии к нашим сибирским владениям и к обслуживающей их нашей рельсовой сети. Такая постановка вопроса представляет в наших глазах, между прочим, и ту выгоду, что при ней действие железнодорожного соглашения с Монголией не ограничивается 50-летним сроком, но становится бессрочным. Подробные соображения, руководившие нами при составлении препровождаемого вам проекта, изложены в прилагаемом при сем в копии письме моем министру финансов от [2 января 1914 г.] 20 мин. декабря № 967.

Что касается прав на судоходство по рекам и озерам Монголии, то, избегая упоминания об исключительных правах России в этой области, которое могло бы подать повод к нежелательным объяснениям с иностранными правительствами, мы предпочли не касаться этого вопроса в настоящем соглашении, удовольствовавшись тем, что выговорено нами по 12-й статье ургинского протокола [3 ноября] 21 октября 1912 г. [2].

ными основаниями выработанного министерством ин. дел проекта соглашения, поручая приступить к предварительным переговорам о соглашении. В ответной тел. от 28/15 янв. 1914 г. за № 8 Миллер сообщал, что монг. м-р ин. дел, так же как и другие министры, отнесся к проекту заключения жел.-дор. соглашения сочувственно и предложил заключить его до начала тройных переговоров, опасаясь возбуждения китайцами вопроса о жел. дорогах во время переговоров.

[1] В депеше от 26/13 дек. 1913 г. за № 363 Миллер высказывал мнение, что наиболее отвечающей русским интересам в Монголии в ближайшее время была бы жел.-дор. линия от ст. Култук Кругобайкальской ж. д., через Тунку и Монды, на Улясутай. Приложенный к депеше проект соглашения содержал условия, несколько отличающиеся от условий, намеченных в прилагаемом проекте.

[2] Русско-монгольское соглашение, заключенное в Урге 3 ноября/21 окт. 1912 г. и протокол к нему от того же числа опубликованы в „Собрании узаконений и распоряжений правительства“ от 1 янв. 1913 г./19 дек. 1912 г. № 255. Статьей 12-й ургинского протокола русским подданным предоставлялось „право плавать на своих торговых судах и торговать с прибрежным населением по рекам, текущим сперва по Монголии и затем по русской территории, и по притокам этих рек“. При этом на росс. правительство возлагалось оказание помощи монгольскому прав-ву в деле „улучшения судоходства по этим рекам, установки нужных знаков и т. п.“; монгольское же прав-во обязывалось отвести на этих реках места, нужные для причала судов, для устройства пристаней и товарных складов и т. п.

Я надеюсь на искусство ваше и влияние, которое вы приобрели в Монголии, чтобы провести наш проект железнодорожного соглашения, который по существу своему, повидимому, должен быть вполне приемлемым для монгольского правительства. Но если бы вы встретили в этом деле какие-либо затруднения, то дополнительные разъяснения и указания, в которых вы можете встретить надобность, будут вам даны по телеграфу.

Примите и пр.

[Сазонов.]

Приложение I.

Проект железнодорожного соглашения с Монголией[1].

Сознавая необходимость, с развитием торговых сношений Монголии, обеспечить ее связь с ближайшею рельсовой сетью, каковою является Сибирская жел. дорога, путем постройки соответствующих железных дорог, имп. российское правительство и монгольское правительство согласились между собою о нижеследующем:

I.

Имп. российское правительство и монгольское правительство совместно обсудят наиболее выгодные направления железных дорог, которые должны обслуживать Монголию, а равно порядок, в котором будет приступлено к сооружению названных жел. дорог.

II.

По совместном между обоими правительствами выяснении необходимости постройки каждой такой жел. дороги имп. российское правительство окажет монгольскому правительству свое содействие к ее осуществлению, путем ли ее постройки на государственные средства имп. российского и монгольского правительств, или путем[2] ее постройки на частные капиталы.

III.

Подробности постройки и эксплоатации каждой такой железнодорожной линии будут своевременно обсуждены и установлены

[1] Соглашение было подписано 30/17 сентября 1914 г. в Кяхте. Окончательный текст его опубликован в „Собрании узаконений и распоряжений правительства" от 11 ноября/28 октября 1914 г. № 294 („Известия министерства иностранных дел", 1915 года, кн. 1).

[2] Далее зачеркнуто: „образования соответствующего частного акцио..."

обоими договаривающимися правительствами. Равным образом оба правительства договорятся между собою относительно условий соединения с российской железнодорожною сетью имеющих быть построенными в Монголии железных дорог.

IV.

Само собою разумеется, что монгольское правительство не приступит к постройке на собственные средства железных дорог на своей территории и не выдаст частным лицам концессий на постройку таковых, не обсудив предварительно с имп. российским правительством вопроса о том, не явятся ли они конкурирующими с теми линиями, которые будут построены или проектированы в Монголии на государственные средства имп. российского и монгольского правительств или на средства частных лиц, рекомендованных монгольскому правительству имп. российским правительством.

Приложение II.

Письмо министра иностранных дел министру финансов Коковцову от 2 января 1914 г./20 декабря 1913 г. № 967.

Секретно. Спешно.

М. г. Владимир Николаевич,

Из прилагаемых при сем в копиях секретных телеграмм иркутского генерал-губернатора от [25] 12 с. декабря № 71 [1] и дипломатического агента в Монголии от [21] 8 сего декабря № 358 [2] ваше высокопрев-во изволите усмотреть, что оба они возбудили вопрос о желательности для нас заручиться исключительным правом постройки железных дорог в Монголии. На мой запрос о соображениях, которыми он руководился, возбуждая настоящий вопрос [3], д. с. с. Миллер ответил прилагаемою при сем телеграммой от

---

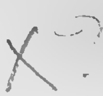
[1] В тел. от 25/12 дек. 1913 г. за № 71 иркутский генерал-губернатор Князев указывал на необходимость „ныне же обеспечить за нами преимущественное право постройки железной дороги в Монголии, ибо в ином случае продолжение линии Кяхта—Урга за счет иностранных капиталов на соединение с Калганом вновь отдаст все дело и экономическое влияние в руки Китая и подорвет работу и значение Амурской и Восточно-Китайской железных дорог“.

[2] Тел. Миллера от 21/8 дек. 1913 г. за № 358 хранится в Арх. Вн. Пол. в деле В. Д. № 688.

[3] Тел. Сазонова от 23/10 дек. 1913 г. за № 3452.

[25] 12 сего декабря № 362 [1], в которой объяснил, что проектируемое им железнодорожное соглашение с монгольским правительством имело бы в его глазах целью предупредить постройку в Монголии невыгодных для нас железных дорог транзитного характера и предупредить постройку в ближайшем времени линии Кяхта—Урга, которая сама по себе не обещает быть доходною, вследствие чего лица, которые получили бы концессию на эту линию, естественно, стремились бы продолжить ее через Монголию на Калган.

С своей стороны я нахожу основательными соображения, которыми руководятся егермейстер Князев и д. с. с. Миллер. По моему мнению, наши интересы требуют, чтобы будущие железные дороги Монголии связали эту страну с нашей Сибирской ж. д., дабы служить питательными ветвями для последней и путями проникновения в Монголию русского влияния. Время для такого жел.-дорожного строительства, повидимому, еще не настало: иностранная торговля Монголии едва ли обещает железным дорогам в этой стране достаточное количество грузов, если только они не будут соединены с китайской сетью, чего мы не можем желать, ибо в таком случае они служили бы путями проникновения китайской и иностранной торговли, и транзит по ним подрывал бы доходность Кит.-Вост. и Забайкальской жел. дорог. В наших отношениях с японским, французским и английским правительствами наше преимущественное положение во Внешней Монголии достаточно признано, чтобы мы могли не опасаться поддержки названными правит-вами предпринимателей, добивающихся концессий на жел. дороги, которые служили бы продолжением в Монголии рельсовой сети Китая. Того же нельзя однако сказать о германском и американском правительствах. Возможны, наконец, попытки отдельных иностранцев заручиться невыгодными и вообще нежелательными для нас жел.-дорожными концессиями в Монголии.



Исходя из вышеизложенных соображений, я прихожу к мысли, что наше жел.-дорожное соглашение с монгольским правительством должно установить, как принцип, что жел.-дорожное строительство в Монголии будет иметь целью связать эту страну с русскою рельсовою сетью, и что поэтому оно будет общим делом российского и монгольского правительства. При таком условии мы предупредим возникновение в Монголии жел.-дорожных предприятий, устанавли-

[1] Тел. Миллера от 25/12 дек. 1913 г. за № 362 хранится в Арх. Вн. Пол. в деле В. Д. № 688.

вающих связь этой страны с Китаем, и получим возможность влиять на монгольское правительство, дабы постройка жел. дорог на его территории началась лишь тогда, когда мы признаем время для этого наступившим. Такого рода соглашение будет, вероятно, вполне приемлемо для монгольского правительства и едва ли рискует вызвать протесты держав, ибо оно будет исходить из мысли о естественном по географическим условиям тяготении Внешней Монголии к нашим сибирским владениям.

Препровождая при сем проект железнодорожного соглашения с монгольским правительством, в основу которого положены вышеизложенные начала, имею честь покорнейше просить ваше высокопрев-во не отказать в скорейшем по возможности времени сообщить мне ваш взгляд как на существо сказанных начал, так и на редакцию моего проекта [1], дабы я мог снабдить соответствующими указаниями дипломатического агента в Монголии для переговоров с монгольским правительством по настоящему вопросу.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 11. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 1 [2]. 15/2 января 1914 г.

Ваша телеграмма № 3588 [3] получена.

Сообщил весьма доверительно и словесно ее содержание Думергу, который сказал мне, что он только-что получил из Лондона известие, что Германия, Австрия и Италия выразили согласие на присоединение Лемноса к Греции. Имея в виду, что Россия и Франция еще ранее приняли предложение Грея в этом смысле [4], он не видит способа перерешить этот вопрос [5] и со своей стороны

---

[1] В ответном письме от 13 янв. 1914 г./31 дек. 1913 г. за № 8156 Коковцов сообщал о своем согласии с высказанными Сазоновым взглядами и с редакцией проекта.

[2] Царск. экз.

[3] См. № 1.

[4] Предложение Грея державам (излож. в памятной зап. английского посольства в Петербурге от 12 дек./29 ноября 1913 г.) намечало следующее решение вопроса об Эгейских о-вах: все о-ва, оккупированные греками, кроме Имброса и Тенедоса, остаются за Грецией; о-ва, оккупированные Италией (со времени итало-турецкой войны), возвращаются Турции, под условием предоставления им автономии. Пам. записка английского посольства в Берлине, содержащая означенное предложение Грея, опубл. в Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14230, Anlage.

[5] Слова „способа... вопрос“ в подлиннике подчеркнуты синим карандашом.

Н... Народов СССР.

опасался бы высказаться в пользу Турции, ибо это ставило бы Францию в очень неловкое положение по отношению к Греции.

Извольский.

Это очень неудобно.

Царское Село, [17] 4 января 1914 г.

№ 12. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 15/2 января 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Спешу выразить вам искреннейшую мою признательность за сообщение мне для личного моего сведения копии всеподданнейшей записки вашей от [5 января] 23 декабря [2] и положений, подлежащих суждению особого совещания по вопросу о полномочиях генерала Лимана в Константинополе. Со своей стороны я уже доставил вам по возможности точные сведения об отношении французского правительства к этому вопросу; из моих писем и телеграмм [3] вы могли заключить, что хотя столь неожиданно очутившийся у власти радикальный кабинет г. Думерга, опирающийся на крайние фракции, со включением г. Жореса и объединенных социалистов, по природе своей склонен к пацифизму и опасается всяких внешних осложнений, до сих пор мы не можем упрекнуть его в неоказании нам достаточной поддержки. Оба наши предложения о совместных шагах в Константинополе были приняты здесь тотчас же и без всяких возражений; что касается затем предложения о выступлении держав Тройственного согласия в Берлине, то ответ г. Думерга на первый взгляд мог показаться несколько уклончивым [4]. Как г. Думерг, так и президент республики—оба указали мне на опасную сторону подобного выступления и высказали, что раз, как это известно им от г. Делькассе [5], мы продолжаем дружеские разговоры с берлинским кабинетом, желательно, прежде всего, выждать результата этих разговоров. Но в то же время как на Quai d'Orsay, так и в Елисейском дворце мне было заявлено, что в памятной записке г. Думерга вполне ясно и определенно

[1] Опубл. М., стр. 478.

[2] Опубл. „Константинополь и проливы", т. I, стр. 62—64.

[3] Эти письма и тел. Извольского частично опубл. М., стр. 462—477.

[4] См. тел. Извольского от 30/17 дек. 1913 г. за №№ 607—608. (М., стр. 675—676) и № 617 от 5 янв. 1914 г./23 дек. 1913 г. (там же, стр. 686).

[5] В L. N. (II, p. 230): „... par M. Poincaré".

выражена воля французского правительства действовать с нами заодно в настоящем деле. Записка эта, прилагаемая при сем для бо̀льшей наглядности в копии[1], была редактирована г. Палеологом, только-что назначенным французским послом в Петербурге; он объяснил мне, что каждое выражение этой записки было тщательно взвешено и что французское правительство вполне отдает себе отчет в том, что, при дальнейшем развитии настоящего инцидента, может быть поставлен вопрос о применении союза. Точно так же выразился в разговоре со мной и г. Пуанкаре, который несколько раз повторил мне: „Il est bien entendu que nous vous soutiendrons“ [2].

Выражая таким образом спокойную решимость не уклоняться при настоящих обстоятельствах от обязанностей, налагаемых на Францию союзом, гг. Пуанкаре и Думерг вместе с тем особенно настаивают на необходимости заранее обсудить все могущие возникнуть случайности и меры, которые мы сочтем нужным предложить в случае неуспеха дипломатических выступлений в Берлине и Константинополе. Не имея основания сомневаться в искренности нынешних заявлений французского правительства, я, конечно, не могу поручиться, что при переходе от слов к делу мы встретим с его стороны безусловную готовность присоединиться ко всем нашим предложениям. Первая из намеченных вами мер принуждения—последовательно проводимый финансовый бойкот,—как видно из предыдущего опыта, на практике весьма трудно осуществима; мы, конечно, можем рассчитывать на то, что до получения нами полного удовлетворения от Турции французское правительство не разрешит котировки официального турецкого займа, но помешать сделкам в роде недавней операции банка Перье вряд ли фактически возможно; г. Кайо проявил по отношению к этой операции большую энергию и достиг того, что сказанный банк отказался от реализации второй части опциона, но это нисколько не воспрепятствовало заграничным его соучастникам довести дело до конца.

Вторая, намеченная вами мера—отозвание из Константинополя представителей России, Франции и Англии—вряд ли покажется здесь желательною и удобоисполнимою; нам, вероятно, возразят, что подобным образом действия мы предоставим лишь более простора враждебной деятельности представителей держав Тройственного союза.

---

[1] Опубл. М., стр. 480—481.

[2] „Разумеется, мы вас поддержим“.

Наконец, судя по прошлым разговорам моим с французскими министрами, третья предположенная вами мера—занятие нами Трапезунда или Баязета, а французами и англичанами—Смирны и Бейрута—вызовет здесь особенные опасения и возражения. Французское правительство убеждено в том, что всякое активное выступление в пределах именно Малой Азии неминуемо вызовет активное вмешательство Германии и поведет к немедленному разделу Азиатской Турции, со всеми сопряженными с этим опасностями. Кроме того, необходимо иметь в виду, что если бы Франция и решилась на подобное выступление, она ни в каком случае не согласилась бы добровольно предоставить Англии занятие ни Бейрута, ни даже Смирны, где, по ее понятию, должны преобладать французские интересы. По этому поводу считаю долгом напомнить вам о мнении, высказанном мне Палеологом как бы от лица Бомпара,—что мы могли бы послать броненосец из Черного моря в Босфор; это, мне кажется, лишний раз доказывает, что здесь считают более целесообразными и менее опасными действия, которые имели бы объектом не азиатские, а европейские владения Турции.

Высказывая вышеизложенные соображения, спешу оговориться, что они имеют чисто гадательный характер и основаны лишь на общем знакомстве моем с господствующими здесь взглядами. К более точному выяснению возможного отношения французского правительства к тем или иным нашим предположениям я, очевидно, не могу приступить до получения определенного на то разрешения.

Примите и пр.

Извольский.

№ 13. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 15/2 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Выбор г. Палеолога на пост французского посла в С.-Петербурге произошел самым для меня неожиданным образом; до того об этой кандидатуре вовсе не было речи; сам г. Палеолог не скрывал своего страстного желания быть назначенным послом в Риме и несколько раз говорил мне о различных кандидатах для Петербурга, в том числе о гг. де Маржери и Жюссеране, но ни разу не намекал на возможность собственного своего назначения. По имеющимся у меня сведениям, петербургский пост был сначала предложен г. де Маржери, в пользу коего вы высказывались во время вашего последнего пребывания в Париже, и лишь после

его отказа, мотивированного семейными соображениями, неожиданно была выставлена кандидатура Палеолога, по личной инициативе президента республики, с которым он находится в тесных дружеских отношениях со школьной скамьи.

Зная, что вы составили себе не очень лестное мнение о г. Палеологе [1], я немного опасался, если и не прямого отказа принять его, то, по крайней мере, некоторого колебания или уклончивости, что произвело бы здесь весьма тяжелое впечатление и создало бы для нас крайне неблагоприятную атмосферу на Quai d'Orsay и даже в Елисейском дворце. Кроме того, мне казалось, что назначение г. Палеолога устраняло некоторые другие, гораздо более нежелательные кандидатуры, о которых я писал вам и число которых за последние дни обогатилось еще некоторыми именами парламентариев из друзей г. Клемансо. Весьма вероятно, что именно это последнее обстоятельство и опасение давления со стороны „Тигра“ (как называют г. Клемансо) и побудило г. Пуанкаре указать на г. Палеолога, имевшего, по установившимся здесь правилам, наибольшее право на первый вакантный посольский пост,

Не отрицая некоторых несимпатичных черт в характере г. Палеолога—фразерства, фантазерства и изворотливости,—я все-таки должен признать за ним весьма недюжинный ум, знание дел и светский лоск. Я имею основание думать, что лично он не особенно стремился в Петербург, ибо понимал, что после серии неудачных предшественников, в роде Бомпара и Луи, и тотчас вслед за такою крупною политическою личностью, как Делькассе, пост этот является особенно трудным и опасным. Поэтому можно быть уверенным, что он приложит все свои усилия и все свои несомненные способности к тому, чтобы сделаться у нас „persona grata“ как в деловом, так и в общественном отношении. Будучи карьерным дипломатом, обладая личным достатком и имея связи среди посещающего Париж высшего русского общества, он, конечно, постарается возвратить французскому посольству в Петербурге утраченный им за последние годы внешний блеск. Что касается его политических убеждений, то за два года почти ежедневных сно-

[1] В докладной записке Николаю II от 9 янв. 1914 г. / 27 дек. 1913 г., посвященной вопросу о предстоящем уходе Делькассе и назначении в Петербург Палеолога, Сазонов, отмечая „редкие качества“ Делькассе, „которые ему присущи и делают из него выдающегося дипломата“, писал: „Что касается намечаемого его преемника, то, хотя он далеко не обладает теми же качествами, однако ввиду связей его с президентом республики едва ли желательно нам встретить его назначение недружелюбно“.

шений с ним я не мог упрекнуть его в недостатке расположения к нам или неверности союзу; но, как истинный потомок фанариотов, он не всегда оказывал достаточное сопротивление столь могущественным в здешнем министерстве иностранных дел бюро; надо надеяться, что, добившись маршальского жезла, он проявит больше мужества в борьбе с гг. Бертело, Гу и другими своими бывшими подчиненными.

На место г. Палеолога политическим директором назначен г. де Маржери, что для нас вполне удобно и выгодно; но ввиду полной неопытности г. Думерга во внешних вопросах г. де Маржери сохранит за собою покуда также обязанности начальника кабинета. Ближайшими помощниками его, к сожалению, остаются гг. Бертело и Гу.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. Советник посольства имел вчера весьма интересный разговор с г. де Маржери об обстоятельствах, при коих состоялось назначение г. Палеолога, и о личности нового французского посла в Петербурге. Разговор этот М. М. Севастопуло излагает в письме на ваше имя, отправляемом с сегодняшним курьером[1].

Ut in litteris.

Извольский.

№ 14. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁷/. Письмо. 15/2 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие телеграммы вашей от [26] 13 декабря[2] и в дополнение к телеграмме моей от [29] 16 декабря за № 604[3] считаю

---

[1] См. № 16.

[2] Тел. от 26/13 дек. 1913 г. (без номера) Сазонов просил Извольского ускорить ответ на свое письмо от 16/3 окт. 1913 г. за № 883, в котором Сазонов подчеркивал, что с политической точки зрения предоставление Русско-аз. банку только тех отделений Banque de Salonique, которые расположены в местностях, отходящих от Турции, является совершенно неудовлетворительной комбинацией, ибо не отвечает „основной задаче, которую мы имели в виду, а именно получить серьезный орган финансового воздействия в Константинополе и в малоазиатской Турции“.

[3] В телеграмме от 29/16 дек. 1913 г. за № 604 Извольский, со слов директора Banque de Salonique Салема, сообщал, что вопрос о Салоникском банке принимает более благоприятный для России оборот.

долгом представить вам следующие сведения по вопросу о Салоникском банке, доставленные мне Н. Л. Рафаловичем.

Во время пребывания в Париже прошлою осенью А. Н. Путилова была выработана касательно Салоникского банка формула, отвечавшая основным положениям, изложенным в телеграмме вашей от [26] 13 июля прошлого года № 2146[1]. Формула эта была мною предложена французскому правительству, которое отнеслось к ней несочувственно и до сих пор не отвечало на мое сообщение. В последнее время по настоящему делу возник новый проект, а именно, предположено предоставить Русско-азиатскому банку в правлении Салоникского банка места, принадлежавшие ранее австрийскому Лэндербанку, с тем, чтобы Русско-азиатский банк принял участие в увеличении капитала Салоникского банка при финансовом содействии французов. Далее, ввиду того что г. Кассель решил ликвидировать свой Banque Nationale de Turquie, коему принадлежат концессии на устройство портов Самсуна и Трапезунда, решено, что Салоникский банк поглотит сказанный банк (вместо столь нежелательного для нас поглощения Салоникского

---

[1] Тел. за № 2146 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. По нумерации исходящих телеграм № 2146 должен относиться к 14 июля ст. ст. В делах б. м-ва ин. дел имеется проект телеграммы м-ра ин. дел Извольскому, по просьбе последнего составленный для Сазонова Верстратом (см. сопроводительное письмо от 25/12 июля 1913 г., при котором Верстрат переслал Савонову этот проект,—Арх. Вн. Пол., дело П. А. № 1357). Как сообщал Верстрат (28/15 июля 1913 г.) директору кред. канц. м-ва фин. Давыдову, предложенный им текст „был протелеграфирован в пятницу" (т. е. 25/12 июля 1913 г.) „г. Сазоновым г. Извольскому". Весьма вероятно, что речь идет именно об этой телеграмме. Содержание проекта, представленного Верстратом, в основном сводится к следующему: „Мы думаем, что отказ франц. прав-ва дать Société Générale и Banque Ottomane свое согласие (autoriser) на продажу Русско-азиатскому банку 50 тыс. акций Салоникского банка вызван его желанием поддержать в этом учреждении французское влияние". Однако „так как мы вовсе не стремимся брать Салоникский банк всецело в свои руки", то задача ограничивается тем, чтобы заменить австрийское участие в Салоникском банке русским, с целью установления на Ближнем Востоке согласованной работы русских и французских капиталистов — держателей акций Салоникского банка. Извольскому поручается просить французское прав-во высказаться, желает ли оно, так же как и росс. прав-во, франко-русского эконом. сотрудничества. Для осуществления такой кооперации Русско-азиатский банк должен получить 3 места в совете, принадлежавшие ранее Länderbank'у, акции которого он скупил, приобрести еще определенное количество акций и заключить с франц. группой соглашение, — все это франц. прав-во могло бы облегчить с помощью тех средств, которыми оно располагает. В проекте тел. указывалось на необходимость скорейшего разрешения вопроса, так как всплывает еще другая комбинация — соглашение Салоникского банка с Banque Nationale de Turquie и Banque Ottomane,—не оставляющая места для участия русских капиталистов.

банка Национальным Турецким). При этом Салоникский банк переименуется в Турции в „Banque Nationale“, а на греческой территории сохранит название „Салоникского“. В осуществлении этого плана примет участие, но в меньшем размере, чем русские элементы, английская группа барона Шредера, которая уже входила в состав образованной Русско-азиатским банком группы для китайских дел. Таким образом для дел, могущих интересовать Россию в Турции, обеспечивается финансовая поддержка как во Франции, так и в Англии. По сведениям из французских финансовых источников, французское правительство согласно на осуществление вышеизложенного проекта (о чем мне однако до сих пор непосредственно ничего не известно).

Сообщая мне вышеозначенные сведения, Н. Л. Рафалович обратил мое внимание на то, что, на основании последнего франко-турецкого соглашения, концессия на самсунский и трапезундский порты должна быть предоставлена французам в том случае, если банк Касселя не осуществит их. Ввиду того что банк этот будет упразднен, желательно условиться с французами о судьбе этих концессий.

Примите и пр.

Извольский.

№ 15. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 15/2 января 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Перед самым днем, в который мы предполагали выехать в Петербург, серьезно заболел мой сын острым воспалением надкостной плевы и ревматизмом сочленения. Болезнь настолько мучительная, что мы не решаемся оставить его одного в Париже и принуждены отложить на неопределенное время наш отъезд. Весьма возможно, что после окончания болезни доктора потребуют, чтобы молодого человека отвезли куда-нибудь на юг, и в таком случае мне, может быть, придется совершенно отказаться от мысли сопровождать в Петербург жену и дочь [2].

Рассчитывая скоро с вами увидеться, я лишь вкратце коснулся в моей телеграмме [3] вопроса о путешествии президента респуб-

[1] Опубл. М., стр. 481.
[2] В L. N. (II, p. 232) весь этот абзац опущен.
[3] Речь идет, повидимому, о тел. от 5 янв. 1914 г./23 дек. 1913 г. за № 616, (см. стр. 72, прим. 2).

лики в Россию. В этом вопросе, как всегда, здесь произошли газетные нескромности, которые, впрочем, на этот раз особенно неприятны не для нас, а для французских министров. Из этих нескромностей видно, что г. Думерг пытался склонить г. Пуанкаре предпринять сказанное путешествие как можно раньше, а именно в мае месяце, и воспользоваться этим, чтобы ускорить производство общих выборов. Г. Пуанкаре отнесся к этому наивному плану с усмешкою и сказал мне, что, само собою разумеется, он со своей стороны не укажет ни на какой срок и предоставит государю императору назначить наиболее удобное для его величества время.

Он обратил однако мое внимание на то обстоятельство, что во второй половине мая нового стиля, может быть, состоится приезд в Париж короля и королевы английских; затем до 14 июля нового же стиля здесь будут заседать палата депутатов и сенат, что, по существующим правилам, не допускает его отсутствия из Франции. После же 14 июля он во всякую минуту готов явиться на приглашение его величества.

Искренно преданный вам

Извольский.

№ 16. Советник посольства в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 15/2 января 1914 г. [1].

Милейший Сергей Дмитриевич,

Зайдя вчера к Маржери по одному маловажному делу, я, разумеется, имел с ним разговор и о новых назначениях. Он начал с того, что выразил мне, как глубоко он тронут вашим о нем разговоре [2] с президентом, о чем он узнал от сего последнего; я не сомневаюсь, что он был при этом вполне искренним, и, как ни жалко, что наша комбинация не удалась, я нахожу весьма существенное утешение в назначении Маржери на пост политического директора; для нас едва ли не важнее иметь его на этом месте, чем в Петербурге.

Предпочтение, отданное Палеологу, Маржери объясняет преимущественно соображениями иерархического характера. Но в данном случае я более доверяю жене его, которая под большим секретом сказала мне, что Пуанкаре настоял на оставлении ее мужа

[1] В подлиннике ошибочно: 1913 г.
[2] Так в подлиннике.

в Париже; действительно, со времени вашего здесь пребывания обстоятельства изменились, и ввиду полной неизвестности о том, какие министерства ему готовит будущее, очень может быть, что президент дорожит присутствием в министерстве надежного и способного человека.

Но главным образом разговор наш коснулся Палеолога. Чтобы вызвать Маржери на полную откровенность, мне стоило лишь намека на обычное пессимистическое настроение нового посла, которое являлось предметом постоянных и совершенно открытых шуток среди чинов министерства.

Маржери очень охотно пошел на объяснения и очень подробно остановился на достоинствах и недостатках нового посла, на его нервности, фантазии, пессимизме; он выразил уверенность, что эти недостатки сказывались именно на посту политического директора, где, как я понял, приходится отвечать либо за неопытных министров, в роде Думерга, либо перед очень требовательными, как Пуанкаре; при этом у Палеолога было несомненное желание, несколько детское, дать преувеличенное понятие о трудности, важности и ответственности своих обязанностей, и совокупностью этих обстоятельств и объясняется его полуделанный пессимизм. Фантазия его и склонность во всем искать какие-то интриги и тайны объясняются его долголетним заведыванием отделом министерства, где сосредоточены дела о военных агентах, шифрах и пр.

Маржери убежден, что все эти недостатки перестанут сказываться у Палеолога; раз у него будут точные инструкции и директивы, Палеолог ограничится точным их выполнением и весьма охотно обратится просто в светского человека, очень общительного как на почве деловых разговоров, так и на почве светских отношений.

В заключение Маржери сказал, что хотя наш разговор являлся совершенно частным, он очень желал бы, чтобы вы частным же образом были о нем осведомлены.

Хотя известие о назначении Палеолога меня сначала очень встревожило, я совершенно искренно скажу вам, что разговор мой с Маржери меня значительно успокоил, и что ожидаемая им в Палеологе перемена мне представляется весьма возможной и даже правдоподобной [1].

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел имеется письмо Палеолога Сазонову от 15/2 января 1914 г. следующего содержания: „Господин министр. Я не могу дождаться своего прибытия в Петербург, чтобы выразить вам, насколько я счастлив тем, что мне

Письмо это я, конечно, показал послу.

От души желаю вам и Анне Борисовне всего лучшего по случаю нового года и остаюсь глубоко преданный вам

М. Севастопуло.

№ 17. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 15/2 января 1914 г.

Сообщил сведения, полученные от Адамова [2], Ягову, который не имеет оттуда никаких известий, но, признавая положение тревожным, обещал немедленно телеграфировать в Константинополь, дабы указать Порте на необходимость принятия решительных мер.

Свербеев.

№ 18. Посол в Берлине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 6 [3]. 15/2 января 1914 г.

Сейчас Ягов конфиденциально сообщил мне, что Сандерс вчера произведен в генералы-от-кавалерии германской службы и будет произведен в турецкие маршалы, чем он само собою освобождается от командования корпусом. Несомненно, это является веским доказательством желания берлинского кабинета удовлетворить наши законные пожелания, так как Ягов строго доверительно поверил мне, что Сандерс не имел никаких прав на это повышение, сделанное совершенно вне обычных правил. Я очевидно [4] спросил Ягова как относительно нового положения, которое будет создано

предстоит работать совместно с вашим превосходительством. При осуществлении возложенной на меня тяжелой задачи я буду нуждаться в полном вашем доверии; вспоминая о приеме, который вы мне всегда оказывали, я не думаю, что слишком многого ожидаю, заранее рассчитывая на ваше доверие. Должен ли я подтверждать, что я сам буду счастлив предложить вам свое усердное содействие в нашей общей работе. Благоволите принять и пр. Палеолог. 15 января 1914 г."

[1] Номер отсутствует.

[2] Тел. от 11 янв. 1914 г. / 29 декабря 1913 г. российский консул в Эрзеруме Адамов доносил м-ву ин. дел о тревожном положении в Эрзеруме и об имеющихся налицо признаках подготовки к резне армян.

[3] Опубл. М., стр. 688.

[4] Так в подлиннике; повидимому, „осторожно".

Сандерсу, так и относительно немецкого командования скутарийской дивизией. На первый вопрос он отозвался незнанием, добавив, что положение это, вероятно, сведется к инспекции. На второй вопрос он ответил, что этой подробностью он не занимался и по этому поводу ничего не знает; что устранение немецкого командования дивизией являлось бы новым требованием, так как нами всегда выдвигался лишь вопрос командования корпусом. Я возразил, что дивизия является столь крупной частью корпуса, что я и раньше обращал его внимание на то, что оставление ее в немецких руках вряд ли сочтено было бы императорским правительством приемлемым. Ягов закончил заявлением, что теперь уже он не будет в состоянии что-либо прибавить к сделанной нам весьма осязательной уступке. Ввиду невозможности добиться большего в Берлине не сочло ли бы императорское правительство целесообразным пока удовлетвориться проявленной здесь уступчивостью и постараться впоследствии достигнуть желаемого в самом Константинополе.

Сербеев.

№ 19. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

ⁱ/. Телеграмма № 18 [1]. 16/3 января 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

В случае благополучного окончания вопроса о германской военной миссии отпадут основания дальнейшей задержки в подписании нашего экономического и железнодорожного соглашений с Турцией. В них выражено, между прочим, наше принципиальное согласие на 4%-ную таможенную надбавку после того, как подобное же согласие будет дано всеми другими державами.

Принимая во внимание, что в свое время мы условились с Францией и Англией, что наше согласие на указанную надбавку должно быть принято по общему уговору, благоволите доверительно осведомить правительство, при коем вы аккредитованы, о положении дела, выразив надежду, что с его стороны не встретится препятствий к изъявлению нами помянутого принципиального согласия.

Прошу вас сообщить копию вашего ответа в Константинополь.

Сазонов.

---

[1] Лит. копия. Опубл. Stieve, IV, S. 29—30, № 1229.

№ 20. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 20 [1]. 16/3 января 1914 г.

Можете обратить внимание французского правительства на то обстоятельство, что подписание нашего железнодорожного соглашения облегчает Франции заключение такого же соглашения с Турцией ввиду связи, которая была установлена между обоими этими актами.

Сазонов.

№ 21. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо [2]. 16/3 января 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как вам угодно было установить из последних моих телеграмм [3], дело о германской военной миссии близится к развязке, и если справедливо появившееся сегодня в вечерних газетах известие о состоявшемся уже производстве генерала Сандерса в турецкие маршалы и назначении его генер.-инспектором оттоманской армии, то устранение его от командования первым корпусом можно считать совершившимся фактом. Вопрос теперь лишь в том, сочтет ли императорское правительство возможным удовлетвориться сказанной уступкой. Как я имел честь уведомить вас телеграммою за № 322 [4], я спросил статс-секретаря, передано ли будет начальствование стоящей в Скутари дивизии в руки турецкого генерала, и на замечание Ягова, что он не занимался этою подробностью, которая к тому же явилась бы новым требованием со стороны России, я возразил ему, что и ранее уже обратил его внимание на невозможность оставления командования столь крупною частью корпуса, какова дивизия, в руках офицера немецкой службы и что я

---

[1] Лит. копия.

[2] Опубл. М., стр. 689.

[3] См. №№ 5 и 18.

[4] В тел. от 11 янв. 1914 г./29 дек. 1913 г. за № 322 Свербеев высказывал свои соображения о нежелательности „настаивать лишь на передаче командования скутарийской дивизией турецкому генералу, так как командование отдельными частями и прежде находилось в немецких руках“ и указывал на то, что „если бы нам и удалось... добиться еще каких-либо дальнейших изменений в положении германской военной миссии, все изменения коснулись бы лишь формы, но отнюдь не затронули бы самой сущности дела“.

не ошибусь, сказав, что и императорское правительство придерживается того же взгляда.

Статс-секретарь ответил мне с некоторой живостью, что после того, что берлинский кабинет так наглядно доказал свою готовность пойти навстречу желаниям России, преодолев при этом все представившиеся на пути затруднения, он, Ягов, не в состоянии был бы что-либо прибавить к сделанной уже нам весьма существенной уступке. Впрочем, как он сам мне сказал, ему ничего неизвестно о скутарийской дивизии.

Может статься, что с переходом константинопольского корпуса под начальство турецкого генерала и во главе сказанной дивизии поставлен будет оттоманский офицер, а может быть, удовлетворяя нас относительно командования корпусом, германское правительство не желает сразу сделать нам уступку и в вопросе о начальнике дивизии.

Во всяком случае в Берлине нам вряд ли удалось бы добиться еще бо́льшего, и ежели бы императорское правительство сочло тем не менее необходимым настаивать на замене германского начальника дивизии турецким, то да позволено мне будет повторить мысль, выраженную мною в вышеупомянутой секретной телеграмме, а именно, что нам следовало бы, может быть, удовольствоваться „пока проявленною здесь уступчивостью и постараться впоследствии достигнуть нашей цели в самом Константинополе“.

Не могу здесь не отметить, что берлинский кабинет действительно приложил все свои старания, дабы удовлетворить законным нашим пожеланиям, и что это далось ему нелегко, вследствие направленной против него газетной кампании.

Производство генерала Сандерса в генералы-от-кавалерии является здесь, по словам статс-секретаря, из ряда вон выходящим фактом, так как ранее года он не имел никаких прав на повышение. Ягов просил меня сообщить вам об этом строго доверительно, не желая, чтобы комментарии эти стали бы достоянием печати.

Но следует однакоже терять из виду, что, как я об этом уже упомянул в телеграмме моей за № 322 и как это подтверждено было также и послом нашим в Константинополе (телеграмма гофмейстера Гирса № 1136 [1]), устранение генерала Лимана от командования первым корпусом является лишь уступкою формальною, отнюдь не лишающей последнего решающего его влияния на военные дела в Турции. Но это, сдается мне, ясно было уже с самого

[1] От 12 янв. 1914 г./30 дек. 1913 г.

начала, так как весь вопрос сводится, на мой взгляд, к тому, что во времена фон дер Гольц паши никто в Оттоманской империи не желал серьезных военных реформ, а теперь, после неудач последней войны, все, повидимому, убедились в настоятельной необходимости пересоздать армию, дабы в будущем оградить Турцию от дальнейших захватов и от окончательного развала.

Если таково действительно настроение в Оттоманской империи, то чем бы ни был генерал Сандерс и как бы он ни назывался, он, очевидно, сумеет сосредоточить в своих руках военную власть и явится фактическим начальником оттоманских войск.

Но, с другой стороны, нельзя также, мне кажется, не считаться с непостоянством турок и природной ненавистью их к европейцам. Все недовольные преобладающим значением немцев генералы и офицеры, а число таковых значительно возросло с вступлением во власть Энвер-паши, вряд ли спокойно отнесутся к новому режиму, и может статься, что в недалеком будущем в Турции разразятся события, которые поставят на карту не только положение германской военной миссии, но и все существование Оттоманской империи.

Примите и пр.

Свербеев.

№ 22. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 3. 16/3 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 590 [1].

Копия в Париж.

За два дня до роспуска народного собрания Радославов заявил, что болгарскому правительству придется, якобы для покрытия издержек военного времени, заключить заем приблизительно в 250 млн. фр. По имеющимся у меня сведениям, подтверждаемым нашим финансовым агентом Окуличем, переговоры по заключению этого займа уже ведутся и, повидимому, с успехом, причем заем устраивается Deutsche Bank за счет французских банков, держателей краткосрочных бонов и при посредстве находящегося в Софии французского банкира, близко стоящего к здешней французской миссии. Если эта операция, несколько напоминая финансовую

[1] Тел. от 17/4 дек. 1913 г. за № 590 Извольский передавал заверение Думерга, „что, само собой разумеется, французское правительство не иначе разрешит выпуск болгарского и турецкого займов, как по соглашению с нами". При этом он отмечал указания Думерга на то, что до сих пор Болгария не предприняла никаких шагов относительно займа.

помощь, недавно оказанную французским банком Перье, увенчается успехом, то положение кабинета Радославова, несомненно, упрочится, и он надолго может утвердиться. Во всяком случае эта косвенная финансовая поддержка Франции противоречила бы заверениям французского правительства, данным в свое время нашему послу в Париже. Саблер.

№ 23. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 3 [1]. 16/3 января 1914 г.

Вследствие производства генерала Сандерса в генералы-от-кавалерии в Германии он был произведен вчера здесь в маршалы. Сообщая мне об этом, Энвер-паша доверительно прибавил, что так как Сандерс отставлен при этом от командования первым корпусом, то германское посольство желало бы его назначения генерал-инспектором всей армии. Энвер-паша не видит необходимости такого назначения, считая, что звание начальника военной миссии предоставляет совершенно достаточно высокое положение, и поэтому он постарается отклонить желание немцев, не ручаясь однако, что это ему удастся. Как бы то ни было, полагаю, что следует считать вопрос исчерпанным. Гирс.

№ 24. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 5 [2]. 16/3 января 1914 г.

Русские подданные банкиры братья Маврокордато выехали в Париж ходатайствовать о поддержке Русско-азиатским банком покупки ими в гераклейском угольном бассейне концессий на угольные копи и железнодорожную ветку от копей до порта, на которую они имеют уже опцион. Концессии эти смежны с участками, недавно приобретенными немецкими капиталистами и Deutsche Bank. Появление германских интересов на берегу Черного моря мы не можем приветствовать, а потому я считал бы крайне желательным в целях создания помехи дальнейшему их распространению приобретение названными русскими лицами указанных выше концессий. Ходатайствую о мощной поддержке вашим высокопревосходительством этой политической необходимости.

Гирс.

Следует поддержать.

Царское Село, [19] 6 января 1914 г.

---

[1] Опубл. М., стр. 690.

[2] Царск. экв.

№ 25. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену [1].

17/4 января 1914 г.

Импер. мин-во иностранных дел не преминуло довести до сведения русской группы Société d'Etudes du chemin de fer Transpersan предложения, заключавшиеся в памятной записке великобританского посольства от [9 декабря] 26 ноября с. г. [2], касательно согласования интересов сказанного общества и персидского горнопромышленного синдиката.

Из полученного ответа [3] на это сообщение усматривается, что означенные предложения были рассмотрены советом администрации Société d'Etudes, который пришел к следующему выводу. Сказанное общество считает предложенное ему участие в одной третьей части горной концессии в нейтральной сфере для себя неприемлемым. Вообще оно отнюдь не стремится к участию в горнопромышленном предприятии синдиката, а имеет в виду исключительно одну цель: обеспечить себе право на известную полосу земли (до 100 *км*) по обе стороны всей линии железной дороги со всеми ископаемыми, на таковой территории находящимися, по какому бы направлению дорога ни прошла. Лишение общества этого права, предоставляемого всегда железнодорожным предприятиям в восточных странах, может поставить Société d'Etudes в большое затруднение при реа-

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел имеется только русский текст публикуемой пам. записки.

[2] Так в подлиннике; следует читать „1913 г.". В докладной записке на имя м-ра ин. дел от 2 мая/19 апреля 1913 г. комитет русской группы Société d'Etudes, указывая на то, что Société d'Etudes имеет право на известную полосу земли по обе стороны предполагаемой ж. д. со всеми находящимися в этой полосе ископаемыми, возражал против удовлетворения ходатайства англ. горнопромышленного синдиката „Persian Mining Syndicate" о предоставлении ему перс. прав-вом концессии на разработку горных богатств в районе, через который, согласно предположений Société d'Etudes, должна была пройти Трансперсидская ж. д. Вместе с тем в записке отмечалось, что русской группой производились уже соответствующие изыскания в этом направлении. В письме на имя Сазонова от 6 янв. 1914 г./24 дек. 1913 г. вице-председатель Société d'Etudes Н. А. Хомяков по поручению о-ва просил м-во ин. дел оградить интересы Société d'Etudes в этом вопросе. В пам. зап. англ. посольства от 9 дек./26 ноября 1913 г. сообщалось, что синдикат согласен в виде компромисса предоставить Société d'Etudes третью долю участия в той части концессии, которая расположена в нейтральной зоне. При этом ставилось условием, чтобы Société d'Etudes в доле, пропорциональной участию его в концессии, участвовало в авансе, который синдикат намерен дать персидскому прав-ву.

[3] Ответ русской группы Société d'Etudes изложен в письме Хомякова на имя Клемма от 10 дек./27 ноября 1913 г.

лизации капиталов, необходимых для осуществления будущей концессии.

Со своей стороны импер. м. и. д. считает нужным привлечь внимание великобританского прав-ва на то, что стремление ограничить деятельность Société d'Etudes пределами нейтральной зоны представляется непонятным, т. к. по известному постановлению сказанного общества [1] на южной части Трансперсидской жел. дороги намечено столь значительное преобладание английской группы над прочими (60% английского элемента против 33% французского и 7% русского), что эта часть линии будет фактически английской.

Импер. мин-во полагает далее, что в случае удовлетворения пожелания Société d'Etudes касательно обеспечения ему упомянутого выше права на полосу земли по обе стороны дороги сказанное общество не откажется принять пропорциональное участие в авансе в 100 тыс. ф. ст., который горнопромышленный синдикат намерен предложить шахскому прав-ву взамен предоставления ему просимой концессии [2].

№ 26. Памятная записка французского министерства иностранных дел послу в Париже Извольскому [3].

17/4 января 1914 г.

Par une note en date du 15 de ce mois son excellence Monsieur Iswolsky a bien voulu faire savoir à Monsieur le président du Conseil, ministre des affaires étrangères que M. Sazonow croit utile d'informer, dès à présent, les Cabinets étrangers de l'intention du gouvernement impérial de faire admettre son délégué au sein de la Dette Ottomane.

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел подлинник постановления отсутствует; имеется проект протокола, приложенный к письму члена русской группы Société d'Etudes Звегинцева на имя Клемма от 10 июня/28 мая 1913 г.

[2] Пам. запиской на имя англ. посольства от 26/13 янв. 1914 г., в дополнение к изложенным в настоящей пам. записке соображениям, м-во ин. дел предлагало следующий компромисс: предоставить в распоряжение Société d'Etudes необходимую ему на всем протяжении ж.-д. полосу земли по обе стороны пути, с тем, чтобы оно со своей стороны предоставило горнопромышленному синдикату „известное участие в эксплоатации всех горных богатств, которые могли бы впоследствии оказаться в сказанной полосе". Заключение подобного соглашения, по мнению м-ва ин. дел, „было бы удобнее всего предоставить обоим обществам непосредственно, при благосклонном содействии британского м. и. д.".

[3] Настоящая памятная записка (как это видно из сопроводительного письма Извольского от 20/7 января за № 617) представляет собой ответ франц. прав-ва на представление Извольского, сделанное им в соответствии с письмом Сазонова за № 1114 (см. стр. 8, прим. 1).

D'après les renseignements télégraphiés par l'ambassadeur de la République à Pétersbourg, l'accord serait fait entre le gouvernement impérial et la Sublime Porte sur les questions économiques et financières encore en suspens entre eux, et pour ce qui concerne l'admission d'un délégué russe au conseil de la Dette, la Turquie aurait donné son assentiment et la promesse de s'employer auprès des syndicats étrangers en faveur de cette admission. Il serait en outre convenu que cette admission se ferait sur les bases du décret de Mouharrem [1] auxquelles il ne serait apporté aucune modification.

Le gouvernement de la République a toujours envisagé avec faveur l'entrée au conseil d'un délégué russe dont l'action ne manquera pas de s'exercer en faveur des intérêts si importants des porteurs français de fonds ottomans. En conséquence, l'ambassadeur de la République à Constantinople, les représentants des porteurs français tant en Turquie qu'en France se sont employés à dissiper les préventions des autorités turques contre la présence dans le conseil de la Dette d'un représentant des intérêts financiers de l'Empire Russe.

La solution actuellement envisagée sur la base du décret de Mouharrem écarte les combinaisons précédemment mises en avant telles que la dévolution de la présidence du conseil au ministre des finances ottoman ou que la transformation du commissaire de la Sublime Porte en délégué ottoman. Ces combinaisons, en transformant le caractère de protecteur de l'épargne étrangère en Turquie par lequel le conseil de la Dette a justifié son institution, auraient compromis gravement les intérêts français et n'auraient pu rencontrer l'approbation du gouvernement de la République. Il verrait avec la même répugnance l'admission d'un second délégué allemand dont l'introduction au conseil de la Dette modifierait l'équilibre actuel au détriment des intérêts français. Il ne faut pas perdre de vue en effet, qu'en état actuel de la répartition des sièges au conseil de la Dette, le délégué allemand est assuré de grouper la majorité sur toutes les questions qui peuvent affecter un caractère politique, l'accession d'un délégué russe, étroitement uni à son collègue français, ne modifiera pas foncièrement cette situation, mais la présence d'un second délégué allemand donnerait la prépondérance aux vues allemandes dans toutes les questions, même d'ordre purement administratif et financier.

Puisque l'accord entre le gouvernement impérial et la Sublime Porte a reconnu la nécessité de maintenir le décret de Mouharrem sans modification, le gouvernement de la République s'emploiera volontiers

[1] Декрет 28 мухаррема 1299 г./20 декабря 1881 г.

auprès du syndicat des porteurs français pour qu'il facilite dans la mesure du possible l'admission d'un délégué russe. Il ne doute pas de son côté que celui-ci une fois admis, ne prête son concours à son collègue français de façon à maintenir intacts les intérêts et l'influence des français au sein de cette institution.

M. Doumergue saisit cette occasion etc.

Перевод.

Нотой от 15 с. месяца его превосходительство г. Извольский довел до сведения г. председателя совета министров, министра иностранных дел, что г. Сазонов считает полезным ныне же уведомить правительства других держав о намерении императорского правительства ввести своего делегата в Совет оттоманского долга.

Из телеграмм французского посла в Петербурге можно заключить, что между императорским правительством и Высокой Портой достигнуто соглашение по экономическим и финансовым вопросам, которые еще не были ими разрешены, что Турция дала свое согласие на допущение русского делегата в Совет долга и обещала повлиять на синдикаты в пользу этого допущения, и что, кроме того, было условлено, что допущение русского делегата будет произведено с соблюдением основ мухарремского декрета, которые нисколько не будут изменены.

Правительство республики относилось всегда благожелательно к введению в Совет русского делегата, деятельность которого не преминула бы благоприятно отразиться на весьма значительных интересах французских держателей оттоманских ценностей. Вследствие этого посол Французской республики в Константинополе и представители французских держателей как в Турции, так и во Франции приложили усилия к тому, чтобы рассеять предубеждение турецких властей против участия в Совете долга представителя финансовых интересов Российской империи.

Благодаря намеченному теперь разрешению вопроса на основах мухарремского декрета отпадают первоначально выдвигавшиеся комбинации, как, напр., возложение председательствования в Совете на оттоманского министра финансов или превращение комиссара Высокой Порты в оттоманского делегата. Комбинации эти, при которых Совет долга утратил бы свой характер органа, охраняющего иностранные капиталы в Турции, оправдывающий его существование, представляли бы серьезную опасность для французских интересов и не могли бы получить одобрения со стороны правительства республики. Так же отрицательно отнеслось бы оно к допущению в Совет долга второго германского делегата, которое нарушило бы существующее в Совете равновесие в ущерб французским интересам. В самом деле, не следует упускать из виду, что при существующем в настоящее время распределении мест в Совете долга германскому делегату обеспечено большинство голосов по всем вопросам, которые могут иметь политическое значение, причем введение русского делегата, действующего в полном единении со своим французским коллегой, не изменило бы этого положения в значительной степени, тогда как присутствие в Совете второго германского делегата доставило бы германским

3*

интересам преобладание во всех вопросах, даже чисто административного и финансового характера.

Так как достигнутым между императорским правительством и Высокой Портой соглашением признается необходимость сохранения без изменений мухарремского декрета, правительство республики охотно использует свое влияние на синдикат французских держателей с тем, чтобы он по возможности облегчил допущение [в Совет] русского делегата. Оно не сомневается с своей стороны, что этот последний, будучи допущен в Совет, будет оказывать своему французскому коллеге содействие в том, чтобы сохранить в неприкосновенности французские интересы и влияние в этом учреждении.

Г. Думерг пользуется этим случаем и пр.

№ 27. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

*/. Телеграмма № 27. 17/4 января 1914 г.

Сообщается в Берлин.

Ваша телеграмма № 3[1] получена. Ссылаюсь на телеграмму Свербеева № 6[2].

Ввиду обнаруженного Энвером желания итти навстречу нашим желаниям считал бы полезным, чтобы вы были в постоянном общении с ним по этим вопросам; в частности мы считали бы неприемлемым начальствование над скутарийской дивизией германского офицера. Как обстоит этот последний вопрос?

[Сазонов.]

№ 28. Министр иностранных дел поверенному в делах в Тегеране Саблину.

Телеграмма № 34[3]. 17/4 января 1914 г.

Восуг-эд-Доуле через Исаак-хана сетует на то, что бригада под разными предлогами уклоняется от посылки отрядов по требованию шахского правительства. Указывая на все, что им сделано для бригады, и на нападки, коим он за это подвергается, Восуг-эд-Доуле просит повлиять на князя Вадбольского, дабы он шел навстречу пожеланиям правительства.

Со своей стороны считаем, что бригада обязана проявлять свою дееспособность, каковая одна лишь может служить доказательством необходимости дальнейшего развития этой воинской части, согласно нашему желанию.

Благоволите выяснить, что именно было причиною жалобы ми-

---

1 См. № 23.

2 См. № 18.

3 Лит. копия.

нистра иностранных дел, и переговорить серьезно с Вадбольским, которому следует по возможности удовлетворять справедливые требования правительства.

О последующем телеграфируйте.

Сазонов.

№ 29. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

⁄. Телеграмма № 37. 17/4 января 1914 г.

Сообщается в Париж и Вену.

Ваша телеграмма № 1499 [1] получена.

На просьбу итальянского посла оказать содействие участию Италии в интернационализации Восточных дорог я ответил вопросом, почему Италия не обращается с этой просьбой в Вену. Карлотти заметил, что австрийцы не хотят выпускать из рук своей доли акций. На это я возразил, что едва ли французы будут более расположены поступиться своими акциями. К тому же и у нас нет желания усиливать в этом деле влияние Тройственного союза. Посол возразил, что Италию не следует смешивать с Австрией и что в случае нашего содействия в этом деле Италия может оказать нам услуги при решении вопроса о железной дороге от Сербии к албанскому порту. Я выразил мнение, что этот последний вопрос может считаться в принципе и без того решенным.

Ссылаюсь на свою телеграмму прошлого года № 2183 [2].

[Сазонов.]

№ 30. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

⁄. Телеграмма № 38 [3]. 17/4 января 1914 г.
Срочно.

Получил телеграмму [16] 3 января [4].

Имейте в виду, что вопрос о германской военной миссии может считаться исчерпанным лишь в том случае, если вопрос о коман-

---

[1] В телеграмме от 12 янв. 1914 г./30 дек. 1913 г. за № 1499 Гартвиг сообщал, что итальянский посланник обратился к Пашичу „с настоятельной просьбой о допущении Италии к участию в деле интернационализации Восточных дорог". „Находя вмешательство Италии... нежелательным", Пашич дал „уклончивый ответ".

[2] Указанная тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] Опубл. М., стр. 690.

[4] Речь идет, повидимому, о телеграмме от 16/3 янв. без №, в которой, считая вопрос о генерале Сандерсе исчерпанным, Гирс просил разрешения уехать в отпуск

довании германским офицером дивизией в Скутари не ставится на очередь. В благоприятном случае, не встретил бы препятствий к тому, чтобы вы воспользовались высочайше разрешенным вам отпуском[1].

[Сазонов.]

№ 31. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 39. 17/4 января 1914 г.

Сообщается в Софию.

Ссылаюсь на телеграмму поверенного в делах в Софии № 3[2].

Считали бы весьма желательным предупредить заключение болгарского займа при помощи французских капиталистов, в каковом смысле прошу вас переговорить с министром иностранных дел.

[Сазонов.]

№ 32. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву.

*/. Телеграмма № 40[3]. 17/4 января 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

Ваша телеграмма № 6[4] получена.

Если возвещенная берлинским кабинетом уступка нам заключается в том, что германский офицер будет командовать не корпусом, а дивизией в Скутари или, что то же, в Константинополе, то мы не считали бы это достаточным. Утверждение Ягова, будто наше возражение является для него неожиданным, неправильно, ибо мы с самого начала отстаивали одно и то же положение, а именно, что командование иностранным офицером какой бы то ни было строевой частью в Константинополе и его окрестностях, напр., Скутари, мы считаем недопустимым, на что мною указано в телеграмме вам от [4 января] 22 декабря и последнем письме германскому послу от [11 января] 29 декабря[5]. Если германский министр

[1] Как видно из последующих телеграмм из Константинополя, вопрос о командовании дивизией разрешен еще не был (см. №№ 69 и 70). Гирс однако выехал из Константинополя. Телеграммой от 21/8 янв. за № 25 Гулькевич сообщал, что вследствие ошибки, допущенной при наборе телеграммы за № 38, „она была разобрана уже после выезда посла из Константинополя".

[2] См. № 22.

[3] Опубл. М., стр. 691.

[4] См. № 18.

[5] Телеграммой от 4 янв. 1914 г./22 дек. 1913 г. за № 3536 Сазонов отклонял средактированный Яговым текст коммюнике по делу Сандерса, предназначавшийся для прессы. Мотивируя отклонение, Сазонов, между прочим, указывал на то, что,

считает это частностью, ему тем легче от этого отказаться. Я намерен сказать сегодня германскому послу, что, ценя желание германского правительства найти разрешение вопроса, отвечающее дружескому характеру отношений между обеими империями, мы надеемся, что оно не остановится на полдороге, компрометируя счастливые результаты возможного соглашения по этому вопросу. Неполное решение усилило бы раздражение общественного мнения, не создавая желательного впечатления искренности.

[Сазонов.]

№ 33. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

·/. Телеграмма № 44[1]. 17/4 января 1914 г.

Сообщается в Берлин.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 40 [2].

Из беседы с германским послом я вынес впечатление, что в Берлине предпочтут, чтобы вопрос о скутарийской дивизии, если бы таковой стал на очередь, что графу Пурталесу неизвестно, был улажен непосредственными переговорами нашими с турками. Предъявление нами каких-либо новых требований в Берлине вызвало бы обидчивое отношение его правительства, убежденного, что и без того оно сделало в угоду нам существенную уступку.

[Сазонов.]

№ 34. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

·/. Телеграмма № 45[3]. 17/4 января 1914 г.

Французский посол сказал мне, что в связи с приездом Джавида в Париж Порта может поставить вопрос, согласно или нет французское правительство на заключение турецкого займа, напомнив, что согласием этим турки обусловили заключение железнодорожного соглашения с французами.

„предвидя возможное прекращение командования германским генералом корпусом в Константинополе, коммюнике оставляет командование дивизией в предместьи турецкой столицы в руках германского полковника". В письме Сазонова от 11 янв. 1914 г./29 дек. 1913 г. указывалось, что командование иностранного офицера какой-либо частью в Константинополе или его окрестностях, „как, например, Скутари". является недопустимым.

[1] Опубл. М., стр. 691.

[2] См. № 32.

[3] Опубл. Stieve, IV, S. 30, № 1230.

Не давая окончательного ответа о нашем отношении к этому вопросу, я указал послу на неблагоприятное влияние, которое могло бы оказать несвоевременное заключение займа на еще не решенные вопросы, как-то: армянский, вопрос об островах и приобретение Турциею дредноутов. Вместе с тем я высказал убеждение в желательности решить вопрос как о займе, так и о 4% таможенной надбавке солидарно всем трем державам Тройственного согласия, что имело бы серьезное значение. Посол высказал мнение, что принципиальное согласие на заем можно обусловить известной отсрочкой его реализации, и указал на значение этого вопроса для непосредственных интересов Франции.

Прошу вас сообщить ваше мнение по этому вопросу[1].

[Сазонов.]

№ 35. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

%. Телеграмма № 46[2]. 17/4 января 1914 г.

Турецкий поверенный в делах заявил мне, что его правительство готово хоть завтра покончить соглашение по армянскому вопросу, если мы со своей стороны пойдем на следующие уступки:

1) чтобы мы отказались от требования равного представительства мусульман и не-мусульман в администрации и советах;

2) чтобы генеральные советы лишены были права постановлять обложение для церковных и школьных учреждений

и 3) чтобы хамидийские полки не были распущены.

Я категорически отверг первый и третий пункты. Что касается второго, то я заметил, что он требует изучения и что, если бы найдена была возможность обложения каждой национальности отдельно на церковные нужды, вопрос мог бы получить соответствующее решение. Что касается школьных надобностей, вопрос представляется более сложным, и я не вижу, как они могут быть удовлетворены иначе, как из средств общего обложения[3].

[Сазонов.]

---

[1] Ответная тел. Извольского от 19/6 янв. 1914 г. за № 6 опубл. Ор. кн., стр. 145—146, № 130.

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 143—144, № 127.

[3] В ответной тел. от 19/6 января 1914 г. за № 20 (опубл. Ор. кн., стр. 144—145, № 129) Гулькевич высказывал предположение, что турецкий поверенный в делах недостаточно осведомлен в данном вопросе.

№ 36. Французский министр финансов министру финансов Коковцову.

Письмо. 17/4 января 1914 г.

Monsieur le président et cher collègue,

J'ai été particulièrement sensible aux aimables félicitations que votre excellence a bien voulu m'adresser et je vous prie de recevoir l'expression de mes très sincères remerciements.

Comme vous le présumiez, de multiples et importantes études m'ont absorbé jusqu'à ce jour depuis mon retour à la haute direction des finances de la France. C'est ce qui vous expliquera le retard que j'ai mis à vous répondre, désireux que j'étais de ne le faire qu'après avoir pu résoudre selon vos voeux la question à laquelle vous vous intéressiez [1].

Il semble que sont maintenant aplanies ou tout au moins en voie d'être résolues toutes les difficultés que pouvait soulever l'emprunt russe [2]; s. e. M. Iswolsky a dû vous indiquer certains désirs que

[1] Имеется в виду письмо Коковцова к Кайо от 15/2 декабря 1913 г., в котором испрашивалось согласие последнего на выпуск русского железнодорожного займа в начале 1914 г. в связи с отсрочкой выпуска франц. внутреннего займа. „Немедленная реализация железнодорожного займа, — писал Коковцов, — представляет большой интерес не только для России, но равным образом и для Франции", поскольку она даст возможность с весны 1914 г. приступить к постройке железных дорог, „развитие которых имеет чрезвычайно большое значение как с точки зрения экономических интересов России, так и с точки зрения усовершенствования нашего плана мобилизации".

[2] В справке, составленной в м-ве фин. (не датированной), значилось: „Переговоры об условиях реализации $4^1/_2$% объединенного займа русских железных дорог 1914 г. начались в январе текущего года по прибытии в Петербург представителей большого синдиката французских банков в лице гг. Bénac, Du Marais et Chabert. Ранее этого, во время пребывания в Париже статс-секретаря графа Коковцова, к нему обращались представители малого синдиката банкиров, добиваясь предоставления им известной доли участия в выпуске означенного займа. Большой синдикат банков (Banque de Paris et des Pays-Bas, Comptoir National d'Escompte de Paris, Crédit Lyonnais, Société Générale et M. M. Höttinguer & C-ie), ранее реализовавший русские железнодорожные займы, заявлял о своем монопольном праве участия в объединенном займе. Благодаря настоянию французского правительства министерству финансов, предоставлявшему решение этого вопроса самим синдикатам, удалось достигнуть их соглашения. Малый синдикат или группа во главе с председателем правления Banque Nationale de Crédit M. Cochery (Crédit Mobilier Français, Société Centrale des Banques de Province, Société Marseillaise, Crédit du Nord, Crédit Foncier d'Algérie et de Tunisie, Société Nanceienne, Banque des Pays du Nord, Compagnie Algérienne, Banque de Bordeaux, Banque Renauld et C-ie, Thalmann et C-ie, Ginzburg et C-ie) приняла участие в займе на 70 млн. фр. и в placement на 40 млн. фр.". Другая справка, составленная в том же м-ве и также не датированная, гласила: „Вашему императорскому величеству благоугодно было [1 февраля] 19 января

j'ai formulés au sujet du placement temporaire de vos fonds disponibles [1].

Aujourd'hui qu'aucune raison sérieuse ne me paraît plus s'opposer à la réalisation très prochaine de cette opération, il m'est tout particulièrement agréable, Monsieur le président et cher collègue, d'adresser à nouveau à votre excellence les assurances de ma haute considération et de mes sentiments les plus dévoués et amicaux.

J. Caillaux.

Перевод.

Господин председатель и дорогой коллега,

Я был чрезвычайно тронут любезными поздравлениями вашего превосходительства и прошу вас принять выражение моей искренней благодарности.

Как вы и предполагали, с тех пор, как я вновь принял на себя управление финансами Франции, и по сей день я был поглощен изучением многочисленных и важных вопросов. Это объяснит вам, почему запоздал мой ответ на ваше письмо, так как я желал ответить вам только после разрешения согласно вашим желаниям интересующего вас вопроса. В настоящее время все трудности, связанные с русским займом, кажется, улажены или, по крайней мере, находятся на пути к разрешению; г. Извольский должен был вам сообщить о некоторых выраженных мною пожеланиях в отношении временного помещения ваших свободных ценностей.

В настоящее время, когда, кажется, нет больше серьезных препятствий к весьма близкому осуществлению этой операции, мне особенно приятно, г. председатель и дорогой коллега, вновь выразить вашему превосходительству уверения в моем глубоком уважении, в моей преданности и дружбе.

Ж. Кайо.

сего года высочайше утвердить положение второго департамента Государственного совета об изменении уставов некоторых частных железных дорог в целях предоставления им возможности единовременной реализации облигационных займов на всю сумму, потребную для строительных расходов текущего года. Соответственно сему в настоящее время состоялся объединенный выпуск гарантированных правительством $4^1/_2\%$-х облигаций железных дорог Бухарской, Ачинск-Минусинской, Ферганской, Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской, Северо-Донецкой, Олонецкой, Подольской и Рязано-Уральской — на общую сумму 249 375 тыс. руб. нарицательных. Реализация займа произведена группой русских и французских банков путем публичной подписки, открытой в Париже 30 января сего года. Размещение облигаций увенчалось полным успехом: требования, предъявленные подписчиками, превзошли значительно сумму выпуска, и цена облигаций, установленная при подписке в 93,75%, повысилась ныне до 95,25%".

[1] В тел. от 10 января 1914 г./28 декабря 1913 г. за № 627 (опубл. М., стр. 604) Извольский сообщал, что Кайо, соглашаясь на выпуск русского займа ранее французского, выразил пожелание, чтобы общая сумма займа в 2 млр. 500 млн. фр. не была увеличена, и чтобы росс. прав-во не требовало сразу всей суммы, которая будет выручена от займа, а временно оставило бы часть ее в Париже в виде франц. ренты или бонов франц. казначейства в целях облегчения условий выпуска предстоящего франц. займа.

№ 37. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 6. 17/4 января 1914 г.

Копия в Софию.

Бесчинства, безостановочно творимые болгарскими властями и комитаджи над греческим населением во Фракии, снова побудили Стрейта самым убедительным образом просить меня еще раз обратиться к болгарскому правительству с настоятельными представлениями принять серьезные меры к прекращению поголовных гонений и грабительств. В противном случае уже возбужденное общественное мнение никогда не допустит восстановления сношений с Болгариею, а греческому правительству, искренно желающему восстановления этих сношений, поневоле придется прибегнуть к каким-нибудь мерам репрессалий. Нельзя ли побудить болгарское правительство к более трезвому образу действий по отношению к грекам, указывая ему на безусловную искренность примирительных чувств греческого правительства? Сведения, получаемые здесь от многочисленных греческих беженцев из Фракии, не оставляют сомнений в бесчеловечном обращении болгар, а иностранные корреспонденты вполне подтверждают эти данные, не распространяемые в здешней печати по особой просьбе министра иностранных дел. По моим настояниям просьба передачи здания болгарского генерального консульства в Солуни получила благоприятное разрешение со стороны короля, о чем меня сейчас уведомил Стрейт доверительно, так как оно не прошло еще чрез совет министров.

Демидов.

№ 38. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 6. 17/4 января 1914 г.

Здесь получаются весьма тревожные сведения из Албании. По всему западному побережью Охридского озера заметно большое скопление полчищ Эсад-паши, среди коих установлено присутствие австрийских офицеров. Полчища эти в большом количестве получают из Австрии ружья, патроны и метательные снаряды. Эмиссары Эсад-паши посещают Стругу, приглашая сербских албанцев к участию в общем движении. Не встретив среди последних сочувствия, эмиссары пристрелили некоторых главарей. По мнению Пашича, не представляет сомнения, что Австрия ведет двойную игру и поощряет Эсада с целью довести дело до оккупации Албании австрийскими войсками. Помимо сего, у сербского правительства имеются не подлежащие сомнению данные, что младотурки со-

вместно с болгарскими комитаджи уже ныне подготовляют восстание в Македонии раннею весною. Младотурецкие агенты сильно агитируют среди мусульманского населения, обещая добиться автономии Македонии.

Гартвиг.

№ 39. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 13 [1]. 17/4 января 1914 г.

Получил № 18 [2]. Копии в Париж и Лондон.

Из доверительного, верного источника узнаю, что товарищ генерального директора Анатолийских железных дорог (Гюнтер) старается убедить оттоманские правительственные круги в возможности для Порты безнаказанно ввести явочным порядком [3] 4-процентную таможенную надбавку, о чем турки уже давно мечтают. Ввиду этого полагаю желательным, если бы ваше высокопревосходительство признали предложение Джавида приемлемым,—моя телеграмма № 1132 [4],—чтобы державы Согласия были первыми, допустившими сказанное повышение. Наше такое выступление имело бы исключительно теоретическое значение, ибо надбавка сделалась бы обязательной лишь со дня принятия ее всеми великими державами, но обстоятельство, что задержка произойдет по вине Германии и Австрии, не могло бы не произвести на турок невыгодного для Тройственного союза впечатления.

Гирс.

№ 40. Советник посольства в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 21. 17/4 января 1914 г.

Минорский просит передать:

Для личного сведения.

Крайне тяжелое впечатление производит скрытность и неискренность Ротислау в деловом отношении. Он всецело под влия-

---

[1] Опубл. Siebert, III, S. 248, № 1033.

[2] См. № 19.

[3] У Siebert'a: „durch ein Dekret".

[4] В тел. от 9 янв. 1914 г./27 дек. 1913 г. за № 1132 Гирс передавал предложение Джавида, которое, по его словам, сводилось к следующему: „подписать экономическое и железнодорожное соглашения, обеспечив нам согласие Турции на допущение нашего делегата в Совет долга секретным документом, оговаривающим, что до вступления нашего представителя в сказанный Совет" Порта не будет иметь права „ни ввести монополии на спирт, ни распространить на русские предприятия взимание гербового сбора". 18/5 янв. 1914 г. министр телеграфировал Гирсу (за № 50): „считаем предложение Джавида в принципе приемлемым".

нием своих англо-индийских офицеров и главным образом Вильсона. В результате постоянные неловкости. Сегодня от турок я в присутствии самого Ротислау впервые узнал, что английские топографы тайно от нас и вопреки самым положительным уверениям Ротислау составили новую карту Шат-эль-Араба. Нам решительно безразлично разграничение на юге, вполне предоставленное англичанам, но можно лишь жалеть о методах, подрывающих рекомендованный нам принцип совместной работы. Вообще крайне желательно избегать того, чтобы деление зон на южную и северную, вызванное фактическими удобствами работ, приобретало бы политический характер английского преобладания в нейтральной сфере влияния. Демонстративный вид громадного английского лагеря и многое другое указывает на такую тенденцию.

Прошу сохранить все это в тайне, дабы не портить моих личных отношений, попрежнему хороших.

Гулькевич.

№ 41. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

/. 18/5 января 1914 г.

Вследствие высочайших помет на телеграмме моей послу в Париже от [14] 1 сего января и ответной телеграмме гофмейстера Извольского от [15] 2 сего января [1] касательно присоединения к Греции острова Лемноса, приемлю смелость доложить вашему императорскому величеству, что вопрос о желательности сохранения этого острова в руках Турции был возбужден морским ведомством [2] по соображениям стратегического характера.

Я счел долгом уведомить морского министра [3], что ввиду данного нами в свое время Греции обещания согласиться на переход в ее владение островов, прилегающих к Дарданеллам, для России было бы ныне затруднительно возбуждать вопрос об оставлении Лемноса в руках Турции. Если однако Турция будет на этом настаивать, то мне представлялось бы наиболее удобным, не принимая на себя ни непосредственно, ни через другие державы почина в этом вопросе, не противодействовать сохранению Турцией Лемноса при условии соответствующих компенсаций Греции.

В указанном смысле я и счел возможным преподать указания нашим представителям в Париже и Лондоне [4].

Сазонов.

---

[1] См. №№ 1 и 11.

[2] Письмо Григоровича на имя Сазонова от 18/5 декабря 1913 г. за № 4764.

[3] Письмом от 22/9 дек. 1913 г. за № 1043.

[4] См. № 1.

№ 42. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 48 [1]. 18/5 января 1914 г.

Статс-секретарь Коковцов считает вполне возможным согласиться на изложенные в вашей телеграмме [10 января] 28 декабря № 627 [2] пожелания французского министра финансов, чтобы в заявлении его парламенту [3] общая сумма займов в 2 млр. 500 млн, франков не была увеличена и чтобы мы не требовали сразу всей суммы предстоящего займа [4]. Вследствие сего благоволите дать французскому правительству утвердительный ответ относительно пожеланий г. Кайо.

Сазонов.

№ 43. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 49 [5]. 18/5 января 1914 г.

Сообщается в Константинополь и Рим.

Итальянский посол, отметив, что в ответе на английскую ноту [6] его правительство руководилось желанием итти навстречу взглядам держав Тройственного согласия, просил меня благожелательно отнестись к намерению Италии обусловить возвращение Турции занятых ею островов компенсациями экономического характера в Адалии.

Я ответил, что в этом вопросе мы должны предварительно ознакомиться со взглядами Франции и Англии, и в то же время указал послу на опасность, которая связана с вопросом о компенсациях, ибо на ту же почву можем встать как мы, так и другие державы.

Прошу вас осведомиться о взгляде правительства, при коем вы аккредитованы, на этот вопрос, возбужденный Италиею.

Сазонов.

---

[1] Опубл. М., стр. 605, без исх. №.

[2] См. стр. 42, прим. 1.

[3] У Stieve (IV, S. 31, № 1233): „...dass entsprechend der Erklärung des Ministers im Parlament..."

[4] Имеется в виду письмо Коковцова на имя Сазонова от 17/4 янв. 1914 г. за № 4 (опубл. М., стр. 605).

[5] Лит. копия. Опубл. Stieve, IV, S. 31, № 1232.

[6] Речь идет о ноте Грея от 12 дек./29 ноября 1913 г. См. стр. 16, прим. 4.

№ 44. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 2[1]. 18/5 января 1914 г.

Роспуск 16 народного собрания, о котором я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству в донесении моем от сего числа за № 1[2], продолжает служить здесь главнейшей злобою дня.

Но, помимо этого события, затрагивающего сферу внутренней политической жизни Болгарии, заслуживают внимания некоторые другие явления, могущие быть поставленными в связь с важнейшею политикою королевства.

В самом конце декабря генеральный консул наш в Рущуке сообщил мне, что в Самовит и Лом-Паланку были доставлены в большом количестве орудия, ружья, снаряды и патроны, которые были затем отправлены частью в Старую Загору, а частью в Софию. Хотя, по сведениям, имеющимся у нашего военного агента, в данном случае дело идет о сделанном Болгарией в Австрии заказе еще минувшим летом, а с другой стороны, упомянутые боевые припасы сюда еще не доставлены,—тем не менее нельзя не сказать, что столь значительный ввоз в Болгарию орудий, снарядов и т. д., для нагрузки которых потребовалось около ста пятидесяти вагонов, носит несколько тревожный характер. Трудно согласовать такое крупное снабжение боевыми припасами с категорическим заявлением Радославова в декларации, прочитанной им в народном собрании, об отсутствии у Болгарии каких бы то ни было воинственных намерений. В действительности казалось бы, что Болгарии ни теперь, ни в ближайшем будущем не приходится помышлять об агрессивных выступлениях, будь то против Сербии или же против Греции. Истощенной после двух войн болгарской армии нужно по меньшей мере несколько лет для того, чтобы вполне оправиться от понесенных тяжелых потерь, а плачевное состояние казны волею-неволей, казалось бы, должно охладить воинственный пыл болгар.

Если, несмотря на все это, Болгария все же, по моим впечатлениям, питает затаенные стремления, не лишенные воинственных замыслов, то объяснить такое явление можно следующим образом: здесь ни на минуту не расстались с мыслью если не о пересмотре Бухарестского договора, то, по крайней мере, об отнятии у греков некоторых вожделенных пунктов, как, например, Кавалы, Сереса и

[1] Лит. копия.

[2] Донесение Саблера от 18/5 янв. 1914 г. за № 1 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Драмы. Так как достижение этой цели возможно лишь при содействии Турции, то болгарское правительство со времени заключения мира с Портою постоянно прилагает все усилия к тому, чтобы войти с Оттоманскою империею в соглашение. Непосредственно после заключения мира генерал Савов вел переговоры в Константинополе с турецкими государственными людьми. Затем в ноябре помощник начальника болгарского генерального штаба полковник Жеков был отправлен со специальной миссией в Константинополь, где он по сие время находится. Кроме того, мне недавно передавали, что болгары и турки не торопятся окончательным определением границ в районе Демотика—Дедеагач. Строго говоря, граница, начертанная для этой области Константинопольским миром, очень невыгодна для обеих сторон; для болгар Дедеагач без непрерывного железнодорожного пути в Старую Болгарию, а для турок Адрианополь без Дедеагача представляют исходные пункты, могущие послужить поводом к стремлению исправить границы. Можно поэтому предположить, что болгары надеются на помощь Турции для захвата у греков Кавалды, Сереса и Драмы, после чего они вернули бы туркам Дедеагач и даже Гюмюльджину. Наконец, некоторое размышление вызывает также состоявшийся сегодня внезапный отъезд в Константинополь здешнего турецкого посланника Фетхи-бея.

Все это, вместе взятое, а также многие другие более мелкие детали, обрисовывающие авантюрное направление политики нынешнего правительства, создает безусловное впечатление, что соглашение между Турцией и Болгарией против Греции едва ли уже не достигнуто. Агентурные же сведения нашего военного агента идут в этом отношении гораздо дальше: они утверждают вполне определенно, что союз Болгарии с Турцией уже заключен, причем в основу его положено, будто бы, обязательство свободного пропуска турецких войск через новоприобретенную болгарскую территорию. А если обстоятельства того дозволят, то и совместно с Турцией выступления против греков.

Я, к сожалению, не имею возможности придать вышеуказанным выводам более определенного характера. Ввиду отсутствия в кабинете Радославова министра иностранных дел, о чем я упоминаю в донесении моем за № 1, я не в состоянии проверить ту или иную подробность, освещающую эти крайне важные вопросы, так как в министерстве иностранных дел нет ответственного чиновника, могущего за отсутствием министра давать нужные объяснения иностранным представителям.

Но если нынешнему правительству удастся заключить заем, то, конечно, кабинету Радославова нетрудно будет соблазниться помыслами о новых боевых подвигах, и в этом случае было бы крайне печально, если бы австрийские орудия и французские деньги дали бы болгарам возможность опять пуститься в рискованные авантюры, опасные для мира и поэтому с нашей точки зрения недопустимые.

Саблер.

№ 45. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 8. 18/5 января 1914 г.

Я телеграфирую в Париж: получил № 623 [1].

Приезжавший сюда Дютаста имел снова объяснения с сербскими министрами. По его впечатлению, дело интернационализации может легко наладиться, но он был крайне поражен полученными от Пашича общими сведениями о требованиях, которые намерена предъявить Австрия при переговорах с Сербией относительно сепаратной конвенции и которые совершенно не соответствуют данным французам в Вене обещаниям. Дютаста впрочем надеется, что на Австрию возможно повлиять в умеряющем смысле, ибо, по его словам, венские капиталисты будто тяготятся количеством находящихся в их руках акций. Что касается сербских делегатов, то таковыми уже назначены вызванные сюда сербский посланник в Вене Иованович и бывший министр путей сообщения Илич. В настоящее время для них вырабатываются инструкции, сущность коих не премину сообщить вам для сведения Рафаловича.

Копия в Вену.

Гартвиг.

№ 46. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

⁄. 19/6 января 1914 г.

Монгольский первый министр Сайн-ноин-хан во время своего пребывания в С.-Петербурге передал мне письмо ургинского хутухты на имя японского императора с просьбой доставить его по назначению. Это письмо было привезено Сайн-ноин-хану русским подданным бурятом Бадмажаповым, который, явившись в министерство иностран. дел, совершенно доверительно ознакомил нас с запис-

[1] Тел. от 8 янв. 1914 г./26 дек. 1913 г. за № 623 Извольский извещал Гартвига, что франц. финансист Дютаста снова выезжает в Белград для продолжения переговоров относительно подробностей проекта интернационализации Вост. ж. д. и для ускорения посылки в Вену делегатов сербского правительства.

кой, полученной им от монгольского министра иностр. дел Ханда-вана [1], где излагалась сущность объяснений монгольских сановников с известным вашему имп. величеству из повергавшейся мною на высочайшее благовоззрение дипломатической переписки японцем Кодамою, посетившим Ургу в августе месяце мин. года. Сказанная записка Ханда-вана резюмировала бывшие с Кодамою объяснения в том смысле, что последний от лица своего правительства предлагал монголам дружбу и поддержку взамен предоставления японцам права на постройку железнодорожных линий в прилегающей к Южно-манчжурской ж. д. части Внутренней Монголии. Письмо хутухты исходило из мысли о возможности заручения содействием японского правительства для присоединения Внутренней Монголии к владениям ургинского правителя и содержало предложение прислать в Ургу дипломатического представителя Японии.

Полагая желательным доказать монголам тщету возлагаемых ими на японское правительство надежд и неизбежность для них опираться на Россию в своей нарождающейся государственной жизни, я поручил послу в Токио [2] передать японскому министру иностр. дел письмо хутухты и ознакомить его с теми выводами, которые были сделаны ургинскими сановниками из приезда к ним японца Кодамы, отметив в то же время, насколько такого рода поездки, носящие характер мелкой политической интриги, препятствуют проведению в жизнь разграничения русской и японской сфер влияния, на котором настаивал сам токийский кабинет.

Японское правительство приняло по этому вопросу разумное решение вернуть хутухте его письмо, адресованное японскому императору, причем еще раз заверило нас, что Кодама не имел никаких поручений от своего правительства и что монголы сами постарались придать его приезду в Ургу не соответствующее дей-

---

[1] В записке на имя Бадмажапова от 3 дек./20 ноября 1913 г. монг. министр ин. дел указывал на то, что монгольское прав-во не может примириться с оставлением Внутренней Монголии под властью Китая и с признанием за Внешней Монголией самостоятельности только во внутренних делах. По заявлению Ханда-вана, монгольское прав-во желает порвать всякую связь с Китаем и предпочитает поручить ведение своей внешней политики русскому правительству. В случае же отказа России Монголии придется обратиться за содействием к японскому прав-ву, „агент“ которого, посетивший Монголию, заявил, что если монголы предоставят Японии „известные торговые и территориальные права и льготы..., Япония не прочь взяться за дело по объединению всех монголов и отделению обеих Монголий совершенно от китайцев“. (Русский перевод записки Ханда-вана, сделанный Бадмажаповым.)

[2] Письмом от 26/13 дек. 1913 г. за № 954.

ствительности значение [1]. В интересах беспристрастия я должен отметить, что в противность тому, что утверждает в своей сводке разговоров с Кодамою Ханда-ван, в письме хутухты говорится о японской железнодорожной концессии во Внутренней Монголии, как о проекте, исходившем не от Кодамы, а от монгольских министров. То же подтверждал нам на словах и Сайн-ноин-хан.

Я ознакомил Сайн-ноин-хана с тем, как японское правительство отнеслось к детской попытке его повелителя втянуть Японию в дело объединения монголов и отторжения от Китая их территории, и постарался осветить этот инцидент, как урок в политической деятельности юного монгольского правительства.

Относящиеся к настоящему делу документы [2] долгом почитаю повергнуть на высочайшее вашего имп. величества благовоззрение.

Сазонов.

Приложение

1. Перевод письма ургинского хутухты на имя японского императора [3].

Зимою позапрошлого года мы, монголы, всенародно желая сохранить исконный самобытный строй, свою территорию, религию и законы, отложились от Цинской империи и образовали самостоятельное автономное государство, о чем правительство наше, желая войти в дружественные сношения с великой державой и заключить

[1] Об этом сообщается в депеше Малевского-Малевича на имя Сазонова от 18/5 января 1914 г. за № 1 и в его же телеграммах от 16/3 января 1914 г. за № 2 и от 23/10 января 1914 г. за № 4. В этих же документах передается просьба японского министра ин. дел не предавать инцидента гласности. Просьба эта, по мнению Малевского, вызвана нежеланием министра „давать оппозиции новый случай упрекать японскую дипломатию в пассивности и угодничестве нам“ (тел. Малевского от 16/3 января 1914 г. за № 2). В тел. от 18/5 янв. 1914 г. за № 51 Сазонов, высказывая удовлетворение по поводу решения японского прав-ва вернуть хутухте его письмо, писал: „Этим будет положен конец интриге, стремившейся втянуть японское правительство в дела Внешней Монголии“. Вместе с тем Сазонов сообщал, что м-во ин. дел согласно взять на себя возвращение письма, не предавая инцидента гласности. Из тел. Малевского от 23/10 янв. за № 3 видно, что слухи об отказе японского правительства принять письмо хутухты проникли в печать и что японский м-р ин. дел решил категорически отрицать правильность этих сообщений. Телеграммой от 19/6 марта 1914 г. за № 28 Малевский доносил, что в газетах приведен полный текст письма хутухты, и появилось сообщение о том, что письмо задержано русским консульством в Урге.

[2] При подлиннике записки, кроме публикуемого ниже, других приложений не обнаружено.

[3] Заголовок подлинника; перевод сделан в м-ве ин. дел.

торговый договор, известило в свое время правительство вашего императорского величества особым письмом, но пока не получило никакого ответа.

Зимою прошлого года нами был командирован наш министр внутренних дел Цин-ван лама Цэрэн-Чимед, которому было поручено поднести вашему императорскому величеству письмо от нашего скромного государства и выразить приветствие от нас, но, к сожалению, ввиду закрытия пути должен был вернуться обратно с дороги. Ныне мы снова, почтительно поднося государственное письмо, шлем приветствие вашему императорскому величеству и выражаем пожелание установить постоянную и добрую дружбу между нашими двумя государствами для вящшего блага и мира народов наших на многие годы. Когда дойдет наше письмо, соблаговолите его принять.

Засим имеем почтительно сообщить вашему императорскому величеству, что самостоятельность и автономность нашего слабого государства была признана соседней сыздавна дружественной Россией, которая заключила соглашение и торговый договор с нашей Монголией.

Тем не менее наша Внутренняя Монголия, граничащая с Китаем, терпит очень тяжкое зло, а теперь китайские войска, ворвавшись в ее пределы, начали сжигать храмы и монастыри, истреблять мужчин и женщин, стариков и детей без разбора, отбирать имущество и скот, вследствие чего многие принуждены были фиктивно признать наружно республику, беспрерывно прося нашего заступничества и защиты. По сему случаю правительство нашей слабой страны послало войска для отражения неприятеля в нескольких направлениях; тем не менее однако благодаря недостаточности хорошего оружия [они] до сих пор не успели оказать твердую защиту и объединить всех. Когда недавно прибыл в нашу столицу чиновник вашей страны Кодама, наше правительство сообщило ему о своем желании установить дружественное сношение между обоими государствами, и чтобы ваше высокое правительство, получив железнодорожную концессию во Внутренней Монголии, помогло в том, чтобы в ее пределы китайские войска не могли быть вводимы. Упомянутый выше чиновник обещал о таковых наших желаниях довести до сведения своего правительства. Поэтому мы обращаемся теперь к вашему императорскому величеству не отказать в содействии доброму делу и, если будет соблаговоление ваше, энергично внушить китайскому правительству не вводить свои войска в пределы Внутренней Монголии и помочь нашим стремлениям

к скорейшему объединению Внутренней Монголии с нашей Внешней и утверждению нашей народности и религии полностью.

Следовало бы нашему слабому государству послать к вам полномочного посланника из сановников наших, но, встречая препятствие в пути и не желая откладывать доброе дело, обращаемся с просьбой к вашему императорскому величеству, если найдете возможным, повелеть вашему высокому правительству командировать к нам уполномоченного сановника и помочь установлению нашего государства и закреплению дружественных отношений между нашими государствами на долгие годы. Повелитель слабого государства, все власти, духовенство и миряне с благоговением и благодарностью встретили бы ваше высокое соблаговоление и впредь старались бы усугублять нашу взаимную дружественность.

Того ради мы шлем привет вашему императорскому величеству и просим принять наши просьбы и удостоить нас ответом.

Правления „Многими возведенного" 3-й год, зимнего 1-го месяца 19-го дня. Урга.

№ 47. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Письмо № 9. 19/6 января 1914 г.

Доверительно.

М. г. Елим Павлович,

Имею честь препроводить при сем к в-му прев-ву копию с донесения консула в Битоли от [5 января] 23 декабря мин. года за № 298 [1], которое было мною повергнуто на высочайшее благовоззрение.

Сообщаемые в донесении этом сведения не могут не возбуждать серьезных опасений относительно тех последствий, которые может иметь проводимая Грециею в новых ее владениях политика, проникнутая духом шовинизма.

По отношению к соседней Сербии политика эта может лишь

---

[1] В донесении от 5 янв. 1914 г./23 дек. 1913 г. за № 298 консул в Битоли сообщал о притеснениях, которым греческое правительство подвергает славян в отошедшей к грекам части Македонии. „Сербы в Битоли, на границе с Новой Грецией, ясно ощущают, что в отношениях с союзницей и недавней боевой соседкой происходит нечто неладное". Из беседы с быв. сербским посланником в Греции Божковичем консул вывел, что „главным пробным камнем добрососедских отношений Сербии с Грециею" будет салоникский вопрос, т. е. вопрос о доступе Сербии к порту на Эгейском море. „Напротив, г. Божкович верит в возможность возвращения тесного сближения с излечившейся от прежнего непримиримого эгоизма Болгариею".

привести к самым нежелательным для самой же Греции результатам, оттолкнув от нее нынешнюю ее союзницу[1].

С другой стороны, русское общественное мнение не останется, конечно, равнодушным к угнетению славянских народностей со стороны воинствующего эллинизма, и факт этот неизбежно затруднит для имп. прав-ва проявление в будущем той благожелательности к Греции, которую оно до сих пор всегда обнаруживало.

Мне представлялось бы ввиду изложенного весьма желательным, чтобы, воспользовавшись каким-либо удобным к тому случаем, вы объяснились в самой дружеской и доверительной форме с мин-ром иностр. дел по содержанию настоящего письма.

Со своей стороны я не премину воспользоваться предстоящим прибытием в Петербург г. Венизелоса, чтобы коснуться в беседах с ним этого крайне важного для будущности балканских взаимоотношений вопроса; задача эта была бы, конечно, облегчена для меня, если бы министр-президент был предварительно осведомлен о ваших дружеских объяснениях с министром иностр. дел.

Примите и пр.[2].

[Сазонов.]

№ 48. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 7. 19/6 января 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 39[3]. Копия в Софию.

Здесь не имеется никаких сведений о намерении Deutsche Bank устроить Болгарии за счет французских банков заем в 250 000 000 франков. Думерг сомневается в возможности подобной операции, но обещал мне навести надлежащие справки и принять все имеющиеся в его распоряжении меры к тому, чтобы предупредить ее осуществление.

Извольский.

---

[1] Далее зачеркнуто: „и заставив последнюю поневоле искать сближения с Болгариею“.

[2] В письме от 4 марта/19 февраля 1914 г. Демидов сообщал м-ру ин. дел, что он выполнил его поручение. Демидов сообщал далее, что прав-во Венизелоса желает сохранить в незыблемости союз с Сербией, что Стрейт обещает принять меры к сокращению „излишнего рвения“ местных греческих властей и что Божкович в своей беседе с ним „отзывался гораздо менее пессимистически о будущих греко-сербских отношениях“. „Ныне приступлено, — сообщал далее Демидов, — к урегулированию дела об отведении Сербии в Салониках особого участка в Салоникском порту исключительно для сербской торговли“.

[3] См. № 31.

№ 49. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 19. 19/6 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму посла № 11 [1].

Армянский патриархат высказывает следующие пожелания:

1) Было бы желательно сохранить равное количество мусульман и не-мусульман в генеральных советах. Если же это окажется невозможным, армяне согласны удовольствоваться одною третью в генеральных советах Сиваса, Харпута и Диарбекира, но настаивают на сохранении за ними половины не только в Ване и Битлисе, но и в Эрзеруме. Предлагаемую же Портою систему считают неприемлемою, ибо турки всегда будут преувеличивать в списках число мусульман.

2) Патриархат настаивает особенно на равномерном распределении должностей по полиции и жандармерии, допуская для прочих отраслей управления добавление слов „по возможности".

3) Помимо того, патриархат, опираясь на 3 статью инструкций генеральным инспекторам [2], сообщенных посольствам при ноте 1 июля 1913 г. [3], и 6 статью закона о вилайетах 1913 г., просит, чтобы было выговорено также приступление в возможно краткий срок к изменению административных подразделений вилайетов. Как известно, нынешнее деление имело целью искусственно расчленить армянское население, и без его изменения, по мнению патриархата, введение пропорционального представительства не принесет армянам никакой пользы.

4) По школьному вопросу патриархат, сохраняя право самообложения для армянских общин, просит выговорить, чтобы армянское население каждого вилайета получало бы из бюджета вилайета на свои школьные нужды часть, пропорциональную размеру платимых ими налогов.

5) Патриархат убедительно просит завершить поскорее согла-

---

[1] В тел. от 17/4 января 1914 г. за № 11 Гирс передавал текст проекта ноты Порты великим державам по вопросу о реформах в Армении в той ее части, по которой достигнуто было соглашение между ним и турецким советом министров (опубл. Ор. кн., стр. 140—142, № 125). В тел. от того же числа за № 12 он передавал свою редакцию пунктов, по которым соглашение еще не было достигнуто (опубл. Ор. кн., стр. 143—144, № 126).

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 186—189 (прилож. № 4). Ссылка на ст. 3 ошибочна, речь идет о ст. 6 инструкции и о ст. 3 закона о вилайетах (см. Ор. кн., стр. 186).

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 183 (прилож. № 1).

шение с Портою ввиду тревожности общего политического положения в Турции и возможности неожиданных событий.

Лично полагаю, что 1, 2 и 4 пункты должны быть нами поддержаны, и в этом смысле сегодня объяснюсь с великим визирем. Пункт 3 считаю удобнее ввести в подробную инструкцию генеральным инспекторам, имеющую быть выработанною после их назначения, дабы не задерживать заключения соглашения, принимая во внимание причины, побуждающие армян настаивать на скорейшем окончании переговоров, а также ввиду того, что предлагаемая ими мера должна найти применение не немедленно, а при производстве переписи. Было бы однако полезно для успокоения армян сообщить им о нашем намерении ввести этот пункт в инструкции инспекторам.

Гулькевич.

№ 50. Морской министр министру иностранных дел.

Письмо № 39/7.

19/6 января 1914 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сведения морского генерального штаба подтверждают быстрое усиление турецкого военного флота, главным образом посредством покупки на заводах Англии и Северной Америки строящихся для южно-американских государств линейных кораблей (дредноутов). Оттоманское правительство купило корабль „Рио-де-Жанейро“, строившийся для Бразилии, повидимому, заключило условие на покупку корабля „Ривадавия“, строившегося для Аргентины, ведет переговоры о покупке корабля „Амиранте Латорре“, строящегося в Чили[1], будет вскоре иметь в своем распоряжении корабль „Решад V“, строящийся для Турции в Англии, к которому впоследствии, вероятно, еще присоединится другой турецкий корабль, заказанный тоже в Англии. Одновременно ведутся переговоры о приобретении Турциею крейсеров и миноносцев в Италии и в других странах. Таким образом, при помощи некоторых финансовых кругов Европы партия младотурок осуществляет теперь задуманную еще в 1909 году морскую программу, согласно которой турецкий военный флот должен быть в ближайшие годы доведен до эскадры в составе шести линейных кораблей-дредноутов с необходимым при них числом миноносцев и крейсеров.

---

[1] Так в подлиннике.

До самого последнего времени фактическое осуществление Турциею этой морской программы я считал невероятным по причине связанных с ним значительных денежных расходов, казалось бы, совершенно непосильных казначейству Оттоманской империи. В настоящее время мы во всяком случае должны считаться с тем фактом, что оттоманское правительство получит в свое распоряжение в промежуток времени между концом 1914 года и срединой 1915 года три, а может быть, четыре линейные корабля типа дредноут: „Решад V“ „Рио-де-Жанейро“ „Ривадавия“ и, может быть, „Амиранте Латорре“.

Упомянутые корабли вместе с флотом, имеемым Турциею в настоящую минуту, составят морскую силу, превосходящую наш нынешний черноморский флот подавляюще—приблизительно раз в шесть. При таком соотношении сил никакое преимущество нашего черноморского флота в тактической подготовке не может спасти положения: господство турок на Черном море будет безусловным.

Строящиеся в Николаеве наши дредноуты начнут вступать в строй, при намеченной недавно их ускоренной достройке, начиная с конца 1915 года. С этого времени положение наше на Черном море будет улучшаться, но и тогда мы не вернем скоро господство на море, так как трем нашим черноморским кораблям в 1916 году будут противостоять, вероятно, четыре турецких, и лишь в последующие годы наша черноморская морская сила начнет превосходить морскую силу Турции.

Соображения международно-политические: кризис „восточного вопроса“ и связанные с ним тревоги, опасности и угроза непоправимого ущерба государственным интересам России в вопросе об обладании проливами Босфор и Дарданеллы; соображения стратегические: неизбежный тогда отказ от операции наступления на Константинополь и турецкие проливы; тяжелое положение нашей кавказской армии, лишенной своих морских коммуникаций и угрожаемой обходом с правого фланга посредством турецкого десанта, и рискованное положение левого фланга нашей массовой армии на западной границе, при необеспеченности за нами береговой полосы Черного моря от Одессы до Севастополя; и, наконец, соображения внутренней политики (в случае войны—моральное впечатление нового поражения нашего флота, нанесенного нам давно, казалось бы, сокрушенною нами Турциею); все эти соображения, так же, как и неизбежное ввиду их еще большее уменьшение веса русского голоса в международном концерте, и без того, по мнению широких

кругов общества, недостаточно значительного, заставляют принять все возможные меры для ослабления тяжелых последствий временного господства турок на Черном море. Таковою мерою может быть покупка заканчивающихся постройкою в 1914—1915 гг. заграничных дредноутов.

В ближайшие дни, по получении достоверных сведений о возможности и условиях приобретения для России чилийских и аргентинских строящихся дредноутов, я полагал бы нужным представить на благоусмотрение его императорского величества вопрос о необходимости купить для России упомянутые только-что четыре корабля в соответственном всеподданнейшем докладе, раньше чего покорнейше прошу ваше высокопревосходительство не отказать почтить меня вашим мнением по существу данного вопроса.

Если после приобретения нами упомянутых кораблей нам удастся разрешить дипломатически-трудную задачу проведения их в Черное море, то тем самым преобладание турок в этом море будет раз и навсегда устранено вследствие численного превосходства нашего черноморского флота над турецким, которое Турции не удастся тогда изменить в свою пользу как вследствие отсутствия на рынке других дредноутов, так и по причине нашего дальнейшего черноморского судостроения. Если бы провести эти корабли в Черное море оказалось невозможным, то они во всяком случае будут в ближайшие тревожные годы весьма полезны России в Балтийском море и в особенности в Средиземном, где они могут составить вместе с потребным числом крейсеров и миноносцев Балтийского флота наш средиземноморский отряд, который сможет взять на себя стратегическую задачу при всякой политической обстановке компенсировать преобладание турецкого флота над нашим в Черном море.

Вышеизложенное мероприятие, обсужденное под моим председательством особым совещанием из высших должностных лиц вверенного мне министерства, признано морским ведомством необходимым и требующим срочного осуществления.

Прошу вас, милостивый государь, и пр.

И. Григорович.

№ 51. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

20/7 января 1914 г.

Dans son aide-mémoire du 4/17 janvier l'ambassade de sa majesté britannique a eu l'honneur de communiquer au gouvernement impérial

la réponse des Puissances de la Triple Alliance [1] à la proposition faite par Sir E. Grey quant à l'allocation des îles de la mer Egée [2]. Sir E. Grey est d'avis qu'il devrait exprimer sa satisfaction générale sur les termes de cette réponse tout en faisant sur des points particuliers les observations suivantes.

Paragraphe I. Comme la date du 5/18 janvier est déjà passée, elle devrait être remplacée par l'expression „aussitôt que possible" [3].

La phrase „engagement de faire cesser" devrait être modifiée. La Grèce ne peut pas être tenue responsable pour des embarras qui pourraient être causés à l'avenir par Ismail Kemal, par Essad Pacha ou par quelqu'autre aventurier indépendant dans l'Albanie du Sud. Par conséquent Sir E. Grey propose une formule à peu près comme suit: „La Grèce s'engage à n'offrir aucune résistance et à ne pas prêter ni son soutien ni son encouragement direct ou indirect à aucune sorte de résistance...".

Sir E. Grey est prêt à donner son consentement au paragraphe II.

Tout en acceptant paragraphe III Sir E. Grey ferait observer que, tant qu'une des grandes Puissances restera en occupation de ces îles, la situation sera anormale. De même bien que la restitution des îles à la Turquie conformément aux termes du traité de Lausanne, doive en premier lieu être arrangée entre l'Italie et la Turquie, Sir E. Grey ferait remarquer que toutes les Puissances auxquelles il incombait, d'après l'accord conclu au mois d'août dernier, de décider la destination définitive des îles s'intéressent également au sort de celles-ci [4].

Sir E. Grey voudrait achever ces observations en proposant que deux déclarations basées sur la réponse de la Triple Alliance, mais modifiées comme ci-dessus indiqué, seraient rédigées par les six Puissances et communiquées à Athènes et à Constantinople à condition que les Puissances déclarent formellement qu'elles agiraient le cas échéant

---

[1] Опубл. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14253, Anlage.

[2] Имеется в виду упоминавшаяся выше нота Грея от 12 дек./29 ноября 1913 г. (опубл. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14203, Anlage).

[3] Германский ответ на декабрьскую ноту Грея связывал предоставление Греции о-вов с обязательством греков эвакуировать к 18/5 янв. оккупированную ими часть Албании.

[4] Английская ответная нота (от 23 янв.) в окончательной редакции, а также проекты коллективных нот греческому и турецкому прав-ам, опубл. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14256. По сообщению Крупенского (депеша от 27/14 янв. за № 3), „римский кабинет был несколько разочарован" нотою Грея в части, касающейся островов Додеканеза.

d'un commun accord pour imposer respect de cette décision aux gouvernements grec et ottoman.

En portant ce qui précède à la connaissance du ministère impérial des affaires étrangères, l'ambassade d'Angleterre est chargée de le prier de bien vouloir lui faire savoir la manière de voir du gouvernement impérial à cet égard [1].

Перевод.

В своей памятной записке от 4/17 января посольство его британского величества имело честь сообщить императорскому правительству ответ держав Тройственного союза на предложение, сделанное сэром Э. Греем относительно присуждения островов Эгейского моря. Сэр Э. Грей думает, что ему следовало бы выразить свое удовлетворение по содержанию этого ответа в целом, с нижеследующими оговорками по отдельным пунктам.

Параграф I. Так как дата 5/18 января уже прошла, она должна быть заменена выражением „в возможно скорейшем времени".

Фраза „обязательство прекратить" должна быть изменена. Греция не может считаться ответственной за затруднения, которые могут быть вызваны в будущем Измаилом Кемалем, Эссадом-пашой или каким-нибудь другим авантюристом в южной Албании. Исходя из этого, сэр Э. Грей предлагает примерно следующую формулу: „Греция обязуется не оказывать никакого сопротивления, а также не оказывать ни поддержки, ни прямого, ни косвенного поощрения какому бы то ни было сопротивлению"...

Сэр Э. Грей готов дать свое согласие на параграф II.

Принимая параграф III, сэр Э. Грей отметил бы однако, что, поскольку одна из великих держав продолжит оккупацию этих островов, положение останется ненормальным. Равным образом, хотя, согласно статьям Лозаннского договора, вопрос о возвращении островов Турции должен быть в первую очередь урегулирован между Италией и Турцией, сэр Э. Грей считал бы необходимым отметить, что все державы, которым по соглашению, заключенному в августе минувшего года, предоставлено окончательное решение судьбы островов, в равной мере заинтересованы в судьбе этих последних.

Сэр Э. Грей желал бы заключить эти замечания предложением, чтобы шестью державами были составлены две декларации, основанные на ответе Тройственного союза, но с вышеуказанными изменениями, и сообщены в Афины и в Константинополь с тем, чтобы державы формально заявили, что в случае надобности они будут действовать с общего согласия, дабы внушить греческому и оттоманскому правительствам уважение к этому решению.

Доводя о вышеизложенном до сведения императорского министерства иностранных дел, английское посольство уполномочено просить поставить его в известность о точке зрения по этому поводу императорского правительства.

[1] Памятной запиской от 26/13 янв. 1914 г. росс. м-во ин. дел сообщило английскому посольству в Петербурге, что оно разделяет точку зрения английского правительства и готово присоединиться к предполагаемым выступлениям в Константинополе и Афинах.

№ 52. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [1].

20/7 января 1914 г.

Последние донесения наших консульских представителей в Австро-Венгрии отмечают перемену, обнаруживаемую в отношении правительств обеих половин монархии к некоторым народностям, ее населяющим, в особенности к сербам и румынам, под воздействием последних событий на Балканах.

По словам нашего генерального консула в Будапеште, возродившееся в Хорватии стремление к соединению с Сербиею заставило венгерское правительство понять, „что терять времени более нельзя и необходимо добиться немедленного примирения с Хорватией путем уступок“ [2]. Генеральный консул доносит, что „с венгерской стороны хорватам были обещаны следующие меры: созвание хорватского собора, отмена чрезвычайного положения, восстановление должности бана, свободы печати и собраний, восстановление славянских официальных названий хорватских городов и созвание депутации венгерского и хорватского парламентов для разрешения вопроса о языке на хорватских железных дорогах на приемлемой для обеих сторон основе. Большинство из этих мер уже осуществлено“ [3].

Одновременно с этим венгерское правительство дало понять трансильванским румынам о своей готовности считаться с высказанными ими пожеланиями, в числе коих стоит предоставление Трансильвании автономии. Заслуживает внимания при этом замечание консула, что промелькнувшее в одном из органов местной оппозиционной печати известие о допущении, будто бы, в некоторых частях Бессарабии при совершении божественной литургии румынского языка и об открытии, будто бы, в Бессарабской губернии целой серии частных румынских школ, было обойдено молчанием почти всеми местными газетами. Больше того: в некоторых из них, в официозном „Pester Lloyd“, появилась дважды заметка, опровергшая со слов „Russische Rundschau“ приведенное выше известие.

В стремлении заигрывать с народностями, коим до сих пор далеко не хорошо жилось в монархии, и в одновременном умалчивании о мерах, способных расположить их симпатии к России,

---

[1] Маш. копия, хранящаяся в Арх. Вн. Пол. в деле С. А. № 284. Опубл. L. N, II, p. 373—376.

[2] В L. N. (p. 373) кавычки опущены.

[3] В L. N. (p. 373) кавычки опущены.

можно усмотреть, что правительственные круги в австро-венгерской монархии отдают себе отчет в значении национальных внутренних вопросов с точки зрения международных интересов и прежде всего в отношении к России.

Известия, приходящие из Австро-Венгрии, о брожении народностей нельзя не сопоставить с донесениями из Сербии и Румынии о чрезвычайном усилении ирредентизма и в связи с этим о растущем тяготении народных симпатий в сторону России, с коей связываются надежды на осуществление в будущем народных идеалов.

Можно предвидеть, что в связи с этими народными движениями, действующими как исторические силы, подтачивающие государственный механизм австро-венгерской монархии, перед нею станет, быть может, в недалеком будущем [1] выбор между двумя путями: либо коренного переустройства государственного строя на почве федерализма отдельных народностей, либо отчаянной борьбы с целью конечного утверждения преобладания германо-венгерского меньшинства над всеми другими народностями империи.

Колебанием между двумя течениями объясняется нынешняя неустойчивость как внутреннего, так и внешнего положения Австро-Венгрии, чреватая несомненными опасностями, как это показал опыт минувшего года. В известный момент, особенно если Германия к этому была бы расположена, в Австро-Венгрии может одержать верх воинственное течение, сторонники коего указывают, что война,—быть может, единственный выход из неразрешимых внутренних затруднений.

Указанное течение, равно как и господство германского меньшинства в Австро-Венгрии, не могли бы иметь места, если бы правительство империи не находило опоры в наиболее сильной из всех народностей Австро-Венгрии—польской. По отношению к полякам [2] Австро-Венгрия могла до сих пор с успехом применять указанный выше излюбленный прием заигрывания с народностями и одновременного противоположения своей либеральной [3] политики отношению к тем же народностям со стороны России. При этом удачно используется характерная черта впечатлительности и легкой возбудимости поляков. В минувшем году, в эпоху наибольшего обострения отношений между обеими империями, австрийцы не

---

[1] В L. N. (р. 374): „dans un avenir éloigné".
[2] В L. N. (р. 374) слова „по отношению к полякам" опущены.
[3] В L. N. (р. 374) слово „либеральной" опущено.

скупились в обещаниях полякам, которых убеждали, что будущая война приведет к раскрепощению и объединению этой народности. Между тем до последнего времени в наиболее благоразумной части польского общества не умирало сознание в ошибочности иллюзий, внушаемых австрийцами, и в невозможности правильно поставить свою национальную политику вне связи с славянским миром и во главе его с Россиею. Представители этого течения до недавнего сравнительно времени могли ссылаться на то обстоятельство, что, несмотря на неприятное для поляков возбуждение холмского вопроса, они получили известную уверенность в том смысле, что по разрешении холмского вопроса Царство Польское может рассчитывать на расширение некоторых прав в области самоуправления, языка и школы.

С соизволения вашего императорского величества покойный председатель совета министров П. А. Столыпин считал возможной и желательной такую постановку вопроса. Вот почему недавнее голосование Государственного совета по вопросу о применении польского языка в городском самоуправлении вызвало справедливую горечь со стороны наиболее благоразумных элементов польского общества, которые указывают, что ряды их неизбежно редеют, и они могут оказаться бессильными направить свой народ в здоровое русло.

Если я приемлю смелость докладывать вашему императорскому величеству по вопросам, не входящим в прямое ведение министра иностранных дел, то я решаюсь делать это, государь, из глубокого убеждения неразрывной связи этих вопросов с задачами и основами внешней политики России. Если Россия не отказывается от своей роли, предуказанной ей историей, среди славянских народов, если, с другой стороны, мы не можем быть уверены в прочности нынешнего политического положения и в долговременности мира, то на обязанности министра иностранных дел лежит всеподданнейше донести вашему императорскому величеству о желательности установить единую последовательную политику в области национальных вопросов у себя дома и за рубежом, без чего затруднено было бы успешное проведение задач, предуказываемых вашей державной волей.

Рассматривая польский вопрос в связи с нашими отношениями с обеими соседними германскими империями, нельзя не признать в высшей степени желательным, чтобы поляки ясно отдавали себе отчет, насколько определенно отношение к ним русского правительства. Я далек от мысли, что все вожделения польского наро-

да в Царстве Польском могут быть осуществлены. Я отдаю себе также отчет в опасности роста этих вожделений, но я полагаю, что разрешение вопроса заключается не в расчете на эмоциональные и скоропреходящие впечатления, а на создании реального интереса, который связывал бы поляков с русской государственностью и создавал бы твердую почву для умеренных и разумных элементов. Неумеренные вожделения не устраняются простым отказом в удовлетворении даже и разумных пожеланий. С ними легче бороться, если правительство уяснит самому себе точные пределы, которых оно не хочет перейти, и заранее укажет на них полякам. Только осуществляемые сильной властью преобразования не получат характера каких-то вынужденных уступок и могут оказать желательное воздействие с точки зрения тех международных интересов, от коих я отправляюсь в своем суждении.

Новые течения, обнаруживающиеся в австро-венгерской политике по национальным вопросам, побуждают меня к мысли, что для нас настало время пересмотреть вопрос о том, в какой мере могут быть постепенно удовлетворены разумные желания польского общества в области самоуправления, языка, школы и церкви с тем, чтобы одобренные вашим императорским величеством решения проводились на местах без уклонений, способных скомпрометировать цель, которая имеется в виду.

Цель эта в моих глазах заключается в служении великодержавным задачам России, которые не могут получить должного осуществления в пределах узкого и близорукого национализма, который никогда не встречал сочувствия вашего императорского величества. Это убеждение и дало мне смелость с полной искренностью повергнуть мои суждения на благовоззрение вашего императорского величества.

В случае, если бы вышеизложенные соображения получили одобрение вашего императорского величества, я считал бы соответственным сообщить их председателю совета министров и министру внутренних дел. [Сазонов.]

№ 53. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 57 [1]. 20/7 января 1914 г.

Сообщается в Валону.

По сведениям греческого правительства, в Австрии делаются

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 33, № 1236.

подготовления к возможному совместному с Италией занятию Албании[1]. Здешний сербский посланник официально уведомляет нас[2], что, ввиду происходящих в Албании беспорядков и перехода туда вооруженных мусульман из новых сербских территорий, его правительство принуждено будет принять предохранительные меры[3] на границе. Пашич вновь[4] высказывает взгляд о предпочтительности совместного занятия Албании международными отрядами всех держав вместо такого же занятия одной или двумя державами.

Прошу вас осведомиться о взгляде правительства, при коем вы аккредитованы, о положении, которое оно признает соответственным принять по поводу известий из Албании. Признавая желательным установление между державами Тройственного согласия такой же солидарности, какая в этом вопросе обнаруживается Тройственным союзом[5], считали бы наиболее целесообразным принятие инициативы лондонским кабинетом[6].

Сазонов.

---

[1] У Stieve: „...macht Österreich Vorbereitungen um in Gemeinschaft mit Italien Albanien zu besetzen".

[2] Письмо сербского посланника в Петербурге Спалайковича на имя Сазонова от 20/7 января 1914 г.

[3] У Stieve: „...energische Massregeln".

[4] У Stieve слово „вновь" опущено.

[5] У Stieve: „Stellen Sie fest was die englische Regierung über die Lage denkt und welche Haltung sie aus Anlass der Nachrichten aus Albanien einzunehmen gedenkt, ob sie es für nützlich hält, dass zwischen den Mächten der Entente eine ebensolche Solidarität vereinbart werde, wie sie der Dreibund in dieser Frage zeigt". (У Stieve воспроизводится тел., адресованная в Лондон.)

[6] В ответной тел. от 21/8 янв. 1914 г. за № 8 Бенкендорф сообщал, что Грей разделяет точку зрения франц. прав-ва, согласившегося на посылку судов в Албанию без высадки на берег (см. № 57), и сомневается, чтобы английское правительство решилось взять на себя инициативу в вопросе международной оккупации Албании; если же Австрия или Италия предложат прибегнуть к оккупации — международной или австро-итальянской,—то, по мнению Грея, державы Тройственного согласия должны принять по данному вопросу общее решение. Тел. от 22/9 янв. 1914 г. за № 12 Извольский сообщал, что Думерг высказался против вооруженного вмешательства держав Тройственного согласия в албанские дела, но после того, как Извольский указал ему на возможность совместного вмешательства Австрии и Италии, Думерг согласился, „как на крайнюю меру", на высадку войск в Валоне и Дураццо с целью поддержания там порядка и охранения собственных интересов. Военные действия внутри страны, по мнению Думерга, следует предоставить Австрии и Италии, „ибо во Франции общественное мнение не поймет, чтобы французские солдаты подвергались опасности ради подчинения албанцев правительству принца Вида". (Опубл. Stieve, IV, S. 34, № 1238.)

№ 54. Министр иностранных дел поверенному в делах в Вене Кудашеву.

*/. Телеграмма № 62. 20/7 января 1914 г.
Citc.

Вызванный защитою для дачи показаний, устанавливающих отсутствие политической подкладки обращений в православие, граф Бобринский желает лично явиться в Мармарош-Сигет. Благоволите осведомиться и телеграфировать, может ли Бобринский сделать это без риска быть недопущенным в пределы Австро-Венгрии или арестованным, так как новый инцидент на этой почве был бы, несомненно, весьма нежелательным с точки зрения налажения лучших австро-русских отношений [1].

Сазонов.

№ 55. Министр иностранных дел морскому министру Григоровичу.

Письмо № 12. 20/7 января 1914 г.
Срочно. Секретно.

М. г. И[ван] К[онстантинович],

Вследствие секретного письма от [19] 6 сего января за № 39/7 [2] касательно желательности приобретения нами дредноутов, которые иначе могут быть куплены Турцией, считаю долгом уведомить в-е пр-во, что, не входя в оценку боевых качеств означенных судов, каковая всецело принадлежит вверенному вам ведомству, не могу с своей стороны не присоединиться в принципе

---

[1] В тел. от 21/8 янв. 1914 г. за № 4 Кудашев сообщал, что им сделано соответствующее представление австро-венг. правительству. В тел. от 23/10 янв. 1914 г. за № 7 Кудашев передавал текст ответа австро-венг. прав-ва, гласивший, что при въезде в Венгрию Бобринский будет арестован, так как отданный в 1910 г. приказ об его аресте сохраняет силу. В заключение в ответе австро-венг. прав-ва указывалось, что мармарошский процесс возник „исключительно вследствие деятельности графа Бобринского и его сторонников, которая, несомненно, не облегчает задачи поддержания добрых отношений между обеими империями". Тел. от 25/12 янв. 1914 г. за № 90 Сазонов уведомлял Кудашева, что, находя излишним настаивать на допущении Бобринского к даче показаний, он тем не менее не считает возможным оставить последнюю фразу записки австро-венг. м-ва ин. дел без возражений, и поручал ему передать австро-венг. прав-ву ответную записку (текст ее сообщался Кудашеву в тел. от того же числа за № 91), в которой отмечалось, что последнее утверждение австро-венг. м-ва ин. дел, „быть может, отпало бы, если бы графу Бобринскому была предоставлена возможность выступить со своими объяснениями" на суде.

[2] См. № 50.

к высказанному в означенном письме мнению с точки зрения необходимости оградить преобладание нашего Черноморского флота над турецким[1].

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 56. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 8[2]. 20/7 января 1914 г.

Получил телеграммы № 18[3] и 20[4].

Копия в Константинополь.

Сообщил их содержание французскому правительству, которое ныне ответило мне следующей памятной запискою:

Le président du Conseil a l'honneur de faire connaître à l'ambassadeur de Russie qu'il ne voit aucun inconvénient à ce que l'accord russo-turc soit paraphé dans les mêmes conditions que les accords anglo-turc et franco-turc et à ce que le consentement de principe de la Russie à la surtaxe de 4% soit donné en même temps. Quant à la signature définitive des accords de chacun des trois gouvernements de la Triple Entente avec la Turquie, M. Doumergue estime qu'il y a un intérêt politique considérable à la donner simultanément, après entente sur la date entre la Russie, l'Angleterre et la France. Cette signature devrait en effet être réservée jusqu'au moment où les accords entre

---

[1] Далее зачеркнут абзац: „К сему считаю долгом присоединить, что мы могли бы, быть может, повлиять на французское прав-во, дабы оно поставило одним из условий своего согласия на заключение предполагаемого займа в Париже обязательство не тратить в течение известного периода времени более точно определенной суммы на морские вооружения Турции. Впрочем, не имея возможности поручиться за проведение такого условия в форме обязательства, я считал бы необходимым, в случае если бы его удалось навязать Турции, располагать возможностью силою воспрепятствовать его нарушению в случае покупки турками какого-либо судна“. 14/1 февр. 1914 г. за № 261 Сазонов телеграфировал в Вашингтон: „Благоволите оказать морскому агенту поддержку в исполнении возложенного на него поручения касательно судов „Ривадавия“ и „Морено“. В ответной тел. от 20/7 февр. 1914 г. за № 5 Бахметев сообщал, что в Нью-Йорке „директор завода отказался вести переговоры“ с росс. морским агентом относительно аргентинских судов, „пока мы не предложим минимальную цену за оба в 36 милл. долларов, ввиду того, что Аргентина надеется будто бы продать Турции и Греции по одному за 20 милл. каждое, и подобные переговоры этих держав, повидимому, действительно существовали“.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 32—33, № 1235.

[3] См. № 19.

[4] См. № 20.

l'Angleterre et l'Allemagne, ainsi qu'entre la France et l'Allemagne, sur les questions d'Asie Mineure, auront pu aboutir. Le gouvernement anglais a presque terminé ses pourparlers à cet égard. Quant au gouvernement français, il a dejà avancé ses négociations à Berlin, qui vont reprendre incessamment et dans des conditions qui permettent d'espérer une solution rapide. Fin de la communication. Les mots „paraphé" et „de principe" dans la première phrase et les mots „signature définitive" dans la seconde sont soulignés.

Iswolsky.

Перевод.

Председатель совета министров имеет честь довести до сведения российского посла, что он не видит никакого неудобства в том, чтобы русско-турецкое соглашение было парафировано на тех же условиях, что и англо-турецкое и франко-турецкое соглашения, равно как и в том, чтобы в то же самое время Россией было дано принципиальное согласие на 4%-е увеличение таможенных пошлин. Что касается окончательного подписания соглашения с Турциею каждой из трех держав Тройственного согласия, г. Думерг полагает, что в политическом отношении весьма важно, чтобы они подписаны были одновременно после того, как Россия, Англия и Франция договорятся относительно даты. Это подписание, конечно, должно быть отложено до момента, когда могут быть достигнуты соглашения между Англией и Германией, равно как и между Францией и Германией по малоазиатским вопросам. Английское правительство почти закончило свои переговоры по этому поводу. Что касается французского правительства, оно уже продвинуло в Берлине свои переговоры, которые незамедлительно возобновятся и в таких условиях, которые позволят надеяться на быстрое решение.—Конец сообщения. Слова „парафировано" и „принципиальное" в первой фразе и слова „окончательного подписания"—во второй подчеркнуты.

Извольский.

№ 57. Посол в Париже министру иностранных дел.

$\cdot$/. Телеграмма № 10 [1]. 20/7 января 1914 г.

Le gouvernement français ne possède en Albanie que des intérêts d'ordre secondaire et n'a pas caché sa répugnance à coopérer à une politique d'action dans cette région. Il demeure opposé à toute intervention qui a été proposée à la Commission de contrôle, par l'envoi d'un détachement de 500 hommes de la garnison de Scutari contre Essad Pacha, soit par le débarquement même ... de marins. Monsieur Doumergue est ... toutefois d'accord avec Monsieur Sazonow qu'il y aurait des inconvénients certains à admettre une action isolée de l'Autriche et de l'Italie. En conséquence le gouvernement britannique se montrant à son tour disposé à envoyer un navire de guerre sur les

[1] Настоящая тел. является изложением письменного сообщения Думерга, переданного Извольскому 20/7 января, как это видно из тел. Извольского от того же числа за № 9.

côtes d'Albanie, le gouvernement français consentirait à se rallier à cette nouvelle ligne de conduite, même au cas où l'Allemagne persiste dans sa politique d'abstention, cette attitude du Cabinet de Berlin paraissant surtout inspirée par le désir de faciliter une coopération isolée de ses alliés dans les affaires albanaises, toutefois le gouvernement français n'agissant dans ces circonstances que dans un sentiment de solidarité européenne et en vue d'affirmer la cohésion [et] de réserver les droits éventuels de la Triple Entente, croit utile de préciser que l'action de la force navale qui sera ainsi détachée dans les eaux albanaises, excluera, en principe, toute opération de débarquement et constituera jusqu'au nouvel ordre, une simple mesure d'observation et de surveillance.

Iswolsky.

Перевод.

Французское правительство имеет в Албании интересы лишь второстепенного значения и не скрывало своего отрицательного отношения к участию в активной политике в этой области. Оно продолжает относиться отрицательно ко всякому вмешательству, которое было предложено контрольной комиссии, путем ли посылки отряда в 500 человек из скутарийского гарнизона против Эсад-паши или даже путем десанта... моряков. Г-н Думерг... тем не менее согласен с г. Сазоновым, что допущение изолированного выступления Австрии и Италии представляло бы известные неудобства. В силу этого, так как и английское правительство проявляет в свою очередь готовность послать военное судно к албанскому побережью, французское правительство согласилось бы присоединиться к этой новой линии поведения даже в том случае, если бы Германия настаивала на своей политике воздержания, так как эта позиция берлинского кабинета, повидимому, вдохновляется преимущественно стремлением облегчить изолированное сотрудничество его союзников в албанских делах; тем не менее французское правительство, действуя в этих условиях исключительно из чувства европейской солидарности и с целью подчеркнуть прочность связи и оградить на будущее время эвентуальные права Тройственного согласия, считает полезным твердо оговорить, что в круг деятельности военных судов, которые будут направлены в албанские воды, принципиально не будет включена какая бы то ни было десантная операция, причем деятельность эта явится впредь до нового распоряжения простою мерой наблюдения и надзора.

Извольский.

№ 58. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 24. 20/7 января 1914 г.

Продолжение № 22 [1].

Австрийскому послу великий визирь сказал, что никаких пере-

[1] В тел. от 20/7 янв. 1914 г. за № 22 Гулькевич сообщал, что великий визирь заявил итальянскому послу то же самое, что—как это видно из публикуемой тел.— он сообщил и австрийскому. „Итальянский посол и Джемаль-паша, — сообщал Гулькевич, — опровергают также сведения о продаже Италией судов Турции".

говоров о покупке судов Турция в настоящее время не ведет; но что если бы Греция увеличила свой флот новою крупною боевою единицею, то и Турция была бы в таком случае вынуждена приобрести один из находящихся в Америке готовых дредноутов, несмотря на их будто бы несовершенство. Гулькевич.

№ 59. Управляющий генеральным консульством в Тавризе заведующему отделом Среднего Востока Клемму.

Телеграмма № 19. 20/7 января 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Полагал бы крайне необходимым приезд в Тавриз агента министерства торговли и промышленности для выяснения способов более успешной борьбы нашей торговли с иностранной, особенно германской, конкуренцией, более тесного сближения наших коммерсантов на указанной почве, чему генеральным консульством уже положено начало рядом заседаний, подтвердивших своевременность открытия русской торговой палаты в Тавризе.

Принимая во внимание нарекание русских коммерческих кругов на слабую поддержку их в борьбе с растущей иностранной конкуренцией со стороны нашего банка, крайне желателен и своевременен был бы приезд кого-либо из представителей правления означенного банка, дабы совместными усилиями генерального консульства, агента министерств[1] торговли и финансов решить ряд насущнейших вопросов о нашей торговле и устранить тем вопиющие недостатки, которыми пользуются в своих выгодах наши иностранные конкуренты.

Генеральное консульство, заваленное работой, бессильно одно справиться с предъявляемыми к нему запросами[2].

Преображенский.

[1] Так в подлиннике.

[2] В тел. от 24/11 янв. 1914 г. за № 13, подтверждая необходимость командирования в Тавриз агента м-ва торговли и промышленности, Саблин сообщал в м-во ин. дел: „Кроме конкуренции Германии в том же Азербайджане растет еще одна опасность — турецкая. Поговаривают также о ремонте Трапезундской дороги вплоть до введения на ней грузового автомобильного движения, по каковому пути пойдут германские товары". В делах б. м-ва ин. дел (дело П. ст. № 647 н.) сохранился адресованный на имя Коростовца проект письма на бланке „За директора первого департамента М. И. Д." без подписи и без номера, с надписью карандашом: „подождать немного", датированный январем 1914 г. В нем сообщалось, что „вопрос об усилившемся германском проникновении в Персию уже занимает в высокой степени внимание как наше, так и заинтересованных ведомств", и что предложение Преображенского передано „на заключение соответствующих органов центрального управления".

№ 60. Управляющий генеральным консульством в Тавризе заведующему отделом Среднего Востока Клемму.

·/. Телеграмма № 20. 20/7 января 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Из достоверных источников мне удалось узнать, что шахское правительство, не рассчитывая на новую попытку добиться выборов в Тавризе, неуспех коих оно приписывает противодействию русской дипломатии, обратилось тайно к содействию германской и турецкой дипломатии в Тегеране. Атиф-бею предписано совместно с Шюнеманом дать свое заключение и выработать меры к успешному проведению выборов в Тавризе. На прошлой неделе Шюнеман и Атиф-бей по совещании, подтверждая бесплодность попыток открытого проведения в городе выборов, телеграфировали, что единственным разумным выходом в таком затруднительном положении было бы разрешение им открыть бест в турецком и германском консульствах всем конституционалистам, что, по их мнению, вызовет партийную борьбу, пробудит интерес индиферентного населения, и выборы, несмотря на противодействие русских и особенно стойкого Шоджа-эд-Доуле, пройдут в желательном для Тегерана смысле под иностранным покровительством в двух проявляющих за последнее время энергичную деятельность консульствах, турецком и германском.

Ссылаясь на секретные указания императорской миссии по сему вопросу, прилагаю исподволь, на случай возможных выступлений Шюнемана и Атиф-бея, все усилия к тайному и весьма осторожному противодействию союзным турецко-германским планам в Тавризе.

Преображенский.

№ 61. Посланник в Пекине вице-консулу в Хайларе Усатому.

Отношение № 2 [1]. 20/7 января 1914 г.

Вследствие донесения вашего от [11 января] 29 декабря минувшего года за № 7 [2], считаю долгом уведомить вас, что, не имея

---

[1] Копия этого отношения была препровождена Крупенским в м-во ин. дел при письме на имя Сазонова от 23/10 янв. 1914 г. за № 6, в котором Крупенский просил дать руководящие указания по баргинским делам. На письме Крупенского — знак рассмотрения (·/.).

[2] Донесение вице-консула в Хайларе на имя росс. посланника в Пекине от 11 янв. 1914 г. /29 дек. 1913 г. за № 7 в копии приложено к письму Крупенского за № 6 (см. предыдущее примечание). В донесении этом сообщалось о решении

определенных указаний от императорского министерства касательно того, в какое время будут начаты наши переговоры с китайцами по баргутскому вопросу, в какую определенную форму они должны вылиться и где они будут сосредоточены, я ограничиваюсь пока сообщением вам для вашего личного сведения следующих общих указаний касательно нашей политики в данном вопросе.

По мнению императорского правительства, Барга, т. е. Хулуньбуирский округ, должна разделить участь Северной Манчжурии. Вследствие сего мы не включили Баргу в автономную Монголию и в принципе согласны на восстановление там китайского суверенитета. Последнее должно однако произойти путем мирных переговоров, в которых императорское правительство возьмет на себя роль посредника. Подчинение же Барги вооруженной силой слишком затронуло бы русские интересы, чтобы мы могли отнестись к нему безучастно. Поэтому всякий раз, как получалось известие о каких-либо приготовлениях китайцев к походу в Баргу, мною делались весьма категорические представления китайскому правительству, от коего мною ныне получены уверения о желании его восстановить свой суверенитет в Барге мирными средствами и о готовности его прибегнуть с этой целью к нашему посредничеству.

По получении более определенных указаний, я не премину снабдить вас дополнительно соответствующими инструкциями.

[Крупенский.]

№ 62. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 67 [1]. 21/8 января 1914 г.

Ссылаюсь на ваш 616 [2].

Благоволите довести до сведения президента республики, что

съезда баргинских старшин обратиться к монгольскому прав-ву с просьбой об оставлении Барги под властью хутухты и в случае неуспеха ходатайствовать через хутухту перед русским прав-вом о предоставлении Барге самостоятельного внутреннего управления под властью Китая с непосредственным подчинением китайскому президенту; при этом имелось в виду просить о посредничестве России при ведении переговоров с китайцами и о гарантии со стороны России в том, что расправа с баргутами не будет допущена и что выговоренные баргутами права впоследствии не будут отменены. Вместе с тем в донесении сообщалось о намерении китайских властей в Цицикаре начать переговоры с баргутами.

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 33, № 1237.

[2] В тел. от 5 янв. 1914 г. /23 дек. 1913 г. за № 616 Извольский писал: „За последние дни в здешних газетах было много разноречивых толков о будущей поездке президента республики в Россию. Сегодня я виделся с Пуанкаре, кото-

его императ[орское] велич[ество] с удовольствием примет его между 7 и 20 июля по старому стилю [1].

Сазонов.

№ 63. Министр иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу.

·/. Телеграмма № 68 [2]. 21/8 января 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 23 [3].

Принятие принципа равного представительства для трех вилайетов: Битлиса, Вана и Эрзерума, является пределом возможных с нашей стороны уступок.

Что касается школ, вполне одобряем предложенный вами текст.

[Сазонов.]

№ 64. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 10. 21/8 января 1914 г.

Grey me parla de sa proposition de double démarche à Constantinople et à Athènes concernant question des îles et l'Albanie [4]. Il me fit observer que démarche ne pourrait être identique, attendu que question Albanie ne regardait que la Grèce. Grey me dit avoir informé Vénizélos ce matin de possibilité d'une démarche des Puissances à Athènes. Vénizélos a répondu que gouvernement grec accepterait proposition ainsi faite, moyennant quelques altérations dans tracé que gouvernement italien aurait considéré lors de son séjour à Rome favorablement. A ce sujet Grey me dit qu'après avoir présidé à réunions des ambas-

---

рый сказал мне, что он действительно был бы очень счастлив сделать визит государю императору будущим летом, если это будет угодно его величеству. Он просил меня во время предстоящего пребывания моего в Петербурге осведомиться о высочайшей воле и выяснить подробности о месте, времени и других условиях свидания".

[1] В ответной телеграмме от 24/11 янв. 1914 г. за № 15 (опубл. Stieve, IV, S. 34, № 1239) Извольский сообщал, что „ввиду проникших ранее в печать слухов и во избежание кривотолков" Пуанкаре „считал бы полезным ныне же оповестить об этом публику".

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 147, № 132.

[3] Тел. от 20/7 янв. 1914 г. за № 23 (опубл. Ор. кн., стр. 146—147, № 131 с сокращениями) Гулькевич уведомлял, что он предложил великому визирю формулу, принятую армянами и сообщенную им в тел. от 19/6 января за № 19 (см. № 49), и что турецкое правительство упорно отстаивает свое предложение.

[4] См. № 51.

sadeurs où décisions avaient été prises, il ne croyait pas pouvoir prendre initiative pour altérations, mais qu'il n'objecterait pas à celles sur lesquelles un accord s'établirait. Grey me dit qu'au sujet neutralité à établir sur îles jusqu'ici turques acquises à Grèce, Vénizélos aurait fait observer que neutralité empêcherait Grèce de prendre toutes mesures de défense et que îles seraient exposées à coup de main turc, que si les Puissances exigeaient neutralité, il lui paraissait de justice que Puissances assumaient garanties. Grey lui dit que cette observation n'offrait pas de fondement et que le gouvernement anglais pour sa part ne se refuserait pas à garantir. Mais il conseilla à Vénizélos avant de poser cette question officiellement de s'informer confidentiellement du point de vue de toutes les autres Puissances. Dans l'idée de Grey pareilles garanties ne pourraient être assumées que par toutes les Puissances. Opposition d'une ou de plusieurs ferait échouer le projet. Un refus explicite à ce sujet aurait pour conséquence désavantage pour Grèce d'établir explicitement absence de garantie des Puissances qui ont décidé du sort des îles. Grey me dit que Vénizélos tiendrait beaucoup à ce que démarche ait lieu avec le moins de retard possible. Il m'a prié de vous communiquer son désir de recevoir votre réponse le plus tôt possible.

Benckendorff.

Перевод.

Грей говорил мне о своем предложении двойного выступления в Константинополе и в Афинах по вопросу об островах и Албании. Он отметил, что выступление не может быть идентичным, поскольку албанский вопрос касается только Греции. Грей сказал мне, что он известил этим утром Венизелоса о возможности выступления держав в Афинах. Венизелос ответил, что греческое правительство приняло бы сделанное таким образом предложение, при условии некоторых изменений в пограничной линии, к которым во время его пребывания в Риме итальянское правительство отнеслось доброжелательно. По этому поводу Грей сказал мне, что после того, как он председательствовал на совещаниях послов, на которых были приняты решения, он не считает возможным брать на себя инициативу в отношении изменений, но что он не возражал бы против тех, относительно которых состоялось бы соглашение. Грей сказал мне, что по поводу нейтрализации островов, принадлежавших до сих пор Турции и присоединенных к Греции, Венизелос отметил, что нейтрализация их помешала бы Греции принять какие бы то ни было меры защиты, что острова подвергались бы опасности турецкого набега и, что если державы требуют нейтралитета, ему казалось бы справедливым, чтобы державы приняли на себя гарантии. Грей ответил ему, что это замечание не может послужить основанием для возражений со стороны Греции, и что английское правительство со своей стороны не отказалось бы дать требуемые гарантии. Но он посоветовал Венизелосу раньше, чем ставить этот вопрос официально, осведомиться доверительно о взглядах всех других держав. По мысли Грея, подобные гарантии

могли бы быть приняты только всеми державами. Оппозиция одной или нескольких погубила бы проект. Ясно формулированный отказ по этому поводу имел бы то невыгодное для Греции последствие, что определенно устанавливалось бы отсутствие гарантии со стороны держав, решивших судьбу островов. Грей сказал мне, что Венизелос очень желал бы, чтобы выступление имело место с возможно меньшей задержкой. Он просил меня сообщить вам о его желании получить в возможно скором времени ваш ответ.

Бенкендорф.

№ 65. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо № 618 [1]. 21/8 января 1914 г.

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [18] 5 ноября мин. года за № 850 [2], по делу о признании Франциею компетентности общественных управлений в полосе Китайской Восточной железной дороги, имею честь уведомить, что я тогда же вступил по сему делу в переговоры со здешним министерством иностранных дел, причем сообщил ему частным образом копию с записки [3], переданной вами по этому вопросу французскому послу, которая от сего последнего в Париже не получена.

Французское правительство было в полном неведении о переговорах наших представителей с великобританскими, германскими и американскими в Пекине и Харбине. На Quai d'Orsay высказали полную готовность признать, как сказано в вашей памятной записке, для своих подданных и протеже обязательство соблюдать муниципальные постановления и выплачивать муниципальные сборы в городах территории Китайской Восточной железной дороги. Но французское министерство вместе с тем сочло нужным отметить, что признание это не должно предрешать вопросов о

---

[1] Лит. копия.

[2] Письмом от 18/5 ноября 1913 г. за № 850 Сазонов уведомлял Извольского, что он передал франц. послу в Петербурге пам. записку по вопросу о признании франц. прав-вом за городскими управлениями в полосе К.-В. ж. д. права издавать обязательные постановления и устанавливать городские сборы.

[3] В пам. записке, переданной франц. послу в Петербурге 14/1 ноября 1913 г., в копии приложенной к письму Сазонова за № 850, росс. м-во ин. дел, указывая на то, что наиболее заинтересованные на Дальнем Востоке страны — Япония, Соединенные Штаты, Германия и Англия—пошли навстречу российск. прав-ву в вопросе о подчинении их подданных обязательным постановлениям и уплате городских сборов в полосе К.-В. ж. д., высказывало пожелание, чтобы и франц. прав-во, по примеру японского, признало для своих подданных и протеже обязательным подчинение муниципальным постановлениям и уплату муниципальных сборов в городах, расположенных на территории К.-В. ж. д.

приведении в исполнение распоряжений муниципалитетов о порядке взыскания причитающихся сумм, о штрафах и пр.

Не вдаваясь в подробности, я не преминул однако указать, что безусловное согласие французского правительства ни к чему его не обязывает, так как все гарантии, которые будут впоследствии выговорены другими державами, будут, разумеется, распространены и на французских подданных и протеже. На это мне было объяснено, что тут главным образом имеют в виду не создавать прецедентов, на кои впоследствии могли бы указывать китайцы при возникновении аналогичных вопросов в других концессиях.

Вместе с тем французское министерство иностранных дел озаботилось собранием сведений о наших переговорах с другими державами и получило таковые от великобританского правительства в форме меморандума, копия коего была мне доверительно сообщена и у сего прилагается [1]. По этому поводу мне было объяснено, что французское правительство готово удовольствоваться гораздо меньшим, чем выговаривается англичанами в этом документе.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу сообщить мне, могу ли я заявить г. Думергу, что мы удовлетворимся официальным с его стороны заявлением в указанных выше выражениях вашего меморандума, причем приведенные выше оговорки будут сделаны им словесно.

Примите и пр. Извольский.

№ 66. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 21/8 января 1914 г.

Получил № 53 [3]. Копия в Константинополь.

Общее двусмысленное поведение нынешнего болгарского правительства, а также другие обстоятельства, изложенные в донесении моем [18] 5 января за № 2 [4], создают почти полную уверенность в том, что если союзный договор между Болгарией и Турцией

---

[1] Копия меморандума Foreign Office от 6 янв. 1914 г./24 дек. 1913 г. хранится в Арх. Вн. Пол., в деле К. № 204.

[2] Номер отсутствует.

[3] В тел. от 19/6 янв. 1914 г. за № 53 Сазонов запрашивал Саблера и Гулькевича, что им известно „по поводу положительного утверждения Греции о состоявшемся между Болгарией и Турциею подписании союзного договора, а также об известии, будто бы Болгария принимает меры военного сосредоточения“.

[4] См. № 44.

еще и не подписан, то оба государства находятся на пути к заключению такого соглашения. По сведениям же, имеющимся в распоряжении нашего военного агента, болгаро-турецкий союз против Греции уже подписан, причем болгары обязались пропустить турецкие войска через свою новую территорию, а при наличии благоприятных обстоятельств оказать туркам и активную поддержку. Указание же на военное сосредоточение пока не подтверждается.

Саблер.

№ 67. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 16. 21/8 января 1914 г.

Вчера здешние австрийский и итальянский посланники по очереди доверительно расспрашивали Пашича о характере и пределах греко-сербского соглашения, видимо, стараясь уяснить себе, в какой степени Сербия обязана защищать греческие притязания на острова. Предполагая вероятность какого-либо австро-итальянского совместного давления в этом деле, Пашич весьма уклончиво отвечал на запросы посланников.

Гартвиг.

№ 68. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 17. 21/8 января 1914 г.

Копии в Париж и Вену.

По частным, но весьма достоверным данным, Пашич осведомился, что в Берлине крайне недовольны тем, что Австрия по делу об интернационализации Восточной железной дороги нашла возможным войти в соглашение с Францией без предварительного обмена взглядов с Германиею.

Гартвиг.

№ 69. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 26. 21/8 января 1914 г.
Срочно.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 44 [1]. Копия Берлин.

Генерал Леонтьев донесением от [18] 5 января [2], посылаемым с завтрашним пароходом, обрисовывает положение, создавшееся

[1] См. № 33.

[2] В рапорте от 18/5 янв. 1914 г. за № 9 Леонтьев, сообщая об отчислении Лимана от командования корпусом, отмечал трудность той обстановки, в которой

вследствие отстранения Лимана от командования первым корпусом. Со своей стороны, вполне разделяю сделанную им оценку. Что касается командования дивизией в Скутари, то возбуждение этого вопроса при отмеченной Леонтьевым обстановке могло бы лишь приостановить начинающееся между германской миссией и турками трениями[1] и даже сплотить их на этой почве. С другой стороны, отказ Лимана от командования корпусом считается здесь весьма крупным нашим успехом, впечатление коего рискует быть значительно ослабленным в случае неудачи новых наших настояний.

Гулькевич.

Пока нам следует приостановиться от дальнейших настояний — дать немцам передышку.

Царское Село, [22] 9 января 1914 г.

№ 70. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 27[2]. 21/8 января 1914 г.

Срочно. Продолжение моего № 26[3]. Копия Берлин.

При сегодняшнем свидании с германским поверенным в делах я мог убедиться в возбуждении, которое произвела на него и немецкие военные круги вынужденная уступка в вопросе об отчислении Лимана от командования корпусом. В дальнейшей беседе он не скрыл от меня, что эту уступку он считает крайней, так как всякое дальнейшее наше вмешательство в вопросы немецкого командования послужило бы к слишком большому умалению достоинства германского имени в глазах турок.

Гулькевич.

предстоит работать германской военной миссии при Энвер-паше. Причины этого, по мнению Леонтьева, в значительной мере коренятся, с одной стороны, в трениях между Лиманом и Энвером, а с другой стороны, в „представляемых ими захватном германском влиянии и воскреснувшем турецком национализме". „Что касается специально должности генерал-инспектора армии, — отмечал Леонтьев, — которую все же, вероятно, получит Лиман-паша, то кажется мне, что сама по себе она не представляет для нас опасности и даже серьезного значения", так как генерал-инспектор турецкой армии, „находясь в полной зависимости от военного министерства, ...никогда не будет иметь решающего значения по должности".

[1] Так в подлиннике.

[2] Опубл. М., стр. 691.

[3] См. № 69.

№ 71. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 28. 21/8 января 1914 г.

Армянский патриархат просит ваше высокопревосходительство не отказать принять во внимание, что генеральные инспектора из бельгийцев, а также из швейцарцев, оказались бы неподходящими ввиду наличности в Турции крупных бельгийских и швейцарских торговых и экономических интересов, из-за которых симпатии таких инспекторов могли бы оказаться на стороне турок. В турецкой печати, даже и официозной, начали появляться сочувственные Бельгии статьи. Патриархат предпочел бы кандидатов из голландцев, датчан, норвежцев и шведов.

Гулькевич.

№ 72. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 29. 21/8 января 1914 г.

Наш морской агент доложил мне, что, ввиду настойчивых слухов об уступке Германиею крейсера „Гебен“, он имел доверительную беседу с майором Штремпелем, бывшим германским здесь военным агентом, ныне начальником штаба генерала Лимана, который сказал дословно следующее: германский император уже однажды соглашался на продажу Турции крейсера „Мольтке“. Продажа эта не состоялась вследствие высокой цены, протеста семьи Мольтке и изменившихся политических условий. Если Россия, вопреки данному будто бы Германии обещанию не противиться заключению турецкого займа во Франции, помешает таковому, то нельзя поручиться в том, что император не отдаст „Гебена“ Турции. Уступка эта, по словам Штремпеля, даже якобы весьма вероятна, тем более, что Россия, повидимому, еще не считает себя удовлетворенною в деле Лимана. Штремпель просил нашего морского агента не называть его фамилии. Посетивший по этому поводу капитана Щеглова французский военный агент считает, что если бы слухи о продаже „Гебена“ подтвердились, то таковую можно было бы считать, как подготовку Германией обще-стратегической обстановки. Капитан Щеглов просит сообщить сказанное морскому генеральному штабу. Со своей стороны, ссылаясь на телеграмму мою № 27[1], решаюсь высказать убеждение, что слова Штремпеля следует приписать его возбужденности и желанию его блё-

[1] См. № 70.

фировать, так как не вижу основания к такой откровенности немецкого офицера; тем не менее, счел долгом довести вышеизложенное до сведения вашего высокопревосходительства ввиду просьбы Щеглова и положения, занимаемого Штремпелем. Турки продолжают отрицать покупку какого бы то ни было дредноута.

Гулькевич.

Это все-таки поучительно и доказывает, как мало можно доверять заявлениям Германии.

Царское Село, [24] 11 января 1914 г.

№ 73. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

Письмо № 18. 21/8 января 1914 г.

Совершенно секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что, вполне разделяя соображения ваши, изложенные в письме от [3 января] 21 декабря минувшего года за № 1089 [1], о нежелательности в наших интересах чинить какие-либо препятствия учреждению в гор. Батуме политическими противниками младотурок отделения организационного бюро в целях борьбы с нынешним турецким правительством, мною предложено и. д. батумского губернатора не препятствовать учреждению упомянутого бюро, в случае, если бы турецкие политические эмигранты пожелали основать таковое, при непременном условии установления самого тща-

---

[1] В письме на имя Воронцова-Дашкова от 3 янв. 1914 г./21 дек. 1913 г. за № 1089 Сазонов сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, в Батуме находится значительное число турецких политических эмигрантов, бежавших от преследований младотурок. По сведениям Сазонова, эмигранты, главное организационное бюро которых находится в Париже (с отделениями в Афинах и Египте), намерены основать в Батуме отделение этого бюро; „их останавливает однако опасение подвергнуться преследованиям со стороны наших полицейских властей, а с другой стороны, нежелание злоупотреблять гостеприимством, оказанным им Россией“. По мнению Сазонова, в интересах России „не чинить каких-либо особых препятствий противникам комитета „Единение и прогресс“, всегда проявлявшего враждебное к России отношение“. Отмечая далее, что приглашением германской военной миссии „комитет возбудил против себя недовольство турецких военных кругов“ и что, „лишив себя таким образом поддержки армии, младотурки облегчают своим противникам борьбу“, Сазонов просил Воронцова-Дашкова не препятствовать учреждению в Батуме отделения организационного бюро, при условии „надлежащего полицейского надзора за недопущением участия в организации русско-подданых“.

тельного негласного полицейского надзора за деятельностью названной организации.

Пользуясь случаем, и пр.

Гр. Воронцов-Дашков.

№ 74. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 11. 22/9 января 1914 г.

Reçu № 49 [1].

Grey m'a dit aujourd'hui beaucoup apprécier votre réponse à l'ambassadeur d'Italie au sujet des compensations qu'exigeait évacuation italienne des îles de la Dodécanèse. Au sujet de ces compensations Grey m'a dit que le terrain choisi par l'Italie était le seul, où les intérêts italiens pouvaient se heurter à des intérêts de concessions anglaises. Que si les sociétés italiennes et anglaises pouvaient combiner leurs intérêts par un arrangement, il n'y verrait probablement pas d'obstacles, que si non, le gouvernement anglais serait obligé de défendre les intérêts anglais engagés.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 49.

Грей сказал мне сегодня, что он очень ценит ваш ответ итальянскому послу по поводу компенсаций, которых требовала Италия за эвакуацию островов Додеканеза. По поводу этих компенсаций Грей сказал мне, что избранная Италией почва является единственной, на которой могут столкнуться итальянские интересы с интересами английских концессий; что если бы итальянские и английские общества могли достигнуть соглашения, он, вероятно, не усмотрел бы к этому препятствий, если же нет, то английское правительство окажется вынужденным защищать затронутые английские интересы.

Бенкендорф.

№ 75. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 13. 22/9 января 1914 г.

Копия в Лондон.

Великобританский посол вручил Думергу записку касательно ответа, который Грей предполагает дать на последнее сообщение держав Тройственного союза по вопросу об Эпире и островах [2]. Думерг сказал мне, что он вполне согласен с этими предположениями. На мой вопрос, как он понимает мысль Грея о понуждении

---

[1] См. № 43.

[2] См. № 51.

Турции к принятию решения держав об островах, Думерг ответил, что, по его мнению, речь может итти лишь о посылке международной эскадры к Хиосу и Митилене и что со своей стороны он готов присоединиться к подобной мере. Из разговора с итальянским послом Думерг заключил, что Италия, обеспокоенная воинственным настроением Турции[1], также готова согласиться на посылку международной эскадры. Титтони присовокупил, что Италия ни в каком случае не допустит попыток Турции вмешаться в албанские дела.

Извольский.

№ 76. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 14. 22/9 января 1914 г.

Получил № 49 [2].

Думерг, которого я ознакомил с ее содержанием, только-что дал мне следующий ответ: L'ambassadeur de Russie a fait connaître une conversation de M. Sazonow avec l'ambassadeur d'Italie, au cours de laquelle ce dernier a demandé que le gouvernement russe envisageât avec bienveillance l'intention de l'Italie de faire dépendre la restitution du Dodécanèse à la Turquie de l'obtention de compensations d'ordre économique à Adalia. M. Iswolsky a exprimé en même temps le désir de connaître le point de vue du gouvernement français. Le président du Conseil a l'honneur d'informer l'ambassadeur de Russie que la question ainsi posée intéresse spécialement l'Angleterre, dont les nationaux ont obtenu antérieurement une concession de chemin de fer de Smyrne à Aidin, comportant des droits de préférence jusqu'à Adalia. A un point de vue plus général, la question même de l'évacuation du Dodécanèse et de la restitution des îles à la Turquie a été posée directement aux Puissances par le gouvernement anglais dans sa note récente [3], à laquelle les gouvernements français et russe ont adhéré. Le gouvernement français est donc prêt à se concerter avec le gouvernement anglais relativement à la réponse que l'Allemagne, l'Autriche et l'Italie viennent de faire à la note anglaise concernant l'éva-

---

[1] В тел. от 15/2 янв. 1914 г. за № 3 Демидов сообщал о сосредоточении „значительных турецких сил вблизи Смирны“ и о том, что греческое прав-во „сочло нужным командировать несколько миноносцев, дабы показать греческий флаг в водах Митилены и Хиоса“.

[2] См. № 43.

[3] Имеется в виду меморандум англ. прав-ва от 12 декабря/29 ноября 1913 г. (см. стр. 16, прим. 4).

cuation de l'Albanie méridionale, l'attribution des îles de la mer Egée à la Grèce et la restitution du Dodécanèse à la Turquie.

Copies — Londres, Constantinople et Rome.

Iswolsky.

Перевод.

Получил № 49.

Думерг, которого я ознакомил с ее содержанием, только-что дал мне следующий ответ: Российский посол сообщил содержание разговора г. Сазонова с итальянским послом, во время которого последний выразил пожелание, чтобы российское правительство доброжелательно отнеслось к намерению Италии поставить возвращение Додеканеза Турции в зависимость от получения компенсаций экономического характера в Адалии. Г. Извольский в то же время выразил пожелание узнать точку зрения французского правительства. Председатель совета министров имеет честь сообщить российскому послу, что вопрос, поставленный таким образом, особенно интересует Англию, подданные которой ранее получили концессию на железную дорогу от Смирны до Айдина, с преимущественными правами вплоть до Адалии. С более общей точки зрения тот же вопрос об эвакуации Додеканеза и о возвращении островов Турции был непосредственно поставлен перед державами английским правительством в его недавней ноте, к которой присоединились французское и российское правительства. Французское правительство поэтому готово согласиться с английским правительством относительно ответа, который недавно был дан Германией, Австрией и Италией на английскую ноту по поводу эвакуации южной Албании, предоставления островов Эгейского моря Греции и возвращения Додеканеза Турции.

Копии: Лондон, Константинополь и Рим.

Извольский.

№ 77. Военный агент во Франции генерал-квартирмейстеру генерального штаба ген. Данилову.

22/9 января 1914 г.
Секретно.

Ваше пр-ство, м. г. Юрий Никифорович,

Настоящим секретным письмом почитаю своим долгом довести до вашего сведения о некоторых новых обстоятельствах, которые, по мнению моему, могли бы иметь значение для наших союзных отношений.

Вашему превосходительству небезызвестно, что одним из главных устоев нашего союза является глубокая и слепая вера французского народа в нашу военную мощь и нашу готовность использовать эту мощь в тот день, когда существование Франции будет поставлено на карту. Тем, в какой форме выразится наша могучая поддержка, публика и даже парламент интересовались до сих пор

сравнительно мало; в этот вопрос были посвящены лишь правящие круги во главе с генеральным штабом и некоторые публицисты, посвятившие себя специальному изучению нашей страны и армии.

За последние месяцы, на мой взгляд, интерес к России возрос; представители разных слоев общества стали совершать более частые путешествия в наши края, а слух о предстоящем новом государственном займе вызвал обсуждение в печати нашего положения вообще и военного могущества в частности.

Упреки, кои нам приходилось неоднократно слышать от французского генерального штаба относительно медленности в нашей мобилизации и сосредоточения, отвода наших корпусов с западной границы и т. п., сделались в настоящее время достоянием общества. В журнале „Correspondant" от 25 декабря появилась прилагаемая при сем статья псевдонима, разбирающего с французской точки зрения степень военной поддержки, на которую Франция может рассчитывать с нашей стороны в случае войны[1]. Статья допускает много серьезных неточностей, написана тяжело, тенденциозно, но произвела тем не менее впечатление на серьезную читающую публику, тем более что другие газеты, ведущие агитацию против нашего займа, стали приводить ссылки на эту статью, в роде прилагаемой при сем брошюры газеты „L'Oeuvre" под заглавием: „Encore un emprunt russe!"

Наш посол нашел желательным, чтобы некоторые серьезные органы прессы дали бы отпор статье „Correspondant", образчиком чего может служить прилагаемая прекрасная статья газеты „Débats"—органа серьезных французских финансистов[2].

---

[1] См. „Correspondant" от 25 дек. 1913 г.; статья „Si la guerre éclatait demain? Il y a la Russie!". В составленном в ген. штабе „кратком извлечении" из присланных гр. Игнатьевым статей полковник Водар пишет об этой статье: „Тон статьи довольно дерзкий в отношении России, но тем не менее ничего умаляющего достоинства нашей армии в глазах иностранцев в ней не замечается. Автор смотрит на союз, как на торговую сделку, где Франция дает деньги, а Россия — свою военную мощь, и потому считает позволительным воспользоваться благоприятным моментом, чтобы запросить больше". Извольский, донося об этой статье „Correspondant" в письме от 15/2 января пишет, что она „является как бы ответом на ряд статей г. Стефана Лозанна" в „Matin". „В некоторых здешних политических кругах Лозанна упрекают... в рекламировании русского займа". Извольский считает возможным, что статья написана чиновником м-ва ин. дел „без ведома начальства". Он принимает меры, чтобы статья не осталась без возражений; „образчиком подобных возражений может служить... статья „Journal des Débats" (см. след. прим.).

[2] „Débats" от 15 янв. 1914 г. Статья R. de Thomasson, „Les relations militaires de la France et de la Russie".

Кроме того, но уже вне всякой связи со статьей „Correspondant“, в газете „Matin“ был помещен ряд статей Stephane Lausanne'а под заглавием „La plus grande Russie“; эти статьи, полные похвал по нашему адресу, написаны, к сожалению, недостаточно серьезно и носят характер чего-то фантастичного.

Для меня лично возмутительная статья „Correspondant“ представила двоякий интерес: с одной стороны, я признал ее крайне опасной, как выразительницу причин недоверия Франции к нам, которое, разрастаясь в будущем, может создать причины тяжелых испытаний для нашего союза. В этом отношении я невольно поставил ее в связь с другой статьей, помещенной в сентябрьском номере того же журнала, посвященной секретной записке о внешней нашей политике бывшего посла, ныне члена Государственного совета, барона Розена, который, отвергая, между прочим, пользу для России от союза с Францией, символизирует желательное политическое положение в Европе в виде рисунка, подаренного императором Вильгельмом одному из наших военных судов; рисунок этот изображает двух воинов, русского и германского, оперившихся друг на друга спиной и поднимающих мечи один на восток, другой на запад.

Оценивая однако недоверие французского общества к газетному печатному слову, я не счел возможным придать какого-нибудь серьезного значения этим первым публичным наветам на якобы недобросовестное отношение наше к союзу.

С другой стороны, как я говорил, меня интересовало впечатление, которое вынес от этой статьи французский генеральный штаб, и с этой целью, кроме товарищей своих из 2-го bureau, я имел вчера длинный разговор с самим генералом Joffre.

Генерал Joffre сказал мне, что, читая эту статью, он прежде всего подумал о генерале Жилинском, опасаясь, чтобы наш начальник генерального штаба незаслуженно [не] упрекнул бы его в нескромности; однако он скоро успокоился на этот счет, т. к. увидел нелепости и искажения действительности, ясно засвидетельствовавшие об отсутствии военных знаний у анонимного автора.

Тем не менее, усмотрев в этой статье совершенно то же значение, что и я, в смысле нежелательного освещения для публики вопроса о нашей военной мощи, он имел первоначально мысль дать какой-нибудь отпор и с этой целью приказал начальнику русского отделения капитану Langlois составить записку, разбивающую по пунктам автора „Correspondant“. При этом однако генерал уяснил себе, что всякий серьезный ответ повлек

бы за собой раскрытие наших военных секретов, и потому ограничился кратким докладом по этому вопросу военному министру; он уверен, что подобно шуму, поднятому осенью по поводу увольнения им генерала Faurie, разговоры о наших союзных взаимоотношениях прекратятся в самом непродолжительном времени.

Коснувшись оценки нашего могущества, я воспользовался этим, чтобы навести разговор на собственные впечатления генерала Joffre'а о нашей армии после его пребывания в Красном Селе.

На это начальник генерального штаба сказал мне, что, как я и предполагал, он ограничился устным докладом военному министру и президенту республики о своей поездке, причем он мог употребить про нашу армию лишь те же слова, кои были им сказаны за прощальным тостом на обеде в ресторане Кюба. Привожу его некоторые заключительные слова: „L'on ne s'imagine pas chez nous, quel énorme travail se fait en ce moment dans votre armée“ [1] и далее: „l'armée russe représente une force beaucoup plus considérable, qu'on estime ordinairement en Europe“ [2].

В частности относительно тактики генерал Joffre сказал, что он гораздо более был удовлетворен нашими войсками, чем своими собственными, виденными на осенних маневрах прошлого года [3].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно заключить, что отношения к нам французского правительства и военного министерства остаются незыблемыми и полными уважения и доверия; появление же статей, подобной настоящей, не представляя само по себе значения для наших отношений, знаменует собою для нас одно из глухих предостережений от возможного к нам охлаждения французского народа, впечатлительность коего неукоснительно требовала от нас внимательного отношения не только к его чувствам, но и к политике с непримиримым его врагом—Германией.

Уважающий вас, покорнейший слуга

Гр. Игнатьев.

---

[1] „У нас не представляют себе, какая огромная работа идет в настоящее время в вашей армии“.

[2] „Русская армия представляет собою силу, гораздо более значительную, чем обычно считают в Европе“.

[3] Против слов „был... года“ на полях помета карандашом: „Вполне с этим согласен. Г.-л. Данилов“.

№ 78. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 5. 22/9 января 1914 г.

Ссылаюсь на № 3561 [1].

Английский посол сделал вчера Берхтольду следующее сообщение: английское правительство не встречает препятствий к предполагаемому 75-миллионному займу для Албании и готово испросить согласие парламента на участие Англии в его гарантировании, si omnes, но находит, что эта финансовая операция не может быть поручена австро-итальянскому банку, акт концессии на которую [2] еще изучается [3]. Берхтольд на это возразил, что значение, придаваемое названному банку, преувеличено: банк этот не будет призван заняться выпуском займа, что было бы, по его мнению, делом комиссии европейских банкиров, собранной, например, в Париже; он должен будет лишь служить: 1) для приема и хранения тех доходов албанского государства, например, табачного, гербового, соляного и пр., которыми по решению держав будет обеспечен заем, и 2) для уплаты по купонам из хранящихся у него сумм тем банкам, которые будут ему указаны державами. По мнению Берхтольда, названный банк может эти операции производить дешевле любого другого. В тех же видах экономии Берхтольд предлагает поручить надзор за действиями банка не специальной новой комиссии, подобно учрежденной для Греции, а существующей уже международной контрольной комиссии. По расчетам здешнего министерства иностранных дел, общая сумма доходов Албании может достигнуть 8 млн. фр., из которых 2 млн. могли бы быть уделены на уплату процентов по займу. Цифры эти, как я слышал от компетентных людей, преувеличены.

Кудашев.

---

[1] В тел. м-ва ин. дел от 9 янв. 1914 г./27 дек. 1913 г. за № 3561 на имя росс. послов в Париже и Лондоне сообщалось, что условия, поставленные кн. Видом (см. стр. 172, прим. 1), представляются м-ву приемлемыми, и указывалось, что следует выяснить при помощи контрольной комиссии, на чем основана сумма займа в 75 милл. фр. В ответе Виду, по мнению м-ва ин. дел, следует упомянуть об условиях международного контроля, которым подчинены финансы и, следовательно, заем Албании.

[2] Так в подлиннике.

[3] Пам. запиской от 21/8 янв. 1914 г. англ. пос-во в Петербурге уведомляло росс. м-во ин. дел, что англ. прав-во готово принять участие в гарантии албанского займа при условии, чтобы в этой гарантии участвовали все остальные державы и чтобы выпуск займа не был поручен австро-итальянскому банку.

№ 79. Консул в Праге министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 22/9 января 1914 г.

В субботу в Петербург приедет депутат рейхсрата Клофач. Он просит, так же, как и директор Ж. Б. [2], распоряжений в газеты, чтобы не сообщалось сведений о их приезде и пребывании в столице. Жуковский.

№ 80. Поверенный в делах в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма [1]. 22/9 января 1914 г.

Копия в Афины. Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 6 [3].

Во исполнение указанной в означенной телеграмме просьбы передал Радославову ходатайство Стрейта о принятии болгарским правительством мер к прекращению гонений против греков во Фракии. Радославов категорически заявил мне, что никаких преследований греческого населения, а также случаев бесчеловечного обращении с греками во Фракии не было, за исключением единичных случаев при оккупации болгарскими войсками упомянутой области. Министр при этом добавил, что в свое время болгарским правительством были приняты все меры к предотвращению подобных инцидентов.

Саблер.

№ 81. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Письмо. 22/9 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к предыдущим моим донесениям считаю долгом вкратце изложить содержание первого разговора моего с г. Братиану, имевшего место вскоре по образовании нового министерства.

Г. Братиану производит очень благоприятное впечатление как своей наружностью, так и искренним тоном его речи и отсутствием в последней лишних слов и общих мест. Он пожелал сразу охарактеризовать будущее направление румынской иностранной политики на Балканском полуострове и заявил, что, поскольку он является ярым либералом во внутренней политике своего отечества, постольку он будет убежденным консерватором по отношению к событиям на Балканском полуострове, отстаивая уста-

---

[1] Номер отсутствует.
[2] „Ж. Б." — Живностенского банка.
[3] См. № 37.

новленный Бухарестским трактатом „status quo“ и сохраняя за Румынией выпавшую недавно на ее долю роль „регулятора“ на этом полуострове, причем этой ролью она, конечно, будет всегда пользоваться исключительно в интересах мира и порядка.

В настоящую минуту первый министр менее, чем прежде, опасается общеевропейской войны, так как, по его мнению, недавно пережитый кризис, а также вполне дружественные переговоры наши с Германией относительно сферы деятельности германской военной миссии в Константинополе доказывают, что между некоторыми отдельными великими державами, входящими в состав противоположных группировок, существуют достаточно интимные отношения, дабы совместными их усилиями приводить к мирному разрешению возникающие общеевропейские конфликты. Гораздо более беспокоят г. Братиану военные приготовления турок и шовинизм младотурецкого комитета, которые заставляют опасаться нападения Турции на Грецию, если вопрос об Эгейских островах не будет решен великими державами соответственно с видами комитета. Мой собеседник очень надеется, что, в случае полного подчинения Греции решению великих держав, последние не откажут эллинскому правительству в вооруженной поддержке против Турции, так как иначе Румынии пришлось бы, пожалуй, играть на Балканском полуострове роль не только „регулятора“, но и „жандарма“.

О России г. Братиану отзывался в самых теплых выражениях и вспоминал, что с начала своей политической карьеры он всегда был сторонником искренней с нами дружбы. Деятельность моих предшественников чрезвычайно содействовала улучшению наших отношений с Румынией, а события прошлого года произвели такой в пользу России поворот в здешнем общественном мнении, что поддержание сердечных и интимных с нами отношений, которое входит в программу либерального кабинета, является уже легкой задачей, тем более, что можно надеяться, что будущее еще более подтвердит гармонию интересов обоих государств.

Г. Братиану выразил также намерение вскоре возобновить с нами переговоры о русско-румынской границе, о судоходстве по Пруту и об имениях св. Спиридона и поднял вопрос о желательности улучшения железнодорожных сообщений между обоими государствами и о достройке нами прямого и кратчайшего пути в Румынию, который открывал бы нам через последнюю доступ к Адриатическому морю.

Я, конечно, выразил принципиальное сочувствие подобным начинаниям, но позволил себе заметить, что железнодорожные линии

по соседству с границей затрагивают вопросы стратегического характера и что едва ли можно было бы получить согласие нашего генерального штаба на постройку подобных линий прежде, чем наша дипломатия могла бы поручиться за сохранение Румынией, по крайней мере, нейтралитета в случае участия нашего в европейской войне. Эти слова очень удивили моего собеседника, который поспешил заявить, что вследствие совершенно подобных же стратегических соображений в Румынии долгое время тоже противились улучшению железнодорожных сообщений с Россией, и что в сущности не маленькая Румыния могла бы угрожать своей великой соседке, а, скорее, наоборот. Он к этому прибавил, что если мы хотим „соблюдения Румынией нейтралитета или даже более этого“, то лучшим средством для достижения подобной цели было бы именно улучшение сообщений между обоими государствами и оживление и усиление их торговых и других культурных сношений.

В заключение разговора г. Братиану просил меня выразить вашему высокопревосходительству, сколь глубоко он был тронут вашим любезным и лестным для него отзывом перед бывшим румынским посланником в Петербурге, и что он был бы чрезвычайно рад, если бы он мог лично с вами познакомиться.

Из других здешних более выдающихся государственных деятелей мне пришлось несколько раз встретиться с г. Таке-Ионеску, который живо всем интересуется и охотно разговаривает на самые разнообразные темы. Мне кажется, что поддержание знакомства с этим лицом будет весьма полезно в информационных целях по вопросам как иностранной, так и внутренней румынской политики.

Новый министр иностранных дел г. Порумбару—человек очень почтенный, уже старый и, повидимому, вполне дружественно к нам расположенный. Он не производит однако впечатления деятеля с определенными убеждениями и собственной программой, и, повидимому, в главнейших вопросах руководство иностранной политикой Румынии останется в руках г. Братиану.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 82. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 21. 22/9 января 1914 г.

Срочная.

Ссылаюсь на мое письмо [14] 1 января[1].

Король, весьма обрадованный рождением внука, очень желает, чтобы наследник присутствовал на крестинах его, которые будут

[1] См. № 7.

[12 февраля] 30 января. Сейчас был у меня королевич, прося сопровождать его вместе с Пашичем в Петербург. Я ответил, что, не получив еще разрешения, не смею выехать. Ввиду сего королевич решил ехать с Пашичем завтра утром в Вену, где будет ожидать вашего благосклонного ответа на мое письмо [14] 1 января.

Прошу срочных инструкций.

Гартвиг.

№ 83. Поверенный в делах в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 5. 22/9 января 1914 г.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 233 и 427 [1].

Восуг-эд-Доуле заверил меня самым положительным образом, что в Керманшахе англичане не добиваются никакой концессии [2]. Он добавил, что представитель английского синдиката Маклин усиленно старается получить минную концессию в Керманской провинции. Министр однако не торопится разрешением этого вопроса, тем более, что английская миссия домогательства Маклина не поддерживает.

Саблин.

№ 84. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 4029. 22/9 января 1914 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от [15] 2 сего января за № 2 [3], имею честь сообщить, что, вполне присоединя-

[1] Тел. Саблина от 29/16 мая 1913 г. за № 233 представляет собою ответ на тел. Савонова от 19/6 мая 1913 г. за № 8297, в которой последний предлагал ему „повлиять на отсрочку" предоставления группе английских капиталистов горнопромышленной концессии. Саблин указывал на то, что затрудняется предпринять какие-либо шаги в этом направлении ввиду отсутствия у него точных данных относительно расположения тех месторождений, которые русская группа Société d'Etudes желает оставить за собой (см. стр. 32, прим. 1), и рекомендовал разрешить этот вопрос путем непосредственных переговоров между росс. и англ. прав-вами. Тел. от 4 окт./21 сент. 1913 г. за № 427 (в лит. копии ошибочно поставлен № 437) Саблин доносил, что вопрос о концессии остается в прежнем положении, и что, по имеющимся у него сведениям, англ. посланник не торопится с его разрешением.

[2] В тел. от 16/3 янв. 1914 г. за № 23 Клемм сообщал Саблину, что, по имеющимся в м-ве ин. дел сведениям, „англичане добиваются какой-то концессии в Керманшахе", и просил сообщить, что ему известно по этому поводу.

[3] См. № 9.

ясь к мнению о необходимости для нас быть совершенно готовыми на случай наступления событий в Турции, могущих потребовать нашего активного вмешательства, я полагаю необходимым для сего быть готовыми осуществить те мероприятия, кои были намечены на последнем совещании, а именно: 1) мобилизацию войск Кавказского военного округа, в том числе второочередных частей пехоты и второочередных и третьеочередных частей казачьих войск, 2) выдвижение, по сосредоточении на границе, необходимого числа войск в пределы Эрзерумского вилайета для занятия в нем выгодного исходного положения на случай военных действий и 3) приведение нашего Черноморского флота на военное положение с целью угрозы Константинополю и недопущения перевозки по морским путям турецких войск из Константинопольского района в турецкие черноморские порты[1].

Прошу принять и пр. В. Сухомлинов.

№ 85. Директор особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов председателю правления Русско-азиатского банка Путилову.

Письмо № 9. 22/9 января 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Алексей Иванович,

Как вашему превосходительству известно, вопрос о будущем устройстве Восточных железных дорог грозил возможностью серьезных осложнений между Сербией, настаивавшей на выкупе линий, проходящих по завоеванным ею территориям, и Австрией, настаивавшей на сохранении обществом Восточных железных дорог, 51% акций коего находится на руках ее капиталистов, его прав в полном объеме, какими они были до войны.

В целях согласования разнородных интересов Сербии и Австро-Венгрии в означенном деле французское правительство предло-

[1] Текст ответного письма, полученного м-ром ин. дел от Жилинского (от 23/10 янв. 1914 г. за № 4030), тождествен тексту данного письма Сухомлинова, за исключением одной фразы; после слов: „на случай военных действий" (п. 2 в письме Жилинского значится: „эти меры военного ведомства могут быть приведены в исполнение, как только в этом встретится необходимость по политическим соображениям". В ответном письме Коковцова от 24/11 янв. 1914 г. за № 179 последний извещал м-во ин. дел, что он вполне разделяет „заключения, на которых остановилось совещание", и признает „всю важность заявляемого нашим послом в Константинополе мнения относительно желательности заблаговременной военной подготовки, дабы события не застали нас врасплох". Ответное письмо Григоровича в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

жило интернационализировать спорные железные дороги посредством создания самостоятельного эксплоатационного общества, с участием в нем на равных основаниях Франции, Сербии и Австро-Венгрии. Предложение это, принятое обоими заинтересованными государствами доброжелательно, до сегодняшнего дня не подвергалось еще всестороннему обсуждению.

Признавая весьма важным вопрос об участии России в деле интернационализации сербских железных дорог, наше правительство вошло в предварительные переговоры с Францией, причем эта последняя изъявила свое согласие на уступку нам известной части своей доли в названном деле.

Участие России, на основании условий, предлагаемых Францией, заключалось бы в предоставлении русским банкам $6\frac{1}{4}$% всего дела и, кроме того, по одному месту в правлениях: 1) финансового общества в Париже, 2) сербского и 3) греческого эксплоатационных обществ. Франция обеспечивает за нами, помимо того, все те преимущества, каковые когда-либо будут предоставлены другим группам, кроме французской и австрийской, входящим в состав учреждаемого эксплоатационного общества.

Препровождая при сем три документа, касающиеся изложенного дела [1], имею честь обратиться к вам, по поручению г. министра финансов, с покорнейшей просьбой не отказать сообщить мне в непродолжительном по возможности времени ваше заключение по поводу предполагаемого участия русских банков в означенном деле [2].

Прошу ваше превосходительство принять уверение и пр.

Л. Давыдов.

№ 86. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 4. 23/10 января 1914 г.

Министр иностранных дел мне сказал, что Австрия, в предвидении необходимости отправить в Албанию военные суда, снеслась с римским кабинетом. Маркиз ди Сан-Джулиано считает эту меру,

---

[1] При подлиннике письма приложения отсутствуют.

[2] В ответном письме от 30/17 янв. 1914 г. (без номера) Путилов уведомлял Давыдова о согласии Русско-азиатского банка принять участие „во вновь организуемом в Париже обществе" на изложенных в письме Давыдова условиях. Вместе с тем Путилов запрашивал Давыдова, не найдет ли он „целесообразным включить в число условий русского участия в этом обществе пункт о том, чтобы русской промышленности была бы предоставлена известная часть заказов нового общества, труд распределения каковых заказов между отечественными заводами Русско-азиатский банк принял бы на себя".

по крайней мере, преждевременной, с чем Австрия теперь также согласилась. Если бы оказалось действительно нужным послать суда, то римский кабинет предпочел бы, чтобы такая демонстрация была сделана всеми шестью державами, а не только Австрией и Италией. Последняя, не считая выгодным допустить, чтобы австрийский флаг развевался один, должна была бы отрядить в Албанию и итальянское судно. Относительно сведений, полученных об Эсад-паше, министр иностранных дел, считая их преувеличенными, полагает, что Эсад искренно... поддерживать князя Вида, но стремился вместе с тем усилить свое влияние и положение и сделаться необходимым князю. По просьбе валонского правительства римский кабинет посылает в ... в Валону для жандармерии миллион двести тысяч маузеровских ..., конфискованных в Триполи и Италии ненужных.

Крупенский.

№ 87. Посол в Берлине министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 11. 23/10 января 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 8 [1]. Копия в Лондон.

Сейчас узнал от Камбона, что Гошен, не предупредив ни его, ни меня, сделал вчера Ягову следующее сообщение: лондонский кабинет согласен гарантировать заем для Албании под условием, чтобы одновременно та же гарантия была дана всеми прочими державами и чтобы деньги не были даны в распоряжение австро-итальянского банка, а международной контрольной комиссии. Камбон запрашивает в Париже, может ли он сделать подобное же сообщение со своей стороны. Прошу указаний.

Свербеев.

№ 88. Посол в Берлине министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 11 [2]. 23/10 января 1914 г.

Копия [в] Константинополь. Получил телеграммы из Константинополя №№ 26 и 27 [3].

---

[1] В секр. тел. от 21/8 янв. 1914 г. за № 8 Свербеев уведомлял о выступлениях представителей держав Тройственного согласия в Вене и Риме по поводу албанского займа и сообщал, что аналогичное выступление представителей тех же держав в Берлине задерживается отсутствием инструкций по этому вопросу у английского посла, который должен был взять на себя инициативу в этом деле.

[2] В лит. копии, хранящейся в делах б. м-ва ин. дел, данная тел. имеет тот же номер, что и предыдущая.

[3] См. №№ 69 и 70.

Телеграммы эти еще более утверждают меня в убеждении, что желательно ныне удовлетвориться достигнутыми результатами и что всякое наше новое требование в Берлине встретит здесь энергичный отпор.

Свербеев.

№ 89. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Депеша № 4. 23/10 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В настоящее время все больше и больше выясняется, что движение албанцев в Эльбасанском округе[1] было устроено Эсадом-пашою по соглашению с греками, заплатившими ему крупные суммы денег.

На-днях контрольная комиссия обратилась к правителю Дураццо с предложением принять участие в организации албанской жандармерии, под руководством голландских офицеров, присылкой нескольких сот жандармов и отпуском денег на их содержание, как это сделали правительства в Скутари и Валоне.

Эсад-паша ответил на это отказом, указав, что он сам намеревается занять некоторые части южно-албанских провинций после эвакуации их греками. Комиссия уведомила его, что ею уже сделаны распоряжения относительно посылки жандармерийских отрядов для поддержания порядка в названных областях и что она надеется на полное его невмешательство в эти дела.

Неизвестно, как отнесется к этому предупреждению Эсад-паша, но есть основание опасаться, что он все-таки не задумается двинуть свои войска на юг, чтобы захватить возможно больше территории. Он, повидимому, окончательно увлекся мыслью расширить свои владения и заставить с собой считаться не только будущего князя Албании, но и державы.

В последнее время замечается частое и усиленное паломничество малисоров в Дураццо, где они получают от Эсада-паши деньги и внушения о нежелательности христианского правителя для Албании. По приблизительному расчету, в Дураццо перебывало уже около 3 000 человек, принадлежащих к влиятельным малисорским племенам. На пропаганду среди них Эсад-паша истра-

---

[1] О движении албанцев в Эльбасанском округе Петряев доносил в м-во ин. дел в деп. от 14/1 янв. 1914 г. за № 1. Отмечая руководящую роль Эсада в этом движении, Петряев высказывал предположение, что он действовал по соглашению с греками.

тил уже около 10 тыс. турецких лир. Благодаря денежным подачкам влияние Эсада-паши очень возросло среди северных албанских племен, большинство коих католики, и по первому его знаку они, вероятно, готовы будут двинуться когда угодно и против кого угодно.

Это обстоятельство очень беспокоит австрийское правительство, ревниво оберегающее северных албанцев от посторонних воздействий. Австрийский комиссар распорядился даже, чтобы австрийские пароходы не принимали для перевозки из Сан-Джиованни-ди-Медуа в Дураццо массы албанцев, отправляющихся к Эсаду-паше.

Роль, которую играет последний, начинает, повидимому, переходить границы, намеченные австрийской политикой. Эсад-паша, правитель Дураццо, слушающийся советов Австрии,—желанное для нее лицо, но Эсад-паша, потентат, чуть ли не князь всей Албании, представляет уже большую опасность для австрийского влияния в этой стране.

Этим, между прочим, и объясняется несвойственная австрийскому представителю в комиссии энергия и настойчивость, с которыми он отстаивал необходимость принятия комиссией спешных и активных мер против действий Эсада-паши в Эльбасане и среди северных албанцев, причем он даже предлагал комиссии отправиться на австрийском стационере в Дураццо и уговорить Эсада подать в отставку. В этом же направлении его поддерживал итальянский делегат, но комиссия уклонилась от поездки в Дураццо под флагом Австрии и Италии.

С глубочайшим почтением и пр. А. Петряев.

№ 90. Поверенный в делах в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 9. 23/10 января 1914 г.

Телеграмма № 30 [1] получена.

Полагая, что покровительство и дальнейшее расширение русского землевладения в Персии является одной из самых главных задач наших здесь как по соображениям политическим, так

[1] В тел. от 17/4 янв. 1914 г. за № 30 Клемм просил Саблина прислать заключение по трактуемому в донесении Иванова от 29/16 дек. 1913 г. за № 62 вопросу о русском землевладении в Персии, а также по вопросу о приобретении там земель российским консулом и пограничным комиссаром. В донесении этом Иванов указывал на важное значение, которое имеют для России Астрабадская и Мазандеранская провинции, „могущие не только служить житницей для бедной водой

и экономическим, признаю усвоенный Ивановым образ действий в делах покупки и аренды русско-подданными земель в Мазандеранской и Астрабадской провинциях единственно отвечающим создавшемуся положению вещей. Сопротивление правительства весьма понятно, и если постановления Туркманчайского акта как бы склоняются в его пользу, то единственный и естественный закон страны, шариат, весьма нам благоприятен, в особенности если при совершении договоров все требуемые шариатом формальности будут выполнены.

Пока шариат и косвенные средства в нашем распоряжении, необходимо ими пользоваться, стараясь в то же время избегать слишком острых конфликтов с центральным правительством и делая ему уступки в иных, менее для нас важных, вопросах.

За пятилетнее мое пребывание здесь мне не припоминается крупных недоразумений из-за земельного вопроса, между тем вопрос русского землевладения сделал гигантские успехи.

Относительно землевладения консулов и офицеров полагаю, что таковое, согласно статье 3-й консульского устава, едва ли может почитаться незаконным само по себе, пока не превращается в торговлю. Если же упомянутые лица начнут злоупотреблять своими служебными правами в целях получения личных выгод и будут больше заниматься сельским хозяйством, чем исполнять прямые свои обязанности, таковое землевладение официальных наших представителей придется признать недопустимым.

Саблин.

№ 91. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 81. 24/11 января 1914 г.

Телеграмма [23] 10 января получена [1].

Министр финансов согласен внести на обсуждение совета министров вопрос о выдаче монгольскому правительству новой ссу-

---

Закаспийской области и для Туркестанского края, плодородные площади коего, в случае получения дешевого хлеба отсюда, могли бы быть использованы еще в больших размерах под культуру хлопка, но и самостоятельно представить из себя обширное поле для нашей деятельности". В числе русских подданных, которые приобрели земли в Астрабадском районе, Иванов называл себя, пограничного комиссара Лаврова и нескольких офицеров.

[1] В тел. от 23/10 янв. 1914 г. (без номера) Миллер запрашивал, решено ли дать монгольскому прав-ву новую ссуду в 3 млн. руб. и на каких условиях, а также когда можно ожидать приезда, Козина, приглашенного монг. прав-вом в качестве финансового советника (см. стр. 98, прим. 2).

ды и сообщил Сайн-ноину на словах, что принципиально не возражает против нее. Условия новой ссуды должны быть выработаны в Урге. Вам предстоит также определить, какими источниками доходов монгольского правительства она может быть гарантирована. Благоволите телеграфировать ваши соображения на этот счет[1].

Имейте в виду, что мы не согласны выдавать новую ссуду в бесконтрольное распоряжение монгольского правительства. Она должна поступать в государственное казначейство, которое монгольское правительство обязалось учредить в заведывании Козина по заключенному с ним контракту[2] и расходоваться исключительно на культурные задачи.

Отъезд Козина задерживается необходимостью подыскать себе помощников.

Сазонов.

№ 92. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 82[3]. 24/11 января 1914 г.

Сообщается в Берлин.

Ссылаюсь на телеграмму Свербеева № 9[4].

Притязание Германии на допущение в Совет долга двух ее делегатов не представляется нам обоснованным; утверждение же, что немецкие капиталы занимают второе место,—сомнительным. По

---

[1] В ответной тел. от 28/15 янв. 1914 г. за № 9 Миллер сообщал, что в качестве гарантии ссуды монг. прав-вом намечены следующие источники доходов: телеграф, налог на скот, таможенные сборы, поступления с общества „Монголор" и других предприятий; кроме того, прав-во предполагает ввести соляную правительственную монополию, гербовый сбор и акциз на спиртные напитки, табак и чай.

[2] Согласно заключенному 7 янв. 1914 г./25 дек. 1913 г. с чиновником м-ва внутр. дел (впоследствии переведенным на службу в м-во финансов) Козиным контракту, монг. прав-во приглашало его „в качестве советника для организации всех финансовых дел монгольского государства, для заведывания государственными имуществами, а также для разработки гражданских реформ в стране". При этом монг. прав-во поручало ему организацию главного управления гос. имуществ и доходов и главного управления гос. казначейства и контроля.

[3] Опубл. Stieve, IV, S. 35, № 1240.

[4] В тел. от 21/8 янв. 1914 г. за № 9 Свербеев передавал ответ Ягова на предложение России о допущении русского делегата в Совет оттоманского долга: декрет мухаррема может быть изменен только с согласия всех синдикатов кредиторов; германский синдикат согласится на предложение России только при условии введения в Совет второго германского делегата и предоставления германским делегатам права председательства в административном Совете, в соответствии с долей участия германского капитала в Оттоманском долге.

имеющимся у нас данным 1898 года, иностранные государства являлись держателями турецких фондов в следующей приблизительно пропорции: Франция—45%, Англия—11%, Германия—12%, Бельгия—18%. При этом бельгийские и голландские кредиторы представлены в Совете английским делегатом. Желательно было бы, предварительно представления нами возражений в Берлине, выяснить на основании имеющихся, вероятно, у французского правительства данных долю участия в турецком долге различных государств в настоящее время.

[Сазонов.]

№ 93. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 12. 24/11 января 1914 г.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на мою телеграмму № 11[1].

Камбон получил следующие инструкции, на основании коих сделает соответствующее сообщение берлинскому кабинету: согласие гарантировать албанский заем Франция обусловливает двумя принципами. Во-первых, учреждением международного Албанского банка без каких-либо привилегий в пользу отдельных держав, с одновременным упразднением австро-итальянского банка или слиянием последнего с международным. Во-вторых, международная комиссия должна подготовить административную и финансовую организацию Албании; она же примет на себя контроль по займу, и эти ее полномочия отнюдь не прекращаются с прибытием князя Вида, а лишь с согласия всех гарантирующих держав. Могу ли высказаться пред Яговым в таком же смысле?

Свербеев.

№ 94. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Письмо [2]. 24/11 января 1914 г.
Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Повидав главнейших румынских политических деятелей, я желал бы в настоящем донесении немного резюмировать мои первые здешние впечатления и сделать некоторые выводы, впредь извиняясь за их поспешность и даже поверхностность, что может быть объяснено моим слишком еще непродолжительным пребыванием в столице Румынии.

[1] См. № 87.

[2] Опубл. Siebert, III, S. 248—252, № 1034.

Как вашему высокопревосходительству уже известно, здешние правительственные сферы встретили меня очень радушно и сердечно и наперерыв выражали самые дружеские по отношению к России чувства. Совершенно такой же прием был мне оказан и со стороны представителей местного общества, среди коих мне пришлось встретить немало бывших министров, сенаторов, депутатов и выдающихся чинов румынской армии, причем безответственность этих лиц позволяла им во многих случаях выражать свои чувства в более определенной и непринужденной форме.

Все это вполне подтверждает, по моему мнению, отмеченный моим предшественником и подтвержденный моим французским и английским коллегами большой—а, может быть, даже и решительный—поворот в здешнем общественном мнении в пользу России.

Кроме того, трудно не заметить, что прошлогодние события, дав румынам уверенность в собственных силах, увеличили в них,—особенно в военной среде,—чувство ирредентизма. Последний же, конечно, направляется не столько в сторону Бессарабии, в коей румын сравнительно мало [1], сколько в сторону Трансильвании, с ее сплошным 3-миллионным румынским населением. Это обстоятельство тоже, несомненно, содействует усилению симпатии румын к России.

Если принять также во внимание, что Румыния считается уже с давних пор примкнувшей к Тройственному союзу, то заявления здешних министров о том, что Румыния сохраняет полную свободу действий в области иностранной политики, которая будет впредь направляться исключительно лишь в соответствии с румынскими интересами, надо считать также весьма благоприятным для нас явлением.

Приходится однако задать вопрос, правдивы ли подобные заявления здешних государственных деятелей и действительно ли Румыния свободна в настоящую минуту от всяких по отношению к Австрии союзнических обязательств. Мне кажется, что для правильного ответа на этот вопрос необходимо не терять из виду следующих обстоятельств:

1) Старинной и весьма сердечной дружбы между австрийским монархом и королем Карлом.

2) Большого влияния Германии на короля и румынское правительство. Эта великая держава считается здесь многими бескорыстным другом Румынии, к ней отсюда обращаются за советом

---

[1] У Siebert'а слова „в коей румын сравнительно мало" пропущены.

в трудные минуты, и она же всегда дает необходимые сведения и указания. Так, например, известно, что г. Кидерлен до самой своей смерти находился в частной переписке с королем Карлом, который из этого источника еще в апреле 1912 года осведомился о заключении союза между Болгарией и Сербией.

В существовании подобного влияния Германии на румынское правительство здесь нетрудно убедиться, и нет сомнения, что оно используется в целях удержания Румынии в орбите австрийской политики.

3) Хотя румынское правительство всегда отрицало существование союза с Австрией, однако едва ли можно сомневаться в том, что таковой был в свое время действительно заключен, и с этим фактом многие здесь соглашаются. Если же это так, то спрашивается, в какой момент подобный союз мог перестать существовать, и на такой вопрос ответить очень трудно, так как нельзя найти в отношениях между этими двумя государствами периода охлаждения, которым, по всей вероятности, сопровождалось бы прекращение между ними союзнических отношений. Правда, в прошлом году, под влиянием серьезных для Румынии событий, можно было отметить некоторое подобного рода охлаждение, но как „Зеленая книга“, так и речи г. Майореску, в роде той, содержание коей я позволяю себе представить при сем в газетной вырезке, низводят, мне кажется, это явление,—с официальной, по крайней мере, стороны,—на степень временного лишь недоразумения [1].

4) Мне приходилось слышать от некоторых членов здешнего правительства о необходимости для Румынии поддерживать хорошие с Австрией отношения, так как от последних зависит положение и судьба трансильванских румын. Вместе с тем мы видим, что на открывшуюся в конце прошлого года вакансию австрийского посланника в Бухаресте назначается граф Чернин, не дипломат, а приближенное лицо эрцгерцога Франца-Фердинанда, который во время посещения им Румынии беседовал со здешними представителями трансильванских румын, осведомлялся об их пожеланиях и не стеснялся громко критиковать венгерское правительство за его к ним отношение. Сам граф Чернин несколько лет тому назад написал брошюру, в которой отстаивал права угнетаемых венгерцами национальностей, а недавно, интервьюируемый журналистом, он высказал надежду, что венгерское правительство

---

[1] У Siebert'а слова „правда... недоразумения“ отсутствуют.

сделает значительные уступки румынам. Кроме того, венгерский первый министр ведет в настоящее время переговоры с вожаками трансильванских румын об улучшении их положения в Венгрии, и многие здесь надеются на благоприятный их исход [1].

Если к этому прибавить, что австрийские и венгерские газеты не перестают воспевать дифирамбы королю Карлу и г. Майореску и встречают весьма сочувственно появление у власти нового кабинета г. Братиану, то в отношениях между Австрией и Румынией создается такая атмосфера, которая едва ли могла бы появиться вслед за прекращением союзнических между ними отношений [2]. Не вернее ли будет предположить, что Австрия не щадит никаких усилий, чтобы удержать Румынию от отказа от союзного договора, каковое действие явилось бы со стороны румынского правительства лишь санкцией происшедшего в здешнем общественном мнении поворота, который не мог ускользнуть от внимания австрийской дипломатии [3].

Все вышеизложенное вместе с некоторыми другими личными впечатлениями приводит меня к убеждению, что румынское правительство пока не хочет или не может отказаться от союза с Австрией и что таковой остается еще в силе.

Эти мои взгляды я счел возможным сообщить одному румыну, с которым я в силу особых обстоятельств личного свойства нахожусь уже много лет в самых дружеских отношениях. Человек этот занимал долгое время весьма видное положение в румынской дипломатии, и он всегда был мне известен, как убежденный руссофил. По приезде моем в Бухарест он дал мне много полезных сведений и значительно облегчил мои первые здесь шаги при помощи своей влиятельной и знатной родни.

Выслушав меня внимательно, мой собеседник ответил, что он достоверно знает о существовании в прежнее время союзного договора между Австрией и Румынией и предполагает, что договор этот до сих пор еще не отменен. Вместе с тем он обещал мне собрать по этому поводу самые достоверные сведения.

Через несколько дней мой приятель сообщил мне, что упомянутый союзный договор остается в силе и в настоящее время, и что содержание его в общих чертах сводится к обязательству каж-

---

[1] У Siebert'a слова „Кроме того... исход" отсутствуют.

[2] У Siebert'a: „So kann man kaum von einer Entfremdung zwischen diesen beiden Staaten sprechen".

[3] У Siebert'a слова „который не мог... дипломатии" опущены.

дой стороны притти всеми своими вооруженными силами на помощь союзнице в случае нападения на нее со стороны России. Договор этот был заключен еще покойным Братиану на 10 лет, затем возобновлялся на такой же срок, но при одном из министерств Карпа из него было исключено упоминание о сроке и введено было условие о прекращении его действия через год после официального от него отказа одной из сторон.

Передавая мне эти данные, мой приятель высказал мне глубокое убеждение, что уже теперь румынский народ не допустил бы ни при каких условиях вооруженного с нами столкновения, и выразил надежду, что нашей дипломатии скоро удастся путем дружеского воздействия на румынское правительство привести его к отказу от союза с Австрией [1].

В заключение позволяю себе доложить вашему высокопревосходительству, что мое личное продолжительное знакомство с лицом, доставившим мне вышеупомянутые сведения, побуждает меня отнестись к ним с полным доверием.

Некоторые дополнительные данные по этому вопросу я позволю себе вскоре лично вам представить в Петербурге.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 95. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 35. 24/11 января 1914 г.

Ссылюсь на телеграмму Извольского № 14 [2]. Копии в Париж и Лондон.

Джемаль-паша высказался на-днях в том смысле, что вольно же было Италии тратиться на острова,—Турция не в состоянии вознаградить ее за понесенные ею расходы. По его мнению, было бы однако справедливо, чтобы Великобритания не мешала получению Италией концессии на ветку Айдин—Адалия, ибо это побудило бы последнюю возвратить поскорее Турции острова. Турции же была бы дана таким образом возможность уступкой Греции нескольких островов Додеканеза возвратить себе мирным путем Хиос и Митилену.

Гулькевич.

---

[1] Вся последующая часть документа у Siebert'а отсутствует.
[2] См. № 76.

№ 96. Поверенный в делах в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 11. 24/11 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Преображенского № 20 [1].

Разговаривая на эту тему с турецким послом, я получил самые категорические заверения, что никаких бестов в турецком генеральном консульстве в Тавризе допущено не будет.

Хотя, быть может, будет и нескромно с моей стороны за два дня до приезда посланника высказываться в пользу той или иной политики нашей в Азербайджане, все же позволяю себе выразить убеждение, что германо-турецкому натиску в столь ближайшем к нам соседстве мы должны противопоставить планомерную поддержку Шоджа-эд-Доуле и приведение в лучшую готовность находящихся в Азербайджане наших отрядов, отнюдь их не сокращая. При соблюдении этих условий, каковые хотя и будут коренным образом способствовать развитию иностранных экономических интересов, внося успокоение и порядок в провинции, тем не менее наше исключительное влияние в Азербайджане будет, хотя и фактом резко подчеркнутым, но с каковым германо-турецким планам придется считаться.

Копия в Тавриз.

Саблин.

№ 97. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

⁄. Телеграмма № 93 [2]. 25/12 января 1914 г.

Сообщается в Берлин и Париж.

Ссылаюсь на телеграммы посла в Берлине №№ 11 и 12 [3] и мою № 92 [4].

Прошу вас обратить внимание правительства, при коем вы аккредитованы, на неудобство не согласованных заранее выступлений, проявившееся в данном случае.

[Сазонов.]

---

[1] См. № 60.

[2] Царск. экз.

[3] См. №№ 87 и 93.

[4] В тел. от 25/12 янв. 1914 г. за № 92 Сазонов разрешал Свербееву присоединиться к выдвигавшимся Францией условиям гарантии албанского займа.

№ 98. Стас-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

⁄. Телеграмма [1]. 25/12 января 1914 г.

From Belgrade № 13.

Prime Minister left for Petersburg day before yesterday. Official object of visit may be to attend baptizing of King Peter's grand-daughter, but on statement of Prime Minister real object of visit may be to elaborate together with Greek Prime Minister and under authority of Russia an alliance between Greece, Servia, Montenegro and Roumania in view of dangerous events in Turkey.

I am further ascertaining that thereafter Servian and Greek Prime Ministers will go at same time to Bucarest.

Перевод.

Из Белграда № 13.

Премьер-министр позавчера отправился в Петербург. Официальной целью визита может быть присутствие на крещении внучки короля Петра, но, по словам премьера-министра, действительной целью визита является выработка совместно с греческим премьер-министром и при содействии России союза между Грецией, Сербией, Черногорией и Румынией ввиду осложнений в Турции.

Помимо того, мне известно, что вслед за тем сербский и греческий премьер-министры отправятся одновременно в Бухарест.

№ 99. Консул в Праге поверенному в делах в Вене Кудашеву.

⁄. Донесение № 4 [2]. 25/12 января 1914 г.

Как мне сообщают из заслуживающего полного доверия источника, начальники корпусов, расквартированных в Чехии, Моравии и Силезии, получили секретный запрос о том, насколько военная власть может рассчитывать в случае осложнений с Россией на состав офицеров-чехов. Из восьмого корпуса отзыв дан в том смысле, что молодые офицеры-чехи, до чина подполковника, представляются ненадежными. Они слишком увлечены национальной чешской и вообще славянской идеей, а потому, формируя в военное время намеченные для действий против России или Сербии части, следует молодой командный офицерский состав распределить по венгерским, польским и немецким войскам. Более старые офицер-

[1] Тел., расшифрованная в росс. м-ве ин. дел.; номер отсутствует.

[2] Маш. копия.

ские чины, как сообщается в отзыве, представляют более надежный элемент и, можно предполагать, выполнят свой долг.

По слухам, секретно усиливаются части австрийских войск, расположенные в Галиции. Может быть, мне удастся проверить эти сведения, но факт усиления галицийских частей вполне возможен, так как задержание части русских запасных отмечено здесь, как некоторая предусмотрительность со стороны России.

К вышеизложенному могу добавить еще любопытное явление: в консульство часто обращаются молодые люди—чехи, желающие дезертировать. Приходится выслушивать от этих секретных просителей целые речи с негодованием против Австрии и ее войск и подмечать какую-то всеобщую уверенность, что серьезные события надвигаются сами собой.

Примите и пр. [Жуковский.]

№ 100. Консул в Праге поверенному в делах в Вене Кудашеву.

Донесение № 6 [1]. 25/12 января 1914 г.

Секретно.

В дополнение к донесению моему от 30/17 декабря минувшего года за № 41 [2], в коем я имел честь сообщить, что русско-чешский клуб не разрешен австрийским министерством внутренних дел, считаю своим долгом донести вашему сиятельству о некоторых любопытных и по настоящему времени не лишенных значения подробностях неутверждения устава.

Мне сообщили точную копию письма президента пражской полиции одному из лиц, подписавших устав. В письме этом от 24 декабря за № 28234 отказ утвердить устав мотивируется следующим положением: „обстоятельства задуманного общества позволяют предполагать, что оно будет опасным для интересов государства“. Поразительное признание со стороны австрийской власти. Признание, раскрывающее мысль, что чешскому обществу нельзя доверять, когда оно сближается с русской культурой.

Судьба движения устава русско-чешского клуба также весьма интересна. Об этом деле барон Гейнольд докладывал наследнику престола, и эрцгерцог, узнав, что в Праге затевается серьезное изучение России чехами, приказал категорично запретить всякую

---

[1] Маш. копия.

[2] Донесение Жуковского от 30/17 декабря 1913 г. за № 41 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

попытку русско-чешской культурной деятельности. Как рассказывал сам министр внутренних дел д-ру Крамаржу, Франц-Фердинанд очень резко выразил свое решение и свой взгляд на дело, и, очевидно, фраза об опасности для государства вылилась в министерском предписании под влиянием разговора барона Гейнольда с эрцгерцогом.

Конечно, никакие протесты составителей устава д-ра Прейса, директора Живностенского банка, вице-председателя торговой палаты Малинского, бывшего председателя славянского клуба д-ра Шимачка и других не помогут делу. Президент полиции, когда к нему отправились с протестом названные лица, оправдывался тем, что „отношения с Россией весьма натянуты", что Австрия, „может быть, накануне войны", и пр.

Все это как бы отдернуло завесу с того, что тщательно скрывается высшими чинами австрийской власти, т. е. ужас перед всякой духовной связью австрийских славян с Россией. Если бы эрцгерцог Франц-Фердинанд искренно питал славянские чувства, то зачем эта обидная для чехов политика подавления совершенно открытой культурной попытки? Не знаменует ли это, что в уме эрцгерцога бродят совсем иные замыслы, направленные против России и славян, а вовсе не на сближение с нами.

Примите и пр.

[Жуковский.]

№ 101. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

⁰/. Телеграмма № 10 [1]. **25/12 января 1914 г.**

Ссылаюсь на свою телеграмму № 9 [2].

Из ответа, данного Эсадом албанскому делегату, видно, что он решил сопротивляться и, в случае посылки военных судов, оставит Дураццо и уйдет вглубь страны, где и укрепится. При таких условиях наше участие в принудительных мерах, мне кажется, не вызывается нашими интересами. Эсад-паша заручился, повидимому, под-

[1] Царск. экз.

[2] В тел. от 25/12 янв. 1914 г. за № 9 Петряев сообщал о принятом международной контрольной комиссией решении, ввиду отказа Эсада выйти в отставку, послать для дальнейших переговоров с ним в Дураццо английского и германского комиссаров на борту одного из находящихся в Валоне стационеров и, в случае неуспеха их миссии, обсудить вопрос о мерах принуждения.

держкой греков и сербов. Он в настоящее время представляет собою в Албании большую силу, направленную отчасти против австрийского и итальянского господства.

Петряев.

Очевидно [1].

Царское Село, [27] 14 января 1914 г.

№ 102. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 1. 25/12 января 1914 г.

Из предыдущих моих донесений вашему высокопревосходительству известно о давно уже сложившихся у меня дружеских отношениях с бывшим австро-венгерским посланником в Цетинье бароном Гизль, переведенным ныне в Белград.

Отношения эти, давшие мне, между прочим, возможность в свое время выяснить вопрос о взгляде Австрии на желательность продолжения нами военной помощи Черногории, были прекрасно известны здешнему правительству и населению, но никогда однако не вызывали с их стороны ни нареканий, ни подозрительности ввиду отчетливо проводимой мною основной мысли: защиты интересов Черногории, как свободно, при покровительстве России, развивающегося самостоятельного политического организма.

В этой основной задаче сходились и сходятся усилия как вверенной моему управлению императорской миссии, так и здешних австрийских представителей, что и дает обеим сторонам возможность, несмотря на некоторые естественные различия во взглядах на отдельные вопросы черногорской политики, устранять недоразумения и шероховатости в деталях.

Вчера я имел случай в продолжавшейся более часа откровенной беседе со вновь назначенным австрийским посланником, состоявшейся по его инициативе, убедиться, что тактика, принятая мною по отношению к австрийским представителям, встречает с его стороны полное сочувствие.

Начав беседу с упоминания о заповеданном ему бароном Гизль поддержании добрых отношений с русским представителем, г. Отто поочередно коснулся всех текущих вопросов черногорской внешней и внутренней политики.

Из слов моего собеседника я мог убедиться, что Австрия, желая елико возможно отдалить момент слияния Черногории с Сербией,

[1] Царская помета стоит на полях телеграммы против отчеркнутых синим карандашом слов: „При таких условиях... интересами"...

если бы этому слиянию и суждено было совершиться, намерена поддерживать династию Петровичей, смотрит на нашу инструкторскую работу и вообще на продолжение нашей активной деятельности в Черногории, как на наименьшее из зол, довольна уже известными императорскому министерству результатами выборов в черногорскую скупщину [1], дающими правительству короля Николая возможность спокойно работать над устроением государства при значительно изменившихся после войны условиях и в связи с общими задачами своей политики, направленной к поддержанию Черногории, как самостоятельной политической единицы, не будет противиться скорейшему осуществлению предложенного державами 40-миллионного черногорского займа.

Осмеливаюсь думать, что все вышеизложенные взгляды представителя австро-венгерской монархии совпадают с задачами России в Черногорском королевстве и дают здешнему русскому представителю возможность работать в добром соглашении с австрийской миссией, нисколько притом не поступаясь основными интересами русской политики на Балканах.

Перейдя к вопросу о Вермоше, я обратил внимание г. Отто на отмеченное мною в телеграмме № 4 [2] противоречие, заключающееся в тексте постановлений Лондонской конференции и идущее всецело в пользу Черногории.

Мой собеседник, вполне со мною согласившийся, заметил, что если бы ему и пришлось выступить с заявлением по поводу во всяком случае преждевременного занятия черногорцами этой местности, то заявление не заключало бы требования об очищении занятого пункта, а лишь указывало бы на то, что факт занятия

[1] В деп. от 25/12 янв. за № 2 Обнорский сообщал, что прав-во получило на выборах 46 мест, оппозиция — 16. „По имеющимся у меня сведениям, на благоприятный для прав-ва исход выборов в значительной мере повлияло распространившееся здесь известие о возможности для черногорцев надеяться на восстановление традиционных отношений с вековой покровительницей славянства".

[2] В тел. от 21/8 янв. 1914 г. за № 4 Обнорский указывал на противоречие в постановлении Лондонской конференции относительно черногорско-албанского разграничения в районе Гусинье и Клементи: „В первой части „постановления" говорится о предоставлении черногорцам Гусинье и местностей, подчиненных ему в административном отношении, а во второй части указывается, что граница идет по линии водораздела между бассейнами Лима и Дрина. Следовательно, по букве текста, к Черногории должен отойти и бассейн Вермоша, входящий в область бассейна Лима и расположенный на север от водораздела между Лимом и Дрином". Обнорский предлагал далее не делать черногорцам никакого представления относительно эвакуации Вермоша, а разъяснить в том или ином смысле постановление Лондонской конференции.

не может предопределять решения, которое будет в конце концов постановлено международной разграничительной комиссией.

С своей стороны я полагал бы, что в случае, если бы не удалось заблаговременными переговорами держав устранить относящееся к вопросу о Вермоше недоразумение в тексте постановлений Лондонской конференции, нам следовало бы присоединиться к такого рода сравнительно безобидному выступлению Австрии, которое, вероятно, было бы поддержано прочими представителями группы Тройственного союза, дабы не создавать нежелательного прецедента в виде выступления отдельных иностранных держав на Балканском полуострове, где, как указывает Сеньобос в своей „Политической истории современной Европы“ гегемония с момента заключения франко-русского союза снова принадлежит России.

Считаю долгом присовокупить, что в случае переговоров между кабинетами было бы желательно приложить все усилия к окончательному закреплению за черногорцами прав на долину Вермоша, по счастливой случайности предуказанных нынешним текстом постановлений Лондонской конференции, дабы избежать пограничных недоразумений в будущем, ибо означенная местность, лежащая на север от водораздела между бассейном реки Лима, отходящим [к] Черногории, и бассейном Дрина, отходящим к Албании, является к тому же кратчайшим путем сообщения между Гусинье и Подгорицей.

Обнорский.

№ 103. Сообщение германского посольства в Петербурге в министерство иностранных дел.

26/13 января 1914 г.

En présence du désir exprimé par le gouvernement impérial russe d'obtenir l'admission d'un délégué russe au conseil d'administration de la Dette Publique Ottomane le gouvernement impérial n'a pas manqué d'informer le gouvernement impérial russe, par l'intermédiaire de l'ambassade de Russie à Berlin, que d'après le décret de Mouharrem le statut de la Dette ne saurait être modifié qu'avec le consentement des porteurs de titres ottomans. Le gouvernement impérial a crû devoir ajouter que le syndicat allemand, s'inspirant du caractère purement financier de la Dette, ne se verrait à même de donner son consentement qu'à certaines conditions.

La représentation des Puissances à la Dette est aujourd'hui encore la même comme elle avait été fixée il y a 33 ans—par le décret de Mou-

harrem en proportion avec la répartition de l'ancienne dette ottomane. La Turquie s'est engagée vis-à-vis des porteurs des anciens titres de n'y rien changer faute de quoi les sommes réduites par le décret en question seraient réclamées toutes entières.

La France est représentée à la Dette par deux délégués, les autres cinq pays et les porteurs des titres turcs par un délégué. La voix présidentielle—décisive en cas d'égalité de voix — revient alternativement à la France et à l'Angleterre.

Or, l'intérêt de l'Allemagne dans la Dette s'est augmenté très considérablement depuis 1881. Parmi les créanciers de la Turquie l'Allemagne vient immédiatement aprés la France et dépasse de beaucoup l'Angleterre et les autres pays. En outre il faut tenir compte du fait que l'administration de la Dette n'est plus limitée au service de l'ancienne dette ottomane, qui est réduite aujourd'hui à moins d'un milliard de francs et sera probablement entièrement amortisée dans 30—40 ans. De nouveaux emprunts ont été confiés depuis à l'administration de la Dette Ottomane. L'Allemagne notamment a investi par ses engagements plus récents un capital d'environ un milliard de francs en Turquie en chargeant la Dette Ottomane du contrôle et de l'amortissement de cette dette. Par contre les sommes avancées depuis à la Turquie par la France n'ont été soumises au contrôle de la Dette Ottomane que dans une mesure beaucoup plus restreinte.

Dans ces circonstances il semble justifié que les porteurs des titres ottomans en Allemagne demandent à être représentés au conseil d'administration de la Dette Ottomane par un second délégué appelé à la présidence alternativement avec les délégués français et anglais tous les trois ans. Le second délégué allemand pourrait être désigné par la „Deutsche Bank" ou la Société des chemins de fer de Bagdad.

Quant à la proposition faite par la Turquie de confier les fonctions de président du conseil d'administration de la Dette au ministre des finances turc, une telle mesure semble être contraire au caractère international et indépendant de la Dette Ottomane [1].

---

[1] В тел. от 21/8 янв. 1914 г. за № 9 Свербеев, передавая ответ, полученный им от германск. м-ва ин. дел, заканчивал свою телеграмму словами: „Согласно германскому экспозе, до какого бы то ни было изменения настоящего положения вещей являющиеся следствием балканской войны финансовые вопросы, и особенно вопрос об участии балканских государств в оттоманском долге, должны быть окончательно урегулированы с тем, чтобы были обеспечены германские интересы, наиболее угрожаемые". Текст письма Ягова Свербееву опубл. Gr. Pol., Bd. 37, Teil II, № 15270.

Перевод.

Ввиду выраженного императорским российским правительством пожелания о допущении русского делегата в административный Совет государственного оттоманского долга, императорское правительство не преминуло через российское посольство в Берлине сообщить императорскому российскому правительству, что согласно мухарремскому декрету устав Оттоманского долга может быть изменен только с согласия держателей оттоманских ценностей. Считаясь с чисто финансовым характером Оттоманского долга, германское императорское правительство находит возможным дать свое согласие только на известных условиях.

Представительство держав в Оттоманском долге в настоящее время еще остается таким же, каким оно было установлено 33 года тому назад мухарремским декретом в соответствии с распределением прежнего оттоманского долга. Турция обязалась перед держателями прежних бумаг ничего в нем не изменять; в противном случае суммы, оговоренные декретом, о котором идет речь, были бы истребованы полностью.

Франция представлена в Оттоманском долге двумя делегатами, другие пять стран и турецкие держатели—одним делегатом. Голос председателя—решающий в случае равного количества голосов—принадлежит попеременно Франции и Англии. Между тем заинтересованность Германии в Долге весьма значительно увеличилась с 1881 г. Среди кредиторов Турции Германия идет непосредственно за Францией и значительно обгоняет Англию и другие страны. Сверх того, нужно считаться с фактом, что администрация Долга более не ограничена обслуживанием первоначального оттоманского долга, который доведен теперь меньше чем до одного миллиарда франков и будет, вероятно, совершенно погашено в 30—40 лет. С тех пор администрации Оттоманского долга были вверены новые займы. Именно Германия по последним обязательствам вложила в Турцию капитал в размере около миллиарда франков, возложив на администрацию Оттоманского долга контролирование и погашение этого долга. Наоборот, суммы, авансированные Турции с тех пор Францией, подчинены контролю Оттоманского долга в значительно меньшей степени.

При таких условиях представляется справедливым, чтобы германские держатели оттоманских ценностей требовали введения в Совет администрации оттоманского долга еще одного представителя с предоставлением ему права попеременного с французскими и английскими делегатами председательствования каждые три года. Второй германский делегат может быть назначен Deutsche Bank или обществом Багдадской железной дороги. Что касается сделанного Турцией предложения возложить функции председателя Совета администрации долга на турецкого министра финансов, подобная мера противоречила бы характеру Оттоманского долга, как международного и независимого учреждения.

№ 104. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

26/13 января 1914 г.

В доверительном письме от [3 января 1914 г.] 21 декабря 1913 г. императорский посланник в Афинах указывает на желательность хотя бы временного командирования нами морского агента в Гре-

цию в связи с новой обширной морской программой, принятой этим государством, и зарождающимся греко-турецким соперничеством на море.

Вследствие сего осмеливаюсь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что, со своей стороны, я признавал бы полезным осуществление мероприятия, на которое указывает наш посланник. С политической точки зрения мы не можем не интересоваться морским соперничеством Турции и Греции, и для нас желательно поддержание наилучших отношений с Грецией, в особенности если она станет действительно сильною морскою державой.

В то же время представлялось бы соответственным в настоящее время не итти дальше выражения общих благожелательных чувств, коими неизменно руководилась Россия по отношению к Эллинскому королевству.

Если бы,—что не невозможно,—имеющий прибыть вскоре в С.-Петербург греческий первый министр г. Венизелос затронул вопрос о более тесном сближении с Россией и намекнул о возможности заключения с нами военно-морской конвенции, то мне представлялось бы наиболее соответственным выслушать с благожелательным вниманием все, что им было бы сказано по этому поводу, и в то же время избежать какого-либо связывающего нас ответа.

Такого рода заключение обосновывается на следующих соображениях.

Заключение с Грецией каких-либо обязательств, связывающих Россию, повлекло бы, несомненно, за собою принятие нами на себя гарантии новых территориальных приобретений Греции. Едва ли такого рода акт остался бы вполне тайным. Для Болгарии в этом случае не оставалось бы ничего иного, как заключение союза с Австрией. Таким образом, нынешняя руссофобская политика Радославова—стамбуловистов, поощряемая царем Фердинандом, нашла бы оправдание и поддержку в Болгарии. Наш союз с Грецией, не давая нам никаких серьезных обеспечений ввиду известной ненадежности и оппортунизма, присущих балканским государствам, послужил бы, таким образом, не к упрочению мира на Балканах, а, быть может, к развитию тенденций авантюристской опасной политики в Болгарии, за что мы приняли бы на себя отчасти ответственность.

Изложенные выше соображения я считаю долгом повергнуть на высочайшее благовоззрение, дабы в случае одобрения их вашим императорским величеством принять их к руководству в сношениях с Грецией и предстоящих беседах с Венизелосом, коему я

полагал бы желательным оказание с нашей стороны самого радушного искреннего приема, с тем, чтобы по возможности привязать к себе этого выдающегося эллинского деятеля, не связывая однако себя какими-либо бесповоротными решениями.

Сазонов.

Согласен.

Царское Село, [27] 14 января 1914 г.

№ 105. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

'/. Телеграмма № 98 [1]. 26/13 января 1914 г.

Сообщается в Париж.

Reçu télégrammes № 10 [2] et № 13 [3] et télégramme d'Iswolsky № 13 [4].

Adhérons à projet de réponse aux Puissances de la Triple Alliance ainsi qu'à démarches à faire à Constantinople et Athènes.

Quant à question garantie par Puissances des îles qui seront attribuées à la Grèce à condition de leur neutralisation doutons de l'efficacité de pareille garantie, le statu quo territorial de la Turquie ayant été à son tour maintes fois garanti sans avoir empêché acquisitions actuelles de la Grèce.

Il nous semble que déclaration projetée à Athènes et Constantinople que Puissances seraient prêtes à agir pour imposer respect de leurs décisions pourrait suffir et serait même plus efficace surtout si elle était suivie le cas échéant par envoi bâtiments de guerre [5].

Sazonow.

Перевод.

Получил телеграммы № 10 и № 13 и телеграмму Извольского № 13.

Присоединяемся к проекту ответа державам Тройственного союза, так же как и к выступлениям, имеющим быть сделанными в Константинополе и в Афинах.

Что касается вопроса о гарантии державами островов, которые при условии их нейтрализации будут предоставлены Греции, сомневаемся в действительности подобной гарантии, так как территориальное statu quo Турции было в свою очередь много раз гарантировано, что не помешало теперешним приобретениям Греции.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 64.

[3] В тел. от 24/11 янв. 1914 г. за № 13 Бенкендорф передавал содержание ответа Грея на ноту держав Тройственного союза от 14/1 янв. 1914 г. (см. № 51).

[4] См. № 75.

[5] Тождественный по содержанию ответ был дан англ. пос-ву в Петербурге пам. запиской м-ва ин. дел от 26/13 янв. 1914 г.

Нам кажется, что декларации, которую предполагается сделать в Афинах и в Константинополе относительно того, что державы готовы действовать, чтобы внушить уважение к своим решениям, было бы достаточно и она была бы даже более действительна, если бы сопровождалась, в случае необходимости, посылкой военных судов.

Сазонов.

№ 106. Министр иностранных дел поверенному в делах в Тегеране Саблину.

⁰/. Телеграмма № 104 [1]. 26/13 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Преображенского № 20 [2], мою № 1759 и Нератова № 2274 [3].

Сообщаемые Преображенским сведения представляются нам тревожными. После данного нами регенту и великобританскому правительству принципиального согласия на созыв меджлиса и сената перед провозглашением совершеннолетия шаха, навлечение на нас подозрения в противодействии выборам повело бы к новому и притом небезосновательному обвинению нас в двойственности. Необходимо, чтобы миссия и консульство наши тщательно воздерживались от всего, что могло бы привести к таким последствиям, а равно ко вмешательству немцев и турок в это дело.

Благоволите выяснить, считает ли регент ныне своевременным начать выборы, а равно напомнить ему, что мы обусловили наше согласие на созыв меджлиса одновременным созданием сената и предварительным сообщением нам и лондонскому кабинету его предположений относительно способа производства выборов, который обеспечил бы привлечение в сказанные учреждения благонадежных элементов.

Желательно знать, когда именно предполагается провозглашение шаха и за сколько времени до этого регент считает нужным собрать народных представителей для необходимого пересмотра

---

[1] Царск. экз.

[2] См. № 60.

[3] В тел. Сазонова на имя Саблина от 26/13 июня 1913 г. за № 1759 и Нератова на имя Бенкендорфа от 10 авг./28 июля 1913 г. за № 2274 сообщалось, что росс. м-вом ин. дел дано перс. регенту принципиальное согласие на созыв меджлиса, при условии предварительного уведомления о том росс. прав-ва для совместного с англ. прав-вом обсуждения этого вопроса „в видах того, чтобы обеспечить благонадежный состав меджлиса“ (тел. Нератова № 2274). Находя подготовку к выборам преждевременной и нежелательной, Нератов в своей тел. просил Бенкендорфа обсудить с Греем вопрос о совместных мероприятиях в этом направлении.

закона о совершеннолетии, от чего должно зависеть и начало выборов.

Прошу возможно скорого ответа[1].

[Сазонов.]

№ 107. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

ʼ/. Телеграмма № 106. 26/13 января 1914 г.

Reçu № 21[2].

Приезд королевича и Пашича явился настолько ускоренным, что мы о нем узнали лишь накануне их прибытия. Ввиду этого вы не могли бы застать их, если бы выехали даже теперь же. К тому же я опасаюсь, что одновременный въезд ваш в Петербург подал бы основание [к] комментариям[3] о чрезвычайной цели поездки, которой она однако не имеет, как я усмотрел из первой беседы с Пашичем[4].

[Сазонов.]

№ 108. Военный агент в Болгарии генерал-квартирмейстеру генерального штаба ген. Данилову.

Телеграмма № 14[5]. 26/13 января 1914 г.

Секретно.

За последнюю неделю между Турцией и Болгарией происходят оживленные переговоры. Здешний турецкий посланник Фетхи-бей неделю тому назад выехал [в] Константинополь, после чего оттуда прибыл сюда болгарский посланник [в] Турции Тошев. Вчера Тошев, Радославов и австрийский посланник имели продолжительное совещание. По слухам, в Константинополь командируется генерал Савов. По агентурным сведениям, месяц тому назад в Виддин прибыли 24 горных орудия, уступленных Австрией. На стан-

[1] В ответной тел. от 8 февр./26 янв. 1914 г. за № 27 Коростовец со слов Восуг-эд-Доуле сообщал, что вопрос об образовании сената решен перс. прав-вом „бесповоротно", что намечено образование гос. совета, куда будут приглашаться иностранные советники, что коронация предполагается после созыва меджлиса и что прав-во примет меры к тому, чтобы в состав меджлиса „вошли лица благонадежные".

[2] См. № 82.

[3] Далее зачеркнуто: „о политической".

[4] Далее зачеркнуто: „Ввиду этого полагал бы, что вам, быть может, лучше задержаться в Белграде".

[5] Маш. копия; препровождена в м-во ин. дел военн. м-вом при отношении от 31/18 янв. 1914 г. за № 3023.

ции Землин сложены военные грузы, предназначенные Болгарии и ожидающие открытия навигации по Дунаю.

Романовский.

№ 109. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 41. 26/13 января 1914 г.

Копия в Берлин.

Получил вашу телеграмму № 95 [1].

Сведение телеграфного агентства совершенно правильно. Генерал Бронзарт действительно отчислен от должности командира дивизии в Скутари, но его преемник еще не назначен. Ссылаясь на мои телеграммы 26 и 27 [2], а также на № 11 [3] из Берлина, позволяю себе высказать опасение, что какое-либо дальнейшее наше вмешательство в этот вопрос может только ухудшить дело и привести именно к назначению немца, тогда как без него есть некоторая надежда на назначение турка [4].

Гулькевич.

№ 110. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 26/13 января 1914 г.

Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вашему высокопревосходительству угодно было препроводить [17] 4 января 1914 г. за № 7 гофмейстеру Гирсу весьма довери-

---

[1] Тел. от 22/9 янв. 1914 г. за № 71 Сазонов извещал Гулькевича, что, после того как герм. прав-во отказалось от своих настояний в вопросе о командовании дивизией в Скутари, он считает вопрос окончательно улаженным. В тел. от 25/12 янв. 1914 г. за № 95 Сазонов сообщал, что произошло недоразумение, так как вопрос он считал улаженным на основании сведений тел. агентства, которые будто бы были получены корреспондентом аг-ва из посольства. Сазонов запрашивал, в каком положении находится дело в действительности и можно ли рассчитывать на благоприятное его решение, „не возбуждая до времени снова настояний".

[2] См. №№ 69 и 70.

[3] См. № 88.

[4] Письмом от 31/18 января 1914 г. Гулькевич сообщил, что телеграмма агентства отправлена по его просьбе. Сам он не телеграфировал прямо м-ру, так как отчисление Бронзарта не равносильно ликвидации вопроса в желаемом смысле, „ибо еще неизвестно, кого назначат на его место — немца или турка. Всякий нажим может лишь затруднить дело". Единственно, что, по мнению Гулькевича, может иметь некоторый шанс на успех, это, — немедленно подписав „достигнутое соглашение по армянским делам", „добиться хотя бы временной отсрочки решения вопроса", т. е. отсрочки назначения нового командира.

тельную записку доктора Завриева [1] о замыслах Германии, клонящихся к созданию себе в Турции положения, подобного занимаемому Англией в Египте,—другими словами, к установлению германского протектората над Оттоманской империей.

В подтверждение высказываемых в упомянутой записке соображений о характере современной германской политики в Турции считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на нижеследующий знаменательный факт, бросающий яркий свет на немецкие здесь поползновения.

---

[1] В письме Сазонова на имя Гирса от 17/4 января 1914 г. за № 7 указывалось, что записка эта составлена Завриевым „со слов доктора Лепсиуса и германских офицеров Ланге и Вестарпа, посетивших в 1912 г. Армению“ и „заключает в себе“ изложение „соображений“ упомянутых лиц о „политических интересах Германии в Турции“. При этом отмечалось, что „Лепсиус основывается на своих беседах с г. Циммерманом, а офицеры излагают не только свои личные впечатления, но и мнение высших военных кругов“. Хранящийся при отпуске указанного письма текст записки представляет собой лит. копию.

В записке развивалась мысль о том, что для германской экспансии на Бл. Востоке единственною возможностью является завладение Киликией и Месопотамией, но что, „пока Россия грозит Армении“, осуществление этого плана возможно только в том случае, если Германия возьмет на себя задачу принять Турцию „под свое попечение“, утвердив свое безраздельное влияние в турецкой столице и в турецкой армии, сохранив „вполне султана и его правительство“, но поставив „при них какого-нибудь лорда Кромера, который был бы фактическим хозяином“.

В заключительной части записки значилось:

„Самое серьезное препятствие для осуществления этой задачи будет исходить от России и Англии. Конечно, Россия будет очень враждебна подобным замыслам. Но Россия будет бессильна, если б Англия примкнула к Германии.

Англия не может относиться безразлично к движению России на юг. Ведь ясно, что, приблизившись к Средиземному морю, Россия будет угрожать Индии и целости Англии. Поэтому г. Циммерман ставит себе задачею добиться сочувствия Англии замыслам Германии. Англию всегда можно было бы удовлетворить предоставлением ей полных прав в Аравии и другими компенсациями. Г. Циммерман не теряет надежды на таковое соглашение с Англией, ибо он усиленно старается в этом направлении, и ему удалось уже заметно сгладить англо-немецкие трения.

Циммермана очень смущает то, что ему неизвестны в точности намерения Англии, ибо „сэр Эдуард Грей хранит очень упорное молчание насчет своих взглядов на создавшееся положение и насчет своих планов о способе будущей защиты английских интересов“. Но Циммерман считает, что путь, на который он стал, современем должен привести к удовлетворительному результату. Надо только не насиловать хода событий, чтобы не возбуждать подозрительности Англии, и дожидаться, когда вопросы будут постепенно назревать сами собой.

Германия должна использовать имеющиеся в ее распоряжении средства в течение ближайших десяти лет для достижения своих целей, имея в виду то состоя-

В своей телеграмме от [4 декабря] 21 ноября за № 1020[1] посол доносил, что [2 декабря] 19 ноября того же года турецкое правительство подписало контракт с английским домом Армстронг о постройке дока в Измиде и арсенала в Золотом Роге. Как мне доверительно сообщил на днях генеральный директор Оттоманского публичного долга г. Писсар, представитель дома Армстронг сэр Винсент Кайяр долго не соглашался на предъявленное турками требование осуществить указанные выше предприятия собственными Армстронга средствами, не прибегая к займу. Сэр Винсент настаивал на невозможности для какого бы то ни было частного учреждения обойтись в подобном случае без обращения к кредиту. Тогда Джавид-бей показал ему письменные предложения барона Вангенгейма предоставить сказанную концессию герман-

---

ние бессилия, в коем ныне находится Россия. Недостаточная подготовленность армии и опасение внутренних волнений связывают русское правительство.

Когда удастся привлечь Англию на свою сторону и усилить тем свою позицию, тогда Германии не так уже трудно будет в удобную минуту наложить руку на Турцию без особенного страха перед сопротивлением России.

Но, кроме того, Германия должна использовать период слабости России также созданием повсюду на границах России таких условий, которые могли бы уменьшить ее внешнюю мощь. Не говоря уже о заботах на Западе, Германия должна будет обратить внимание на Китай, стараясь там усилить свое влияние и добиться вовлечения его в свою политику.

Коснувшись армянского вопроса, Циммерман заявил, что он недостаточно выяснил себе, какой политики Германия должна была бы держаться в Армении.

В сущности армяне не нужны Германии. Армения, населенная армянами, вредна ее интересам, ибо народ армянский является источником слабости для Турции. Все донесения из Армении свидетельствуют о больших надеждах, какие этот народ возлагает на Россию, и о его полном незнакомстве с Германией.

Благодаря глубокому недоверию армян к туркам, повидимому, у Германии нет возможности примирить их друг с другом. Ради избежания опасности, грозящей целости Турции, Германия, в сущности, должна бы предоставить армян в полное распоряжение турок, но тут, к сожалению, Россия совершенно неожиданно выступила в защиту армян. Кроме того, приходится опасаться возможности армянских волнений, что, в свою очередь, может вызвать вмешательство России. Поэтому Германии приходится поддерживать проект реформ в Армении.

Но если Германия станет поддерживать реформу и тем способствовать сохранению армян, то тогда надо позаботиться о привлечении к себе симпатий армян. Для этого надо будет доказать армянам расположение к ним Германии какими-нибудь полезными для них действиями.

„Впрочем, я еще не остановился на какой-либо определенной точке зрения,— сказал Циммерман, — и надо еще хорошенько подумать обо всем этом“.

[1] В тел. от 4 дек. /21 ноября 1913 г. за № 1020 Гирс, сообщая о заключении контракта с фирмой Армстронг, отмечал, что, „вероятно, док и арсенал будут готовы через год“.

ской фирме. При этом Вангенгейм не только изъявил согласие на желанную турками „мобилизацию“ капитала, но обещал, сверх того, устроить заем в 500 тыс. фунтов и продать Турции дредноут.

Вопрос обсуждался засим в совете министров, где обозначились два течения: одно в пользу принятия германского предложения, другое—к его отклонению. Поводом к таковому служили опасения слишком откровенно высказываемых немцами намерений добиться в свою пользу „египтизации“ Оттоманской империи. Последнее течение получило верх, и концессия была предоставлена дому Армстронга.

Примите и пр.

К. Гулькевич.

№ 111. Вербальная нота итальянского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1].

27/14 января 1914 г.

La réunion des ambassadeurs à Londres a donné une sanction unanime à la construction du chemin de fer du Danube à l'Adriatique. Ce chemin de fer qui assurera un libre débouché sur l'Adriatique, a pour l'Italie une importance spéciale, puisqu'il est destiné à ouvrir au commerce italien la communication la plus directe et la plus rapide avec presque toute la péninsule des Balcans, avec la Roumanie et avec la Russie. La décision de Londres à ce sujet concerne donc l'Italie aussi et justifie une fois de plus l'intérêt légitime avec lequel le gouvernement royal suit les problèmes qui se rattachent au réseau des chemins de fer balcaniques, dont la ligne Danube-Adriatique sera une des artères principales.

La réunion de Londres a en même temps décidé que les problèmes économiques et de chemins de fer surgis par suite des dernières guerres balcaniques seront résolus par la conférence financière de Paris. Or, il résulte au gouvernement italien que depuis quelques semaines des financiers français et des fonctionnaires des gouvernements autrichien et serbe traitent directement entre eux le règlement de la question des chemins de fer Orientaux, que la finance russe a été cointéressée à ces négociations, que la finance allemande y est intervenue, que dans les premiers jours de février aura lieu à Vienne une réunion des représentants des gouvernements susdits et des représentants du groupe financier [2], lesquels naturellement tout en soignant leurs propres

---

[1] Лит. копия.

[2] Так в подлиннике.

intérêts devront sauvegarder ceux de leurs gouvernements respectifs et faire prévaloir les points de vue de ces derniers.

Le gouvernement italien estime que cette manière de procéder se trouve en opposition avec les décisions de Londres et ne tient pas compte des intérêts légitimes économiques et politiques de toutes les Puissances.

Le gouvernement royal ne saurait donc en admettre la validité sans l'intervention à la réunion de Vienne des représentants des groupes financiers de toutes les Puissances. Et partant, si le règlement du problème des chemins de fer balcaniques avait lieu sans l'intervention de l'Italie, le gouvernement royal devrait se réserver entière liberté d'action vis-à-vis des décisions qui seraient prises à cet égard à défaut de son concours.

Перевод.

Лондонское совещание послов единодушно санкционировало сооружение Дунайско-Адриатической железной дороги. Эта железная дорога, которая обеспечит свободный выход к Адриатическому морю, имеет для Италии особое значение, ибо должна открыть наиболее прямое и быстрое сообщение для итальянской торговли почти со всем Балканским полуостровом, с Румынией и с Россией. Лондонское решение по этому поводу касается таким образом и Италии и лишний раз оправдывает законность того интереса, с которым королевское правительство следит за проблемами, связанными с сетью балканских железных дорог, в которой дунайско-адриатическая линия явится одной из главных артерий.

Лондснское совещание равным образом решило, что экономические и железнодорожные проблемы, возникшие в связи с последними балканскими войнами, будут разрешены на финансовой конференции в Париже. А между тем итальянскому правительству стало известно, что в течение нескольких недель французские финансисты, также австрийские и сербские должностные лица уже обсуждают непосредственно между собой урегулирование вопроса о Восточных железных дорогах, что русский капитал принимает участие в этих переговорах, что в дело вмешался германский капитал, что в первых числах февраля в Вене будет иметь место собрание представителей вышеуказанных государств и представителей финансовых групп, которые, естественно, соблюдая свои собственные интересы, должны будут оградить интересы своих правительств и защитить точки зрения этих последних.

Итальянское правительство считает, что такой способ действия находится в противоречии с лондонскими решениями и не считается с законными политическими и экономическими интересами всех держав.

Такой способ действий без участия в венском совещании представителей финансовых групп всех держав королевское правительство не может признать законным. Поэтому если урегулирование проблемы балканских железных дорог будет иметь место без участия Италии, королевское правительство оставляет за собою полную свободу действий в отношении решений, которые были бы приняты по данному вопросу без ее участия.

№ 112. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 111[1]. 27/14 января 1914 г.

Ссылаюсь на донесение Преображенского № 664[2].

В каком положении вопрос о концессии на Урмийское озеро, который, по словам Подгурского, Восуг-эд-Доуле обещал покончить в самом непродолжительном времени? Очень желательно двинуть его возможно скорее, чтобы положить конец проискам Шюнемана и колебаниям Имам-Кули-Мирзы[3].

С моего согласия Подгурский сегодня телеграфирует Трескинскому предложить принцу немедленно представить документы, подтверждающие его право на озеро, с тем чтобы таковые были посланы через генеральное консульство в миссию для рассмотрения и оценки их совместно с шахским правительством.

Клемм.

№ 113. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 17. 27/14 января 1914 г.

Турецкий посол дал Думергу по поручению своего правительства самые успокоительные заверения о намерениях Турции по отношению к Греции. Думерг ответил Рифаату-паше, что он с удо-

---

[1] Лит. копия.

[2] В донесении от 25/12 дек. 1913 г. за № 664 Преображенский высказывался против намерения главного инженера по постройке Джульфа-Тавризской ж. д. Трескинского уплатить долги владельца Урмийского озера принца Имам-Кули-Мирзы арендатору озера, русско-подданному Будагоянцу, так как уплата эта вызвала бы затруднения при переговорах между русским и перс. правительствами относительно концессии на пароходство по Урмийскому озеру, которой добивалась Джульфа-Тавризская ж. д.

[3] На попытки Шюнемана захватить озеро в свои руки указывал Преображенский в своем донесении за № 664. Тел. от 20/7 янв. 1914 г. за № 21 Преображенский сообщал о тайных переговорах Шюнемана с Имам-Кули-Мирзою. „Не имея возможности лично выступить в деле закрепления озера за германскими предпринимателями“, Шюнеман рекомендовал принцу передать свои права на озеро подставным лицам, турецко-подданным, „и стать таким образом под защиту флага турецкого правительства, которое никакими соглашениями не связано с Россией на севере Персии“. Из тел. Преображенского от 26/13 янв. 1914 г. за № 50 видно, что Имам-Кули-Мирза, после опубликованного в газетах заявления Подгурского об обещанной персидским правительством концессии, вел через Шюнемана переговоры с турецким консулом о передаче турецкому прав-ву своих прав на озеро. В тел. Преображенского от того же числа за № 51 сообщалось, что „с легкой руки Шюнемана“ турецкий консул донес в Константинополь и Тегеран о намерении русских устроить крепость на одном из островов Урмийского озера.

вольствием принимает к сведению это заверение, и заметил, что Порте на-днях представится случай доказать свое миролюбие, подчинившись решению об островах, которое будет сообщено ей державами. Рифаат возразил, что решение это настолько несправедливо и вредно для Турции, что Порта будет принуждена протестовать против него; но вместе с тем он дал понять, что подобный протест вызывается главным образом необходимостью дать удовлетворение общественному мнению и вовсе не означает, что Турция намерена поддержать его силою оружия. Совершенно в том же смысле Рифаат высказывался в разговоре со мною и присовокупил, что благополучное разрешение вопроса о германской военной миссии и факт, что переговоры об армянских реформах почти закончены, доказывают благоразумие Порты и искреннее желание ее сблизиться с Россиею и державами Тройственного согласия.

Извольский.

№ 114. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 18 [1]. 27/14 января 1914 г.

Продолжение моего № 17 [2].

Как Думерг, так и президент республики в разговоре со мною высказали, что они придают серьезное значение миролюбивым заверениям Рифаата-паши, и что, по сведениям из Константинополя, турецкое правительство и вообще младотурки выказывают ныне заметную склонность сблизиться с державами Тройственного согласия. На мое замечание, что к подобным заявлениям следует относиться весьма критически, ибо они, очевидно, имеют целью ускорить заем, Думерг и Пуанкаре ответили, что настоящее благоразумное настроение Порты, может быть, и объясняется острою нуждою в деньгах, но что во всяком случае было бы очень опасно, продолжая грозить ей финансовым бойкотом, бросить ее опять в объятия Германии, от влияния коей она, повидимому, начинает освобождаться. Из всего этого я заключаю, что здесь ведется, при посредстве Джавида и других агентов младотурок, деятельная работа в пользу скорейшего заключения турецкого займа, и что дальнейшие возражения с нашей стороны могут вызвать здесь не-

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 35—36, № 1242.

[2] См. № 113.

которое раздражение. Имея в виду, что практически турецкий заем не может состояться ранее апреля[1], мне кажется, что ныне после благополучного разрешения вопроса о германской военной миссии мы могли бы дать французскому правительству принципиальное согласие на турецкий заем, разумеется, в зависимости от окончания переговоров об армянских реформах. Реализацию займа желательно, конечно, обставить надлежащими гарантиями относительно употребления его на мирные цели, в чем наравне с нами заинтересована и Франция.

Извольский.

№ 115. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Письмо[2]. 27/14 января 1914 г.

Прибывший из Лондона итальянский делегат в Совете оттоманского долга г. Ногара доверительно сообщил Н. Рафаловичу, что его переговоры с английской компанией железной дороги Смирна—Айдин пока не увенчались успехом. Английское правительство якобы заявило Италии, что не встречает препятствий к уступке английской компанией итальянцам принадлежащего ей преимущественного права на постройку Адалийской железной дороги. Однако заправилы линии Смирна—Айдин видят в Адалийской дороге большую опасность для себя и тем менее склонны к уступкам, что Смирнская линия не пользуется турецкой правительственной гарантией и поэтому обеспечена лишь собственной выручкой. Итальянцы, повидимому, предполагают потребовать от Турции концессию и затем предоставить англичанам воспользоваться преимущественным правом, в уверенности, что тогда, по соображениям финансового свойства, англичане сами откажутся, и постройка дороги останется в руках итальянцев. Нужно добавить к этому, что австрийцами приобретены значительные горные концессии в Киликии.

Примите и пр.

Извольский.

---

[1] В тел. от того же числа за № 19 Извольский сообщал, что по условиям парижского рынка турецкий заем может быть выпущен только в июне „и притом не в полном объеме. Сперва будет выпущено не более половины, т. е. 350 миллионов“.

[2] Опубл. М., стр. 482.

№ 116. Посол в Риме министру иностранных дел.

·/. Письмо. 27/14 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В беседе со мною об условиях, которым итальянское правительство подчиняет возвращение Турции занятых Италиею Эгейских островов, маркиз ди Сан-Джулиано старался оправдать свое требование экономических концессий в Малой Азии правом Италии на вознаграждение за продолжительное занятие этих островов, стоящее ей, по словам министра, 75 тыс. фр. в день.

На мое удивленное возражение, что в Лозаннском трактате установлено только одно условие для возвращения островов, а именно очищение Триполитании турецкими войсками, министр мне в длинном изложении ответил, что это не совсем так, что обязательства, возложенные на Турцию Лозаннским трактатом, ею не исполнены, что она их намеренно не исполняет, желая продления итальянской оккупации до полного разрешения с Грециею вопроса об островах; что этим наносится Италии значительный материальный ущерб, противный духу Лозаннского договора, который должен быть исполнен с нормальной поспешностью, хотя в нем не определен срок, и что поэтому Италия имеет право не на компенсацию, как неправильно выражаются, а на возмещение своих затрат. Не желая ни территориальных приобретений, ни денежных уплат от несостоятельной Турции, Италия должна настаивать на непременном предоставлении ей экономических концессий, которые при этом будут только выгодны Турции; впрочем, закончил министр, мы совершенно решились отдать острова только после того, что наши требования будут удовлетворены.

Я, разумеется, не мог согласиться с аргументацией маркиза ди Сан-Джулиано и сказал ему, что хотя я, с итальянской точки зрения, и понимаю желание Италии получить концессию, но никак не могу допустить правильности доводов, на которых это требование основано. На это министр мне сказал, что после того, что я прочту записку, которую он мне дал конфиденциально и которая составлена юрисконсультом Консульты и известным членом Гаагского трибунала, бывшим профессором международного права г. Фузинато, то я, как апостол Павел по пути в Дамаск, признаюсь в своей ошибке и буду осенен светом истины.

Записку эту имею честь препроводить при сем [1]. Ею обоснованы

---

[1] Записка хранится в Арх. Вн. Пол. в деле П. А. № 1667.

юридически, с приведением воззрений авторитетов международного права аргументы маркиза ди Сан-Джулиано. Она составлена блестяще, как впрочем все, что исходит из-под пера г. Фузинато, но аргументы, приведенные в ней, однако мне не показались убедительными. Возвращая ее, как я обязался, маркизу ди Сан-Джулиано и прося его подарить мне ее копию, я писал министру в частном письме „que mon admiration pour le dialectitien et jurisconsulte Fusinato a encore grandi à la lecture de son travail, mais que je n'en saurais dire autant de ma considération pour Fusinato, professeur de droit international et juge au tribunal de la Haye" [1].

Любезно доставив мне просимую копию, маркиз ди Сан-Джулиано мне пишет: „Venez en causer avec moi ..... retour de Damas" [2].

В тот же вечер я встретился в одном из римских салонов с г. Фузинато, с которым я нахожусь в приятельских отношениях. Отведя его в сторону, я ему сказал, что я с живейшим интересом прочел его записку, и повторил ему, не стесняясь, слова, написанные мною маркизу ди Сан-Джулиано. Фузинато засмеялся, и тогда я его спросил, может ли он ответить мне по совести на следующий вопрос: „Если бы вам, как члену Гаагского трибунала, была представлена ваша записка, как неотразимый довод прав Италии, признали ли бы вы приведенные в ней аргументы достаточно убедительным?" Г. Фузинато несколько смущенно ответил мне: „Peut-être pas, mais vous m'en direz tant, passons plutôt au salon, où nous sommes attendus" [3].

Обедая на следующий день с маркизом ди Сан-Джулиано и не желая передавать ему в точности полученный мною от Фузинато ответ, я ему только сказал, что я готов держать с ним какое ему угодно пари, что если он поставит ученому автору вышеприведенный мною вопрос, то он получит ответ, несогласный с помянутой запиской. Министр мне на это ответил уклончиво, что он просит меня зайти к нему для дальнейших дружественных объяснений, которые, он надеется, меня окончательно убедят.

Я, разумеется, далек от мысли, что аргументация Консульты искренна, хотя и должен допустить, что итальянское правительство встретило непредвиденные затруднения и что решение вопро-

---

[1] „Что мое восхищение перед диалектиком и юрисконсультом Фузинато еще возросло при чтении его труда, но что я не мог бы этого сказать о моем уважении к Фузинато, профессору международного права и члену Гаагского трибунала".

[2] „Приходите поговорить со мной об этом... возвращении из Дамаска".

[3] „Может быть, и нет; но вы столько об этом говорите, перейдем лучше в гостиную, где нас ждут".

са об островах замедлилось и приняло оборот, на который здесь не рассчитывали. Возбужденное по вине же правительства общественное мнение Италии, которое надеялось, что Италия приобретет, по крайней мере, один или другой из занятых ею островов, настоятельно требует компенсаций, и итальянское правительство вынуждено с этим считаться. Это главная, если не единственная, причина, заставившая итальянское правительство предъявить Турции новые требования. Мне это также подтвердил г. Фузинато.

Едва ли стоит упоминать о другом, более наивном аргументе итальянского министерства иностранных дел, что занятием островов Италия оказала Турции значительную услугу, что ввиду возможности захвата островов Грецией Турция желала продления итальянской оккупации и для этого медлила отозванием своих оставшихся в Триполитании войск и что такая услуга, оказанная Турции, достойна, по крайней мере, экономических концессий.

В одном из моих разговоров с маркизом ди Сан-Джулиано я сказал ему между прочим: „Pourquoi avez-vous recours pour obtenir une concession à une argumentation qui, je crains, ne satisfera personne au lieu de vous servir d'autres moyens?“ [1]

Министр мне на это ответил: „Mais il n'y en a pas d'autres“ [2].

Примите и пр.

Крупенский.

№ 117. Генеральный консул в Будапеште поверенному в делах в Вене Кудашеву.

*/. Донесение № 4 [3]. 27/14 января 1914 г.

Как раз в то время, когда выяснилась почти окончательная неудача переговоров представителей венгерских румын с венгер-

---

[1] „Почему вместо того, чтобы воспользоваться другими средствами, вы прибегли для получения концессии к аргументации, которая, боюсь, никого не удовлетворит“.

[2] „Но других нет“. — В депеше от 27/14 января 1914 г. за № 2 Крупенский говорит о дискуссии в прессе, поднятой статьей турецкой газеты „Танин“, доказывавшей, что „Турция, добросовестно выполнив все постановления Лозаннского договора относительно вывода войск из Ливии, не обязана компенсировать Италию за понесенные ею расходы по оккупации островов“. Крупенский излагает содержание статьи „Tribuna“ от 22/9 янв. 1914 г., — статьи, „как мне доподлинно известно, составленной самим м-ром ин. дел“. „В этой статье маркиз ди Сан-Джулиано столь же откровенно, сколь и беззастенчиво изложил точку зрения римского кабинета на близко затрагивающий интересы Италии вопрос об о-вах Эгейского моря, каковой“, таким образом, „далек еще от практического разрешения“.

[3] Маш. копия.

ским министром-президентом[1] на предложенной им основе, в газете „Аз Эшт“ появились весьма знаменательные по этому поводу заявления бывшего румынского военного министра г. Филиппеску, имеющие характер своего рода ультиматума, предъявленного Румынией Венгрии. Заявления эти опубликованы газетой в форме беседы ее сотрудника с г. Филиппеску, с отметкой о том, что заявления последнего скреплены им собственноручно.

Бывший румынский министр поведал венгерской газете приблизительно следующее: „Я от всего сердца буду рад, если переговоры удадутся... тогда восстановятся те добрые отношения, которые существовали между обеими странами до балканской войны. Наоборот, при отрицательном результате,—я говорю это совершенно открыто,—восстановление этих добрых отношений окажется навсегда (mindörökre) невозможным. Мы не желаем оказывать никакого влияния на внутренние дела Венгрии, но мы не можем быть в союзе с теми (szövetsegesnen lenni), кто не признает прав населения одной с нами национальности, каковые прямо вытекают из венгерских законов“.

До сих пор румыны королевства, хотя и с тяжелым сердцем, но все же терпели положение своих соплеменников в Венгрии, ибо рассчитывали на политическую поддержку Австро-Венгрии. Но эта поддержка во время балканского кризиса оказалась совершенно недостаточной. Минимальные требования Румынии по отношению к Болгарии, в силу тесных уз, соединяющих Австро-Венгрию и Румынию, и ввиду отношения последней к трансильванскому вопросу, монархия должна была бы признать своим собственным интересом, как она поступила в вопросах об Албании, Скутари и адриатических гаванях. „Нам же она вместо этого расточала платонические и обреченные на неуспех советы, а благорасположение, которое она нам выказала, отнюдь не было бо̀льшим, чем то, которое доказала нам другая держава, которую не связывают с нами никакие обязательства“. „Я уполномочиваю вас,—заявил г. Филиппеску,—предать гласности следующее, доселе сохранявшееся в тайне, сведение: в один из критических моментов пережитого времени, по моему предложению, румынским советом министров было постановлено предъявить австро-венгерскому по-

[1] В донес. от 27/14 янв. 1914 г. за № 3 Приклонский сообщал, что, по дошедшим до него сведениям, собравшийся в Будапеште комитет румынских партий „единогласно признал неприемлемыми“ предложения, сделанные графом Тиссой трансильванским румынам, „считая, что таковыми им предоставляется менее прав, чем те, которые предоставляет им закон и теперь“.

сланнику такой вопрос: „лучше не помогайте нам, но скажите, признаете ли вы наши минимальные требования за conditio sine qua non, так же как и другие вопросы, которые вас непосредственно интересуют?“ Отвечено было, что в Софии вновь поставлен срок для последнего шага[1]. И это было все.

Никакого осязательного результата заступничество монархии не принесло Румынии. В вопросе же об участии в Лондонской конференции, на которую, по сообщению именно из Вены, должны были пригласить Румынию, это заступничество поставило ее в крайне неловкое положение: перед нею захлопнули дверь, в которую она и не стучалась.

Монархия поставляла оружие и патроны Болгарии во время ее конфликта с Румынией. „Не может быть признано дружелюбным и требование Австро-Венгрии о пересмотре Бухарестского договора. Заявление г. Майореску о том, что и Россия того же желала, теряет свое значение, так как во всяком случае существует большая разница между пожеланиями обеих держав и теми целями, которые они преследовали; кроме того, ведь Россия и не имеет по отношению к нам каких бы то ни было обязательств“.

Возвращаясь вновь к вопросу о венгерских румынах, бывший румынский министр заявил следующее: „Если жалобы их прекратятся, то вновь восстановится прежняя дружба с монархией. Но если мы вновь с их стороны будем слышать одни только жалобы, от которых сжимается наше сердце, и если мы не получим уверенности, что при новых политических осложнениях нам будет обеспечена более действительная поддержка, чем та, которую мы имели ныне, то в Румынии не найдется ни одного такого правительства, которое могло бы следовать прежней дружеской по отношению к Австро-Венгрии политике, и я могу вас уверить, что это мнение не мое личное только, но и всеобщее“. „Мы не имеем права вмешиваться во внутренние дела Венгрии, но мы имеем право направлять нашу внешнюю политику так, как нам это угодно“.

Заявления г. Филиппеску в извлечении перепечатаны в „Пестер Ллойде“. Однако многие мысли г. Филиппеску переданы в извращенном виде, и те два места, из коих одно прямо касается России, а в другом намекается на нее, совершенно пропущены газетой. Вышеприведенное извлечение сделано мной из точного перевода венгерского текста.

[Приклонский.]

---

[1] Венгерский текст этой фразы недостаточно ясен. В „Пестер Ллойде“ она переведена неверно. (Прим. подлинника.)

№ 118. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 1 [1]. 27/14 января 1914 г.

Из последовательных донесений моих [2] ваше высокопревосходительство изволили осведомиться, к каким результатам привел в настоящее время обмен взглядов между Сербией и Австрией по железнодорожному вопросу. Вторичный приезд сюда, к началу наступившего года, г. Дютаста не принес ничего нового; объяснения его с председателем совета министров не оставили в нем, конечно, никаких сомнений, что дело интернационализации Восточной дороги следует считать окончательно налаженным, поскольку это зависит от Сербии; но представитель французских капиталистов в то же время не мог не убедиться, на основании сообщенных ему Пашичем некоторых доверительных данных, что, напротив, проектированное австро-сербское соглашение почти неминуемо должно натолкнуться на весьма серьезные затруднения.

Г. Дютаста в беседе со мною не скрыл своей тревоги, выразив тем большее удивление по поводу чрезмерности австрийских притязаний, что о них, повидимому, не было и речи во время декабрьских переговоров в Вене. Тогда, вопреки ожиданиям, и финансовые и правительственные австрийские круги проявляли разумную сговорчивость, стараясь заверить французов в том, что Австро-Венгрия вовсе не ищет для себя каких-либо исключительных привилегий на сербских железных дорогах.

Впрочем, г. Дютаста не теряет надежды повлиять на Австрию в умеряющем смысле путем финансового давления; расчеты свои он основывает на том, во-первых, что будто бы венские банки тяготятся скоплением в их руках большей части акций Восточной дороги, а во-вторых, что Австрия всячески стремится снискать себе благорасположение французских финансовых сфер, надеясь в конце концов добиться заключения столь необходимого для нее займа на парижском рынке.

Насколько основательны эти расчеты,—я, конечно, не могу судить, но пока не видно, чтобы венский кабинет проявил хотя бы малейшее намерение сократить свои требования, так категорически изложенные в доверительном „проекте“ соглашения, представленном мною при депеше от [13 января] 31 декабря за № 66 [3].

---

[1] Лит. копия.

[2] См. №№ 7 и 45.

[3] См. стр. 9, прим. 2.

С тех пор австро-венгерский посланник вновь обратился к сербскому правительству со словесною нотою, напоминая о желательности для обоих государств в скорейшем времени приступить к переговорам по экономическим и железнодорожным вопросам. На эту ноту барону Гизлю дан был ответ приблизительно в следующем смысле:

„Королевское правительство, желая явить доказательство готовности своей в ближайшем времени закрепить особливо дружественные отношения с соседнею монархией, предписало своему посланнику в Вене приступить к переговорам по железнодорожным вопросам в предположении, что вскоре будет заключен мир между Сербией и Турцией“.

„Имея также намерение обсудить и дело эксплоатации Восточной дороги в связи с другими железнодорожными вопросами, королевское правительство считает долгом, во избежание недоразумений, напомнить, что по этому предмету оно остается при мнении своем, высказанном в ноте от [17] 4 декабря минувшего года“ (сообщенной вашему высокопревосходительству телеграммой от [18] 5 декабря 1913 г., № 1441 [1]).

„Равным образом, для устранения разногласий международного характера, замедляющих ход переговоров, королевское правительство признает необходимым предварительное установление „модуса“, который служил бы основанием при обсуждении железнодорожных вопросов, интересующих обе соседние державы“.

„Приступая к обсуждению означенных вопросов, королевское правительство имеет в виду, с одной стороны, гарантировать Австро-Венгрии сообщение с Салониками и Царьградом, с другой—обеспечить жизненные интересы и торгово-политическую самостоятельность сербского государства“.

„В этом смысле даны указания сербскому посланнику в Вене“.

Как сообщил мне Пашич, барон Гизль не был удовлетворен этим ответом, усмотрев в нем лишь „перифразу“ австрийской ноты. На что Пашич возразил, смеясь: „Перифразой характеризуется лишь

---

1 В тел. от 18/5 дек. 1913 г. за № 1441 Гартвиг передавал содержание ноты сербского м-ва ин. дел от 17/4 дек. 1913 г., в которой в ответ на словесную ноту австро-венг. прав-ва „о настоятельной необходимости передачи Сербией Восточных железных дорог законному собственнику“ сообщалось о готовности сербского прав-ва „вступить в переговоры либо для выкупа дороги, либо для изыскания иного способа решения этого вопроса“. При этом сербское прав-во высказывало убеждение, что „перемена в лице собственника не повлияет ни на постановления четверной конвенции [1883 г.], ни на гарантии, обеспечивающие договаривающимся сторонам свободу путевого движения“.

форма документа, но содержание его, надеюсь, дает обстоятельный ответ на все поставленные австро-венгерским правительством вопросы".

Н. Гартвиг.

№ 119. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

Телеграмма № 114 [1]. 28/15 января 1914 г.

Крупенский телеграфирует [2], что германское правительство заявило китайскому о согласии исполнить его просьбу отозвать из Ханькоу германский охранный отряд. В принципе мы не встречаем препятствий последовать примеру Германии, полагая, что охрана концессии в Ханькоу может быть поручена военным судам, на что мы имеем право по 5-й ст. Тяньцзиньского договора.

Однако, ввиду отрицательного отношения японского правительства к поднятому по нашей инициативе вопросу об отозвании иностранных отрядов из Чжилийской провинции, мы желали бы предварительно выяснить, не имеется ли у японского правительства серьезных причин считать необходимым присутствие иностранных отрядов в Ханькоу. Ввиду существующей между нами и Японией солидарности по китайским делам, соображения японского правительства будут, конечно, по возможности приняты нами во внимание.

В вышеизложенном смысле благоволите доверительно объясниться с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать [3].

[Сазонов.]

№ 120. Министр иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу.

*/. Телеграмма № 115 [4]. 28/15 января 1914 г.

Ваша телеграмма № 37 [5] получена.

Вызвав вчера турецкого поверенного в делах, я сказал ему, что пора кончить с армянскими реформами и не создавать неже-

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 26/13 янв. 1914 г. за № 15.

[3] В ответной тел. от 3 февр./21 янв. 1914 г. за № 8 Малевский сообщал, что „ввиду настоящих условий как на юге, так и на севере Китая японское правительство не может признать теперешние обстоятельства благоприятными для вывода своих войск из Китая", и что оно „не преминет обменяться взглядами с императорским правительством, когда положение вещей вызовет необходимость в дальнейшем обсуждении этого вопроса".

[4] Опубл. Ор. кн., стр. 149—150, № 135.

[5] В тел. от 25/12 января 1914 г. за № 37 Гулькевич сообщал, что великий визирь и Талаат согласились в том случае, если перепись населения не будет

лательного впечатления разногласия и затяжки со стороны Порты, способных лишь поощрить беспокойные элементы на местах. В заключение я просил его телеграфировать своему правительству дословно следующее: „Les membres élus des assemblées générales dans les vilayets de Sivas, Kharpout et Diarbékir seront par deux tiers musulmans et par un tiers non-musulmans“ [1].

Сазонов.

№ 121. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо. 28/15 января 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич, Confidentiel.

A peine revenu à Londres j'ai passé trois jours à Windsor, ce qui a fait que je n'ai vu Sir Edward Grey qu'une fois. Hier il était occupé à un conseil de Cabinet et c'est à Sir Arthur Nicolson que j'ai remis un memorandum paraphrase de votre télégramme No 98 [2]. Sir Arthur m'a dit combien il a apprécié votre prompte réponse. Il me dit que nous étions les premiers à donner une réponse. En sortant je rencontrai M. Cambon qui me dit qu'il apportait la réponse française, qui tout comme nous, accepte le projet de réponse aux Puissances de la Triple Alliance et la démarche à faire à Constantinople et à Athènes.

Sir Arthur me fit pourtant observer que la question d'une garantie au profit de la Grèce pour les îles qui lui seront attribuées ne faisait pas partie de la proposition anglaise. Je lui répondis que Sir Edward Grey m'avait mis au courant d'un entretien avec M. Vénizélos, au cours duquel ce dernier, tout en promettant au nom de son gouvernement que la Grèce accepterait la déclaration des Puissances, avait soulevé cette question de garantie. Sir Edward m'avait donné le sens de sa réponse. J'ajoutai que c'est là ce dont je vous avais informé par télégraphe [3], que par conséquent le télégramme que je lui avais apporté contenait selon moi une double réponse. D'abord l'acceptation de la proposition anglaise telle que Sir Edward l'avait formulée, et ensuite votre point de vue au sujet d'une garantie territoriale au profit de la Grèce qui avait surgi depuis.

Au cours de l'entretien auquel je me réfère, Sir Edward m'avait

---

закончена через год, ввести равное представительство в Эрзеруме, и что они отказываются принять соотношение $^2/_3$ к $^1/_3$ в ген. советах Сиваса, Харпута и Диарбекира, настаивая на немедленном введении в этих вилайетах пропорциональной системы выборов. (Опубл. Ор. кн., стр. 148—149, № 134, с сокращениями).

[1] „Выборные члены генеральных советов в вилайетах Сивасском, Харпутском и Диарбекирском будут на $^2/_3$ из мусульман и на $^1/_3$ из не-мусульман“.

[2] См. № 105.

[3] Имеется в виду тел. Бенкендорфа от 21/8 янв. 1914 г. за № 10. См. № 64.

dit qu'il pensait pouvoir conclure des renseignements qui lui parvenaient, que l'affaire qui paraissait devenir menaçante, celle de la mission militaire allemande à Constantinople, avait trouvé une solution, ou tout au moins paraissait [être] en bonne voie d'en trouver une. Il m'a dit qu'il n'avait pas encore eu de renseignements précis à ce sujet, mais qu'il avait bon espoir et que ce grave incident éclairci, il espérait que les autres questions pendantes pourraient trouver [une] solution en y mettant un peu de patience.

Sir Edward s'exprima de façon assez positive sur la question de l'emprunt albanais. Il objecte au projet d'une banque austro-italienne et insiste sur la nécessité de l'internationalisation de cette affaire sans privilèges spéciaux pour personne.

Je demandai à Sir Edward Grey où en était la question des îles occupées par l'Italie. Il me répondit que les choses en étaient toujours au même point, qu'il s'agirait de s'en occuper plus tard. Il m'exprima son appréciation de votre réponse à l'ambassadeur d'Italie au sujet des compensations auxquelles l'Italie prétend. Cette idée n'inspire que peu de sympathie à Sir Edward Grey. Il m'a dit pourtant que si les intérêts italiens pouvaient être mis en accord avec les intérêts anglais engagés dans les parages auxquels l'Italie vise, il pourrait peut-être s'y adapter; mais qu'en cas contraire il se croirait obligé de défendre les intérêts anglais contre toute ingérence nouvelle.

Sir Edward Grey m'a paru préoccupé de l'accueil qui serait fait à la démarche des Puissances à Constantinople. Aussi mit-il un prix spécial à ce que la Turquie soit prévenue d'avance que les Puissances étaient cette fois décidées à faire respecter leur décision. Il n'a pas formulé de réserves au sujet des moyens d'action à employer, ou plutôt il n'a rien dit sur le procédé.

Le reste de l'entretien eut trait aux questions intérieures d'Angleterre. Je n'ai rien à ajouter à ce sujet à ce que je vous dis dans une autre lettre [1], attendu que Sir Edward s'est abstenu de tout jugement person-

---

[1] В письме от 27/14 янв. 1914 г. Бенкендорф касался вопроса о внутреннем политическом кризисе в Англии, вызванном сопротивлением Ульстера проведению законопроекта о гомруле. По мнению Бенкендорфа, открытие сессии парламента произойдет под впечатлением приготовлений Ульстера к вооруженному восстанию, в случае если проект получит санкцию короля. Касаясь вопроса о последних выборах, Бенкендорф отмечал, что, несмотря на тревожное положение, Асквит может найти из него выход, и хотя либералы после восьмилетнего пребывания у власти начинают проявлять некоторую усталость, тем не менее Асквит не воспользуется вопросом о гомруле, как предлогом для отставки кабинета, предпочитая, повидимому, чтобы падение прав-ва было вызвано каким-либо другим вопросом.

nel. Mais il ne m'a pas été difficile de comprendre qu'il croit à la possibilité d'un compromis au sujet de l'Ulster, le désire vivement, mais pense qu'une solution équitable ne se manifestera qu'à la dernière minute. Sa situation personnelle est, je crois, intimement liée à celle de M. Asquith.

Je n'ai jusqu'ici touché qu'en passant à la question du Transpersan dès le premier jour que je vis Sir Arthur Nicolson. Dans la situation actuelle je préfère attendre quelque développement nouveau. J'ai seulement dit qu'un arrangement entre la Société d'Etudes et les intérêts Greenway ne me semblait pas possible, une concession générale de mines n'entrant nullement dans les vues des initiateurs du projet Transpersan. Sir Arthur Nicolson ne m'a pas fait de réponse directe. Mon impression est qu'il se rend compte de cette difficulté, mais qu'il espère toujours que des négociations pourront être continuées de manière à préparer l'avenir. Pour ma part je doute que nous arrivions actuellement à lier la Russie directement aux Indes. Cette pensée rencontre aujourd'hui une opposition qui ne provient plus seulement de celle produite par le gouvernement des Indes. De ce côté elle s'est peut-être affaiblie. C'est plutôt en Angleterre que le vieux projet d'isoler les Indes a repris plus soudainement que le gouvernement ne s'y attendait. Il en a été exactement de même du projet dont on parle si souvent, d'un tunnel sous La Manche. C'est un des points de vue enracinés, avec lesquels il est difficile de lutter et dont le gouvernement anglais est bien obligé de tenir compte. Ce qui n'empêche pas qu'il ne faudrait pas, je crois, renoncer à préparer l'avenir et qu'il conviendrait de se mettre d'accord, non pas encore sur l'ensemble, mais sur la partie la plus pressée du programme. Une difficulté est l'admission de la France à titre d'égalité avec la Russie et l'Angleterre. Ici on redoute l'admission comme pouvant devenir un précédent, tandis que, d'après ce qui me revient ici, la France n'y tient pas essentiellement.

Mille amitiés. Benckendorff.

Перевод.

Доверительно.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

По возвращении в Лондон я провел три дня в Виндзоре; поэтому я видел сэра Эдуарда Грея только один раз. Вчера он был занят в заседании совета, и меморандум, перифразирующий вашу телеграмму № 98, я вручил сэру Артуру Никольсону. Сэр Артур сказал мне, что он очень ценит ваш быстрый ответ. Он заметил, что мы первые дали ответ. Уходя, я встретил г. Камбона, который сказал мне, что он принес ответ французского правительства, которое так же, как и мы, присоединяется к проекту ответа державам Тройственного

союза и к выступлению, которое предполагается сделать в Константинополе и в Афинах. Однако, сэр Артур обратил мое внимание на то, что вопрос о гарантиях, которые должны быть даны Греции в отношении предоставляемых ей островов, не затронут в английском предложении. Я ему ответил, что сэр Эдуард Грей ввел меня в курс своего разговора с г. Венизелосом, который обещая от имени своего правительства, что Греция примет декларацию держав, поднял этот вопрос о гарантиях. Сэр Эдуард сообщил мне смысл своего ответа. Я добавил, что это именно то, о чем я вам сообщил по телеграфу, и что, следовательно, телеграмма, которую я ему принес, содержала, по моему мнению, двойной ответ. Во-первых, принятие английского предложения в том виде, как формулировал его сэр Эдуард Грей, и затем ваш взгляд по поводу территориальных гарантий в пользу Греции, вопрос о коих возник позже. В течение беседы, о которой я упоминаю, сэр Эдуард сказал мне, что, по его мнению, из доходящих до него сведений можно заключить, что дело, которое как ему казалось, приобретало угрожающий характер,—именно дело германской военной миссии в Константинополе,—нашло свое разрешение или, по крайней мере, на пути к разрешению. Он сказал мне, что у него нет еще точных данных по этому поводу, но что он питает большие надежды и рассчитывает, что по разрешении этого серьезного инцидента другие нерешенные еще вопросы смогут найти разрешение, если проявить немного терпения.

Сэр Эдуард высказался достаточно определенно по вопросу об албанском займе. Он возражает против проекта австро-итальянского банка и настаивает на необходимости интернационализации этого дела без специальных привилегий для кого бы то ни было.

Я спросил у сэра Эдуарда Грея, в каком положении находится вопрос об островах, занятых Италией. Он ответил мне, что дело это находится все еще в том же положении, и что им придется заняться позже. Он оценил ваш ответ итальянскому послу по поводу компенсаций, на которые претендует Италия. Эти претензии внушают сэре Эдуарду Грею мало симпатий. Он сказал мне однако, что если бы удалось согласовать итальянские интересы с английскими в местностях, на которые имеет виды Италия, он, быть может, смог бы согласиться; но что в противном случае он считал бы себя обязанным защищать английские интересы против всякого нового вмешательства.

Мне показалось, что сэр Эдуард Грей озабочен тем, какой прием может быть оказан выступлению держав в Константинополе. Поэтому он придает особое значение тому, чтобы Турция была предупреждена заблаговременно о том, что державы на этот раз решили заставить уважать их решение. Он не сделал никаких оговорок по поводу предполагаемых средств воздействия, точнее, он ничего не сказал об этом.

Конец нашей беседы касался вопросов внутренней политики Англии. Я ничего не имею прибавить по этому поводу к тому, что я вам сообщаю в другом письме, так как сэр Эдуард воздержался от того, чтобы высказать свое личное мнение. Но мне нетрудно было понять, что он верит в возможность компромисса по вопросу об Ульстере, горячо его желает, но полагает что справедливое решение явится только в последнюю минуту. Его собственная позиция, я думаю, тесно связана с позицией г. Асквита.

До сих пор с первого дня, как я видел сэра Артура Никольсона, я касался вопроса о Трансперсидской ж. д. только мимоходом. При настоящих условиях я

предпочитаю выжидать какого-либо нового оборота дела. Я сказал только, что согласование интересов Société d'Etudes и интересов Greenway не представляется мне возможным, так как общая концессия на разработку недр совершенно не входит в планы инициаторов проекта Трансперсидской ж. д. Сэр Артур Никольсон не дал мне прямого ответа. Мое впечатление таково, что он отдает себе отчет в этом затруднении, но попрежнему надеется на то, что переговоры могут быть продолжены, в расчете на будущее. С своей стороны я сомневаюсь, чтобы нам на этот раз удалось связать Россию непосредственно с Индией. Эта мысль встречает в настоящее время противодействие, которое исходит теперь не только от индийского правительства. С этой стороны оно, может быть, и ослабело. Старый проект изоляции Индии особенно неожиданно для правительства возродился именно в Англии. Точно так же обстояло дело с проектом, о котором столь часто говорят, о туннеле под Ламаншем. Это одна из укоренившихся точек зрения, с которой трудно бороться и с которой английское правительство вынуждено весьма считаться. Несмотря на это, по моему мнению, не следовало бы отказываться от подготовки почвы для будущего и надлежало бы достигнуть соглашения пока не в целом, а лишь по той части программы, которая носит наиболее неотложный характер. Одна из трудностей заключается в допущении Франции на равных основаниях с Россией и Англией. Здесь опасаются ее допущения, поскольку это может послужить прецедентом, тогда как, по доходящим до меня сведениям, Франция на этом особенно не настаивает.

Тысяча дружеских пожеланий.

Бенкендорф.

№ 122. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 28/15 января 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je suis un peu comme Grey, je ne sais pas très bien où en sont les choses à Constantinople, mais comme à lui il me semble que ce manque de nouvelles positives marque que les choses s'arrangent ou sont arrangées. Dieu merci, car vous savez que nul n'a pris cette question plus au sérieux que moi et personne n'a vu plus clairement que moi dans quelle situation imposée nous pourrions, coûte que coûte, être placés.

Mais accordez moi cette fois encore la faveur de vous expliquer ma pensée en toute franchise. C'est en revenant de Sicile, que j'ai trouvé ici votre всеподданнейший доклад, et les points à soumettre à l'examen du conseil[1]. C'est tout ce que je sais; si c'est de l'histoire ancienne, j'en bénirai le ciel, mais à toute bonne foi je me ferais reproche, si je vous cachais que l'idée maîtresse qui vous guide, de vous en prendre à la Turquie et d'espérer, en effrayant la Turquie, effrayer l'Allemagne, ne me semble illusoire. L'occasion de la crise, n'est pas à pro-

[1] См. стр. 17, прим. 2.

prement parler l'Allemagne, encore moins peut-être la Turquie. C'est un accord turco-allemand. Cet accord rend ces deux Puissances éminemment solidaires. En cas de conflit, l'Allemagne est tenue, d'honneur et de dignité tenue à prendre les armes pour la Turquie. Par conséquent tout acte de menace, quel qu'il soit, à plus forte raison des mesures militaires, menace directement l'Allemagne et ne peut pas être ressenti à Berlin moins qu'à Constantinople. C'est le contraire, le procédé lésera Berlin infiniment plus que Constantinople. Sur le Bosphore on y est habitué. Mais il me semble complètement impossible d'admettre que l'Allemagne fondée comme empire, si récemment, qui n'occupe son immense situation politique et militaire [que] depuis si peu de décades, fière encore de ses récentes et éclatantes victoires, accepte une défaite, non seulement diplomatique, mais honteuse, c'est ce qu'il m'est impossible d'admettre. J'en conclus que prendre des mesures contre la Turquie, c'est aller droit à la guerre, et y aller par une voie et un procédé de négociations qui, je le crains, n'est que faiblement approuvé à Paris et que Grey n'aime décidément pas.

J'irai plus loin, je crois qu'aujourd'hui il y a tant d'électricité dans l'air que dès que les Puissances de la Triple Alliance seront confrontées, manifestement par des démarches positives, avec celles de l'Entente, ou vice versa, la guerre s'en suivra. Une démarche des trois à Berlin, démarche officielle plus ou moins identique, ne peut pas faire plier le Cab[ine]t de Berlin, disons mieux l'Allemagne. Elle n'en est pas là, bien loin de là. Remarquez que même lors d'Agadyr, le seul cas probant depuis que [la] Triple Alliance et [la] Triple Entente existent, les choses ne se sont pas passées ainsi. La France seule était en jeu, soutenue peu à peu par ses amis, et c'est une imprudence allemande, une gaucherie diplomatique allemande, un défi à l'Angleterre, qui a réveillé Grey. Cela est bien différent. . . . .

D'un autre côté quel que soit le jeu allemand, peut-être ses regrets, tout me porte à croire, qu'ils comprennent avoir fait une faute et donneraient beaucoup pour ne pas l'avoir commise et seraient enchantés de pouvoir s'en tirer. A condition sine qua non qu'on n'en fasse pas une question de dignité. A Berlin on sait parfaitement que la France, qui semble toujours prête à se battre avec l'Allemagne, marchera avec nous. Ils connaissent à ne pas pouvoir s'y méprendre l'opinion de Grey, et l'importance attachée à cette question en Angleterre. Je crois que cela est absolument suffisant pour les faire réflechir, parce qu'ils seraient plus hardis qu'ils ne le sont de s'imaginer qu'en cas de guerre générale, de fil en aiguille, l'Angleterre n'y serait pas entraînée. Tout au moins, ils n'ont aucune sécurité de ce genre. Voilà l'avertissement, il

suffit, je crois, que de le souligner [1], même en apparence, c'est risquer la guerre sans nécessité absolue. Des négociations de nous à Berlin, appuyées éventuellement et indépendamment par la France et l'Angleterre dans une forme qui ne puisse pas froisser la dignité allemande, me paraît l'unique voie possible d'arriver à nos fins pacifiquement, au prix d'arriver à la guerre seulement à cause de l'obstination politique et diplomatique allemande, c'est à dire en conditions infiniment plus favorables que par la voie vers laquelle vous penchez.

Le boycott financier, si tant est qu'il est possible, me paraît le seul moyen d'action directe sur la Turquie. Je n'y compterais pas beaucoup. Quant aux autres mesures que vous pensez proposer, — en dehors de toute considération concernant l'amour-propre allemand, et la situation, selon moi forcée, dans laquelle l'Allemagne serait placée, — je doute beaucoup que l'accord puisse s'établir. Cette voie politique, déplaisant à Paris et Londres, on ne se décidera guère à s'y aventurer par des moyens qui en eux-mêmes ne seraient pas de leur goût. Notre entrée en Asie Mineure pourrait seule être motif pour un ultimatum allemand. Il ne me semble pas possible d'admettre que la France et l'Angleterre s'autorisent réciproquement à l'occupation même momentanée de Smyrne ou [de] Beyrouth. Quant à retirer les ambassadeurs, cela serait un premier affront à l'Allemagne, qui laisserait place libre à l'ambassadeur d'Allemagne.

Mais ces dernières considérations sont presque secondaires, le fond de ma pensée est que de s'en prendre violemment à la Turquie, comme cela se fait quand elle est isolée, équivaut cette fois, ou plutôt [c'] est s'en prendre violemment à l'Allemagne, sans que, je l'avoue, je ne puisse voir [1] aucun avantage à ce plan diplomatique. Je vous écris de ma propre main, au risque de vous en imposer le déchiffrement pour que cet échange d'idées reste entre vous et moi.

Je préfère qu'à Londres personne ne sache que je vous écris ainsi franchement.

Un dernier argument contre la possibilité d'une issue pacifique par voie de menaces, menaçantes soit à Constantinople, soit à Berlin. Il ne faudrait pas se faire d'illusions, les temps se sont modifiés, pour mille et une raisons la Russie n'est plus populaire en Allemagne, et je crois qu'il y a tout lieu de s'attendre à ce qu'une pression sur l'Allemagne, y rende un conflit avec nous beaucoup plus populaire qu'on ne le croit en Russie. C'est du moins mon opinion, vu que je connais de l'Allemagne.

---

[1] Так в подлиннике.

Vous excuserez, je l'espère, la liberté et le décousu de cette lettre, écrite au courant de la plume et mille sincères amitiés.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Почти в такой же мере, как и Грей, я не знаю, каково положение вещей в Константинополе, но, как и ему, мне кажется, что это отсутствие положительных сведений означает, что дела устраиваются или устроились. Слава богу, ибо вы знаете, что никто не придавал этому вопросу более серьезного значения, чем я, и никто не видел лучше меня, в какое тяжкое положение мы могли бы—несмотря ни на что—быть поставленными.

Но позвольте мне на этот раз еще изложить вам мою мысль с полной откровенностью. Возвратясь из Сицилии, я нашел здесь ваш всеподданнейший доклад и пункты, предложенные на рассмотрение совещания. Вот все, что я знаю; если это—старая история, я буду благословлять небо, но я никогда не простил бы себе, если бы я скрыл от вас, что главная руководящая вами идея—приняться за Турцию и, пугая ее, пугать Германию—мне представляется неосуществимой. Собственно говоря, виновником кризиса является не Германия, еще менее, быть может, Турция. Причина его коренится в германо-турецком соглашении. Это соглашение создает между этими двумя державами величайшую солидарность. В случае конфликта для Германии было бы делом чести и достоинства взяться за оружие в защиту Турции. Следовательно, всякий акт угрозы, каков бы он ни был, тем более военные мероприятия, направлен непосредственно против Германии и не может отразиться в Берлине менее, чем в Константинополе. Наоборот, такой акт заденет Берлин значительно больше, чем Константинополь. На Босфоре к этому привыкли. Но мне кажется совершенно невозможным допустить, чтобы Германия, столь недавно ставшая империею, столь недавно занявшая выдающееся военное и политическое положение, гордая еще своими недавними блестящими победами, примирилась с дипломатическим поражением, оскорбительным к тому же для ее достоянства. Этого я не могу допустить. Из этого я заключаю, что предпринимать меры против Турции—это значит итти прямо к войне, и итти к ней путем таких переговоров, таким путем, который, боюсь, не встретит особенного одобрения в Париже и который Грей решительно отвергает.

Скажу более: я думаю, что атмосфера теперь так насыщена электричеством, что только державы Тройственного союза, в результате своих выступлений, окажутся лицом к лицу с державами согласия—или vice versa—война разразится. Выступление трех держав в Берлине, выступление официальное, более или менее тождественное, не может заставить уступить берлинский кабинет, скажем лучше—Германию. Она не такова и весьма далека от этого. Заметьте, что даже во время Агадира,—единственного симптоматического инцидента с того времени, как существуют Тройственный союз и Тройственное согласие,—события не шли таким путем. Франция одна участвовала в игре, лишь отчасти поддерживаемая своими друзьями, и только германское неблагоразумие, неловкость германской дипломатии, вызов, брошенный Англией, пробудили Грея. Это совсем другое дело.

С другой стороны, какова бы ни была игра немцев, может быть, выра-

женные ими сожаления,—все заставляет меня думать, что они понимают, что совершили ошибку, многое дали бы за то, чтобы избежать ее, и были бы рады возможности выйти из положения, но при непременном условии, чтобы из этого не было сделано вопроса чести. В Берлине прекрасно знают, что Франция, кажется, всегда готовая сражаться с Германией, пойдет с нами. Они хорошо знают, каково мнение Грея и какое значение придают этому вопросу в Англии. Я думаю, что этого совершенно достаточно, чтобы заставить их задуматься, потому что с их стороны было бы величайшею самонадеянностью воображать, что в случае всеобщей войны Англия не была бы мало-помалу втянута в нее. По крайней мере, они не имеют уверенности подобного рода. Вот предостережение, я думаю, что только слегка подчеркнуть его—это значило бы рисковать войной без абсолютной необходимости. Наши переговоры с Берлином, поддержанные, в случае надобности, Францией и Англией в отдельности, в форме, не могущей оскорбить достоинство Германии, мне представляется единственным возможным путем для мирного достижения наших целей; в таком случае война может возникнуть единственно вследствие политического и дипломатического упорства Германии, т. е. в условиях, неизмеримо более благоприятных, чем тот путь, к которому вы склоняетесь.

Финансовый бойкот, насколько он возможен, представляется мне единственным способом непосредственного воздействия на Турцию. На него я не возлагал бы больших надежд. Что касается других мер, которые вы думаете предложить,—совершенно не считаясь с германским самолюбием и вынужденным положением, в которое, по моему мнению, Германия была бы поставлена,—я сильно сомневаюсь, чтобы подобными мерами могло быть установлено соглашение. Никто не рискнет пойти по такому политическому пути, который не внушает симпатии в Париже и Лондоне,—тем более, пользуясь средствами, которые сами по себе не могут там прийтись по вкусу. Наше вступление в Малую Азию одно могло бы быть мотивом для германского ультиматума. Я не могу допустить мысли, чтобы Франция и Англия позволили друг другу, даже на самый короткий срок, оккупировать Смирну или Бейрут. Что касается отозвания послов, это явилось бы вызовом по отношению к Германии, который развязал бы руки германскому послу.

Но эти последние соображения являются почти второстепенными, суть моей мысли заключается в том, что сильно задевать Турцию, как это делается, когда она изолирована, означает на этот раз сильно задеть Германию, причем, признаюсь, я не мог бы видеть никакой пользы в этом дипломатическом плане. Я пишу вам собственноручно, рискуя заставить вас расшифровывать написанное, дабы этот обмен мыслями остался между вами и мной.

Я хотел бы, чтобы в Лондоне никто не знал, что я пишу вам так откровенно. Последний аргумент против возможности притти к мирному исходу путем угроз в Константинополе или в Берлине: не следовало бы создавать себе иллюзий, времена изменились, по тысяче и одной причине Россия более непопулярна в Германии, и мне кажется, что есть все основания ожидать, что давление на Германию сделает там конфликт с нами значительно более популярным, чем думают в России. Это, по крайней мере, мое мнение, принимая во внимание то, что я знаю о Германии.

Надеюсь, вы извините за свободный тон и несвязность этого письма, написанного за один присест. Тысяча искреннейших дружеских пожеланий.

Бенкендорф.

№ 123. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 20. 28/15 января 1914 г.

Получил в экспедиции телеграммы из Константинополя № 19 [1], 20 [2], 23 [3] и 27 [4]. Копия [в] Константинополь.

Армянские реформы.—По свидании с М. Н. Гирсом, Богос-Нубар-паша обратился письменно [5] и по телеграфу к патриархату, очень настаивая на необходимости удовольствоваться реформами, на которые последовало согласие Порты. Согласие это достигнуто как ввиду установившегося между державами соглашения по армянским делам, так и благодаря поставленным на очередь финансовым вопросам, явившимся в руках России весьма сильным средством воздействия на Порту. Но то и другое обстоятельство может измениться, и Нубар предостерегает армян, что в таком случае они могут лишиться тех весьма существенных реформ, которые им предлагаются ныне. М. Н. вполне согласен с этими доводами. Он со своей стороны считает весьма желательным ныне же согласиться на турецкие предложения; дальнейшие переговоры, по его мнению, имеют мало шансов на успех.

Извольский.

№ 124. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 23. 28/15 января 1914 г.

Копия в Лондон.

Думерг сказал мне сегодня, что он считает посылку державами судов к Хиосу и Митилене лучшим средством побудить Турцию подчиниться их решению, но что желательно не придавать этой посылке характера формальной морской демонстрации; по его

---

[1] См. № 49.

[2] См. стр. 40, прим. 3.

[3] См. стр. 73, прим. 3.

[4] См. № 70.

[5] Письмом на имя армянского патриарха в Константинополе от 24/11 янв. 1914 г. (в копии приложенном к письму Извольского на имя Сазонова от 29/16 янв. 1914 г.), содержание которого в основном изложено в публикуемом документе. В письме этом Богос-Нубар отмечал, что при существующем турецком прав-ве нельзя рассчитывать на лучшие условия, чем те, которые уже достигнуты „прежде всего благодаря энергичной дипломатической деятельности России, но также и благодаря финансовому давлению, которое при настоящих обстоятельствах является драгоценным аргументом“. Но давление это, по мнению Нубара, не будет действительным, когда Порта, получив заем (который нельзя откладывать на неопределенное время) выйдет временно из финансового кризиса.

мнению, каждая держава в отдельности могла бы послать свое судно крейсировать у сказанных островов, причем меру эту следовало бы принять одновременно с вручением Турции и Греции предположенных нот. Такой образ действий, с одной стороны, пощадил бы самолюбие Порты, а с другой—послужил бы ей аргументом для вразумления общественного мнения. По сведениям из Берлина, Германия вряд ли примет материальное участие в посылке судов, но не будет возражать против этой меры.

Извольский.

№ 125. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 28/15 января 1914 г.

Как мне сообщено было весьма конфиденциально в здешнем министерстве иностранных дел, соглашение с Грециею относительно выпуска здесь греческого займа состоялось на следующих условиях.

Заем предполагается в 500 млн. фр., в два выпуска по 250 млн. каждый; когда именно они состоятся,—еще неизвестно, но, вероятно, первый выпуск состоится в апреле, второй—не ранее будущего года. Часть выпуска должна быть обращена на выплату краткосрочных греческих обязательств.

Заем будет гарантирован: 1) излишками с доходов, предоставленных в ведение международной контрольной комиссии, причем круг деятельности сей последней будет, разумеется, распространен и на аннексированные территории; 2) доходами от портов Салоники, Воло и 4 других.

Согласие Франции обусловлено было предоставлением французским фирмам подрядов по поставкам для греческих морского и военного ведомств, а также по постройке железных дорог; на-днях даже уже подписан контракт с обществом „Батиньоль" по постройке линии для смычки греческих дорог с бывшими турецкими (продолжение линии Пирей—Ларисса), так что через полтора года Афины будут соединены железной дорогой с остальной Европой.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. По примеру Сербии Греция обязалась перед французским правительством принять на себя часть оттоманского долга, причем указана была лишь общая сумма, которая, по французским расчетам, причитается со всех завоевателей, вместе взятых. Распределение же этой суммы между ними официально еще установлено

[1] Опубл. М., стр. 482.

не было. Греция обязалась также, впредь до окончания работ парижской финансовой комиссии, принять на себя оплату купонов и погашения облигаций общества Jonction Salonique по той части линии, которая отошла к Греции.

Ut in litteris.

Извольский.

№ 126. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 14. 28/15 января 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 11 [1].

Берхтольд ответил отрицательно на мой вопрос о том, предвидится ли посылка войск в Албанию. К идее вооруженного выступления против Эсад-паши,—возможность которого имелась в виду международной комиссией при недавней посылке Мюфид-бея в Дураццо [2],—он относится весьма несочувственно. Это не исключает, конечно, принятия известных, пока впрочем ограниченных, военных мер в строгом параллелизме с мерами, принимаемыми в Италии на случай необходимости со временем послать войска в Албанию.

Кудашев.

№ 127. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 2. 28/15 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из секретных телеграмм моих от 10/23 сего января №№ 6, 7 и 8 [3] вашему высокопревосходительству известно решение австро-венгерского правительства по поводу домогательства графа Бобринского прибыть в Мармарош-Сигет. В телеграмме моей № 8

[1] В тел. от 27/14 янв. 1914 г. за № 11 Кудашев сообщал об отправлении Австрией воинских частей на юг и высказывал предположение, что войска эти предназначены для Албании.

[2] О командировании Мюфид-бея в Дураццо для переговоров с Эсадом сообщалось в тел. Петряева от 18/5 янв. 1914 г. за № 3. В его же тел. от того же числа за № 4 сообщалось о решении комиссии прибегнуть к принудительным мерам в случае отказа Эсада выйти в отставку и о предложении австр. и итал. делегатов отправить в Дураццо суда и произвести временную высадку. По мнению Петряева, меры в отношении Албании должны носить международный характер, и „одностороннее действие Австрии и Италии“ было бы нежелательно.

[3] В тел. за № 6 Кудашев сообщал о заявлении Макио, что Бобринский будет арестован при въезде в Венгрию; о тел. за № 7 см. стр. 66, прим. 1; содержание тел. № 8 в основном повторяется публикуемой депешей.

я попытался дать объяснение этому решению. Позволяю себе представить вашему высокопревосходительству по этому поводу нижеследующие соображения.

Венгерскому правительству предстояла следующая дилемма: либо помешать графу Бобринскому свидетельствовать в суде и тем подвергнуть себя неопасной, хотя и шумной, критике европейской прессы, либо допустить графа Бобринского в Мармарош-Сигет и тем самым дать новую пищу сепаратистическим наклонностям (как в церковном, так и в государственном отношении) угроруссов. Венгерское правительство избрало из двух зол меньшее: оно, очевидно, убоялось неизгладимого впечатления на рутенов, каков бы ни был исход процесса, от присутствия на суде свидетеля, прибывшего для их защиты из России.

Настаивать на изменении решения этого, как вам и угодно было указать телеграммою № 90[1], представляется для нас излишним. С точки зрения торжества правосудия выступление в суде графа Бобринского едва ли имело бы значение. С политической же точки зрения для нас важно поддерживать добрососедские отношения с Австро-Венгрией. Упорство же графа Бобринского явиться свидетелем на суде угроруссов было бы истолковано как акт политической агитации, способный лишь повредить этим отношениям. Нам остается таким образом ждать исхода процесса, столь близко затрагивающего наше общественное мнение. Каков бы ни был этот исход, угрорусский процесс, несомненно, уже потому очень важен, что по его окончании венгерскому правительству придется точно определить свое дальнейшее отношение к рутенам и их религии. Ему придется решить, допустить ли в будущем, и в какой мере, развитие особой русской народности в Венгрии, т. е. и по отношению к угроруссам выработать планомерную „политику об инородцах“.

Какова будет эта политика,—сказать теперь трудно. Венгерское правительство за последнее время проявило необычайный либерализм по отношению к румынам и хорватам. Но на этот либерализм особенно рассчитывать нельзя: переговоры с румынами еще результата не дали, а к уступкам сербскому элементу, несмотря на восстановление хорватской конституции, сами сербы относятся очень скептически. Тем не менее правительство, повидимому, отчасти сознает необходимость снискания сочувствия среди „инородцев“ Венгрии. Оно не может игнорировать и впечатление, произво-

---

[1] См. стр. 66, прим. 1.

димое на других славян, особенно чехов, угрорусским делом. Во всяком случае наблюдение за будущей политикою Венгрии по отношению к рутенам особенно интересно для нас не столько ввиду естественной симпатии нашей к родственным нам угроруссам, сколько ввиду аналогичных у нас вопросов, все более обостряющихся с развитием узко-националистических веяний, носящих иногда сепаратистический характер, в наших многочисленных инородческих окраинах.

С глубочайшим уважением и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 128. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 28/15 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вызвав меня сегодня в министерство иностранных дел, граф Берхтольд выразил сожаление, что по вопросу о приезде графа Бобринского на суд в Мармарош-Сигет между посольством и министерством происходит обмен записок полемического характера. „Между тем,—сказал он,—дело мармарош-сигетского процесса—дело внутреннего распорядка, и мы не можем допустить, чтобы иностранное правительство в него вмешивалось. Мы очень были поэтому неприятно поражены, когда в первой записке, переданной вами барону Макио, вы, осведомляясь о том, возможен ли беспрепятственный приезд в Венгрию графа Бобринского, прибавили: „Il est évident qu'un nouvel incident se rapportant à cette affaire serait fort regrettable car il tendrait à enrayer l'amélioration dans les rapports entre les deux empires“ [1].

Я ответил министру, что понимание моих слов, как вмешательства во внутренние дела Венгрии, меня очень удивляет; высказывая их, я, конечно, мог иметь в виду не самый факт возбуждения процесса в Мармароше, являющегося, конечно, делом внутреннего порядка, а возможные последствия какого-либо инцидента в связи с процессом, жертвою коего мог бы стать граф Бобринский; о самом процессе как об источнике недоразумений между Россиею и Австрией я не упоминал; существа его первая коснулась ответная записка, полученная мною от бар. Макио, в которой говорится, что процесс вызван деятельностью графа Бобринского. Это заме-

[1] „Очевидно, было бы весьма прискорбно, если бы в связи с этим делом возник новый инцидент, так как он препятствовал бы улучшению отношений между обеими империями“.

чание уже прямо относится к существу процесса, и так как оно возводит обвинение на моего соотечественника, то я не мог обойти его молчанием и ответ свой формулировал в меморандуме 13/26 января. Я тем более удивлен впечатлением, произведенным моей запиской [21] 8 января,—прибавил я,—что я вовсе не придавал ей значения меморандума, набросав собственноручно на листке бумаги без заголовка суть моего запроса в виде напоминания бар. Макио о предмете моего с ним разговора[1].

Граф Берхтольд принял к сведению мои заявления и сказал, что считает недоразумение вполне выясненным, и дело подлежащим сдаче ad acta.

Не знаю, действительно ли передача мною сути телеграммы вашего высокопревосходительства за № 62[2] была так двусмысленна, или же австро-венгерское министерство иностранных дел пожелало увидеть в словах моих какую-то скрытую угрозу; но я рад, что оно само своим прямым обвинением графа Бобринского вызвало полемику на той самой почве, которая ему была менее всего желательной и на которой оно встретило надлежащую отповедь со стороны вашего высокопревосходительства в телеграмме вашей № 91[3].

Что касается вопроса о допущении графа Бобринского на мармарошский суд, то он остается по-прежнему решенным в отрицательном смысле.

Примите и пр. Кн. Н. Кудашев.

№ 129. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену[4].

29/16 января 1914 г.

En réponse à l'aide-mémoire en date du 4/17 janvier c-t, relatif à la réponse à donner au gouvernement hellénique concernant l'annexion de l'île de Crète à la Grèce[5], le ministère i[mpéria]l des affaires étran-

[1] См. стр. 66, прим. 1.

[2] См. № 54.

[3] См. стр. 66, прим. 1.

[4] Черновик рукою Трубецкого.

[5] Указанная пам. зап. представляет собою проект ответа английского прав-ва на греческую ноту от 10 дек. /27 ноября 1913 г., в которой греческое прав-во ставило, среди других вопросов, вопрос о признании державами аннексии Крита. Ответ английского прав-ва обусловливает согласие Англии на присоединение Крита следующими условиями: 1) греческое прав-во принимает на себя все обязательства по займу

gères a l'honneur d'informer l'ambassade de s. m. britannique que le gouv[ernemen]t russe se propose de subordonner son consentement à la reconnaissance de la souveraineté grecque dans l'île aux mêmes conditions que celles formulées par Sir E. Grey.

Cependant, aucun sujet russe n'ayant de réclamations vis-à-vis des gouvernements successifs de la Crète, le gouv[ernemen]t impérial ne saurait poser au gouv[ernemen]t hellénique de conditions à ce sujet.

Перевод.

В ответ на памятную записку от 4/17 текущего января относительно ответа, имеющего быть данным эллинскому правительству по поводу аннексии острова Крита Грецией, императорское министерство иностранных дел имеет честь сообщить посольству его британского величества, что российское правительство предполагает поставить свое согласие на признание греческого суверенитета над островом в зависимость от тех же условий, которые формулированы сэром Э. Греем.

Однако, так как ни один русский подданный не предъявляет претензий к последовательно сменявшимся правительствам Крита, императорское правительство не может поставить эллинскому правительству никаких условий в этом отношении.

№ 130. Николай II королю румынскому.

Письмо [1]. 29/16 января 1914 г.

Monsieur mon frère,

Je tiens à adresser à votre majesté mes plus sincères remerciements pour les paroles cordiales exprimées dans la lettre que le général Herjeu m'a remise de sa part [2].

L'inauguration du monument dédié à la mémoire du grand duc Nicolas Nicolaévitch, mon grand-oncle, a évoqué une fois de plus des souvenirs également glorieux pour nos deux armées. Il m'a été donc particulièrement agréable de voir à cette occasion des officiers de la valeureuse armée roumaine chargés de représenter leur chef suprême

---

1901 г.; 2) греческое прав-во обязуется удовлетворить все претензии английских подданных к прежней администрации Крита (как турецкой, так и критской), которые уже были принципиально признаны, но не могли быть ликвидированы за недостатком ресурсов у критского прав-ва; 3) греческое прав-во компенсирует быв. комиссара острова Крита Заимиса и семью убитого стражника (rural guard), без чего Англия „не может с достоинством отказаться от своей роли одной из держав-покровительниц Крита".

[1] Черновик рукою Шиллинга. На полях помета „Подписано 16. I. 14".

[2] Письмо рум. короля в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

dont les talents militaires, manifestés dans la mémorable campagne de 1877, resteront marqués [1] sur les pages de l'histoire.

La confraternité d'armes, scellée, comme votre majesté a bien voulu le rappeler, sur les champs de bataille, a créé entre les peuples roumain et russe des liens que je serais heureux de voir se resserrer toujours plus, au grand avantage des deux pays appelés par leur situation géographique à cultiver d'étroits rapports de bon voisinage.

Tout en appréciant les grandes qualités du général Herjeu, qui s'est parfaitement acquitté de sa mission, je regrette vivement que de tristes circonstances aient empêché son altesse royale le prince de Roumanie et le prince Carol d'assister à la cérémonie de l'inauguration [2]. Mais j'espère,—et l'impératrice se joint en cela à moi,—que nous aurons le plaisir de voir prochainement son altesse royale et la princesse Marie, notre cousine affectionnée, ainsi que le prince Carol, leur fils, que je serai bien aise de connaître. Je tiens à ajouter que le 16 mars [3] vieux style paraîtrait être la meilleure date pour l'arrivée de leurs altesses royales à St.-Pétersbourg.

Je profite de cette occasion pour renouveler à votre majesté l'assurance de la haute estime et de l'attachement bien sincère avec lesquelles je suis,

Monsieur mon frère, de votre majesté

С[огласен.]

Царское Село. [28] 15 января 1914 г.

Перевод.

Государь брат мой,

Я хочу выразить вашему величеству мою искреннейшую благодарность за сердечные слова, высказанные в письме, переданном мне генералом Эржеу от вашего имени.

Открытие памятника в честь моего двоюродного деда, великого князя Николая Николаевича, вновь вызывает воспоминания, одинаково славные для обеих

---

1 Далее зачеркнуто: „en lettres d'or" („золотыми буквами").

2 Как видно из письма Поклевского-Козелл на имя Сазонова от 20/7 янв. 1914 г., первоначально предполагалось, что на торжестве будет присутствовать наследник рум. престола с женой и сыном Каролем, но „во внимание к семейному трауру королевского дома" визит этот был отложен до марта. Как видно из того же письма, визит этот был связан с мыслью о женитьбе принца Кароля на дочери Николая II; об этом жена наследного принца говорила Поклевскому на аудиенции 15/2 янв. 1914 г. как „о своей заветной мечте, разделяемой и всей здешней королевской семьей".

3 „16" синим карандашом рукою Николая II вместо „8 ou 10". На полях синим карандашом зачеркнуто „или: la seconde moitié de mars nouveau style" („вторая половина марта нового стиля").

наших армий. Поэтому в данном случае мне особенно приятно было видеть офицеров доблестной румынской армии, уполномоченных представлять их верховного вождя, военные таланты которого, проявленные в памятную кампанию 1877 г., будут запечатлены на страницах истории.

Как ваше величество изволили напомнить, братство по оружию, скрепленное на полях сражений, создало между румынским и русским народами узы, которые я был бы счастлив видеть всегда все более крепнущими к великому благу обеих стран, призванных их географическим положением к упрочению тесных добрососедских отношений.

Ценя высокие качества генерала Эржеу, который в совершенстве выполнил свою миссию, я глубоко сожалею, что прискробные обстоятельства помешали его королевскому высочеству принцу румынскому и принцу Каролю присутствовать на церемонии открытия. Но я надеюсь,—и императрица присоединяется в этом ко мне,—что мы будем иметь в ближайшее время удовольствие видеть его королевское высочество и принцессу Марию, нашу горячо любимую кузину, равно как принца Кароля, их сына, с которым я буду очень рад познакомиться. Я хочу добавить, что 16 марта старого стиля представляется мне самым удобным днем для прибытия их королевских высочеств в С.-Петербург.

Пользуясь этим случаем, чтобы возобновить вашему величеству уверение в высоком уважении и искренней дружбе, с которыми и остаюсь, государь брат мой, вашего величества и т. д.

№ 131. Министр иностранных дел комиссару в Албании Петряеву.

⁄. Телеграмма № 130. 29/16 января 1914 г.

Сообщается в Вену.

Австрийский поверенный в делах сообщил предварительное предложение своего правительства следующего содержания [1]: испрашиваемая князем Видом гарантия албанского займа в 75 млн. фр. должна быть обусловлена конвенциею между державами и Албанией на следующих условиях: назначение займа определяется державами совместно с Албанией, расходование подлежит контролю международной комиссии.

Из общей суммы займа первоначально выдается аванс в 20 млн. фр., из коих 10 млн. предназначается на неотложные общественные работы, 5 или 6 млн.—на уплату жалованья жандармерии в течение 2 лет, остальная часть—на расходы по установлению постоянного правительства.

Назначение последующих выпусков займа будет определено впоследствии, когда они будут разрешены гарантирующими державами по просьбе албанского правительства.

Обеспечением аванса могут служить доходы от соляной и табачной монополий, гербового сбора, спирта, рыбной ловли и налога

[1] Пам. записка австрийского посольства в Петербурге от 27/14 янв. 1914 г.

на шелк. Следующие выпуски до предельной суммы займа—75 млн. франков—могут быть обеспечены таможенными сборами, а также доходами от лесов и государственных имуществ.

Ввиду обременительного для албанского бюджета содержания особой организации для управления этими доходами, желательно передать последнее Албанскому банку под контролем международной комиссии.

Не входя в рассмотрение вопроса по существу, я ответил, что предоставление заведывания доходами займа австро-итальянскому банку не может рассчитывать на согласие держав и в том числе России, указав при этом на недействительность его концессии, выданной валонским правительством, признанным державами для одного Валонского округа, а не всей Албании.

Благоволите сообщить по телеграфу ваш отзыв по вопросам, затронутым в австрийском предложении [1].

[Сазонов.]

№ 132. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 25 [2]. 29/16 января 1914 г.

Думерг только-что вызвал меня, специально чтобы переговорить о деле Путиловского завода, которое продолжает производить здесь сильнейшее волнение не только в печати, но и в правительственных и парламентских кругах. Несколько депутатов хотят предъявить по этому делу запрос правительству, и сегодня Думерг посетил с этой целью председателя комиссии по внешним делам. Думерг отклонил запрос до получения разъяснения из Петербурга.

[1] В ответной тел. от 31/18 янв. 1914 г. за № 12 Петряев сообщал, что, по его мнению, непременным условием гарантии албанского займа должна быть интернационализация Албанского банка при равном участии всех держав в составлении капитала, и что только при таком условии банку под контролем международной комиссии могли бы быть поручены операции по займу. Гос. доходов Албании, по словам Петряева, достаточно для обеспечения и постепенного погашения всей суммы займа в 75 млн. фр., но нет необходимости выпускать весь заем сразу. Первый выпуск он предлагал довести до 30 млн. фр. Более подробно эти соображения были изложены Петряевым в его депеше от 1 февр./19 янв. 1914 г. за № 9. Пам. зап. от 4 февр./22 янв. 1914 г. м-во ин. дел передавало соображения Петряева английскому посольству в Петербурге, причем со своей стороны предлагало или присоединиться к предложению Петряева об интернационализации банка, или участвовать в гарантии займа на условиях, изложенных в пам. зап. англ. посольства от 21/8 янв. 1914 г. (см. стр. 87, прим. 3) с тем, чтобы международная комиссия контролировала албанские финансы, включая сюда и операции, связанные с займом.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 38–39, № 1246.

По имеющимся у него сведениям, Путиловский завод действительно дал германской группе опцион сроком на 15 дней, но с оговоркой, что он от него откажется, если русское правительство выскажется против этой операции. Думерг телеграфировал французскому представителю в Петербурге, настойчиво поручая ему убедить русское правительство отказать в своем согласии. Одновременно в Петербург выезжают представители ..... французской финансовой группы[1] с предложением необходимых средств для увеличения капитала Путиловского завода на условиях, не менее выгодных, чем те, которые предложены немцами. Сегодняшние вечерние газеты с „Temps" во главе продолжают выступать с резкими статьями об опасности германского „контроля" над Путиловским заводом, пользующимся французскими военными секретами, и о неудовлетворительном функционировании франко-русского союза.—Позволяю себе обратить серьезное ваше внимание на настоящее дело, могущее иметь для нас весьма вредные последствия не только для успеха предстоящего нашего займа, но и в общеполитическом отношении. Прошу подробных указаний, дабы по возможности умерить здешнюю печать[2].

Извольский.

№ 133. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Письмо[3]. 29/16 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из телеграмм моих от [27] 14 января[4] вам известно о моих разговорах с президентом республики и г. Думергом по вопросу о турецком займе. Со времени приезда сюда Джавид-бея вопрос этот опять выдвинулся на первый план, и с турецкой стороны прилагаются все усилия к тому, чтобы ускорить его разрешение; миролюбивые заявления, сделанные Думергу по поручению Порты здешним турецким послом, очевидно, имеют именно эту

[1] У Stieve: „Vertreter von Creuzot und einer französischen Finanzgruppe".

[2] В тел. от 28/15 янв. 1914 г. за № 21 (опубл. Stieve, IV, S. 37, № 1244) Извольский доносил, что появившееся во франц. прессе сообщение, будто бы фирма Крупп приобретает Путиловские заводы, вызывает в Париже большую тревогу. „Газеты,—по сообщению Извольского,—указывают на тесное сотрудничество Путиловских заводов с фирмою Крезо по исполнению артиллерийских заказов, для коих они пользуются французскими чертежами и техническими средствами, секрет коих был бы скомпрометирован".

[3] Опубл. М., стр. 483—484.

[4] См. № 114 и прим.

цель. Как г. Пуанкаре, так и г. Думерг, придают этим заявлениям серьезное значение и видят в них симптом перемены настроения в руководящих турецких кругах. Здесь имеют повод думать, что Энвер-паша стремится освободиться от чрезмерного влияния Германии, принявшего за последнее время особенно настойчивую форму; доказательством этому служит разрешение вопроса о германской военной миссии, которым осталось весьма недовольным германское правительство. Эти новые тенденции турецкого правительства и вообще младотурок заслуживают поощрения, и здесь думают, что было бы крайне опасно, продолжая грозить Турции финансовым бойкотом, оттолкнуть Порту и бросить ее опять в объятия Германии. Здесь все еще не могут забыть последствий отказа французского правительства разрешить турецкий заем в 1910 году, после чего Турция нашла необходимые ей суммы в Германии не без участия в этой операции окольным путем французских капиталов. Следует также иметь в виду, что разрешение турецкого займа является одним из условий все еще не подписанного, но уже парафированного французско-турецкого соглашения о железных дорогах и других экономических вопросах, и что дальнейшая отсрочка хотя бы принципиального согласия на сказанный заем может поставить французское правительство в затруднительное положение.

Разговаривая со мною о настоящем предмете, президент республики спросил меня в тоне некоторого упрека и неудовольствия: „Quand leverez-vous enfin votre veto contre l'emprunt Turc?"[1] Я ответил г. Пуанкаре, что, раз оба особенно интересующие Россию вопросы о германской миссии и об армянских реформах будут окончательно ликвидированы, у нас, вероятно, не будет никаких специальных возражений против турецкого займа, но что как Россия, так в равной степени и Франция заинтересованы в том, чтобы продукт займа был употреблен Турцией на мирные цели, а не на морские или сухопутные вооружения с целью реванша против Греции. Г. Пуанкаре вполне с этим согласился и сказал мне, что именно в этом смысле даются ответы на настояния Рифаата-паши и Джавид-бея. Со своей стороны, г. Думерг подтвердил мне, что он не перестает заявлять Турции, что о займе не может быть речи, доколе Порта не подчинится решению держав об островах; кроме того, г. Думерг несколько раз повторил мне, что необходимо изыскать действительные гарантии употребления

[1] „Когда вы снимете, наконец, ваш запрет с турецкого займа?"

денег, которые будут получены от реализации займа, на мирные и производительные цели.

Как я телеграфировал вам, в первую очередь может быть реализована лишь первая часть займа, т. е. 350 млн. фр.; из них 250 млн. фр. тотчас пойдут на погашение краткосрочных обязательств турецкого казначейства; остальные 100 млн. будут употреблены на самые неотложные текущие надобности; эта первая часть займа может быть выпущена лишь после нашего, французского и греческого займов[1], т. е., конечно, не ранее июня, а может быть, и позже; вторая же часть, вероятно, будет выпущена лишь к концу текущего года.

Ввиду всего вышеизложенного, я позволил себе в телеграмме моей высказать, что ныне, после того как вопрос о германской военной миссии окончательно улажен, мы могли бы дать французскому правительству принципиальное наше согласие на турецкий заем, разумеется, в зависимости от окончания переговоров об армянских реформах, ибо дальнейшие возражения с нашей стороны против сказанного займа могут лишь вызвать здесь раздражение и подать повод к нареканиям на нас со стороны как французского правительства, так и местного общественного мнения.

Примите и пр.

Извольский.

№ 134. Председатель совета министров Болгарии болгарскому посланнику в Петербурге Радко Димитриеву.

Телеграмма № 108[2]. 29/16 января 1914 г.

Уполномачиваю вас явиться [к] г. Сазонову и заявить от имени болгарского правительства в самой категоричной форме, что мы не заключали и никогда не имели намерения заключать какового бы то ни было политического соглашения вообще и в частности о пропуске турецких войск через нашу Эгейскую область.

Радославов.

---

[1] В М., стр. 484: „...лишь после нашего французского и греческого займа"; в L. N. (II, p. 235) переведено: „...qu'après notre emprunt français et grec...".

[2] Маш. копия, написанная на бланке со штампом „Légation royale de Bulgarie" и заверенная Р. Димитриевым, препровождена в м-во ин. дел при письме Димитриева на имя Сазонова от 30/17 янв. 1914 г.

№ 135. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 47[1]. 29/16 января 1914 г.

Срочно. Прошу срочных указаний. Копия Париж.

Получил № 115 [2].

Выжидая получения ваших инструкций, я не посещал Порты с воскресенья [3].—Настояния вашего высокопревосходительства в связи с этим фактом произвели, повидимому, должное впечатление на турок. Великий визирь, жаловавшийся на мое отсутствие коллегам [4], пригласил меня сегодня к себе. В начале беседы Саид-Халим настаивал на своей точке зрения, имеющей будто бы важное принципиальное значение. Тем не менее после долгих пререканий удалось его склонить к принятию следующего предложенного мною „ad referendum" текста, тут же одобренного нарочно созванным советом министров:

„Dans les vilayets de Sivas, Kharput et Diarbékir les membres des conseils généraux seront dès à présent élus sur la base du principe de la proportionnalité. A cet égard jusqu'à recensement définitif, [le] nombre des électeurs musulmans reste à déterminer d'après les listes ayant servi de base aux dernières élections, et le nombre de non-musulmans sera fixé d'après les listes qui seront présentées par leurs communautés [5]. Si cependant des difficultés matérielles rendaient ce système électoral provisoire impraticable, les inspecteurs généraux auront le droit de proposer pour la répartition des sièges aux conseils généraux dans les trois vilayets de Sivas, Kharput et Diarbékir une autre proportion, plus conforme aux besoins et aux conditions actuelles desdits trois vilayets" [6].

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 151, № 137.

[2] См. № 120.

[3] Слова „выжидая... воскресенья" в Ор. кн. опущены.

[4] Слова „жаловавшийся... коллегам" в Ор. кн. опущены.

[5] После слов „...par leurs communautés" в подлиннике имеется сноска, написанная карандашом на полях: „Ce principe de la proportionnalité ne sera pas appliqué au recrutement des membres du comité du vilayet où la minorité aura au moins un représentant". („Это начало пропорциональности не будет применено к избранию членов комитета вилайета, где меньшинству будет предоставлено, по крайней мере, одно место".) Это дополнение было сообщено Сазоновым Гулькевичу в качестве одного из условий соглашения (тел. от 3 февр. /21 янв. 1914 г. за № 168, опубл. Ор. кн., стр. 155, № 143 с сокращениями).

[6] „В вилайетах Сивасском, Харпутском и Диарбекирском члены генеральных советов будут теперь же избраны на основании принципа пропорциональности. А именно, впредь до окончания переписи число мусульманских избирателей будет

Этот компромисс следует считать предельною уступкою Порты, дальше которой она не пойдет. Текст этот, не задевая самолюбия турок, дает инспекторам, которые, конечно, будут поддержаны державами, возможность обеспечить армянам справедливое представительство в вышеназванных вилайетах. Патриархат вполне подчиняется решению, которое будет угодно принять императорскому правительству, и только умоляет о скорейшем заключении соглашения [1]. Ввиду этого позволяю себе ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством о принятии изложенной выше формулы, чтобы избежать возможностей, упомянутых в моей телеграмме № 45 [2], и сохранить руководство вопросом об армянских реформах в русских руках. Если ваше высокопревосходительство согласитесь со мною, прошу срочно уполномочить меня завтра же подписать „парафэ" с Саид-Халимом проекта турецкой ноты державам [3].

Гулькевич.

№ 136. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 19. 29/16 января 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 107 [4].

Так как предполагаемые нами оборонительные сооружения явятся новым шагом к упрочнению нашей власти в Северной Манчжурии, то китайское правительство, очевидно, не может отнестись

определяться по спискам, на основании которых были произведены последние выборы, а число не-мусульманских — по спискам, представляемым их общинами. Если однако по причине материальных затруднений такая временная избирательная система окажется неосуществимой, генерал-инспектора получают право предложить для распределения мест в генеральных советах Сиваса, Харпута и Диарбекира другое соотношение, более соответствующее настоящим потребностям и условиям упомянутых трех вилайетов".

[1] Слова „Патриархат... соглашения" в Ор. кн. опущены.

[2] В тел. от 29/16 янв. 1914 г. за № 45 Гулькевич сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, в случае неполучения в ближайшем времени ответа росс. прав-ва на ее предложение Порта намерена обратиться к державам-участницам совещания в Еникейе (см. № 210) для разрешения спорных вопросов. При этом Гулькевич высказывал уверенность, что державы выскажутся не в пользу России. (Опубл. Ор. кн., стр. 150 № 136 с сокращениями).

[3] Слова: „Если... державам" в Ор. кн. опущены.

[4] В тел. от 26/13 янв. 1914 г. за № 107 Сазонов сообщал российскому послу в Токио и посланнику в Пекине о намерении военного ведомства возвести укрепления на Кит.-Вост. жел. дор. и излагал соображения последнего о необходимости этих сооружений. Хотя, по словам Сазонова, „сказанные укрепления возводятся главным образом на случай военных осложнений с Японией... они могли бы быть объяснены необходимостью восстановить равновесие сил в Северной Манчжурии, на-

к ним с безразличием. Однако в случае возведения этих сооружений исключительно в полосе отчуждения и принимая во внимание, что Китай готов с радостью приветствовать всякий признак отсутствия согласованности действий в Манчжурии между нами и Японией, мы могли бы, я думаю, путем указания на то, что укрепления возводятся нами главным образом против Японии, замыслы коей в Манчжурии за последнее время особенно беспокоят китайское правительство,—если не вполне предотвратить серьезные протесты китайцев и принятие ими военных мер, направленных против нас, то во всяком случае значительно их ослабить. Если же укрепления предполагается сооружать вне полосы отчуждения, то рассчитывать получить на это согласие китайского правительства мы не можем, и в случае признания у нас названной меры необходимой остается только приступить к ней, несмотря на китайские протесты. Особых осложнений с Китаем от этого, я полагаю, у нас не произойдет.—Что касается Японии, то, не будучи компетентным судить, как отзовется предполагаемая мера на наших отношениях с ней, я могу только высказать убеждение, что она послужит поводом японцам указывать Китаю на наши замыслы против его территориальной целости и требовать в виде компенсации каких-либо новых уступок для Японии. Последняя перспектива более всего другого будет побуждать Китай отрицательно относиться к нашему предположению. Вообще же нам следует, мне кажется, предвидеть, что приведение в исполнение проекта военного ведомства может ускорить ход событий, ведущих к окончательному разрешению манчжурского вопроса в том или ином смысле.

Крупенский.

№ 137. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 13[1]. 29/16 января 1914 г.

Ссылаюсь на мой № 340 прошлого года [2].

Монголы интересуются, будет ли открыт монгольский Национальный банк и когда именно.

рушенное последними китайскими формированиями". Не желая, „чтобы японское правительство усмотрело в них возобновление русско-японского соперничества на Дальнем Востоке, или чтобы китайское правительство воспользовалось ими, как предлогом для более интенсивного развития своих вооруженных сил в Манчжурии", Сазонов просил Крупенского и Малевского сообщить свои соображения о возможных политических последствиях намеченного военным ведомством предприятия.

[1] Царск. экз.

[2] В делах б. м-ва ин. дел № 340 не обнаружен.

По некоторым данным можно думать, что Москвитин обещал привезти монголам из Германии или Англии представителя какого-нибудь банка для открытия в Урге банковских операций.

Скорейшее открытие в Урге монгольского Национального банка без участия в нем Москвитина очень желательно.

Миллер.

К мин. финансов. Нужно поспешить.

Царское Село, [30] 17 января 1914 г.

№ 138. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 6. 29/16 января 1914 г.

Получил телеграмму № 107 [1].

Стоящий здесь у власти кабинет Ямо-Мото дал доказательство своей умеренности и миролюбия как по отношению Китая в нанкинском инциденте, так и по отношению к нам, отложив формирование двух новых постоянных дивизий для Кореи. Политика эта встречает сильнейшую оппозицию со стороны военной партии, которая настаивает на увеличении вооружений под предлогом агрессивности наших действий в Манчжурии и Монголии. Военно-бюрократическая партия и ныне не отказалась от мысли свергнуть кабинет, воспользовавшись компрометирующими разоблачениями недавнего берлинского процесса Рихтера с Сименсом, поставщиком японского морского ведомства. Если бы немедленно сделалось известным, что мы принимаем экстренные военные меры на Китайской Восточной железной дороге, то это, несомненно, было бы использовано оппозицией, чтобы нанести кабинету последний удар. Поэтому, не выражаясь [2] по существу против предлагаемых военным ведомством оборонительных мер, считал бы ....ым не оглашать их заранее и не приступать к работам на местах, по крайней мере, до окончания нынешней сессии японского парламента, которая закончится, вероятно, в марте месяце. Во всяком случае желательно придать нашему решению, если таковое будет принято, характер меры, направленной не против Японии, а вызванной местными условиями и военными приготовлениями Китая в Северной Манчжурии.

Малевский.

---

[1] См. стр. 156, прим. 4.

[2] Так в подлиннике.

№ 139. Министр иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу.

/. Телеграмма № 131 [1]. 30/17 января 1914 г.

В беседе с германским послом я сказал, что усматриваю в отчислении от командования скутарийской дивизией германского офицера разрешение и этого последнего вопроса в желаемом нами смысле, что не встретило возражений со стороны графа Пурталеса, хотя я не получил уверенности, чтобы он был вполне осведомлен в этом вопросе.

Из секретного источника узнаем, что английский посол в Константинополе сомневается, чтобы отчисление Бронзарта было равносильно принципиальному решению Германии не назначить на это место другого немецкого офицера.

Не считаете ли возможным весьма доверительно воздействовать на турок, чтобы они назначили своего офицера? Вы могли бы указать, что иное решение могло бы скомпрометировать результаты налаживающихся между нами соглашений и неблагоприятно отразиться на ходе переговоров о займе, порученных Джавиду в Париже, как его предупреждал о том французский министр иностранных дел.

Сазонов.

№ 140. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву и поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу.

/. Телеграмма № 134. 30/17 января 1914 г.

В разговоре со мною германский посол высказал, что, по сведениям здешнего германского морского агента, передача Турции броненосцев „Гебен“ и „Мольтке“ невозможна по следующим причинам: эти суда, несмотря на несовершенства их постройки, еще способны служить для германского флота; передача их могла бы состояться лишь с одобрения рейхстага, который вряд ли на нее согласится; наконец, Турция обязалась по контракту, заключенному с фирмой Виккерс, в течение семи лет получать суда лишь от этой фирмы или через ее посредство.

Желательно проверить доверительным путем эти сведения [2].

[Сазонов.]

---

[1] Опубл. М., стр. 693.

[2] В ответной тел. Гулькевича от 1 февр./19 янв. 1914 г. за № 61 сообщалось, что упоминаемое условие „действительно имеется в договоре Порты с фирмою Виккерс, копию с коего наш морской агент в свое время доставил своему началь-

№ 141. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 140 [1]. 30/17 января 1914 г.

Reçu 21 et 25 [2].

Известия о предстоящем будто бы приобретении фирмою Крупп Путиловских заводов не соответствуют истине. Общество Путиловских заводов, нуждаясь в увеличении акционерного капитала на 20 млн. руб., предоставило С.-Петербургскому частному коммерческому банку опцион на реализацию нового выпуска акций. Не только размещение этого выпуска, но и самое совершение его еще не определились. Во всяком случае правительство в лице председателя совета министров, как только осведомилось о мерах, намеченных вышеозначенным банком для приискания средств, необходимых Путиловскому заводу, и ранее, чем ему стали известными опасения парижских политических кругов, категорически заявило банку, что увеличение капитала Путиловского завода будет допущено только в том случае, если по условиям его будет исключено предполагаемое участие Круппа. Статс-секретарь Коковцов рекомендовал вместе с тем банку обратиться к французскому рынку для приискания нужного заводу капитала. Указания председателя совета министров приняты Частным коммерческим банком к полному руководству еще три дня тому назад.— Благоволите объясниться в вышеизложенном смысле с министром иностранных дел.

[Сазонов.]

№ 142. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Письмо № 42 [3]. 30/17 января 1914 г.

Секретно.

М. г. Александр Яковлевич,

Монгольский первый министр Сайн-ноин-хан, после двухмесячного пребывания в С.-Петербурге, выехал обратно в Монголию. Сайн-ноин-хан был дважды принят государем императором: в первый раз—в Ливадии вскоре после своего приезда в Россию, и

ству". В письме на имя Григоровича от 2 февр./20 янв. 1914 г. за № 48 Сазонов, препровождая копии настоящей тел. и ответной тел. Гулькевича, сообщал, что, по словам Пурталеса, известия о продаже Германией броненосцев „Гебен" и „Мольтке" не соответствуют истине, и просил сообщить ему договор Порты с фирмой Виккерс.

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 41, № 1248.

[2] См. № 132 и прим.

[3] Черновик рукою Козакова.

второй раз—в прощальной аудиенции в Царском Селе перед его отъездом. Его имп. величеству благоугодно было пожаловать Сайн-ноин-хану при первом представлении орден Белого орла.

Считаю нелишним поставить ваше прев-во в известность о тех объяснениях, которые мы имели с Сайн-ноин-ханом во время его пребывания в С.-Петербурге.

Эти объяснения касались прежде всего декларации [5 ноября] 23 октября 1913 года. Мы постарались оттенить громадную важность для Монголии этого акта, которым китайское правит-во официально признало существование монгольского государства, хотя и находящегося в вассальных отношениях к Китаю, но фактически независимого во всех делах, кроме политических и территориальных вопросов, в решении которых оно имеет однако право голоса. Сайн-ноин-хан казался удовлетворенным данными нами объяснениями и приветствовал сказанную декларацию как акт, в существе своем отвечающий стремлениям монгольского прав-ва и современной политической обстановке. Лишь по получении инструкций из Урги Сайн-ноин обратился к нам с нотою, в переводе при сем прилагаемою [1], в которой заявлял о решении своего правит-ва добиваться при предстоящих тройных переговорах полной независимости Монголии и объединения под властью хутухты всех монгольских племен. С тожественной нотой, снабженной переводом на французский язык, Сайн-ноин обратился также к пребывающим в С.-Петербурге иностранным дипломатическим представителям, в том числе и к китайскому посланнику, который вернул Сайн-ноину его ноту. Остальные представители ограничились передачею монгольской ноты своим правительствам.

В личных объяснениях с Сайн-ноин-ханом мы настойчиво указывали ему на несбыточность надежды его правит-ва добиться объединения всех монголов в одно государство и признания независимости этого государства со стороны держав. Разъясняя монгольскому министру отношение держав к монгольскому вопросу, мы указывали ему на то, что большинство их не желает расчленения Китая и в частности создания автономной Монголии, которая обязана своим бытием исключительно усилиям России. Мы объяснили ему, что провозглашение независимости Монголии вызвало беспокойство таких сильных держав, как Англия и Япония, и что если тем не менее нам удалось предупредить иностранное

---

[1] Перевод ноты Сайн-ноин-хана от 16/3 декабря 1913 года хранится в Архиве Вн. Пол., в деле К. ст. № 656.

вмешательство в монголо-китайскую распрю, то лишь положительными заверениями[1], что мы не будем поддерживать стремлений монголов к отложению от Китая в тех областях, где уже создались, как во Внутренней Монголии, японские интересы, или в областях, как Куку-Нор и Цайдам, прилегающих к Тибету, в котором Англия специально заинтересована. Эти доводы производили некоторое впечатление на Сайн-ноин-хана. Он сознался, что, говоря об объединении всех монголов, монгольское правит-во несомненно запрашивает. Однако он упрямо стоял на том, что в автономное монгольское государство должны быть включены те хошуны Внутренней Монголии, которые уже признали над собою власть ургинского хутухты. Разъясняя Сайн-ноину недопустимость такой постановки вопроса при тройных переговорах, мы указывали ему на возможность добиваться включения в русско-китайско-монгольский договор каких-либо постановлений, создающих гарантии самобытного существования внутренних монголов; эти постановления могли бы быть в будущем использованы монгольским правит-вом для вмешательства в отношения Китая к оставшимся под его суверенитетом монголам. Мы не скрывали однако от Сайн-ноина, что самая возможность такого вмешательства потребует создания сильного монгольского государства, что может явиться лишь результатом многолетней, упорной внутренней работы.

При самом своем приезде Сайн-ноин-хан указал нам на следующие три цели его миссии в России: заручиться нашим содействием к присоединению Внутренней Монголии к владениям ургинского хутухты, получить новую ссуду и необходимое, по его словам, для монгольского правительства оружие. Объяснения наши по вопросу о Внутренней Монголии изложены выше. Что же касается новой ссуды, размер которой Сайн-ноин определил первоначально в 5 млн. руб., а затем—в 3 млн., то мы не могли не признать, что без нового займа монгольское правительство не может обойтись. К тому же, нам казалось необходимым не отпускать Сайн-ноина с пустыми руками из России, дабы не подорвать его положения среди монгольских сановников, дав им возможность указывать на бесплодность его миссии. Обсуждая с этой точки зрения настоящий вопрос с министром финансов, мы пришли к заключению, что принципиальных возражений против выдачи монгольскому правит-ву новой ссуды до 3 млн. руб. не существует; необходимо лишь изыскать источники доходов сказанного правит-

[1] Далее зачеркнуто: „данными великобританскому и японскому правительствам".

ва, которыми эта ссуда могла бы быть гарантирована, и оформить ее выдачу актом, который вполне обеспечивал бы употребление выдаваемой нами ссуды исключительно на предприятия, клонящиеся к культурному развитию и обогащению Монголии. О такой постановке этого вопроса ст.-секр. Коковцов на словах сообщил Сайн-ноину.

Эти переговоры давали нам подходящий повод, чтобы поставить в решительной форме вопрос о приглашении на монгольскую службу русского советника. Мы объяснили Сайн-ноину, что не возьмем на себя выдачу монголам новой ссуды, если не будем уверены в том, что ссужаемые нами деньги будут расходоваться на поднятие благосостояния Монголии, а уверенность эта может создаться у нас, только если монгольское правит-во, доказавшее свою неспособность заняться внутренней организацией страны и ее финансов, пригласит себе в помощь русского советника. С этой предпосылкою мы предложили Сайн-ноину подписать с г. Козиным известный вам контракт [1]. Наш проект контракта был подвергнут чинами монгольской депутации подробному обсуждению с г. Козиным, и они скоро пришли к соглашению относительно его окончательной редакции. Но когда дело дошло до подписания, Сайн-ноин объявил нам, что он телеграфировал в Ургу, прося разрешения своего правит-ва подписать контракт с г. Козиным, но вместо ответа получил предписание немедленно спешно вернуться в Ургу. Мы ответили, что монгольское правительство обещало нам, что вопрос о приглашении русского советника будет решен во время пребывания Сайн-ноина в С.-Петербурге, и что отказ от исполнения этого обещания не может не отразиться на русско-монгольских отношениях. Несмотря на это, Сайн-ноин делал приготовления к отъезду. Понадобилось более сильное давление. Получив письменную просьбу Сайн-ноина о разрешении представиться его императорскому величеству, мы оставили эту просьбу без движения, и на запрос через одного из переводчиков депутации, может ли Сайн-ноин рассчитывать на исполнение его ходатайства о высочайшей аудиенции, поручили передать монгольскому министру, что его отказ подписать выработанный по соглашению с нами контракт побуждает нас сомневаться, действительно ли он является уполномоченным монгольского правит-ва. Отказываясь признавать его в этом качестве, мы считаем несуществующими все данные ему обещания и, очевидно, не можем доклады-

---

[1] См. стр. 98, прим. 2.

вать государю императору о желании его быть принятым его императорским величеством. Контракт с г. Козиным был подписан в тот же день, и вслед за тем состоялась высочайшая аудиенция Сайн-ноин-хану.

В связи с вопросом о ссуде из нашего государственного казначейства я должен заметить, что Сайн-ноин делал в Петербурге попытки заключить заем у частных банков то в счет сказанной будущей ссуды, то под залог скота его собственного хошуна. Попытки эти, как и следовало ожидать, остались без результатов.

Последний из поставленных нам Сайн-ноином вопросов—о снабжении монголов оружием—вызвал в нас наибольшие сомнения. Было очевидно, что это оружие требовалось для продолжения вооруженной борьбы с Китаем, о чем проговаривался и сам монгольский министр. Он официально и письменно утверждал однако, что полученное от нас оружие будет употреблено на вооружение монгольского народа исключительно в пределах Халхи в видах как поддержания порядка внутри страны, так и отражения китайских шаек, которые могут вторгнуться на территорию монгольского государства. Мы указывали Сайн-ноину, что расход на оружие, количество которого первоначально определялось им в 100 тыс. винтовок, десять орудий и сорок пулеметов, с соответствующим количеством снарядов и патронов, будет непосильным бременем для тощего монгольского казначейства. Между тем Монголия, благодаря декларации [5 ноября] 23 октября 1913 года, находится в счастливом положении страны, которой не угрожает ни один из ее соседей. Что касается внутреннего порядка в стране, то он зависит не от одного присутствия военной силы, но главным образом от правильной организации управления и финансов. Во всяком случае монгольское правит-во располагает для этой цели формируемой под руководством русских офицеров бригадою. Раздав же оружие по хошунам, оно рискует, напротив, создать возможность вооруженного сопротивления распоряжениям ургинского правит-ва со стороны любого из князей, некоторые из которых и теперь, лишь скрепя сердце, сознавая свое бессилие, подчиняются правит-ву хутухты. Сайн-ноин не находил доводов, чтобы опровергнуть наши слова, но продолжал настаивать на получении оружия, количество которого он лишь уменьшил до 20 тыс. винтовок, 6 орудий и 4 пулеметов, причем предлагал внести вперед половину стоимости этого оружия с тем, чтобы уплата второй половины была отсрочена на год. Было очевидно, что получение от нас оружия стало для Сайн-ноина вопросом отчасти

самолюбия, но еще более поддержания его престижа среди монгольских сановников. Считая необходимым по возможности поддержать его положение в Урге, мы решились удовлетворить его просьбу, причем военный министр счел возможным отступить от общепринятого в этих случаях порядка и согласился отсрочить на один год уплату половины стоимости выдаваемого монголам оружия. При этом мы имели в виду, что монгольскому правительству потребуется, конечно, немало времени, чтобы собрать подлежащую немедленной выплате часть стоимости этого оружия; а тем временем его отношения к Китаю могут утратить теперешнюю остроту, и в Урге могут восторжествовать более разумные мысли о необходимости экономного отношения к государственным суммам. Считаю долгом приложить копии нот, которыми мы обменялись с Сайн-ноином по вопросу о выдаче монголам оружия [1]. Как ваше превосходительство усмотрите, мы сделали при этом попытку заручиться обязательством монгольского правит-ва не обращаться за оружием к агентам иностранных фирм. Как ни уклончив ответ Сайн-ноина по этому поводу, он даст вам средство до некоторой степени бороться с происками тех авантюристов, которые под предлогом снабжения Монголии оружием стремятся обделать там свои дела.

Перед отъездом из Петербурга Сайн-ноин уведомил нас, что оставляет свою печать Цэрэн-дорчжи, который будет его заместителем и будет находиться в постоянных телеграфных сношениях с ургинским правит-вом. Мы усмотрели в этом попытку установить постоянное дипломатическое представительство монгольского правит-ва в С.-Петербурге. Не сочувствуя созданию такого порядка сношений с Монголией, мы указали Сайн-ноину, что даже он однажды не оказался достаточно уполномоченным для завершения начатых с ним переговоров. Тем более такие недоразумения будут случаться с Цэрэн-дорчжи. Мы отка-

[1] В ноте м-ва ин. дел, врученной Сайн-ноин-хану 3 янв. 1914 г./21 дек. 1913 г., сообщалось о согласии росс. прав-ва на отпуск оружия. При этом м-во ин. дел выражало надежду, что монгольское правительство не прибегнет к покупкам оружия у частных лиц, „стремящихся извлечь из поставок крупные барыши и попутно заручиться в Монголии правами, клонящимися к ущербу благосостояния монгольского правительства и его народа“. В ответной ноте от 7 янв. 1914 г./25 дек. 1913 г. Сайн-ноин-хан, выражая признательность за отпуск оружия, заявлял, что монг. правительство воздержится от покупки оружия у частных лиц, „если русское правительство будет снабжать оружием нашу казну каждый раз без задержки в потребном количестве“.

зались поэтому вести с последним официальные сношения. Цэрэн-дорчжи тем не менее остался в Петербурге с переводчиком Жамсарановым, объяснив, что он займется той частью миссии Сайн-ноина, которая не была им выполнена, а именно изучением торговых и промышленных вопросов. Со времени отъезда Сайн-ноина, Цэрэн-дорчжи не появлялся в министерстве иностранных дел и не делал попыток вступить с нами в официальные сношения.

Расставаясь с Сайн-ноин-ханом, мы отметили выгодное впечатление, которое он произвел как на государя императора, так и на входивших с ним в сношения наших официальных лиц. Мы указали, что с нашей стороны было сделано все, чтобы удовлетворить в пределах возможного его ходатайства. Мы рекомендовали ему по возвращении в Ургу воздействовать в умеряющем духе на его сотоварищей по управлению и руководствоваться вашими советами. По неопытности в международных делах монгольское прав-во уже ставило себя и впредь может ставить в неловкое положение, если не будет прислушиваться к советам императорского правительства, неизменно проникнутого благожелательством к Монголии. Мы обещали Сайн-ноину нашу поддержку во всех разумных начинаниях руководимого им правительства.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 143. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 17 [1]. 30/17 января 1914 г.

Reçu № 18 [2]. Copies Paris et Constantinople.

En réponse à notice de l'ambassade à ce sujet, Grey m'informe par mémoire [3] que gouvernement britannique n'a pas d'objections à ce que gouvernement impérial donne tout de suite son assentiment principiel [4] à l'augmentation projetée des taxes douanières turques de 11% à 15% ad valorem. En se référant au projet de notre arrangement économique et de chemins de fer avec Turquie, Grey signale l'intérêt qu'aurait gouvernement britannique d'être renseigné au sujet des lignes ferrées contemplées par cet arrangement. Grey ajoute que gouvernement britannique se propose de donner son consentement au 4% de surtaxe douanière aussitôt que gouvernement ottoman sera prêt à procéder à la signature de l'arrangement anglo-turc concernant tarifs

[1] Опубл. Siebert, III, S. 252—3, № 1035.
[2] См. № 19.
[3] У Siebert'a „par mémoire" опущено.
[4] Так в подлиннике.

et autres questions de chemins de fer en Turquie d'Asie, dont substance a déjà été communiquée au gouvernement impérial.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 18. Копии в Париж и Константинополь.

В ответ на записку посольства по этому поводу Грей сообщил мне меморандумом, что британское правительство не возражает против того, чтобы императорское правительство дало немедленно свое принципиальное согласие на предполагаемое увеличение Турцией таможенных пошлин с 11% до 15% ad valorem. Упоминая о проекте нашего экономического и железнодорожного соглашения с Турцией, Грей отметил заинтересованность британского правительства в получении сведений о железнодорожных линиях, предусматриваемых этим соглашением. Грей добавил, что британское правительство предполагает дать согласие на 4%-ю таможенную надбавку, как только оттоманское правительство изъявит готовность приступить к подписанию англо-турецкого соглашения относительно тарифов и других вопросов, касающихся железных дорог в Азиатской Турции, причем сущность этих вопросов уже известна императорскому правительству.

Бенкендорф.

№ 144. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 30/17 января 1914 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Сердечное спасибо за ваше письмо. Очень радуюсь благополучному окончанию инцидента с германской военной миссией и от души поздравляю вас с одержанным полным успехом. Авось наша печать и истерическое общественное мнение не усмотрят в нем на этот раз поражения. Здесь, видимо, у французов отлегло от сердца и, хотя французское правительство, как вам известно, имело твердую решимость поддерживать нас в этом вопросе „to the bitter end“[1], оно, разумеется, очень довольно, что чаша эта его миновала. Теперь, как вы усмотрите из моего официального письма[2], оно очень занято вопросом о турецком займе, в котором заинтересован весь здешний финансовый мир, т. е. очень влиятельные и могущественные элементы. Положение кабинета Думерга, вопреки всяким пророчествам, заметно упрочилось, и можно почти с уверенностью сказать, что он произведет общие выборы, что обеспечит победу на них крайним радикальным элементам, в ущерб более умеренной группе, во главе коей стоит сам президент республики, а вместе с ним гг. Бриан, Барту, Клотц и т. д.

---

[1] И „испить чашу до дна“.

[2] См. № 133.

С точки зрения внутреннего положения во Франции это, конечно, весьма прискорбно, но раз закон о трехлетней военной службе вотирован и приведен в исполнение, для нас, и в разсуждении внешней французской политики,—это, в сущности, безразлично. Я продолжаю считать, что нынешний кабинет держит себя относительно нас ничуть не хуже, а может быть, даже и несколько лучше, чем предыдущий, а г. Думерг обнаруживает, даже в вопросах внешней политики, очень много здравого смысла. Ему натурально страстно хочется дожить до поездки президента в Россию, но весьма вероятно, что после выборов произойдет перемена кабинета. Пуанкаре очень доволен сроком, назначенным для его приезда. Пожалование Делькассе ордена св. Андрея Первозванного произвело здесь наилучшее впечатление; мы будем иметь в нем в здешних политических кругах весьма влиятельного сторонника; политическая роль его далеко не закончена; он стоит левее, чем Бриан, Барту и т. д., и я не буду удивлен, если именно он сменит Думерга и Кайо. Кстати не думайте, что страстная кампания Кальметта в „Figaro" наносит серьезный ущерб этому последнему; его филиппики tombent à plat [1] и весьма мало вредят положению как самого Кайо, так и всего кабинета.

Болезнь моего сына настолько осложнилась и затянулась, что я принужден совершенно отказаться от поездки в Петербург. Сейчас он на пути к выздоровлению, и если не будет новых осложнений, жена с дочерью выедут на будущей неделе в Петербург; я же думаю воспользоваться разрешенным мне отпуском, чтобы отвезти сына куда-нибудь на юг для восстановления его сил. Полагаю и надеюсь, что вы против этого не будете иметь ничего; а в июле мне, вероятно, во всяком случае придется быть в Петербурге по случаю приезда Пуанкаре.

Сердечно преданный вам

Извольский.

№ 145. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Письмо [2]. 30/17 января 1914 г.

За последние две недели в беседах наших с статс-секретарем мы ни разу не коснулись вопроса о германской военной миссии в Турции, и, не будучи осведомлен о том, считает ли императорское правительство возможным удовлетвориться состоявшимся уже устра-

[1] „Не достигают цели".

[2] Лит. копия. Опубл. М., стр. 692.

нением генерала Сандерса от командования в Константинополе, я признал более осторожным избегать слишком частых свиданий с г. Яговым.

Согласно последней телеграмме Гулькевича за № 41[1] не исключена, повидимому, надежда на то, что преемником бывшего командира скутарийской дивизии генерала Бронзарта назначен будет не офицер германской службы, а турок; а если верить проникшим в здешнюю печать слухам, то генерал Сандерс не будет даже облечен функциями генерал-инспектора.

Оправдается ли этот слух или нет, конечно, неизвестно, но, на мой взгляд, это не имеет особого значения, так как решающий голос в вопросах военных во всяком случае оставлен будет за главой германской миссии.

Здесь, очевидно, ждут с лихорадочным нетерпением ликвидации дела, грозившего в конец испортить наши отношения с Германией. Хотя мне об этом ни словом не было заявлено, я в этом не сомневаюсь, как по заметно изменившимся за последние два месяца отношениям ко мне императора Вильгельма, так и по сделанному мне на-днях его величеством в шутливом тоне намеку на существующие между нами разногласия.

Статс-секретаря я нашел во вторник несколько озабоченным остановкою наших переговоров с Портою по армянским делам, а именно по вопросу о равном представительстве армян и мусульман в двух вилайетах (какие именно—он не сумел указать), в которых, по заявлениям великого визиря, армянское население составляет столь наглядное меньшинство, что о равноправии их с мусульманами не может быть и речи.

Ягов опасается, повидимому, что, если бы нам не удалось достигнуть соглашения с Турцией, все дело армянских реформ могло бы перейти в руки всех великих держав, и в таком случае,—говорит он,—Франция, а в особенности Англия, проявили бы несравненно более сговорчивости по отношению к Турции, чем сделали это мы с Германией. Статс-секретарь сказал мне, что он уже уведомил об этом графа Пурталеса с просьбой передать вам свои опасения. . . . .

Дело об албанских займе и банке, повидимому, не подвинулось вперед, и берлинский кабинет не получил еще ответов из Вены и Рима. Из беседы с моим австро-венгерским товарищем Ягов вынес будто бы впечатление, что, соглашаясь на интерна-

---

[1] См. № 109.

ционализацию займа, венский кабинет не допускает и мысли об упразднении австро-итальянского банка. Поведав мне об этом, статс-секретарь прибавил, однакоже, что это может быть личное мнение графа Сечени, и что отзыв из Вены им еще не получен.

На это я заметил Ягову, что, принимая на себя гарантию албанского займа, державы ни в коем случае не могли бы согласиться на продление дарованной временным правительством Австро-Венгрии и Италии банковой концессии и что раз что заем будет международный, то таковой же характер должен быть придан и Албанскому банку. С мыслью этой статс-секретарь, по-видимому, вполне согласен, из чего однакоже, мне кажется, не следует, что берлинский кабинет станет на нашу сторону в случае серьезных и энергичных протестов со стороны австро-венгерского и итальянского правительств. Тем не менее предполагаю, что он приложит все усилия, дабы убедить венский кабинет в необходимости либо интернационализации сказанного банка, либо прекращения его существования.

Примите и пр.

Свербеев.

№ 146. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 51 [1]. 30/17 января 1914 г.

Ваша телеграмма № 131 [2] получена.

Прошу телеграфных инструкций.

Прежде чем приступить к предписываемому мне шагу, позволяю себе, ссылаясь на мои телеграммы № 27, 28 и 41 [3], снова высказать опасение относительно успешности такой попытки. Во время балканской войны в Чаталдже уже одна из трех дивизий, командовавшихся немцами, принадлежала константинопольскому корпусу. Близ Скутари—Маль-Тепе находится стрелковая школа, для учебных целей коей необходимо участие строевых частей. Этим и объясняется стремление немцев сохранить в своих руках командование скутарийской дивизией. Не имея под своим начальством подобной строевой части, которая, за вычетом повседневного расхода на караулы и другие военные наряды, оставляла бы в их распоряжении достаточную наличность войск, немцы считают, что

[1] Царск. экз.
[2] См. № 139.
[3] См. №№ 70, 71 и 109.

они не будут в состоянии поставить стрелковую школу на надлежащую высоту, ни выполнить возлагаемую на них учебную миссию. По крайней мере, таковы разъяснения, которые они дают своему упорству не выпускать из рук командования скутарийской дивизией, и дипломатическим путем мы вряд ли будем в состоянии убедить их отказаться от него. Помимо этого, в политическом смысле не следовало бы считать Скутари частью Константинополя. Босфор, отделяющий названную часть константинопольского градоначальства от собственно столицы, дает Скутари совершенно самостоятельный и своеобразный характер. В нем нет правительственных учреждений, с которыми посольствам приходится иметь дело. При наличности таких обстоятельств наши представления туркам могут только вызвать усиленные воздействия на них немцев в обратном смысле и ускорить развязку вопроса в нежелательном для нас смысле.

Гулькевич.

С узкой военной точки зрения объяснения Гулькевича правильны.

Царское Село, [1 февраля] 19 января 1914 г.

№ 147. Д-р Завриев начальнику Ближне-восточного отдела Трубецкому.

Письмо. 30/17 января 1914 г.

Глубокоуважаемый князь Николай Григорьевич[1],

Я прошу принять от меня глубокую благодарность за нашу вчерашнюю беседу. Ею вы успокоили мои сомнения о непрочности положения армянской реформы.

Я повторяю вам, как понял вас, ибо слова ваши являются для нас историческими и твердо определят, вероятно, армянские настроения в будущем.

Мне показалось, что вы сказали:

1. Армянский вопрос считается нашим правительством вопросом государственной важности и государственного интереса; среди всех вопросов, существующих между Россией и Турцией, он считается одним из важнейших.

2. Работая над осуществлением реформ, правительство действует совершенно сознательно, имея для этого вполне определенную и ясную цель.

3. Если сейчас правительство вынуждено сделать уступки в

[1] Так в подлиннике. Следует: Григорий Николаевич.

объеме реформы, то это не должно сильно огорчать армян. Важно положить основание для реформы, чтоб потом настойчивой работой постепенно расширять ее.

4. Заинтересованная в подготовке почвы для будущего, Россия отныне не перестанет следить за развитием реформы и не выпустит этого дела из своих рук.

5. России нужен армянский элемент также и для проведения через него своего экономического влияния не только в пределах Армении, но и вне их.

Эти слова убедили меня, что отныне армянский вопрос застрахован от того, чтоб быть забытым, и армянскому народу дается возможность верить в будущее.

Речь ваша была настолько ясна и содержание ее так ценно для нас, что я почитал бы себя счастливым, если б мог сообщить ее своим близким друзьям в Турции.

Не желая быть некорректным и опасаясь сказать что-либо лишнее, я передаю мою редактировку ваших слов на вашу цензуру и просил бы вас или дать мне разрешение сообщить их целиком, или указать, в каком объеме могут быть переданы туда.

Конечно, это было бы сообщено лишь очень тесному кругу, который в данный момент руководит делами. Было бы очень важно, чтоб эти лица работали впредь с верой, что не делают ошибок, и чтоб с большим спокойствием отнеслись к неизбежным для данного момента уступкам в реформе.

Примите и пр.

Я. Завриев.

СПБ, [30] 17 января 1914 г.
Мойка, 30.

№ 148. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

31/18 января 1914 г.

Par un aide-mémoire en date du 4/17 janvier c-t l'ambassade de sa majesté britannique a bien voulu porter à la connaissance du ministère impérial des affaires étrangères les observations de Sir E. Grey concernant les 7 conditions dont le prince de Wied fait dépendre son consentement à accepter le trône d'Albanie [1].

[1] В письме на имя герм. статс-секретаря по ин. дел. от 31/18 дек. 1913 г. (опубл. Gr. Pol., B. 36, Teil I) Вид обусловливал свое согласие на занятие алб. престола следующими 7 пунктами: 1) Утверждение его кандидатуры шестью великими державами. 2) Депутация из представителей всего албанского населения

Le ministère impérial a déjà eu l'honneur d'informer l'ambassade de sa majesté britannique par l'aide-mémoire en date du [11 janvier 1914] 29 décembre 1913 [1] qu'il considère en principe ces conditions comme acceptables. Ceci se rapporte évidemment à celles des conditions du prince de Wied dont la réalisation peut dépendre des Puissances. Parmi ces conditions se trouve celle qui a trait à la question de l'emprunt de 75 millions de francs.

Le ministère impérial partage le point de vue de Sir E. Grey concernant la difficulté d'établir dès à présent le taux de son émission.

Le gouvernement austro-hongrois lui ayant fait part de ses considérations relatives à cet emprunt dans une notice ci-jointe [2], le ministère impérial a cru devoir demander l'avis préalable du commissaire russe à Valona à ce sujet [3], et serait également reconnaissant à l'ambassade royale de lui faire connaître la manière de voir du gouvernement anglais.

Pour celles des conditions du prince de Wied qui, comme par exemple la deuxième et troisième, ne sauraient être l'objet de l'initiative des Puissances, le ministère impérial pense que sans prendre d'engagement quelconque les Puissances pourraient cependant faciliter dans une certaine mesure au futur prince d'Albanie le règlement de ses rapports avec Essad et les Albanais.

должна явиться к нему с предложением занять албанский престол. 3) Гарантия, что Эсад-паша подчинится новому князю. 4) Гарантия со стороны держав в предоставлении займа в 75 млн. фр. из 4%. Заем может быть выпущен в несколько приемов. Первый выпуск должен равняться 20 млн. 5) Князь получает цивильный лист в 200 000 фр., содержание по которому до установления твердого бюджета выплачивается из займа. 6) Проект организации управления страной утверждается князем. 7) Южная граница Албании должна быть установлена хотя бы в основных пунктах, чтобы исключить спорный вопрос о пограничной линии. В пам. записке англ. посольства в Петербурге от 17/4 января 1914 г. высказывались следующие соображения: 1) первое условие Вида излишне, так как державы сами предложили ему албанскую корону; но если он желает вторичного утверждения, то державы могут исполнить его пожелание; 2) державы не могут организовать албанских депутаций; 3) державы не могут гарантировать „хорошее поведение" (good behaviour) Эсад-паши; 4) все детали займа зависят от состояния денежного рынка ко времени выпуска займа; 5) требование Вида установить сразу определенный цивильный лист неприемлемо. Положенное ему содержание его будет зависеть от гос. доходов, размер которых в настоящее время неизвестен. Шестое и седьмое условия приемлемы.

[1] В пам. зап., переданной м-вом ин. дел англ. и франц. пос-вам в Петербурге 11 янв. 1914 г./29 дек. 1913 г., высказывались те же соображения, что и в тел. м-ва ин. дел за № 3561 (см. стр. 87, прим. 1).

[2] См. № 131 и прим.

[3] См. № 131.

Quant au point 5 dans lequel le prince exprime le désir d'obtenir une liste civile définie, le ministère impérial croit ce désir justifié par les circonstances et considère difficile de faire dépendre le montant de ladite liste des ressources d'un pays inorganisé.

Перевод.

Памятной запиской от 4/17 января с. г. посольство его британского величества благоволило довести до сведения императорского министерства иностранных дел замечания сэра Э. Грея относительно 7 условий, от выполнения которых принц Вид ставит в зависимость свое согласие на принятие албанского престола.

Императорское министерство уже имело честь сообщить посольству его британского величества памятной запиской от 11 января 1914 г. /29 декабря 1913 г., что оно в принципе признает эти условия приемлемыми. Это, разумеется, относится к тем из условий принца Вида, выполнение которых может зависеть от держав. Среди этих условий имеется одно, касающееся вопроса о займе в 75 млн. фр.

Императорское министерство разделяет точку зрения сэра Э. Грея относительно трудности установления в настоящее время эмиссионного курса.

Так как австро-венгерское правительство осведомило его прилагаемой при сем запиской о своих соображениях относительно этого займа, императорское министерство сочло долгом предварительно запросить у русского комиссара в Валоне о его мнении по этому поводу и было бы равным образом признательно королевскому посольству за сообщение ему точки зрения английского правительства.

Что касается тех из условий принца Вида, которые, как, например, второе и третье, не могут быть предметом инициативы держав, императорское министерство полагает, что державы могли бы, не беря на себя никаких обязательств, все же облегчить в известной мере будущему албанскому князю урегулирование его отношений с Эсадом и албанцами.

Что касается 5 пункта, в котором принц выражает пожелание получить определенный цивильный лист, императорское министерство считает, что желание это вполне оправдывается обстоятельствами и полагает затруднительным поставить размеры цивильного листа в зависимость от доходов не организовавшегося еще государства.

№ 149. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

/. Телеграмма № 143 [1]. 31/18 января 1914 г.

Дополнение телеграммы № 132 [2].

Благоволите спешно переговорить с вашим германским коллегой относительно совершенно недопустимого самоуправства Шю-

[1] Царск. экз.

[2] В тел. от 30/17 янв. 1914 г. за № 132 Нератов запрашивал Коростовца, какие меры, по его мнению, можно принять в отношении Шюнемана, захватившего каменноугольные копи, расположенные в концессионной зоне Джульфа-Тавризской ж. д.

немана. Вы можете при этом дать ему понять, что у нас в Тавризе имеются войска и что мы можем оказаться вынужденными силой занять копи. Если вопрос о последних представляется спорным, то самым правильным было бы немедленное очищение их обеими сторонами, впредь до разрешения спора обеими миссиями.

Сазонов.

Конечно.

Царское Село, [31] 18 января 1914 г. [1].

№ 150. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 145 [2]. 31/18 января 1914 г.

Сообщается в Белград, Вену и Рим.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 37 [3].

Итальянский посол передал памятную записку [4], указывающую, что предполагающаяся нейтрализация Восточных железных дорог без участия в ней Италии нарушает интересы последней. Полагаем, что Италия могла бы быть допущена к участию в этом деле лишь посредством приобретения части австрийских акций. Во всяком случае передача ей части французских акций является в наших глазах нежелательною, о чем прошу вас переговорить с министром иностранных дел на случай обращения Италии.

Сазонов.

№ 151. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 43 [5]. 31/18 января 1914 г.
Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

Ввиду трудности притти дипломатическим путем к удовлетворительному решению вопроса о справедливом распределении между нашим Учетно-ссудным банком Персии и английским, так называемым Шахиншахским, банком поставки серебра для персидского монетного двора [6], министр финансов, по соглашению со

[1] Царская помета на полях против подчеркнутых синим карандашем слов „мы можем... копи".

[2] Лит. копия. Опубл. Stieve, IV, S. 42, № 1251.

[3] См. № 29. У Stieve „ihre № 37".

[4] См. № 111.

[5] Черновик рукою Клемма.

[6] Как гласит справка, составленная директором Учетно-ссудного банка Персии Полубояриновым, датированная янв. 1914 г., весною 1913 г. Учетно-ссудный банк пытался заключить с перс. прав-вом контракт на поставку серебра для теге-

мной, счел полезным командировать в Лондон директора общей канцелярии мин-ва финансов д. с. с. Евгения Дмитриевича Львова, который состоит одновременно председателем Учетно-ссудного банка, для непосредственных переговоров с лицами, стоящими во главе Шахиншахского банка, по означенному предмету.

Надо надеяться, что г. Львову удастся не только прийти к какому-либо приемлемому для нас компромиссу с англичанами по упомянутому вопросу, но и найти способ устранить столь нежелательное для обоих банков соперничество, могущее лишь крайне вредно отражаться на обоюдных их интересах.

Г. Львов доложит вашему сиятельству подробно о затруднениях, испытываемых нашим банком в Персии, а потому я распространяться о них не буду. Замечу только, что затруднения эти очень серьезного свойства, что они вызываются главным образом недостаточным притоком в кассы нашего банка местной валюты, и что это явление может быть устранено, повидимому, только предоставлением этому банку надлежащего участия в поставке серебра.

Я должен также отметить, что нужда в кранах для нашего банка еще значительнее возрастет в самом ближайшем будущем, ввиду уже начавшихся работ по постройке Джульфа-Тавризской железной дороги, которой понадобится большое количество местной монеты для расплаты с рабочими, отчуждения земель и иных многочисленных расходов на месте.

Ввиду сего считаю своим долгом обратиться к вашему сия-

ранского монетного двора. Уклоняясь от непосредственного разрешения вопроса, тегеранский кабинет счел необходимым выяснить его „дипломатическим путем“ (секр. тел. Саблина от 25/12 мая 1913 г. за № 210; письмо тов. м-ра фин. Вебера от 30/17 мая 1913 г. за № 321), в связи с чем начались переговоры между петербургским и лондонским кабинетами. Англ. прав-во предлагало, чтобы Шахиншахскому банку было предоставлено право ввоза достаточного количества серебра, необходимого для обеспечения одной трети выпускаемых им банкнот, а поставка остальной части серебра делилась между обоими банками (памятные записки Грея от 11 авг./30 июля 1913 г. и от 8 окт./25 сент. 1913 г.). Согласно же предложению русского прав-ва оба банка должны были принимать участие в поставке серебра в равных долях и на равных условиях (письмо Вебера Сазонову от 1 ноября/19 октября 1913 г. за № 13; тел. Сазонова Бенкендорфу от 21/8 ноября 1913 г. за № 3176). Телеграммой от 19/6 декабря 1913 г. за № 825 Бенкендорф сообщал о согласии Шахиншахского банка на равное участие обоих банков в поставке серебра „при условии однако предоставления ему права на ввоз достаточного количества [серебра] для постоянного обеспечения одной трети всех выпускаемых им банкнот“, и высказывал пожелание, чтобы непосредственные переговоры с Шахиншахским банком были поручены компетентному в финансовых делах лицу.

тельству с покорнейшей просьбой оказать г. Львову все зависящее с вашей стороны содействие к успешному выполнению возложенной на него задачи и не отказать ему в ваших благосклонных советах и руководительстве, а равно, в случае надобности, поддержать его справедливые домогательства перед великобританским мин-вом иностранных дел.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 152. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 45 [1]. 31/18 января 1914 г.
Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

Ваше сиятельство, вероятно, изволили ознакомиться с последним сообщением по вопросу о Трансперсидской железной дороге, сделанным мне здешним великобританским послом и изложенным в депеше сэра Э. Грея от 18/31 мин. декабря [2], копия с коей препровождена была д. с. с. фон Эттеру д. с. с. фон Клеммом. Как усматривается из этого документа, лондонский кабинет продолжает отстаивать свои прежние взгляды на все вопросы, по коим между нами и ими еще не достигнуто соглашения, в том числе и в наиболее важном для нас вопросе, о южном направлении означенной дороги [3]. Статс-секретарь по иностр. дел. вновь подчеркивает, что „направление на какой-либо порт восточнее Бендер-Аббаса представляется великобританскому прав-ву нежелательным", и настаивает на том, чтобы комиссии, которая займется исследованием южного направления дороги, было поручено прежде всего изучить направление от Исфагани на Шираз и Бендер-Аббас. А между тем, как вашему сиятельству известно, нами уже неоднократно и категорически указано было лондонскому кабинету на полную неприемлемость для нас и для Société d'Etudes направления на

[1] Черновик рукою Клемма.

[2] В письме на имя Бьюкенена от 31/18 дек. 1914 г., в копии переданном последним росс. м-ву ин. дел (см. № 319), Грей сообщал точку зрения англ. прав-ва по ряду спорных вопросов, связанных с осуществлением проекта Трансперсидской жел. дор.

[3] В письме к Бьюкенену от 18/5 февр. 1913 г. Грей указывал, что южная часть Трансперсидской ж. д. должна итти от Тегерана на Исфагань — Шираз — Бендер-Аббас, причем Бендер-Аббас должен был бы явиться конечным пунктом дороги, а вопрос о соединении ее с индийской ж.-д. сетью оставаться открытым до тех пор, пока англ. прав-во не найдет это соединение своевременным.

Бендер-Аббас вообще и на Исфагань—Шираз—Бендер-Аббас в особенности[1]. Основанием для сего являлись такие важные мотивы, как излишнее удлинение на несколько сот верст транзитного пути, который может стать таковым лишь при условии, что он пройдет по кратчайшему направлению; нежелательность приближения этого пути к Багдадской железной дороге, которая могла бы современем отвлечь к себе транзит, и, наконец, крайне вредное значение для наших торговых интересов в Северной Персии меридиональных железных дорог вообще.

При такой постановке вопроса предложенная великобританским правительством посылка на юг особой смешанной комиссии для исследования возможных направлений Трансперсидской железной дороги явно утрачивает всякий смысл[2]. Не будь этого, мы не встречали бы препятствий к тому, чтобы согласно пожеланию г. Грея[3], участие делегата французской группы Société d'Etudes в означенной комиссии было обставлено по возможности не формально. Не могу однако не подтвердить нашего прежнего взгляда, что поручение смешанной правительственной комиссии выяснения направления дороги коренным образом меняет первоначальную постановку всего вопроса. Раньше, как известно, было решено, что все частности сооружения пути, в том числе и вопрос о направлении его, должны быть выработаны Société d'Etudes и представлены на усмотрение русского и великобританского правительств, которые предоставляют себе право высказаться за предположения общества, или против таковых; при осуществлении же предложения лондонского кабинета получится как раз противоположное: оба прав-ва выработают нечто такое, что будет затем преподано обществу к исполнению.

Относительно способа передачи персидскому прав-ву просьбы Société d'Etudes о предоставлении ему опциона на постройку Трансперсидского пути уже, повидимому, после отправки сэром Э. Греем упомянутой депеши сэру Дж. Бьюкенену поступило известное вам из моей телеграммы от [3 янв. 1914 г.] 21 мин. декабря

---

[1] Пам. записка, переданная м-ром ин. дел английскому послу в Петербурге 14/1 мая 1913 г.

[2] Предложение англ. прав-ва о посылке на юг Персии англо-русской правительств. комиссии для выяснения вопроса о южном направлении дороги содержится в пам. записке англ. пос-ва в Петербурге от 21/8 июля 1913 г.

[3] Письмо Грея к Бьюкенену от 31/18 дек. 1913 г.

за № 3527 [1] ходатайство персидского министра иностранных дел, который в видах устранения каких-либо нареканий на шахское правительство просил обставить это дело так, чтобы международный, а не исключительно англо-русский характер предприятия был с достаточной ясностью подчеркнут. Признавая соображения Восуг-эд-Доуле весьма важными, мы высказались за удовлетворение его ходатайства и, судя по последнему заявлению, сделанному мне на этот счет сэром Дж. Бьюкененом, великобр. прав-во ныне не встречает препятствий к тому, чтобы просьба об опционе была подана самим Société d'Etudes либо через особо командированного своего представителя, либо по почте, и вслед за тем поддержана миссиями русской, английской и французской. Этот способ решения вопроса представляется нам наиболее правильным, так как безусловно оттеняет совершенно частный характер предприятия и совершенно устраняет возможность вмешательства какой-либо посторонней державы в это дело.

Вашему сиятельству известно, что к выработанному Société d'Etudes тексту обращения к шахскому прав-ву лондонским кабинетом предложена была существенная поправка, а именно по поводу пункта, касавшегося вопроса об обеспечении Трансперсидской дороге свободных подступов к морю [2]. Со своей стороны мы не могли не признавать основательности этого положения Société d'Etudes, справедливо указывавшего на необходимость оградить в этом отношении интересы общества. В депеше сэра Э. Грея (§ II, п. 6) указывается на то, что „по политическим соображениям великобр. прав-во не могло бы допустить, а тем более поддерживать просьбу о портовой концессии в пользу международного железнодорожного общества". Очевидно, г. Грей упускает из вида,

---

[1] В тел. от 3 янв. 1914 г./21 дек. 1913 г. за № 3527 Сазонов передавал пожелание перс. м-ра ин. дел, чтобы ходатайство об опционе на Трансперсидскую ж. д. было передано перс. прав-ву непосредственно Société d'Etudes, „дабы придать делу характер частного предприятия, более приемлемого для персидских националистов", и чтобы, в случае невозможности этого, в передаче ходатайства участвовала и франц. миссия, „дабы не придавать этому делу характер англо-русский".

[2] Первоначальный проект обращения Société d'Etudes к шахскому правительству содержал пункт, обязывающий перс. прав-во не предоставлять концессий на порты в пунктах выхода ж. д. к морю, без соглашения с Société d'Etudes. В проекте обращения, составленном англ. прав-вом, этот пункт был опущен. Société d'Etudes, настаивая на необходимости предоставления Трансперсидской ж. д. свободных подступов к морю, просило в обращении к перс. прав-ву оговорить, „что ему будут обеспечены подступы к морю, необходимые с экономической и технической точек зрения" (письмо председателя S. d'Etudes Рэндра Хомякову от 24/11 сент. 1913 г.).

что, согласно постановлению Société d'Etudes, на южной части дороги англичане будут иметь подавляющий перевес над русскими и французами[1] (60% англичан против 33% французов и 7% русских), вследствие чего это протяжение пути будет фактически всецело в английских руках. При таковых условиях, казалось бы, у лондонского кабинета не должно бы быть оснований опасаться перехода каких-либо портов в ведение этой железной дороги. Впрочем, в конце того же п. 6 есть указание на то, что „при условии контроля и в зависимости от местоположения порта“ не встретилось бы препятствий к заявлению Société d'Etudes просьбы о предоставлении ему „разумных облегчений в таких приморских пунктах, которые могли бы быть избраны“. Мы еще не осведомились о взгляде на этот счет общества, но склонны думать, что оно, быть может, признает эту формулу для себя приемлемой.

В тесной связи с вопросом о Трансперсидской ж. д. находится, как известно, вопрос о концессии на разработку горных богатств на обширном пространстве, частью в английской, частью в нейтральной зоне, которой добивается некий английский синдикат. Отметив, что Трансперсидская ж. д. может пересечь это пространство, Société d'Etudes по справедливости указало на то, что по существующему всюду в некультурных странах порядку ему необходимо будет располагать известной полосой земли (примерно по сто километров) по обе стороны пути, без чего реализация потребных на сооружение дороги капиталов встретит непреодолимые затруднения. Лондонский кабинет, ссылаясь на то, что упомянутый синдикат уже раньше заявил ему о своем желании и получил от него обещание поддержки, не признал возможным стать на точку зрения Société d'Etudes и вызвался лишь способствовать какому-либо компромиссу между обоими обществами. В результате синдикат высказал готовность предоставить Трансперсидской железной дороге одну треть той части своей концессии, которая придется на нейтральную зону, при условии, что Société d'Etudes примет пропорционально участие в авансе в 100 000 ф. ст., обещанном синдикатом шахскому прав-ву. Это предложение, как и следовало ожидать, не удовлетворило Société d'Etudes, которое подтвердило, что оно собственно в горной концессии вовсе не заинтересовано, а считает лишь необходимым обеспечить себе упомянутую полосу,

---

[1] См. стр. 33, прим. 1.

где бы дорога ни прошла, причем в случае предоставления таковой оно не отказалось бы принять пропорциональное участие в сказанном авансе. Со своей стороны, мы считаем, что точка зрения Société d'Etudes настолько ясна, что против нее спорить трудно. Что же касается обещания поддержки, данного сэром Э. Греем английскому синдикату, то оно, как и всякое подобное обещание, конечно, ограничивается пределами возможного. Между тем, по имеющимся у нас сведениям, перс. прав-во, признавая пожелание Société d'Etudes о предоставлении ему полосы земли вполне основательным, затрудняется не уважить таковое, так как это могло бы расстроить все предприятие, которое оно считает чрезвычайно полезным для Персии, и, что еще важнее, лишило бы шахское прав-во всякой надежды на скорое заключение столь нужного ему крупного займа, реализация коего возможна лишь при содействии Société d'Etudes.

По нашему мнению, лондонский кабинет мог бы, руководствуясь соображениями шахского прав-ва, заявить синдикату, что ходатайство его будет удовлетворено, но не в полной мере, так как персидское прав-во считает необходимым обеспечить Трансперсидской ж. д. известную полосу земли по обе стороны пути, где бы означенная дорога ни прошла. За всем тем синдикат все-таки получит обширнейшую площадь, на которой ему можно будет беспрепятственно развить свою деятельность.

В моих беседах с сэром Дж. Бьюкененом по этим вопросам я не скрыл от него, что встречаемые в этом деле затруднения, в особенности в отношении направления дороги, внушают мне серьезные опасения, что все предприятие Трансперсидской ж. д. может расстроиться. Я высказал при этом мнение, что это обстоятельство произвело бы, несомненно, очень тяжелое впечатление, так как оно свидетельствовало бы, к вящшему ликованию наших недоброжелателей, о шаткости устоев, на которых покоится англо-русское согласие в Персии. Я добавил при этом, что в сомнениях, высказываемых сэром Э. Греем, просвечивает, по моему мнению, слишком большое опасение перед англо-индийским общественным мнением, которое, к сожалению, все еще не может отрешиться от фантастической боязни русского нашествия на Индию. Наконец, я счел нелишним дать понять послу, что в случае распадения Société d'Etudes вся постановка дела радикально изменится, и, по всей вероятности, образуется новое общество, которое займется постройкой намеченных нами дорог как в русской, так и в нейтральной

зоне, безо всяких ограничений, т. е. и в районе, близком к персидско-афганской границе.

Мои слова произвели на посла, видимо, сильное впечатление, и я не сомневаюсь в том, что он, со своей стороны, приложит все старания, чтобы склонить свое прав-во к большей уступчивости в этом безусловно важном принципиальном деле.

Обращаюсь к вам с пок[орнейшей] просьбой не отказать высказаться при случае перед сэром Э. Греем в смысле моих объяснений с с. Д. Бьюкененом по наст[оящему] вопросу.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 153. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 26 [1]. 31/18 января 1914 г

Сегодня выезжают в Петербург директор банка „Union Parisienne" г. Лион и другие представители группы Крезо для переговоров с Путиловскими заводами. Только-что посетивший меня г. Лион сказал мне, что он едет с искренним желанием притти со сказанным заводом к соглашению, которого очень желает, по политическим причинам, французское правительство, но которое представляет большие трудности в финансовом отношении. Он просит меня рекомендовать его вам и надеется на поддержку императорского правительства. Под влиянием разъяснений из Петербурга [2], волнение здесь несколько улеглось, но правительство и политические круги продолжают относиться с большою тревогою и страстностью к настоящему делу, которое желательно покончить как можно скорее, дабы не испортить почвы для выпуска нашего займа [3].

Извольский.

№ 154. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 57 [4]. 31/18 января 1914 г.

Получил № 45 [5]. Копия в Париж.

Ходят упорные слухи о том, будто американский посол, опи-

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 41—42, № 1249.

[2] Имеется в виду телеграмма Сазонова за № 140 (см. № 141).

[3] В тот же день (тел. за № 27) Извольский телеграфировал о выезде в Петербург Н. Рафаловича, „с первой же минуты способствовавшего здесь соглашению между Путиловским заводом и французами". (Опубл. Stieve, IV, S. 42, № 1250.)

[4] Опубл. Stieve, IV, S. 42—43, № 1252.

[5] См. № 34.

рающийся на Стандарт Ойль Компани, сегодня был готов в случае неуспеха в Париже миссии Джавида устроить Порте в Америке заем до миллиарда франков. Мне достоверно известно, что он в этом духе писал Вильсону. С этим делом связывают также приезд [1] сюда американских банкиров Ком [2] и Лэб. Мне лично Моргентау сказал, что в нынешнем году впервые у Штатов имеется свободная наличность и что страна его отныне будет иметь возможность подобно Франции ссужать свои капиталы иностранным державам. Из другого источника узнаю, что обеспечением указанного займа явилась бы выдача американцам концессий на разработку рудников, входивших в проект Честера, и эксплоатацию казенных лесов империи, а также нефтяных залежей в Месопотамии. Последнее условие впрочем мало вероятно ввиду притязаний на эти залежи немцев и англичан. Ввиду сказанного считал бы неосторожным продолжать противодействовать заключению займа в Париже, как только будет парафировано соглашение по армянскому вопросу.

Гулькевич.

№ 155. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

Письмо. 31/18 января 1914 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [21] 8 сего месяца за № 18 [3] вашему высокопревосходительству угодно было запросить меня о моих соображениях, в связи с общим здесь политическим положением, по возбужденному командующим морскими силами в Черном море вопросу о ремонте ныне всех судов Черноморского флота. Ваше высокопревосходительство изволили при этом отметить, что эта

---

[1] У Stieve: „In Zusammenhang damit steht das Eintreffen...".

[2] Так в подлиннике; у Stieve: „Kuhn".

[3] В письме от 21/8 янв. 1914 г. за № 18, содержание которого в основном изложено в настоящем документе, Сазонов отмечал также, что, по мнению командующего Черноморским флотом, в случае необходимости, ремонтируемый флот может быть введен в строй в течение 2 или 3 недель; если же ремонт будет отложен, то так как турецкий флот за это время усилится, приступить к ремонту будет уже невозможно. Вместе с тем Сазонов сообщал, что он указал морскому министру на необходимость „отложить приступление к ремонту флота до окончания переговоров с Турцией по армянским делам".

мера потребует на ее осуществление четыре месяца времени и что, в крайнем случае, выступление флота не могло бы последовать, в случае надобности, ранее двух или трех недель.

Не считаю себя вправе скрыть от вашего высокопревосходительства, что сведение это произвело на меня крайне тягостное впечатление. Мне, как не специалисту, казалось, что флот для того существует, чтобы более или менее быть всегда в полной боевой готовности. Ибо предвидеть обстоятельства, могущие возникнуть не только в продолжение сказанных четырех месяцев, но даже в течение более краткого срока трех недель, не представляется возможным. Не сомневаясь в том, что стоящие ныне на очереди такие вопросы, как армянский, об островах, могут окончиться благополучно, я не могу взять на себя ответственность в том, что даже за такой непродолжительный период времени, как две недели, не мог бы возникнуть какой-либо новый инцидент, могущий, против нашей же воли, вынудить нас к активным выступлениям. Так, например, нынешний в Турции режим держится силою, направляемою исключительно энергиею десятка лиц, стоящих во главе единственной ныне здесь партии, хотя организованной, но лишенной элементов, способных заменить немногочисленных ее вождей. Внезапный террористический акт, который устранил бы Талаата, Халиля, Джемаля, Энвера, Мидхада-Шукри и т. д.,—и в столице может возникнуть анархия, требующая немедленного появления в Константинополе нашего флота [1]. При таких условиях и двухнедельный срок мог бы быть чрезмерно длинным.

Находясь в Риме зимою 1911/1912 гг., во время триполийской войны, мне приходилось слышать, что, несмотря на отсутствие в Ливии устроенных бухт и сколько-нибудь удобных стоянок, итальянский флот, к тому же опасавшийся нападения со стороны турок, смог удержаться на должной высоте только ввиду того, что суда по очереди отправлялись в Таранто, где вновь приводились в порядок. Не доверяя своей памяти, я просил нашего морского агента высказаться, насколько приводимые мною факты могли соответствовать действительности. Капитан I ранга Щеглов мне ответил, что я не ошибаюсь, добавив, что и у нас имеется 24-я

[1] В своей депеше от того же числа за № 2 Гулькевич сообщал о раскрытии офицерского заговора, направленного против существующего в Турции режима. „Заговор возник из-за недовольства, вызванного массовым увольнением офицеров, произведенным младотурками". Опасение сделаться жертвой переворота в правительстве „настолько сильно", что „до сих пор еще не опубликован подписанный уже приказ об увольнении около 800 обер-офицеров".

статья о командующем морскими силами, возлагающая на него обязанность устанавливать очередь выполнения вверенными ему судами текущего ремонта.

Основываясь на вышеизложенном, позволяю себе высказаться в пользу необходимости ремонтирования черноморских судов по очереди, дабы наш флот, в случае необходимости, мог появиться здесь, по крайней мере, не позже иностранных.

Примите и пр.

Гулькевич.

№ 156. Посол в Берлине министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 20. 1 февраля/19 января 1914 г.

Сербский поверенный в делах сообщил мне конфиденциально, что, по дошедшим до его правительства доверительным сведениям, Австрия и Италия будто бы распределили между собою с помощью Ватикана взаимные сферы влияния в Албании. Он же поведал мне, будто в Белграде убеждены, что между Болгарией и Турцией уже заключен наступательный и оборонительный союз, направленный главным образом против Греции.

Свербеев.

№ 157. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо [1]. 1 февраля/19 января 1914 г.

В депеше от сего числа за № 3 [2] я отдаю вашему высокопревосходительству отчет о своей аудиенции у короля Фердинанда.

В дополнение к этим официальным сведениям считаю долгом сообщить вам, с одной стороны, некоторые подробности, предшествовавшие аудиенции, а с другой—содержание беседы, происходившей с королем во время приема, в присутствии председателя совета министров г. Радославова.

Приехав 14 числа в Софию, где на вокзале я был встречен генеральным секретарем министерства иностранных дел, я на следующий день посетил г. Радославова, с которым имел довольно продолжительный разговор. Радославов, после отставки г. Геннадиева, заведует в теперешнем кабинете иностранными делами, но специально ими не занимается, так что ни в какие подробности я с ним входить не мог. Он общим образом старался меня уверить,

[1] Лит. копия.

[2] Депеша Савинского за № 3 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

что единственная цель его политики состоит в том, чтобы спасти страну от опасности, на краю которой она находится, и что для этой цели он руководствуется истинными, реальными интересами страны, стараясь вести чисто национальную политику. На это я ему ответил, что никто больше, чем Россия, не может сочувствовать здоровой политике Болгарии; только мне кажется, что у правительства, стоящего теперь у власти, слово расходится с делом; так, например, та программа, которую минувшею осенью изложил бывший министр иностранных дел его кабинета нашему послу в Париже и которая, в случае своей искренности, могла бы только заслужить полное одобрение императорского правительства, на деле далеко не исполняется. На это Радославов старался, но тщетно, меня уверить, что вышеупомянутая программа г. Геннадиева остается краеугольным камнем болгарской внешней политики.

Когда, в конце разговора, я передал своему собеседнику просьбу об аудиенции у короля, он сказал, что его величество уже говорил с ним об этом и предполагает принять меня после 20 числа, так как 18 он отправляется, по примеру каждого года, в Филиппополь на могилу своей первой супруги, а 20—день рождения королевича Бориса. Я выразил Радославову удивление, что король по таким ничтожным причинам откладывает мой прием. Мои слова были переданы Радославовым королю, что и повлияло, как мне сказал сегодня первый министр, на ускорение моего приема.

На следующий день после моего приезда я встретил на одном вечере г. Геннадиева, который просил быть мне представленным и тут же, в длинной беседе, оговорившись, что он больше не у власти, но говорит в качестве бывшего министра иностранных дел, развил мне те мысли, которые осенью он излагал перед А. П. Извольским. Основа его рассуждения была та, что, несмотря на кажущиеся иногда уклонения, политика Болгарии может быть только политикой сближения с Россией, и т. д. На это я ему ответил, что все, что мы наблюдали в последнее время, скорее доказывает противное. Я счел нужным не уклоняться от разговора с Геннадиевым, во-первых, потому, что решил говорить вообще со всеми политическими деятелями, независимо от их окраски, а во-вторых, потому, что, по всем доходящим до меня сведениям, Геннадиев, несмотря на свою отставку, продолжает негласно руководить внешней политикой и не выходит из дворца.

Сегодня, после обмена официальными речами, король подошел ко мне с протянутой рукой и в самых любезных и изысканных выражениях сказал, как он счастлив видеть меня в Софии: „Mon cher

ami, je vous attendais, je vous attendais pour dissiper tous mes doutes, pour calmer mes nerfs ulcérés“ [1].

Усадив меня, он начал беседу, длившуюся около часа, и во время которой он касался самых разнообразных вопросов. Ваше высокопревосходительство, позволите мне иногда для большей точности приводить его подлинные слова.

Он начал с жалобы на то, что за последнее время он оторван от мира, что он ни от кого не имеет известий, что он не знает даже, как здоровье государя императора, и спросил меня, видел ли я перед отъездом его императорское величество. Очевидно, он ожидал в ответ на это передачи обычных приветствий, но так как государю императору не угодно было меня на это уполномочить, а взамен этого поручить мне передать королю взгляд его величества на политические отношения к нам короля и Болгарии за последнее время, то я воспользовался вопросом короля, чтобы сказать ему, что перед отъездом я имел честь представляться государю императору, причем его величество в длинной милостивой беседе поручил мне передать королю, что, несмотря на то, что советы императорского правительства оставались в Софии часто без исполнения, что даже голос государя императора, раздавшийся из Москвы, остался неуслышанным, что болгарское правительство постоянно грозило нам, при малейшем недовольстве, обратиться в другую сторону и что, наконец, оно обратилось в эту сторону с таким уроном для себя,—при этом король вздохнул и, подняв глаза кверху, сказал: „Ah, oui, quel désastre“ [2].—Несмотря на все это, сказал я, государь император уполномочил меня уверить как ваше величество, так и Болгарию, что его чувства к вам и к вашей стране не могут претерпеть никакого изменения: Россия и ее государь остаются и останутся традиционными друзьями Болгарии, которая всегда может рассчитывать на поддержку, если она честно и откровенно обратится к России; со стороны России к Болгарии не может быть злобы, не может быть мести, возможно одно отеческое отношение.—На эти слова король ответил, что он рад и счастлив их слышать, что в последнее время их ему нехватало, и что он постарается в дальнейших разговорах со мною рассеять те предубеждения, которые, он чувствует, у нас существуют на его счет. При этом он вспомнил времена Бахметева, сказав, что с тех пор у него не было с русскими представителями откровенных разго-

[1] „Мой дорогой друг, я ждал вас, ждал вас, чтобы рассеять все мои сомнения, чтобы успокоить мои расстроенные нервы“.

[2] „О, да, какое бедствие!“

воров, а что теперь он надеется их иметь. В ответ на это я просил его разрешения на взаимную откровенность и заручился его согласием говорить ему все, что может меня смущать и беспокоить. „Честные и прямые отношения—это единственно возможные,—сказал я,—да кроме того, единственно практичные, особенно при влиянии вашего величества на политическую жизнь страны". На это король с горечью заметил, что его прежнее влияние утрачено, что внутри страны он подвержен самым ярым нападкам, и т. д. И вот тут король сделал замечание, которым он, очевидно, хотел дать мне понять, что ему будет трудно расстаться с людьми, стоящими теперь у власти: сделав движение глазами в сторону сидевшего налево от него Радославова и не меняя тона разговора (Радославов по-французски почти не понимает), король сказал: „Celui qui est à gauche de moi c'est un homme que vous ne devriez pas mal taxer; il [est] dévoué au bien du pays" [1]. Намек был ясен, и на него я сказал, что внутренние дела страны, распри партий и т. д. это все вещи, в которые представитель России не должен и не будет вмешиваться, но мы хотим в Болгарии правительство, которое внушало бы нам доверие к своей политической честности.

Затем король, смотря мне испытующе в глаза, задал вопрос, которого я вполне ожидал: „Vous avez voyagé par étapes?" [2]. На это я поспешил заметить, как я рад, что он первый, так как я сам хотел и дорожил ему сказать, что, и по приказанию вашему, я останавливался в Белграде не более не менее, как защитником болгарских интересов [3]. Дело в том, сказал я королю, что посланник его величества в Петербурге просил меня смягчить отношение сербов к жителям присоединенной Македонии. При этих словах король стал говорить со страшной горечью о сербах, об их зверствах и жестокостях к македонскому населению, и тон его слов ясно свидетельствовал о том, что рана еще слишком жива и до нее касаться нужно с крайней осторожностью.

Далее король перешел к нападкам на него нашей прессы: „Qu'est ce qu'ils veulent de moi? Qu'est ce que je leur ai fait? Ils ne se contentent plus de tomber sur moi, ils vilipendent la pauvre reine, mes fils" [4].

---

[1] „Вы не должны были бы быть плохого мнения о человеке, сидящем налево от меня; он предан благу страны".

[2] „Вы путешествовали по этапам?"

[3] Так в подлиннике.

[4] „Чего они хотят от меня? Что я им сделал? Они больше не довольствуются тем, что нападают на меня, они оскорбляют несчастную королеву и моих сыновей".

Под конец король упомянул о депутации, посланной им в Петербург на открытие памятника великому князю Николаю Николаевичу; на мое замечание, что он должен был остаться довольным оказанным ей приемом, король горячо за него благодарил.

Отпуская меня, король сказал: „Je vous prie de faire parvenir à sa majesté l'empereur mes sentiments respectueux et lui dire combien j'ai été heureux d'entendre les paroles dont il a bien voulu vous charger“[1].

Трудно передать весь разговор. Могу отметить только его демонстративно любезный, даже дружелюбный характер, который усугублялся тем, что при всяком серьезном политическом вопросе король прибавлял, что он воспользуется одним из следующих разговоров со мной, чтобы высказать до конца волнующие его мысли. Я знаю цену любезностей короля и, конечно, им не доверяю, но если он захочет действительно установить со мною постоянный обмен мыслей, я буду считать это весьма полезным, так как, вопреки своим словам, он все-таки сохраняет на дела огромное влияние, но более чем вероятно, что, сделав сегодняшним приемом любезность с целью загладить свои недавние неучтивости по отношению к нам, он замкнется снова в свою скорлупу и будет вести под рукой свою двойную политику.

Пока ничего не остается, как терпеливо ожидать, тем более, что теперь здесь все внимание направлено на предвыборную агитацию и предстоящие выборы, от исхода которых, конечно, будет зависеть и дальнейшая политическая ориентировка. Предсказать же теперь исход выборов нет возможности: правительство, стоящее ныне у власти, не стесняясь антиконституционными средствами, делает все возможное, чтобы составить себе большинство; Радославов, не без основания, слывет за большого мастера в этом отношении, и возможно, что он в этом успеет.

Выборы назначены на [8 марта] 23 февраля, и нам до тех пор нужно было бы уяснить себе определенно, каков будет наш дальнейший образ действий в случае, если кабинет Радославова останется у власти. Конечно, ход и результат выборов будут свидетельствовать о степени прочности кабинета, и об этом я буду своевременно осведомлять ваше высокопревосходительство, но тем не менее я

[1] „Прошу вас передать его величеству чувства моей преданности и сказать ему, насколько я был счастлив слышать слова, которые он соблаговолил через вас передать мне“.

считаю, что мы должны быть заранее готовы к худшему, т. е. к упрочению власти Радославова. Мне пока весьма трудно высказать компетентное мнение, но по всему, что я слышу и наблюдаю, я думаю, что можно было бы известной медленной, но настойчивой работой доказать и теперешнему правительству, что благо Болгарии не в сближении с Австрией, а в общении с нами. В уверениях Геннадиева и его единомышленников, что теперешнее сближение с Австрией лишь временное, после которого Болгария вернется к России, есть доля истины: Болгария в целом никогда не отвернется от России, а теперешние ее правители считают себя обязанными это сделать, так как предшествующий руссофильский кабинет, благодаря своей неумелой и неразумной деятельности, привел к настоящему кризису и этим скомпрометировал себя.

Я высказываю настоящую мысль в виде предположения и отнюдь на ней не настаиваю; по мере того как обстановка будет становиться для меня яснее, я буду доносить вашему высокопревосходительству и буду просить у вас своевременно положительных указаний.

Савинский.

№ 158. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁷/. Телеграмма № 59 [1]. 1 февраля/19 января 1914 г.

Германский поверенный в делах по собственному почину сказал мне, что Германия никогда не согласится на допущение русского делегата в Совет оттоманского долга, если не получит за это какой-либо выгоды. Интересы Германии будто бы столь велики в области подведомственной Совету, что они почти равняются интересам Франции. Введение же нашего представителя нарушит установившееся в Совете благоприятное для Германии соотношение. Муциус собственно повторил мне то, о чем твердят участники Deutsche Bank и Багдадской дороги. Я ответил ему, что, не оспаривая столь значительной наличности интересов Германии здесь, я считаю нужным обратить его внимание, что 4%-я таможенная надбавка ляжет тяжелым бременем на нашу торговлю, на пользу именно этих немецких интересов, в частности Багдадской дороги, а потому не немцам надлежит ныне требовать от нас компенсаций, а нам от

[1] Царск. экз. Опубл. М., стр. 693 (без пометы Николая II).

них. Обусловливая наше согласие на увеличение обложения наших товаров допущением русского делегата в Совет долга, мы даем доказательство нашей умеренности [1].

Гулькевич.

Поразительное нахальство.

Царское Село, [2 февраля] 20 января 1914 г.

№ 159. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

⁄. Телеграмма № 160 [2]. 2 февраля/20 января 1914 г.

Сообщается в Париж.

Английское правительство запрашивает, изъявили ли мы формальное согласие на границу южной Албании, установленную международной комиссией, для соответственного заявления в Афинах [3].

Между тем Венизелосу, повидимому, удалось добиться согласия держав Тройственного союза на некоторое исправление этой границы.

Не следует ли предварительно сообщения в Афинах включить это исправление в текст сообщения?

Желали бы знать мнение Грея [4]. [Сазонов.]

№ 160. Министр иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу.

Письмо № 46 [5]. 2 февраля/20 января 1914 г.

Доверительно. Срочно.

М. г. К[онстантин] Н[иколаевич],

Препровождая у сего в-му пр-ву копии доверительного донесения поверенного в делах в Софии от [18] 5 сего января за № 2 [6], обращаюсь к вам с покорнейшей просьбою сообщить имеющиеся

---

[1] Тел. Гулькевича от того же числа за № 60, являющаяся продолжением настоящей тел., опубл. М., стр. 694.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 44, № 1254.

[3] У Stieve: „...wie sie von der internationalen Kommission in einer entsprechenden Erklärung in Athen festgestellt worden ist“.

[4] В ответной телеграмме от 2 февр./20 янв. 1914 г. за № 22 Бенкендорф передавал свою беседу с Никольсоном, сообщившим ему, что Грей предполагал упомянуть в декларации о пограничной линии, намеченной южно-албанской разграничительной комиссией, с тем, чтобы после получения декларации Венизелос сделал официальное заявление о желательности изменения границы. В тел. Бенкендорфа от 5 февр./23 янв. 1914 г. за № 25 сообщалось, что Грей подтвердил заявление Никольсона и выразил уверенность, что Венизелос предпочтет такой образ действий.

[5] Черновик рукою Трубецкого.

[6] См. № 44.

у вас сведения об отношениях Турции с Болгарией, а равно и о том, насколько представляется вероятным заключение между обоими этими государствами какой-либо военной конвенции, направленной против Греции. Промедление в установлении границы в районе Димотика—Дедеагач не может возбуждать сомнения, не думают ли оба государства воспользоваться этой неопределенностью для свободного прохода турецких войск на греческую территорию, в случае если б этого потребовали обстоятельства, без формального нарушения нейтралитета Болгарии.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 161. Председатель совета министров Сербии министру иностранных дел.

Письмо. С.-Петербург [2 февраля] 20 января 1914 г.

Confidentielle-personelle.

Excellence,

Dans la péninsule Balcanique tout n'est pas encore rentré complètement dans le calme et dans la paix. La Bulgarie, la Turquie et l'Autriche-Hongrie avec, ne sont pas contentes de la situation actuelle et cherchent constamment à provoquer l'occasion dont elles pourraient profiter pour bouleverser l'état de choses établi dans les Balcans.

La Serbie fera, de sa part, tout ce qui est en faveur du maintien de la paix, mais celle-ci pourra néanmoins être troublée à l'encontre de sa volonté et de ses efforts pacifiques. C'est pourquoi la Serbie s'était décidée immédiatement après la conclusion de la paix, notamment pour affaiblir les velléités et tendances agressives des Etats mécontents ci-haut nommés, de comléter le plus vite possible ses armements; et à cet effet, elle a essayé de commander 400 000 fusils et un nombre nécessaire de canons de certains calibres qui lui manquaient. Mais elle fut informée par les fabriques qu'il leur faudrait un délai de 4 à 5 ans pour livrer ces commandes.

Cependant la Serbie doit s'assurer jusqu'au printemps prochain le nombre strictement indispensable de fusils et de canons, et c'est par cette raison qu'elle se voit obligée de s'adresser au gouvernement impérial, en le priant instamment de vouloir bien lui délivrer, des dépôts impériaux, le matériel enuméré ci-après. Si les événements forcent la Serbie d'employer ce matériel, elle en remboursera le prix au gouvernement impérial; dans le cas où elle ne s'en servirait pas, elle s'engagera à le rendre tel qu'il lui aura été livré. Les frais de transport seront à la charge de la Serbie.

Ce qui rend cette demande de la Serbie particulièrement pressante, c'est que la Bulgarie poursuit activement ses armements, en recevant les fusils et le matériel de guerre des dépôts militaires d'Autriche-Hongrie.

La Serbie a avant tout besoin du matériel de guerre suivant:

a) 120 000 fusils;

b) 24 obusiers (haoubitz) de $10^1/_2$ cm;

c) 36 canons de montagne dernier système.

Le tout avec les quantités de munitions nécessaires.

En second lieu, la Serbie serait très reconnaissante au gouvernement impérial, s'il pouvait aussi lui avancer, bien entendu sans grands inconvénients pour les besoins de l'armée russe, des effets d'habillement (обмундировка) pour 250 000 soldats et le matériel nécessaire pour télégraphes, téléphones, ainsi que pour quatre stations télégraphiques sans fil [1].

Veuillez agréer, etc.

Nik. P. Pachitch.

Перевод.

Лично. Доверительно.

Ваше превосходительство,

На Балканском полуострове все еще нет полного мира и спокойствия. Болгария, Турция, а с ними и Австро-Венгрия, не удовлетворенные настоящим положением, постоянно ищут повода к тому, чтобы нарушить положение вещей, установившееся на Балканах.

Сербия с своей стороны будет делать все, что способствует поддержанию мира, однако последний тем не менее может быть нарушен против ее воли и вопреки ее миролюбивым усилиям. Вот почему немедленно после заключения мира Сербия решила пополнить возможно скорее свое вооружение, именно для того, чтобы ослабить агрессивные тенденции и вожделения вышеназванных недовольных государств; и с этою целью она пыталась заказать 400 000 ружей и необходимое количество пушек известных калибров, которых ей нехватает. Заводы ответили, что для выполнения этих заказов им понадобился бы срок от четырех до пяти лет.

Однако Сербия должна обеспечить себе совершенно необходимое количество ружей и пушек к будущей весне, поэтому она вынуждена обратиться к императорскому правительству с настоятельной просьбой не отказать в выдаче ей из императорских складов нижеуказанного снаряжения. Если обстоятельства принудят Сербию пустить в употребление это снаряжение, она возместит

---

[1] Направляя настоящее письмо военн. м-ру, Сазонов в своем сопроводит письме от 9 февр./27 янв. 1914 г. за № 68 писал, что он со своей стороны считает „желательным по политическим соображениям возможное удовлетворение просьбы сербского правительства в размерах, которые признает допустимыми военное ведомство".

императорскому правительству его стоимость; в случае, если она им не воспользуется, она обязуется вернуть его в том же виде, в каком оно будет ей доставлено. Расходы по перевозке будут отнесены на счет Сербии.

Особенно спешный характер придает этой просьбе Сербии то обстоятельство, что Болгария деятельно вооружается, получая ружья и военное снаряжение из военных складов Австро-Венгрии.

Сербия в первую очередь нуждается в следующих предметах военного снаряжения:

a) 120 000 ружей;

d) 24 бомбометах (гаубицах) 10½ *см*;

c) 36 горных орудиях последней системы.

Все это с необходимым количеством снарядов. Сербия была бы весьма признательна императорскому правительству, если бы в следующую очередь оно могло выдать ей также, конечно, без больших неудобств для нужд русской армии, обмундирование на 250 000 солдат и необходимый материал для телеграфов, телефонов, равно как для четырех станций беспроволочного телеграфа.

Примите и пр.

Ник. П. Пашич.

№ 162. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 7. 2 февраля/20 января 1914 г.

Ссылаюсь на свое донесение № 1 [1] и на свою телеграмму № 4 [2].

Представители Австрии, Италии и Германии сделали ныне по поводу занятия черногорцами Вермоша заявление королевскому правительству в форме словесной ноты, указывая, что факт занятия этого пункта не может предрешать вопроса об окончательной его судьбе, которая будет разрешена международной разграничительной комиссией. В связи с этим отрицается право Черногории взимать в занятой местности налоги. Требования об очищении Вермоша в ноте не содержится. При такой постановке вопроса я попрежнему полагал бы желательным, во избежание в будущем постоянных пограничных столкновений, уладить дело путем соответствующих переговоров, обратив внимание австрийцев на допущенное в тексте постановлений Лондонской конференции явное противоречие, идущее всецело в пользу Черногории, которая нуждается в долине Вермоша, как в кратчайшем пути из Гусинья в Подгорицу. С этим мнением согласен и австрийский посланник, лично вполне признающий справедливость притязаний черногорского правительства.

Обнорский.

[1] См. № 102.

[2] См. стр. 109, прим. 2.

№ 163. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 62 [1]. 2 февраля/20 января 1914 г.

Прошу срочных распоряжений. Получил № 146 [2].

Согласно содержащимся в ней указаниям вашего высокопревосходительства, я заявил сегодня великому визирю, что я уполномочен парафировать соглашение только при условии, что в Эрзерумском вилайете будет „немедленно“ введено равное представительство подобно тому, как в Ванском и Битлисском, а в Харпутском, Диарбекирском и Сивасском немедленно же будет обеспечена за армянами одна треть мест в генеральных советах. Великий визирь, уже осведомленный о вышеизложенном телеграммою оттоманского поверенного в делах, находился в состоянии крайнего возбуждения. Его особенно опечалило, по его словам, отсутствие у императорского правительства того минимума доверия, без которого невозможны никакие переговоры, ни соглашение между державами. Саид-Халим решительно отверг возможность для турецкого правительства итти на какие бы то ни было дальнейшие уступки, которых оно не могло бы оправдать перед палатами. Ввиду этого он усиленно просит ваше высокопревосходительство принять проект в его настоящей редакции и указывает, что задержка в деле введения реформ уже навлекает на него неудовольствие остальных великих держав. С своей стороны, по поводу ваших опасений, связанных с возможностью создания мусульманского большинства в Армении путем переселения, позволяю себе указать, что опасность эта может быть устранена путем введения в инструкции инспекторам, которые по соглашению должны быть выработаны при их участии, двух статей русского avant-projet [3]: article 19—il ne devra pas être installé de mouhadjires sur le territoire des deux secteurs,—et article 14—seuls les habitants sédentaires jouiront des droits d'élection et d'éligibilité [4]. Вообще говоря, можно надеяться,

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 154—155, № 141.

[2] Тел. от 31/18 янв. 1914 г. за № 146 (опубл. Ор. кн., стр. 153—154, № 140) Сазонов уполномачивал Гулькевича парафировать соглашение при условии принятия турецким прав-вом изложенных в настоящей телеграмме требований и поручал Гулькевичу „при случае сказать, что обращение Порты к державам не отклонило бы нас от настаивания на наших требованиях, а могло бы лишь побудить нас вернуться к первоначальной программе“.

[3] „Предварительный проект реформ, подлежащих введению в Анатолии, выработанный г. А. Мандельштамом, первым драгоманом императорского российского посольства в Константинополе“ 21/8 июня 1913 года; опубл. Ор. кн., стр. 52—60 и 61—69, № 50 (прилож.).

[4] „Ст. 19: на территории обоих секторов запрещается водворять мухаджиров“

что в эти инструкции удастся ввести ряд пунктов, способных развить достигнутое соглашение в благоприятном для армян смысле.

Копия в Париж. Прошу инструкций по телеграфу[1].

Гулькевич.

№ 164. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 18. 2 февраля/20 января 1914 г.

Телеграмму № 132[2] получил. Копия в Тавриз.

При свидании с германским посланником я указал на необходимость предложить Шюнеману воздержаться от дальнейших агрессивных действий и обратиться к генеральному консульству за посредничеством для разрешения конфликта мирным путем. Персидскому правительству я передал ноту, в коей, обратив его внимание на действия Шюнемана и Хаджи-Али-Аскера, просил, сославшись на параграф 2-й текста концессии на постройку Джульфа-Тавризской железной дороги[3] оградить права концессионера, прибавив, что в случае неудовлетворения моего требования ответственность падет на шахское правительство.

Коростовец.

№ 165. Протокол совещания по вопросу о возобновлении военного между Россией и Черногорией соглашения и связанного с ним вопроса о военной помощи, оказываемой Россией Черногории[4].

3 февраля/21 января 1914 г.

На совещании, состоявшемся под председательством начальника генерального штаба генерал-от-кавалерии Жилинского, присутствовали: товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов, генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-лейтенант Данилов, начальник Ближне-восточного отдела министерства иностранных дел действительный статский советник князь Трубецкой, помощник 1-го обер-квартирмейстера главного управления генерального штаба генерал-майор Монкевиц и военный агент генерал-майор Потапов.

По предложению начальника генерального штаба, присутствовавшие, ознакомившись с программой совещания, выслушали доклад генерал-квартирмейстера генерального штаба об истории начала

и ст. 14: только оседлое население пользуется активным и пассивным избирательным правом".

[1] В Ор. кн. конец тел., начиная от слов „Вообще говоря..." опущен.

[2] См. стр. 174, прим. 2.

[3] См. № 178.

[4] Маш. копия, не заверенная. Заголовок подлинника.

выдачи Россией военной помощи Черногории, из которого видно, что до 1907 г. дело оказания военной помощи Черногории не было урегулировано. В 1907 г. был поднят вопрос об его урегулировании, а в 1910 г. последовало заключение военного между Россией и Черногорией соглашения, и одновременно был установлен размер военной помощи—как деньгами, так военными предметами и материалами,—подлежащей выдаче черногорскому правительству как единовременно, так и ежегодно. Первоначально предполагалось отпускать черногорскому правительству 1 300 000 руб. ежегодно; затем однако военное ведомство, ввиду настоятельной необходимости сократить размер сего ассигнования, нашло возможным понизить эту сумму до 900 тыс. руб. Однако совещание, состоявшееся по этому вопросу у бывшего председателя совета министров статс-секретаря Столыпина, сумму ежегодной субсидии еще сократило и нашло возможным отпускать всего лишь $^2/_3$ того минимума, который был исчислен военным ведомством, а именно 600 тыс. руб. Проведение всего этого вопроса в законодательном порядке встретило много затруднений, и лишь после долгих усилий со стороны представителей правительства 3-я Государственная дума согласилась на выдачу Черногории военной помощи в указанном выше размере.

Начавшаяся с 1910 г. выдача черногорскому правительству субсидии была прекращена осенью 1912 г., вследствие объявления Черногорией войны Турции и невыполнения, таким образом, принятого на себя черногорским правительством главного обязательства, лежащего в основе военного между Россией и Черногорией соглашения.

Переходя к рассмотрению возможности возобновления военной помощи Черногории в настоящее время, генерал-квартирмейстер генерального штаба указал, что ограничиться ныне выдачей черногорскому правительству суммы в 600 тыс. руб. невозможно, так как территория королевства и его население увеличилось почти вдвое, причем явилась надобность в содержании постоянных гарнизонов в некоторых пунктах вновь приобретенных земель, дабы поддерживать в них должный порядок. Поэтому ограничиться теперь постоянным содержанием только незначительных кадров и периодическим обучением в этих кадрах остальных военнообязанных, королевство более не может. Кроме того, королевское правительство предполагает в ближайшем будущем разделить всю территорию королевства не на 4 дивизионных и 11 бригадных округов, как то было до настоящего времени, а увеличить число этих округов до

6 дивизионных и 18 бригадных. В соответствии с увеличением населения королевства численность королевской армии, выставляемой в военное время, будет доведена, по черногорским расчетам, до 60 тыс. штыков.

Для подготовки в мирное время кадров для столь значительной армии и для постоянного содержания военных гарнизонов во вновь завоеванных областях черногорское правительство будет вынуждено нести крупный ежегодный расход, который оно вычисляет в сумме примерно в 2 млн. руб.; эту сумму и необходимо будет поставить в основу новой военной субсидии, подлежащей ежегодному отпуску Россией Черногории, в случае решения возобновить ее выдачу.

Однако ограничиться суммой в 2 млн. руб. ежегодно будет невозможно: опыт прежних лет показал, что двух-трех офицеров-инструкторов, командируемых из России, недостаточно; необходимо иметь, по крайней мере, по 5 офицеров и по 8—10 сверхсрочных унтер-офицеров на каждую дивизию, что составит 30 офицеров и 50—60 унтер-офицеров, а это в свою очередь вызовет новый ежегодный расход в сумме до 500 тыс. руб. Столь крупная сумма на содержание этих чинов объясняется тем, что инструктора должны быть обстановлены отлично, дабы одним своим независимым положением они могли внедрять русское влияние в массы черногорского народа. Кроме того, надо иметь в виду, что сложная и тяжелая работа инструкторов не может быть плохо оплачиваема.

Переходя к рассмотрению снабжения черногорской армии материальной частью, генерал-квартирмейстер генерального штаба указал, что в настоящее время в королевской армии не имеется в сущности ничего: все истрачено или приведено в негодность за время войны.

Подсчет одного вооружения, необходимого ныне королевской армии, составляет: 60 тыс. винтовок с 60 млн. патронов к ним, 72 пулемета с 7 200 тыс. патронов к ним, 96 горных орудий, 36 полевых орудий и по 24 полевых и тяжелых гаубиц с боевыми комплектами для всех них, на общую сумму не менее 15 млн. руб. Если же к перечисленному добавить необходимые для армии снаряжение, средства связи, прожектора и прочее, то стоимость подлежащих к единовременному отпуску предметов и материалов возрастет до 18—20 млн. руб. Для поддержания же отпускаемого имущества в должном порядке и для пополнения боевых комплектов, расходуемых на обучение армии, потребуется ежегодный отпуск различных предметов и материалов примерно на 2 млн. руб.

Таким образом, в случае решения возобновить оказание военной помощи Черногории, необходимо будет принять на счет русской казны следующие расходы: единовременно—на отпуск необходимых для черногорской армии военных предметов и материалов в сумме до 20 млн. руб. и ежегодный: а) на содержание собственно армии—2 млн. руб.; б) на содержание инструкторов—500 тыс. руб. и в) на поддержание в исправности вооружения, снаряжения и на пополнение боевых комплектов—2 млн. руб., а всего около 4 500 000 руб. ежегодно.

В деле реорганизации черногорской армии немалое значение имеет вопрос о возобновлении деятельности кадетского корпуса.

За время войны лучшие черногорские офицеры выбыли из строя, и необходимо озаботиться соответствующим пополнением корпуса офицеров черногорской армии. На первый взгляд казалось бы возможным, не открывая вновь кадетского корпуса, ограничиться обучением черногорской молодежи в русских корпусах и военных училищах. Но склад жизни черногорской армии настолько различен от русской жизни, что подготовленные в России офицеры, привыкнув к известной изнеженности, будут с трудом переносить жизнь в Черногории, где офицеры неизмеримо хуже обставлены, чем в России; поэтому воссоздание кадетского корпуса является необходимым, причем желательно, чтобы корпус представлял собою не средне-учебное заведение, а имел бы также специальные классы для окончательной подготовки в них офицеров, без посылки черногорских кадет в русские юнкерские или военные училища (не считая, конечно, специальных).

Выслушав вышеизложенный доклад генерал-квартирмейстера генерального штаба, совещание приступило к его обсуждению.

Начальник генерального штаба указал прежде всего, что, по имеющимся сведениям, король Николай находит неправильным прекращение Россией в 1912 г. выдачи военной субсидии на том основании, что он своевременно якобы предупредил Россию о предстоящем объявлении им войны Турции, и считает себя вправе потребовать продолжения выдачи названной субсидии.

Рассматривая же вопрос о желательности или нежелательности возобновления военной помощи Черногории, начальник генерального штаба высказал, что король Николай [1] в нежелательную войну,

[1] будучи человеком неуравновешенным и увлекающимся, считающим, что он со своей черногорской армией „свалил" Турцию, может в будущем, после реорганизации армии, предпринять без ведома России агрессивные действия против Австрии с целью привести в исполнение свою заветную мечту—„свалить Австрию подобно Турции" и тем вовлечь Россию [Отнесено в примечание в подлиннике].

которая неминуемо вспыхнет, если черногорская армия потерпит поражение, так как русское общественное мнение побудит правительство выступить на защиту единокровных славян.

Таким образом создание сильной черногорской армии может оказаться невыгодным для России.

Обращаясь к вопросу о размере субсидии, начальник генерального штаба высказал, что ограничиться выдачей лишь части суммы, потребной черногорскому правительству на воссоздание и содержание армии, возложив на названное правительство уплату остальной части, невозможно, так как это даст право королю и правительству вмешиваться в дела армии; недопустимость такого вмешательства ясно выразилась по опыту минувших лет. Кроме того, рассчитывать, что Черногория будет доплачивать потребную на содержание армии сумму,—трудно. Королевство не имеет на это средств. Следовательно, в случае решения возобновить выдачу Черногории военной субсидии потребуется определить ее размер в гораздо большем размере чем 600 тыс. руб. На успешное проведение этого мероприятия через Государственную думу рассчитывать почти невозможно: если 3-я Государственная дума с трудом ассигновала ежегодный отпуск в 600 тыс. руб., то ныне нет никакого основания ожидать ассигнования Государственной думой ежегодного отпуска в $4^1/_2$ млн. руб.

Товарищ министра иностранных дел высказал мнение, что король Николай уже имел случай убедиться по примеру 1912—1913 гг., что вовлечь Россию в войну не столь легко, и что, следовательно, он рискует, самостоятельно выступая против Австрии, быть уничтоженным последней. Поэтому можно предполагать, что он не рискнет на столь опасный шаг без ведома России.

Далее товарищ министра иностранных дел указал на остроту вопроса о предстоящей возможности слияния Черногории с Сербией, почему для последней было бы весьма желательно принять участие в деле обучения черногорской армии посредством командирования в королевство своих офицеров и унтер-офицеров в качестве младших инструкторов. На это однако пока трудно рассчитывать: не народ, симпатизирующий Сербии, а король Николай, вероятно, будет против сербской помощи, да, кроме того, надо полагать, что этому воспротивится и Австрия. Однако в будущем такая помощь со стороны Сербии возможна, и тогда естественно несколько сократится размер русской субсидии. Другое сокращение может последовать, если отнести ежегодные расходы по содержанию в исправности материальной части армии на счет черногор-

ской казны. Наконец, отпуская единовременно потребные для армии военные предметы и материалы, можно считать их отпущенными не бесплатно, а заимообразно.

Возражая товарищу министра иностранных дел, начальник генерального штаба высказал, что скорее король обратится за помощью к Австрии, чем к Сербии, слияние с которой для него столь нежелательно; что же касается единовременного отпуска необходимых для черногорской армии предметов и материалов заимообразно, а не бесплатно, то это даст королю и правительству лишнее основание вмешиваться в дела черногорской армии.

Генерал-квартирмейстер генерального штаба высказался за нежелательность участия Сербии в оказании военной помощи Черногории. Такое участие может возбудить короля против России, высказывающей при этих условиях свое покровительство делу возможного слияния Черногории с Сербией, и тем обратить его взоры в другую сторону—в сторону Австрии.

В вопросе об отнесении расходов по содержанию в исправности материальной части, генерал-квартирмейстер генерального штаба высказался за нежелательность производства этих расходов из черногорской казны: не будучи в состоянии тратить на это ежегодно около 2 млн. руб., черногорцы не будут в должной мере обучать свою армию ни стрельбе, ни маневрированию, и армия останется впредь такой же необученной, как и ранее.

Начальник Ближне-восточного отдела министерства иностранных дел, предлагая меры к уменьшению размера военной субсидии, высказал желательность отнесения на черногорский счет расходов, связанных с необходимостью содержания постоянных гарнизонов во вновь занятых областях.

Выясняя политическую точку зрения на вопрос возобновления субсидии, действительный статский советник князь Трубецкой указал, что военное соглашение, предоставляя в распоряжение черногорского правительства технические средства для усовершенствования армии, с своей стороны, предъявит к названному правительству требование принять на себя ряд политических обязательств. Присоединяясь к мнению начальника генерального штаба о нежелательности для нас сильной черногорской армии, действительный статский советник князь Трубецкой заявил, что, по его мнению, сила черногорской армии должна быть такова, чтобы армия эта, будучи в состоянии оказать существенную пользу Сербии в нужную минуту, сама по себе была бессильна для предприятия каких-либо самостоятельных выступлений.

№ 166. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 166. 3 февраля/21 января 1914 г.

Японское правительство осведомилось о нашем взгляде на сделанное ему английским правительством предложение, чтобы английская, французская и германская группы консорциума, имеющие контракт с Китаем о займе на монетную реформу, обратились к китайскому правительству с предложением официально заявить о включении сказанного займа в реорганизационный, причем вышепоименованные группы сохранили бы за собой права, вытекающие из контракта займа на монетную реформу, впредь до заключения с Китаем соглашения о реализации второго выпуска реорганизационного займа.

Мы ответили [1], что, считая предположенное выступление трех групп полезным, мы находим осторожным, отвечая в этом смысле английскому правительству, напомнить ему, что Россия и Япония опротестовали некоторые статьи контракта займа на монетную реформу, не согласные с специальными правами этих двух держав в Манчжурии, дабы одобрение английского предложения не было толкуемо как отказ русского и японского правительства от сказанного протеста [2].

[Сазонов.]

№ 167. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 5 [3] 3 февраля/21 января 1914 г.

Цабернский инцидент, столь сильно взволновавший в конце ноября минувшего года общественное мнение Германии и подавший 21 ноября/4 декабря минувшего года повод к небывалому в истории германского парламента выражению почти всеми партиями рейхстага неудовольствия заявлениями рейхсканцлера, на днях закончился совершенно бесцветными прениями рейхстага в

---

[1] Пам. запиской на имя японского посольства в Петербурге от 3 февраля/21 января 1914 г.

[2] В ответной тел. от 5 февр./23 янв. 1914 г. за № 27 Крупенский высказывался против возбуждения вопроса о включении займа на монетную реформу в реорганизационный и сообщал, что, по мнению японского посланника в Пекине, согласие России и Японии на предложение англ. прав-ва должно быть обусловлено „обязательством со стороны трех групп выпустить из контракта все, что касается до Манчжурии, [и] в случае неуспеха переговоров о реорганизационном займе и возвращения к одному только займу на монетную реформу привлечь к участию в последнем также японскую и русскую группы“.

[3] Лит. копия.

заседаниях от 10/23 и 11/24 января. Своим пренебрежительным отношением к выражению „недоверия“ германского народного представительства рейхсканцлер Бетман-Гольвег оказался на высоте положения, рейхстаг стушевался—за исключением социалистов и прогрессистов, все партии пошли на-попятную, и военная партия Пруссии одержала полную победу, а наместник Эльзас-Лотарингии граф Ведель, олицетворяющий гражданскую власть в Эльзас-Лотарингии, подал со всеми своими помощниками в отставку.

Когда рейхсканцлер в наделавших столь много шуму заседаниях от 20 и 21 ноября м. г. (3 и 4 декабря н. ст.) просил не волноваться, а выждать расследования и решения суда, рейхстаг осмеял Бетмана-Гольвега,—ныне же по опубликовании оправдательного приговора над полковником ф. Рейтером и подпоручиком Ферстнером, самый цабернский инцидент отступил на задний план, и в последних заседаниях рейхстага только и шла речь о военно-правовых вопросах и о том, имеют ли еще законную силу приказ короля Пруссии от 1820 года и инструкция военным властям от 1899 года, изданная на основании этого приказа.

Когда стали известными оправдательный приговор военного суда в Страсбурге и мотивы к оному, германское общественное мнение опять заволновалось, но уже по совершенно другим причинам. Суд оправдал полковника фон Рейтера, приняв во внимание, что Рейтер действовал в Цаберне на основании приказа военного кабинета от 1820 года и инструкции к нему от 1899 года, и что он, Рейтер, как военный, не мог входить в рассмотрение спорного вопроса, действительны ли этот приказ и инструкция, а обязан был, не рассуждая, лишь руководствоваться ими. Эта постановка вопроса отклонила общественное мнение от самого цабернского инцидента и направила его в другую военно-правовую сторону, и, повидимому, довольно удачно, так как даже и социалисты внесли запрос рейхсканцлеру о том, что он намерен предпринять на будущее время для охраны конституции и правового порядка от противузаконных поступков военных властей, обнаружившихся при разбирательстве дела по поводу цабернских событий. Приблизительно такого же содержания, но в более мягкой форме, был запрос прогрессистов. Эти запросы рейхсканцлеру обсуждались в рейхстаге 10/23 сего января. Прения прошли весьма спокойно, и возбуждение появилось лишь в тот момент, когда социалист, обосновавший социалистический запрос, резко заговорил о кронпринце. Рейхсканцлер ответил на этот выпад довольно резко и, сильно взволнованный, заявил, при шумных одобрениях правых, что в выпаде социалистов „обна-

ружилась воочию вся ненависть последних ко всякому солдатскому духу“ (gegen jeden soldatischen Geist). Прения продолжались целых девять часов и показали, что всем партиям, за исключением социалистов, наскучил цабернский инцидент, и когда рейхсканцлер, отвечая оратору-прогрессисту, заявил, что пора прекратить дальнейшие растравливания раны и дать ей зажить, то его слова были встречены одобрением, в противоположность прениям от [4 декабря] 21 ноября пр. г.

На этот раз дело закончилось без всяких направленных против правительства резолюций.

11/24 января в рейхстаге разбирались в связи с цабернским делом предложения, внесенные прогрессистами, национал-либералами, социалистами, эльзасцами и поляками и направленные к урегулированию вопроса о праве военных властей прибегать к оружию и к отмене военного суда. При обсуждении этих предложений представители правительства отсутствовали, и обсуждение окончилось в один час.

Весь цабернский инцидент и то, как он разрешился, показывают, до какой степени еще сильна в Германии военная партия, и до чего еще здесь господствует военный дух. Не даром орган социалистов обвиняет не правительство, а немецкую буржуазию (Bürgertum) в слабодушии и непоследовательности, находя, что именно она, эта буржуазия, в данном вопросе потерпела полное поражение. Как выше сказано, наместник Эльзас-Лотарингии граф Ведель подал в отставку, но решение императора пока еще не последовало. Существует однако же предположение, что он покинет свой пост лишь позднее, когда новый состав чиновников уже освоится со своим положением и делами.

Полковник Рейтер и подпоручик Ферстнер в конце концов переведены в другие гарнизоны, и перевод этот, хотя и весьма поздний, в значительной степени способствовал общему успокоению.

Цабернский инцидент в первой своей стадии, казалось, значительно пошатнул положение рейхсканцлера. Теперь же, говорят, оно опять утвердилось, хотя, по мнению лиц, знакомых с внутренней жизнью Германии, Бетман-Гольвег едва ли еще долго останется канцлером, так как консерваторы уже давно им недовольны, считая его недостаточно энергичным и слишком уступчивым по отношению к либеральным веяниям времени. Имя его называется среди кандидатов, могущих будто бы получить наследие графа Веделя в Эльзас-Лотарингии.

Примите и пр. Сербеев.

№ 168. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 17. 3 февраля/21 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 7 [1].

Румынский министр иностранных дел только-что сообщил мне, что, по его сведениям, переговоры между болгарами и турками в Константинополе пока не привели ни к каким положительным результатам. На поставленный мною вопрос о том, как в случае конфликта между Турциею и Грециею отнеслась бы Румыния к допущению Болгариею прохода турецких войск чрез болгарскую территорию, министр ответил уклончиво, что главною задачею румынского правительства является сохранение в неприкосновенности Бухарестского трактата; что же касается других могущих возникнуть на Балканах осложнений, то, прежде чем предопределить свое отношение к ним, Румыния желала бы знать соответственные взгляды и намерения великих держав и в частности России.

Арсеньев.

№ 169. Памятная записка французского посольства в Петербурге министру иностранных дел [2].

4 февраля/22 января 1914 г.

Le projet d'entente entre un groupe français et un groupe autrichien pour la transformation de la compagnie des chemins de fer Orientaux, d'accord avec la Serbie et avec la Grèce, présentent pour le réglement des difficultés dans les Balcans une importance considérable et pour la solution pacifique des désaccords entre l'Autriche et la Serbie un intérêt que ce dernier pays ne devrait pas perdre de vue. Car le gouvernement serbe n'obtiendra jamais le consentement de l'Autriche au rachat des chemins de fer et en cas d'échec du projet d'entente, il court le grand risque de se retrouver face à face avec l'Autriche hostile et intransigeante.

---

[1] „№ 7", повидимому, ошибка. Имеется в виду тел. Демидова от 31/18 янв. 1914 г. за № 17, в которой, со слов Стрейта, сообщалось, что между Болгарией и Турцией „усиленно ведутся переговоры... о новом переделе Македонии и Фракии", и что „переговоры эти по необходимости вызывают более живой обмен взглядов между Афинами и Бухарестом". Стрейт, по сообщению Демидова, выразил уверенность в том, что в случае возникновения „какого-нибудь конфликта в будущем румынское правительство, естественно, не остановилось бы перед принятием таких же мер воздействия на Болгарию, как в последнюю войну". (Опубл. Stieve, IV, S. 43, № 1253).

[2] Лит. копия.

Or, l'Italie et l'Allemagne font en ce moment des efforts pour faire échouer ce projet: l'Allemagne—parce qu'elle désire obtenir du groupe autrichien la cession des lignes restées sur territoire turc; et l'Italie—parce qu'elle réclame une participation et une représentation dans les futures sociétés serbe et grecque. L'Italie invoque à tort un accord privé conclu entre le groupe d'Italie, la Banque Russo-Asiatique et la Société Commerciale d'Orient, car cet accord vise spécialement le Danube-Adriatique, et cette ligne n'a aucun rapport avec le réseau des chemins de fer Orientaux, n'ayant ni le même point de départ, ni le même point d'arrivée.

Il importe que le gouvernement serbe ne se laisse point influencer par les tentatives qui viendraient de Rome ou de Berlin et s'en tienne au projet d'entente qui a été élaboré à Vienne. Il est à craindre que si ce projet était abandonné, une nouvelle période de tension s'ensuivrait dans les rapports entre la Serbie et l'Autriche, ce qui n'est désirable à aucun point de vue, et le gouvernement russe tiendra sans doute à encourager le gouvernement serbe à persévérer dans la voie de sagesse où il s'est engagé.

Перевод.

Проект соглашения между французской и австрийской группами относительно преобразования с согласия Сербии и Греции компании Восточных железных дорог имеет большое значение для улажения затруднений на Балканах, а для дела мирного разрешения разногласий между Австрией и Сербией представляет такой интерес, который эта последняя страна не должна была бы терять из виду. Ибо сербское правительство никогда не получит согласия Австрии на выкуп железных дорог, а в случае провала проекта соглашения, оно подвергается большому риску оказаться снова лицом к лицу с враждебной и неуступчивой Австрией.

Между тем Италия и Германия прилагают в данный момент усилия к тому, чтобы провалить этот проект: Германия—желая добиться от австрийской группы уступки линий, оставшихся на турецкой территории; Италия—претендуя на участие и представительство в будущих сербском и греческом обществах. Италия неосновательно ссылается на частное соглашение, заключенное между итальянской группой, Русско-азиатским банком и Восточным торговым обществом, ибо это соглашение относится специально к Дунайско-Адриатической линии, а эта линия не имеет ничего общего с сетью Восточных железных дорог, так как не имеет с ними ни общей исходной, ни общей конечной точки.

Важно, чтобы сербское правительство не поддалось идущим из Рима или Берлина попыткам оказать на него влияние и осталось при проекте соглашения, выработанном в Вене. Нужно опасаться, что если этот проект будет оставлен, наступит новый период обострения в отношениях между Сербией и Австрией, что ни с какой точки зрения нежелательно, и русское правительство, несомненно, признает нужным поощрить сербское правительство в его намерении остаться на пути благоразумия, на который оно вступило.

№ 170. Памятная записка австро-венгерского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1].

4 февраля /22 января 1914 г.

L'ambassade impériale de Russie ayant communiqué au Cabinet de Vienne que le gouvernement impérial demandait à être représenté comme les autres grandes Puissances au conseil administratif de la Dette Publique Ottomane et que ce ne serait que dans le cas de l'acceptation de cette demande qu'il donnerait son consentement à l'augmentation de 4% des droits de douane en Turquie, le gouvernement impérial et royal n'hésite pas à déclarer qu'il est prêt à recommander au syndicat austro-hongrois des porteurs de la Dette Ottomane à donner leur consentement à un changement éventuel du décret Mouharrem et visant la participation d'un délégué du syndicat des créanciers russes au conseil administratif de la Dette Ottomane sous les conditions suivantes:

1) La Russie reconnaîtrait en principe la légalité de la concession relative à la constitution d'une Banque Nationale Albanaise, accordée par le gouvernement provisoire albanais aux groupes des banques austro-hongroises et italiennes.

Quant au service de l'emprunt albanais qui forme actuellement le sujet des pourparlers, la Russie reconnaîtrait à cette même Banque Nationale Albanaise le droit à la perception des revenus de l'Etat albanais affectés au payement dudit emprunt; de même le service des coupons payables aux créanciers étrangers, serait effectué par l'intermédiaire de la Banque Nationale Albanaise; la perception des revenus en question ainsi que le payement des coupons par la banque devraient néanmoins être surveillés par la Commission de contrôle internationale.

Les dispositions relatives à l'émission de l'emprunt garanti resteraient par contre entièrement reservées aux Puissances garantes.

Le gouvernement impérial et royal est d'avis que ces désirs qui du reste ont déjà été communiqués au gouvernement impérial russe [2] à l'occasion de l'échange de vue qui a eu lieu entre les deux gouvernements dans la question de la garantie de l'emprunt albanais, sont parfaitement conciliables avec le point de vue adopté par le gouvernement impérial dans la question de l'emprunt [3].

---

[1] Публикуемая памятная записка представляет собою ответ на представление росс. прав-ва по поводу введения росс. делегата в Совет упр. оттоманского публичного долга (см. стр. 8, прим. 1).

[2] Пам. запиской австро-венг. пос-ва в Петербурге от 27/14 января 1914 г. (см. № 131 и прим.).

[3] В ответной пам. зап. от 5 февр. /23 янв. 1914 г. м-во ин. дел сообщало, что, поскольку между вопросом о введении русск. делегата в Совет оттоманского долга

2) Le gouvernement impérial tiendrait compte des désirs émis par le gouvernement impérial allemand et notifiés au Cabinet de St.-Pétersbourg [1], le syndicat des créanciers allemands faisant dépendre son consentement à la proposition russe de l'acceptation de ces demandes.

Le syndicat allemand sollicite le droit de nommer, conformément à la participation effective du capital allemand à la dette publique ottomane (chemin de fer Bagdad) un deuxième représentant au conseil administratif et à participer alternativement à la présidence de ce conseil avec les représentants des syndicats anglais et français. Le syndicat allemand demande en outre qu'avant que l'état actuel des choses soit changé, les questions financières qui ont surgi à la suite des guerres balcaniques, et tout particulièrement celle de la participation des Etats balcaniques à la dette ottomane, soient définitivement réglées, en tenant compte des intérêts allemands.

Перевод.

Так как российское императорское посольство сообщило венскому кабинету, что императорское правительство желает быть представленным, как другие великие державы, в административном Совете оттоманского государственного долга и что только в случае принятия этого пожелания оно даст свое согласие на 4%-е увеличение таможенных ставок в Турции, императорское и королевское правительство не колеблется заявить, что оно готово рекомендовать австро-венгерскому синдикату держателей Оттоманского долга согласиться на возможное изменение мухарремского декрета с тем, чтобы допустить к участию в административном Совете оттоманского долга делегата синдиката русских кредиторов на следующих условиях:

1) Чтобы Россия признала в принципе законность концессии на учреждение Албанского национального банка, предоставленной временным албанским правительством австро-венгерским и итальянским банковским группам.

Чтобы Россия признала за этим национальным Албанским банком право взимания государственных доходов Албании, предназначенных на уплату по албанскому займу, являющемуся в настоящее время предметом переговоров; равным образом, чтобы через посредство Албанского национального банка осуществлялась оплата купонов, предъявляемых иностранными кредиторами; сбор доходов, о которых идет речь, равно как и оплата купонов банком должны однако находиться под наблюдением международной контрольной комиссии.

и вопросом об организации Албанского банка не существует прямой связи, оно не считает возможным обсуждать предложение австр. прав-ва в этой плоскости. Вместе с тем м-во ин. дел сообщало, что росс., англ. и франц. прав-ва обсуждают вопрос об албанском займе и австро-итальянский проект Албанского банка.

[1] См. № 103.

Что касается распоряжений относительно эмиссии гарантированного займа, они, наоборот, должны быть всецело предоставлены гарантирующим его державам.

Императорское и королевское правительство полагает, что эти пожелания, которые впрочем уже были сообщены российскому императорскому правительству во время обмена мнений между обоими правительствами по вопросу о гарантии албанского займа, могут быть вполне согласованы с точкой зрения, принятой императорским правительством в вопросе о займе.

2) Чтобы императорское правительство приняло во внимание пожелания, выраженные германским императорским правительством и сообщенные нотой петербургскому кабинету, так как синдикат германских кредиторов свое согласие на русское предложение ставит в зависимость от принятия этих пожеланий.

Германский синдикат, в соответствии с действительным участием германского капитала в оттоманском государственном долге (Багдадская железная дорога), добивается назначения второго представителя в административный Совет и предоставления ему права участия в поочередном председательствовании в этом Совете наряду с представителями английского и французского синдикатов. Кроме того, германский синдикат требует, чтобы, ранее изменения настоящего положения вещей, были окончательно разрешены с учетом германских интересов финансовые вопросы, которые возникли вследствие балканских войн, и в особенности вопрос об участии балканских государств в оттоманском долге.

№ 171. Английский посол в Петербурге Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам Грею.

Телеграмма № 38 [1]. 4 февраля /22 января 1914 г.

In reply to a question which I addressed to him to-day, Mr. Sazonow told Greece and Servia had cocluded an alliance for maintaining status quo on Balkans, and had also come to an understanding with Roumania on which latter would proceed, should Bulgaria try to injure treaty of Bucarest.

Though this alliance was directed mainly against Bulgaria, he learned Servia is to assist Greece should latter be attacked by Turkey [2].

Перевод.

В ответ на заданный ему мною сегодня вопрос г. Сазонов сказал, что Греция и Сербия заключили союз для поддержания status quo на Балканах и вошли

[1] Телеграмма, расшифрованная в росс. м-ве ин. дел.

[2] В тел. от 3 февр./21 янв. 1914 г. за № 21 Демидов сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, король Константин просил сербск. посланника передать его прав-ву предложение о распространении греко-сербского союзного договора на случай осложнений с Турцией.

также в соглашение с Румынией, по которому последняя выступит, если Болгария попытается нарушить Бухарский договор.

Хотя этот союз направлен главным образом против Болгарии, Сербия, как ему известно, окажет помощь Греции, если последняя подвергнется нападению со стороны Турции.

№ 172. Председатель совета министров Греции греческому королю.

·/. Телеграмма [1]. 4 февраля/22 января 1914 г.

J'ai eu une audience de l'empereur mardi. Sa majesté a parlé de la Grèce avec la sympathie la plus vive.

Il a ajouté qu'il considère le traité de paix de Bucarest comme un instrument d'équilibre dans les Balcans qui doit être maintenu de toute manière.

Me parlant d'une ancienne entrevue avec le général Radko Dimitriew, sa majesté m'a dit qu'il n'a pas manqué de déclarer au général bulgare, même avant la guerre, que la justice impose que Salonique appartienne à la Grèce, et que la Russie ne tolérera pas que celle-ci en soit privée.

J'ai développé à sa majesté notre point de vue sur l'établissement de rapports plus intimes aves la Bulgarie, basés sur des accords ... et formulés clairement, et sa majesté a accédé dans ce sens en approuvant sans réserve une politique tendant vers ce but.

Sa majesté m'a ensuite gracieusement chargé d'assurer votre majesté qu'elle avait en sa personne un ami puissant et sûr sur lequel elle pouvait compter en toutes circonstances.

J'ai exprimé ma reconnaissance à l'empereur pour ses sentiments bienveillants et amicaux envers la Grèce.

Heureux de transmettre à votre majesté ces paroles importantes je me permets d'indiquer respectueusement qu'il serait bon que votre majesté y réponde directement ou en invitant notre chargé d'affaires à Pétersbourg de demander une audience pour remercier sa majesté pour ses précieuses paroles qui étaient empreintes de la plus sincère sympathie.

Перевод.

Во вторник я имел аудиенцию у императора. Его величество говорил о Греции с живейшей симпатией.

---

[1] Телеграмма, расшифрованная в росс. м-ве ин. дел; номер отсутствует.

Он добавил, что, по его мнению, Бухарестский мирный договор служит средством к поддержанию равновесия на Балканах, которое следует всячески охранять.

Говоря о давнишней беседе с генералом Радко Димитриевым, его величество сказал мне, что еще до войны он не преминул заявить болгарскому генералу, что по справедливости Салоники должны принадлежать Греции, и что Россия не примирится с тем, чтобы Греция была их лишена.

Я изложил его величеству нашу точку зрения на установление более интимных отношений с Болгарией, основанных на соглашениях... и ясно формулированных, и его величество согласился с этим, всецело одобрив политику, направленную к этой цели.

Затем его величество милостиво поручил мне заверить ваше величество, что вы имеете в его лице могущественного и верного друга, на которого вы можете рассчитывать при всяких обстоятельствах.

Я выразил императору свою признательность за его благосклонные и дружеские чувства по отношению к Греции.

Будучи счастлив передать вашему величеству эти важные заявления, позволяю себе почтительно указать, что было бы хорошо, если бы ваше величество ответили на них непосредственно или предложили нашему поверенному в делах в Петербурге испросить аудиенцию, дабы благодарить его величество за его драгоценные слова, проникнутые искреннейшей симпатией.

№ 173. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 28 [1]. 4 февраля/22 января 1914 г.

Копия в Лондон.

Сегодня на дипломатическом приеме австрийский посол и итальянский поверенный в делах [2] передали Думергу не вполне тождественные по форме, но сходные по содержанию ноты, в которых, „по соглашению между венским и римским кабинетами“ [3], предлагается сделать от имени шести держав Греции сообщение, в котором: 1) была бы упомянута граница Эпира, установленная во Флоренции [4], и 2) был бы назначен срок для постепенной эвакуации Эпира, которая должна начаться 1 марта и вполне закончиться 31 марта. В сказанных нотах вовсе не упоминается об островах и о сообщении Турции решения держав по этому вопросу. Думерг заметил графу Сечени и князю Русполи [5], что до сих пор державы считали оба вопроса—об эвакуации Эпира и об островах—связанными, и что одновременно с сообщением Греции должно быть сде-

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 44, № 1255.

[2] У Stieve: „...die Geschäftsträger von Österreich und Italien...“.

[3] У Stieve слова „по соглашению между венским и римским кабинетами“ опущены.

[4] Международной комиссией по определению границ южной Албании.

[5] У Stieve слова „и князю Русполи“ опущены.

лано соответственное сообщение и Турции. Французским представителям в Петербурге и Лондоне[1] поручено справиться о взгляде России и Англии на австро-итальянское выступление.

Извольский.

№ 174. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 29[2]. 4 февраля/22 января 1914 г.

Копия в Лондон.

Продолжение моего № 28[3].

Я обратил внимание Думерга на необычный характер двойственного выступления Австрии и Италии, в коем не принял никакого участия германский посол, как будто нарочно не бывший сегодня на дипломатическом приеме. Думерг полагает, что это, может быть, объясняется разницею во взглядах, с одной стороны, Германии, а с другой—Австрии и Италии на вопрос об эвакуации Эпира, ибо, по сведениям от Ж. Камбона, в Берлине Венизелос и Ягов согласились, что эту эвакуацию следует произвести ныне же и разом. С другой стороны, в последнее время, по поводу вопроса об Албанском банке здесь австрийский посол энергично настаивал на преимущественных интересах Австрии и Италии в Албании, и возможно, что австро-итальянское выступление имеет целью подчеркнуть эту претензию.

Извольский.

№ 175. Посол в Берлине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 16. 4 февраля/22 января 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 134[4].

Наш морской агент того мнения, что слухи о продаже Турции „Гебена“ и „Мольтке“ не заслуживают доверия, так как эти суда слишком нужны самой Германии, как лучшие и новейшие ее броненосные крейсера. Таково же убеждение и большинства здешних морских агентов. Более подробно капитан Беренс доносит свои соображения по начальству с ближайшим отправлением.

Свербеев.

---

[1] У Stieve: „...in Petersburg und Paris...“
[2] Опубл. Stieve, IV, S. 45, № 1256.
[3] См. № 173.
[4] См. № 140.

№ 176. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 17. 4 февраля/22 января 1914 г.

Находимся в Дураццо. Под разными предлогами Эсад пытался уклониться от принятых обязательств. После продолжительных и трудных переговоров удалось заставить его согласиться выйти в отставку и передать власть комиссии. На будущей неделе он покинет Дураццо во главе депутации, отправляющейся приветствовать князя [1]. С уходом Эсада управление Албанией объединяется в руках комиссии.

Петряев.

№ 177. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 68. 4 февраля/22 января 1914 г.

Телеграфирую в Париж для Свечина.

Армянский патриархат получил от Богоса-Нубара письмо, в котором последний извещает, что испытывает затруднения в подыскании подходящих генеральных инспекторов в Армению. Ввиду этого патриархат поручил вчера Нубару срочно выехать в Гаагу, чтобы при вашем любезном содействии подыскать лиц, способных по своим служебным положениям и опыту с успехом выполнить

---

[1] Об обстоятельствах, при которых Эсад-паша согласился выйти в отставку, более подробно сообщается в депеше Петряева от 15/2 февраля 1914 г. за № 16. После своей отставки Эсад-паша, как явствует из той же депеши, во главе албанской депутации выехал на итальянском пароходе в Бари с тем, чтобы, пробыв несколько дней в Риме, отправиться в Нейвид к принцу Виду с предложением албанского трона. „То обстоятельство, — писал Петряев, — что Эсад-паша выехал на итальянском пароходе и со всей депутацией проведет несколько дней в Риме, где, вероятно, войдет в сношения с официальными лицами, вызвало большое неудовольствие австрийского делегата, тем более, что план поездки Эсада через Италию тщательно скрывался до самого последнего дня. Албанская депутация, едущая предлагать трон Албании и останавливающаяся на поклон в Риме, рассматривается здесь в качестве нового успеха Италии в албанских делах. Г. Петрович говорил мне по этому поводу с большим раздражением и очень сожалел, что никак не мог помешать этому. Насколько можно судить по ходу дел, Эсад-паша последнее время всецело перешел на сторону Италии и подчинился указаниям, даваемым из Рима. Мой итальянский коллега доверительно сообщил мне, что когда Эсад-паша стал делать затруднения в вопросе о передаче управления контрольной комиссии и упорствовать в намерении остаться в Дураццо, то он принужден был заявить ему, что в таком случае Италия отказывает ему в поддержке и предоставляет его собственной судьбе. Эта угроза заставила генерала уступить“.

возлагаемую на них ответственную задачу. Патриархат предпочитает голландцев бельгийцам, так как администрация в колониях первых никогда не вызывала тех нареканий, которыми бельгийцы запятнали себя в Конго.

Гулькевич.

№ 178. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 65. 4 февраля/22 января 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На основании ст. 2 концессии на железную дорогу Джульфа—Тавриз и ветку к Урмийскому озеру [1] персидское правительство предоставило концессионеру исключительное право на эксплоатацию месторождений каменного угля и нефти в районе 10 фарсахов (приблизительно 60 верст) по обе стороны железнодорожной линии. При этом было установлено, что каменноугольные и нефтяные месторождения, находящиеся на казенной земле, подлежат передаче концессионеру по его просьбе безвозмездно; что же касается месторождений, находящихся на частной земле, то они также могут быть эксплоатируемы концессионером по предварительному соглашению с землевладельцами.

Изложенные постановления концессии понимались представителями дороги в том смысле, что концессионеру предоставлена в указанном выше районе монополия в деле добычи каменного угля и нефти, и что поэтому без его разрешения никто не может заниматься таковой добычей ни на казенных, ни на частных землях.

Однако из поступивших ныне от главного инженера по сооружению Джульфа-Тавризской железной дороги сведений усматривается, что на месте некоторыми лицами делается попытка истолковать ст. 2 концессионного договора в смысле свободы эксплоатации каменноугольных и нефтяных месторождений на частных землях, и что на этой почве уже возникли серьезные недоразумения.

Именно, доктор Переяслав заарендовал с [14] 1 января сего года на 10 лет у Калантара в 2 пунктах (на окраине Тавриза и в Париндже) в пределах 60-верстной железнодорожной полосы угольные

---

[1] Концессией от 6 февраля/24 января 1913 г. персидское правительство предоставило Учетно-ссудному банку исключительное право на постройку и эксплоатацию ж. д. Джульфа—Тавриз с веткой к Урмийскому озеру, а также на эксплоатацию каменноугольных копей и нефтяных источников в прилегающем к ней районе. („Concession du chemin de fer Djoulfa—Tauris et de l'embranchement vers le lac d'Ourmiah“).

месторождения и приступил к их разработке. Хотя эти месторождения, ввиду незначительности слоя угля, и не представляют интереса для железной дороги, но инженер Трескинский, опасаясь создания нежелательного прецедента, заявил протест, который был поддержан местным генеральным консульством, и работы были приостановлены. Ввиду этого Переяслав вошел в переговоры с строительным управлением, которое и разрешило ему разработку на известных условиях.

Этим однако недоразумения не кончились. Когда работы на участке возле Тавриза были, по требованию инженера Трескинского, временно приостановлены, то один персидский подданный Алашкер [1], который раньше, до сдачи участка Переяславу, работал там без всякого договора, продолжал самовольную добычу угля. Местный генерал-губернатор, к которому инженер Трескинский обратился за содействием, сначала арестовал Алашкера, но затем выяснилось, что Алашкер является подставным лицом немцев— известного в Тавризе деятеля Шюнемана и учрежденной им фабрики, и, по требованию их, поддержанному германским представителем, Алашкер был освобожден. Вслед за тем [27] 14 янв. Шюнеман заявил нашему консульству, что он не признает исключительных прав Тавризской дороги, а равно и договора, заключенного Переяславом, и попрежнему будет продолжать разработку указанных месторождений Калантара как у Тавриза, так и в Париндже, не останавливаясь при этом даже перед открытым сопротивлением, если консульство прибегнет к силе или обратится за содействием к персидской полиции. Генеральное консульство решило не препятствовать деятельности Шюнемана и распорядилось только поставить людей для записывания числа выпускаемых с участка ослов с углем. На просьбу Переяслава оградить его законные права консульство, по донесению инженера Трескинского, ответило, что оно лишено возможности принять какие-либо меры в отношении германского подданного.

Насколько можно судить на основании изложенных сведений, доставленных инженером Трескинским, в данном случае имеет место нарушение германским подданным интересов как частного русского подданного доктора Переяслава, так и нашей железной дороги. Мне неизвестны мотивы, которые заставили наше генеральное консульство в Тавризе занять в данном вопросе пассивное положение, но я позволяю себе выразить надежду, что ваше превосходительство изволите отнестись к описанному выше инциденту с осо-

---

[1] Хаджи-Али-Аскер (см. № 164).

бым вниманием и, дабы не создать прецедента, который, ввиду известной враждебности к нам Шюнемана, может иметь весьма нежелательные для нашего железнодорожного предприятия в Северной Персии последствия, примете все меры к ограждению наших законных интересов.

В ожидании уведомления о последующем [1] прошу вас, милостивый государь, принять и пр.

Коковцов.

№ 179. Министр иностранных дел послу в Токио.

Телеграмма № 183 [2]. 5 февраля/23 января 1914 г.

Сообщается посланнику в Пекине (за № 2).

Телеграмма № 8 [3] получена.

Во внимание к высказанным японским правительством соображениям, не желая нарушать нашего согласного образа действий в Китае, мы решили задержать наш отряд в Ханькоу. Однако продолжительное его там пребывание не оправдывалось бы, по нашему мнению, обстоятельствами, и мы не оставляем намерения вывести его из Ханькоу, как только в долине Янтсекианга будет заметно прочное успокоение. Мы надеемся, что японское правительство усмотрит в нашем образе действий доказательство нашей солидарности с ним в китайских делах.

В вышеизложенном смысле благоволите высказаться перед министром иностранных дел.

[Сазонов.]

№ 180. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Письмо № 61 [4]. 5 февраля/23 января 1914 г.

Весьма секретно.

М. г. Николай Александрович,

В главном управлении генерального штаба состоялось, при участии представителей министерства иностранных дел, особое совещание по вопросу о продолжении выплачивавшейся нами Черногории военной субсидии [5].

---

[1] В ответном письме от 26/13 февр. 1914 г. за № 121 Сазонов уведомлял управл. м-вом финансов Барка о принятых Коростовцом по предписанию м-ва ин. дел мерах к ограждению интересов Дж.-Тавр. ж. д. (см. № 164). Вместе с тем Сазонов сообщал о намечающемся между Шюнеманом и Переяславом компромиссе.

[2] Лит. копия.

[3] См. стр. 132, прим. 3.

[4] Черновик рукою Трубецкого.

[5] См. № 165.

Согласно сообщенному на означенном совещании расчету военного ведомства, представлялось бы необходимым образовать в Черногории шесть дивизий, равняющиеся 18 бригадам, общею численностью 60 тыс. человек. Потребный для этой цели постоянный расход выразился бы в 2 млн. руб. на содержание войска, 2 млн. руб. на снабжение и 500 тыс. руб. ежегодно на вознаграждение русских инструкторов в количестве 30 офицеров и 60 унтер-офицеров, итого $2^1/_2$ млн. руб. в год [1].

Помимо сего, создание соответствующей таковой численности черногорской армии артиллерии и снабжение военными материалами потребовало бы единовременной затраты 15 млн. руб.

Предвидя однако невозможность получения согласия наших законодательных учреждений на ассигнование столь значительных денежных средств, представители военного ведомства высказали сомнение в целесообразности вообще оказания нами Черногории военной поддержки.

В ответ на вышеизложенное было указано, с одной стороны, на то обстоятельство, что едва ли возможно, при нынешнем населении Черногории, исчислять количество пригодных для службы в войсках людей столь высокой цифрой, как 60 тыс. человек, ибо нельзя будет принимать в расчет албанцев; с другой стороны, поставлен был вопрос, не вынудит ли Черногорию отказ в нашей помощи обратиться к другой державе.

Далее было отмечено, что предположенная военным ведомством новая организация черногорской армии выработана на основании местных данных и пожеланий самой Черногории. Между тем, с точки зрения русских интересов вовсе не представляется нужным создавать из этой армии самостоятельную боевую силу, но является, наоборот, желательным поставить ее в возможно тесную связь с сербской армией, совместно с которой она только и способна была бы к сколько-нибудь значительным военным операциям. Такая постановка вопроса позволила бы, конечно, значительно ограничить размеры нашей денежной помощи Черногории и продолжать таковую в тех же приблизительно размерах, в которых она оказывалась до сей поры.

В указанном смысле ныне и будет переработан военным ведомством проект организации военных сил Черногории.

Между тем пребывающий в С.-Петербурге сербский министр-президент г. Пашич высказывал, что сербы стремились бы к уча-

---

[1] Так подведен итог в подлиннике.

стию в организации военного дела в соседнем единоплеменном государстве путем замещения низших инструкторских должностей своими офицерами, под высшим командованием наших военных. Г. Пашичу было замечено однако, что король Николай мог бы воспользоваться этой комбинацией с целью вызвать недоразумения и враждебность между русскими и сербскими офицерами.

Сербский министр высказал также мысль, что мы могли бы заявить черногорскому прав-ву о продолжении нашей военной субсидии при условии приглашения им сербских офицеров-инструкторов.

С нашей точки зрения, привлечение одних сербских офицеров к инструкторской деятельности в Черногории являлось бы, конечно, весьма удобным разрешением вопроса, ибо оно позволило бы нам ограничить свою помощь строго определенной денежной субсидией, способствуя, с другой стороны, дальнейшему сближению между обеими соседними славянскими странами.

Нельзя однако скрывать от себя, что король Николай склонен будет усмотреть в этом стремление с нашей стороны содействовать ускорению слияния Черногории с Сербией, и что таковое подозрение может легко побудить его обратиться за поддержкой к Австро-Венгрии.

Доводя о сем до вашего сведения, имею честь покорнейше просить вас сообщить мне соображения ваши по вопросам, изложенным в настоящем письме в возможно скором времени [1].

Примите и пр.

[Сазонов.]

---

[1] В ответной депеше от 23/10 февраля за № 5 Обнорский сообщал следующее: расчеты военного ведомства преувеличены; черногорское прав-во предполагает сформировать 6 дивизий; контингент мирного времени увеличивается вдвое — до 6 тыс. человек; в случае войны может быть развернута армия от 50 до 60 тыс. человек, „пополняемая из народной милиции"; цифра эта практически вполне возможна; в мирное время приходится содержать лишь 6-тысячный постоянный кадр; военный бюджет исчислен, как минимум в $7^1/_2$, как максимум в $9^1/_2$ млн. крон, из коих 2 млн. крон черногорское прав-во берет на себя, что „вполне осуществимо", так как гос. доходы исчислены на текущий год в $9^1/_2$ млн. крон; росс. помощь должна, таким образом, равняться не $4^1/_2$ млн. руб., а лишь $5^1/_2$ млн. крон, т. е. „2 с небольшим милл. рублей" и 300 тыс. руб. на содержание русских инструкторов. Допущение в черногорскую армию сербских инструкторов, по мнению Обнорского, „является совершенно, при нынешней политической обстановке, невозможным, ибо, помимо энергичного противодействия со стороны черногорского королевского дома, который имел бы при таких условиях основание опасаться за самое свое политическое существование, допущение в черногорскую армию сербов вы-

№ 181. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 24. 5 февраля/23 января 1914 г.

J'ai dit à Grey qu'il devait connaître par les rapports de Buchanan l'impression faite sur le gouvernement impérial par memorandum anglais [1] au sujet du chemin de fer Transpersan. Je dis que j'étais chargé par une lettre [2] de lui répéter ce que vous avez dit à l'ambassadeur d'Angleterre et d'éclaircir en même temps quelques points et que je croyais bien faire en résumant le tout dans un mémoire que je lui remis. Je dis que je regrettais que nous nous heurtions encore et surtout à question du tracé dans le midi. Il dit qu'en effet c'était le point qui causait la plus grande difficulté, l'opposition contre un point à l'est de Bender-Abbas étant générale. Il me demanda avant de continuer l'entretien de prendre à loisir connaissanse du mémoire que je lui remis.

Benckendorff.

Перевод.

Я сказал Грею, что по донесениям Бьюкенена он должен был бы знать о впечатлении, произведенном на императорское правительство английским меморандумом по вопросу о Трансперсидской ж. д. Я сказал, что мне поручено в письме повторить ему то, что вы сказали английскому послу, и разъяснить вместе с тем некоторые пункты и что мне показалось удобным резюмировать все это в меморандуме, который я ему вручил. Я сказал, что сожалею, что мы продолжаем пререкаться друг с другом и особенно по вопросу о направлении южной части дороги. Он сказал, что, действительно, именно этот вопрос создает наибольшее затруднение, так как пункт к востоку от Бендер-Аббаса вызывает всеобщие возражения. Он просил меня, прежде чем продолжать разговор, дать ему время ознакомиться на досуге с меморандумом, который я ему вручил.

Бенкендорф.

звало бы крайнее замешательство в соседней Австрии, не могущей без серьезной борьбы допустить Сербское королевство к неизбежному в таком случае руководительству судьбами Черногории". По мнению Обнорского, Австрия, считающаяся с тем, что „руководительству этому, весьма вероятно, суждено с течением времени наступить, ввиду слияния границ обоих сербских государств", но „желающая однако по мере возможности предотвратить наступление такого положения вещей ныне же", рассматривает присутствие русских инструкторов в черногорской армии „как наименьшее из зол". „...Наше инструкторское дело в Черногории,—писал Обнорский,—как бы диктуется нам всей политической обстановкой на месте, и, насколько я могу судить по отзывам коллег, является желательным для всех великих держав, как лучшая гарантия сохранения здесь status quo хотя бы в течение ближайших лет".

[1] Имеется в виду письмо Грея к Бьюкенену от 31/18 декабря 1913 г., переданное последним росс. м-ву ин. дел (см. № 152 и прим.).

[2] См. № 152.

№ 182. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 26. 5 февраля/23 января 1914 г.

Grey m'a parlé de la proposition de l'Italie et de l'Autriche de spécifier dans une déclaration à faire à Athènes la ligne frontière de l'Epire telle qu'elle a été arrêtée à Florence, et de fixer la période d'évacuation entre le 1 et 31 mars. Grey ne voit pas d'objection à ajouter ces points à la communication qu'il a proposée, à condition, bien entendu, que la déclaration à faire à Athènes reste liée à celle à faire à Constantinople. Je demandai à Grey dans quelle situation se trouvait, selon lui, toute la question. Il m'a répondu qu'il continuait à attendre la réponse des Puissances de la Triple Alliance à sa proposition, qu'en aucun cas il ne pouvait pour Angleterre être question de faire déclaration à Athènes seulement, que l'idée d'une pression sur Grèce n'était nullement populaire en Angleterre, que s'il en avait fait la proposition—ce n'était que pour prendre en considération les voeux de l'Autriche et de l'Italie et à condition que le même principe fut appliqué à Turquie. Que pour sa part, les deux parties de sa proposition restaient connexes et liées. Grey me dit avoir appris de Berlin que le gouvernement allemand n'était pas disposé à s'engager envers les autres Puissances à faire le cas échéant respecter les décisions consignées dans leur déclaration. Grey me dit avoir informé le Cabinet de Berlin qu'il ne comprenait pas but pratique de déclarations qui n'avaient guère de chance d'être respectées à moins que les Puissances n'y soient décidées. Plus confidentiellement Grey me dit que si les Cabinets pensaient éluder une réponse directe à sa proposition il resterait sur terrain.

Copie Paris.

Benckendorff.

Перевод.

Грей говорил мне о предложении Италии и Австрии подробно наметить в декларации, которая должна быть сделана в Афинах, пограничную линию Эпира, в том виде, как она была определена во Флоренции, и фиксировать период эвакуации между 1 и 31 марта. Грей не видит оснований для возражений против добавления этих пунктов к предложенному им сообщению, при том условии, конечно, чтобы декларация, имеющая быть сделанной в Афинах, оставалась связанной с той декларациею, которая будет сделана в Константинополе. Я спросил Грея, в каком положении, по его мнению, находится вопрос в целом. Он ответил мне, что продолжает ждать от держав Тройственного союза ответа на свое предложение, что для Англии ни в коем случае не может быть речи о том, чтобы сделать декларацию только в Афинах, что идея давления на Грецию совершенно не популярна в Англии, что если он сделал это предложение, то только принимая во внимание пожелания Австрии и Италии и при условии, что тот же самый принцип будет применен к Турции. По

его мнению, обе части его предложения остаются координированными и связанными. Грей сообщил мне о полученных из Берлина сведениях, что германское правительство не расположено брать на себя перед другими державами обязательства заставить в случае надобности уважать решения, содержащиеся в их декларации. Грей сказал мне, что сообщил берлинскому кабинету, что он не понимает практической цели декларации, которые, если державы не примут соответствующего решения, не имели бы шансов на то, чтобы с ними считались. Более конфиденциально Грей заметил, что, если бы правительства пожелали уклониться от прямого ответа на его предложение, он не изменил бы своей позиции.

Копия в Париж.

Бенкендорф.

№ 183. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁻/. Телеграмма № 23. 5 февраля/23 января 1914 г.

Греческое правительство ведет в настоящее время переговоры в Америке в видах приобретения одного или двух военных судов. На мой запрос по сему поводу Стрейт ответил, что правительство надеется на благоприятный исход этих переговоров, о коих тщательно избегает всякое разглашение [1] в печати, дабы не разочаровать общественное мнение в случае, если их переговоры успеха... [2]

Копия в Константинополь.

Демидов.

№ 184. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁻/. Письмо. 5 февраля/23 января 1914 г.

Très confidentielle.

Chèr Сергей Дмитриевич,

Les approches du printemps semblent vouloir annoncer la même recrudescence de fermentation qui ne manque jamais de se produire, sur la péninsule des Balcans, à la venue de la jeune saison. Cette année ce sont, paraît-il, des bandes de comitadjis bulgares qui se concentrent principalement dans le district de Stroumitza et en Thrace afin de terroriser les habitants et de maintenir en état de trouble les régions contigües. Il me revient que les gouvernements serbe et grec, inquiets à juste titre de ces alarmants présages, se concertent en vue d'une action commune contre ces turbulents éléments auxquels se joignent, selon des données assez sûres, bon nombre de militaires ottomans.

Il est malaisé de prévoir, d'ores et déjà, la tournure que peuvent prendre les événements en Macédoine ou en Thrace, mais les symptômes

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Конец фразы в подлиннике отсутствует.

actuels ne sauraient être qualifiés de rassurants; rencontres et escarmouches avec ces bandes peuvent dégénérer, de fil en aiguille, en sérieux conflits armés.

La présence à St.-Pétersbourg de Mr. Vénizélos m'épargne le besoin de vous parler de bien de questions, dont l'homme d'Etat grec ne manquera pas de vous entretenir. Malgré les rumeurs inquiétantes qui ne cessent de me parvenir sur des engagements quotidiens entre Grecs et Albanais, je penche à croire que la bonne volonté du gouvernement d'Athènes, fermement résolu à prêter un concours honnête aux Puissances, parviendra à nous éviter de trop sanglants spectacles lors de l'évacuation définitive. La proposition de Mr. Streit tendant à échelonner le départ des troupes grecques d'occupation afin de parer, dans la mesure du possible, aux désordres prévus, ce projet fort rationnel d'évacuation graduelle constitue certainement une preuve de réel bon vouloir. L'occupation hellénique des territoires dits „contestés" du nouvel Etat, — à laquelle on s'efforçait de mettre un terme à dates fixes, devient de cette façon un service, assez coûteux d'ailleurs, que la Grèce est loyalement disposée à rendre à l'Europe.

On attend ici avec la plus vive impatience la rentrée du président du Conseil sans lequel toutes les affaires demeurent en état de stagnation. On espère beaucoup de résultats de sa tournée européenne, — trop peut-être. Mr. Streit m'a confié que rien de réellement tangible n'avait été en somme obtenu par Mr. Vénizélos en Italie et en Autriche, si ce n'est des assurances favorables au sujet des îles. Quant à la rectification de la frontière épiro-albanaise, le consentement du Cabinet de Rome était subordonné à celui du Cabinet de Vienne et vice versa. Je ne sais encore ce qui en adviendra. Les nouvelles de Paris portent sur l'émission à brève échéance de l'emprunt et le raccordement, par la Société des Batignolles, des voies ferrées grecques avec celles de la Compagnie des chemins de fer Orientaux. Mais on entend déjà des voix qui critiquent les conditions onéreuses imposées à la Grèce pour les deux opérations. En somme il est peu douteux que Mr. Vénizélos n'ait, à son retour, fortement maille à partir avec les sphères de l'opposition. Mr. Streit lui-même n'a pu s'empêcher de trouver à redire sur le „cadeau volontaire" que le président du Conseil avait bien voulu faire à l'Albanie sous forme des 5 millions de francs promis en échange de la rectification projetée aux confins greco-albanais.

Bien que les relations entre la Grèce et la Turquie soient rétablies de fait, elles sont loin d'être devenues cordiales. L'intransigeance de la Porte dans la question de l'attribution des îles — confirmée à moi de vive voix par le nouveau ministre de Turquie à Athènes, Chalib Bey — ne

semble pas vouloir s'atténuer. On espère que la note des Puissances, attendue de jour en jour et rédigée en termes décisifs, donnera à penser à la Turquie. Malheureusement cette note, — résumé clair de la volonté de l'Europe, — se fait longtemps attendre, et ce retard ne contribue guère à éclaircir une situation peu nette et déjà suffisamment chargée d'éléments explosifs. Je me suis permis de vous signaler par télégraphe les appréhensions qu'on entretient ici au sujet d'arrangements turco-bulgares. Il se peut qu'elles ne soient pas fondées; néanmoins, on prend des mesures de précaution contre toute éventualité. On cherche à resserrer davantage encore les liens avec la Serbie et, autant que mes informations sont exactes, à provoquer une extension du traité défensif qui ne visait, préalablement, que la Bulgarie. Le roi Constantin aurait chargé le ministre de Serbie, Mr. Balougdjitch d'en saisir son gouvernement. Il n'y aurait là que de naturel, alors que les deux parties lésées au cours de la crise de l'an passé ne parviennent pas à se réconcilier avec la réalité et, au lieu de s'adonner uniquement à leur reconstruction intérieure, cherchent à fomenter des désordres par voie de terrorisme ou autre et, peut-être, à se tendre la main dans un malheureux esprit de revanche.

Je ne saurais clore ce rapport sans vous confirmer la teneur de mon télégramme sub № 22 [1], dans lequel j'ai cru devoir vous transmettre l'impression initiale produite ici par la nouvelle d'une proposition récente qui aurait été soi-disant faite par nous à la Serbie, de céder à la Bulgarie les districts d'Istib et de Kotchany, vraisemblablement dans un but, sinon de complète réconciliation, du moins de rapprochement des deux pays slaves des Balcans. Cette impression doit être qualifiée de vive surprise, jointe à un certain malaise, ainsi que je me suis permis de vous le communiquer par voie télégraphique. J'ajouterai que mes informations à ce sujet provenant de sources latérales et inofficielles, je ne vous en parle qu'à titre hypothétique; c'est le ministre de Serbie qui, le premier, est venu m'en annoncer la nouvelle en me disant que le roi Constantin en avait éte avisé et s'en était entretenu avec lui, dans un sens peu favorable au projet à nous attribué. Mr. Balougdjitch, personne avisée et très au courant de l'opinion en Serbie, en a critiqué non pas l'intention réconciliatrice, mais bien l'inopportunité du moment présent, où la Bulgarie se trouve encore en proie à l'anarchie gouvernementale et, loin de donner signe de bonne volonté, présente un élément de turbulence et d'agitation dans les Balcans. Ici, on serait porté à voir dans cette action une mesure peu sincère de la part d'une

[1] Тел. Демидова от 3 февр./21 янв. 1914 г. за № 22 хранится в Арх. Вн. Пол., в деле П. А. № 2132.

alliée et prise au détriment de la Grèce, dont les relations normales avec la Bulgarie ne sont même pas encore rétablies. Le projet est prématuré, pense mon collègue de Serbie, ce qui n'exclut pas la possibilité de sa réalisation avec le temps, lorsque la mentalité en Bulgarie aura changé de cours. Pour l'instant, pareille concession volontaire ne servirait qu'à réveiller des appétits latents, sans offrir aucune garantie pour la stabilité de l'accord. Par ailleurs, au sens stratégique, la possession par les Bulgares de la vallée d'Istib, constituerait une menace permanente pour l'importante ville de Veles sur le Vardar, que la Bulgarie ne manquerait point de convoîter à l'avenir, — et entraînerait pour la Serbie des frais considérables de défense.

Pour ce qui est du point de vue politique, il est difficile de nier que toute méfiance entre la Serbie et la Grèce et tout refroidissement de leurs relations ne puisse amener des orientations nouvelles et périlleuses au profit de l'Autriche, toujours prête à profiter des moindres dissensions au sein des Etats balcaniques. Le plus léger accroc au traité de Bucarest, si maternellement protégé par la Roumanie et tant apprécié par la Grèce, ne saurait être, actuellement du moins, envisagé sans appréhensions par ces deux Etats. Une scission du bloc existant pourrait se produire au désavantage certain de la Serbie, à laquelle l'appui bulgare, — en admettant qu'il pût être sincère et désintéressé, — ne servirait à rien dans l'état où se trouve la Bulgarie en ce moment; l'adhésion ultérieure de celle-ci au groupe qui s'est formé n'est, souhaitons-le, qu'une affaire de temps; elle se produira très probablement par voie naturelle et à l'aide d'une compréhension graduelle des nécessités. Mais pour l'instant, l'équilibre acquis par l'accord de Bucarest semble être, à mon humble avis, la meilleure solution et présente un „moindre mal", susceptible d'assurer aujourd'hui une tranquillité relative, peut-être une paix durable demain.

Veuillez croire etc. Démidow.

P. S. — Je sors de chez Mr. Streit qui me dit tenir la nouvelle de cette proposition d'une des légations de Grèce et n'en garantit pas d'authenticité. Le ministre m'a confié avoir reçu un télégramme de Mr. Vénizélos, dans lequel le président du Conseil s'exprime en termes enthousiastes au sujet du bienveillant et inoubliable accueil que sa majesté l'empereur a daigné lui accorder.

Ut in litteris. D.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич, Весьма доверительно.

Приближение весны, повидимому, снова ознаменуется усилением брожения, в котором никогда нет недостатка на Балканском полуострове с наступлением

этого времени года. В нынешнем году это будут, кажется, банды болгарских комитаджей, которые концентрируются, главным образом, в Струмицком округе и во Фракии и которые своею деятельностью будут терроризировать местное население и поддерживать брожение в сопредельных районах. Я получил сведения, что греческое и сербское правительства, не без основания обеспокоенные этими тревожными признаками, сговариваются относительно совместного действия против этих мятежных элементов, к которым, согласно достаточно верным данным, в большом числе присоединяются оттоманские солдаты.

В настоящее время трудно предвидеть, какой оборот могут принять события в Македонии и во Франции, но имеющиеся налицо симптомы нельзя считать успокоительными; встречи и стычки с этими бандами могут перейти мало-по-малу в серьезные вооруженные конфликты.

Присутствие в С.-Петербурге г. Венизелоса избавляет меня от необходимости говорить с вами о многих вопросах, которые греческий государственный деятель не преминет затронуть в беседе с вами. Несмотря на доходящие до меня тревожные слухи относительно ежедневных стычек между греками и албанцами, я склонен думать, что афинское правительство, исполненное лучших намерений и твердо решившее честно оказать державам содействие, избавит нас от слишком кровавых зрелищ во время окончательной эвакуации. Согласно предложению г. Стрейта греческие оккупационные войска должны быть выведены эшелонами, дабы избежать по возможности ожидаемых беспорядков, и этот весьма рациональный проект постепенной эвакуации является действительно доказательством доброй воли. Греческая оккупация так называемых „спорных“ территорий нового государства, которую старались ограничить определенными сроками становится таким образом услугой, достаточно, впрочем, дорогой, которую Греция лойяльно расположена оказать Европе.

Здесь с живейшим нетерпением ожидают возвращения председателя совета министров, в отсутствие которого остановились все дела. Возлагают большие, может быть, даже слишком большие, надежды на результаты его европейского турнэ. Г. Стрейт поведал мне, что в сущности ничего действительно реального не было достигнуто Венизелосом в Италии и в Австрии, за исключением разве полученных им благожелательных заверений по поводу островов. Что касается исправления эпиро-албанской границы, согласие римского кабинета было обусловлено согласием венского кабинета и наоборот. Я еще не знаю, что из этого выйдет. Известия из Парижа говорят о выпуске в скором времени займа и о соединении обществом Батиньоль греческих железных дорог с линиями о-ва Восточных железных дорог. Но уже слышны голоса, критикующие обременительные условия, в которых Греция должна проводить обе операции. В результате едва ли можно сомневаться в том, что Венизелосу, по его возвращении, придется встретить серьезное сопротивление со стороны оппозиционных кругов. Г. Стрейт сам не мог воздержаться от того, чтобы не возразить против „добровольного подарка“, который председатель совета пожелал сделать Албании в форме 5 млн. франков, обещанных в обмен на предположенное исправление греко-албанской границы.

Хотя отношения между Грецией и Турцией фактически восстановлены, они далеки еще от того, чтобы стать сердечными. Проявленная Портою неуступчивость в вопросе о передаче островов, что подтверждено мне устно новым турецким посланником в Афинах, Галиб-беем, продолжает сказываться с прежнею силою. Надеются, что нота держав, ожидаемая со дня на день и соста-

вленная в решительных тонах, заставит Турцию задуматься. К сожалению, эта нота—ясное выражение воли Европы—заставляет себя долго ждать, и это запоздание отнюдь не служит к выяснению положения, мало ясного и уже достаточно отягченного обстоятельствами, способными привести к взрыву. Я позволил себе сообщить вам по телеграфу о тех опасениях, которые возникают здесь по поводу турецко-болгарского соглашения. Возможно, что они не основательны; тем не менее на всякий случай принимаются меры предосторожности. Стараются еще больше укрепить связи с Сербией и, если моя информация точна, вызвать расширение оборонительного договора, который прежде был направлен только против Болгарии. Говорят, что король Константин поручил сербскому посланнику г. Балугджичу передать об этом его правительству. Да это было бы естественно, раз обе стороны, пострадавшие во время прошлогоднего кризиса, не могут примириться с действительностью и, вместо того, чтобы всецело отдаться делам внутреннего преобразования, стремятся вызвать беспорядки путем террора или иным способом и, может быть, подать друг другу руку, предаваясь несчастной мысли о реванше.

Я не хотел бы закончить это донесение, не подтвердив вам содержания моей телеграммы за № 22, в которой я считал долгом передать вам первоначальное впечатление, произведенное здесь известие о недавнем предложении, которое будто бы было сделано нами Сербии,—уступить Болгарии Иштибский и Кочанский округа с целью если не полного примирения, то, по крайней мере, сближения между двумя славянскими странами Балканского полуострова. Это впечатление следует определить, как живейшее изумление, соединенное с известной долей тревоги, как я позволил себе сообщить вам по телеграфу. Прибавляю, что так как информацию по этому вопросу я получаю из источников побочных и неофициальных, я говорю вам об этом только предположительно. Сербский посланник первый сообщил мне это известие, сказав, что король Константин об этом осведомлен и говорил об этом с ним в духе мало благожелательном в отношении приписываемого нам проекта. Г. Балугджич, человек осторожный и весьма хорошо знающий сербское общественное мнение, отнесся критически не только к его примирительной тенденции, но и к его соответствию условиям данного момента, когда Болгария, все еще являющаяся жертвой правительственной анархии и далекая от того, чтобы проявлять признаки доброй воли, представляет собой очаг волнений и смуты на Балканах. Здесь склонны видеть в таком действии мало искреннюю меру со стороны союзницы и шаг, направленный во вред Греции, у которой нормальные отношения с Болгарией даже еще не восстановлены. По мнению моего сербского коллеги, проект является преждевременным, но не исключена возможность его осуществления в будущем, когда настроение умов в Болгарии примет другое направление. В настоящее время подобная добровольная уступка послужила бы только возбуждению скрытых аппетитов, не давая никакой гарантии в прочности соглашения. Кроме того, занятие болгарами Иштибской долины в стратегическом отношении создавало бы постоянную угрозу важному городу Велесу на Вардаре, которого Болгария не преминет добиваться в будущем, и вызвало бы для Сербии значительные издержки на оборону.

С политической точки зрения трудно отрицать, что всякое возникающее между Сербией и Грецией взаимное недоверие и всякое охлаждение в их взаимоотношениях могло бы привести к новым и опасным ориентировкам в пользу Австрии, всегда готовой использовать малейшие разногласия среди

балканских государств. Малейший подрыв Бухарестского договора, столь заботливо охраняемого Румынией и столь ценимого Грецией, не мог бы быть, по крайней мере, в настоящее время, встречен без опасений этими двумя государствами. Распад существующего блока нанес бы несомненный ущерб интересам Сербии, для которой болгарская поддержка, если предположить, что она может быть искренней и бескорыстной, ни к чему не послужила бы при том положении, в котором находится в настоящий момент Болгария; присоединение последней к образовавшейся группировке является—будем надеяться—лишь вопросом времени; оно произойдет, весьма вероятно, естественным путем и постепенно по мере осознания неизбежности. Но для данного момента равновесие, достигнутое Бухарестским договором, представляется, по моему крайнему разумению, лучшим решением вопроса и представляет собою „наименьшее зло", способное обеспечить на сегодня относительное спокойствие, а на завтра, может быть, длительный мир.

Примите и пр. Демидов.

P. S. Я только что покинул г. Стрейта, который сказал мне, что он получил известие об этом предложении от одной из греческих миссий и не ручается за его достоверность. Министр сообщил мне о получении телеграммы от г. Венизелоса, в которой председатель совета министров высказывается в восторженных выражениях по поводу милостивого и незабываемого приема, оказанного ему государем.

Ut in litteris. Д.

№ 185. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

˙/. Телеграмма № 8. 5 февраля/23 января 1914 г.

Ссылаюсь на ваше письмо № 1002 и на свое донесение № 57 [1].

Король Николай, сильно озабоченный скорейшим по возможности восстановлением деятельности русских инструкторов в Черногории на вырабатываемых ныне императорским правительством новых основаниях, просил меня передать вашему высокопревосходительству усердное ходатайство его величества о разрешении командировать в ближайшем времени в Петербург одного из генералов черногорской службы для непосредственного осведомления нашего военного ведомства о нынешнем состоянии черногорской армии. В случае благоприятного ответа, король намерен возложить это поручение либо на генерала Митара Мартиновича, либо на генерала Бечира, руководивших действиями черногорской армии в балкан-

[1] Указанное донес. посвящено описанию дня торжественного приема в российской миссии 19/6 дек. 1913 г. Во время торжества Обнорский согласно инструкциям, содержавшимся в письме за № 1002, сообщил королю о решении росс. прав-ва возобновить на определенных условиях субсидию Черногории и одновременно передал королю отказ в его просьбе относительно учреждения черногорской военной миссии в Петербурге.

ской войне и уже бывавших в Петербурге. С своей стороны я полагал бы весьма желательным удовлетворить ходатайство короля как в видах успокоения его величества, так и для возможно более полного освещения обсуждаемого ныне вопроса о нашей военной помощи Черногории[1].

Обнорский.

№ 186. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 70[2]. 5 февраля/23 января 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных распоряжений, получил вашу телеграмму № 168[3]. Копия в Париж. Прошу телеграфных распоряжений[4].

Немедленно сообщил ее содержание великому визирю, который вчера же созвал совет министров[5]. Сегодня Саид-Халим заявил мне, что, к его глубокому сожалению, Порта может сделать нам лишь одну последнюю уступку, а именно принять ваше требование об обеспечении меньшинству представительства в комитетах тех вилайетов, в которых немедленно вводится принцип пропорциональности. Великий визирь усиленно просит ваше высокопревосходительство не настаивать на других пунктах, которых Порта из-за

---

[1] Тел. эта в копии была направлена Сазоновым нач-ку ген. штаба при письме от 9 февр./27 янв. 1914 г. за № 67 на заключение. В своем письме Сазонов отмечал, что, по его мнению, „до выяснения дальнейшего отношения нашего к продолжению военной помощи Черногории поездка эта едва ли своевременна" Письмом от 5 марта/20 февр. 1914 г. за № 145 Сазонов, ссылаясь на заключение военного ведомства (письмо Жилинского от 25/12 февр. 1914 г. за № 3053), уведомлял Обнорского, что „командировка черногорского генерала в С.-Петербург признается в настоящую минуту несвоевременной и могла бы состояться лишь, когда окончательно выяснится вопрос о том, будет ли в будущем оказываться военная субсидия Черногории и в каком размере".

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 156 — 157, № 144.

[3] В тел. от 3 февр./21 янв. 1914 г. за № 168 (опубл. в Ор. кн., стр. 155—156, № 143, с сокращениями) Сазонов сообщал, что он соглашается на введение в трех вилайетах пропорционального представительства при условии, чтобы в комитетах вилайетов меньшинству было предоставлено, по крайней мере, одно место и чтобы в будущую инструкцию генеральным инспекторам был включен пункт, обязывающий Порту принять меры к возвращению земель их прежним христианским владельцам и не переселять магометанских эмигрантов в реформируемые вилайеты. В этой тел. Сазонов продолжал настаивать на введении равного представительства в Эрзеруме.

[4] В Ор. кн. весь первый абзац выпущен.

[5] В Ор. кн. слова „который вчера же созвал совет министров" опущены.

соображений внутренней политики не в состоянии принять. Он подчеркнул желание Турции жить в мире с нами и просил оценить сделанные им крайне тяжелые, как он говорит, для турецкого самолюбия уступки. Приписываю его ответ советам, которые им получены, как мне достоверно известно, от австрийского посла и германского поверенного в делах. Приемлю смелость думать, что ради скорейшего приступления к проведению реформ пока можно было бы ограничиться вышеизложенною уступкою, которой вашему высокопревосходительству удалось добиться. Немедленного распространения принципа равенства на Эрзерум трудно будет добиться от нынешнего шовинистического кабинета без чрезвычайного давления. Что касается возвращения земель, то этот вопрос уже предусмотрен тем пунктом проекта соглашения, по которому земельные споры разрешаются под прямым наблюдением генеральных инспекторов. По вопросу о мухаджирах великий визирь заявил, что Порта желает селить мусульман не в Армении, а вдоль берегов Малой Азии, чтобы спасти ее от греческого засилия[1]. Саид-Халим бессилен однако, по его словам, убедить своих коллег по кабинету принять на себя формальное обязательство перед державами в этом смысле. Полагаю, что будет легче заставить Порту включить обязательство о мухаджирах в инструкции генеральных инспекторов[2], которые хотя и будут вырабатываться при их участии, но будут носить внешний облик турецкого закона, а не международной повинности.

Гулькевич.

№ 187. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

/. Письмо. 5 февраля/23 января 1914 г.

Строго доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В телеграмме моей от [2 февраля] 20 января № 65[3] я имел честь донести вашему высокопревосходительству, что существующая в данный момент общность интересов между Болгарией и Турцией

[1] В Ор. кн. слова „...чтобы спасти ее от греческого засилия" опущены.

[2] В Ор. кн. конец тел., начиная от сл. „...которые хотя...", опущен.

[3] Эта тел. представляет собою ответ Гулькевича на тел. Сазонова за № 53 (см. стр. 76, прим. 3). В указанной тел. Гулькевич сообщает, что никаких сведений о подписании союзного договора между Болгарией и Турцией в Константинополе „пока не имеется". Содержание этой телеграммы частично повторяется 1-м абзацем публикуемого документа.

может привести к совместному выступлению обеих держав против Греции, даже помимо предварительного заключения конвенции.

Позволяю себе вернуться к этому вопросу, дабы высказать мое глубокое убеждение в том, что для предупреждения опасности турецко-болгарских совместных действий представлялось бы необходимым если не устранить, то, по крайней мере, ослабить существующую в настоящее время острую вражду между Болгарией и Сербией. Убеждение это я почерпнул из бесед с некоторыми вполне достойными и заслуживающими доверия болгарскими деятелями. Трудно, конечно, рассчитывать, что Сербия добровольно уступит Болгарии даже ту часть Македонии, которая по составу своего населения является чисто болгарской, т. е. бывшие казы Иштиб, Эгри-Паланка, Радовишта, Кочаны, Кратово. Но из слов указанных лиц я вынес впечатление, что уже прекращение происходящей ныне насильственной сербизации этих земель и смягчение введенного в них режима успокоило бы болгар и удержало бы их от какого-нибудь отчаянного шага. Другими словами, установление некоторого различия в управлении указанными чисто болгарскими частями Новой Сербии и остальными со смешанным населением будет понято болгарами как указание на хотя бы отдаленную возможность отказа от них Сербии, в случае какого-либо нового территориального расширения последней.

Пользуюсь случаем и пр.

К. Гулькевич.

№ 188. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

⁄. Телеграмма № 194 [1]. 6 февраля/24 января 1914 г.

Телеграмма посла в Париж № 28 [2] получена.

Вполне разделяем взгляд, высказанный Думергом представителям Австрии и Италии. Крайне сожалеем нерешительность [3], проявленную английским правительством в вопросе о заявлении держав в Константинополе и Афинах.

Полагаем, что если бы даже не все кабинеты примкнули к формуле, предложенной Греем, о том, что державы примут меры, чтобы заставить уважать свои решения,—подобное заявление одних держав Тройственного согласия было бы достаточно [4].

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 47, № 1258.

[2] См. № 173.

[3] Так в подлиннике.

[4] Далее зачеркнуто „к тому же к нему могла бы примкнуть Италия“.

Заявление это могло бы быть подкреплено в случае надобности посылкою судов к Хиосу и Митилене. Опасение Грея обнаружить раскол во взглядах между державами только усиливает преобладающую роль Германии, объединяя вокруг нее другие державы, которые готовы были бы пойти за Англией. Такая политика, ослабляя Тройственное согласие, работает на пользу Тройственного союза.

Нельзя не иметь в виду, что неудача миссии Венизелоса, если бы ему пришлось вернуться с невыполненными обещаниями, пошатнула бы его положение на родине и могла бы иметь крайне неблагоприятное отражение на общее положение Греции[1].

Считали бы желательным, чтобы вы объяснились в этом смысле с правительством, при коем вы аккредитованы.

[Сазонов.]

№ 189. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 27. 6 февраля/24 января 1914 г.

Львов телеграфирует министру финансов:

[В] результате переговоров [с] Шахиншахским банком пришли к удовлетворительному соглашению, главные основы которого следующие: 1. Вся поставка серебра по заказу персидского правительства делится без остатка поровну между обоими банками[2]. 2. Банки являются нераздельно монопольным комиссионером персидского правительства по этим поставкам и назначают курсы и ставки по соглашению между собой. 3. Шустеровский контракт[3] будет по соглашению банков переработан в смысле более выгодных усло-

---

[1] У Stieve: „...seine Stellung erschüttern und höchst unerwünschte Wirkungen auf die Politik Griechenlands ausüben könnte“.

[2] Речь идет о Шахиншахском и Учетно-ссудном банках.

[3] 27/14 ноября 1911 г. Шахиншахский банк заключил с главным казначеем Персии американцем Шустером контракт на исключительное право поставки серебра для персидского монетного двора сроком на 10 лет, начиная с 22/9 марта 1912 г. Главные основания этого контракта были следующие: 1) персидское прав-во обязуется покупать исключительно через Шахиншахский банк иностранную валюту для импорта серебра, причем курс этой валюты определяется на $^3/_4$% выше покупной цены банка; 2) банк получает $^1/_8$% комиссии со стоимости всего серебра в слитках, ввезенного в Персию за время действия контракта; 3) банк обязуется авансировать персидскому прав-ву до 300 000 ф. ст. для покупки серебра из 5% годовых; обеспечением авансов служит серебро, находящееся в пути, на монетном дворе и в банке. (Русский перевод контракта, подписанного Шустером и Вудом, хранится в Арх. Вн. Пол. в деле Лдн.)

вий. 4. Соглашение между банками заключается на семь лет. 5. Шахиншахскому банку предоставляется для усиления разменного фонда ввозить серебро за свой счет. Согласились на это условие, не считая его опасным, так как ввозить серебро при дорогой цене на него банку будет невыгодно, а при низкой персидское правительство будет давать заказы, и кран будет достаточно. Соглашение будет оформлено дипломатическим путем.

Бенкендорф.

№ 190. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 71. 6 февраля/24 января 1914 г.

Срочная.

Продолжение № 70 [1]. Прошу срочных указаний. Копия в Париж.

Обязуюсь добавить, что армянский патриархат, уполномоченный коего ежедневно меня посещает, предпочитает уже достигнутое обеспечение прав армянского народа, за которым он признает весьма серьезное значение, возможной приостановке переговоров, которая, по его мнению, угрожает всему делу новым крушением на долгое время. Со своей стороны приемлю смелость высказать, что последнюю уступку Порты относительно состава вилайетских комитетов, право, мы могли бы считать достаточно удовлетворяющей наше самолюбие. Дальнейшим промедлением мы рисковали бы ослабить произведенное этой уступкой впечатление. Помимо этого, полагаю, что принятия турками остающегося спорным пункта о введении равного представительства в эрзерумском совете „не через год“, а уже „немедленно“ мы могли бы добиться, лишь прибегнув к крайним мерам воздействия.

Гулькевич.

№ 191. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 32. 6 февраля/24 января 1914 г.

Телеграмму вашу № 174 [2] получил.

В баргутском вопросе нам, мне кажется, главным образом нужно будет стараться о закреплении за русскими подданными торгов-

[1] См. № 186.

[2] В тел. от 4 февр./22 января 1914 г. за № 174 Сазонов сообщал Крупенскому что м-во ин. дел предполагает отложить переговоры о Барге до подписания русско-китайско-монгольского договора, „видя в неразрешенном баргутском вопросе средство некоторого давления на китайцев“ при переговорах о тройном договоре.

цами и промышленниками выгод, приобретенных ими за последнее время в Барге, добиться чего от китайцев будет весьма нелегко. Если, кроме того, императорское правительство думает связать означенный вопрос с ограничением китайских вооружений в Северной Манчжурии, то, казалось бы, тем менее возможно использовать его еще и как средство давления при тройных переговорах. С другой стороны, отсрочка переговоров о Барге может быть опасна в том отношении, что облегчит китайцам возможность сговориться с баргутами помимо нас, на попытки в каковом смысле уже имелись указания.

Крупенский.

№ 192. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

/. Депеша № 6. *6 февраля/24 января 1914 г.*

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В начале сего года в газетах был опубликован составленный китайским правительством „проект монетной реформы". Проект этот был рассмотрен одновременно в особом совещании под председательством премьера Сюн Си-лина при участии китайских сановников, компетентных в финансовых вопросах, и иностранных советников китайского правительства. В числе последних Н. А. Коновалов был также приглашен на это совещание.

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из представляемого при сем в копии доклада Н. А. Коновалова [1] относительно того, что происходило на помянутом совещании, вопрос о реформе монетной системы Китая в том виде, в каком она изложена в представляемом равным образом при сем, в английском тексте, проекте [2], повидимому, уже решен китайским правительством, и таким образом обсуждение его в помянутом совещании происходило лишь для виду и имело, главным образом,

[1] В записке от 3 февр./21 янв. 1914 г. русский советник при контрольном департаменте в Пекине Коновалов излагал ход прений, имевших место при обсуждении проекта монетной реформы на упомянутом совещании. Коновалов высказывал убеждение в том, что проект окончательно принят правительством, и что при обсуждении проекта в комиссии с участием иностранных советников правительство имело в виду переложить на них часть ответственности в случае возникновения затруднений при проведении реформы.

[2] Приложенная к записке Коновалова брошюра носит заголовок „The Draft Law for the National Currency", Peking, January 21. 1914 („Проект закона о денежном обращении в государстве", Пекин, 21 января 1914 г.).

целью дать возможность затем правительству ссылаться на одобрение проекта, между прочим, и иностранными советниками.

Помянутый проект был, равным образом, сообщен министерством финансов представителям пятерного консорциума, которые однако отнеслись к нему весьма отрицательно, притом не только по существу его, а, главным образом, ввиду того, что, по их мнению, предварительно его опубликования и принятия того или другого решения проект должен был быть предложен на их заключение. В соответствии с этим, банкиры обратились к премьеру с письмом в означенном выше смысле, копию с коего [1] считаю также долгом представить при сем вашему высокопревосходительству.

Означенное письмо произвело на китайское правительство крайне неприятное впечатление. Оно усмотрело в этом вмешательство банкиров во внутренние дела Китая и командировало вице-адмирала Цай Тин-гана, человека, близкого к президенту и всегда принимавшего деятельное участие в переговорах о займе, для объяснений по сему поводу с банкирами. На Цай Тин-гана было возложено поручение убедить представителей консорциума либо взять свое письмо обратно, либо написать дополнительно другое письмо, которое должно было так или иначе сгладить неприятное для самолюбия китайцев значение первого.

Несмотря на готовность директора Гонконг-шанхайского банка г. Хиллиера уступить в этом вопросе настояниям китайцев, остальные банковские представители остались однако непреклонными, и миссия Цай Тин-гана потерпела неудачу. Пока на этом дело и кончилось.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

№ 193. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 7. 6 февраля/24 января 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Русский советник при китайском контрольном департаменте Н. А. Коновалов доверительно представил мне докладную записку по поводу выработанного китайским правительством проекта преобразования контрольного ведомства.

Препровождая при сем на благовоззрение вашего высокопре-

[1] Приложенная к депеше копия письма от 24/11 января 1914 г. указания адресата и подписи не содержит; содержание письма в основном изложено в публикуемом документе.

восходительства копию с означенной докладной записки с самим проектом и замечаниями к нему на английском языке обоих советников [1]—нашего и французского,—считаю долгом присовокупить, что, по моему мнению, разделяемому и Н. А. Коноваловым, означенный проект, в случае его осуществления, явится несомненным шагом вперед на пути организации в Китае государственного контроля.

В проекте, между прочим, ничего не говорится об иностранных советниках при контрольном ведомстве. Последние это имели в виду в своих замечаниях, но не надеются достигнуть того, чтобы о их положении было упомянуто в штатах контрольного департамента. По их мнению, китайцы действовали в этом вопросе преднамеренно и, в видах спасения лица, не желали официально упоминать об иностранных советниках, тем более, что могли при этом сослаться на то, что должность последних в силу соглашения о реорганизационном займе носит пока временный характер, ограниченный 3-летним сроком.

Мне кажется, нам нет оснований настаивать на включении теперь же штатов советников в предположенный законопроект, ибо наши интересы пока достаточно обеспечены как соглашением о займе, так и контрактом, подписанным Н. А. Коноваловым с министром финансов. Но нам, мне кажется, не следует терять из виду необходимости при заключении нового займа поставить одним из его условий продление, примерно на срок до его окончательного погашения, обязательства Китая, данного им в связи с первым реорганизационным займом, касательно приглашения на известные должности иностранных советников. Тогда представился бы, я думаю, более удобный момент, чтобы потребовать включения и должностей Н. А. Коновалова и г. Мазо в штаты контрольного департамента.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

---

[1] В записке, озаглавленной „Проект преобразования контрольного департамента в Пекине“ и датированной январем 1914 г., Коновалов сообщал, что он совместно с французским советником при китайском контрольном департаменте Мазо возбудил перед китайским правительством вопрос о реорганизации контрольного департамента и передавал основные положения внесенных им и Мазо дополнений к составленному китайским правительством законопроекту. (Копия проекта и замечания к нему Коновалова и Мазо хранятся в Арх. Вн. Пол., в деле К. ст. № 138.)

№ 194. Заведующий отделом Среднего Востока консулу в Астрабаде Иванову.

·/. Телеграмма № 207 [1]. 7 февраля/25 января 1914 г.

Сообщается в Тегеран.

Донесение № 62 [2] получено.

Ввиду полной желательности использовать район Гюргена для нашей колонизации, нам представляется неблагоприятным явлением захват больших участков земли отдельными лицами, многие из коих едва ли в состоянии осуществить крупные предприятия и, по всей вероятности, имеют лишь в виду перепродажу или беззастенчивую эксплоатацию переселенцев. Поэтому желательно, чтобы консульство оказывало содействие к приобретению земель с большим разбором. На состоявшемся вчера совещании постановлено послать в Астрабад и Гюмбет в помощь вам и комиссару по одному чиновнику переселенческого управления для изучения и упорядочения дела колонизации.

Сообщите, насколько вам представляется реальной опасность захвата земель в сказанном районе иностранцами [3], чему необходимо всеми средствами противодействовать. Желательно иметь также ваше заключение по известному вам делу генерала Потапова, стремящегося получить концессию на всю реку Гюрген. Здесь о Потапове весьма невысокого мнения. Жду возможно скорого ответа [4], с копиею миссии.

Клемм.

---

[1] Черновик рукою Клемма.

[2] См. стр. 96, прим. 1.

[3] На возможность захвата земель в Астрабадской и Мазандеранской провинциях иностранцами указывал Иванов в своих донесениях от 17/4 мая 1911 г. за № 11 и от 29/16 дек. 1913 г. за № 62. На ту же возможность указывал в своем прошении на имя м-ра ин. дел от 25/12 янв. 1914 г. и отставной генерал русской службы Потапов, намеревавшийся испросить у шахского прав-ва концессию „на исключительное право на эксплоатацию вод бассейна р. Гюргена, его русл, притоков и истоков с прибережными полосами в размерах, доступных искусственному орошению... и эксплоатацию недр, буде там обнаружатся полезные ископаемые", и ходатайствовавший о поддержке м-ва ин. дел.

[4] В ответной телеграмме от 10 февр./28 янв. 1914 г. за № 4 Иванов сообщал, что иностранцы в его районе еще не появлялись и работать там им будет очень трудно. Относительно концессии Потапова, по словам Иванова, определенных данных у консульства не имелось.

№ 195. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 209 [1]. 7 февраля/25 января 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 194 [2].

Из заслуживающего внимания источника имеем сведение, что Порта сама опасается осложнений из-за вопроса об островах и предпочла бы для оправдания уступки, чтобы последняя состоялась под давлением держав. С другой стороны, Пашич сообщил, что обострение вопроса грозит осложнениями, которые не могут остаться локализованными, ибо Сербия в случае конфликта не может остаться безучастной. Считая эти соображения весьма серьезными, находим желательным обратить на них внимание правительства, при коем вы аккредитованы.

Сазонов.

№ 196. Председатель совета министров председателю совета министров Сербии Пашичу.

Письмо [3]. 7 февраля/25 января 1914 г.

Monsieur le président,

En 1910, l'association serbe des officiers („Zadrouga") a, comme votre excellence ne l'ignore point, demandé au gouvernement russe un crédit de fcs 4 000 000.

Désirant donner satisfaction à cette demande, mais ne pouvant affecter à cet objet les deniers de l'Etat, je parlai de l'affaire à une institution de crédit privée, la Banque Internationale de Commerce, qui consentit à délivrer ce prêt.

Cette opération n'ayant pas un caractère commercial et ne possédant point les garanties exigées pour les transactions par les statuts des établissements de crédit, je me considère moralement responsable envers la Banque Internationale quant au remboursement du prêt à son échéance.

Vu les événements survenus dans la péninsule Balcanique, le prêt en question n'a pu être amorti aux dates pour ce fixées [5] et j'ai pensé qu'il serait peut-être possible de rembourser la dette de la „Zadrouga" sur les montants à provenir des opérations de crédit du gouver-

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 188.

[3] Маш. копия.

[4] На полях имеется приписка чернилами: „Письмо было отправлено II отделением [10/II] 28/I 1914 г.".

[5] Так в подлиннике.

nement serbe. Des renseignements qui m'ont été fournis par le ministère des affaires étrangères il ressort que sur le produit de la réalisation en France de l'emprunt serbe de fcs 250 000 000—il sera mis à la disposition du général Bojanowitch, ministre de la guerre de Serbie, le montant nécessaire au remboursement de la dette en question.

Pour autant que je le sache, une partie du produit de l'emprunt susmentionné a déjà été versée au gouvernement serbe et le solde doit sous peu être realisé.

Etant donné ce qui précède, je prie votre excellence de bien vouloir, si elle le juge possible, faire le nécessaire pour que soit remboursée à la Banque Internationale la somme autrefois empruntée par la „Zadrouga“ [1].

Veuillez agréer etc.

Kokovtzow.

Перевод [2].

Господин председатель,

Как известно вашему высокопревосходительству, сербская офицерская Задруга в 1910 г. обратилась к русскому правительству с ходатайством об оказании ей кредита в размере 4 млн. франков.

Желая притти навстречу просьбе Задруги, но не имея возможности выдать ссуду из правительственных средств, я привлек к этому делу частное кредитное учреждение, а именно С.-Петербургский международный коммерческий банк.

Так как операция эта не носила характера коммерческой сделки и не имела соответствующего обеспечения, то я тем самым взял на себя перед банком нравственную ответственность за своевременный возврат ссуды.

Означенная ссуда однако, ввиду последних событий на Балканах, не могла быть погашена в установленные сроки. Ввиду этого я остановился на мысли, не представлялось ли бы возможным долг сербской Задруги погасить из сумм предстоящих кредитных операций сербского правительства. По сделанном мною по этому поводу сношении с русским министерством иностранных

---

[1] В письме на имя Давыдова от 20/7 янв. 1914 г. Путилов просил, ввиду реализации в Париже сербского займа, принять меры к тому, чтобы побудить сербское правительство произвести расчет по долгам офицерской Задруги. Долг Задруги на 14/1 янв. 1914 г. определялся им в 3 758 461,55 фр. В справке, составленной в министерстве финансов (недатированной) значится: „СПБ. Международным банком была выдана ссуда в 4 миллиона франков сербской офицерской Задруге на пять лет—с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1915 г. Задруга по этой ссуде уплачивает банку % в размере на 1% выше официальной учетной нормы Banque de France, но во всяком случае не ниже 4% в год. Неисправное исполнение принятых Задругой на себя обязательств началось в апреле 1912 г. К [14] 1 января 1914 г. долг Задруги составлял 3 728 000 фр.“.

[2] Перевод, сделанный в м-ве финансов.

дел выяснилось, что в распоряжение сербского военного министра генерала Божановича будет предоставлена потребная для уплаты долга сербской Задруги сумма при реализации во Франции сербского займа в 250 млн. франков.

По имеющимся у меня сведениям часть выручки от упомянутого займа уже поступила в распоряжение сербского правительства, остальная же сумма будет внесена в ближайшем будущем.

Вследствие сего я позволяю себе обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, не найдете ли вы возможным оказать ваше содействие к уплате сербской Задругою С.-Петербургскому международному коммерческому банку следуемых ему платежей по выданной ссуде.

Коковцов.

№ 197. Посол в Париже министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 33. 7 февраля/25 января 1914 г.

Телеграмму № 194 получил [1]. Копия в Лондон.

Объяснился с председателем совета министров, который сказал мне, что венский и римский кабинеты уведомили его, что австро-итальянское выступление, упомянутое в моей телеграмме № 28 [2], было плодом недоразумения; с другой стороны, по сведениям из Лондона, послы Тройственного союза заявили Грею, что их правительства согласны на одновременное сообщение как Греции, так и Турции решения держав. По мнению Думерга, сейчас неотложнее всего ускорить это сообщение. Затем он считает необходимым продолжать настаивать перед кабинетами Тройственного союза на принятии, в случае надобности, мер, чтобы заставить уважать их решения. Он имеет однако основание думать, что Турция ограничится платоническим протестом и не предпримет никаких агрессивных действий против Греции. Что касается предлагаемого вами выступления одних держав Тройственного согласия, то, по мнению Думерга, оно представляет некоторые неудобства и требует зрелого обсуждения. Во всяком случае он думает, что прежде всего необходимо выждать ответ Порты на предстоящее представление держав.

Извольский.

№ 198. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 19. 7 февраля/25 января 1914 г.

Вследствие отсутствия в кабинете министра иностранных дел и отъезда Радославова во вновь присоединенные области для пред-

[1] См. № 188.
[2] См. № 173.

выборной агитации, лишен возможности вести какие бы то ни было официальные политические разговоры, но из самых разнообразных бесед с политическими людьми, искренно к России расположенными, я вывожу заключение, что погром Болгарии произвел здесь более угнетающее впечатление, чем можно было предполагать. Деморализация страшная, усугубляющаяся мыслью, что Россия отвернулась от Болгарии из-за ошибок ее короля и правительства. Но вместе с тем разумные элементы сознают невозможность рассчитывать на скорую перемену порядка, санкционированного Бухарестским миром. В этих условиях надежды Болгарии обращаются к России, от которой она хотела бы хоть слабого доказательства, что она ее не совсем покинула. Подобное доказательство она увидела бы, если бы Россия явилась пред Сербией представительницей болгарских интересов в Македонии. Дабы поднять дух болгар и дать им явное доказательство, что Россия их не оставляет, не нашли ли бы ваше высокопревосходительство возможным предписать Гартвигу переговорить с Пашичем в вышеуказанном смысле. Такой жест с нашей стороны произвел бы здесь самое лучшее впечатление, поднял бы наш престиж и повлиял бы, может быть, на исход предстоящих выборов. Вместе с тем я считаю, что это пока, при страшной чувствительности еще незалеченных ран, единственная почва, на которой возможно столь желательное для нас сближение двух славянских государств.

Савинский.

№ 199. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 72 [1]. 7 февраля/25 января 1914 г.

Копия в Париж. Получил письмо № 35 [2].

Считаю долгом всецело присоединиться к точке зрения, изложенной послом в телеграмме № 425 [3]... года. Нам необходимо иметь

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 47—48, № 1260.

[2] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] Здесь Гулькевич ошибся: тел. за № 425 (1913 г.) посвящена совсем другому вопросу („О представлении Порте о немедленном сокращении армии"); вопросу о Салоникском банке посвящена тел. от 11 июня/29 мая 1913 г. за № 427. В ней Гирс сообщает: „Из бесед с Леграном убеждаюсь все более, что приобретение Рус.-азиатским банком в собственность только отделений Banque de Salonique на Балканском полуострове не достаточно".—„Для наших политических целей, для создания здесь более существенных наших интересов, нам безусловно необходимо главным образом приобрести центральное учреждение Banque de Salonique в Кон-

здесь самостоятельное русское учреждение, которое путем выполнения финансовых и экономических операций могло бы служить политическим нашим целям и создавать почву к упрочению нашего влияния в сопредельных с нами областях Малой Азии. Принимая однако во внимание, что мы не богаты еще капиталами, которые позволили бы создать в Турции достаточно жизнеспособное учреждение, нахожу, что нам не следовало бы пренебрегать комбинацией, предлагаемой в письме посла в Париже 2/15 января[1], хотя проект Леграна, осуществлению коего помешал Бомпар, несравненно более отвечал нашим выгодам. Поэтому полагаю, что при всей незначительности предоставляемого нам участия в совете преобразуемого Banque de Salonique, его все же следует приветствовать, как первый шаг в желательном для нас направлении. К тому же это наше участие в указанном предприятии, имеющем крупные связи, позволит нам быть в курсе того, что будет здесь предприниматься в экономической области нашими соперниками. Последнее обстоятельство могло бы оказаться весьма ценным для нас в особенности в том случае, если бы пришлось убедиться в невыгодности для российских интересов предполагаемого сотрудничества русско-французско-английских капиталов, и мы к тому времени могли [бы] быть уже в состоянии создать для Турции чисто русское финансовое учреждение. Гулькевич.

№ 200. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

⁰/. Телеграмма № 210. 8 февраля/26 января 1914 г.
Доверительно.

Имеем основание предвидеть совместное заявление Австрии и Италии о том, что один австрийский и один итальянский банки выдают, под гарантией обоих правительств, принцу Виду аванс

стантинополе с отделениями, открываемым в Самсуне и намеченными в Трапезунде и Эрзеруме, что даст нам сильную и необходимую опору в деле участия в экономическом развитии сопредельных с нами областей Малой Азии". Это тем более необходимо, „что до сих пор мы не имеем в Турции учреждения, достаточно предприимчивого и самостоятельного, чтобы отстоять подобающее нам здесь положение". Ввиду этого, Гирс „усиленно" просит Сазонова „поддержать" перед председателем совета министров ходатайство Леграна об оказании ему льгот, без которых ему трудно будет начать дело, при нерасположении французов уступить нам предприятие, могущее усилить наше влияние в здешних финансово-политических кругах и лишить их известной доли финансовых выгод".

[1] См. № 14.

в 10 млн. франков, который должен быть возмещен из будущих доходов Албании[1].

Австрия выставляет мотивом даваемой ею гарантии достижение столь необходимого для развития Албании скорейшего принятия принцем условия. Принц намерен сам сделать державам сообщение по этому поводу[2].

Полагаем, что в ответ на австро-итальянское выступление следовало бы заявить, что распоряжение доходами Албании не может принадлежать лишь двум державам и доходы эти не могут поэтому служить обеспечением подобного настоящему займа.

Благоволите выяснить и сообщить по телеграфу взгляд правительства, при коем вы аккредитованы, для солидарного ответа[3].

Сазонов.

№ 201. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 28. 8 февраля/26 января 1914 г.

Me réfère au télégramme de Paris № 33.

Comme vous l'aurez vu par mon télégramme № 26[5] ici démarche austro-italienne n'a pas été considérée réponse à proposition Grey, d'abord parce que réponse devait nécessairement être adressée à Grey. En effet les ambassadeurs de la Triple Alliance ont vendredi séparément et verbalement informé Nicolson que les trois Puissances acceptaient proposition de . . . communiquer à Constantinople et Athènes décision des Puissances dans question des îles et celle de l'Epire, en proposant modifier texte de déclaration en deux points: 1) le tracé partira selon protocole de Florence; 2) terme évacuation entre 1 et 31 mars[6].

---

[1] Официальное заявление о выдаче аванса Виду под гарантией обоих правительств содержится в памятной записке австро-венгерского пос-ва в Петербурге от 12 февр./30 янв. 1914 г.

[2] Текст соответствующего письма Вида на имя послов держав Тройственного согласия в Берлине передается в тел. Свербеева от 8 февр./26 янв. 1914 г. за № 20. Текст соответствующего письма Вида Ягову от 6 февр./24 янв. 1914 г. опубл. Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14411.

[3] В ответной тел. от 10 февр./28 янв. 1914 г. за № 30 Бенкендорф сообщал, что, по мнению Грея, расходы, производимые из аванса, должны подлежать контролю международной комиссии. Такова же была точка зрения Думерга (тел. Извольского от 11 февр./29 янв. 1914 г. за № 39).

[4] См. № 197.

[5] См. № 182.

[6] В тел. от 7 февр./25 янв. 1914 г. за № 28 Демидов запрашивал Сазонова, может ли он принять эти изменения (сообщенные ему австро-венг. послом) и присоединиться к коллективному выступлению держав в Афинах (см. стр. 267, прим. 2).

Concernant mesures à prendre les trois Puissances proposent remettre question jusqu'à ce que réponses turque et grecque seront connues.— Nicolson n'a pas revu Grey depuis et le verra demain. Je ne puis par conséquent pas encore vous mander impression de Grey. J'ai longuement entretenu Nicolson de votre télégramme № 194[1]. Il paraissait tout à fait au courant de vos idées, ayant reçu ce matin longue lettre privée de Buchanan. Il se rend parfaitement compte du sérieux de cette question et de toutes ses alternatives, mais préfère ne pas s'exprimer avant avoir vu Grey. Je vous télégraphierai dès que j'aurai vu Grey.

Copie à Paris. Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на телеграмму из Парижа № 33.

Как вы, вероятно, усмотрели из моей телеграммы № 26, австро-итальянское выступление не рассматривается здесь, как ответ на предложение Грея, прежде всего потому, что ответ обязательно должен был бы быть адресован Грею. Действительно, в пятницу послы Тройственного союза каждый в отдельности устно сообщили Никольсону, что три державы приняли предложение ... сообщить в Константинополе и в Афинах решение держав по вопросу об островах и Эпире, но предлагают при этом изменить текст двух пунктов декларации: 1) граница будет проведена согласно флорентийскому протоколу; 2) срок эвакуации между 1 и 31 марта. Вопрос о мерах воздействия три державы предлагают отложить до получения ответа от Турции и Греции. Никольсон после этого не видел Грея и увидит его завтра. Поэтому я не могу еще сообщить вам о впечатлении, которое это заявление произвело на Грея. Я долго беседовал с Никольсоном о вашей телеграмме № 194. Он кажется мне вполне осведомленным относительно ваших взглядов, так как получил сегодня утром длинное частное письмо от Бьюкенена. Повидимому, он вполне отдает себе отчет в серьезности этого вопроса во всех его альтернативах, но предпочитает не высказываться раньше свидания с Греем. Я протелеграфирую вам, как только увижусь с Греем.

Копия в Париж. Бенкендорф.

№ 202. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 3[2]. 8 февраля/26 января 1914 г.

Предположенные непосредственные переговоры с черногорским правительством о 40-миллионном займе еще не начались, так как до настоящего времени инструкциями в этом смысле снабжены лишь

[1] См. № 188.

[2] Лит. копия.

итальянский[1] и германский посланники и я. По имеющимся у меня сведениям, остальные представители держав ожидают инструкций в ближайшем времени.

Расходование займа, по всей вероятности, будет установлено в следующем виде: около 10 млн. на погашение 2 предыдущих займов—в 6 млн. английской фирме Бультон и в 3½ млн. австрийскому Боден-Кредиту.

Далее 10 млн. должны быть, согласно предположениям Лондонского совещания, обращены на работу по урегулированию течения р. Бояны и на осушение части Скутарийского озера. План этих работ должен быть установлен специальною техническою комиссиею.

Остальные 20 млн. могли бы быть обращены на нужды страны,—главным образом на уплату по реквизиционным квитанциям, на устройство администрации во вновь присоединенных областях и на проведение в этих местностях дорог.

Что касается обеспечения платежей по займу, то на этот предмет должны быть обращены доходы от таможен и монополий, освобождаемые с погашением старых долгов от лежащих на них обязательств.

В частности, я полагал бы весьма целесообразным расширить организацию монополий, в состав которых до настоящего времени входили лишь табачная операция и продажа соли, включением в монопольное дело также операций по продаже спичек, керосина и спирта.

Относительно спичечной монополии я состою в переписке с нашим торговым агентом на Балканах г. Окуличем, которому удалось добиться согласия на поставку в Черногорию всего необходимого количества спичек русской фирмой Лапшина, недавно сделавшей в этом смысле предложение черногорскому правительству.

---

[1] Тел. от 28/15 янв. 1914 г. за № 16 Обнорский со слов итал. посланника в Цетинье сообщал, что, согласно инструкциям, полученным последним, дальнейшие переговоры о черногорском займе предположено перенести в Цетинье, причем в основу переговоров будет положено предложение итал. прав-ва, сводящееся „в общих чертах к уплате Черногорией ежегодно 2%". Остальная часть процентов, „а равно и разверстываемое на пятьдесят лет погашение должны быть гарантированы державами и имеют быть установлены переговорами". В ответной тел. от 31/18 янв. 1914 г. за № 144 Сазонов выражал сомнение „в возможности для Черногории добиться столь льготных условий займа" и разрешал Обнорскому, если на это будут уполномочены представители всех держав, принять участие в переговорах, „поддерживая наиболее выгодные для Черногории финансовые условия при обеспечении целесообразного расходования сумм займа".

Поставка керосина могла бы быть также организована нами либо через Антиварский порт, либо через Санджак, тем более что сербским правительством только-что принято решение о предоставлении нам поставки этого продукта в Старую Сербию.

Вопросы эти будут мною разработаны путем последующей переписки с г. Окуличем.

Озабоченный вопросом о возможном урегулировании черногорских финансов, состояние которых не может быть безразличным ввиду принятого императорским правительством решения продолжать нашу военную помощь Черногории и вообще поддерживать эту страну в качестве самостоятельного политического фактора, я уже несколько месяцев тому назад вступил, под рукою, в переговоры с известным знатоком Балкан, французским журналистом Loiseau, занимающимся финансовыми операциями и представляющим Crédit Français. Г. Loiseau удалось, при моем содействии, получить от черногорского правительства для представляемой им финансовой группы концессию на устройство в Черногории ипотечного банка.

Вопрос об устройстве в стране этой операции—либо нами, либо при нашем содействии,—в видах обеспечения от такого рода попыток со [стороны] Австрии, как известно вашему высокопревосходительству, уже был мною разработан в двух докладных записках, представленных в январе 1912 г. одновременно с заключением Черногориею 3½ млн. займа в Австрии, который предполагалось обратить главным образом на организацию ипотечного банка. Операция эта, по счастливой случайности, не удалась, так как полученные от Австрии деньги были истрачены на военные нужды.

В настоящее время Черногория, несмотря на переживаемые ею денежные затруднения, вполне независима в своих финансовых операциях от Австрии, благодаря твердому положению Черногорского банка, который опирается главным образом на французский рынок, пользуясь открытым для него, по ходатайству императорской миссии, уже 2 года назад, полумиллионным кредитом в русских и франко-русских банках. Последнее обстоятельство дало, между прочим, банку возможность выдержать без особых потрясений тяжелую пору двух балканских войн.

Предполагая развить свои операции в Черногории, группа Crédit Français командировала недавно сюда своего специального технического представителя г. Brun для изучения вопроса о различного рода концессиях на эксплоатацию страны и в особенности на сооружение путей сообщения.

Присутствие в Черногории французов представляется мне весьма

полезным, как противовес монополизировавшим до сего времени экономическую жизнь страны итальянцам, деятельностью которых здешнее население имеет много оснований быть далеко не удовлетворенным.

Вместе с тем расширение концессионного дела является и обеспечением правильного экономического развития страны, представляя в то же время наиболее верную гарантию сколько-нибудь правильной уплаты по заключаемому ныне крупному займу.

Таково в общих чертах положение экономической жизни Черногории накануне переговоров о займе, организация которого, хотя и обещанная державами, представит, вероятно, немало затруднений.

В заключение считаю долгом еще раз указать на существенную, не только в интересах держав, но и в интересах самого черногорского населения необходимость установления реального международного контроля над расходованием займа, дабы выдаваемые черногорскому правительству суммы действительно шли на удовлетворение насущных нужд черногорского народа, правители которого не имеют никакого представления о правильном расходовании бюджетных сумм, мало при этом стесняясь соображениями государственной экономии и наблюдением своего, довольно фантастического, контроля.

Обнорский.

№ 203. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Депеша № 4 [1]. 8 февраля/26 января 1914 г.

В дополнение к моим предыдущим донесениям и телеграммам по делу о Вермоше, имею честь представить при сем вашему высокопревосходительству сообщенный мне черногорским министерством иностранных дел текст заявления представителей группы Тройственного союза от 29 января нов. ст.[2], а равно и сделанного ранее австрийским посланником, по предписанию из Вены, заявления черногорскому правительству, разъясняющего австрийскую точку зрения на толкование границ областей Гусинье и Клементи.

Заявление Австрии, Италии и Германии носит чисто академический характер и никаких протестов со стороны черногорского правительства не вызвало.

---

[1] Лит. копия.

[2] В этом заявлении указывается, что оккупация Вермоша черногорцами ни в какой мере не предрешает окончательного постановления разграничительной комиссии.

Принимая однако во внимание недопустимость заявлений отдельных государств по вопросу, касающемуся постановлений конференции, в которой принимали участие все великие державы, английский поверенный в делах использовал данные ему в свое время инструкции и, в форме совершенно дружественного словесного заявления, присоединился „post factum" к выступлению коллег Тройственного союза.

Французский поверенный в делах и я от всякого рода бесед с черногорским правительством по этому вопросу воздержались.

Что касается австрийской точки зрения на вопрос о границах между областями Гусинье и Клементи[1], то она, ввиду отмеченных мною ранее противоречий в тексте постановления Лондонской конференции, идущих всецело в пользу Черногории, представляется мне совершенно не выдерживающей критики и во всяком случае не исключающей возможности всякого рода дальнейших переговоров, тем более, что здешний австрийский посланник лично вполне признает справедливость черногорских притязаний и, по сделанному им мне признанию, донес об этом своему правительству.

Обнорский.

№ 204. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 74. 8 февраля/26 января 1914 г.

Продолжение телеграммы № 73[2].

Спешно.

Со своей стороны великий визирь и Талаат-бей жаловались Маллету на теперешнее отношение Англии к Оттоманской империи. Они не знают, чем объяснить себе почин Грея в деле присуждения Греции Хиоса и Митилены. Такой почин противоречит де традиционной благожелательной политике Англии. Министры опасаются, что ожидаемая нота держав послужит помехой к согласию Греции вступить с Портою в переговоры относительно возможного обмена этих островов. Гулькевич.

[1] Эта точка зрения изложена в пам. записке, врученной росс. м-ру ин. дел австр.-венгр. послом в Петербурге 8 янв. 1914 г./26 дек. 1913 г.

[2] В тел. от 7 февр./25 янв. 1914 г. за № 73 Гулькевич передавал свою беседу с греч. посланником, который, между прочим, сообщил, что турки, вопреки сведениям, появившимся в печати, не делают никаких попыток начать непосредственные переговоры с Грецией о Хиосе и Митилене. Вместе с тем посланник выразил готовность вступить в переговоры по вопросу о положении русских монастырей на Афоне.

№ 205. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 76 [1]. 8 февраля/26 января 1914 г.

Телеграмму № 201 [2] получил. Копия в Париж.

Только-что парафировал с великим визирем соглашение [3], текст коего высылаю завтрашним пароходом. Ввиду желательности сохранить за соглашением характер обязательства Турции перед одной Россией и предупредить парафирование его также и германским представителем, просил Саид-Халима хранить в тайне факт письменного закрепления [4]. Великий визирь дал соответственное обещание. Буду говорить коллегам, что сегодня мы пришли к полному соглашению относительно содержания ноты Порты [5].—Великий визирь просил передать его искреннюю благодарность вашему высокопревосходительству за примирительное отношение, обнаруженное вами во время переговоров. Он надеется, что скрепленный акт будет способствовать улучшению отношений между двумя державами.

Гулькевич.

№ 206. Заведующий отделом Среднего Востока консулу в Астрабаде Иванову.

Телеграмма № 214 [6]. 9 февраля/27 января 1914 г.

Дополнение моей телеграммы № 207 [7].

Упомянутое в ней совещание признало желательной скупку всех еще имеющихся свободных земель в Астрабадском и Гюр-

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 158, № 146.

[2] Тел. от 7 февр./25 янв. 1914 г. за № 201 (опубл. Ор. кн., стр. 157—158, № 145, с сокращениями) Сазонов уполномочивал Гулькевича парафировать соглашение по армянским реформам, причем указывал, что перепись должна происходить под контролем генеральных инспекторов.

[3] В Ор. кн. тел. начинается словами „Великий визирь и я подписали сегодня соглашение...“

[4] В ответной тел. от 10 февр./28 янв. 1914 г. за № 233 Сазонов, указывая на то, что „тайну сохранить невозможно“, просил Гулькевича сделать соответствующее сообщение по этому поводу представителю тел. агентства для опубликования в печати, чтобы установить „правильную точку зрения на состоявшееся соглашение по армянскому вопросу“.

[5] В Ор. кн., начиная от слов „ввиду желательности...“ и кончая словами „...содержания ноты Порты“, опущено.

[6] Лит. копия.

[7] См. № 194.

генском районах нашим правительством, а в случае невозможности этого—нашим банком. Телеграфируйте возможно спешно, какое приблизительно количество земли могло бы быть скуплено и какая примерно может потребоваться на это сумма [1].

Копия в Тегеран. Клемм.

№ 207. Министр иностранных дел посланику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 217 [2]. 9 февраля/27 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграммы Преображенского №№ 115 и 126 [3]. Благоволите указать германскому посланнику на дерзкое поведение Шюнемана в отношении нашего генерального консульства и на неосновательные его претензии, попросив его принять энергичные меры против этого германского агента и дав ему понять, что мы считаем дальнейшую затяжку этого дела недопустимой.

Сазонов.

№ 208. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 218 [4]. 9 февраля/27 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Писарева № 15 [5].

Применение таких репрессивных мер в Ардебиле, как обстрел

[1] Тел. от 10 февр./28 янв. 1914 г. за № 4 Иванов сообщал, что в случае признания за туркменами права собственности на земли Туркменской степи может оказаться свыше 60 тыс. дес. свободной земли; в данное же время он имел в виду 20 тыс. дес.; покупная цена десятины определялась Ивановым в размере от 20 до 50 руб. „Во всяком случае,—замечал Иванов,—при бедности поселенцев и громадности риска приобретения здесь земли скупка земель самим правительством — единственный способ помешать спекуляции и эксплоатации, а полумиллиона достаточно, чтобы устроить многих".

[2] Лит. копия.

[3] В тел. от 5 февр./23 янв. 1914 г. за № 115 Преображенский сообщал, что ввиду заявления Шюнемана о том, что германские предприниматели приступят к разработке угля на участке, заарендованном Переяславом, он обратился к Шоджа-эд-Доуле с официальной нотой, в которой предложил не допускать посторонних лиц к разработке копей, арендованных русскоподданным. Шюнеман, которому была послана копия ноты, заявил Шоджа-эд-Доуле протест, называя требование Преображенского „бессмысленным и неприемлемым". В тел. от 6 февр./24 янв. 1914 г. за № 126 сообщалось о попытке Шюнемана путем угроз заставить Хаджи-Али-Аскера, брата бывшего арендатора спорного участка, сделать на арендном договоре задним числом передаточную надпись в пользу германских предпринимателей.

[4] Лит. копия.

[5] В тел. от 7 февр./25 янв. 1914 г. за № 15 росс. вице-консул в Ардебиле Писарев сообщал, что в связи со случаями нападений на офицеров русского

и разрушение кварталов, признано безусловно нежелательным. Взамен этого можно было бы облагать население надлежащего квартала штрафом.

В надежде, что ваше сиятельство разделите эту точку зрения, покорнейше прошу не отказать в соответствующих указаниях начальнику ардебильского отряда.

Копия в Тегеран, Ардебиль и Тавриз.

Сазонов.

№ 209. Министр иностранных дел посланнику в Белграде.

·/. Телеграмма № 222 [1]. 9 февраля/27 января 1914 г

Сообщается в Париж.

Прибывший из Парижа Николай Рафалович сообщил нам, что итальянцы сделали французской группе общества Восточных дорог предложение о предоставлении им известной доли акций с тем, чтобы итальянский представитель как в финансовом обществе, так и в сербском эксплоатационном обществе подчинялся решениям франко-русской группы.

Участие итальянцев при закреплении указанного условия письменным обязательством представляется нам скорее [2] желательным и во всяком случае более выгодным, нежели передача им части австрийских акций, ибо тогда можно опасаться, что они будут поддерживать австрийскую группу, между тем как при осуществлении предложенной комбинации их экономические интересы будут связаны с интересами французских и русских акционеров [3].

Благоволите доверительно осведомиться о взгляде сербского правительства на вышеизложенное предложение и сообщить ваш отзыв нам и в Париж [4].

Сазонов.

отряда им и начальником отряда будет сделано ардебильскому губернатору предупреждение следующего содержания: „...в случае повторения вооруженного нападения на чинов отряда квартал города, где произойдет нападение, подвергнется орудийному обстрелу и разрушению".

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 49, № 1263.

[2] У Stieve слово „скорее" опущено.

[3] У Stieve: „mit denen Frankreichs und Russlands".

[4] В Архиве Вн. Пол. имеется следующая записка Н. Рафаловича, озаглавленная „Итальянское участие в интернационализации Восточных дорог", датированная 8 февр./26 янв. 1914 г. „Итальянцы, добиваясь представительства в правлениях финансового общества в Париже и эксплоатационного общества в Сербии (на участии в правлении эксплоатационного общества в Греции они не настаивают), предлагают доверительно следующее. Французская группа, в состав коей входят и

№ 210. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 7 [1]. 9 февраля/27 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству телеграммой от [8 февраля] 26 января сего года, великий визирь и я скрепили своими подписями акт, которым турецкое правительство обязуется обратиться к державам с выработанной императорским посольством совместно с Портою нотой об армянских реформах, как только державы сообщат Турции имена двух генеральных инспекторов секторов восточной Анатолии.

Актом [8 февраля] 26 января, при сем представляемым в подлиннике[2], завершены подготовительные работы по введению в Армении реформ, поставленных на очередь циркулярным обращением императорского правительства к великим державам от [6 июня] 24 мая 1913 г. [3]. Акт имеет, несомненно, крупное историческое значение.

Обязательство ввести реформы в Армении, впервые наложен-

русские участники, будет располагать 50% финансового общества в Париже. Итальянцы предлагают, чтобы группа эта продолжала, и по предоставлении ею известной доли итальянцам, быть одним целым с тем, чтобы итальянский представитель как в финансовом обществе, так и в сербском эксплоатационном обществе обязался подчиниться директивам группы. Это предложение, основанное на различии и даже на противоположности интересов Австрии и Италии в экономической области, выгоднее, нежели предоставление участия итальянцам с австрийской стороны, которое, несомненно, будет обставлено известными гарантиями, способными обеспечить согласное голосование австрийцев и итальянцев. Предложение это выгодно и само по себе, ибо франко-русская группа получит итальянского заложника и тем самым запутает карты Тройственного союза. Само собою разумеется, что осуществление предложенного итальянцами порядка потребует письменных обязательств в определенной форме, которые должны быть даны итальянской группой. Казалось бы, что под влиянием соображений политического характера, совершенно законные колебания французов относительно участия итальянцев должны бы уступить место хладнокровной оценке нового итальянского предложения, сделанного г. Вольпи представителям французской и русской групп в Париже. Решение вопроса должно последовать не дипломатическим путем, а путем указания, данного французским правительством своей группе, ибо вышеприведенная итальянская формула по самому своему характеру не может служить основанием для дипломатических переговоров, при которых итальянцам было бы трудно пренебречь союзными отношениями, как они готовы это сделать под покровом соглашения между группами".

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 165—174, № 148.

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 158—161, № 147.

[3] Текст соответств. тел. Нератова опубл. Ор. кн., стр. 41, № 32.

ное на Порту 16-ю статьей Сан-Стефанского договора 1878 г. и развитое в 61-й статье Берлинского трактата, как известно, Турцией не было исполнено. Правда, настояния России, Англии и Франции заставили султана Абдул-Гамида издать 20 октября 1895 г. декрет о реформах в Армении, но этот декрет остался мертвой буквой. По настоящий день несчастное христианское население Армении продолжает страдать от произвола и насилия турецких чиновников и бесчинства курдов, безнаказанно посягающих на жизнь, честь и имущество мирных жителей края.

Сознавая необходимость коренных преобразований турецкого управления в Армении, императорское правительство внесло на обсуждение держав проект реформ, покоящийся на основах, выработанных в 1895 г. послами России, Франции и Англии. Проект этот, отвечавший всем желаниям армян, предлагал образование одной армянской провинции; назначение султаном с согласия держав генерал-губернатора этой провинции и наделение сего последнего широкими полномочиями; учреждение провинциального собрания с обширной компетенцией, в котором мусульманам и не-мусульманам предоставлялось одинаковое количество мест; проведение того же начала равенства при распределении всех должностей, включая полицию и жандармерию; равноправие языков; упразднение курдской кавалерии хамидие; предоставление всем народностям края свободы школьного преподавания и права самообложения на школьные нужды; возвращение армянам незаконно отнятых у них земель.

Русский проект [1], обсуждавшийся с 3 по 24 июля 1913 г. на совещании представителей посольств в Еникейе, встретил упорное сопротивление со стороны делегатов Тройственного союза, предлагавших положить в основание реформ для Армении турецкие законы, в особенности же прибавление к закону о вилайетах и инструкции, сообщенные посольствам Портою при ноте от 1 июля 1913 г. [2]. Этими актами, спешно составленными турецким правительством под влиянием советов из Берлина, турецкая Армения делилась на два сектора, во главе коих ставились генеральные инспектора из иностранцев, назначаемые султаном без согласия держав; сохранялась вся нынешняя организация вилайетов, и инспекторам предоставлялось только право контроля управления и увольнения чиновников. Императорское посольство не могло, ко-

---

[1] См. стр. 195, прим. 3.
[2] Опубл. Ор. кн., стр. 183—189.

нечно, согласиться на положение в основу реформ в Армении крайне отрывочных и несовершенных турецких уставов и настояло на обсуждении еникейской комиссией русского проекта. Но, к сожалению, обсуждение это привело к установлению согласия между посольствами только по некоторым вопросам, как-то: школьному, аграрному, о равноправии языков. Что же касается главных основ реформ, образования одной армянской провинции, назначения генерал-губернатора с согласия держав, одного провинциального собрания и применения начала равенства при распределении мест в этом собрании, а также должностей,—то представителями держав Тройственного союза было занято безусловно враждебное по отношению к русскому проекту положение. Особенно выделился защитой турецких интересов германский представитель, и если бы протоколы еникейской комиссии были когда-либо опубликованы[1], то армяне получили бы возможность воочию убедиться в настоящих чувствах к ним немцев, старавшихся в то же время привлечь их на свою сторону льстивыми обещаниями.

Ввиду такого исхода работ еникейской комиссии, императорский посол счел нужным обеспечить осуществление преобразований в Армении путем заключения с посольствами Тройственного союза, и прежде всего с Германией, компромисса, обеспечивающего нам их содействие при предъявлении Порте проекта реформ, хотя и не столь широких, как ранее нами намеченные, но все же способных временно удовлетворить армянское население Анатолии. Результатом переговоров гофмейстера Гирса с бароном Вангенгеймом явился сентябрьский (1913) проект из шести пунктов. Проект этот, признавая деление восточной Анатолии на два сектора, предлагал: назначение генеральных инспекторов этих секторов Портою по рекомендации держав; предоставление инспекторам права увольнять всех чиновников, назначать низших и представлять высших и всех судей на утверждение султана; учреждение двух секторских собраний, составленных из равного числа мусульман и христиан; равномерное распределение всех должностей между мусульманами и христианами; предоставление державам права контролировать применение реформ чрез послов в Константинополе и консулов в провинции.

Русско-германские пункты, получившие одобрение других правительств, были представлены частным образом императорским послом Порте, чем и открылись переговоры о реформах с Турцией,

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр., 190—272.

всею своей тяжестью легшие на одно русское правительство. После письменного заявления самого общего характера о желании Турции провести реформы при нравственной и материальной поддержке держав ([25] 12 окт.)[1] Порта сделала попытку избежать назначения генеральных инспекторов по рекомендации держав. С этой целью великий визирь в беседе с императорским послом предложил создать при турецких инспекторах должности иностранных советников, в руках которых фактически была бы сосредоточена вся власть. Представленный [7 ноября] 25 окт. 1913 г., турецкий проект о советниках[2] однако совершенно не удовлетворял сказанному условию, а наоборот, не наделял советников почти никакими существенными правами. Ввиду этого императорский посол, после длительных переговоров как с великим визирем, так и с армянским патриархатом[3], подверг турецкий проект коренной переработке, внеся в него целый ряд поправок и новых статей, обеспечивающих действительное подчинение турецких генеральных инспекторов иностранным советникам. Переделанный проект о советниках был опять-таки частным образом вручен гофмейстером Гирсом Саиду-Халиму-паше 9/22 ноября 1913 г.[4]. В проект, кроме определения объема совместной власти инспекторов и советников и способа разрешения возникающих между ними пререканий, входили также постановления о соблюдении начала равенства при распределении должностей и мест в генеральных советах, о равноправии языков, отбывании воинской повинности на местах, школах, юстиции и земельном вопросе.

Увидав, что его замысел свести на-нет реформу созданием института советников потерпел неудачу, приведя к представлению проекта еще более стеснительного для Порты, чем русско-германский,—турецкий совет министров счел удобнее от него вовсе отказаться. [25] 12 дек. великий визирь жаловался впервые явившимся к нему совместно российскому и германскому послам на неудобства предложенного в последнем проекте способа разрешения пререканий между инспекторами и советниками, приводящего почти всегда к торжеству мнения последних; а когда послы ответили, что можно было бы вернуться к первоначальному предположению о назначении европейских генеральных инспекторов, Саид-Халим-паша допустил возможность такого исхода.

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 100, № 89; датир., 26/13 окт.

[2] Текст соответств. тел. Гирса опубл. Ор. кн., стр. 109, № 99.

[3] В Ор. кн. (стр. 168) слова „так и с армянским патриархатом" опущены.

[4] Опубл. Ор. кн., стр. 114—117, № 106, приложение.

[29] 16 дек. великий визирь предложил императорскому послу следующий способ назначения генеральных инспекторов: великий визирь, условившись официозно с представителями великих держав относительно объема власти этих лиц, обратится официозно же и словесно к представителям великих держав с просьбой указать кандидатов, а затем уже официально уведомит державы о их назначении и объеме их власти. На почве этого предложения между императорским послом и великим визирем начались настойчивые переговоры, причем гофмейстер Гирс стремился включить в новый проект главные принципы реформ, а совет министров старался ограничить все дело исключительно назначением и полномочиями инспекторов. [5 янв.] 23 дек. великий визирь передал послу текст полномочий [1], а гофмейстер Гирс со своей стороны вручил Саиду-Халиму проект ноты [2], которую Порта должна будет послать державам по назначении инспекторов. Переговоры между послом и великим визирем относительно окончательной редакции этих текстов, слитых впоследствии в один, велись затем почти ежедневно. Наконец, ко дню отъезда гофмейстера Гирса в отпуск [18] 5 янв. 1914 г. путем обоюдных уступок, было достигнуто соглашение по всем пунктам, кроме трех следующих: о школах; о распределении мест по полиции и жандармерии между мусульманами и не-мусульманами; о численном соотношении мусульман и не-мусульман в генеральных советах.

По первым двум вопросам удалось найти формулы, удовлетворившие как армян, так и турок. По вопросу же о составе генеральных советов потребовалось энергичное личное воздействие вашего высокопревосходительства для побуждения Порты к принятию удовлетворительного текста.

Обращаясь к оценке акта 26 января, нужно, конечно, признать, что он не предоставляет армянам тех обширных прав самоуправления, которые хотел обеспечить за ними первоначальный русский проект. Вместо предполагавшегося соединения всех местностей, населенных армянами, в одну провинцию с одним генерал-губернатором во главе, пришлось удовольствоваться образованием двух секторов под надзором двух генеральных инспекторов и с включением в эти секторы частей вилайетов, населенных исключительно мусульманами. Не удалось добиться ни учреждения одного собрания для всей турецкой Армении, ни расширения компетенции

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 130, № 117 (II).
[2] Опубл. Ор. кн., стр. 129, № 117 (I) (в измененной вел. визирем редакции).

генеральных советов вилайетов до размеров, предложенных международной комиссией 1880 г. для вилайетов европейской Турции. Пришлось отказаться и от некоторых других второстепенных пунктов русского проекта.

При всем том не подлежит малейшему сомнению, что акт 26 января имеет огромное значение для дальнейших исторических судеб армянского народа.

Хотя в тексте ноты, с которой Порта должна будет обратиться к державам, и не говорится, что генеральные инспектора назначены ею по рекомендации держав, но эта уступка турецкому самолюбию имеет совершенно платоническое значение: согласно словесному уговору, Порта должна будет назначить указанных ей державами лиц. Помимо того, в ноте уже прямо указывается, что Порта „рассчитывает на благосклонное содействие великих держав“ при выборе генеральных инспекторов, если бы в течение ближайших 10 лет эти должности сделались вакантными. Таким образом управление армянскими вилайетами поставлено под контроль иностранцев, назначенных по рекомендации держав. Другими словами, фактически для этих вилайетов создано положение, приближающее их к положению Ливана, с тем однако преимуществом, что генеральные инспектора—иностранцы, тогда как генерал-губернатор Ливана—турецкий подданный. Установленный для армянских вилайетов порядок знаменует также большой шаг вперед по сравнению с султанским декретом о реформах в Армении от 8/20 октября 1895 г. Как известно, этот декрет, учреждающий должность „верховного комиссара для проведения реформ“, совершенно не упоминает о согласии держав.

Переходя к постановлениям акта 26 января о полномочиях генеральных инспекторов, легко заметить, что предоставленные им права делают их не только „контролерами“ администрации, суда, полиции и жандармерии края, но и высшими его управителями. Генеральные инспектора назначают всех низших должностных лиц и входят в Порту с представлениями о назначении высших чинов; они могут увольнять за неспособность или дурное поведение всех чиновников администрации, кроме валиев; они могут даже устранять от должностей несменяемых судей, извещая об этом министерство юстиции. Что касается валиев (генерал-губернаторов), то генеральные инспектора, в случае недовольства их образом действий, извещают Порту по телеграфу, причем совет министров должен в 4-дневный срок постановить решение. Очевидно, что это решение не может разойтись с мнением генерал-инспектора,

разве Порта пожелает вызвать отставку последнего, что вряд ли будет иметь место, так как, согласно вышеприведенному пункту акта 26 января, приведет к новому вмешательству держав при замещении инспекторской вакансии.

Вооруженные силы секторов находятся в распоряжении генеральных инспекторов для исполнения принимаемых ими в пределах их компетенции мер.

Разрешение земельных споров и производство переписи поставлены под прямое наблюдение (surveillance) генеральных инспекторов. Но и во всех других областях управления и суда осуществление права контроля в связи с правом назначения и увольнения чиновников должно сосредоточить в руках умелых инспекторов всю фактическую власть над краем. Помимо того, акт 26 января предвидит выработку более подробных инструкций инспекторам относительно их прав и обязанностей, что позволит, конечно, развить их в еще более желательном для нас смысле.

В акт удалось также включить, как общее правило, постановление об отбывании воинской повинности в мирное время на местах,—постановление, не содержащееся в декрете 1895 года; курдские иррегулярные полки Хамидие, хотя не упразднены, но обращены в резервные кавалерийские полки, подчиненные во время маневров или мобилизации общим дисциплинарным правилам, но лишенные оружия во все остальное время.

Очень важным для армян является постановление, обеспечивающее в бюджете вилайета школам каждой народности часть, пропорциональную размеру платимых ею школьных налогов: правительство до сих пор обыкновенно расходовало все доходы с этих налогов на турецкие школы. Помимо того, Порта обязуется не препятствовать участию единоверцев в расходах по содержанию общинных школ. Таких постановлений не содержится в декрете 1895 г.

Новшеством является также обнародование законов, указов и официальных извещений на всех местных языках. Решения судов постановляются на турецком языке, но по возможности переводятся на язык сторон. Генеральные инспектора могут также допустить употребление сторонами родного языка в сношениях с судом и администрацией.

Согласно желаниям армян решен чрезвычайно важный вопрос о распределении должностей между мусульманами и не-мусульманами. Декрет 1895 г. исходит при этом распределении из начала пропорциональности. Акт 26 января постановляет, что принцип

равенства между мусульманами и не-мусульманами будет положен в основание распределения должностей по полиции и жандармерии, по мере открытия вакансий и поскольку генеральные инспектора не усмотрят в таком порядке неудобств—оговорка, очевидно, безвредная для христианского населения. Что же касается всех других должностей, то начало равенства будет применяться, поскольку возможно,—другими словами, опять-таки в зависимости от усмотрения генеральных инспекторов.

Наконец, христианскому населению, впредь до производства переписи под контролем генеральных инспекторов, обеспечена половина мест в генеральных советах двух вилайетов—Ванского и Битлисского, а также Эрзерумского, если в последнем вилайете перепись не будет окончена в течение ближайшего года. В остальных вилайетах члены генеральных советов уже теперь будут избираться по пропорциональной системе. Для предупреждения однако возможных злоупотреблений со стороны турецких властей постановлено, что число не-мусульманских избирателей будет определяться по спискам, представляемым не-мусульманскими общинами, а число мусульманских—по спискам, служившим для последних выборов в парламент; помимо того, если бы генеральные инспектора нашли эту систему избрания советников непрактичной, они вправе сделать предложение об ее изменении.

Наконец, благодаря личному почину вашего высокопревосходительства, удалось добиться представительства меньшинства в управах (энджуменах) генеральных советов вилайетов.

Таким образом акт 26 января 1914 г., несомненно, знаменует начало новой, более счастливой эпохи в истории армянского народа. По своему внутреннему политическому значению для этой нации его можно сравнить с фирманом 1870 г., создавшим болгарский экзархат и этим эмансипировавшим болгарский народ от греческой опеки. Горячая благодарность армянского патриархата, выразившаяся в телеграммах на имя его императорского величества государя императора, вашего высокопревосходительства и императорского посла[1], красноречиво свидетельствует о том, что ар-

[1] Гулькевич передавал благодарственную тел. армянского патриарха Николаю II в тел. на имя Сазонова от 8 февр./26 янв. 1914 г. за № 77, в которой отмечал „опасность, которая угрожала бы не только патриарху, но и вообще турецким армянам, если бы эта телеграмма сделалась достоянием гласности“. Благодарственные тел. патриарха Сазонову и Гирсу передавались в тел. Гулькевича от того же числа за №№ 78 и 79 с аналогичными оговорками.

мяне вполне сознают, что ныне сделан первый шаг к спасению их от турецкого ига[1].

Акт 26 января 1914 г. имеет также большое значение для международного положения России. Акт парафирован великим визирем и русским представителем и содержит обязательства Турции перед Россией обратиться к державам с нотой точно определенного содержания. Таким образом официально подчеркнута руководящая роль России в армянском вопросе и как бы подтверждена 16-я статья Сан-Стефанского договора. Это обстоятельство не может, конечно, не отразиться самым благотворным образом на международном престиже России и окружить имя ее монарха новым обаянием в сердцах христиан Ближнего Востока.

Нужно также надеяться, что соглашение 26 января еще более привлечет на сторону императорского правительства симпатии русских армян, утвердит их в нынешнем отношении к русской государственности и отклонит их от пополнения рядов наших крайних партий. Я позволю себе также думать, что когда исторические судьбы России приведут ее в Константинополь, она сможет опереться на 200-тысячное армянское население Царьграда в неминуемой борьбе с греческим элементом[2].

Для достижения соглашения с Портой по армянскому вопросу императорскому послу пришлось преодолеть большие трудности. С одной стороны, ему приходилось считаться с естественным желанием армян добиться возможно более широких реформ, с другой— с упорным сопротивлением Порты, стремившейся свести на-нет предложенные ей реформы и с этой целью восставшей против всех существенных частей нашего проекта. К сожалению, нельзя сказать, что в борьбе с турецкой обструкцией императорский посол пользовался деятельной поддержкой французского и английского представителей[3]. Что же касается Германии, то она вошла с нами в соглашение по армянскому вопросу с двоякой целью: во-первых, дабы иметь возможность сказать Порте, что она удержала Россию от широких реформ ценою своего согласия на более скромные, безопасные для Турции; во-вторых, дабы снискать расположение армян, которыми Германия дорожит ввиду их преобладания в Киликии, считаемой ею своей сферой влияния. Поэтому поведение

[1] В Ор. кн. (стр. 173) слова „Горячая благодарность... свидетельствует о том, что" опущены; фраза начинается словами; „Армяне не могут не сознавать...".

[2] В Ор. кн. (стр. 173) весь абзац „Нужно также... греческим элементом" опущен.

[3] В Ор. кн. (стр. 174) слова „К сожалению... представителей" опущены.

Германии отличалось за все время неискренностью, и ее поддержка имела чисто показной (для армян) характер; на самом же деле барон Вангенгейм и еще более г. фон-Муцлус [1] являлись верными советчиками турок [2]. Хорошо осведомленные армяне вполне оценили это поведение и решили не выражать благодарности Германии одновременно с Россией, а отложить исполнение этой обязанности до того момента, когда патриархат будет официально благодарить все великие державы.

Из всего вышеизложенного следует, что все предварительные труды по заключению соглашения с Портою легли на представителя России в Константинополе, уменье и энергия коего достаточно известны вашему высокопревосходительству и едва ли нуждаются в моей скромной оценке. При устранении отмеченных мною выше затруднений, с которыми императорскому послу пришлось встретиться на пути достижения согласия Порты на проведение настоящих реформ, ближайшим его сотрудником как по составлению первоначального проекта с постепенными его видоизменениями, так и по сношению с армянской патриархией был первый драгоман посольства ст. сов. Мандельштам, о чем считаю долгом с особенным удовольствием довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Примите и пр. К. Гулькевич.

№ 211. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

Письмо. 9 февраля/27 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В числе литографий, обязательно доставленных императорскому посольству вашим высокопревосходительством, имелась телеграмма посла нашего из Парижа от 14/27 с. м. за № 15 [3]. Как раз в день получения ее мне пришлось встретиться у великобританского посла с сэром Ричардом Крауфордом и г. Гревсом, членом финансовой комиссии.

---

[1] В Ор. кн. (стр. 174) вместо слов „барон Вангенгейм и еще более г. фон Муциус" — „германские дипломаты".

[2] В Ор. кн. (стр. 174) вся последующая часть документа опущена.

[3] Повидимому, ошибка: тел. за № 15 от 24/11 янв. посвящена вопросу о приезде Пуанкаре в Россию; повидимому, Гулькевич имеет в виду тел. Извольского от 27/14 янв. за № 18, посвященную вопросу о финансовом положении Турции (см. № 114).

Оба рисовали в самых мрачных красках близко знакомое им, вследствие служебного их положения, финансовое состояние Турции. Я должен заметить, что за два года моего здесь пребывания мне постоянно приходилось слышать, будто бы Турция находится накануне банкротства; между тем путем заключения разорительных займов и постоянного, едва ли мыслимого в других странах, увеличения налогового бремени, оттоманскому правительству удавалось уплачивать проценты по своим обязательствам и перебиваться со дня на день. Ныне однако, по словам названных выше лиц, турки дошли до крайнего предела, за которым, действительно, вероятен крах с самыми нежелательными и неожиданными последствиями. Возможна полная остановка всей государственной машины, ибо служащие уже шесть месяцев не получают содержания и терпят не поддающиеся описанию лишения. Остановка государственной жизни может повлечь за собою наложение правительством руки на капиталы, принадлежащие иностранным заимодавцам. От последнего удерживает турок лишь страх перед окончательным крушением их кредита; однако если они будут доведены до отчаяния, то голос рассудка умолкает перед чувством самосохранения.

В подтверждение вышеуказанного позволяю себе препроводить при сем полученную от сэра Луиса Маллета копию с письма Крауфорда[1]. Хотя последний в письме своем ратует лишь за сокращение поставленного державами Турции шестимесячного срока для введения таможенной надбавки до двухмесячного, но на словах он не скрыл от нас, что вполне разделяет убеждение Гютнера (телеграмма посла № 13 от [17] 4 с. м[2].) о необходимости немедленного введения 4%-й надбавки явочным порядком.

Не следует при этом упускать из виду, что американцы, имеющие в лице своего посла г. Моргентау столь ревностного охотника упрочить их влияние в Турции, быть может, и найдут способ ссудить туркам необходимые деньги (моя телеграмма № 57 от [31] 18 с. м.[3]), такое финансовое их утверждение здесь было бы, однако весьма нежелательно, ибо г. Моргентау отличается крайней к нам враждой, и появление здесь нового неприязненного нам фактора еще более ослабило бы наше положение.

Ввиду изложенного, обязуюсь высказать перед вашим высоко-

[1] Приложенная к письму копия записки Крауфорда, содержание которой в основном изложено в публикуемом письме, хранится в Арх. Вн. Пол. в деле П. А., № 214.

[2] См. № 139.

[3] См. № 154.

превосходительством, что ныне, после принятия Турцией нашего проекта о реформах в Армении, следовало бы повлиять на французов в целях облегчения немедленного получения турками в Париже первой tranche займа в 300 млн. фр.[1]. Деньги эти не могут пойти на вооружения, ибо в настоящую минуту столь острого финансового напряжения первой неотложной заботой правительства должно явиться смягчение этого положения.

Поэтому я полагаю, что, если в настоящий момент для нас нежелательно ускорение общего финансового и политического кризиса Оттоманской империи, нам следует воздействовать на Францию в вышеуказанном смысле, тем более что всякое промедление в получении турками денег приписывается ими нашему влиянию.

Примите и пр.

Гулькевич.

№ 212. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

Письмо. 9 февраля/27 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить при сем на благовоззрение вашего высокопревосходительства таблицу о состоянии к сегодняшнему дню долга Оттоманской империи, нарочито составленную для меня, как мне сказал германский поверенный в делах, доставивший мне сказанную таблицу[2]. Таковая должна убедить нас в том, что самым

---

[1] В тел. от 11 февр./29 янв. 1914 г. за № 86 Гулькевич передавал ходатайство армянского патриарха о том, чтобы „Турции была облегчена возможность получить в Париже сумму, размеры которой позволили бы Порте уделить часть ее на проведение реформ в Армении", и сообщал, что, по мнению патриарха, „без денежной поддержки деятельность инспекторов обречена на неуспех". Поддерживая это ходатайство, Гулькевич высказывал ту мысль, что „следовало бы сверх 300 млн. ссудить Порте также и некоторую сумму на реформы, обеспечив действительное ее израсходование на этот предмет".

[2] Таблица носит заголовок: „Evolution de la participation de la France, de l'Angleterre et de l'Allemagne dans les créances (emprunts et chemins de fer) dont le service est géré par l'administration de la Dette Publique Ottomane. Situation au 1/14 septembre 1913". Доля каждой из трех стран в старых займах Турции (до мухарремского декрета 1881 г.), согласно этой таблице, равнялась: 38,64% (Франция), 8,43% (Англия) и 16,93% (Германия). Доля этих трех стран в займах, заключенных после 1881 г., соответственно равнялась: 37,31%, 2,69% и 60%. Наконец, доля в железнодорожных километрических гарантиях равнялась: 35,67% для Франции и 64,33% для Германии при полном отсутствии Англии. Итог по всем трем статьям получается следующий: Франция — 37,51%, Англия — 4,51%, Германия — 42,87%.

крупным заимодавцем Турции является ныне уже не Франция, а Германия. Последней принадлежат свыше 42% вложенных здесь капиталов, тогда как первая имеет лишь немногим более 37%.

Германский представитель доказывает, что раз Франция уступила Германии первое место среди кредиторов Оттоманской империи, то обеспечение французским держателям оттоманских ценностей преобладающего значения в Совете оттоманского долга является уже несправедливым. Даже помимо возбуждения вопроса о введении в Совет нашего представителя Германия имеет полное основание требовать себе очередного председательства в Совете, подобно Франции и Англии.

Если же ставить вопрос о нашем допущении в Совет долга, что угрожает изменением не к выгоде Германии установившегося в Совете равновесия,—то ей надлежит озаботиться обеспечением своих интересов, а это окажется возможным только в том случае, если одновременно с нашим делегатом войдет в Совет немец, будь то представитель Deutsche Bank или Багдадской дороги. „Для нас весь вопрос сводится к спасению последней",—сказал мне г. фон Муциус.

В общем он только повторил мне доводы, приведенные в сообщении германского посла в С.-Петербурге от [26] 13 января с. г.[1], обязательно доставленном мне среди литографий предпоследней экспедиции. Он указывал мне на пагубные для Турции последствия (ст. 20-я декрета мухаррема[2]), если бы она решилась ввести русского представителя, не заручившись предварительно согласием всех синдикатов заимодавцев Турции. Он настаивал на том, что с расширением круга деятельности Совета оттоманского долга, естественно, изменилось соотношение, существовавшее в момент издания декрета мухаррема, и что через лет 30—40, когда будут погашены первоначальные долги, Германия останется почти единственным заимодавцем Турции.

Затем, лично от себя, подчеркиваю, что, не имея полномочий своего правительства на предъявление мне такового предложения, Муциус заявил, что Германия, вероятно, согласилась бы допустить замену представителя Оттоманского банка нашим делегатом, если бы ей взамен было обеспечено очередное, раз в три года, предсе-

---

[1] См. № 103.

[2] Статья 20-я гласит: „В случае, если бы правительство кассировало настоящее соглашение или приостановило его исполнение, держатели вновь вступят во все свои права, установленные первоначальными контрактами о займах, поскольку их бумаги и были еще амортизованы".

дательство в Совете. „Вам будет легче, нежели нам, добиться этого от ваших союзников",—сказал он. Но уже гофмейстер Гирс в телеграмме № 1097 от [28] 15 декабря 1913 г.[1] высказывал сомнение в возможности для нас рассчитывать на французов и англичан в этом вопросе, и я могу только разделить его опасения, будучи убежден, что коммерческие интересы стоят у французов здесь на первом плане, совершенно заслоняя вопросы политические.

Я не искал опровергнуть цифровые данные, приведенные мне г. фон-Муциусом, ибо я не успел проверить их точность в „противоположном" лагере, да и не сомневаюсь в их подлинности, ибо едва ли он рискнул бы притти ко мне с цифрами вымышленными. Я повторил ему лишь то, что он постоянно слышит от меня, а именно, раз вследствие введения 4%-й надбавки выгоды нашей торговли до известной степени приносятся в жертву Багдадской железной дороге, то и мы вправе требовать от Германии хотя бы чисто нравственной компенсации, как ее согласия на введение нашего представителя в Совет долга[2].

Примите и пр. Гулькевич.

---

[1] Тел. эта передает беседу Гирса с Джавид-беем. Гирс убеждал последнего в необходимости допустить росс. делегата в Совет долга. Джавид ссылался на „требование Германии очередного председательства в Совете для своего делегата". Другое требование Германии заключалось в допущении в Совет долга второго германского делегата—от Deutsche Bank или от Багдадской дороги. „Как на крайнюю уступку, которую сделает, по его мнению, Германия, Джавид указал на вероятное ее настояние, чтобы в случае вступления нашего делегата в Совет из него был исключен представитель Banque Ottomane". Лично я полагаю,—продолжал Гирс,—что французы и англичане ущерба не понесли бы от такой комбинации, ибо наш делегат отстаивал бы их интересы в Совете, но сомневаюсь, чтобы Франция и Англия изъявили на это свое согласие".

[2] В дополнение к этому письму Гулькевичем была представлена Сазонову (при письме от 14/1 февр. 1914 г.) составленная генеральным директором управления Оттоманского долга Писсаром таблица сравнительного участия в долге Англии, Франции и Германии и объяснит. записка к ней. Таблица составлена по образцу германской (см. стр. 262, прим. 2), но более суммарно — доля участия в отдельных займах в ней, в отличие от германской таблицы, не указывается. В займах, урегулированных декретом мухаррема, доля Франции исчисляется в 60,4%, Англии—в 8,43%, Германии—в 10,63%. Доля в займах, заключенных после 1881 г., определялась соответственно в 44,82%, 3,23%, 51,91%, в километрических жел.-дор. гарантиях—в 35,67% для Франции и 64,33% для Германии при полном отсутствии английского участия. Доля участия Франции по всем 3 статьям составляет 49,58%, доля Германии 36,35% и доля Англии 4,82%. Расходясь в определении долей участия Германии и Франции по всем трем статьям, долю Англии обе таблицы по всем рубрикам определяют совершенно одинаково. В записке Писсара

№ 213. Германский посол в Петербурге министру иностранных дел.

Письмо.

Ce mardi [1].

Mon cher ministre,

Permettez-moi de vous envoyer ci-joint des coupures de journaux qui ont rendu d'une façon tendancieuse vos déclarations faites à la commission du budget [2]. J'apprends que plusieurs journaux ont

---

указывалось на необходимость не принимать в расчет IV и VI серии багдадских займов на сумму 7 128 тыс. тур. лир, так как займы эти еще не выпущены. Вместе с тем отмечалось, что участие Франции в турецких займах, выпущенных за границей, и особенно в Германии, весьма значительно. В упомянутом выше препроводительном письме Гулькевич указывал, что соображения эти не кажутся ему заслуживающими внимания, так как багдадские займы могут быть выпущены в любой момент, участие же Франции в турецких займах, выпущенных на германских биржах, представляется ему весьма сомнительным. Сведения, представленные Писсаром, по мнению Гулькевича, лишь подтверждают данные германской таблицы, а именно, что наиболее крупным кредитором Турции является в данное время не Франция, а Германия. В записке на имя Трубецкого от 26/13 февр. 1914 г. Н. Рафалович доказывал ошибочность взгляда Гулькевича. По мнению Рафаловича, принимать в расчет IV, V и VI серии багдадского займа невозможно, так как они еще не выпущены и не входят в состав долга и на этом основании исключены финансовой комиссией из ее таблиц. Далее Рафалович доказывал, что наиболее крупным кредитором Турции является Франция, Германия же стоит на втором месте, и доля ее участия в долге составляет максимум 20%. Отмечая, что в Совете долга имеется делегат от группы Diskonto-Gesellschaft — Bleich, при котором состоит в качестве консультанта представитель Багдадской дороги, Рафалович писал: „Немцы хотят узаконить это положение и обеспечить представительство обеих групп. Мое впечатление, что они будут стремиться к этому даже независимо от вопроса о включении нашего делегата и воспользуются для этого первым удобным случаем. Будет ли тогда момент, столь же удобный для нас, как настоящий,— угадать нельзя".

[1] Дата не проставлена. На основании сохранившейся в делах б. м-ва ин. дел поденной записи, публикуемое письмо можно отнести к 10 февр./28 янв. 1914 г.

[2] К письму были приложены вырезки из газет „Петербургский курьер", „Биржевые ведомости", „Русское слово" и „Речь" от 8 февр./26 янв. 1914 г. и из газеты „Свет" от 9 февр./27 янв. В газетах этих сообщалось, что при обсуждении в бюджетной комиссии Гос. думы сметы м-ва ин. дел Шингарев указал Сазонову на необходимость подготовиться к предстоящему в 1917 г. заключению нового торгового договора с Германией. По мнению Шингарева, „можно опасаться, что к 1917 г. Германия подготовит какие-нибудь внешние осложнения для России, дабы, как это было с торговым договором 1904 г., выговорить себе наиболее благоприятные условия" („Речь"). Сазонов ответил, что „высказанные опасения не лишены оснований" и что „возможность внешних осложнений ко времени заключения договора будет принята во внимание и обсуждена в совете министров" („Речь"). (В остальных 4 газетах передавалось заявление Сазонова о том, что он „вполне разделяет опасения" Шингарева и намерен поднять в совете министров вопрос о том, чтобы были приняты соответствующие меры.)

télégraphié à l'étranger la fausse teneur de vos déclarations. Vu l'impression que les paroles qu'on vous prête ne manqueront pas de produire en Allemagne, il me semble qu'une rectification serait très désirable [1].

Votre sincèrement dévoué F. Pourtalès.

Перевод.

Вторник.

Дорогой министр,

Разрешите препроводить вам прилагаемые при сем вырезки из газет, передающих в тенденциозной форме заявления, сделанные вами в бюджетной комиссии. По моим сведениям, несколько газет дали за границу по телеграфу ложное изложение ваших заявлений. Ввиду впечатления, которое должны произвести в Германии приписываемые вам слова, мне кажется, было бы весьма желательно дать опровержение.

Искренно преданный вам Ф. Пурталес.

№ 214. Министр иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу.

*/. Телеграмма № 231 [2]. 10 февраля/28 января 1914 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Берлин.

Можете сказать великому визирю следующее. Только-что достигнутое соглашение с Турцией по армянскому вопросу доказывает искренность нашего желания упрочить с нею наилучшие отношения. Этому, конечно, способствовало бы скорейшее подписание наших экономического и железнодорожного соглашений. К сожалению, препятствием тому служит не разрешенный еще вопрос о допущении нашего представителя в Совет оттоманского долга. Мы отдаем должное внимательности, проявленной в этом вопросе Турцией, но опасаемся, что условия, которые, повидимому, ставит Германия, затруднят разрешение вопроса и могут отсрочить столь желательное для Турции согласие наше на 4%-ю надбавку, а следовательно, и на заключение соглашений между нами

Ключ разрешения вопроса находится в Берлине. Мы полагаем, что не нам, а Турции надлежит озаботиться получением согласия Германии, равно и других держав, на допущение нашего представителя, ибо этим самым добыто будет необходимое для нея условие

[1] В делах б. м-ва ин. дел сохранилась составленная в канцелярии м-ва поденная запись от 10 февр./28 янв. 1914 г., гласившая: „Министр ответил в тот же день личным письмом германскому послу с препровождением выписки из (исправленной им) стенограммы, прибавив, что, вероятно, „даже пангерманистские органы печати" этим удовлетворятся".

[2] Лит. копия.

для заключения экономического соглашения не только с нами, но и со всеми другими державами.

С своей стороны мы надеемся, что и Франция и Англия не откажут поддержать нашу точку зрения в Берлине.

Сазонов.

№ 215. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 232 [1]. 10 февраля/28 января 1914 г.

Сообщается в Париж, Константинополь и Афины.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 221 [2].

Английский посол сообщил мне предложение своего правительства сделать представление в Афинах в смысле требования эвакуации Эпира к 31 марта с присовокуплением угрозы, в случае неисполнения в срок, применения силы.

Англия допускает возможность соответственного представления в Константинополе при условии, что к нему присоединятся все державы.

Я ответил послу, что не могу присоединиться к подобному предложению, ибо, делая угрозу Греции, которая ничем не заслуживает ее, мы, конечно, не добьемся согласия всех держав на такой же шаг в Константинополе.

Сазонов.

№ 216. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 91 [3]. 10 февраля/28 января 1914 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Вследствие письма вашего от [8 февраля]26 сего января №73 [4] имею честь уведомить ваше высокопрев-во, что я вполне разделяю

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 9 февр./27 янв. 1914 г. за № 221 (сообщ. в Париж и Лондон) Сазонов разрешал Демидову и Гулькевичу присоединиться к коллективной ноте держав, если их англ. и франц. коллеги будут уполномочены насоответств. шаг, согласившись с теми редакционн. изменениями, которые последними будут приняты.

[3] Черновик рукою Козакова.

[4] В письме от 8 февр./26 янв. 1914 г. за № 73 Коковцов спрашивал Сазонова, остаются ли, по его мнению, в силе „указания о необходимости воспрепятствовать вводу китайских войск в Хайлар и переходу ими“ К. В. ж. д., которые были даны в 1912 г. управляющему К. В. ж. д. и нач-ку Заамурского окр. пограничной стражи на основании состоявшегося между Сазоновым и Коковцовым в мае 1912 г. соглашения о недопущении китайцев до вооруженной расправы с баргутами“. По мнению Коковцова, „вопрос о судьбе Барги до сего времени представляется недостаточно выясненным“, и поэтому „вышеприведенные указания сохраняют свою силу“.

мнение ваше о сохранении в силе данных управляющему Китайской Восточной ж. д. и начальнику Заамурского округа пограничной стражи указаний относительно необходимости воспрепятствовать вводу китайских войск в Хайлар.

Я должен однако заметить, что в моем распоряжении имеются данные, определенно указывающие на то, что при настоящем положении китайское правит-во не замышляет подчинить себе Баргу военною силою и стремится мирным путем восстановить свой суверенитет в этой области, причем выразило согласие воспользоваться для этой цели нашим посредничеством.

В министерстве иностр. дел ныне вырабатываются инструкции посланнику в Пекине для такого посредничества. В основание его предположено положить сохранение в Барге управления национальными властями и утверждение пекинским правительством тех договоров, которые частные русские подданные заключили с баргутскими властями за время самостоятельного от Китая существования Барги. Кроме того, я предполагал связать вопрос о восстановлении в названной области китайского суверенитета с вопросами об ограничении китайских вооруженных сил в Сев. Манчжурии и о выдаче китайским правительством вознаграждения русским золотопромышленникам, лишившимся прав разработки золотых россыпей в Манчжурии.

Примите и пр. Сазонов.

№ 217. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 31. 10 февраля/28 января 1914 г.

Reçu télégramme № 194[1].

Ai trouvé Grey très au courant de votre point de vue. J'ai appuyé en votre nom sur opportunité d'action séparée de la Triple Entente. Grey me dit que son opinion qu'une action éventuelle des Puissances devait être effectuée par toutes les Puissances était motivée par plusieurs considérations. Au point de vue des intérêts anglais, il est important que ces îles n'appartiennent à aucune grande Puissance, question, si elles doivent revenir soit à la Grèce, soit à la Turquie, regardant le concert européen plus que l'Angleterre spécialement. Deuxièmement une action des trois Puissances de l'Entente, même en admettant qu'elle n'aurait pas de conséquences immédiates, et qu'elle soit suffisante pour le but direct, créait, sous forme plus aigüe, une situation analogue à celle de question de la Crète, qu'il a fallu des

[1] См. № 188.

années pour résoudre au prix de... constantes. Le troisième argument est celui sur lequel Grey appuie le plus spécialement. Il me rappelle que tout au long de la conférence des ambassadeurs c'était la Triple Alliance qui insistait périodiquement sur des pressions soit sur Serbie, soit sur Grèce. Aujourd'hui c'est encore l'Italie et l'Autriche qui demandent que l'évacuation de l'Epire soit avant tout garantie. Proposition d'Angleterre y mettre une condition, celle que les îles adjugées à la Grèce lui soient assurées au même titre que cette partie de l'Epire à l'Albanie. Demande à la Grèce de renoncer à l'Epire avant toute garantie d'obtenir les îles ne serait selon Grey ni équitable ni justifiée. Ministre me fit remarquer que tandis que Turquie pourrait s'en tirer par une simple réponse, en réalité sans valeur, Grèce par plus doit agir, c'est à dire évacuer en abandonnant son gage. Je demandai à Grey, quelle conclusion il en tirait. Il répondit qu'il considère la situation si sérieuse qu'avant de se décider il tient à consulter à neuf plus spécialement les Cabinets de Pétersbourg et de Paris et plus généralement les 5 Puissances par télégrammes spéciaux. En réponse à ma question, si les 3 Puissances avaient dans leur réponse péremptoirement refusé de passer à une pression effective, Grey dit que pour autant qu'il avait compris elles avaient demandé de différer la discussion de cette question jusqu'après réponse Turquie et Grèce. Je demandai à Grey quelle, dans son opinion, serait la situation, si la déclaration était faite à Constantinople et à Athènes avant accord des Puissances pour agir. Il répondit que ne serait pas étonné si Vénizélos refusait d'évacuer l'Epire, si nulle garantie pour les îles ne lui était offerte. Je demandai encore à Grey quelle autre situation serait créée, si les Puissances faute de s'entendre renoncent à faire toute déclaration. Il dit qu'en ce cas les Grecs resteraient en Epire et que l'Autriche et l'Italie se verraient confrontées avec la tâche extrêmement désagréable et odieuse de procéder seules contre la Grèce, retombant ainsi en circonstances beaucoup plus difficiles... dans leur attitude lors de la conférence. Je demandai à Grey, s'il croyait qu'elles s'y décideraient. Grey n'en sembla pas convaincu, les résultats de pareille action étant difficiles à prévoir. Selon lui la Triple Alliance se trouverait alors dans la position difficile que produit toute action en dehors du concert européen. Une situation, par contre, dans laquelle seraient placées les Puissances de la Triple Entente au cas d'action isolée contre la Turquie. C'est la situation que Grey croit urgent d'éviter. — La pensée de Grey telle que je l'ai comprise est que si la Triple Alliance objecte à sa proposition dans son entier, elle assume une responsabilité et se met dans une situation extrêmement épineuse et directement désavan-

tageuse à leur programme direct qui est l'évacuation de l'Epire; par contre l'action isolée sur la Turquie de la Triple Entente entraînerait pour cette dernière la nécessité d'agir éventuellement aussi contre Grèce, à quoi les Puissances de l'Entente n'ont aucun intérêt.

Copie Paris.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 194.

Нашел Грея прекрасно осведомленным относительно вашей точки зрения. Я подчеркнул от вашего имени желательность сепаратного выступления Тройственного согласия. Грей сказал мне, что его мнение о том, что предполагаемое выступление держав должно было бы быть сделано всеми державами, основывается на целом ряде соображений. С точки зрения английских интересов важно, чтобы эти острова не принадлежали ни одной из великих держав; вопрос же о том, должны ли они отойти к Греции или к Турции, касается скорее европейского концерта, чем специально Англии. Во-вторых, выступление трех держав Согласия, если даже допустить, что оно не имело бы немедленных и серьезных последствий и было бы достаточным для осуществления непосредственной цели, создало бы в еще более острой форме положение, аналогичное положению с критским вопросом, который потребовал годы для разрешения ценою постоянных . . . Третий аргумент, который Грей особенно подчеркивает, следующий: он мне напомнил, что в течение всей конференции послов именно Тройственный союз периодически настаивал на давлении то на Сербию, то на Грецию. Теперь опять Италия и Австрия требуют, чтобы прежде всего была гарантирована эвакуация Эпира. Предложение Англии—обусловить это тем, чтобы острова, предназначенные для Греции были бы ей обеспечены на таких же правах, как эта часть Эпира Албании. Требовать от Греции, чтобы она отказалась от Эпира ранее, чем получит гарантии предоставления ей островов, было бы, по мнению Грея, и несправедливо, и незаконно. Министр отметил, что в то время, как Турция могла бы отделаться простым ответом, не имеющим реальной цены, Греция должна еще действовать, т. е. совершить эвакуацию, лишаясь в то же время территории, играющей роль залога. Я спросил Грея, какой он делает отсюда вывод. Он ответил, что признает положение настолько серьезным, что ранее, чем принять какое-либо решение, он должен снова более подробно обменяться мнениями с парижским и петербургским кабинетами и более обще с пятью державами путем особых телеграмм. В ответ на мой вопрос, отказались ли категорически три державы в своем ответе от мер принуждения, Грей сказал, что, насколько он понял, они потребовали отложить обсуждение этого вопроса до получения ответа от Турции и Греции. Я спросил у Грея, какое, по его мнению, создалось бы положение, если бы декларация была сделана в Константинополе, и в Афинах ранее, чем между державами было бы достигнуто соглашение о совместных действиях. Он ответил, что нисколько не удивился бы, если бы Венизелос отказался эвакуировать Эпир, пока ему не дано никаких гарантий в отношении островов. Я спросил еще Грея, что изменилось бы в положении, если бы державы, благодаря отсутствию соглашения, отказались от какой бы то ни было декларации. Он сказал, что

в таком случае греки остались бы в Эпире, а Австрия и Италия оказались бы поставленными перед чрезвычайно неприятной и одиозной задачей—действовать одним против Греции, очутившись таким образом в условиях, значительно более трудных . . . их позиции во время конференции. Я спросил Грея, думает ли он, что они решатся на это. Грей, кажется, не уверен в этом, так как трудно предвидеть результаты подобного действия. По его мнению, Тройственный союз оказался бы тогда в трудном положении, которое создается всяким действием, совершаемым независимо от европейского концерта. В таком же положении, с другой стороны, оказались бы державы Тройственного согласия в случае изолированного действия их против Турции. А такого положения Грей считает необходимым избегать. Мысль Грея, как я ее понял, заключается в том, что, возражая против его предложения в целом, Тройственный союз взял бы на себя ответственность за последствия и поставил бы себя в положение чрезвычайно щекотливое и совершенно неблагоприятное для его программы, заключающейся прежде всего в эвакуации Эпира; с другой стороны, изолированное действие Тройственного согласия против Турции поставило бы последнее в необходимость действовать также против Греции, что совершенно не в интересах держав Согласия.

Копия в Париж.

Бенкендорф.

№ 218. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграммма № 37. 10 февраля/28 января 1914 г.

Получил телеграмму № 222[1].

Имею основание думать, что французское правительство отнесется отрицательно ко всякому предоставлению Италии участия во французской доле, и что всякое наше выступление в смысле вашей телеграммы Гартвигу произведет здесь неблагоприятное впечатление. Подробности курьером.

Копия в Белград.

Извольский.

№ 219. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 38[2]. 10 февраля/28 января 1914 г.

Копия в Лондон.

В ответ на последнюю ноту лондонского кабинета[3], Думерг сообщил сегодня великобританскому послу, что, по его мнению, желательно как можно скорее сообщит Греции и Турции решения держав о границах Эпира и островах, ибо дальнейшая проволочка открыла бы дверь различным интригам; что же касается заявления о мерах принуждения, то, ввиду продолжающегося разногласия между дер-

[1] См. № 209.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 49—50, № 1264.

[3] См. № 215, где изложено содержание ноты.

жавами, он думает, что вопрос этот можно оставить открытым до получения ответа из Афин и Константинополя. Здесь продолжают, на основании частных сообщений Джавид-бея, ожидать, что турецкий ответ будет довольно удовлетворительный, а именно, что в нем не будет заключаться протест, а будет лишь выражена жалоба на решение держав и надежда добиться его изменения мирными путями [1].

Извольский.

№ 220. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [2]. 10 февраля/28 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На этих днях в некоторых главнейших органах французской печати появились статьи о неуспешном, будто бы, ходе переговоров об интернационализации Восточных железных дорог. Как мне известно из достоверных источников, хотя в этом деле и встречены были некоторые затруднения, вследствие предъявленных Германией и Италией притязаний, но в настоящее время затруднения эти можно считать улаженными. Германия воспротивилась в Вене интернационализации „восточной" ветки Восточных железных дорог, т. е. той их части, которая после второй балканской войны осталась на турецкой территории. Германские финансисты, уступившие австрийским большинство акций Восточных железных дорог в то время, когда казалось, что дороги эти, за исключением последних нескольких десятков верст, перейдут к союзникам, ныне стали требовать возврата им вышеуказанной „восточной" ветки. В результате они пришли с австрийскими финансистами к соглашению, в силу коего последние обязались: 1) не допускать интернационализации этой ветки и 2) уплатить им некоторую сумму денег (6—7 млн. фр.). Вашему высокопревосходительству известны подробности итальянского выступления и предложенная ими здесь, в виде компромисса, комбинация, изложенная в секретной телеграмме вашей на имя посланника в Белграде от [9 февраля] 27 с. месяца за № 222 [3].

[1] В ответной тел. от 11 февр./29 янв. 1914 г. за № 243 (адресованной в Париж и Лондон и переданной в Константинополь и Афины) Сазонов сообщал: „Согласны на предложение французского правительства сделать сообщение в Константинополе и Афинах без заявления о мерах принуждения, каковое в случае надобности может быть сделано дополнительно". (Опубл. Stieve, IV, S. 51, № 1266.)

[2] Опубл. М., стр. 487.

[3] См. № 209.

Итальянские требования предъявлены были здесь в весьма настойчивой форме; их уполномоченный г. Вольпи грозил даже, что в случае отказа Италия будет действовать заодно с Германией и уговорит сербов настаивать на выкупе.

Состоявшийся между Берлином и Веною вышеуказанный компромисс лишает, конечно, всякого значения эту угрозу г. Вольпи.

Но и до этого он в здешнем министерстве получил отказ в самой категорической форме. Здесь даже не остановились на рассмотрении возможных преимуществ предложенной им комбинации о предоставлении Италии участия во французской доле с закреплением заранее итальянского голоса[1]. Г. Думерг поручил лишь французскому послу в Вене поддержать перед графом Берхтольдом ходатайство итальянцев и предоставить им участие в австрийской доле.

Французское правительство, как мне кажется, руководствовалось при этом скорее общеполитическими соображениями и, главным образом, нежеланием, при занятом Италиею ныне в Тройственном союзе положении, оказать ей хотя бы кажущуюся услугу; здесь поэтому с большим удовольствием узнали о данном вами маркизу Карлотти ответе, и я боюсь, что всякое наше здесь выступление в пользу Италии произвело бы скорее неблагоприятное впечатление.

Примите и пр. Извольский.

P. S. Вчера я имел по этому делу с Думергом разговор, содержание коего я не преминул сообщить вам в секретной телеграмме за № 41[2].

Ut in litteris. Извольский.

№ 221. Посол в Риме министру иностранных дел.

Депеша № 8. 10 февраля/28 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я весьма обязан вашему высокопревосходительству за сообщение мне вашей телеграммы нашему послу в Париже от [31] 18 января за № 145[3] об отношении императорского правительства

[1] У Stieve (IV, 51) фраза эта переведена следующим образом: „Man ist hier sogar vor einer Prüfung der möglichen Vorteile seines Vorschlages, Italien einen Anteil an der französischen Quote zu gewähren und die italienische Stimme im voraus festzulegen, nicht zurückgeschreckt".

[2] См. № 235 (тел. эта была отправлена 11 февр./29 янв.).

[3] См. № 150.

к желанию римского кабинета участвовать в нейтрализации Восточных железных дорог, к которому Италия могла бы быть допущена лишь посредством приобретения части австрийских акций, а не французских, передачу коих мы считаем нежелательной.

Это сообщение позволило мне с большей осведомленностью выслушать высказанные мне по этому поводу соображения генерального секретаря здешнего министерства иностранных дел.

Г. де Мартино, который ведает этим делом, завел речь о нем со мною по собственному почину. Он мне сказал, что итальянские интересы в вопросе о Восточных железных дорогах находятся в противоречии с интересами австрийскими. В интересах Италии—постройка железной дороги, соединяющей Дунай с Адриатическим морем, осуществлению которой Австрия всегда противилась. В интересах же Австрии—окончание железного пути с севера на юг, к Салоникам, что укрепило бы ее господствующее влияние в Сербии. Римский кабинет относится при этом столь враждебно к такому влиянию, что он официально неоднократно и настойчиво—и это мне подтвердил маркиз ди Сан-Джулиано—заявлял в Вене, что политическая и экономическая независимость Сербии является теперь более чем когда-либо догматом итальянской политики на Востоке. Ввиду такой противоположности целей двух союзных государств, нельзя рассчитывать, чтобы австрийское правительство уступило итальянскому хотя бы малую долю приобретенных им акций Восточных железных дорог. Это мне сказал г. де Мартино в ответ на мое замечание, что бесчисленные любезности, оказанные Австрии Италиею, заслуживали бы, по крайней мере, предоставления последней нескольких акций. „Римский кабинет,—прибавил мой собеседник,—желает только выполнения соглашения, достигнутого будто в прошлом июне месяце на Парижской финансовой конференции между итальянскими, французскими и русскими делегатами относительно интернационализации Восточных дорог и участия в этом деле отдельных держав. К сожалению, против этого соглашения были де сделаны возражения главным образом с французской стороны и со стороны строительной компании Витали.

Так как этот вопрос мне совершенно незнаком, то я был принужден слушать, не возражая моему собеседнику, старавшемуся меня уверить, что июньское соглашение имело в виду политические цели, которые преследуют одинаково Россия, Франция и Италия, в противоположность целям, поставленным себе Австрией.

Не могу судить, есть ли какое-нибудь основание к такому утверждению генерального секретаря итальянского министерства

иностранных дел, о котором считаю тем более долгом поставить в известность ваше высокопревосходительство.

Примите и пр. Крупенский.

№ 222. Посол в Риме министру иностранных дел.

Письмо [1]. 10 февраля/28 января 1914 г.

Вчера вечером приехал в Рим князь Вид. Как здешнее правительство, так и общественное мнение ребячески польщены этим посещением итальянской столицы будущим албанским правителем, и в этом приезде его в Рим здесь усматривают доказательство того преимущественного значения, которое князь придает отношениям Албании к Италии и к Австрии, в столицу которой он поедет отсюда. В газетах даже говорится, что князь приехал сюда за своей инвеститурой. Его принимают с особенным почетом, король дает ему обед, сажая на первое место, которое ему уступают принцы королевского дома, хотя он не только еще не пользуется суверенными правами, но даже и не старший в своем роде. Из дипломатического корпуса на этот обед приглашен только посол германский, в качестве соотечественника князя Вида.

Как вашему высокопревосходительству известно, Австрия и Италия согласились дать князю Виду 10 млн. фр. в счет будущего займа. Я не знаю, согласно ли это с видами императорского правительства, без одобрения которого нельзя обременять предполагаемый албанский заем предварительной выдачей. Французский посол, с которым я об этом говорил, мне сказал, что, насколько ему известно, согласия Франции не было дано и что поэтому упомянутые 10 млн. должны считаться авансом, данным лично князю Виду, а не Албании.

Кстати об албанском займе и Албанском банке я могу только повторить сказанное в моем сегодняшнем донесении за № 7 [2]:

---

[1] Лит. копия.

[2] В депеше от 10 февр./28 янв. 1914 г. за № 7 Крупенский сообщал, что Сан-Джулиано согласен на полную интернационализацию банка, видя в международном контроле гарантию против агрессивных стремлений Австрии, но в то же время считает необходимым для Италии действовать совместно с Австрией, так как в противном случае последняя займет в Албании монопольное положение в ущерб интересам Италии. По словам Сан-Джулиано, Австрия, уступая настояниям Италии, согласилась на интернационализацию банка, но при непременном условии, чтобы 60% капитала были внесены Австрией и Италией, а 40% — остальными державами, чтобы между числом австро-итальянских и др. директоров существовало соотношение 6 к 4 и чтобы председательствовали по очереди австрийские и итальянские директора. О том же сообщалось в тел. Крупенского от 4 февр./22 янв. 1914 г. за № 6.

маркиз ди Сан-Джулиано не упускает случая повторять, что если державы Тройственного согласия откажутся признать преимущественное положение Австрии—и в таком случае, разумеется, и Италии,—то это неминуемо повлечет за собою последствия, которых стремятся избегнуть державы, в том числе и Италия, но которых именно желает Австрия. Я возразил министру, что есть много средств помешать Австрии навязать Европе свою волю, на что маркиз ди Сан-Джулиано мне ответил, что все только помешали бы независимому развитию Албании, жизнеспособность которой, по крайней мере еще на несколько лет, должна ими поддерживаться, так как развал повлек бы за собою раздел ее между Сербией и Грецией, возможный в данную минуту только ценою кровопролитной войны с Австрией.

В частых и дружественных беседах с маркизом ди Сан-Джулиано мы часто возвращаемся к тем же злободневным предметам. Так, например, мы еще на-днях говорили о франко-итальянских отношениях и о том недоверии, с которым французское правительство и столь авторитетный орган, как... относятся к заверениям римского кабинета о возобновлении Тройственного союза без изменений. Маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал по этому поводу, что он чрезвычайно сокрушен подозрительностью парижского кабинета и французского общественного мнения. „Но что же я могу сделать,—воскликнул министр,—я неоднократно говорил вам, что Тройственный союз возобновлен в той же самой редакции, до запятых включительно, и что никаких других соглашений, кроме всем известных, не существует. Я то же самое говорил французскому послу, и итальянский посол в Париже повторял то же министру иностранных дел республики; наконец, еще несколько недель тому назад я высказывался в том же смысле в парламенте и всегда готов, если бы этого пожелали в Париже, вызвать опять интерпелляцию в нашей палате, на которую я еще раз ответил бы прямым отрицанием всяких новых соглашений. Большего я сделать не могу, но во Франции, как кажется, верят больше каким-то подложным документам, за которые, вероятно, заплатили большие деньги и которые являются не первым обманом, принятым французским правительством за чистую монету. Если бы, по крайней мере, мне откровенно сказали, что французское правительство обладает такими документами, мне, может быть, было бы[1] доказать их подложность“.

[1] Так в подлиннике.

Весь этот разговор, носящий совершенно частный характер, я однако сообщил конфиденциально французскому послу, который хотя и допускает возможность формальной правоты маркиза ди Сан-Джулиано, но не может однако не отметить перемены в отношениях Италии к Франции и принятия некоторых мер, которые были бы прежде невозможными, как, например, дислокация флота, имевшая раньше в виду возможность войны с Австрией, теперь же направленная де против Франции.

Воздерживаясь лично от всякого заключения, считаю однако своим долгом поставить ваше высокопревосходительство в известность о моих беседах с маркизом ди Сан-Джулиано во всех их подробностях.

В доставленной мне вчера экспедиции я обратил внимание на телеграмму вашего высокопревосходительства нашему послу в Лондоне от [2 февраля] 20 января за № 160[1], в которой вы ставите вопрос, не следует ли, предварительно сообщения в Афинах о южно-албанской границе, включить достигнутое Венизелосом исправление ее в текст этого сообщения. Хотя с тех пор прошло уже немало времени и это письмо будет в руках ваших только в воскресенье и хотя, без сомнения, г. Венизелос ознакомил вас подробно со всеми достигнутыми им результатами,—я тем не менее считаю долгом не умолчать о формальной стороне этого вопроса, о котором императорское министерство было, как видно, недостаточно осведомлено. Г. Венизелос действительно достиг как в Риме, так и в Вене известную вашему высокопревосходительству исправления южно-албанской границы, но, по его же, Венизелоса, предложению, было условлено, чтобы державы пригласили Грецию принять границу, установленную разграничительной комиссией; Греция должна была подчиниться этому решению, и только после этого г. Венизелос должен был просить о вперед установленном изменении границы, на что последовало бы согласие держав. Почему г. Венизелос такой . . . . . мне неизвестно. Сути достигнутых им успехов он[о] не изменяет, но, разумеется, при этом было бы невозможным включить эти изменения в текст сообщения держав Греции.

Завтракая у меня на-днях в интимном кругу, маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал, что весьма возможно, что он в последний

[1] См. № 159.

раз находится у меня в гостях, в качестве министра иностранных дел, и что судьба министерства, вероятно, решится в конце настоящей недели. Это было сказано столь серьезно, что я счел долгом тогда же телеграфировать о сообщении маркиза ди Сан-Джулиано вашему высокопревосходительству[1]. Присутствовавший на завтраке князь Франц Лихтенштейн мне также сказал, что он поспешит известить о словах министра австрийского посла.

В моей сегодняшней депеше, редактированной советником посольства, подробно изложены причины министерского кризиса[2]. Не следует однако упускать из виду, как это было, впрочем, мною неоднократно высказано, что при настоящем соотношении политических партий в Италии и при личном положении в стране г. Джиолитти, кризис возможен только, если сам Джиолитти желает его. Не парламент заставит его покинуть власть, а он принудит парламент оставить его в меньшинстве, когда это ему заблагорассудится. Как мне сказал еще вчера маркиз ди Сан-Джулиано, к окончательному решению г. Джиолитти еще не пришел; он колеблется, и в нем борются два чувства—желание закончить начерченные его кабинетом реформы с желанием заслуженного отдыха. Со своей стороны маркиз ди Сан-Джулиано не без удовольствия покинет Консульту. Он все более и более страдает подагрой, работа очень утомляет его, и ему часто нужно много силы воли, чтобы не поддаться физическим страданиям. К тому же он не может не чувствовать, что его политика полна противоречий, что, как последствие этой политики, возможны трудно разрешимые осложнения, и что поэтому лучше предоставить другому разобраться в них. Если маркиз ди Сан-Джулиано, и лучше его знакомый с парламентскими конъюнктурами его помощник князь ди Скалеа, не знают положительно, падет ли министерство или нет, то тем менее позволительно было бы мне высказаться определенно в пользу того или другого исхода парламентских прений по вопросу о предшествовании гражданского брака церков-

---

[1] В тел. от 5 февр./23 янв. 1914 г. за № 7 Крупенский со слов ди Сан-Джулиано сообщал, что „вследствие раскола в радикальной партии, бывшей до сих пор опорой министерства, но находящей ныне кабинет слишком консервативным, министерству, вероятно, придется на будущей неделе подать в отставку“. По мнению Крупенского, „ввиду утомления Джиолитти, желающего отдохнуть“, министерский кризис вполне возможен.

[2] Имеется в виду депеша от 10 февр./28 янв. 1914 г. за № 6. Она касается исключительно внутреннего положения Италии.

ному и о разных бюджетных вопросах, которые также ставят министерство в затруднение.

Примите и пр.

Одновременно с князем Видом, но независимо от него, приехал также в Рим малиссорский князь Биб Дода. О цели его поездки я не успел еще собрать сведений.

11 февраля/29 января.

Князь Вид только-что навестил меня. Он производит самое хорошее впечатление как скромностью и осторожностью своих суждений, так и не противоречащей этим качествам юношеской уверенностью в будущность края, которым он призван править. Он очень польщен любезностью и почетом оказанного ему приема. Он был здесь гостем короля. Его величество пожаловал ему высший после Аннунциаты орден Маврикия и Лазаря и вообще был с ним особенно внимателен. Князь уезжает сегодня вечером, но я успел воспользоваться присутствием в Риме секретаря нашего консульства в Валоне, чтобы представить его князю. Я это сделал отчасти для князя же, которому Пелехин может сообщить много интересных сведений, отчасти и потому, что таким образом князь увидит в Риме не только итальянских чиновников, знающих Албанию, но и русского агента в его будущей стране.

Крупенский.

№ 223. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

Депеша № 6. 10 февраля/28 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Совпавший с новым обострением греко-турецких отношений почти одновременный приезд в Бухарест греческого наследного королевича и гг. Венизелоса и Пашича дал бухарестскому общественному мнению повод для самых разнообразных догадок и предположений. Особенно часто и настойчиво здесь за последнее время говорилось о предстоящем будто бы подписании румыно-греко-сербского союза, направленного против Турции и Болгарии. Однако греческий и сербский первые министры покинули сегодня румынскую столицу, не подписав, повидимому, никакого нового международного акта,—так, по крайней мере, полагают все здешние иностранные представители. Румыния сохранила прежнюю свою независимую позицию, оставляющую за ней возможность сооб-

разовать свои действия исключительно с собственными своими политическими интересами. В интересы эти прежде всего входит сохранение в неприкосновенности Бухарестского мирного трактата: нарушения сего трактата Румыния, как она не раз о том торжественно заявляла, ни в коем случае не потерпит. Связывать же себя какими-либо другими обязательствами договорного свойства она в данное время не считает нужным.

Согласно официальной версии, приезд сюда гг. Венизелоса и Пашича объясняется их желанием познакомиться и войти в личные сношения с новым румынским правительством. Весьма возможно однако, что у двух названных государственных людей была и другая цель: осведомиться, как отнеслась бы Румыния к возобновлению военных действий между Турцией и Грецией, и, в частности, к допущению Болгарией прохода турецких войск через болгарскую территорию.

Из разговора моего с г. Венизелосом я вынес впечатление, что, считая нападение Турции на Грецию в ближайшие месяцы маловероятным, он тем не менее отнюдь не признает его невозможным. Вместе с тем греческий первый министр прямо заявил мне, что в случае вооруженного выступления на суше Турции против Греции—при активной ли помощи Болгарии или только при пассивном непротивлении ее движению турецких войск через ее области—последнее решительное слово будет, по его мнению, принадлежать Румынии. Приблизительно такого же взгляда придерживается, насколько мне известно, и г. Пашич.

При таких условиях вопрос об отношении Румынии к возможному греко-турецкому вооруженному конфликту на суше, несомненно, служил предметом обсуждения между гг. Венизилос и Пашичем, с одной стороны, и г. Братиану—с другой. До сих пор румынское правительство избегало высказываться на этот счет определенно и, на основании бесед моих на сию тему с румынским министром иностранных дел, я полагаю даже, что до самого последнего времени оно находилось в состоянии некоторой нерешимости и действительно не могло ответить на вопрос, будет ли проход турецких войск через болгарскую территорию сочтен ею за нарушение Бухарестского тракта, т. е. за casus belli, или нет.

А между тем вопрос этот силою вещей все более и более выступает на первую очередь. С одной стороны, из разных источников доходили известия об усиленных военных приготовлениях Турции и о воинственном настроении младотурецкого правительства; с другой—постепенно исчезала уверенность, что препят-

ствием к вооруженному столкновению между Турцией и Грецией явится отсутствие между ними сухопутной границы. Правда, слухи о болгаро-турецком соглашении были неоднократно опровергнуты. Но зато появилось опасение, что Болгария, даже и не вступая с Турцией в союз, все же, под предлогом слабости, не воспротивится проходу турецких войск через свои южные области. В этом смысле прямо высказывался, между прочим, здешний болгарский посланник, энергично отрицавший существование болгаро-турецкой конвенции, но вместе с тем прямо заявлявший, что Болгария будет якобы не в силах воспрепятствовать вооруженною рукою вторжению в ее пределы турецкой армии.

В общем получалось несколько неопределенное положение, и никто здесь не мог предугадать, как именно поступила бы Румыния в случае единоборства между Грецией и Турцией.

Но только-что положение вещей изменилось. Вчера Пашич,— как мне совершенно конфиденциально сообщил сербский посланник,—официально заявил румынскому правительству, что между Грецией и Сербией заключен союз, в силу коего Сербия обязана выступить на защиту Греции в случае нападения на нее другой державы.

Итак о единоборстве между Турцией и Грецией теперь уже не может быть более речи, и вместе с тем теперь стало ясным, что вооруженное столкновение между сими державами неизбежно повлечет за собой такие новые потрясения на Балканах, по отношению к которым Румыния, несмотря на все свое миролюбие, не будет иметь возможности остаться безучастной.

Примите и пр. Б. Арсеньев.

№ 224. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 3. 10 февраля/28 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Заключено ли действительно между Турцией и Болгарией тайное военное соглашение,—вот вопрос, который в настоящее время сильно волнует не только балканские, но и европейские политические круги. Ответить с полною уверенностью на этот вопрос нельзя; существуют пока только догадки, высказываются более или менее основательные предположения в утвердительном и отрицательном смысле. Пашич в беседах с журналистами прозрачно указывал на

существование секретного договора: получил ли он за время отсутствия своего из Белграда какие-либо по сему предмету определенные сведения,—здесь не знают. У сербского правительства данных нет, но оно допускает вероятность подобной тайной сделки, направленной прежде всего против Греции, а затем, конечно, и против Сербии.

Турецкие и болгарские правительственные деятели наперерыв и при всяком удобном случае категорически опровергают слухи о будто бы состоявшемся между ними военном соглашении. Особливо софийские заправилы стараются рассеять всяческие в этом смысле подозрения. „У нас,—заверяют они,—полны руки своего внутреннего дела; мы должны залечить наши раны, посвятить силы экономическому и финансовому подъему страны. Болгарии для возрождения необходимы, по крайней мере, десять лет мира и спокойствия, и о каком-либо реванше она не может и мечтать".

Бесспорно золотые слова, которые, к сожалению, расходятся с делом; мысль о возмездии за понесенные по их же собственной вине бедствия, видимо, ни на минуту не покидает ни короля Фердинанда, ни его ближайших советников. Это прорывается на каждом шагу, и соответственные приготовления к весне лихорадочно продолжаются при посредстве революционных комитетов. По имеющимся здесь сведениям, болгары согласны открыть по своей территории свободный путь турецким войскам для наступления на Грецию с тем, чтобы одновременно или тотчас после разгрома последней, приступить к расправе с Сербией, подняв предварительно восстание в Македонии и Албании.

Но все это однако еще не свидетельствует о существовании формального договора между Турцией и Болгарией. Да такого письменного акта, надо полагать, и нет. Всегда осторожные турки вообще не любят связывать себя обязательствами, а в данном случае это было бы для них тем более рискованным, что положение ныне властвующих в Софии стамбуловистов нельзя признать прочным, а стало быть, и всяческая сделка с последними оказалась бы недолговечной.

Между теми и другими, по всем видимостям, могло состояться лишь устное соглашение—во что бы то ни стало поддерживать смуту на Балканах, в расчете одновременно использовать в обоюдных интересах и те разногласия, которые до сих пор существуют во взглядах европейских держав по вопросам Ближнего Востока. Лишить Сербию, Грецию и Черногорию желательного успокоения и помешать их твердому упрочению в завоеванных краях—

вот затаенная цель, которую должна преследовать турецко-болгарская сделка.

Если таковы действительно расчеты софийских заправил, то нельзя не подивиться их недомыслию: ведь они сознательно ведут несчастный болгарский народ к новому и, быть может, более тяжкому испытанию. Впрочем, по сведениям из Болгарии, король Фердинанд и Радославов со своими друзьями решились на последнюю ставку; в безрассудной авантюре они видят для себя единственный выход из внутренних затруднений, точь в точь как в минувшем году Данев и Савов совместно с монархом рассчитывали загладить свои политические ошибки предательским актом [29] 16 июня.

Предположения эти представляются тем более правдоподобными, что в Софии вообще составили себе весьма ложное представление о сербских делах и посему пришли к заключению, что расправа с бывшей союзницей не потребует особого напряжения.

Там убеждены, как свидетельствует болгарская печать, почерпая сведения и из венских газет, что Сербия находится чуть не накануне развала, что она не в состоянии ассимилировать завоеванные края, встречая поголовный отпор со стороны инородцев— греков, македонцев и арнаутов; что по сему поводу у нее возникли уже серьезные недоразумения с Грецией, грозящие разрывом с Афинами; что сербская армия, утомленная двумя кампаниями и борьбою с албанцами, в полном расстройстве, финансы разорены, и в среде самого правительства происходит внутренняя разъедающая борьба партий.

Конечно, в этом нет ни слова правды, и горе болгарам, если они на таких основаниях строят свой будущий весенний план кампании. Не говоря уже о том, что в Сербии, где, по уверению специалистов, военные силы не оставляют желать ничего лучшего, заблаговременно принимаются все меры на случай столкновения с Болгарией и должного отражения разных македонских и арнаутских нападений, софийские авантюристы, казалось бы, не должны терять из виду, что всякая попытка с их стороны нарушить мирные постановления Бухарестского трактата не оставит союзников Сербии безучастными. На этот счет не может быть никаких сомнений.

За последнее время дружеские отношения между Сербией и Румынией заметно скрепились, благодаря общности их торгово-экономических интересов; а после милостивого приема в С.-Петербурге и настоящего пребывания в Бухаресте греческого и сербского председателей совета министров, имевших возможность обменяться взглядами с румынскими государственными деятелями, следует

ожидать и более согласного образа действий Сербии, Греции и Румынии на почве ближневосточной политики. Быть может, это послужит отрезвляющим предостережением Болгарии, единственное спасение которой не в союзе с враждебной славянам мусульманской Турцией, а в тесном сближении с единоверными балканскими государствами.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 225. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁺/. Депеша № 4. 10 февраля/28 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я не отвечал на секретную телеграмму посланника нашего в Афинах от [4 февраля] 22 сего января[1] по поводу смутившего греческое правительство известия о намерении сербов уступить болгарам Иштиб и Кочаны, ибо в ту минуту и Пашич и Венизелос как раз находились в С.-Петербурге и могли путем непосредственных объяснений рассеять напрасную тревогу короля Константина.

В здешних правительственных кругах решительно недоумевают, что именно могло послужить основанием к возникновению подобного совершенно невероятного слуха,—ибо, как известно, до сих пор между Софией и Белградом не происходило никаких, ни прямых ни косвенных, разговоров политического свойства. В министерстве иностранных дел полагают, что известие о территориальных уступках Болгарии пущено было непосредственно из Софии в виде „ballon d'essai". Если это так, то нельзя не признать, что пробный шар оказался весьма мало подходящим к нынешним настроениям и по форме задуманным без самого поверхностного понимания народной психологии.

Само собою разумеется, что помянутое известие произвело в Белграде еще большее волнение и тревогу, нежели в Афинах. Во всех политических собраниях и местной печати без различия партий раздался по сему поводу единодушный патриотический протест. Всеобщее возбуждение улеглось лишь после того, как в официальном органе „Самоуправа" появилось категорическое опровержение слухов о приписываемом правительству намерении поступиться каким бы то ни было земельным участком в пользу Болгарии.

---

[1] Тел. из Афин за № 22, посвященная упомянутому здесь вопросу, относится к 21, а не к 22 янв. ст. ст., как ошибочно указывает здесь Гартвиг.

Нельзя, мне кажется, винить за это сербов и, подобно передовой статье „Нового времени", от [7 февр.] 25 янв., сегодня полученного, ставить им в упрек какую-то „непримиримость" по отношению к Болгарии. Такой непримиримости будто бы зазнавшегося победителя к несчастному побежденному здесь вовсе не существует. Русская газета совсем неправильно освещает положение.

Как я имел честь неоднократно доносить, в Сербии, после заключения мирного договора в Бухаресте, стали очень быстро стихать чувства вражды и озлобления против Болгарии, вызванные ее предательским нападением [29] 16 июня минувшего года. В обществе, в политических кругах и даже в армии настроения эти заметно сменялись полным доброжелательством к недавнему врагу, материальные потери и нравственные страдания коего встречали здесь искреннее сочувствие. В местной повседневной печати открыто высказывались надежды на скорое примирение с Болгарией и даже на возможность возрождения Балканского союза. Само сербское правительство за это время явило немало доказательств своей примирительности к соседнему государству, как в вопросе об обмене пленных, так и в деле скорейшего восстановления дипломатических сношений.

На все это однако в Софии отвечали посылкою строевых болгарских офицеров и добровольцев-эмиссаров в Албанию и Македонию для возбуждения противосербской агитации, какими-то тайными соглашениями с Австрией и, наконец, настойчивыми переговорами с Турцией о совместном весеннем нападении на Грецию и Сербию. И вот именно в ту минуту, когда слухи о состоявшемся секретном болгаро-турецком договоре получили как будто реальное подтверждение, неожиданно появляется весть о желании Болгарии приобрести в виде компенсации (за что?) две наиболее важные стратегические позиции, ограждающие безопасность сербской восточной границы. Таким образом дело представляется в следующем виде: Болгария собирается весною напасть на Сербию для отобрания у нее Македонии и посему заблаговременно предъявляет белградскому правительству требование об уступке ей Иштиба и Кочан, открывающих болгарской армии беспрепятственный доступ к Скоплье и Куманову. Другими словами, софийские заправилы наивно предлагают сербам облегчить войскам генерала Савова ту военную операцию, которая так плачевно завершилась для них в июне минувшего года!

Категорическое отклонение сербами софийского предложения считается признаком досадной непримиримости сербского полити-

ческого общества, могущей помешать восстановлению нормальных болгаро-сербских отношений!

Нет, путь избранный компанией Радославова для установления добрососедских уз с Сербией—гибельный путь. С мечом в руке, да еще в сообществе исконного врага славянского православного населения, нельзя искать дружбы. Лишь в тот день, когда в Софии окончательно откажутся от мысли о возмездии, возможно ожидать вполне искреннего примирения между Сербией и Болгарией.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 226. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 83. 10 февраля/28 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму посла № 5 [1].

Названные в ней банкиры просят о возможно скорейшем ответе на их ходатайство. Они заявляют, что без поддержки Русско-азиатского банка им трудно будет удержать опцион на угольные копи. Помимо того, они желали бы при содействии того же банка приобрести концессии на электрическое освещение, трамваи и водопровод в Самсуне и электричество в Трапезунде. Считал бы полезным поддержать названных русскоподданных, ибо иначе предприятие рискует попасть в руки иностранных держав [2].

Гулькевич.

№ 227. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

⁄. Телеграмма № 236. 11 февраля/29 января 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 23 [3].

Никаких особых переговоров с представителями Сербии и Греции не было. Оба председателя совета министров уверили нас

---

[1] См. № 24.

[2] Публикуемая телеграмма была препровождена Сазоновым при письме от 19/6 февраля 1914 г. за № 100 (см. № 288) управляющему министерством финансов Барку в дополнение к доверительному письму от 19/6 января 1914 г. за № 11.

[3] В телеграмме от 9 февраля/27 января 1914 г. за № 23 Савинский указывал министру иностранных дел на факт „распространения газетами во враждебных нам политических кругах самых разнообразных, для нас нежелательных и вредных слухов о происходивших недавно в Петербурге переговорах в связи с приездом балканских депутаций“ и просил Сазонова ознакомить его с содержанием упомянутых переговоров.

в желании с своей стороны прочного мира и высказывали опасения, что желание это не в той же мере разделяется Турцией и, быть может, шовинистическими болгарскими кругами. В случае попыток Болгарии или Турции нарушить Бухарестский договор они, несомненно, встретили бы согласованный отпор всех прочих балканских государств.

[Сазонов.]

№ 228. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

⁄. Телеграмма № 244[1]. 11 февраля/29 января 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму из Лондона № 30 [2] и телеграмму из Берлина № 20 [3].

Вполне разделяя мнение Грея, считаем, что всякий аванс, подобный сделанному принцу Австрией и Италией, должен быть рассматриваем, как частная сделка этих держав с князем, которая не может быть обеспечена ресурсами Албании иначе, как под условием расходования под контролем комиссаров.

Находим желательным возможно скорее сделать тожественное сообщение правительствам Италии и Австрии, а также князю Виду.

Не найдет ли правительство, при коем вы аккредитованы, возможным дать соответствующие указания послам в Берлине для ответа князю Виду и послам в Вене и Риме для сообщения правительствам?

Сазонов.

№ 229. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

⁄. Телеграмма № 245[4]. 11 февраля/29 января 1914 г.

Сообщается в Париж.

Узнаем, что сербский посланник в Вене заявил Берхтольду, что имеет полномочие вести переговоры исключительно о выкупе железных дорог и не может входить в обсуждение французской фор-

---

[1] Лит. копия.

[2] См. стр. 242, прим. 3.

[3] См. стр. 242, прим. 2.

[4] Лит. копия.

мулы. Вследствие сего австрийскому послу в Париже поручено обратиться к французскому правительству для побуждения Сербии к скорейшему разрешению вопроса. Полагая, что выступление Иовановича можно объяснить лишь отсутствием из Белграда Пашича, изъявившего в бытность свою в Петербурге готовность итти на французское предложение, считали бы желательным обратить внимание сербского правительства на необходимость разъяснить происшедшее недоразумение, во избежание опасных его последствий для дела.

Сазонов.

№ 230. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 103[1]. 11 февраля/29 января 1914 г.

Имею честь препроводить при сем вашему прев-ву копию письма министра финансов на мое имя от [6/7 февраля] 24/25 сего января № 70 с приложениями[2].

Как вы изволите усмотреть, составленная Русско-азиатским банком при его участии группа французских и бельгийских капиталистов видит основание жаловаться на отношение к ней французского правительства, которое ставит ее деятельности в Китае условия, затрудняющие эту деятельность и благоприятствующие таким образом другой группе французских финансистов, с Banque de l'Indo-Chine во главе, которая действует в сотрудничестве с английскими и германскими банками. Считая необходимым сохранить

---

[1] Черновик рукою Козакова.

[2] В письме Коковцова от 6 февр./24 янв. 1914 г. за № 70 сообщалось о препятствиях, чинимых французским правительством синдикату Русско-азиатского банка в деле выпуска на франц. рынке займа на сооружение Тун-Ченской ж. д., и о возможности в связи с этим выхода из синдиката бельгийской группы и присоединения ее к англо-германской группе. Указывая на нежелательность распадения „столь надежной финансовой группы, какою является синдикат, хотя бы ввиду предположения нашего приступить к осуществлению ряда железнодорожных проектов в Сев. Манчжурии", Коковцов просил м-ра ин. дел войти в переговоры по этому поводу с франц. правительством. К письму Коковцова были приложены копии письма директора бельгийского банка Banque d'Outremer Франки на имя Верстрата от 24/11 января 1914 г. и письма Верстрата на имя Коковцова от 3 февр./21 янв. 1914 г. Франки сообщал о препятствиях, чинимых Кайо выпуску тунченского займа, и высказывал пожелание об урегулировании этого вопроса дипломатическим путем. Верстрат в своем письме приводил факты игнорирования английской и германской группами интересов французской группы.

образованную Русско-азиатским банком группу и опасаясь отпадения от нее бельгийских капиталистов, которые ввиду пристрастного отношения французского правительства легко могут предпочесть перейти в лагерь германских финансистов, в существе враждебный нашим интересам на Д. Востоке, ст.-секр. Коковцов желал бы, чтобы мы сделали попытку добиться более благоприятного отношения правительства республики к бельгийским финансистам.

Вопрос этот связан с неоднократно поднимавшимся нами вопросом об установлении более тесного сотрудничества нашего с французами в финансовых делах Китая. Все наши попытки добиться расторжения той связи, которая существует между Banque de l'Indo-Chine, Hongkong et Changhaï Banque и Deustch-Asiatische Bank, не привели до сих пор к удовлетворительным результатам. Факты, отмечаемые в прилагаемых письмах, указывают, что французское правительство продолжает покровительствовать в Китае банкирской группе, образованной Banque de l'Indo-Chine, в ущерб тем французским кредитным учреждениям, которые примкнули к бельгийским финансистам и к Русско-азиатскому банку. Казалось бы однако, что французское правительство могло бы действовать в этом отношении более беспристрастно.

В этом смысле им[ею] ч[есть] пок[орнейше] просить ваше прев-во объясниться с французскими государственными деятелями, причем для более детального ознакомления с причинами нашего недовольства отношением правительства республики к группе Русско-азиатского банка вы могли бы воспользоваться услугами г. Николая Рафаловича, близко знакомого с этим делом.

Считаю долгом добавить, что я нахожу справедливым замечание ст.-секр. Коковцова относительно необходимости придать нашим объяснениям общий характер и не связывать их прямо с отношением французского правит-ва к предприятию жел. дороги Датун-фу—Чен-ту-фу. Линия эта в южной половине проходит в долине реки Янтсекианга, которую в силу соглашения с Англией 1899 г. мы признали сферою английского железнодорожного строительства и в которой мы обязались не искать железнодорожных концессий. Мы не можем поэтому оказывать официальной поддержки этому предприятию, не нарушая данных нами обязательств.

Покорнейше прося ваше прев-во о последующем меня уведомить, пользуюсь случаем и пр.

[Сазонов.]

231. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 32. 11 февраля /29 января 1914 г.

Copie Paris. Reçu № 232 [1].

Texte de ce télégramme contient un malentendu. Dans projet Grey ni gouvernement grec ni gouvernement turc ne devaient être informés par déclarations que mesures coercitives seraient prises en cas de nécessité. Ni l'une ni l'autre déclaration, dont connaissez texte [2], ne contient de menace. Selon Grey c'est entre elles que Puissances devaient s'engager à coopérer à mesures coercitives pour le cas échéant. De son côté il met comme condition à s'engager à coopérer à mesures de coercition contre Grèce que les autres Puissances s'engagent à en user de même façon contre Turquie. Texte de passage de télégramme à ce sujet Buchanan est clair. Il dit: „H. M. Government would be prepared to join in measures to make decision about Southern Albanian frontier effective, if all the Powers did so, but only on the understanding that the Powers would also join, if necessary, later on in making the decision about the islands respected. It seems to me that we all risk being placed in a difficult position if we communicate officially to other states decision without any agreement between ourselves, whether we will insist upon the decisions being respected". Le gouvernement anglais serait préparé a coopérer à mesures pour rendre effectives décisions sur frontière Albanie Sud si toutes les Puissances le font, mais il doit être entendu que toutes les Puissances se joindraient à une action destinée à faire respecter leur décision concernant les îles, si cela devenait nécessaire. Il s'en suit qu'il y a actuellement deux projets en présence. Le gouvernement français propose de procéder aux deux déclarations et de remettre jusqu'à réponse de la Porte et de Grèce discussion sur moyens de coercition. Le gouvernement britannique par contre propose de s'entendre sur les moyens de coercition avant de procéder aux déclarations. Nicolson, avec lequel je viens de vérifier ce qui précède, m'a lu télégramme de Buchanan d'hier rendant compte de votre réponse. Il me dit que Grey la prendra en considération. Mais Nicolson pense qu'il ne serait pas possible d'imposer à la Triple Alliance moyen coercition contre Turquie, si Triple Entente se refuse à en faire autant contre Grèce. Mon télégramme d'hier [3] vous rend compte de l'opinion de Grey sur coercition exercée sur Turquie par Triple Entente seulement.

Benckendorff.

---

[1] См. № 215.

[2] См. № 51 и прим.

[3] См. № 217.

Перевод.

Копия в Париж. Получил № 232.

В тексте этой телеграммы—недоразумение. По проекту Грея, ни греческое, ни турецкое правительства не должны были быть извещены декларациями о том, что в случае необходимости будут приняты принудительные меры. Ни та, ни другая декларация, текст которых вы знаете, не содержит угрозы. По мысли Грея, державы должны были бы принять друг перед другом обязательства о совместном участии в мерах принуждения в случае, если явится надобность. Свое обязательство участвовать в мерах принуждения, направленных против Греции, он обусловливает тем, чтобы другие державы обязались применить их равным образом против Турции. Текст той части телеграммы Бьюкенену, которая касается этого вопроса, ясен. Он гласит: „Правительство его величества будет готово присоединиться к мероприятиям для обеспечения осуществления решения относительно южной албанской границы, если все державы так поступят, но только при том условии, чтобы державы в случае необходимости также объединились для того, чтобы заставить уважать свое решение относительно островов. Мне кажется, что все мы рискуем попасть в затруднительное положение, если мы официально сообщим другим державам решение, не согласившись предварительно между собою о том, что будем настаивать на осуществлении наших решений". Английское правительство было бы готово участвовать в мероприятиях, имеющих целью осуществить решения относительно южной албанской границы, если это сделают все державы, но при условии, чтобы в случае необходимости все державы присоединились к выступлению, направленному к тому, чтобы заставить уважать их решения относительно островов. Из этого следует, что теперь существует два проекта. Французское правительство предлагает сделать две декларации и отложить обсуждение вопроса о мерах принуждения до получения ответа от Порты и от Греции. Британское правительство, напротив, предлагает согласиться о мерах принуждения ранее, чем будут сделаны декларации. Никольсон, с которым я только-что обсуждал вышеизложенное, прочел мне вчерашнюю телеграмму Бьюкенена, передающую ваш ответ. Он сказал мне, что Грей примет его во внимание. Но Никольсон думает, что побудить Тройственный союз к мерам принуждения против Турции будет невозможно, если Тройственное согласие откажется сделать то же самое против Греции. Моя вчерашняя телеграмма излагает вам мнение Грея относительно мер принуждения по отношению к Турции со стороны одного только Тройственного согласия.

Бенкендорф.

№ 232. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 11 февраля /29 января 1914 г.

Très secret et personnel.

Cher Сергей Дмитриевич,

Avant mon entretien d'hier avec Grey, que je vous ai télégraphié [1] et sur lequel je vous écris une autre lettre [2], j'en avais eu un avant-hier avec Nicolson, chez lui. Au cours de cette conversation toute privée,

[1] См. № 217.

[2] См. № 233.

Nicolson me parla non seulement sans réticence, mais avec une confiance, peu usuelle même pour lui.—De fil en aiguille il s'est laissé aller à me lire des passages nombreux d'une lettre privée, qu'il venait de recevoir de Buchanan.—Je vous supplie de garder ce fait entièrement pour vous. S'il parvenait à Buchanan, il en serait sa plume serait paralysée, et Nicolson deviendrait beaucoup plus prudent. A vrai dire il m'en a fait une condition, me disant que ce qu'il faisait était en réalité très peu „fair" pour Buchanan.

C'est le récit d'un entretien tout récent avec vous, ou plutôt de vos jugements et impressions sur toute la situation et sur toutes les questions. Valeur de la Triple Entente, attitude anglaise, transformation désirable future en alliance, Transpersan etc. etc. Je veux rendre cette justice à Buchanan qu'il me semble impossible de rendre les paroles et les pensées d'un ministre plus clairement, j'ai lieu de le croire plus complètement, et dans un meilleur esprit. C'est la lettre d'un parfait honnête homme, très bien intentionné, doué du don d'une bonne rédaction. Pensez ce que cela m'a été utile pour la discussion. C'est à cette lettre que je faisais allusion, quand je débute [1] mon télégramme d'hier en vous disant que j'ai trouvé Grey tout-à-fait au fait de vos pensées. Mais Grey n'a fait aucune allusion à la lettre, et d'ailleurs ne m'a parlé que de la question des déclarations en cours.

Pour l'alliance Nicolson ne m'a pas fait mystère que c'était entièrement son opinion. Il est loin d'être seul. Il est possible, que Grey pesonnellement n'en soit pas loin. Mais Nicolson m'a dit tout de suite, et c'est aussi mon opinion, qu'aujourd'hui cela n'est pas possible. Le pays n'est préparé pour une alliance ni avec la France, ni avec la Russie et plutôt fatigué à l'idée de sa lointaine alliance avec le Japon. J'ajouterai que le Cab[ine]t actuel après un si long terme de pouvoir et en pleine crise qui durera, ou bien finira par sa chute, n'a plus en aucune façon autorité morale suffisante pour si importante besogne.

Au sujet du Transpersan Nicolson comme Grey pensent au fond comme vous, comme Hardinge personnellement et comme moi. Mais Nicolson craint que vous ne vous rendiez pas suffisamment compte de la difficulté et la nécessité de remettre à plus tard une ligne directe de Russie aux Indes.—Nicolson me dit qu'au sein du „Committee of defense" Grey s'était prononcé avec la même fermeté et conviction que lui-même avec l'appui des principaux ministres, mais qu'à part tout-à-fait le vieil esprit anglo-indien, on se butait encore en cette question au même esprit insulaire et ses préjugés enracinés qui

---

[1] Так в подлиннике.

s'oppose plus que jamais au tunnel sous la Manche. L'opinion est encore trop forte pour pouvoir être brisée diplomatiquement. C'est de là que vient l'idée de Bender-Abbas. Selon Nicolson dans l'avenir l'affaire est assurée, à condition d'user de patience et de ne pas briser les négociations. Il y a peu à ajouter à la façon dont Nicolson et Grey posent „the Russian case"; Nicolson la connaît comme vous et moi. Mais je ne crois pas qu'ils puissent davantage. Notez qu'au jour que j'écris il n'y a pas 20 Anglais qui se rendent compte ni se préoccupent de la situation politique et de ce qui se passe sur le continent, tellement ils sont absorbés par la crise, il est vrai éminemment sérieuse par laquelle passe le pays. Si je ne vous en écris rien, c'est que vraiment il n'y a rien à prévoir ni de probable à établir, sinon que plus la situation s'aggrave au point de devenir critique, plus un compromis semble devoir s'imposer, mais cela ne sauvera guère pour longtemps le Cab[ine]t. Quant aux résultats d'élections que les unionistes réclament, Impossible d'en prévoir l'issue. C'est là du reste un point secondaire.

Pour en revenir à la lettre de Buchanan, vous voyez qu'en [1] plus d'un point Nicolson sympathise avec vos idées, il en est, je crois, de même de Grey. Mais Nicolson m'a dit aussi qu'il craignait que vous n'alliez trop vite en matiére et à moi il m'a prêché un peu de patience. Ce que je voulais vous dire au fond est que je crois que vous avez parfaitement bien fait de parler comme vous l'avez fait à Buchanan, ce que j'aurais pu en dire n'aurait jamais suffi, et puis on sent ici dans quel esprit vous parlez. Mais laissez-moi vous le répéter, il ne faut pas décourager Grey. En ce moment il ressent vivement les difficultés que crée la Triple Alliance. Entre nous et lui le but est un dans la mesure du possible, les méthodes parfois diffèrent, cela n'est-il pas surtout sur cette méthode qu'il s'agit de mieux s'entendre et de resserrer les rangs. Des reproches purs et simples trop répétés peuvent le froisser. Le gouvernement anglais est une machine lente. La direction est bonne, n'en pas tenir compte décourage trop. D'ailleurs, vous le savez, je ne puis me défaire de l'idée que dans le rôle de la Triple Entente tel qu'il le comprend, il y a bien une partie saine et prudente. Et puis c'est question de caractère et de méthode. Il n'aime pas les déclarations à vide. La France propose de s'entendre après. Il sait bien que cela ne réussira pas. Une entente pour l'action entre l'Angleterre, la France et nous est bien plus discutable, pourtant une partie au moins des conséquences qu'il en prévoit me paraissent justes. Je crois que de ces deux alternatives il préfèrerait encore une troisième, celle de

[1] Так в подлиннике.

ne rien faire du tout et mettre la Triple Alliance au merci [1] avec une situation qui n'a pour elle rien d'enviable, elles seraient vouées à se mettre dans leur tort et Dieu sait si l'Allemagne se déciderait à soutenir réellement une action austro-italienne contre la Grèce. S'il s'agissait d'en aboutir à opposer Triple Entente à Triple Alliance, cette situation là, après leur refus d'accepter la proposition de Grey, après tout éminemment équitable, se présentera sous forme il me semble infiniment plus avantageuse. L'Allemagne ne ferait peut-être pas d'opposition à une action de la Triple Entente contre la Turquie, mais combien cette abstention lui donnerait d'avantages immédiats à Constantinople et d'influence sur toute la situation, c'est ce qui me semble-t-il mérite très mûre refléxion. Grey m'a dit être enchanté de votre arrangement au sujet de l'Arménie.

Je clos faute de temps, cher Сергей Дмитриевич, avec mille bonnes et sincères amitiés.

Benckendorff.

Перевод.

Весьма секретно и лично.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Перед моим вчерашним разговором с Греем, о котором я вам телеграфировал и по поводу которого я пишу вам в другом письме, я имел позавчера разговор с Никольсоном у него дома. Во время этого совершенно частного разговора Никольсон беседовал со мной не только без недомолвок, но с откровенностью, мало обычной даже для него. Мало-по-малу он увлекся до того, что прочитал мне многочисленные отрывки из частного письма, которое от только-что получил от Бьюкенена. Очень прошу вас о том, чтобы то, что я вам говорю, осталось между нами. Если это дойдет до Бьюкенена, это парализует его перо, а Никольсон сделается значительно сдержаннее. По правде сказать, он мне поставил это в качестве условия, сказав, что поступает несколько некорректно по отношению к Бьюкенену.

В письме передается недавний разговор с вами или скорее даже ваши суждения и впечатления по поводу существующего положения вещей и по целому ряду вопросов: о значении Тройственного согласия, о позиции Англии, о желательности превращения в будущем согласия в союз, о Трансперсидской железной дороге и пр. и пр. Следует отдать справедливость Бьюкенену: мне кажется, что невозможно передать слова и мысли министра более ясно и— я имею основание думать—более полно и в более благожелательном смысле. Это письмо честнейшего человека, благожелательно настроенного, обладающего даром хорошего изложения мыслей. Вы можете себе представить, как мне было это полезно для дискуссии. Именно это письмо имел я в виду, когда в начале моей вчерашней телеграммы заметил вам, что я нашел Грея совершенно

[1] Так в подлиннике.

в курсе ваших мыслей. Но Грей не сделал никакого намека на письмо, да и вообще говорил только о стоящих на очереди декларациях.

Что касается союза, Никольсон не скрыл от меня, что это всецело его мнение. И он далеко не один. Возможно, что Грей лично недалек от его точки зрения. Но Никольсон прибавил тотчас же—и я вполне разделяю его мнение,—что сейчас это невозможно. Страна не подготовлена к союзу ни с Францией, ни с Россией и скорее даже утомлена мыслью о своем союзе с далекой Японией. Добавлю, что нынешний кабинет после столь длительного пребывания у власти и притом в условиях глубокого кризиса, который или затянется, или же закончится его падением, не обладает достаточным моральным авторитетом для столь важного шага.

По поводу Трансперсидской ж. д. и Никольсон, и Грей думают по существу так же, как вы, как Гардинг лично и как я. Но Никольсон опасается, что вы не отдаете себе в достаточной мере отчета в трудности и необходимости отложить на более отдаленное время проведение прямого пути из России в Индию. Никольсон сказал мне, что в „комитете обороны“ Грей при поддержке видных министров, высказался с такой же твердостью и убеждением, как и он сам [Никольсон], но что, помимо старых англо-индийских традиций, препятствием в этом вопросе является и свойственное островитянам мировоззрение и вкоренившиеся предрассудки, которые более чем когда-либо противодействуют сооружению туннеля под Ла-Маншем. Эта точка зрения еще слишком прочна для того, чтобы ее можно было устранить дипломатическим путем. Именно отсюда возникла идея относительно Бендер-Аббаса. По мнению Никольсона, в будущем успех дела будет обеспечен при условии, если мы будем терпеливы и не будем обрывать переговоры. Немногое можно прибавить к той постановке, какую Никольсон и Грей дают русскому вопросу. Никольсону известно это так же, как и нам с вами. Но не думаю, чтобы они могли сделать большее. Имейте в виду, что в данный момент не найдется, может быть, и двадцати англичан, которые отдавали бы себе отчет в политическом положении или были бы озабочены им и тем, что происходит на континенте,—настолько они поглощены тем, действительно чрезвычайно серьезным кризисом, который переживает страна. Если я об этом ничего вам не писал, то потому, что ничего нельзя ни предвидеть, ни установить вероятного, кроме того, что чем более положение обостряется, приближаясь к состоянию кризиса тем более, повидимому, напрашивается компромиссное решение, которое однако не спасет надолго положения кабинета. Что касается результатов выборов, которых требуют унионисты, то невозможно предвидеть их исход. Да в конце концов, это вопрос второстепенный.

Возвращаюсь к письму Бьюкенена; вы видите, что в целом ряде моментов Никольсон сочувствует нашим идеям; точно так же, думаю я, и Грей. Но Никольсон мне сказал также, что он опасается, как бы вы не действовали слишком поспешно, и рекомендовал мне проявлять побольше терпения. По существу я вам хотел сказать, что, по моему мнению, вы совершенно правильно поступили, поговорив так, как вы это сделали, с Бьюкененом; то, что я мог бы об этом сказать, никогда не оказалось бы достаточным, и, кроме того, здесь чувствуют, в каком духе вы говорите. Но позвольте мне вам повторить, что не следует расхолаживать Грея. Сейчас он живо ощущает трудности, которые создаются Тройственным союзом. У нас и у него цель, насколько это возможно, одна, методы же иногда различны, и не следует ли

лучше договориться и сомкнуть ряды именно на почве вопроса о методах. Простые упреки, слишком часто повторяемые, могут его задеть. Английское правительство—механизм, работающий медленно. Руководство хорошее; если не считаться с ним, то это действует расхолаживающим образом. Впрочем, вы знаете, я не могу отделаться от мысли, что в его понимании роли Тройственного согласия, есть доля здравого смысла и благоразумия. И затем это вопрос характера и метода. Он не любит пустых деклараций. Франция предлагает сговориться впоследствии. Он хорошо знает, что это не удастся. Соглашение о совместных действиях между Англией, Францией и нами может скорее явиться предметом обсуждения, однако, по крайней мере, часть тех последствий, которые он предвидит, мне кажутся обоснованными. Я думаю, что, помимо этой альтернативы, он предпочел бы третий исход, а именно совершенно ничего не делать и предоставить Тройственный союз на волю судьбы, поставив его в весьма незавидное положение. Державы Тройственного союза были бы вынуждены признать свои ошибки, и бог знает, решилась ли бы Германия действительно поддержать австро-итальянское выступление против Греции. Если бы дело шло о том, чтобы противопоставить Тройственное согласие Тройственному союзу, то возможности для этого окажутся, мне думается, гораздо более благоприятными после их отказа принять предложение Грея, в конце концов в высшей степени справедливое. Германия, может быть, не противилась бы выступлению Тройственного согласия против Турции, но насколько значительны были бы непосредственные от того для нее выгоды в Константинополе и насколько возросло бы в связи с этим ее влияние на все положение,—это представляется мне заслуживающим весьма зрелого размышления. Грей сказал мне, что он в восторге от вашего соглашения по армянскому вопросу.

Кончаю за недостатком времени, дорогой Сергей Дмитриевич, и пр.

Бенкендорф.

№ 233. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Ч. Письмо **11 февраля/29 января 1914 г.**

Monsieur le ministre,

Je vous ai expédié hier soir un long télégramme [1] que je me suis efforcé de rendre aussi clair que possible. Je doute pourtant avoir pu vous expliquer aussi clairement que nécessaire ce que j'ai compris du fond de la pensée de Sir Edward Grey. Aussi, sans reprendre l'entretien en lui-même, je passe aux commentaires. Grey, extrêmement préoccupé de la situation, ne veut rien décider avant de s'être abouché encore une fois avec vous et M. Doumergue et avoir soumis la situation en termes plus brefs à toutes les Puissances. Il attend les réponses. Pour son compte il reprend les choses à leur origine et les rattache aux considérations qui ont inspiré sa dernière proposition. Celle-ci

[1] См. № 217.

avait pour but de mettre le sceau de l'autorité de toute l'Europe à une solution acceptable pour tous et suffisamment complète pour le moment. Tout comme lors de la conférence de Londres, il voyait la Triple Alliance active pour poursuivre directement ses propres intérêts, dans le cas actuel les intérêts de l'Autriche et de l'Italie en Albanie, laissant un voile sur les intérêts des autres Puissances dans les questions de la mer Egée. Le pivot se trouvait être la Grèce. Il proposa par conséquent non seulement de résoudre les deux questions, mais d'en assurer la résolution. C'était donnant, donnant. Il imposait à la Grèce le sacrifice d'une partie de l'Albanie, mais lui assurait sa part des îles. La réponse de la Triple Alliance à sa proposition lui semble déjouer tout le plan. On demande à la Grèce de renoncer à l'Epire sans que les îles lui soient assurées. Sir Edward ne croit pas que M. Vénizélos puisse accepter la situation qui lui est faite,—qui plus est, vous comprendrez, je crois, très bien, que M. Vénizélos refuse. Il croit par contre probable que la Turquie, au moyen d'une de ces réponses évasives et peu claires, accepte. Il se trouverait que la déclaration acceptée pro forma à Constantinople serait refusée à Athènes et que les Puissances de la Triple Alliance seraient ainsi mises dans une situation où en réalité le but, que tout au moins lui-même se proposait, serait entièrement déjoué. Pour cette raison je doute que Sir Edward Grey se décide aux déclarations à Athènes et à Constantinople, si les Puissances ne sont pas décidées à imposer leur volonté. Sir Edward irait-il à exiger que toutes les Puissances sans exception soient décidées à agir? C'est ce que je ne sais pas. En réalité je ne crois pas. Le refus de l'Italie de coopérer activement s'il le faut n'est que conditionnel, la condition étant qu'elle ait obtenu les compensations en Asie Mineure que vous connaissez. En réalité seule l'Allemagne semble avoir refusé catégoriquement d'agir éventuellement contre la Turquie. Il est possible que Sir Edward se passe du concours de l'Allemagne. C'est du moins mon impression du moment. Quant à une entrée en matière des Puissances de la Triple Alliance [1] seules il y reste, j'en suis sûr, tout-à-fait contraire. Selon lui la Triple Alliance se chargerait en ce cas de sauvegarder avant tout les intérêts directs et exclusifs de l'Autriche et de l'Italie, tandis que les intérêts de la Triple Entente dans la mer Egée, en réalité moins pressants et au point de vue anglais tout-à-fait indirects, resteraient, même au [1] cas de succès, instables sous la responsabilité d'elles seules. Cela serait la répétition sous forme plus difficile et plus dangereuse de la situation qui prenant

[1] Так в подлиннике.

tant d'années à résoudre était celle de la Crète. Du même coup les intérêts de la Grèce se trouveraient lésés de façon aussi peu équitable que, selon lui, peu politique. „C'est, me dit-il, la situation dans laquelle je ne voudrais pas me laisser mettre",—et je ne suis pas éloigné de croire qu'il soupçonne que ceci précisément pourrait être le but de la Triple Alliance. Au cours de l'entretien je demandai à Sir Edward que puisque il n'était plus possible de compter sur l'unanimité des Puissances et qu'il semblait écarter l'entrée en matière des Puissances de la Triple Entente seules,—quelle serait l'alternative. Il m'a répondu qu'il vaudrait peut-être mieux ne faire aucune déclaration. A ma demande quelles alors seraient les conséquences il me répondit, la Grèce resterait en Epire et c'est l'Autriche et l'Italie qui auraient alors, sans pouvoir espérer l'aide ni le bon vouloir de personne, à assumer la responsabilité et l'odieux de procéder seules. S'y décideraient-elles? Sans autre formalité ni négociations, c'est ce dont Sir Edward me paraît douter. Pour ma part je crois qu'en ce cas le Cabinet de Londres aurait en mains des armes beaucoup plus effectives et puissantes pour contrecarrer pareille exécution de la Grèce que pour agir en dehors du concert européen dans la question des îles. D'ailleurs il n'est pas à présumer que la France y consente. Pour me résumer, Sir Edward Grey se refuserait à aucune action contre la Grèce à moins que les compensations pour la Grèce dans la mer Egée ne reçoivent des garanties suffisantes de la part de toutes les Puissances. C'est ainsi que j'ai compris le sens de mon entretien d'hier. Sir Edward n'a touché à aucune autre question ayant à se rendre à la Chambre où depuis hier ont commencé les débats sur l'Irlande qui absorbent en ce moment si exclusivement l'intérêt de l'Angleterre.

Veuillez agréer etc.

Benckendorff.

Перевод.

Господин министр,

Вчера вечером я отправил вам длинную телеграмму, которую постарался сделать возможно более ясной. Все же я сомневаюсь, удалось ли мне объяснить вам в достаточной степени то, как я понял сущность мыслей сэра Э. Грея. Не возвращаясь потому к самой беседе, перехожу к комментариям. Грей, чрезвычайно озабоченный создавшимся положением, не желает предпринимать какого бы то ни было решения, не снесшись еще раз с вами и с г. Думергом и не передав этого решения в возможно более короткий срок на рассмотрение всех держав. Он ждет ответов. С своей стороны возвращаясь к происхождению этого дела, он связывает его с соображениями, которыми он руководился, делая свое последнее предложение. Оно имело целью скрепить печатью авторитета всей Европы решение, приемлемое для всех и достаточно полное для данного момента. Как и во время Лондонской конференции, Тройственный союз действует,

по его мнению, преследуя непосредственно свои собственные интересы, в данном случае интересы Австрии и Италии в Албании, оставляя без внимания интересы других держав в вопросах Эгейского моря. В центре вопроса является Греция. Поэтому он предложил не только разрешить оба вопроса, но и обеспечить выполнение этого решения. Это была бы услуга за услугу. Греция пожертвовала бы частью Албании, но за ней была бы обеспечена часть островов. Ответ Тройственного союза на это предложение расстраивает, по его мнению, весь его план. От Греции требуют отказа от Эпира, не обеспечивая за ней островов. Сэр Эдуард не думает, чтобы г. Венизелос мог согласиться с навязываемым ему положением. Я думаю, вы прекрасно понимаете, что г. Венизелос откажется. Вместе с тем Грей считает вероятным, что Турция согласится, дав обычный для нее уклончивый и неясный ответ. Получилось бы так, что декларация, принятая формально в Константинополе, была бы, отвергнута в Афинах и что державы Тройственного союза очутились бы таким образом в положении, при котором цель, которую, по крайней мере, сам Грей имел в виду, оказалась бы совершенно недостигнутой. Ввиду этого я сомневаюсь, чтобы сэр Эдуард Грей решился на декларацию в Афинах и в Константинополе, если только державы не условятся навязать свою волю. Пойдет ли сэр Эдуард так далеко, чтобы настаивать на активном выступлении всех держав без исключения? Не знаю, но не думаю, чтобы это было так. Отказ Италии от активного сотрудничества является только условным: условие заключается в получении ею тех компенсаций в Малой Азии, о которых вы знаете. В действительности, от решительного выступления против Турции отказывается, повидимому, одна только Германия. Возможно, что сэр Эдуард Грей будет готов обойтись и без содействия Германии. Таково, по крайней мере, мое теперешнее впечатление. Что касается возможности вмешательства одних держав Тройственного союза, то я уверен, что Грей по-прежнему решительно против этого. По его словам, в этом случае Тройственный союз занялся бы прежде всего обеспечением непосредственных и исключительных интересов Австрии и Италии, тогда как интересы держав Тройственного согласия в Эгейском море, в самом деле менее ощутительные и, с английской точки зрения, совсем косвенные, даже в случае успеха остались бы в неустойчивом положении, причем ответственность всецело пала бы на них одних. Это явилось бы повторением в более трудной и более опасной форме того положения, которое существовало на Крите, на разрешение которого понадобилось столько лет. В то же время это явилось бы нарушением интересов Греции,—нарушением, столь же несправедливым, как и политически нецелесообразным. „Это положение,—сказал Грей,—в которое я не хотел бы дать себя поставить",—и я не далек от той мысли, что Грей подозревает, что именно такова цель Тройственного союза. В течение беседы я спросил сэра Эдуарда Грея, какой же намечается выход, если невозможно больше рассчитывать на единодушие держав и раз он, повидимому, отвергает и вмешательство одних держав Тройственного согласия. Он мне ответил, что было бы, может быть, лучше не делать никакой декларации. На мой вопрос, что же в результате этого получится, он ответил, что в этом случае Греция осталась бы в Эпире, и тогда Австрии и Италии пришлось бы взять на себя ответственность за неприятные последствия сепаратного выступления без надежды на чью-либо помощь или благожелательность. Решатся ли они на такой шаг? Мне кажется, сэр Эдуард сомневается, чтобы они пошли на это без дальнейших переговоров. С своей стороны я думаю, что в этом

случае лондонский кабинет имел бы в руках оружие, значительно более действительное и могущественное, чтобы противиться подобному насилию над Грецией, чем в случае сепаратного выступления в вопросе об островах. Кроме того, нельзя думать, чтобы Франция согласилась на сепаратное выступление. Итак сэр Эдуард Грей откажется от какого бы то ни было выступления против Греции, поскольку компенсации для Греции в Эгейском море не получили достаточных гарантий со стороны всех держав. Вот как я понял смысл моей вчерашней беседы. Сэр Эдуард не касался других вопросов, так как должен был отправиться в палату, где со вчерашнего дня начались дебаты по ирландскому вопросу, которые приковывают к себе в этот момент все внимание Англии.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 234. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁺/₊ Телеграмма № 40. 11 февраля/29 января 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 38 [1].

Сегодня Думерг подробно развил мне мысли, изложенные в его вчерашнем сообщении великобританскому послу. По его убеждению, Венизелос твердо намерен приступить к эвакуации Эпира и приложить все усилия к сохранению там порядка, а турецкое правительство, под давлением финансовых затруднений, готово дать надлежащие гарантии своих мирных намерений. Если державы будут медлить, это лишь вызовет различные интриги, ослабит положение Венизелоса и поощрит турок к несговорчивости. С другой стороны, в своем ответе Грею, державы Тройственного союза заявили: „qu'on sera mieux à même de discuter la ligne de conduite à suivre concernant un accord entre les Puissances pour faire valoir leur décision, quand on aura obtenu les réponses turque et grecque“ [2]. Заявление это следует принять к сведению и тотчас сделать в Афинах и Константинополе сообщение, относительно коего уже состоялось соглашение между всеми державами. По получении ответов от Турции и Греции державы будут иметь положительные данные, на основании коих и можно будет приступить, в случае надобности, к обсуждению мер, могущих потребоваться для выполнения их решений. Думерг телеграфирует в вышеизложенном смысле в Лондон и Петербург.

Копия в Лондон.

Извольский.

---

[1] См. № 219.

[2] „Что лучше отложить до получения ответов от Турции и Греции обсуждение державами вопроса о мероприятиях, направленных к тому, чтобы заставить считаться с их решениями“.

№ 235. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 41. 11 февраля/29 января 1914 г.

Копия в Белград.

Здесь получено известие, что в Белграде во время отсутствия Пашича взяли верх противники интернационализации Восточных ж. д. и что сербский посланник в Вене настаивает на выкупе. Австрийский посол подтвердил это известие Думергу и высказался по этому поводу с большим раздражением. Думерг очень обеспокоен и просит нашего воздействия на сербское правительство, дабы оно осталось при принятом Пашичем по соглашению с нами и Францией решении.

Извольский.

№ 236. Посол в Париже министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 42. 11 февраля/29 января 1914 г.

Дополнение к телеграмме № 40[1]. Копия в Лондон.

По ходу переговоров с Джавид-беем Думерг категорически заявил ему, что при подписании франко-турецкого соглашения он потребует введения в него особой декларации о том, что выплата каждой части турецкого займа будет поставлена в зависимость от сохранения мира. Думерг убежден, что это заявление произвело в Константинополе надлежащее впечатление и в значительной степени повлияло в миролюбивом смысле на настроение Порты.

Извольский.

№ 237. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

./. Письмо. 11 февраля/29 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В прошлый понедельник ко мне зашел греческий министр финансов г. Диомидис, дабы просить меня оказать влияние на нашего представителя при международном финансовом контроле в смысле скорейшего изъявления последним своего согласия на принятие условий, поставленных греческому правительству,—крайне нуждающемуся в средствах,—группою банков, выпускающих первую часть означенного займа.

---

[1] См. № 234.

Как известно, в конвенции по займу, подписанной в Париже, одним из его условий является предварительное соглашение между греческим правительством и комиссией контроля, в ведение коей ныне поступают доходы с салоникской и кавалльской таможен, имеющие служить гарантией исправного платежа по купонам.

Вследствие сего я просил д. с. с. Акимовича подробно обсудить этот вопрос и представить свое заключение по сему поводу в виде отдельной записки. Г. Диомидису я ответил, что со стороны императорского правительства, благосклонно относящегося к займу, вероятно, не встретится препятствий к удовлетворению его ходатайства.

Греческий министр финансов горько мне жаловался на тяжелые и ростовщические условия займа, которые Греция была поставлена в необходимость принять. Он в особенности недоволен предоставлением поступлений от двух главных портовых таможен новой Греции для обеспечения займа и на расширение, вследствие сего, области международного контроля, члены коего, в особенности австрийский и итальянский, получат еще большую возможность вмешиваться во внутренние дела Греции. Это главным образом важно по отношению к Солуни, где австрийское вмешательство особенно нежелательно и может принять политическую окраску. Не подлежит сомнению, что гарантия солунской и кавалльской таможен представляет собою крупную уступку для Греции. Требование это наглядно подтверждает высказанное мною в одном из прежних донесений моих мнение в острый фазис вопроса о принадлежности Каваллы, что одной из причин настояний Франции в пользу Греции являлось именно финансовое соображение в связи с обеспечением будущего займа на французском рынке поступлениями с этого доходного порта.

Я воспользовался беседой своей с г. Диомидисом, чтобы запросить его относительно финансовой политики правительства в новых греческих провинциях, так как на мой взгляд усиленный таможенный тариф старой Греции едва ли можно распространить на новую Грецию, вследствие чего фискальное объединение двух частей королевства представит крупные затруднения, создавая в финансовом отношении две отдельные разнородные единицы. Я счел нужным при этом указать моему собеседнику и на наши непосредственно в этом деле затронутые интересы, в особенности в нефтяной торговле, представители коей за последнее время неоднократно обращались ко мне с запросами по поводу новых распоряжений греческого правительства и увеличения таможенных

пошлин на керосин и нефть в Салониках. Вообще, сказал я г. Диомидису, для меня представляется сомнительным право греческого правительства изменять существующие тарифы, по крайней мере, до формального признания державами аннексии новых областей.

Министр возразил на это, что области эти считаются присоединенными со времени Лондонского трактата, и что во всяком случае Сербия давно уже распорядилась о финансовой полной ассимиляции ее новых территорий со старыми, чего Греция еще не сделала. Что же касается специально нефтяных продуктов, то греческое правительство не установило монополии в ее македонских областях, что действительно отразилось бы крайне вредно на нашей торговле, а ограничилось поднятием пошлины с 11 до 15% ad valorem; мера эта принята вследствие настоятельности изыскания средств и, вероятно, рассчитана с целью показания, хотя бы на первых порах, бо̀льшей доходности порта в связи с гарантией заключаемого займа. Она, по мнению министра, нисколько не повредит нашему экспорту, так как увеличение пошлины всецело ляжет на потребителя, хотя, конечно, значительно уменьшит покупную силу последнего.

Не будучи финансистом, мне довольно трудно дать верную оценку этого мероприятия; едва ли, мне кажется, оно для нас выгодно. Как бы то ни было, я полагаю во всяком случае неправильным поднятие пошлин без предварительного о сем оповещения (préavis) и ранее, чем новые провинции окончательно утверждены державами за Грециею. В этом деле, казалось бы, есть совершенно законная и вполне оправдываемая почва для протеста и, быть может, требования возмещения за убытки, по крайней мере на товары, находившиеся в пути ко дню изменения тарифов.

Примите и пр.

Демидов.

№ 238. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

/. Депеша № 8. 11 февраля/29 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что [7 февраля] 25 сего января прибыли в Бухарест из Венгрии члены Государственной думы граф Бобринский и Дмитриев, из коих первый давал в Мармароше перед судом показания по делу православных угроруссов.

Остановившись здесь на два дня, названные депутаты выразили мне желание познакомиться с наиболее выдающимися румынскими государственными деятелями, ввиду чего я счел своим долгом устроить им свидания с председателем совета министров г. Братиану, с лидером консервативно-демократической партии г. Таке-Ионеску и с одним из влиятельнейших консерваторов, бывшим военным министром г. Филиппеску.

Таким образом, графу Бобринскому и г. Дмитриеву удалось обменяться мыслями с представителями трех крупнейших румынских политических партий—либеральной, находящейся ныне у власти, и оппозиционных—консервативно-демократической и консервативной.

Осветив, каждый с своей точки зрения, нашим депутатам внутреннее и международное политическое положение Румынии, все трое названных румынских государственных деятеля подчеркнули в разговоре с ними то значение, которое придается здесь русско-румынскому сближению, и выразили надежду, что оно будет развиваться и впредь к обоюдной выгоде двух государств.

С глубоким почтением и пр.

Б. Арсеньев.

№ 239. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 249 [1]. 12 февраля/30 января 1914 г.

Ссылаюсь на ваше письмо от [22] 9 ноября 1912 г. № 1210 [2].

Мы придаем большое значение осуществлению предположенного предприятия Сироткина.

Благоволите зондировать почву, дабы выяснить, насколько возможно при настоящих условиях добиться утверждения пекинским

[1] Лит. копия.

[2] Письмо Крупенского от 22/9 ноября 1912 г. за № 1210 является ответом на тел. Нератова от 19/6 ноября 1912 г. за № 2637, в которой сообщалось, что росс. консульству в Кульдже разрешается поддержать ходатайство русских предпринимателей Сироткина и Юлдашева, намеревавшихся получить концессию на разработку горных богатств Илийского края и выдать местной администрации ссуду в 2 млн. руб. Нератов разрешал Крупенскому в случае предъявления контракта на концессию в росс. миссию принять его к сведению. В письме № 1210 Крупенский указывал на то, что все державы, входящие в шестерной консорциум, дали своим представителям в Китае инструкции не принимать к сведению извещений кит. прав-ва о займах, заключаемых у их соотечественников помимо консорциума, и что поэтому принятие росс. миссией к сведению контракта на концессию Сироткина вызовет протест со стороны остальных пяти держав.

правительством концессии Сироткина, которую, по его словам, китайские власти в Кульдже продолжают предлагать ему, и дать по телеграфу заключение ваше по этому вопросу[1].

[Сазонов.]

№ 240. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 251 [2]. 12 февраля/30 января 1914 г.

Сообщается в Берлин, Вену и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 244[3].

Английский посол передал памятную записку с предложением, чтобы державы сделали запрос в Вене и Риме касательно условий аванса Австрии и Италии князю Виду и заявили, что расходование этого аванса должно быть поставлено под контроль международной комиссии.

Благоволите уведомить правительство, при коем вы аккредитованы, что мы согласны принять участие в этом шаге, соответствующем нашему собственному предложению. Инструкции в этом смысле даются нашим представителям в Вене и Риме по телеграфу.

Желали бы знать мнение правительства, при коем вы аккредитованы, относительно сообщения князю Виду[4] .

Что касается участия нашего судна в эскорте князя Вида[5], то таковое представлялось бы мне нежелательным.

Против посылки английского судна не возражаем, при условии участия Франции.

Сазонов.

---

[1] В ответной тел. от 17/4 февр. 1914 г. за № 50 Крупненский сообщал, что определенного ответа от кит. м-ра ин. дел он еще не получил, и высказывал предположение, что „ввиду отдаленности Илийского края нам удастся, если упомянутая сделка ныне состоится, избежать нареканий остальных участников консорциума". Вместе с тем Крупенский отмечал желательность включения в контракт о займе хотя бы самого общего указания на то, что „заем предназначается на промышленные нужды", так как в отношении промышленных займов „державами консорциума допускается полная свобода".

[2] Лит. копия.

[3] См. № 228.

[4] В тел. от 14/1 февр. 1914 г. за № 43 Извольский передавал текст ответа Думерга, в котором сообщалось о согласии франц. прав-ва признать аванс при условии расходования его под контролем международной комиссии.

[5] В памятной записке английского посольства на имя м-ра ин. дел от 12 февр./30 янв. 1914 г., помимо вопроса об авансе Виду, речь шла также о посылке судна для сопровождения Вида в Дураццо.

№ 241. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 252[1]. 12 февраля/30 января 1914 г.

Сообщается в Париж.

За последнее время мы неоднократно убеждаемся в недостатке органа, объединяющего взгляды и выступления держав, каковым было в прошлом году собрание послов в Лондоне. Происходящая переписка вызывает проволочки, неблагоприятно отражающиеся на деле.

Ввиду отказа лондонского кабинета от возобновления прошлогодней конференции, мы на ней более не настаиваем, но полагаем, что, может быть, со стороны Грея не встретит тех же возражений предварительное согласование взглядов, хотя бы одних держав Тройственного согласия, через представителей в Лондоне.

Иначе, пока державы противоположной группы действуют, мы только совещаемся, и наше и без того слабое объединение еще более теряет силы.

Прошу вас переговорить по этому поводу с Греем, если ваш французский коллега получит соответствующие полномочия.

Сазонов.

№ 242. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 77. 12 февраля/30 января 1914 г.

Ознакомившись из препровожденной вашим сият-вом при записке от [5 февраля] 23 сего января ноты сэра Э. Грея[2] с предложением английского делегата в комиссии по разграничению Сев. Албании относительно предстоящих работ комиссии, считаю долгом сообщить вам взгляд императорского м-ва по сему вопросу.

Мы не можем не разделять мнения сэра Эд. Грея о нежелательности создания нейтральных зон в спорной местности, как вследствие отмеченных им трудностей осуществления такой меры,

---

[1] Опубл. Siebert, S. 805—806.

[2] В ноте от 3 февр./21 янв. 1914 г., переданной Греем Бенкендорфу, Грей высказывался против создания нейтральных зон на албано-сербской границе, вследствие трудности осуществления нейтралитета на практике. Вместе с тем Грей указывал на желательность разрешения вопроса о принадлежности Горской казы путем анкеты, выясняющей религиозный и национальный состав местного населения.

так и вследствие того, что она установила бы неравные условия для сербов и албанцев. Тогда как сербские пограничные власти препятствовали бы вторжению в нейтральные зоны вооруженных сербов, такие меры не могут быть приняты со стороны Албании, ввиду отсутствия албанской администрации. Таким образом, сербское население осталось бы без защиты против вооруженных албанцев, что, очевидно, служило бы почвою для насилий и новых столкновений.

Что касается определения направления новой сербско-албанской границы к югу от Призрена, мы считаем, что нет надобности прибегать для сего ни к какой анкете среди местного населения, крайне затруднительной ввиду смешанности его состава, ни к дополнительным разграничительным работам в этом районе, для коих сэр Эдуард Грей предлагает предварительный съезд в Бриндизи и Бари. Нам представляется, что в этом вопросе надлежит строго придерживаться буквы и смысла постановлений совещания послов в Лондоне, установившего, что граница эта „suit la ligne frontière entre le district de Prizren et le district de Ljuma laissant ce dernier à l'Albanie“[1].

Из этого постановления ясно, что в основание разграничительных работ комиссии должно лечь турецкое административное деление местности, с чем согласен и венский кабинет, как явствует из переданной нам австро-венгерским посольством памятной записки от [4 декабря] 21 ноября 1913 г., копия коей была в свое время сообщена посольству в Лондоне. Очевидно, таким административным делением должно быть признано последнее, существовавшее перед войной в 1912 г.

Задача комиссии заключается в точном определении границ Люмской казы, которая должна отойти к Албании. Границу эту можно считать установленною данными, представленными комиссии нашим делегатом в заседании ее 3 декабря нового стиля, согласно которым Горская каза никогда не входила в состав Люмской казы, но, наоборот, до 1910 г. принадлежала к составу Призренской казы.

Примите и пр. [Сазонов.]

---

[1] „Идет вдоль пограничной линии между Призренским и Люмским округами, причем этот последний отходит к Албании“. Постановления Лондонской конференции послов о северной и сев.-восточной границе Албании изложены в тел. Бенкендорфа от 14/1 апр. 1913 г. за № 341.

№ 243. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

Депеша № 5. 12 февраля/30 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Прибывшему в Вену на прошлой неделе в должности егермейстера высочайшего двора Балашову удалось убедить графа Берхтольда, с которым он имел продолжительное свидание, в желательности допущения графа Бобринского на мармарош-сигетский суд в качестве свидетеля с обеспечением ему беспрепятственного возвращения в Россию[1]. О побуждениях австро-венгерского правительства так быстро и круто отказаться от ранее принятого им положения в этом деле я могу высказать лишь догадки. Полагаю, что с одной стороны было очень уже неловко отвести такого важного свидетеля, каким являлся граф Бобринский, в то время, когда он уже находился на венгерской территории. С другой—здесь желали избежать последствий какого-либо инцидента, жертвою которого явился бы русский политический деятель, имеющий связи как в аристократических, так и в общественных кругах России.

Нельзя не отдать справедливости благоразумию в этом здешнего правительства, сумевшего к тому же не только обезвредить выступление графа Бобринского от тех нежелательных для себя последствий, о которых я упоминал в донесении моем № 2[2], но даже извлечь из всего инцидента некоторую пользу: графу Бобринскому был дан случай высказать очень многое о своей деятельности среди угроруссов, а сказанное им в суде всегда может быть впоследствии истолковано в том или ином освещении в зависимости от надобности минуты. Со своей стороны пресса сделала свое дело: подробно передавая показания графа, она стремилась его выставить в роли обвиняемого, старающегося оправдать свои собственные поступки, причем искусственно создавалось впечатление о нем, как о человеке, к которому применима поговорка: „Qui s'excuse s'accuse“.

Как ни понятна и даже похвальна с точки зрения личных побуждений графа Бобринского им самим на себя возложенная миссия,—с точки зрения наших отношений к Австрии о ней можно только пожалеть. Обаяние свое или России среди подсудимых угроруссов граф Бобринский едва ли увеличил своею же настойчивостью явиться на суд и там отстаивать положение, которому

---

[1] О допущении Бобринского на суд Кудашев известил м-во ин. дел тел. от 4 февр./22 января 1914 г. за № 16.

[2] См. № 127.

здесь решительно никто не верит,—об отсутствии у его пропаганды всякой политической подкладки,—он только еще более раздражил и правительство и здешнее общественное мнение.

Прямым отголоском поездки графа явился до нельзя вызывающий по отношению к России тон здешней прессы за последние дни, притом у органов всех направлений, не исключая и полуофициоза „Neues Wiener Tageblatt“. Хотя преувеличенного значения австрийской прессе придавать не следует, тем не менее ею создается таким образом настроение, всегда нежелательное между соседними государствами. Быть может, поездка графа Бобринского имела и другое последствие, вполне конкретное. Я не удивился бы, если бы, напр., оправдалась моя догадка, что успеху, ныне достигнутому в деле соглашения в Галиции между поляками и украинцами, в частности по вопросу об украинском представителе от города Львова, до последней минуты угрожавшему расстроить все соглашение,—косвенно, в психологический момент, могли посодействовать приписанные графу Бобринскому на суде слова, что целью его агитации является защита рутенов от влияния поляков и украинцев. Едва ли не воспользовались ими такие ловкие люди, как, напр., униатский епископ граф Шептицкий (как говорят, иезуит), чтобы склонить к взаимным уступкам обе вышеназванные народности и объединить их указанием на общую опасность, грозящую им от могущества соседа и... „врага“ [1].

С глубочайшим уважением и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 244. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

/ Депеша № 7. 12 февраля/30 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Нервность здешней прессы, сказывающаяся между прочим в резких статьях по адресу России, в значительной мере происходит от страха пред возможностью возобновления, под эгидою России,

[1] Из Мармароша Бобринский, дав показания, отправился в Бухарест, откуда, по его просьбе, Арсеньев сообщил Сазонову (тел. от 7 февр./25 янв. за № 19): „Процесс начат во время мобилизации с целью терроризировать население. Ныне все видят, что обвинение провалилось... Суд и прокурор склонны назначить слабое наказание. Поэтому в интересах обвиняемого очень желательно, чтобы наша пресса не раздражала суда, а писала сдержанно... Очень прошу... повлиять на „Новое время“ и националистические газеты. Венгерские власти и суд чрезвычайно были ко мне любезны“.

Балканского союза. Одновременное пребывание в С.-Петербурге председателей совета министров Греции и Сербии, их дальнейшая встреча в Бухаресте и совместное оттуда следование в Белград,—все это дает обильную пищу для самых разнообразных толков. Между тем здесь отдают себе отчет в громадной трудности примирить интересы балканских государств и едва ли верят тому, что какое-либо соглашение в С.-Петербурге было действительно подписано. Но этого мало, чтобы успокоить общественное мнение. Уж один факт, что может быть речь о возобновлении союза, небезосновательно наводит австрийцев на размышление. Этим доказывается ошибочность всех их расчетов в вопросах внешней политики. Здесь утешались мыслью, что Австро-Венгрии все-таки удалось расстроить союз 1912 г., что вторая балканская война бесповоротно поссорила Болгарию с Россией и Сербиею и тем самым направила ее в русло австрийской политики. Теперь многие сознаются в неверной ими оценке болгарского характера, и расчеты на преобладающее влияние Австрии в Софии представляются самим австрийцам сомнительными. Некоторые оппозиционные органы обвиняют правительство в искусственном создании греко-сербской солидарности на почве албанского вопроса и на ошибочную политику[1] по отношению к Румынии. Вовлечь последнюю в Балканский союз России, пожалуй, не удастся,—замечает один весьма серьезный венский журнал. „Но для России и для Балканского союза достаточно, если Румыния и без формального участия в союзе отнесется сочувственно к целям последнего, а в этом, к сожалению, судя по событиям последнего месяца, едва ли можно сомневаться“.

Все усилия австрийской дипломатии в настоящий момент направлены, как мне кажется, к возобновлению прежних отношений к Румынии. Как вашему высокопревосходительству несомненно известно, австро-венгерский посланник в Бухаресте даже прибег к необычному способу снискания симпатий румын королевства публичным признанием в интервью с репортером, что восстановление прежних отношений будет зависеть от справедливых уступок венгерского правительства венгерским румынам.

„По поводу искреннего расположения, обнаруживаемого румынскими политическими деятелями к Австро-Венгрии,—сказал граф Чернин,—я должен высказать надежду, что как только вопрос о румынах Семиградия найдет себе разрешение, то все снова ста-

[1] Так в подлиннике.

нет на верный путь". Такое подчинение вопросов внутреннего распорядка потребностям внешней политики очень знаменательно. Самое признание этого факта посланником однако строго осуждается даже теми, кто признает справедливость взглядов графа Чернина, и граф Тисса не преминул в умеренной, но недвусмысленной форме высказать в венгерском парламенте порицание неуместной откровенности австро-венгерского дипломата[1].

Заявления графа Чернина, как кажется, действительно затруднили дело австро-румынского сближения и даже самое удовлетворение в Венгрии вожделений венгерских румын. С этой точки зрения комментируется сегодня в венской прессе поездка в Бухарест наместника в Буковине графа Мерана, имевшего на-днях аудиенцию у императора Франца-Иосифа и ныне командированного в Румынию, как говорят, с особою дипломатическою миссиею к королю Карлу.

Примите и пр. Кн. Н. Кудашев.

№ 245. Посланик в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 42[2]. 12 февраля/30 января 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 222[3].

За отсутствием Пашича объяснился по содержанию ее с министром финансов Пачу, заменяющим председателя совета. По мнению сербского правительства, участие Италии в деле интернационализации Восточной дороги является вообще нежелательным, как могущее создать новые осложнения. Однако непримиримость занятого римским кабинетом положения заставляет Пачу опасаться, что устранение Италии едва ли окажется достижимым. Так на-днях здешний итальянский посланник передал сербскому правительству ноту, в которой он самым категорическим образом заявляет, что Италия не признает никаких железнодорожных сделок, заключенных без ее ведома, и что делегат ее в финансовой комиссии в Париже возбудит решительный протест против переговоров, ведущихся в Вене. По имеющимся здесь секретным и весьма достоверным сведениям, на эту роль Италию толкают из Берлина, где крайне недовольны действиями Австрии, стремящейся создать себе привилегированное экономическое положение в Сербии, и

[1] Ген. консул в Будапеште Приклонский в донес. от 10 февр./28 янв. 1914 г. за № 7 сообщал, что Тисса „выразил сожаление о том, что беседа графа Чернина появилась в газетах".

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 53—54, № 1269.

[3] См. № 209.

готовы даже оказать последней материальную помощь для выкупа Восточной дороги. Окончательное заключение сербское правительство обещает сообщить по возвращении Пашича, приезда коего с Венизелосом ожидают сегодня вечером.

Копии в Париж и Вену.

Гартвиг.

№ 246. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 45. 12 февраля/30 января 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 245[1] и Извольского № 41[2].

Копию в Париж.

По поводу этих телеграмм сегодня успел обменяться лишь несколькими словами с Пашичем у него на завтраке в честь Венизелоса. Не ознакомившись еще с происходившей в его отсутствие перепиской, Пашич не знает, что могло дать повод к предположению об изменившихся взглядах сербского правительства на вопрос об интернационализации Восточной дороги. Обещал завтра выяснить дело. Во вчерашних объяснениях моих с Пашичем не было и намека на желание Сербии уклониться от состоявшегося соглашения с нами и Францией. Вообще не допускаю, чтобы в отсутствие Пашича могли возобладать какие-либо неожиданные течения. Склонен думать, что здесь кроется какое-либо недоразумение, вызванное личного характера изъявлениями Иовановича.

Гартвиг.

№ 247. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 88. 12 февраля/30 января 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 50[3]. Прошу телеграфных инструкций.

Получил вашу телеграмму № 231[4]. Ссылаюсь на письмо, которое получите сегодня[5].

Прежде чем исполнить возлагаемое на меня поручение, считаю долгом высказать нижеследующее: как ваше высокопревосходи-

[1] См. № 229.
[2] См. № 235.
[3] См. стр. 44, прим. 4.
[4] См. № 214.
[5] Имеется в виду, повидимому, письмо от 9 февр./27 янв. 1914 г. (см. № 212).

тельство замечаете, ключ для разрешения вопроса о нашем делегате—в Берлине. Сломить упорство германского кабинета нам возможно будет только при содействии Франции и Англии. Германия, поскольку я могу судить, ни в коем случае не откажется от требований очередного председательства в Совете. Столь же ревностно она будет отстаивать установившееся в нем равновесие, посредством ли введения, одновременно с нашим делегатом, второго германского, или же путем замены представителя Оттоманского банка—француза русским. Полагаю, что обе последние комбинации для нас одинаково приемлемы, и что выбор их должен быть предоставлен самой Франции, от которой мы в данном вопросе в праве ожидать компенсации за сделанные нами ей в железнодорожном вопросе уступки. С другой стороны, ввиду одобрения вашим высокопревосходительством формулы согласия Порты на введение нашего делегата в Совет,—телеграмма посла 1132[1]—нам обеспечено содействие Порты перед иностранными синдикатами. Обусловливать же наше согласие на 4%-ю надбавку не только содействием Турции, но и успешным, от нее не зависящим, исходом ее переговоров с Германиею считаю невыгодным для нас по следующей причине: Джавид оказался бессильным заключить с Германией соглашение даже по другим, ближе затрагивающим Турцию вопросам. Поэтому нет сомнения, что согласие Германии на введение нашего делегата Турция могла бы купить разве ценою дарования немецким предприятиям новых концессий, которые еще более усилили бы зависимость Турции от Германии в ущерб нашему влиянию и нашим интересам.

Гулькевич.

№ 248. Консул в Астрабаде заведующему отделом Среднего Востока Клемму.

Телеграмма № 6. 12 февраля/30 января 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на телеграммы миссии №№ 139 и 140[2].

Вмешательство отряда в местные дела есть неизбежное и естественное последствие пребывания здесь нашего отряда и нашего влияния и служит основным орудием усиления последнего. Иначе

---

[1] См. стр. 44, прим. 4.

[2] Тел. Саблина от 30/17 марта 1913 г. за № 139 касается вопроса об отпуске оружия перс. прав-ву. Тел. Саблина от того же числа за № 140 посвящена вопросу о взаимоотношениях между росс. консульством в Тавризе и Шоджа-эд-Доуле.

же, пользуясь тем, что, вследствие нахождения здесь нашего отряда, враждебные нынешнему персидскому правительству элементы обречены на бездействие, последние будут пользоваться этим, чтобы разрушить особенно[е] наше положение в Персии. Мне достоверно известно, что главной темой интимных разговоров бельгийцев и враждебной нам части персиян служит надежда на вмешательство в этих целях Англии и Германии и стремления английской миссии в Тегеране сделать бельгийцев своим орудием. Ясно сознавая трудное положение миссии, я тем не менее прошу не требовать от меня невмешательства в местные дела, ибо это для меня равносильно отказу от плодов всех моих усилий.

Иванов.

№ 249. Английский посол в Петербурге министру иностранных дел.

Письмо. **13 февраля/31 января 1914 г.**

Dear Monsieur Sazonow,

Sir Edward Grey wishes me to inform you that, as all the Powers are anxious to make the communication to the Greek and Turkish Governments respecting the South Albanian frontier and the Aegean Islands immediately, and as His Majesty's Governments [1] are reluctant to separate themselves from the other Powers, he has instructed the British Representatives at Athenes and Constantinople to join their colleagues in making the communication.

Sir Edward Grey does not, however, feel that our interests are involved either in deciding as between Greek and Turkish ownership of the islands or in securing the Greek evacuation of Epirus; and he adds that the object of His Majesty's Government in promoting the setlement of these two questions, which they regard as inseparable, was to attain unity among the Powers.

Finally I am to say that, should there be any difficulty in getting the Powers'decisions on either question respected, His Majesty's Government must not be regarded as committed by the communications made to the Greek and Turkish Governments to any further steps unless the other Powers should agree to participate in them and to make their decisions respected. Failing such an agreement, Sir E. Grey states that His Majesty's Government must reserve their future attitude with regard to these decisions.

Very sincerely yours George W. Buchanan.

[1] Так в подлиннике.

Перевод.

Дорогой г. Сазонов,

Сэр Эдуард Грей желает, чтобы я сообщил вам, что так как все державы озабочены скорейшим сообщением греческому и турецкому правительствам относильно южной албанской границы и Эгейских островов, и так как правительство его величества не желает оставаться в стороне от других держав, он дал британским представителям в Афинах и в Константинополе инструкцию присоединиться в этом деле к их коллегам.

Сэр Эдуард Грей не думает однако, чтобы в наши интересы входило решение вопроса о принадлежности островов грекам или туркам или обеспечение эвакуации Эпира греками; он добавляет, что целью правительства его величества, когда оно взяло на себя инициативу в разрешении этих двух вопросов, которые оно считает неотделимыми друг от друга, являлось достижение единства между державами.

Наконец, я должен сказать, что если бы возникло какое-либо затруднение в осуществлении решений держав по какому-либо из затронутых вопросов, не следует полагать, что представления, сделанные греческому и турецкому правительствам, обязывают правительство его величества к каким-либо дальнейшим шагам, если только другие державы не согласятся принять участие в них и заставить уважать свои решения. Сэр Э. Грей заявляет, что при отсутствии подобного соглашения правительство его величества сохранит за собою на будущее время свободу действий в отношении этих решений.

Искренно преданный вам

Джордж В. Бьюкенен.

№ 250. Французский посол в Петербурге Палеолог французскому министру иностранных дел Думергу.

Телеграмма №№ 90 и 91 [1]. 13 февраля/31 января 1914 г.

Confidentiel.

Arrivé ce matin à Pétersbourg, je viens d'être reçu par le ministre des affaires étrangères. Je lui ai fait connaître que les instructions de votre excellence me prescrivaient un resserrement aussi étroit que possible de l'alliance.

„J'espère, — ai-je dit, — que la retraite de Mr. Kokovtzow ne rendra pas ma tâche moins facile".

Mr. Sazonow m'a assuré que rien ne serait changé à la politique extérieure de l'empire. Le ministre ne m'a pas caché d'autre part que la démission de Mr. Kokovtzow lui cause un certain regret. Sur le compte de Mr. Goremykine il s'est dérobé à toute explication. Il a dit seulement: „Je doute qu'il reste longtemps au Pouvoir".

[1] Так в подлиннике. Телеграмма, расшифрованная в российском м-ве ин. дел.

Très confidentiel.

D'autre part le prince Orlow, chef de la chancellerie de la maison militaire de l'empereur, avec qui j'ai voyagé depuis Paris et qui m'a annoncé dans le wagon la retraite de Mr. Kokovtzow, m'a manifesté une vive satisfaction.

„L'empereur, — m'a-t-il dit, — m'avait confié sa décision il y a quatre mois. Sa majesté reprochait à Mr. Kokovtzow de toujours subordonner la politique générale et la politique extérieure aux intérêts du Trésor. Ni Mr. Kokovtzow ni Mr. NN n'étaient des hommes d'action. Mais dans la crise orientale on aurait besoin d'hommes d'action, au moins de décision. Mr. Goremykine, et c'est une des raisons qui ont déterminé le choix de l'empereur, est un des plus fidèles adeptes de l'alliance française. Comme président du Conseil sans portefeuille, il voudra probablement s'occuper des affaires étrangères; vous n'aurez pas à le regretter. Au point de vue de la politique intérieure il est ami de l'ordre sans excès".

Перевод.

Доверительно.

Прибыв сегодня утром в Петербург, я только-что был принят министром иностранных дел. Я сообщил ему, что инструкции вашего превосходительства предписывают мне работать над возможно большим упрочением союза.

„Надеюсь,—сказал я,—что отставка г. Коковцова не затруднит мою задачу".

Г. Сазонов заверил меня, что внешней политике империи ничто не изменится. С другой стороны, министр не скрыл от меня, что отставка г. Коковцова вызывает у него некоторое сожаление. Относительно г. Горемыкина он воздержался от каких бы то ни было объяснений. Он сказал только: „Сомневаюсь, чтобы он остался долго у власти".

Весьма доверительно.

С другой стороны, князь Орлов, начальник императорской военно-походной канцелярии, с которым я ехал из Парижа и который сообщил мне в вагоне об отставке Коковцова, выразил мне по этому поводу свое живейшее удовлетворение.

„Император,—сказал он,—поведал мне о своем решении четыре месяца тому назад. Его величество ставил г. Коковцову в вину постоянное подчинение общей политики и политики внешней интересам фиска. Ни г. Коковцов, ни г. N N не являются людьми действия, а между тем, в восточном кризисе понадобятся люди активные или, по крайней мере, решительные. Г. Горемыкин—и это одна из причин, определивших выбор императора,—является одним из наиболее верных сторонников союза с Францией. Как председатель совета министров без портфеля, он, вероятно, пожелает заняться иностранными делами; жалеть об этом вам не придется. В вопросах внутренней политики он является сторонником порядка и умеренности".

№ 251. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 6 [1]. 13 февраля/31 января 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В Берлине уже несколько лет как существует немецко-армянский комитет, и уже с год как здесь издавался листок „Deutsch-Armenische Blätter“, появлявшийся очень нерегулярно. Теперь стараниями некоторых армян небольшой комитет этот преобразовался в немецко-армянское общество, главнейшие немецкие члены когео,—большинство бывшие и членами прежнего комитета,—следующие: доктор Рорбах, принимавший участие в издании „Deutsch-Armenische Blätter“,—личность, довольно известная своими статьями по колониальным и политическим вопросам; д-р Лепсиус, небезызвестный вашему высокопревосходительству по донесению моему от [28] 15 марта прошлого года за № 18[2]; профессор Маркварт; писатель Курт Арам и д-р Штир. Со стороны армян руководителями общества являются д-р Мурадов—русский подданный; д-р Шахбазиан и д-р Грюнфельд—персидские подданные и д-р Айраниан—турецкий подданный.

С 1-го апреля общество будет издавать здесь на немецком и армянском языках ежемесячный журнал „Deutsch-Armenische Echo“.

Целью, руководившею армянами при создании общества и ежемесячного органа, является желание по возможности ослабить противодействие со стороны Германии проведению в жизнь тех реформ, проект которых ныне принят Турцией по нашим настояниям. Сознавая, что одного принятия Портой проекта преобразований в армянских вилайетах еще недостаточно и что Турция и впредь при проведении проекта в жизнь будет всячески противиться и тормозить оное, армяне опасаются, что и тогда—как и в момент выработки реформ—Германия и ее общественное мнение явятся снова адвокатом Турции. Отсюда эта попытка заинтересовать здешнее общество в дальнейшей судьбе армян правильным, с армянской точки зрения, освещением событий из жизни этого народа в Турции.

---

[1] Лит. копия.

[2] О д-ре Лепсиусе Свербеев сообщал в своем донесении от 28/15 марта 1913 г. за № 18, что он давно занимается армянским вопросом, считается знатоком Малой Азии и Персии, и что по его инициативе было основано в Берлине в 1896 г. общество Deutsche Orient-Mission. Об-во это, по словам Свербеева, пользуется поддержкой герман. прв-ва и, „повидимому, получает теперь также указания со стороны иностранного ведомства“.

При поверхностном ознакомлении с списком немецких членов нового общества, нахождение во главе списка имени Павла Рорбаха, бывшего русского подданного, в публицистической деятельности своей относящегося к России довольно недружелюбно, могло бы, пожалуй, вызвать опасения, что это к нам отношение свое Рорбах перенесет и на страницы немецко-армянского „Echo"; но следует иметь в виду, что журнал будет издаваться на армянские деньги и, по словам доктора Мурадова, не они в руках г. Рорбаха и К°, а как раз наоборот; и армяне поставили непременным условием сотрудничества, что никакие враждебные России нотки не найдут себе места на страницах нового журнала. В доказательство того, что армяне, издавая здесь журнал на свои же средства, сумеют удержать в своих руках и руководство направлением, г. Мурадов приводит тот факт, что и при выпуске „Deutsch-Armenische Blätter", вдохновителем которых был сам г. Рорбах, всякие попытки его помещать изредка статьи с неблагоприятными о России отзывами встречали со стороны армян-редакторов немедленный отпор.

Во всяком случае императорское посольство не преминет, с момента появления в свет нового журнала, следить за его направлением.

Примите и пр. **Свербеев.**

№ 252. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 13 февраля/31 января 1914 г.

Секретною телеграммою за № 19 я имел честь обратить благосклонное внимание ваше на переданное представителем нашего телеграфного агентства заявление статс-секретаря фон Ягова в бюджетной комиссии о постоянно улучшающихся англо-германских отношениях [2]. В той же телеграмме Марков упомянул также о заявлениях морского министра адмирала Тирпица касательно соотношений морских сил Германии и Англии.

Как вы изволите припомнить, Тирпиц сказал, что предложенное Черчиллем соотношение флотов английского к германскому, как 16 к 10, для Германии вполне приемлемо; что же касается до мысли его о нежелательности [3] прекращения на год как в Ан-

[1] Опубл. Siebert, III, S. 253—5, № 1036.

[2] Тел. от 5 февр./23 янв. за № 19 весьма кратко передает содерж. тел-мы телеграфн. агентства. Содержание ее исчерпывающе изложено в наст. документе.

[3] Так в подлиннике.

глии, так и в Германии постройки новых судов (Freijahr), то таковая, по мнению министра, должна быть отвергнута.

По заявлению же Ягова, сен-джемский кабинет пока еще не обращался в Берлин с подобным предложением.

Наведя беседу с английским моим коллегою на эту тему, я спросил его, как объяснить периодически повторяющиеся заверения здешних государственных людей об улучшении англо-германских отношений, наводящие невольно на мысль, что между Лондоном и Берлином не прекращаются переговоры, которые в конце концов могли бы привести к сближению между обеими державами.

Гошен ответил мне, как он делал это и прежде, что все эти заверения не имеют никакой цены и что обмен мыслей между Берлином и Лондоном ограничивается лишь обоюдными их экономическими и железнодорожными интересами в Африке.

По поводу предлагаемого Черчиллем соотношения 16 к 10 английский мой коллега подтвердил мне сложившееся у меня убеждение, что из этого соотношения исключаются канадские суда[1], на что Германия вряд ли могла бы согласиться.

Что же касается до годичной приостановки судостроения, то, по словам Гошена, заявления статс-секретаря не вполне соответствуют истине, так как ему, Гошену, поручено было из Лондона запросить об этом мнение Ягова, но последний дал ему уклончивый ответ. По убеждению же самого английского посла, которое он мне поведал строго доверительно, мысль эта вполне несбыточная и для Германии вполне неприемлемая тем более, что все рабочие ее, занятые ныне на верфях, окончательно лишены были бы заработка, тогда как в Англии для рабочих этих могло бы всегда найтись применение на частных верфях для постройки многочисленных мелких судов, в коих ощущается постоянный недостаток. К тому же,—прибавил английский посол,—мало было бы приостановить судостроение в Англии и Германии, а то же обязательство должны были бы принять на себя и все остальные великие державы.

Французский мой коллега, мнение коего Гошен запросил по поводу так называемого „праздничного года", сказал ему, что мысль эту он никоим образом одобрить не может, так как все сбережения, которые Германия извлекла бы из годовой приостановки судостроения, она, очевидно, употребила бы на усиление

[1] У Siebert'a: „Kanadische Dreadnaughts".

своей сухопутной армии, а эта последняя при будущем столкновении была бы главным образом направлена против Франции.

Камбон весьма мрачно смотрит на постоянные слухи об улучшающихся англо-германских отношениях, предвидя в будущем возможность какого-либо между обеими странами сближения.

Хотя я и не в полной мере разделяю его опасения, но я все же не могу вполне отрешиться от мысли, что, начав с урегулирования своих экономических интересов в Африке, Германия и Англия, может статься, перейдут со временем к более существенным переговорам, которые могли бы в конце концов привести к известному соглашению и в вопросах политических. Здесь я, конечно, могу следить, насколько это возможно, за заигрыванием германского правительства с английским, но я лишен, очевидно, возможности судить о том, какое впечатление заигрывания эти производят на руководящие круги Великобритании.

Примите и пр. С. Свербеев.

№ 253. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

Телеграмма № 218. 13 февраля/31 января 1914 г.

Начальнику ардебильского отряда мною указано, что применение такой крайней меры, как обстрел и разрушение кварталов, может быть допущено лишь при исключительных обстоятельствах и при непременном испрошении предварительного разрешения моего. В случаях, подобных бывшим в Ардебиле, применять меру, указанную в вашей телеграмме № 514 [1].

Воронцов-Дашков.

№ 254. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

14/1 февраля 1914 г.

His Majesty's Minister at Peking has reported to His Mejesty's Government that the German detachment at Hankow has been withdrawn and it has been suggested that this opportunity might perhaps be taken vf enquiring whether the Russian and Japanese Governments would consider it expedient to adopt a similar course of action.

Sir Edward Grey has already made a communication in this sense to

---

[1] „№ 514", повидимому, ошибка; см. № 208.

the Japanese Ambassador and he has instructed His Majesty's Embassy to approach the Russian Government on the subject.

In so doing, His Majesty's Embassy is to state that Sir Edward Grey has now for the first time learnt that the German marine guard are to be withdrawn from Hankow, and the Embassy is to explain that His Majesty's Government do not consider the retention of troops at Hankow is [1] still necessary, as they have already shown by the withdrawal of their own detachment. Accordingly, His Majesty's Embassy is to enquire whether the Imperial Government are likely to withdraw their troops in the near future.

Перевод.

Посланник его величества в Пекине сообщил правительству его величества, что германский отряд эвакуирован из Ханькоу, при этом была высказана мысль, что этот случай мог бы быть использован для выяснения вопроса, не сочтут ли русское и японское правительства целесообразным рассмотреть этот вопрос в ближайшем времени, дабы усвоить аналогичный образ действий.

Сэр Эдуард Грей сделал сообщение в этом смысле японскому послу и уполномочил посольство его величества снестись по этому поводу с русским правительством.

При этом посольство его величества имеет сообщить, что сэр Эдуард Грей теперь впервые узнал, что германский морской отряд должен быть эвакуирован из Ханькоу; посольство должно также заявить, что правительство его величества не считает дальнейшее содержание войск в Ханькоу необходимым, как оно уже доказало это эвакуацией собственного отряда. В соответствии с этим посольству его величества поручено запросить, предполагает ли императорское правительство вывести свои войска в ближайшем будущем.

№ 255. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Письмо № 86 [2]. 14/1 февраля 1914 г.

Доверительно.

Как известно вашему превосходительству, астрабадо-гюргенский район стал за последнее время обращать на себя внимание разных предпринимателей, привлекаемых туда значительными, повидимому, природными богатствами этого края. Из донесения консула в Астрабаде от 16 декабря м. г. за № 62 [3] и других имеющихся сведений усматривается, что в означенном районе началась усилен-

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Черновик рукою Клемма.

[3] См. стр. 96, прим. 1.

ная скупка земель, и что туда направляется большое количество переселенцев, как из наших средне-азиатских владений, так и из Европейской России.

Принципиально я присоединяюсь к мнениям надв. сов. Саблина (см. его телеграмму от [23] 10 сего января за № 9[1]) и ст. сов. Иванова о желательности расширения, при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств, русского землевладения в Северной Персии и считаю, что это в особенности важно в районе Гюргена. Помимо того, что развитие в этом крае хлопководства и эксплоатация ценных лесных пород представляют для нас большой экономический интерес, я полагаю, что и в политическом отношении проникновение именно в этот район русского элемента может иметь для нас большое значение.

Как известно, Гюрген является южной границей кочевий персидских туркмен, населяющих пространство между этой рекой и Атреком. При размежевании нашем с Персией в 18... г.[2] мы вынуждены были признать границею эту последнюю реку, хотя фактически власть шахского правительства и в то время и впоследствии никогда так далеко не распространялась, и подчинение туркмен Персии было на деле почти фиктивным. Никакая персидская власть никогда не управляла этим свободолюбивым и храбрым народом, и лишь от времени до времени более предприимчивыми астрабадскими правителями снаряжались в туркменскую степь экспедиции, которые в лучшем случае кончались сбором с туркмен небольшой дани, а большею частью имели весьма плачевные для персидских экспедиционных отрядов последствия. Не платя таким образом регулярной дани Тегерану, туркмены вместе с тем постоянно опустошали своими набегами окрестные персидские земли, заходя иногда далеко на юг; от таких же набегов ничем не сдерживаемых хищников немало страдало и наше пограничное население, причем все наши жалобы на этот счет персидскому правительству не достигали цели, ввиду полного бессилия персов поддерживать порядок в за-атрекской степи. Вследствие такого нетерпимого положения вещей у нас одно время даже возбуждался вопрос о переносе границы на Гюрген, со включением всех туркменских земель в наши пределы; однако мысль эта, по разным соображениям, признана была тогда неосуществимой, и решено было поднять этот вопрос, лишь когда к тому представится удоб-

1 См. № 90.

2 В лит. копии „1881".

ный случай. Взамен того, в виде временной меры, учреждена была, по соглашению с персидским правительством, должность нашего пограничного комиссара в туркменской степи, с резиденцией в м[естечке] Гюмбет-Кабус на Гюргене, каковой комиссар, совместно с таким же представителем шахского правительства, должен был принимать меры к обузданию кочевников и к возвращению награбленного ими имущества и угнанного скота. Само собой разумеется, что фактически все направление этого дела сосредоточилось в руках одного лишь нашего комиссара, который быстро приобрел огромное влияние на туркмен, тогда как его персидский коллега без большого риска никогда не смел удаляться на более или менее значительное расстояние от Гюмбет-Кабуса. Благодаря этому мы в действительности уже давно являемся полновластными хозяевами за-атрекской степи.

К сожалению, формальное закрепление такого порядка вещей представляется ныне еще менее возможным, чем прежде, так как, с одной стороны, наше соглашение с Англией обязывает нас соблюдать целость и неприкосновенность Персии, а с другой—мы едва ли могли бы добиться согласия шахского прав-ва на обмен означенной территории на какие-либо соответствующие земли в другом месте, например, в Атеке, на которые некогда указывал ст. сов. Иванову астрабадский каргузар (донесение Иванова от [6 ноября] 24 октября 1910 г. за № 37)[1]. Для закрепления нашего настоящего положения в этой части пограничной полосы Персии и предотвращения возможного в будущем подчинения туркмен окрепшему шахскому прав[ительст]ву нам остается только прибегнуть к косвенным путям, одним из коих, по моему мнению, было бы сплошное заселение долины Гюргена русским элементом, который служил бы, так сказать, барьером, отделяющим туркмен от персов. Не могу не указать тут же на опасность, которая создалась бы для нас, если бы вместо русских, эта местность была заселена иностранцами, которые могли бы со временем приобрести влияние на туркмен и при их посредстве создавать нам известные затруднения в Средней Азии. А между тем уже имеются сведения, что и некоторые иностранцы, и прежде всего немцы, уже обратили внимание на этот плодороднейший край.

Все это, вместе взятое, приводит меня к тому заключению, что упрочение за нами, в лице русских предпринимателей и пересе-

---

[1] Донесение Иванова от 6 ноября/24 окт. 1910 г. хранится в Арх. Вн. Пол. в деле П. ст. № 867.

ленцев, астрабадо-гюргенского района является мерой не только желательной, но даже настоятельно необходимой и неотложной.

Обращаясь засим к тому, что делается ныне в означенном районе, и не возражая в принципе против системы закрепления за русскими подданными прав на земельную собственность, принятой нашими консулом в Астрабаде и пограничным комиссаром, я должен отметить, что захват больших земельных участков (до 15 тыс. десятин) лицами, не обладающими, повидимому, достаточными данными для осуществления крупных предприятий, представляется явлением безусловно нежелательным. Эти лица, по всей вероятности, имеют в виду либо перепродажу приобретенных ими по весьма низким ценам земель, либо эксплоатацию переселенцев, которых они привлекают на свои участки. К этому мнению присоединилось и состоявшееся на-днях совещание из представителей заинтересованных ведомств, которое признало, что наиболее желательным выходом из положения была бы скупка всех еще имеющихся в астрабадо-гюргенском районе свободных земель русскою казною, а в случае невозможности этого нашим Учетно-ссудным банком Персии, с тем, чтобы заселение означенных земель могло быть произведено затем на рациональных началах при содействии опытных чинов переселенческого управления, а необходимые оросительные работы—под наблюдением соответствующих органов гл. управления землеустройства и земледелия. Так как на ассигнование из казны нужных для этого дела средств нельзя, повидимому, надеяться, то было предложено правлению нашего банка обсудить этот вопрос и высказать, насколько это предприятие представляется для него осуществимым. Означенное правление, заинтересовавшись этим делом, не может однако дать какого-либо ответа до получения им некоторых дополнительных данных, и в частности до выяснения, хотя бы приблизительно, тех затрат, которые банку пришлось бы произвести. Для освещения этой стороны дела послан нашему консулу в Астрабаде запрос, в копии сообщенный импер. миссии.

Не менее, если не еще более важным вопросом является для нас устранение возможности захвата земель в астрабадо-гюргенском районе иностранцами. Наиболее радикальным средством для этого была бы наискорейшая скупка нами всех свободных еще участков, на что однако, так или иначе, потребуется не мало времени. Ввиду сего и принимая во внимание, что иностранцы, по всей вероятности, будут домогаться осуществления своих стремлений путем соглашений с персидским правительством, я полагаю,

что нам следовало бы ныне же конфиденциально предупредить последнее, что по важным политическим соображениям мы не можем допустить утверждения иностранцев в этой наиболее неспокойной части пограничной с нами полосы Персии, а потому мы просим шахское правительство ни в каком случае не давать иностранцам никаких концессий в означенном районе, причем неисполнение этого нашего вполне обоснованного пожелания было бы сочтено нами за недружелюбный по отношению к нам акт. Что же касается захвата нами этого района, то, имея чисто культурно-экономический характер, он может лишь послужить на пользу персидского правительства, которому будут вполне обеспечены поземельный и иные доходы в этой местности, ныне, как нам доподлинно известно, ничего не приносящей персидской казне; независимо от того, оживление земель по Гюргену и появление там русского элемента будет, несомненно, способствовать прекращению опустошительных набегов туркмен на окрестное персидское население и окажет просветительное влияние на этих кочевников. Если б, для обеспечения доброжелательного к нашим начинаниям в сказанной местности отношения персидского правительства, вы признали нужным каким-либо образом заинтересовать последнее в этом деле, то благоволите сообщить мне ваши соображения на этот счет, имея однако в виду, что нам должна быть обеспечена в полной мере свобода действий в смысле заселения означенного района русским элементом.

В заключение я должен коснуться вопроса о ходатайстве, возбужденном неким отставным генерал-майором Потаповым о предоставлении ему концессии на оросительные работы в бассейне реки Гюргена. Как вы усмотрите из прилагаемого при сем в копии прошения этого предпринимателя [1], он хочет выговорить себе не более не менее как „исключительное право на эксплоатацию вод означенной реки, его [2] русл, притоков и истоков, с прибрежными полосами в размерах, доступных искусственному орошению“. Помимо неясности и, повидимому, чрезвычайной обширности этого проекта, заставляющих относиться к нему с крайнею осторожностью, я должен заметить, что, по имеющимся у нас сведениям и отзывам, самая личность г. Потапова не внушает нам никакого доверия, почему мы и не считаем возможным входить с ним в какие-либо серьезные переговоры. Однако, во избежание того, чтобы этот предприниматель не вошел в переговоры с иностранцами (на

[1] Прошение Потапова хранится в Архиве Вн. Пол. в деле П. ст. № 497/б.

[2] Так в подлиннике.

возможность чего он уже и намекал) или хотя бы непосредственно с шахским правительством, которое он мог бы привлечь какими-либо заманчивыми обещаниями, мы предпочли не давать ему отрицательного ответа, по крайней мере до тех пор, пока не определится окончательно наше отношение ко всему вопросу об астрабадо-гюртенском районе, указав ему на необходимость сперва тщательно изучить и обдумать его предложение и сделать по поводу его надлежащие сношения. По словам генер. Потапова, он собирается завтра, [10 февраля] 28 сего января, выехать в Тегеран для личных переговоров с миссиею и персидским правительством. Если это так, то вам надо будет, в свою очередь, сослаться перед ним на необходимость предварительно выяснить обстоятельно предмет его ходатайства, внушив ему вместе с тем, что какими-либо сношениями с шахским правительством помимо миссии и в настоящем еще совершенно неясном фазисе вопроса он мог бы только сильно повредить всему делу. Передавая об изложенном и в ожидании вашего отзыва и заключения по содержанию настоящего письма, пользуюсь случаем, и пр.

[Сазонов.]

№ 256. Французский посол в Петербурге Палеолог французскому министру иностранных дел Думергу.

/. Телеграмма № 94 [1]. 14/1 февраля 1914 г.

Confidentiel.

La crise inaugurée par les rescrits impériaux du 13 février semblerait s'étendre. Il ne s'agirait plus seulement d'un renoncement au système financier de Mr. Kokovtzow, ce qui était d'abord l'idée de l'empereur, mais d'une orientation nouvelle de la politique générale. Le bruit court en effet que les ministres de la guerre [2] et de l'instruction publique se retireraient prochainement. La position du ministre des affaires étrangères serait ébranlée. On m'assure que Mr. Goremykine, partageant l'avis du grand duc Nicolas et de Mr. de Hartwig, reprocherait vivement à Mr. Sazonow de s'être montré naguère trop docile aux conseils des...

Перевод. Доверительно.

Кризис, вызванный императорскими рескриптами от 13 февраля, кажется, затягивается. Дело как будто касается не только отказа от финансовой системы г. Коковцова, что являлось первоначальной мыслью императора, но и новой ориентации в общей политике. Действительно, носятся слухи, что в ближайшее

[1] Телеграмма, расшифрованная в росс. м-ве ин. дел.

[2] Слово „guerre" вставлено карандашом.

время выйдут в отставку министры военный и народного просвещения. Положение министра иностранных дел будто бы поколеблено. Меня уверяют, что г. Горемыкин, разделяющий мнение великого князя Николая и г. Гартвига, жестоко упрекал г. Сазонова в том, что тот оказался слишком послушен советам...

№ 257. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 49. 14/1 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 45 [1].

Копия в Париж и Вену.

Пашич категорически утверждает, что данные сербскому посланнику в Вене и своевременно сообщенные мною инструкции не подвергались никаким изменениям, и что сербское правительство отнюдь не имеет намерения уклониться от состоявшегося с нами и с Францией соглашения касательно интересов национализации Восточной дороги.

Гартвиг.

№ 258. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву.

⁺/. Телеграмма № 267 [2]. 15/2 февраля 1914 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Камбон получил предписание ответить князю Виду принятием к сведению его сообщения о согласии занять албанский престол [3] и не касаться вовсе вопроса об авансе, который составит предмет переговоров держав Тройственного согласия с Австрией и Италией [4].

Благоволите с своей стороны ответить в том же смысле Виду, если и английский ваш коллега получит такие же инструкции.

Сазонов.

№ 259. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 31 [5]. 15/2 февраля 1914 г.

Прошу срочных указаний.

Наши противники распространяют здесь совершенно ложные слухи о роли России в событиях последних лет и изменчивости

---

[1] См. № 246.

[2] Лит. копия. Опубл. Stieve, IV, S. 54, № 1270.

[3] См. стр. 242, прим. 2.

[4] У Stieve эта фраза переведена следующим образом: „... dass durch seine zur Kenntnis genommene Mitteilung von der Annahme des albanischen Thrones die Frage über den Vorschuss überhaupt nicht berührt werde. Dieser bilde den Gegenstand von Verhandlungen der Ententemächte mit Österreich und Italien wegen deren Zustimmung".

[5] Царск. экз.

нашей политики в отношении Болгарии, выразившейся будто бы в „страхе“ России перед образованием сан-стефанской Болгарии. Стараюсь путем разговоров разбивать эти наветы. Большой помощью была бы возможность действовать через печать, на что нужны средства, о чем пишу подробно курьером в среду. Малинов, работающий теперь над объединением нескольких политических партий, предполагает сгруппировать все факты, которые правильно бы осветили роль России как за период его управления министерством иностранных дел с 1908 по 1910 г., так и за последнее время. Аргументация Малинова, как человека, близко знакомого со всеми этими вопросами и лично ведшего с нами переговоры, во время которых мы не отказывались от мысли [о] сан-стефанской Болгарии, причем речь шла даже о Солуни[1], имела бы огромное значение для правильного осведомления общественного мнения в стране и оказала бы бесспорное влияние на результаты предстоящих выборов. Но Малинов, боясь быть некорректным по отношению к нам, не хочет использовать сведения, имеющиеся у него по его прежней должности. Так как для выступления он просит только нашего молчаливого согласия, полагал бы, что нет основания ему препятствовать, ибо, сколько мне известно, в наших переговорах нет ничего, что могло бы нас поставить в неловкое положение перед кем бы то ни было[2].

Савинский.

О Салониках упоминать не следует.

Царское Село, 17/4 февраля 1914 г.

№ 260. Министр иностраных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 270[3]. 16/3 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Преображенского № 137[4] и мою 104[5].

Шодже следует разъяснить, что вопрос о совершеннолетии шаха, с коим связано коронование, может быть разрешен лишь при уча-

---

[1] В подлиннике на полях против слов „не отказывались от мысли ...о Солуни“ отчеркнуто синим карандашом.

[2] В подлиннике на полях против слов „Так как для выступления... перед кем бы то ни было“ отчеркнуто синим карандашом.

[3] Черновик рукою Клемма.

[4] В тел. Преображенского от 12 февр./30 янв. 1914 г. за № 137 сообщалось, что Шоджа-эд-Доуле, уклонявшийся от выполнения распоряжения регента об объявлении населению о предстоящей коронации шаха и открытии меджлиса, обратился к Преображенскому с просьбой снабдить его указаниями росс. м-ва ин. дел.

[5] См. № 106.

стии меджлиса, имеющего утвердить соответствующее изменение в основных законах; ввиду этого мы принципиально изъявили согласие на созыв, в свое время, народных представителей. Мы поставили лишь условием, чтобы правительство приняло меры к привлечению в меджлис только элементов благонадежных.

Шодже надлежит поэтому, не вступая в пререкания с регентом, приложить все усилия к тому, чтобы в Тавризе были выбраны подходящие лица, что при его власти и влиянии в Азербайджане, ему, конечно, легко будет сделать.

Благоволите снабдить Орлова соответствующими указаниями[1].

[Сазонов.]

№ 261. Министр иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу.

*/. Телеграмма № 272. 16/3 февраля 1914 г.

Reçu 88[2].

Предлагая вам объясниться с великим визирем по вопросу о введении нашего представителя в Совет долга[3], мы отнюдь не имели в виду создавать какие-либо затруднения Порте. На обстоятельство это я прошу вас обратить внимание великого визиря.

С своей стороны мы не преминем заручиться по возможности содействием Франции и Англии в этом вопросе. Вести переговоры с Берлином нам не представляется целесообразным ввиду требований, которые в этом случае, несомненно, поставит германское правительство. Что касается турецкого правительства, то ему легче воздействовать на Германию, особенно если оно воспользуется указанием, что от одной Германии зависит общее разрешение вопроса о 4%-й таможенной надбавке.

Пользуясь всеми этими соображениями и высказывая искреннее наше желание упрочения возможно лучших отношений с Турцией[4], прошу вас переговорить с великим визирем в смысле этой и предшествующей телеграммы.

[Сазонов.]

---

[1] Как видно из тел. Коростовца от 18/5 февраля 1914 г. за № 46, адресованной в м-во ин. дел и представляющей собою копию его тел. в Тавриз, соответствующие указания Орлову были даны, причем ему поручалось употребить свое влияние на Шоджа-эд-Доуле „к побуждению его опубликовать прокламацию о коронации".

[2] См. № 247.

[3] См. № 214.

[4] Далее зачеркнуто: „коим будет содействовать скорейшее заключение экономического и железнодорожного соглашений".

№ 262. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 46. 16/3 февраля 1914 г.

Копия в Лондон.

По поводу только-что полученного здесь ответа Турции[1] на сообщение держав Думерг сказал, что, хотя турецкая нота не может считаться вполне удовлетворительною, она не внушает ему особенных опасений за дальнейший ход дела. По его словам, на Порту, очевидно, подействовало сделанное им Джавид-бею заявление, что реализация каждой из отдельных частей предстоящего турецкого займа будет поставлена в зависимость от сохранения мира, а расходование реализованных сумм будет контролировано Оттоманским банком. Кроме того, он убежден, что на турок произвело надлежащее впечатление заявление румынского министра иностранных дел турецкому посланнику в Бухаресте, что Румыния не останется равнодушной к нарушениям Бухарестского трактата. Это лишает Турцию возможности действовать против Греции сухим путем, а к морским действиям она в настоящее время не готова. Поэтому Думерг продолжает думать, что Порта или удовольствуется платоническим протестом или попробует вступить в переговоры с Грециею об обмене Хиоса и Митилены за острова Додеканеза.

Извольский.

№ 263. Посол в Берлине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 23. 16/3 февраля 1914 г.

Cambon me communique note qu'il envoie Paris et qui sera également remise à la presse; négociateurs français et allemands ont paraphé aujourd'hui projet d'accord franco-allemand sur questions chemins de fer Asie Mineure. Projet se présente sous forme d'accord entre la Banque Ottomane agissant au nom de la compagnie Damas—Hamade et prolongement et société en formation des chemins de fer mer Noire et la Deutsche Bank agissant au nom société Bagdad. Après examen définitif, les deux gouvernements prendront acte de cet accord par échange de notes. Il est entendu que l'accord n'entrera en vigueur qu'après terminaison négociations en cours entre les deux parties et la Turquie.

Swerbéew.

---

[1] Опубл. (в нем. перев.) Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, J. 1914, S. 859.

Перевод.

Камбон сообщил мне ноту, которую он посылает в Париж и которая будет также сообщена прессе; французские и германские участники переговоров парафировали сегодня проект франко-германского соглашения по вопросам малоазиатских железных дорог. Проект составлен в форме соглашения между Оттоманским банком, действующим от имени компании железных дорог Дамаск—Хамадан и их продолжения и вновь учреждаемого общества черноморских железных дорог, с одной стороны, и Deutsche Bank, действующим от имени о-ва Багдадской ж. д.—с другой. По окончательном рассмотрении проекта, оба правительства примут это соглашение к сведению в форме обмена нот. Предполагается, что соглашение вступит в силу только по окончании переговоров, ведущихся между обеими сторонами и Турцией.

Свербеев.

№ 264. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 98. 16/3 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 96 [1].

Великий визирь выразил удовлетворение по поводу состоявшейся передачи ответной турецкой ноты об островах, считая, что этим фактом переговоры по данному вопросу между Европой и Турцией исчерпаны. Ныне, по его мнению, наступает очередь прямых сношений между заинтересованными сторонами—Турцией и Грецией. По словам Саида-Халима, несколько решительный тон ответной ноты вызван необходимостью дать, поскольку возможно, удовлетворение турецкому общественному мнению, что будто бы и достигнуто. На мой вопрос, возьмет ли он на себя почин в непосредственных переговорах, великий визирь ответил, что это будет зависеть от обстоятельств. Он рассчитывает, что наличность нового дредноута окажет Турции услуги, побудив Грецию к миролюбивому и скорому соглашению.

Гулькевич.

№ 265. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

%. Письмо. 16/3 февраля 1914 г.

Très confidentielle.

Bien cher Сергей Дмитриевич,

Je ne voudrais pas que ma gérance prit fin sans que je vous eusse exposé les conclusions auxquelles elle m'a amené.

---

[1] Тел. от 16/3 февр. 1914 г. за № 96 Гулькевич сообщал о получении ответной ноты Порты по вопросу об островах.

Je suis surtout encouragé à le faire tant que Monsieur de Giers se trouve à St.-Pétersbourg et que sa haute compétence le met à même de vous dire à quel point mes observations sont justes ou seraient denuées de fondement.

Ce qui m'a frappé le plus fortement c'est la diminution du prestige de la vieille Europe aux yeux de la Jeune Turquie. Ils sont passés les temps, où l'apparition du 1-er drogman d'une des grandes Puissances à Yldiz suffisait pour faire plier un tyran lâche et cruel et lui arracher des concessions proportionnées au dégré de peur qu'inspirait au sultan le gouvernement dont il avait devant lui le représentant. Aujourd'hui le crédit dont jouissait cette institution qui jadis avait fait ses preuves est épuisé et il n'y a guère que des collègues soucieux des traditions qui s'efforcent de l'étayer, mais sans un résultat bien apparent.

Les démarches collectives se sont usées à force d'être répétées. L'autre jour, en causant avec moi très amicalement, le grand vézir m'a demandé quand est ce que nous présenterions notre „fameuse note" relativement aux îles. Je lui répondis en attirant son attention sur le fait que c'est lui qui a abordé cette question si délicate pour la Turquie, etc. Le prince Saïd-Halim m'interrompit en riant et me dit qu'il ne la considérait pas aussi épineuse, vu que nos notes depuis longtemps ne produisaient aucun effet sur lui et que les Turcs avaient surtout réussi à bien soigner leurs intérêts lorsqu'ils nous désobéissaient. Je ne suis pas seul à m'être fait cette conviction; c'est cette mentalité toute nouvelle du gouvernement jeune turc, assez justifiée d'ailleurs par les événements, qui pousse Sir Louis Mallet à insister auprès de son gouvernement pour que celui-ci ne prît l'initiative d'une nouvelle démarche auprès de la Sublime Porte dans les cas où les appréhensions de Tochew au sujet de l'invasion de la Thrace Occidentale que je vous ai exposées dans mon télégramme d'hier [1] étaient appelées à se réaliser.

Les conclusions auxquelles je voudrais aboutir sont celles-ci: Etant le seul pays qui confine avec la Turquie, presque son voisin de lit, ne

[1] В тел. от 15/2 февр. 1914 г. за № 95 Гулькевич сообщал, что „Тошев не только категорически отрицает существование военной конвенции между Болгарией и Турцией, но, наоборот, высказывает тревогу по поводу сосредоточения турками 45 000-й армии вдоль границы Западной Фракии", так как боится, что тур. прав-во „под влиянием возбужденного потерею островов общественного мнения, пожелает себя реабилитировать занятием болгарской территории до Месты, противодействовать чему Болгария не сможет, имея там лишь 16 000 войска". Несмотря на то, что подобное же заявление было сделано Тошевым англ. послу, по мнению Гулькевича, утверждения Тошева, „поскольку они касаются военной конвенции", не заслуживают доверия.

devrions-nous pas pour reconquérir le prestige qui nous appartenait jadis et auquel notre puissance et notre autorité nous donnent droit, viser à avoir des rapports directs avec la Turquie et réduire au minimum possible la collaboration étrangère?

Sur ce terrain glissant cette dernière n'est jamais sincère, ou plutôt son illoyauté n'est sans doute jamais consciente chez notre alliée et notre amie même. Traitant à deux avec les Turcs nous arriverons toujours à un résultat plus efficace. — Ce faisant nous avons encore un écueil à éviter: celui d'effrayer le Turc et de le pousser à chercher chez l'Allemand un appui contre nous. — Et Djavid, et Halil et tous les autres nous accusent de les précipiter dans les bras de nos adversaires lorsque nous insistons vis-à-vis des Turcs sur des concessions qui sans toucher directement à nos intérêts vitaux ont pour eux une signification de premier ordre. A ces occasions là les Allemands se trouvent toujours à leurs côtés pour défendre les „bons droits" de la Turquie et jeter le doute sur nos intentions à l'égard de la Porte. La question d'Andrinople a servi à cet effet et je crains que les îles ne soient utilisées dans ce même ordre d'esprit, à en juger par les paroles de Zimmermann dites dernièrement à l'ambassadeur ottoman à Berlin.

. L'importance absorbante que prennent de nos jours les questions économiques, en Turquie tout particulièrement, nous indique à ce qui me semble la voie la plus sûre pour réédifier notre influence dans l'Empire Ottoman. — La question arménienne, si heureusement solutionnée par les efforts de Monsieur de Giers joints aux vôtres, présente une signification capitale comme une emprise par nous de cette partie de l'Anatolie. Mais, je le crains, pour l'exercer pleinement nous devrions l'appuyer par une activité commerciale, très difficile à réaliser vu l'inertie des cercles de nos marchands, mais non impossible. L'Italie, Puissance encore modeste et certes plus pauvre que nous en capitaux, déploie une énergie fébrile pour se créer une sphère d'intérêts dans la région d'Adalia. Le marquis Garroni fait venir quotidiennement des amis de son pays qu'il cherche à intéresser aux entreprises locales. Ainsi Monsieur Molinario, propriétaire de la Grotta Rossa près Rome se trouve ici pour traiter relativement à un grand établissement agricole, plusieurs dizaines de milliers d'hectares. Le séjour que vous avez fait en Italie, la notion des latifundia incultes dans le midi et en Sicile surtout, que vous avez, vous permettront de juger combien cette pénétration doit être coûteuse aux Italiens. Mais s'ils s'y sont résignés c'est que c'est aujourd'hui la voie la plus indiquée pour s'assurer non seulement un lot du butin, quand le moment sera venu pour le partage, mais surtout pour avoir une part plus effective dans la réalité ottomane.

Seuls les intérêts matériels peuvent servir de base à une influence concrète, unique moyen pacifique et décisif pour asseoir un prestige politique.

Les Allemands qui pour nous créer une concurrence dans le bassin de la mer Noire ont acquis des mines de charbon près d'Héraclée — centre d'influence française exclusive, — et les mines de cuivre achetées par Mr. Hekmann près d'Erzéroum prouvent ce qu'il y a de vrai dans mes paroles.

Je conclus: pour nous regagner une situation qui nous revient de droit historiquement, — peut-être le chemin le plus bref à parcourir serait de nous borner à des conversations à deux avec les Turcs, conversations franches et amicales, fortifiées par une situation économique et commerciale attachant la Turquie plus solidement à nous [1].

Veuillez croire etc.

Goulkéwitch.

К докладу. Царское Село, [23] 10 февраля 1914 г.

Перевод.

Весьма доверительно.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я не хотел бы закончить свое управление посольством, не высказав вам те заключения, к которым я пришел. Особенно побуждает меня к этому то обстоятельство, что г. Гирс в настоящее время находится в С.-Петербурге, и его высокая компетентность дает ему возможность сказать вам, в какой степени мои наблюдения правильны или, может быть, лишены основания.

Особенно сильно поразил меня упадок престижа старой Европы в глазах молодой Турции. Прошли те времена, когда появления в Ильдызе первого драгомана какой-либо из великих держав было достаточно, чтобы сломить упорство трусливого и жестокого тирана и вырвать у него уступки, пропорциональные степени страха, который внушало султану то правительство, представитель которого стоял перед ним. Теперь эта система, доказавшая некогда свои достоинства, утратила всякое значение, и только некоторые увлекающиеся традициями коллеги пытаются ее поддерживать, однако без видимого результата.

Коллективные выступления потеряли силу от частных повторений. На-днях великий визирь, очень дружески разговаривая со мной, спросил меня, когда же мы представим нашу „знаменитую ноту“ относительно островов. Я ответил ему, обратив его внимание на тот факт, что он первый затронул этот столь щекотливый для Турции вопрос и т. д. Принц Саид-Халим прервал меня, смеясь, и сказал, что не считает его столь щекотливым, так как наши ноты уже давно не производят на него никакого впечатления, и что туркам удавалось особенно хорошо соблюдать свои интересы, когда они нам не повиновались.

Не я один пришел к такому убеждению; именно это совершенно новое направление в политике младо-турецкого правительства, достаточно, впрочем,

[1] В подлиннике на полях против слов „Je conclus . . . à nous“ отчеркнуто синим карандашом.

оправданное событиями, побуждает сэра Луи Маллета настаивать пред своим правительством на том, чтобы последнее не брало на себя инициативу нового выступления перед Высокой Портой, в случае если осуществятся опасения Тошева по поводу вторжения в Западную Фракию, о которых я сообщал вам в моей вчерашней телеграмме.

Выводы, к которым я склонен притти, следующие:

Будучи единственной страной, граничащей с Турцией, ее ближайшей соседкой, не должны ли мы, дабы снова завоевать престиж, который некогда нам принадлежал и на который дают нам право наше могущество и наш авторитет, наладить непосредственные отношения с Турцией и свести до возможного минимума сотрудничество иностранных держав?

На этой скользкой почве это последнее никогда не бывает искренним, или скорее его нелойяльность, несомненно, никогда не является сознательной даже у нашей союзницы и нашего друга. Действуя с глазу на глаз с турками, мы всегда сможем добиться более действительных результатов. При этом нам надлежит избегать еще одного подводного камня: опасности испугать турок и побудить его искать поддержки против нас у немцев. И Джавид, и Халиль и все другие обвиняют нас, что мы бросаем их в объятия наших противников, когда настаиваем перед турками на уступках, которые, не затрагивая непосредственно наших жизненных интересов, имеют для них первостепенное значение. В этих случаях немцы всегда оказываются на их стороне, защищая „неотъемлемые права“ Турции и бросая тень на наши намерения по отношению к Порте. Адрианопольский вопрос оказал в этом отношении услугу, и, судя по словам Циммермана, сказанным им недавно оттоманскому послу в Берлине, я боюсь, как бы вопрос об островах не был использован в том же самом духе.

Громадная важность, которую приобретают в наши дни экономические вопросы, особенно в Турции, нам указывает, мне кажется, самый верный путь к восстановлению нашего влияния в Оттоманской империи. Армянский вопрос, столь счастливо разрешенный совместными г. Гирса и вашими усилиями, имеет капитальное значение, как заявка нами прав на эту часть Анатолии. Но я боюсь, что для того, чтобы использовать его полностью, мы должны были бы поддержать его коммерческой активностью,—что трудно осуществимо, ввиду инертности наших торговых кругов, но не недостижимо. Италия, держава еще скромная и, несомненно, более бедная капиталами, чем мы, проявляет лихорадочную энергию с целью создать себе сферу интересов в районе Адалии. Маркиз Гаррони постоянно приглашает своих соотечественников, стараясь заинтересовать их местными предприятиями. Так, здесь находится г. Молинарио, владелец Grotta Rossa, около Рима, чтобы вести переговоры относительно большого земледельческого предприятия со многими десятками тысяч гектаров. Поездка, совершенная вами по Италии, ваше знакомство с необработанными латифундиями на юге и особенно в Сицилии, позволят вам судить, как дорого такое проникновение должно обходиться итальянцам. Если они решились на это, то потому, что это теперь наиболее верный путь для обеспечения себе не только доли добычи при разделе, но особенно для приобретения действительного участия в реальной жизни Турции. Одни лишь материальные интересы могут служить основой реального влияния, единственного мирного и решающего средства для укрепления политического престижа.

Приобретение немцами с целью создания нам конкуренции в бассейне Черного моря угольных копей близ Гераклеи—в центре исключительного фран-

цузского влияния—и медных копей, купленных г. Гекманом близ Эрзерума, подтверждает правильность моих слов.

Я заключаю: самый короткий путь к восстановлению положения, принадлежащего нам по нашему историческому праву, сводился бы к тому, чтобы ограничиться разговорами с глазу на глаз с турками,—разговорами откровенными и дружескими, подкрепленными образованием у нас более прочных экономических и коммерческих связей с Турциею.

Примите и пр.

Гулькевич.

№ 266. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

½. Телеграмма № 278. 17/4 февраля 1914 г.

Reçu 31 [1].

Не встречаем препятствий к молчаливому согласию на пользование Малиновым указанными вами аргументами, без приведения подлинных текстов. Разумеется, в настоящее время они не имеют связывающего для нас значения [2].

[Сазонов.]

№ 267. Министр иностранных дел морскому министру Григоровичу.

Письмо № 10 [3].

Весьма доверительно.

М. г. Иван Константинович,

Письмом от [16] 3 сего февраля [4] ваше высокопревосходительство, ссылаясь на ряд появившихся за последнее время в германской печати статей, враждебных России и в частности касающихся нашего Балтийского флота, изволили запросить моего мнения о том, не представляет ли собою эта кампания немецкой печати организованной германским правительством подготовки общественного мнения к возможному активному против нас выступлению.

Не считая возможным утверждать, что берлинский кабинет непричастен к проявляемому ныне германскими газетами недружелюбному нам направлению, я затрудняюсь однако видеть в этом

---

1 См. № 259.

2 Тел. от 18/5 февр. 1914 г. за № 281 Сазонов сообщал Савинскому о резолюции Николая II на его тел. за № 31 (см. № 259).

3 Черновик рукою Базили. Дата не проставлена. Принимая во внимание, что письмо на бланке той же самой формы за последующим (11-м) номером датировано 19/6 февраля, настоящее письмо можно предположительно отнести к 17/4, 18/5 или 19/6 февраля.

4 Письмо это в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

прямую подготовку им вооруженного столкновения с нами. Объяснения этого следует, по моему мнению, скорее искать в наблюдаемом вообще теперь агрессивном настроении части германского общества и в частности в раздражении, вызванном в Германии крайне враждебным по отношению к ней тоном нашей печати, особенно за последнее время в связи с делом германской миссии в Турции.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 268. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

¹/. Письмо. 17/4 февраля 1914 г.

Confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

Le trait saillant de la semaine qui vient de s'écouler est, sans contredit, la remise, à Athènes, de la note des Puissances concernant la délimitation sud-albanaise et les îles occupées par la Grèce.

L'opinion publique se montre assez partagée dans l'appréciation de ce document historique. La presse officieuse s'en déclare quasi-satisfaite; celle de l'opposition, par contre, le critique amèrement. Il faut avouer qu'ici encore les lenteurs de l'Europe à communiquer ses décisions sont quelque peu fautives de ce mécontentement. Si durant la guerre, les événements brûlaient les étapes en mettant sans cesse les Puissances devant un fait nouveau, l'opinion, toujours prête aux exagérations, dépasse aujourd'hui de beaucoup les saines limites de la réalité. Depuis longtemps au courant de la teneur approximative de la note, elle demande plus. La critique porte sur l'insuffisance des questions traitées, que l'expression récente de la volonté des Puissances est loin d'avoir épuisées. Le sort du Dodécanèse laisse subsister, entr'autres de sérieuses appréhensions; la note n'en dit mot. On déplore qu'il n'ait pas été fait mention de garanties en faveur de la population grecque d'Albanie, alors qu'on est plein de sollicitude envers les minorités musulmanes des îles, — ce qui est interprêté dans un sens de partialité envers la Turquie. Par ailleurs, les doléances de la presse n'épargnent pas l'omission au sujet de la rectification accordée aux frontières épiro-albanaises. On se demande, enfin, s'il n'eut été équitable d'offrir à la Grèce, en retour de la neutralisation exigée des îles, une garantie formelle contre les velléités de la Turquie de les reconquérir. Pour ce qui concerne Imbros, Ténédos et Castellorizo, le roi Constantin m'a lui-même fait part qu'il venait de recevoir des députations de ces îles et qu'il ne pouvait s'empêcher d'entretenir des craintes au sujet de l'humeur

vindicative des Turcs qui n'y épargneraient très vraisemblablement ni la vie, ni la propriété des futurs parias. Pour éclaircie qu'elle soit par la note des Puissances, la situation se voit, néanmoins, encore tendue du fait de la concentration de troupes ottomanes sur le littoral en face de Mytilène et de Chio, d'où la possibilité d'un coup de main inattendu impose au gouvernement l'obligation de faire croiser constamment des navires de guerre au large des côtes de l'Asie Mineure.

Mr. Vénizélos, que j'ai vu à son retour, m'a exprimé de vive voix toute sa respectueuse gratitude pour l'accueil que sa majesté l'empereur a daigné lui faire. Il ne tarit pas sur les nombreux témoignages de sympathie dont il a été l'objet chez nous tant de la part du gouvernement que de celle de l'opinion. Il est rentré charmé de la réception que vous lui avez faite et des résultats de ses échanges de vues avec vous. Aucune divergence ne saurait exister, selon lui, entre la Russie et la Grèce; toute tentative de rapprochement serbo-bulgare, m'a-t-il dit, lui paraît, de la part de la Russie, naturelle et compréhensible. Il ne l'envisage aucunement comme un acte peu amical envers la Grèce, mais bien comme une nécessité politique, — prématurée peut-être, — mais à laquelle la Grèce est toute disposée à adhérer en temps opportun. Son plus vif désir est de voir la Bulgarie rentrer dans le giron de l'union et son plus grand souci — celui d'être obligé de devoir renforcer ses mesures pour se garer contre les visées actuelles de revanche.

Le président du Conseil m'a fait entrevoir la substance de la réponse du gouvernement hellénique à la note des Puissances, — réponse retardée par la maladie de Mr. Streit, assez sérieusement atteint, paraît-il. Tout en se conformant avec reconnaissance aux décisions de l'Europe, le gouvernement hellénique exprimera certains voeux; il s'adressera au sentiment d'équité des Puissances en demandant, comme contrepartie de la neutralisation du canal de Corfou et des îles, des garanties effectives contre toute tentative de violation étrangère de la neutralité de ces régions. Il s'engagera à respecter les droits des minorités musulmanes, demandant, toutefois, en revanche, pour les Hellènes d'Albanie et des îles restituées à la Turquie, des garanties de libertés, — individuelle, religieuse et scolaire; il y sera, probablement, fait mention de la modification promise des frontières de l'Epire. Je ne doute point, d'ailleurs, que la note responsive du gouvernement grec ne vous parvienne avant la réception du présent rapport.

Je me suis permis de vous télégraphier que, d'après mes renseignements, l'accord gréco-serbe serait en voie d'être élargi en prévision de conflit armé avec la Turquie. Or, il me revient à ce propos, de source assez compétente, que le ministre de Serbie à Athènes aurait

fait remarquer au gouvernement hellénique que si la Serbie s'engageait, aux termes de cet accord, à intervenir en faveur de la Grèce contre la Turquie, il ne serait que juste que la Grèce, de son côté, souscrît à un concours effectif en cas d'agression de l'Autriche. Mr. Streit aurait éludé l'obligation proposée en faisant remarquer à son interlocuteur qu'il s'agissait de parer au plus pressé et qu'il était toujours temps d'envisager d'autres éventualités. Je vous transmets cet échange de vues sous réserves; il n'en est pas moins vrai que Mr. Balougdgitch ne cesse d'appréhender les sympathies autrichiennes de Mr. Streit et les tendances de celui-ci à éviter tout ce qui pourrait indisposer la monarchie dualiste à l'endroit de la Grèce. Il n'est peut-être pas inutile d'ajouter que des négociations actives se poursuivent en ce moment, en vue de la conclusion d'un traité de commerce austro-hellénique.

Quoi qu'il en soit j'ai peine à croire qu'un revirement austrophile soit proche, du moins tant que les agissements turco-bulgares contribuent, ainsi qu'ils le font actuellement, au resserrement inévitable et fort naturel des liens gréco-serbes. Quant à l'influence allemande, elle n'a cessé, depuis l'affaire de Cavalla, de décliner en Grèce. La protection de la Turquie, où prévalent les intérêts de l'Allemagne, se fait ressentir ici, et l'on pense volontiers que c'est en grande partie à l'influence germanique qu'on devra, peut-être, l'indécision de l'Europe à garantir à la Grèce une paisible possession des îles qui viennent de lui être dévolues. D'ailleurs en de pareilles conditions et en l'absence d'une Europe unie, tout décret de neutralisation me semble une expression dénuée de sens réel; les nécessités impérieuses de la guerre en auront vite disposé à leur gré et réduit, sans nul doute, les territoires „neutres" à la merci du plus fort au moment donné. C'est, par conséquent, à une maîtrise indispensable en mer Egée que tendent, à l'heure actuelle, les efforts du gouvernement d'Athènes; l'accroissement à tout prix de la flotte, son organisation rationnelle et systématique entrent dans le programme immédiat; et des négociations sont, paraît-il, en cours pour l'acquisition de cuirassés argentins, actuellement en chantier aux Etats-Unis — acquisition visant en ce moment davantage la satisfaction de l'amour-propre national et l'apaisement de l'opinion, qu'un renforcement efficace, jusqu'au jour où ils pourront entrer en ligne de combat.

Je n'ai guère besoin de vous entretenir de la suite des pourparlers gréco-bulgares; vous devez en être suffisamment édifié par mes télégrammes périodiques. Ici, j'attends le relâchement intégral des prisonniers; là-bas, à Sofia, on parait vouloir souhaiter quelque événement imprévu, car les prétextes invoqués en faveur de cette attitude réservée

n'indiqueraient point l'intention de rétablir sous peu des relations normales.

Veuillez agréer, cher Сергей Дмитриевич, l'assurance de mon profond dévouement.

Démidow.

Перевод.

Доверительно.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Выдающимся событием прошлой недели, несомненно, является вручение в Афинах державами ноты относительно южно-албанского разграничения и островов, оккупированных Грецией.

Общественное мнение оказывается далеко не единодушно в оценке этого исторического документа. Официозная пресса признает себя в этом вопросе как будто удовлетворенной; наоборот, оппозиционная печать резко его критикует. Следует признать, что и здесь до известной степени причиной недовольства является медлительность Европы в сообщении своих решений. Если во время войны события совершались с головокружительной быстротой, непрестанно ставя державы лицом к лицу все с новыми фактами, то ныне общественное мнение, всегда склонное к преувеличениям, все дальше отходит от действительности. Давно осведомленное о приблизительном содержании ноты, оно требует большего. Критика направлена на недостаточную полноту поставленных на разрешение вопросов, которые далеко не исчерпываются последней нотой, выражающей волю держав. Вопрос о Додеканезе попрежнему оставляет почву для серьезных опасений: в ноте о нем не говорится ни слова. Жалуются, что не упомянуто о гарантиях в пользу греческого населения Албании, тогда как по отношению к мусульманским меньшинствам островов проявлена большая заботливость, и это истолковывается как пристрастие в пользу Турции. Кроме того, пресса в своих жалобах не обходит молчанием того, что в ноте опущено упоминание об исправлении эпиро-албанской границы. Спрашивают себя, не было ли бы справедливым предоставить Греции, взамен требуемой от нее нейтрализации островов, формальную гарантию против турецких домогательств, направленных к возвращению островов под власть Турции. Что касается Имброса, Тенедоса и Кастеллоризо, сам король Константин сообщил мне, что он только-что принял депутации от этих островов и не может не испытывать опасений относительно мстительности турок, которые, весьма вероятно, не пощадят ни жизни, ни собственности будущих париев. Если даже считать, что нота держав выяснила положение, последнее тем не менее остается еще напряженным, ввиду концентрации оттоманских войск в прибрежной полосе против Митилены и Хиоса, откуда возникает возможность внезапного нападения, заставляющая правительство посылать военные суда для постоянного крейсирования вдоль берегов Малой Азии.

Г. Венизелос, которого я видел по его возвращении, лично выразил мне всю свою глубокую благодарность за прием, который его величество соблаговолил ему оказать. Он не находил слов по поводу многочисленных проявлений симпатий к нему как со стороны нашего правительства, так и со стороны нашего общественного мнения. Он очарован приемом, который вы ему оказали, и в восторге от результатов обмена мнений с вами. По его словам, между Россией и Грецией не может быть никаких разногласий; всякая попытка сербо-болгарского сближения, сказал он мне, представляется ему со стороны России

естественной и понятной. Он видит в этом акт, отнюдь не враждебный по отношению к Греции, но вызванный политическою необходимостью, быть может, преждевременный, но к которому Греция в нужный момент готова вполне присоединиться. Самым горячим его желанием является видеть Болгарию вернувшейся в лоно союза, а самой большой его заботой то, что он обязан усилить мероприятия, чтобы защититься против нынешних стремлений к реваншу.

Председатель совета министров ознакомил меня с сущностью ответа эллинского правительства на ноту держав,—ответа, запоздавшего вследствие болезни г. Стрейта, повидимому, довольно серьезной. Выражая признательность Европе за принятые ею решения, эллинское правительство выскажет вместе с тем некоторые пожелания; оно обратится к чувству справедливости держав, прося, в качестве компенсации за нейтрализацию канала Корфу и островов, действительных гарантий против всякой попытки нарушения нейтралитета этих областей со стороны какой-либо державы. Оно обяжется уважать права мусульманских меньшинств, требуя однако взамен этого для греческого населения Албании и островов, возвращенных Турции, гарантий свободы личности, вероисповедания и преподавания; вероятно, тут же будет упомянуто обещанное изменение границ Эпира. Впрочем я не сомневаюсь, что ответная нота греческого правительства дойдет до вас раньше получения настоящего донесения.

Я позволил себе телеграфировать вам, что, согласно моим сведениям, греко-сербское соглашение будет расширено в связи с возможностью вооруженного конфликта с Турцией. По этому поводу я узнал из источника достаточно компетентного, что сербский посланник в Афинах указал эллинскому правительству на то, что если Сербия, по условиям этого соглашения, возьмет на себя обязательство выступить в пользу Греции против Турции, было бы только справедливо, чтобы Греция, со своей стороны, согласилась на активную поддержку Сербии в случае нападения на нее Австрии. Г. Стрейт будто бы обошел предложенное обязательство, сказав своему собеседнику, что необходимо отразить ближайшую опасность, и что всегда найдется время обсудить другие возможности. Я передаю этот обмен мнений с оговорками; несмотря на него, г. Балугджич по-прежнему опасается австрийских симпатий г. Стрейта и его тенденции избегать всего, что могло бы восстановить двуединую монархию против Греции. Небесполезно, пожалуй, будет добавить, что в настоящее время происходят переговоры по вопросу о заключении австро-греческого торгового договора.

Как бы то ни было, я затрудняюсь поверить, чтобы вскоре мог произойти поворот в пользу Австрии, по крайней мере, поскольку образ действий турок и болгар, как это имеет место сейчас, содействует неизбежному и весьма естественному упрочению греко-сербских связей. Что касается германского влияния в Греции, то со времени кавалльского дела оно неизменно продолжает падать. Покровительство, оказываемое Германией Турции, где преобладают германские интересы, чувствуется здесь, и здесь склонны думать, что, быть может, именно германскому влиянию в значительной мере приходится приписать нерешительность Европы в вопросе об обеспечении Греции мирного обладания островами, которые ей только-что предоставлены. Впрочем, в подобных условиях и при отсутствии единства среди держав Европы всякое решение о нейтрализации мне представляется словом, лишенным реального значения; властные требования войны быстро ликвидируют его и, вне всякого сомнения,

поставят „нейтральные“ территории в полную зависимость от наиболее сильного в данное время. Поэтому усилия афинского правительства в настоящее время направлены к достижению необходимого ему господства на Эгейском море; в ближайшую программу входит увеличение флота во что бы то ни стало, его рациональная и систематическая организация; повидимому, начаты переговоры о приобретении аргентинских броненосцев, находящихся в настоящее время на верфях Соединенных Штатов—приобретении, служащем в настоящее время скорее удовлетворению национального самолюбия и успокоению общественного мнения, чем целям действительного усиления флота, что будет достигнуто только тогда, когда их можно будет ввести в строй.

Мне незачем вам сообщать о дальнейшем течении греко-болгарских переговоров; об этом вы должны быть достаточно осведомлены из моих посылаемых вам время от времени телеграмм. Здесь я ожидаю полного освобождении пленных; там, в Софии, повидимому, надеются на какое-нибудь непредвиденное событие, ибо поводы, выставляемые в пользу выжидательной позиции, отнюдь не указывают на намерение торопиться с восстановлением нормальных отношений.

Примите и пр.

Демидов.

№ 269. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

Депеша № 9[1]. 17/4 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь донести вашему высокопревосходительству секретной телеграммою от сего числа за № 24[2], председатель румынского совета министров г. Братиану попросил здешнего турецкого посланника передать своему правительству, что в случае вооруженного выступления Турции против Греции, которое в настоящее время не могло бы произойти иначе, как на суше, т. е. при активной или пассивной помощи Болгарии, Румыния не останется безучастной зрительницей событий, а сочтет таковое выступление за нарушение Бухарестского мирного договора, для сохранения коего в неприкосновенности она не остановится перед крайними средствами.

Таким образом, румынское правительство, долго не решавшееся предопределить своего отношения к возможному греко-турецкому конфликту, ныне, под влиянием настояний Греции и Сербии, произнесло по сему вопросу свое веское слово, которое, несомненно, произведет в Турции отрезвляющее впечатление и, ве-

[1] Опубл. Siebert, III, S. 255—257, № 1037.

[2] Содержание тел. Арсеньева от 17/4 февр. 1914 г. за № 24 исчерпывается первым абзацем настоящей депеши. В тел. указывалось, кроме того, что принятое рум. прав-вом решение, сложилось, „вероятно, под влиянием настояний Венизелоса и Пашича“ и сообщено тур. посланнику для уведомления тур. прав-ва.

роятию[1], предотвратит опасность новых потрясений на Балканском полуострове.

Сообщая мне о вышеозначенном шаге Румынии, министр иностранных дел объяснил, что предпринять его бухарестский кабинет решился ввиду полного отсутствия у него доверия к искренности миролюбивых заверений Болгарии, которая, судя по нынешнему ее настроению, едва ли упустит удобный случай турецкого нашествия на Грецию, не попытавшись так или иначе использовать его в видах реванша.

„К единоборству между Грецией, с которой у нас нет союза, и Турцией, не подписавшей Бухарестского трактата,—продолжал г. Порумбару,—мы отнеслись бы безучастно, если бы оно предвиделось на море. Но теперь, когда Турция еще не получила заказанной ею в Англии флотилии, такое единоборство мыслимо только на суше, т. е. при условии прохождения турецких войск через болгарскую территорию. Если бы у нас была уверенность, что Болгария вооруженной силою воспротивится вторжению оттоманской армии в ее пределы, мы бы не сочли нужным вмешиваться в этот вопрос. Но такой уверенности у нас нет. Напротив, имеются все данные для предположения, что если Болгария, в случае движения турецких войск в сторону Греции, мобилизует свою армию, сия последняя не станет препятствовать турецкому нашествию, а, наоборот, перейдет на сторону Турции, что неизбежно повлечет за собой опасность нарушения равновесия на Балканах, с таким трудом установленного на Бухарестской конференции. Постановления сей конференции—основа всей нашей политики. Исходя из этой непоколебимой нашей точки зрения, мы и сделали турецкому правительству предостережение, которое, надо надеяться, окончательно его образумит“[2].

С глубоким почтением и пр. Б. Арсеньев.

№ 270. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 10. 17/4 февраля 1914 г.

Копия в Париж.

Председатель совета министров просил меня передать вашему высокопревосходительству ходатайство о содействии к скорейшему

---

[1] У Siebert'a — „jedenfalls“.

[2] Siebert последние две фразы переводит: „Die Bestimmungen dieser Konferenz sind auf unserer allgemeinen Politik begründet. Ein Abgehen davon ist mit unseren Gesichtspunkten unvereinbar, und wir hoffen, dass die der türkischen Regierung erteilte Warnung den gewünschten Erfolg haben wird“ (S. 257).

снабжению здешних французского и английского представителей инструкциями для предполагаемых переговоров о займе. Все прочие представители держав уже получили инструкции. При этом Вукотич, несколько месяцев назад подробно обсудивший с членами кабинета положение королевства, формально заявил мне сегодня, что черногорское правительство не видит никаких препятствий к учреждению контроля держав над расходованием займа и даже считает такой контроль благодетельным для интересов страны. Вместе с тем черногорское правительство ходатайствует о возможной поддержке нами просьбы о выдаче дополнительного трехмиллионного аванса, с которой он только-что обратился[1] к французскому и итальянскому банкам, до сих пор производящим выдачу Черногории шестимиллионного аванса на счет займа. Дополнительный аванс необходим для окончательного урегулирования финансов в текущем году, и невыдача его поставила бы здешнее правительство в безвыходное положение ввиду обязательств, тяготеющих над страной после двух балканских войн.

Французский представитель, только-что проконтролировавший совместно с итальянским отчетность по издержкам, произведенным из выданного до сих пор аванса, одновременно телеграфирует своему правительству о полной допустимости означенной дополнительной ссуды в счет займа[2].

Обнорский.

№ 271. Министр иностранных дел генеральному консулу в Харбине Траутшольду.

Телеграмма № 282[3]. 18/5 февраля 1914 г.

По ознакомлении передайте посланнику.

Французское правительство официально признало за своими гражданами и протеже обязанность подчиняться русским муниципальным правилам и платить муниципальные налоги в городах на территории Китайской Восточной ж. д.[4].

---

[1] Так в подлиннике.

[2] В письме на имя Извольского от 19/6 февраля 1914 г. за № 97 (с копиями в Рим и Лондон) Сазонов, сообщая об обращении черногорского правительства к росс. м-ву ин. дел с просьбой поддержать перед французским прав-вом его ходатайство о выдаче трехмиллионного аванса в счет займа, с своей стороны просил Извольского поддержать означенное ходатайство перед французским правительством.

[3] Лит. копия.

[4] Пам. запиской, переданной российскому посольству в Париже 11 февр./29 янв. 1914 г. (в копии приложенной к письму Извольского от 12 февр./30 янв. 1914 г.).

Словесно условлено, что на запросы иностранных держав французское министерство иностранных дел будет отвечать, что Франция не обставляла своего согласия никакими оговорками, но рассчитывает на предоставление ей условий наибольшего благоприятствования [1].

В Харбин сообщено.

[Сазонов.]

№ 272. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 37. 18/5 февраля 1914 г.

Copie Paris.

Prince Wied, arrivé ce matin, m'a informé qu'il partait ce soir même pour Paris et m'a prié de mettre aux pieds de l'empereur ses vifs regrets de ne pas pouvoir actuellement aller à Pétersbourg, que temps lui manquait, croyant nécessaire d'arriver en Albanie à la fin de ce mois. Prince ajouta qu'à sa première absence d'Albanie il comptait réparer cette omission dont il comprenait grave inconvénient. Je me suis gardé de le contredire et lui ai répondu qu'en effet, du moment qu'il rendait des visites dans toutes les capitales, on pourrait être étonné à St.-Pétersbourg, qu'il se fût abstenu de demander à s'y rendre. Néanmoins je lui promis télégraphier comme il le désirait. J'ai ajouté que d'ailleurs l'important était attitude qu'il adopterait en Albanie et qu'en ce sens dès l'abord les rapports qui s'établiraient entre lui et Commission internationale, où toutes les Puissances auxquelles Albanie devait son existence étaient représentées, seraient de conséquence. Je fis suivre quelques mots d'éloges personnels de Pétriaiew chez lequel il ne rencontrerait aucune opposition à tous voeux légitimes. J'ai attiré l'attention du prince sur l'importance de questions religieuses et les droits des minorités non musulmanes, surtout orthodoxes [2]. Le prince me répondit qu'il avait longtemps hésité avant d'avoir

---

[1] Об этом сообщалось в письме Извольского от 12 февр. /30 янв. 1914 г.

[2] В тел. Бенкендорфа от 18/5 февраля 1914 г. за № 40 со слов Грея сообщалось, что при свидании с Видом Грей обратил его внимание на то, что интернационализацию Албанского банка необходимо произвести в равных долях, без чего невозможно получить согласие парламента на гарантию албанского займа; вместе с тем Грей заявил Виду, что полученный им аванс должен подлежать контролю международной комиссии. При посещении Видом Извольского последний преподал ему совет опираться в своей политике (и прежде всего в вопросе о займе) в равной степени на все державы, представленные в контрольной комиссии. Такой же совет Вид получил от Думерга, указавшего ему также на желательность поездки его в Петербург. (Тел. Извольского от 19/6 февр. 1914 г. за №№ 52 и 53.)

accepté la position qui lui avait été proposée avec insistance, qu'il aurait certainement en vue les deux points que je lui avais mentionnés auxquels il avait réfléchi lui-même, qu'il arriverait en Albanie sans idée préconçue ni plan pour les détails, préférant se rendre compte sur les lieux du réel état des choses. Il se retira en renouvelant sa prière de télégraphier combien il regrettait devoir renoncer pour maintenant au projet de se rendre à Pétersbourg.

Benckendorff.

Перевод.

Копия Париж.

Прибыв сегодня утром, князь Вид сообщил мне, что сегодня же вечером он отправляется в Париж, и просил меня повергнуть к стопам государя его живейшее сожаление о невозможности ныне отправиться в Петербург, на что у него нехватает времени, так как он считает необходимым прибыть в Албанию в конце этого месяца. Князь прибавил, что при первом своем выезде из Албании он рассчитывает загладить это упущение, серьезное неудобство коего он понимает. Я не стал возражать ему и ответил, что действительно, раз он делает визиты во все столицы, в Петербурге были бы удивлены, что он не испросил разрешения приехать туда. Тем не менее я обещал ему, согласно его желанию, телеграфировать вам. Я прибавил, что будет иметь большое значение то, какую позицию он займет в Албании и какие отношения установятся с самого начала между ним и международной комиссией, в которой представлены все державы, коим Албания обязана своим существованием. Я прибавил несколько слов в похвалу Петряева, со стороны которого он не встретит никакого противодействия своим законным желаниям. Я обратил внимание князя на важность религиозных вопросов и на права не-мусульманских меньшинств, особенно православных. Князь ответил мне, что он долго колебался прежде чем принять звание, которое ему настойчиво предлагалось, что он, конечно, будет иметь в виду оба обстоятельства, которые отмечены мною, и относительно которых он сам думал; что он явится в Албанию без предвзятой идеи и без детально проработанного плана, предпочитая выяснить на месте действительное положение вещей. Он удалился, возобновив свою просьбу сообщить по телеграфу об его глубоком сожалении по поводу того, что он вынужден отказаться в данное время от мысли посетить Петербург.

Бенкендорф.

№ 273. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 39 [1]. 18/5 февраля 1914 г.

Copie Paris.

Reçu télégramme № 252 [2].

Cambon ayant reçu hier des instructions, j'ai entretenu aujourd'hui Grey de votre proposition. Je lui dis qu'à défaut d'un organe

[1] Опубл. Siebert, S. 806.

[2] См. № 241.

complet comme celui que fournissait l'an dernier réunion ambassadeurs, vous considériez nécessaire, pour obvier à lenteur procédé télégraphique ordinaire et pour donner plus de cohésion à action et à influence des trois Puissances, un échange d'idées sur questions en cours destiné à produire un accord préliminaire entre elles. Comme exemple actuel je citai l'Albanie où prince Wied allait être installé avant que plusieurs questions importantes aient trouvé de solution. Grey me répondit que dans cas que je citais Triple Alliance avait avantage de l'action, tandis que Triple Entente avait à se défendre d'empiètements. Toutefois Grey ne fit nulle objection à votre projet. Il me dit qu'en principe il y adhérait volontiers et me proposa nous réunir demain jeudi. Il me dit qu'il en avait déjà prévenu Cambon qui ce matin lui avait parlé dans même sens.

Benckendorff.

Перевод.

Копия Париж.

Получил телеграмму № 252.

Так как Камбон получил вчера инструкции, я говорил сегодня с Греем о вашем предложении. Я сказал ему, что за отсутствием специального органа, вроде того, который представляло собою в прошлом году совещание послов, в целях предотвращения обычной медлительности в телеграфных сношениях, придания большей сплоченности выступлениям трех держав и усиления их влияния, вы считали бы необходимым предварительный обмен мнений по очередным вопросам, который должен был бы создать почву для соглашения между ними. Как на конкретный пример, я указал на Албанию, куда в скором времени, прежде чем многие важные вопросы получат свое разрешение, должен прибыть кн. Вид. Грей ответил мне, что в том случае, на который я указываю, активною стороною являлся Тройственный союз, тогда как Тройственному согласию приходилось защищаться от посягательств. Однако Грей не предъявил никаких возражений против нашего проекта. Он сказал мне, что в принципе охотно к нему присоединяется, и предложил собраться завтра, в четверг. Он сказал, что предупредил уже об этом Камбона, который сегодня утром говорил ему в том же смысле.

Бенкендорф.

№ 274. Посол в Париже министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 51. 18/5 февраля 1914 г.

Копия в Лондон.

Думерг сказал мне, что он поручил французскому послу в Лондоне высказать Грею, что, по его мнению, между державами должен продолжаться обмен мыслей относительно мер принуждения на случай, если Турция предпримет что-либо в противность решению держав. Он продолжает впрочем относиться скептически к намерениям Порты.

Извольский.

№ 275. Посланник в Софии начальнику Ближне-восточного отдела Трубецкому.

Письмо. 18/5 февраля 1914 г.

Секретно.

Дорогой князь Григорий Николаевич,

Сегодня я пишу А. А. Нератову о желательности иметь возможность воздействия на здешнюю прессу[1]. Так как теперешний момент, предшествующий выборам, весьма в этом отношении важный, то я хочу в этих строках просить о вашем содействии к возможно быстрому разрешению моего ходатайства. У меня уже коечто налажено. Одним журналистам я поручил объяснить, что хотя теперь у нас и нет возможности выразить им нашу благодарность, но их труды не пропадут; в надежде на будущее „Балканская Трибуна", напр., орган очень здесь распространенный, уже поместила две статьи по нашему указанию. Другие журналисты сами намекают на скудость средств их редакций. При этих условиях весьма желательно, чтобы ни м-ство торговли, ни наше не медлили ответом, и если вам удастся провести кредит, благоволите мне телеграфировать. Против купленной Австрией прессы трудно бороться другими средствами. Если у вас найдется свободная минута, не откажите написать мне хоть в двух словах, как вам кажутся из Петербурга здешние дела.

Сердечно вам преданный А. Савинский.

№ 276. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 103. 18/5 февраля 1914 г.

Телеграммы №№ 231 и 272 получены[2].

Переговорил по их содержанию с великим визирем, которому передал полностью заключающиеся в них аргументы. Обратил особенное его внимание на желание вашего высокопревосходительства установить самые дружеские отношения между Россией и Турцией, залогом коих являлось бы скорейшее заключение экономического и железнодорожного соглашения. Единственным препятствием сему служит нежелание Германии допустить нашего представителя в Совет оттоманского долга; поэтому в интересах самой Турции озаботиться получением нужного соглашения. Великий визирь, мало находящийся в курсе дел ввиду передачи ка-

---

[1] Письмо Савинского Нератову от 18/5 февраля 1914 г. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] См. №№ 214 и 261.

бинетом вопроса всецело в руки Джавида, просил сообщить вам его благодарность за дружественное отношение к Турции и обещал немедленно дать соответственные указания,—как я полагаю, протелеграфировать Джавиду. Несмотря на это, я не смею считать вопрос окончательно разрешенным, так как настояния Джавида могут разбиться об упорство Берлина, если не получат также решающей поддержки вашего высокопревосходительства.

Гулькевич.

№ 277. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 286[1]. 19/6 февраля 1914 г.

Сообщается в Валону.

Французское посольство сообщает, что, по мнению Австрии и Италии, с прибытием князя Вида в Албанию контрольная комиссия сохраняет права, оговоренные Лондонской конференцией, но утрачивает чрезвычайные полномочия, присвоенные ей после отставки Измаила [и] Эсада.

Разделяем взгляд Франции на возможность согласиться с этим и признать за князем права, кои определены проектом контрольной комиссии.

Что касается Албанского банка, Франция отвергает просьбу Австрии и Италии о предоставлении им 60% капитала, очередного председательства и назначения директора. Участие в капитале должно быть равным, персонал не должен быть исключительно австро-итальянским. Директором должно быть лицо беспристрастное, например, англичанин.

При соблюдении этих основных условий Франция расположена была бы на какое-либо удовлетворение самолюбию обеих держав, не затрагивающее существа дела.

Можете сказать мин. ин. дел, что согласны с изложенной постановкой вопроса. [Сазонов.]

№ 278. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

*/. Телеграмма № 288[2]. 19/6 февраля 1914 г.

В связи с переговорами о Барге считали бы своевременным решить вопрос и о китайских вооруженных силах в Северной Манчжурии.

---

[1] В лит. копии ошибочно поставлен № 186.

[2] Лит. копия.

Военный министр отмечает, что, кроме регулярных войск в указанном китайцами количестве—32 тыс., в Хейлунцзянской и Гиринской провинциях имеется сельская и резервная полиция (сюньцзин и юй-бей-сюнь-цзин), численностью до 127 тыс. человек. Военный министр желал бы, чтобы наше соглашение с китайским правительством по настоящему вопросу ограничивало численный состав всех вообще вооруженных китайских сил в названных провинциях особою нормою, перейти за которую китайское правительство не имело бы права без нашего согласия. В случае невозможности добиться этого, военный министр соглашается удовольствоваться предложением китайского правительства с тою поправкою, которую вы намечаете в телеграмме [7 ноября] 25 октября минувшего года[1], с тем однако, чтобы предупреждение китайского правительства об увеличении регулярных войск в Северной Манчжурии заключалось не в сообщении нам о совершившихся фактах, а в заблаговременном, хотя бы за месяц, извещении нас о таких предположенных увеличениях. [Сазонов.]

№ 279. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 289. 19/6 февраля 1914 г.

Сообщается дипломатическому агенту в Урге.

Ссылаюсь на телеграмму Миллера № 35[2].

Считаем необходимым ныне же принять меры против обна-

---

[1] В тел. от 7 ноября /25 октября 1913 г. за № 712 Крупенский доносил о получении от кит. прав-ва ноты, в которой указывалось количество кит. войск в Сев. Манчжурии — около 32 тыс. человек — и сообщалось, что до сведения росс. прав-ва будут своевременно доводиться „все случаи дополнительной формировки воинских частей, могущие быть вызванными какими-либо непредвиденными обстоятельствами“. Крупенский предлагал потребовать замены слов „дополнительной формировки воинских частей“ словами „какого бы то ни было увеличения указанного количества войск“, на что, по его мнению, китайцы „согласились бы без особых затруднений“.

[2] В тел. от 16/3 февр. 1914 г. за № 35 Миллер сообщал, что китайское прав-во предлагает монгольским князьям возобновить выдачу им жалования и уплатить их долги и намерено выдать монг. прав-ву ссуду, и что в связи с этими предложениями в правящих классах Монголии ведется пропаганда за возвращение Внешней Монголии под суверенитет Китая. По мнению Миллера, „масса населения, страдающая под гнетом налогов автономного монгольского правительства, отнесется к такой перемене если не сочувственно, то безразлично“. На царском экземпляре тел. помета Николая II: „Серьезное предупреждение“, сделанная 20/7 февраля 1914 г. в Царском Селе. Депешой от 19/6 февр. 1914 г. за № 37 Миллер в дополнение к вышеупомянутой тел. доносил, что „мысль об обратном переходе Внешней Монголии в китайское подданство под видом соединения ее с Внутренней Монголией“ разделяется и монг. м-ром вн. дел Да-Ламой.

руживающегося намерения китайского правительства игнорировать созданное для Внешней Монголии декларациею [5 ноября] 23 октября положение отдельного государства, на которое Китай имеет лишь права сюзерена.

Благоволите в решительной форме напомнить об этом министру иностр. дел и объяснить, что об уплате Китаем за монгольское правительство выданной нами последнему ссуды не может быть речи. Проведение в жизнь начал русско-монгольского соглашения [3 ноября] 21 октября 1912 г. создает нам обязанность поддерживать автономное во внутренних делах монгольское государство и содействовать укреплению его правительства. С этой точки зрения мы считаем недопустимым, чтобы монгольское правительство получало ссуды в бесконтрольное распоряжение, ибо сознаем, что такие ссуды не только не улучшают его финансового хозяйства, но ведут к его окончательному расстройству. Интриги китайского правительства, замышляющего за деньги купить отказ монголов от созданной им актом [5 ноября] 23 октября автономии, могут лишь понудить нас пересмотреть наше отношение к монгольскому вопросу. Мы честно отнеслись к вытекающим из этого акта последствиям и настояли на прекращении монгольским правительством военных действий против Китая. Но если китайское правительство будет относиться недобросовестно к принятым на себя в монгольском вопросе обязательствам, у нас не будет причин продолжать умеряющее воздействие в Урге[1].

Сазонов.

№ 280. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

*/. Телеграмма № 290[2]. 19/6 февраля 1914 г

Телеграмма № 48[3] получена.

Условия, которые мы желали бы поставить восстановлению китайского суверенитета в Барге, сводятся к следующему:

---

[1] В ответной телеграмме от 23/10 февр. 1914 г. за № 67 Крупенский сообщал, что, по заявлению кит. м-ра ин. дел, сведения о предложениях кит. прав-ва не соответствуют действительности, и китайское прав-во даже не в состоянии ссудить Монголии деньги, так как само в них нуждается. Вместе с тем м-р ин. дел обещал принять меры к прекращению возможных в этой области интриг.

[2] Лит. копия.

[3] В телеграмме от 16/3 февр. 1914 г. за № 48 Крупенский сообщал, что кит. м-р ин. дел в разговоре с ним высказался за непосредственное ведение перегово-

1) В Барге должно быть сохранено управление национальными властями. Подробности могут быть обсуждены впоследствии, но, казалось бы, первым условием должно быть назначение баргинского амбаня из местных уроженцев.

2) Все сделки, заключенные русскими подданными с баргутскими властями за время их фактической независимости, которые будут нами указаны, должны быть утверждены пекинским правительством.

3) За русскими подданными должно быть признано преимущественное право постройки в Барге подъездных путей к Китайской Восточной ж. д., какие могут понадобиться.

4) Русским золотопромышленникам, лишившимся права разрабатывать концессии, выданные им до войны, должно вознаграждение[1] от китайского правительства. Размер вознаграждения служит предметом обсуждения собранной при нашем министерстве торговли междуведомственной комиссии и будет вам сообщен по его установлении.

Сообщая китайцам эти условия, если вы считаете обстановку для сего подходящею, благоволите подтвердить, что мы не допустим решения участи Барги помимо нашего участия и не признаем непосредственно заключенной между китайским правительством и баргутскими властями сделки.

[Сазонов.]

№ 281. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

/. Телеграмма № 291[2]. 19/6 февраля 1914 г.

Телеграмма № 34[3] получена

В существе признаем нежелательною выдачу монгольскому правительству в бесконтрольное распоряжение сумм в счет ссуды.

ров кит. прав-ва с баргутами. Вследствие возражений со стороны Крупенского кит. м-р ин. дел просил его выяснить, в чем заключаются требования росс. прав-ва, связанные с восстановлением кит. власти в Барге.

[1] Так в подлиннике.

[2] Лит. копия.

[3] В тел. от 16/3 февр. 1914 г. за № 34 Миллер сообщал, что Да-Лама агитирует против заключения ж. д. соглашения с Россией, „указывая на монопольный характер такового, исключающего возможность выдачи железнодорожных концессий другим государствам“. В той же тел. Миллер испрашивал разрешения м-ва ин. дел „в зависимости от результатов переговоров о заключении железнодорожного соглашения“ выдать монг. прав-ву остаток от двухмиллионной ссуды.

Однако согласны не возражать против выдачи ему тридцати тысяч рублей в зависимости от заключения железнодорожного соглашения.

Японское правительство утверждает, что Кодама не делал монголам никаких предложений, и что сами монгольские сановники старались придать Кодаме характер правительственного японского агента. Было бы желательно получить копию документа, касающегося железных дорог в Монголии, на получение которого от Кодамы указывают монголы.

[Сазонов.]

№ 282. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

*/. Телеграмма № 292[1]. 19/6 февраля 1914 г

Телеграмма № 41[2] получена.

Если приглашаемые вновь шведские офицеры предназначаются для усиления состава жандармерии на юге, то мы препятствий не встречаем. Считаем однако необходимым дать ныне же ясно понять шахскому правительству, что, во избежание каких-либо недоразумений и трений, мы признаем нежелательным развитие жандармерии в нашей зоне вообще и в особенности в местностях, прилегающих к нашей границе и где имеются наши войска и части казачьей бригады. Вместе с тем представляется желательным озаботиться скорейшей по возможности организацией в разных пунктах этой зоны отделов казачьей бригады, наподобие тавризского. Со своей стороны, принимаем зависящие меры к устранению всех недочетов в бригаде, на которые указывал Саблин.

[Сазонов.]

Да.

Царское Село, [21] 8 февраля 1914 г.[3]

---

[1] Царск. экз.

[2] В тел. от 17/4 февр. 1914 г. за № 41 Коростовец сообщал: „Шахское правительство по ходатайству полковника Яльмарсена намерено пригласить в качестве инструкторов для пополнения жандармерии 5 шведских офицеров. Предварительно приглашения таковых, оно запросило меня и английского посланника, который уже ответил в положительном смысле. Могу ли ответить согласием?"

[3] Царская помета на полях против слов „в местностях, прилегающих ... части казачьей бригады".

№ 283. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 297[1]. 19/6 февраля 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ваша телеграмма № 39[2] и телеграмма посла в Париже № 51[3] получены.

Прошу вас поддержать предложение Думерга. Получаемые из Константинополя сведения возбуждают подозрения относительно намерений Турции. С своей стороны мы убеждены, что слабость, проявляемая державами и, в частности, Англией, отклонившей предложение о более энергичном воздействии в Константинополе, может лишь содействовать укреплению опасного настроения среди младотурок.

[Сазонов.]

№ 284. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 298[4]. 19/6 февраля 1914 г.

Ваша телеграмма № 49[5] получена.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 255[5].

По наведенным нами справкам в Норвегии нет подходящих кандидатов. Прошу вас обратить внимание французского правительства на крайнюю желательность воздержаться от каких-либо выступлений до получения от нас дополнительных сообщений по вопросу, затрагивающему наши прямые интересы и в котором мы ожидаем со стороны совершенно незаинтересованной в нем Франции твердой поддержки.

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 273.

[3] См. № 274.

[4] Лит. копия.

[5] В тел. послам в Париже, Лондоне, Вене, Берлине и Риме от 12 февр./30 янв. 1914 г. за № 255 Сазонов указывал, что кандидатуры на посты генеральных инспекторов в армянских вилайетах должны быть сообща установлены всеми державами для представления Порте (опубл. Ор. кн., стр. 176, № 152 с сокращениями). В ответной телеграмме от 17/4 февраля 1914 г. за № 36 Бенкендорф сообщал, что Грей присоединяется к точке зрения Сазонова (опубл. Ор. кн., стр. 177, № 154). В телеграмме Извольского от 17/4 февраля 1914 г. за № 49 сообщалось, что французское правительство считает наиболее подходящими кандитатами норвежцев и поручило своему посланнику в Христиании подыскать в Норвегии соответствующих кандидатов.

№ 285. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 93. 19/6 февраля 1914 г.

Сообщается послу в Париже, Берлине, Вене, Риме.

М. г. граф Алекс[андр] Конст[антинович],

Здешнее великобр[итанское] п[осольст]во в прилагаемой при сем в копии памятной записке от [9 февраля] 27 января с. г.[1] просило сообщить наш взгляд на некоторые вопросы, связанные с албанским займом, присовокупив при этом, что сэр Э. Грей полагает желательным установление вполне определенного согласия по этим вопросам между Россией, Англией и Францией[2].

Вследствие сего имею честь сообщить в[ашему] с[иятельству] наш взгляд на возбужденные в означенной памятной записке вопросы.

Мы вполне согласны с мнением франц[узского] прав[ительства], что размер албанского займа мог бы быть уменьшен. В этом отношении предложение Петряева (телеграмма 18/31 января 1914 г. № 12[3]) об единовременном выпуске всего займа в 30 млн. фр. вместо нескольких выпусков более крупного займа с первым выпуском лишь в 20 млн. фр. вполне обоснованное. Не придавая однако безусловного значения этому вопросу, мы могли бы согласиться и на другое его разрешение в желательном для парижского или лондонского кабинета смысле. Точно такое же отношение наше к условиям займа банковского характера, которые впрочем могут быть разработаны лишь после принципиального вопроса о займе.

Что касается до расходования займа, мы считаем необходимым вместе с Англией и Францией, чтобы таковое происходило под контролем м[еждународной] албанской комиссии. Ассигнование

[1] В пам. зап. от 9 февр./27 янв. 1914 г. англ. пос-во сообщало, что, по мнению Грея, между Англией, Францией и Россией должно быть установлено согласие в отношении следующих пунктов: 1) общая сумма займа и условия его выпуска, 2) участие держав в Албанском банке, 3) сумма первого выпуска, 4) расходование займа. Вместе с тем англ. пос-во отмечало, что, по мнению франц. прав-ва, общая сумма займа могла бы быть ниже 75 млн. фр., и что Грей разделяет мнение франц. прав-ва о том, что участие держав в займе должно зависеть от разрешения вопроса об Албанском банке.

[2] Далее зачеркнуто: „Вполне разделяя эту мысль английского статс-секретаря по ин. д., мы надеемся, что он с своей стороны согласится на наше предложение относительно сосредоточения в Лондоне всех переговоров, направленных к установлению однообразного взгляда держав Тройственного согласия по балканским делам“.

[3] См. стр. 151, прим. 1.

же сумм из займа на те или другие цели могло бы быть установлено общим решением держав через их представителей в помянутой комиссии. Памятная записка здешнего австро-венгерского посольства от 14/27 января[1] указывает, что венский кабинет к этому не встретит возражений.

Наконец, в вопросе от интернационализации Алб[анского] банка мы находим, что на основании решений Лондонской конференции контроль албанских финансов должен производиться всеми державами на равных основаниях. Интернационализация же банка с преобладающим положением в нем двух держав противоречила бы этому принципу, в особенности же в случае образования подобного банка на основании итало-австрийской концессии, захватывающей всю экономическую и финансовую жизнь Албании.

Ввиду определенного выступления Франции (пам. записка [4 февраля] 22 января[2] с. г.) в этом смысле мы готовы присоединиться к нему и в случае согласия вел[икобританского] прав[ительства] со своей стороны заявить, что вопрос о займе может быть разрешен лишь после удовлетворительного решения вопроса о банке.

В случае однако изменения точки зрения парижского кабинета по сему последнему предмету мы готовы обсудить всякое его предложение. Полагаем однако необходимым во всяком случае, чтобы заем состоялся либо при условии контроля над ним междун[ародной] ком[иссии], либо при условии интернационализации на равных основаниях Алб[анского] банка.

Вы могли бы по изложенному выше вопросу снестись с великобританским правительством и о последующем уведомить по телеграфу.

К сему считаю долгом присовокупить, что вопрос об албанском займе принадлежит к числу тех, обсуждение коих в Лондоне в целях установления по ним однообразного взгляда держав Тройственного согласия крайне желательно.

Примите и пр.

[Сазонов.]

---

[1] Содержание пам. записки изложено в тел. Сазонова от 29/16 янв. 1914 г. за № 13? (см. № 131).

[2] В литографской копии — „27 января". В пам. записке франц. пос-ва в Петербурге от 4 февр./22 янв. 1914 г., излагающей содержание ответа франц. м-ва ин. дел австро-венг. прав-ву, сообщалось, что свое участие в международном займе для Албании франц. прав-во обусловливает интернационализацией Албанского банка при равном участии всех держав и признанием административных и финансовых полномочий контрольной комиссии.

№ 286. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже Бенкендорфу и Извольскому.

Письмо № 98. 19/6 февраля 1914 г.

М. г.
1) граф Александр Константинович,
2) Александр Петрович,

Как ваше сиятельство изволите вспомнить, сэром Эдуардом Греем была внесена на Лондонской конференции резолюция, которая была единогласно принята, относительно финансовой поддержки Черногории. Затем статс-секретарь по иностранным делам проявил сочувственное отношение к заключению Черногорией займа и подтвердил готовность Англии в нем участвовать [1].

Между тем наш поверенный в делах в Цетинье телеграфирует [17] 4 сего февраля [2], что за исключением французского и английского его сотоварищей все прочие представители держав получили инструкции относительно переговоров о черногорском займе.

Ввиду действительной необходимости для Черногории скорее заключить заем вы могли бы обратиться к правительству, при коем вы аккредитованы, с просьбой ускорить отправку инструкции своему представителю в Цетинье относительно займа. Одновременно с этим вы могли бы обратить внимание министра ин. дел, что с технической точки зрения вопрос о займе будет облегчен формальным заявлением председателя черногорского совета министров Обнорскому, что Черногория не видит препятствий к учреждению контроля держав над расходованием займа и даже считает такой контроль благодетельным для страны [3].

[Сазонов.]

---

[1] На полях против слов „Как ваше сиятельство ... в нем участвовать" имеется приписка: „Начало для посла в Лондоне". Письмо (за тем же № 98), адресованное Извольскому, начиналось словами: „Как ваше высокопр. изволите вспомнить, французским правительством выражено еще в декабре минувшего года согласие способствовать заключению Черногорией займа в 40 млн. фр.".

[2] За № 10; см. № 270.

[3] В ответной тел. Бенкендорфа от 26/13 февр. за № 48 сообщалось, что английское прав-во согласно гарантировать 1/6 займа и что английский представитель в Цетинье получил соответствующие инструкции 19/6 февр. Тел. от 27/14 февр. за № 63 Извольский сообщал, что Думерг согласен на предоставление Черногории 40-млн. займа, „хотя Лондонским совещанием была обещана Черногории гарантия займа лишь в 30 млн. фр.". Однако, по сообщению Извольского, франц. прав-во не может согласиться гарантировать заем, пока не будут точно указаны „те ресурсы, которые будут уступлены для уплаты по нему", и пока не будет выяснен порядок контроля над расходованием займа. Думерг поручил франц. представителю в Цетинье выяснить эти условия. По вопросу о 3-млн. авансе „Думерг сообщил Парижско-нидерландскому банку о желании французского правительства, чтобы он

№ 287. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Письмо № 99. 19/6 февраля 1914 г.

М. г.

Письмом от [8 января 1914 г.] 26 декабря мин. года № 1114 [1] я имел честь просить ваше... осведомиться об отношении п[равительст]ва, при коем вы аккредитованы, к вопросу о введении русского делегата в Совет оттоманского долга.

Ныне, ввиду согласия на таковое турецкого пр[авительст]ва [2], благоприятное для нас разрешение этого вопроса задерживается исключительно затруднениями, которые наше предположение встретило со стороны Германии, поддерживаемой Австро-Венгрией.

Как вашему... угодно будет усмотреть из препровождаемой у сего копии сообщения герм. п[равительст]ва от [26] 13 января с. г. [3], германские держатели турецких ценностей обусловливают свое согласие на вступление русского представителя в Совет долга введением в него второго германского делегата, с правом очередного председательства наравне с французским и английским делегатами.

Считая нецелесообразным вести дальнейшие переговоры по сему вопросу непосредственно в Берлине ввиду требований, которые, несомненно, выставит германское пр[авительст]во взамен своей уступки, мы предложили Турции озаботиться получением согласия его на введение русского делегата в Совет долга, указав при этом оттоманскому пр-ву, что тем самым будет добыто необходимое условие для заключения экономического соглашения не только с нами, но со всеми державами, так как в настоящее время общее разрешение вопроса о 4 %-й таможенной надбавке задерживается исключительно непринятием Германией наших требований.

Вместе с тем однако мы не можем не считать, что воздействие турецкого п[равительст]ва в Берлине будет более действительным, если Франция и Англия со своей стороны не откажут нам в содействии в целях разрешения этого вопроса в желаемом нами смысле. Мы полагаем, что Франция могла бы использовать свои переговоры с Германией для изыскания соответствующего компромисса. Выступление Франции и Великобритании представляет-

---

пополам с Итальянским банком, согласился выдать означенную дополнительную ссуду".

[1] См. стр. 8, прим. 1.

[2] Далее зачеркнуто: „и отсутствия препятствий со стороны Франции, Англии и Италии".

[3] См. № 103.

ся нам тем более соответственным, что введение 4%-й надбавки связано с их переговорами с Турцией по железнодорожным вопросам.

Что касается нашего отношения к этому вопросу, нельзя не отметить, как было указано в телеграмме послу в Конст[антинопо]ле от [14] 1 декабря № 3368[1], сообщенной вашему... в литографиях, что в случае недопущения в Совет оттоманского долга нашего представителя для нас не будет оснований принимать во внимание, при возобновлении работ финансовой комиссии в Париже, интересы учреждения, в котором мы не будем представлены. Опасение такого отношения России к Оттоманскому долгу должно также побудить Францию и Англию оказать возможное влияние в Берлине для удовлетворения наших справедливых требований.

Сообщая о вышеизложенном вашему..., и. ч. пок. просить вас переговорить в этом смысле с министром и. д. и о последующем уведомить по телеграфу.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 288. Министр иностранных дел управляющему министерством финансов Барку.

Письмо № 100. 19/6 февраля 1914 г.

М. г. Петр Львович,

В дополнение к доверительному письму моему на имя статс-секретаря Коковцова от [19] 6 мин. января, за № 11[2], имею честь препроводить при сем к в-му прев-ву секретную телеграмму имп. поверенного в делах в Константинополе от [10 февраля] 28 мин. января за № 83[3] касательно приобретения банкирами братьями Маврокордато концессий в Малой Азии.

Ввиду крайней важности, с точки зрения наших политических интересов в Турции, тех местностей, где находятся эти предприятия, я считаю своим долгом обратить особое внимание ваше на

[1] В этой тел. Сазонов указывал, что „для нас возникает вопрос, на каком основании мы будем принимать во внимание интересы Оттоманского публ. долга при предстоящем возобновлении работ финансовой комиссии, если у нас оспаривается право ввести нашего представителя в это учреждение. Ввиду этого мы полагаем, что в интересы Франции входит содействовать скорейшему разрешению этого вопроса. Быть может, финансовые переговоры французов в Берлине, где теперь и Джавид, создают благоприятные условия для соответствующих шагов".

[2] В письме этом Сазонов, препровождая тел. Гирса от 16/3 янв. за № 5 (см. № 24), сообщал резолюцию Николая II и просил о соответствующих распоряжениях.

[3] См. № 226.

ходатайство названных лиц и просить об оказании им зависящей от вас поддержки[1].

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 289. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо [2]. 19/6 февраля 1914 г.

Je n'ai malheureusement pas le temps de répondre longuement à votre lettre privée [3], dont je vous remercie très sincèrement [4].

Ce que j'apprends de vous au sujet de la lettre de Buchanan à Nicolson m'a été confirmé de tous points par Buchanan lui-même qui n'en fait aucun mystère. Autant que je puis en juger, il partage entièrement le découragement que me fait éprouver la politique vacillante et effacée du Cabinet anglais et plus encore la conscience de la difficulté énorme, sinon l'impossibilité absolue, de rémédier au danger de la situation en donnant à nos relations avec Londres une envergure plus large et une assiette plus solide. Le gouvernement radical porte la tare héréditaire du Home Rule et de bien d'autres utopies tout aussi dangereuses et veut la guérir par une abstention complète de toute initiative dans le domaine de la politique étrangère. A mes yeux, l'idée est aussi fausse que la méthode. Les Français partagent cet avis et quelques Anglais, — on m'en nomme deux ou trois, en dehors de Buchanan, — commencent à y voir plus clair, mais tout cela ne nous avance de rien en présence de l'aveuglement étrange de Grey, car il faut bien se dire que la paix du monde ne sera assurée que le jour où la Triple Entente, dont l'existence réelle n'est pas plus prouvée que celle du Serpent de Mer, se sera transformée en alliance défensive, sans clause secrète et rendue publique par tous les journaux du monde. Ce jour là, le danger d'une hégémonie allemande sera définitivement écarté et nous pourrons chacun de nous nous occuper tranquillement de nos affaires, les Anglais — pour trouver une solution des problèmes sociaux qui les absorbent, les Français — pour s'enrichir à l'abri de toute menace du dehors et nous — pour nous consolider et travailler à notre réorganisation économique.

---

[1] Того же 19/6 февр. м-во фин. запросило (за № 82) директора Русско-аз. банка Путилова о соображениях „по вопросу о том, в какой мере бр. Маврокордато могут рассчитывать на содействие Русско-азиатского банка и в какой форме это содействие могло бы выразиться".

[2] Царск. экз. Опубл. L. N. II, p. 307—308.

[3] См. № 232.

[4] В L. N. первый абзац опущен; письмо начинается со слов: „Ce que j'apprends...".

Est-ce chimérique? Non! Tout cela est du domaine des possibilités, je dirais nécessités pratiques, et cela n'arrive pas et n'arrivera peut-être jamais, parce que la mentalité bizarre des radicaux qui ne veulent conserver du passé que quelques préjugés surannés et caducs, s'y oppose.

Pour serrer la question de plus près, que ferons-nous si les Turcs occupent les îles Ioniennes et que, comme il est certain, la Triplice refuse de recourir à des moyens de coercition. Les laisserons-nous faire, au risque d'une nouvelle guerre balcanique, dans laquelle la Serbie sera forcément entraînée et très probablement l'Autriche à sa suite. Vous savez très bien ce que cela voudrait dire pour l'Europe et pour nous en particulier. Que l'Angleterre le veuille ou non, elle devra bien marcher et cela peut-être à un moment où elle n'en aura aucune envie et qui ne lui sera pas favorable. Se sentir les plus forts et s'effacer devant un adversaire dont la supériorité ne consiste qu'en son organisation et sa discipline, est une chose non seulement humiliante, mais dangereuse par suite de la démoralisation qui en est la conséquence.

Je vous dis là des choses que vous savez aussi bien que moi, mais au moment actuel je n'ai pas autre chose à vous dire. Remettez si vous le jugez utile et prudent, cette thèse sur le tapis aussi souvent que possible. Je sais bien que c'est une tâche ingrate et difficile, mais la chose en vaut la peine.

[Sazonow.]

Перевод.

К сожалению, у меня нет времени подробно ответить на ваше частное письмо, за которое я вам искренно благодарен.

То, что я узнал от вас по поводу письма Бьюкенена к Никольсону, подтверждено мне полностью самим Бьюкененом, который не делает из этого тайны. Насколько я могу судить, он совершенно разделяет то уныние, которое на меня наводит колеблющаяся и бледная политика английского кабинета, и, еще более того, сознание чрезвычайной трудности, если только не полной невозможности, уменьшить опасность положения, придав нашим отношениям с Лондоном более широкий размах и более твердое основание. Радикальное министерство страдает наследственным пороком—болезнью гомруля и многих других не менее опасных утопий—и хочет излечиться от этого, совершенно отказываясь от всякой инициативы в области иностранной политики. С моей точки зрения, эта мысль столь же ложна, как и самый применяемый им метод. Французы разделяют это мнение, а некоторые англичане—из них мне назвали двух или трех, не считая Бьюкенена—начинают прозревать, но все это для нас ни к чему не ведет ввиду странного ослепления Грея, ибо ведь надо же признаться, что всеобщий мир будет обеспечен только тогда, когда Тройственное согласие, реальность которого столь же мало доказана, как и существование морского

змия, превратится в оборонительный союз без вскяих секретных пунктов и обнародованный во всех газетах мира. В этот день опасность германской гегемонии будет окончательно устранена, и каждый из нас сможет спокойно заняться своими делами: англичане—поисками разрешения поглощающих их социальных проблем, французы—обогащением, свободные от опасности какой-либо внешней угрозы, мы—сплочением наших сил и работой над нашей экономической реорганизацией.

Является ли это химерой? Нет! Все это относится к сфере возможного и, я сказал бы, практически необходимого, а между тем это не достигается и, может быть, никогда не будет достигнуто, потому что этому противодействует странное умонастроение радикалов, которые не желают сохранять из прошлого ничего, кроме некоторых устаревших и отживших предрассудков.

Обращаясь к более близким вопросам,—что мы будем делать, если турки займут Ионические острова и если Тройственный союз—это не подлежит сомнению—откажется прибегнуть к мерам принуждения? Предоставим ли мы им свободу действий, рискуя вызвать новую балканскую войну, в которую будет неизбежно втянута Сербия, а вслед за ней, весьма вероятно, и Австрия. Вы очень хорошо знаете, что это значило бы для Европы и, в частности, для нас. Пожелает ли этого Англия или нет, она должна будет выступить, и это может случиться в такой момент, когда она не будет иметь к тому никакого желания и который не окажется для нее благоприятным. Чувствовать себя сильнейшим и стушеваться перед противником, превосходство которого заключается только в его организованности и дисциплине, это не только унизительно, но и опасно, вследствие деморализации, которая проистекает отсюда.

Я говорю вам о вещах, которые вам известны так же хорошо, как и мне, но в настоящий моомент мне нечего вам больше сказать. Выдвигайте этот вопрос, если вы сочтете это полезным и благоразумным, возможно чаще. Я хорошо знаю, что это задача неблагодарная и трудная, но над ней стоит потрудиться.

[Сазонов.]

№ 290. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 41. 19/6 февраля 1914 г.

Copie Paris.

№ 1.—Nous nous sommes réunis ce matin chez Grey, l'ambassadeur de France et moi. Nous sommes tombés d'accord sur nécessité d'internationaliser Banque Albanaise à parts égales, et que prêt de 10 millions fait par Autriche et Italie étant avancé sur emprunt, pour lequel garantie des Puissances est nécessaire, ce prêt tombe sous le contrôle de la Commission. Nous sommes tombés d'accord qu'après entrée en fonctions du prince, attributions et compétence de la Commission resteraient en force telles que définies par réunion des ambassadeurs, mais que pouvoirs spéciaux provisoires accordés par la Commission après la retraite de Kémal et Essad devraient cesser pour revenir au gouvernement du prince. Sur la proposition de Cambon nous nous sommes entretenus des réponses de la Turquie et de la

Grèce à notification. Celle de la Turquie [1] contient des réserves et n'implique pas la reconnaissance de Chio et de Mytilène à la Grèce. Celle de la Grèce [2] n'est pas encore parvenue aux Puissances. Il est probable qu'elle réclamera des garanties avant d'évacuer l'Epire. L'avis de Grey que nous partageons serait d'attendre des propositions de la Triplice au sujet de ces garanties. Autriche, Allemagne et Italie ont ajourné jusqu'à l'arrivée des réponses à nos notifications l'examen des moyens de faire respecter les décisions des Puissances. Une fois la réponse de la Grèce reçue, elles ne pourraient plus se dérober à cet examen.

Benckendorff.

Перевод.

Копия Париж.

№ 1.—Мы собрались сегодня утром у Грея, французский посол и я. Мы пришли к соглашению о необходимости произвести интернационализацию Албанского банка в равных долях и о том, что данная Австрией и Италией ссуда в 10 млн., авансированная в счет займа, для которого необходима гарантия держав, подпадает под контроль комиссии. Мы пришли к соглашению, что по вступлении князя в отправление своих обязанностей права и компетенция комиссии остаются такими же, как они были определены совещанием послов, но что временные особые полномочия, предоставленные комиссии после отставки Кемаля и Эсада, должны утратить свою силу и перейти к правительству князя. Согласно предложению Камбона, мы обсудили ответы Турции и Греции на ноты. Ответ Турции содержит недомолвки и не заключает в себе признания Хиоса и Митилены за Грецией. Ответ Греции еще не получен державами. Вероятно, она потребует гарантий ранее, чем предпринять эвакуацию Эпира. По мнению Грея, которое мы разделяем, следует выждать предложений Тройственного союза по поводу этих гарантий. Австрия, Германия и Италия отложили рассмотрение способов заставить уважать решения держав до получения ответов на наши ноты. Когда ответ Греции будет получен, они не смогут более уклониться от такого рассмотрения.

Бенкендорф.

№ 291. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо [3]. 19/6 февраля 1914 г.

Вчера вечером я получил из дворца извещение, что король приглашает меня на следующее утро присутствовать в дворцовой церкви на панихиде по случаю годового дня кончины его императорского высочества великого князя Владимира Александровича.

На панихиде присутствовали, кроме короля, королева, оба принца и двор. Король и принцы были в русских мундирах. После окончания богослужения их величества довольно долго беседовали

---

[1] См. стр. 330, прим. 1.

[2] См. стр. 396, прим. 1.

[3] Лит. копия.

со мною в церкви, а затем король пригласил меня к себе и имел со мною двухчасовой разговор, часть которого о Самофракии я счел долгом передать [вашему] высокопревосходительству тотчас же, телеграммой за № 35[1].

Король начал с того, что во время торжественной аудиенции он не успел мне передать и половины того, что у него на душе, а вместе с тем, и от меня он хочет слышать об очень многих вещах, которые за недостатком времени остались недосказанными.

„Dites-moi franchement de quoi m'accuse-t-on? qu'est-ce qu'on me reproche? Sa majesté l'empereur est fâché de mon télégramme?—mais j'ai cru bien faire en soumettant ma premièıe rédaction à Nekludoff qui de sa propre main a intercalé tout ce passage qui a été acclamé à l'unanimité par le Conseil des ministres, mais qui m'a valu la désapprobation de sa majesté. — On me reproche mes séjours dans mes terres et châteaux en Autriche; lorsque je vais voir à Vienne le vieil empereur on me soupçonne de double jeu; on ne veut pas admettre qu'après 24 mois d'emprisonnement à Sofia j'ai besoin de respirer l'air frais de la montagne, de fortifier un peu mes nerfs surmenés“[2].

---

[1] Тел. от 18/5 февр. за № 35 Савинский передавал просьбу царя Фердинанда „оказать ему личное одолжение,—дать ему маленькое удовлетворение самолюбия“. „В уступке Греции острова [Самофракии], лежащего так близко от Дедеагача, он видит, с одной стороны, постоянную угрозу Болгарии, а с другой—намеренное пренебрежение Европы к его личным пожеланиям о Самофракии, высказанным в свое время перед державами“; он просит о „нравственном“ удовлетворении, понимая, что фактически вопрос решен; он просит, чтобы Сазонов в той или иной форме высказал сожаление о том, что „справедливое пожелание“ царя „осталось безрезультатным“. Савинский добавляет, что подобное выступление Сазонова облегчило бы ему в дальнейшем „воздействие на короля“ и доказало бы болгарскому народу „неизменность наших симпатий к нему“. На этой тел. имеется помета Николая II: „Верно“ (Царское Село, 20/7 февр. 1914 г.). В тел. от 22/9 февр. за № 318 Сазонов ответил на просьбу Фердинанда отказом, отметив, что росс. прав-во и раньше указывало Болгарии на то что считает „неудобными“ „выступления, заранее обреченные на неудачу“. Болгары, возбуждая эту просьбу, хотят лишь „сделать лишнюю неприятность Греции за наш счет, и нам не следует поддаваться таким расчетам“.

[2] „Скажите откровенно, в чем меня обвиняют, в чем меня упрекают? Его величество разгневан моей телеграммой, но я полагал, что хорошо поступаю, передавая телеграмму в моей первой редакции Неклюдову, собственноручно вставившему весь абзац, который был единодушно одобрен советом министров, но благодаря которому я получил неодобрение его величества. Меня упрекают за то, что я провожу время в моих поместьях и замках в Австрии; когда я навещаю в Вене престарелого императора, меня подозревают в двойной игре; не хотят признавать того, что после 2-летнего безвыездного пребывания в Софии я нуждаюсь в свежем горном воздухе и в укреплении моих расшатанных нервов“.

Было бы долго приводить все то, что король, со свойственной ему легкостью слова, изливал мне в течение получаса. Выслушав его внимательно и оговорившись, что я воспользуюсь его разрешением говорить все откровенно, я ответил королю, что телеграмма его действительно и рассердила и огорчила его величество. В своих постоянных заботах о славянах вообще и о болгарах, в частности, государь император не мог допустить мысли о возможности братоубийственной войны. Прибегая к столь крайнему, исключительному средству, как личная телеграмма, государь император исполнил тяжелый, лежащий на его совести долг, а не искал той корысти, которой искали и ищут часто другие. Вот почему действительно для его величества ослушание его воли было гораздо более чувствительно, чем если бы речь шла о каком-либо заурядном неудавшемся политическом шаге. „Когда я видел государя императора в Царском Селе пред отъездом,—сказал я,—я мог лично убедиться, как его величеству было больно, что ослушание вашего величества имело такие ужасные последствия к радости Австрии, натолкнувшей Болгарию на Сербию с целью загресть жар ее руками". Здесь король перебил меня, утверждая, что Австрия решительно не толкала Болгарию, которая сама вся была воинственно настроена и не могла больше переносить вызовы Сербии. „Допустим даже это,—продолжал я,—но никак нельзя отрицать той радости, которую испытала Австрия при виде разрушения славянского союза. Безумный шаг Болгарии не мог быть извинен и не будет никогда извинен историей, но в минуту его совершения можно было бы в крайнем случае найти ему объяснение в том опьянении, котороее охватило страну и ее правителей после всех предыдущих успехов. Но что же мы видим далее?—Разбитая несчастная Болгария обращается к врагу славянства, Австрии: три министра—Радославов, Тончев, Геннадиев, из которых двое и теперь у власти, пишут на имя вашего величества письмо, в котором открыто советуют вашему величеству обратиться к Австрии. Вместо того, чтобы отвергнуть с негодованием этот противоестественный совет, ваше величество сохраняете этих людей у власти и хотите, чтобы это все не произвело в России удручающего впечатления".

На это замечание король стал говорить с ненавистью, выбирая самые сильные эпитеты, о тех лицах, которые слывут здесь друзьями России; особенно доставалось Тодорову, не пощадил он и Малинова, хотя и оговорился, что лично относится к нему хорошо. „Все эти люди хотят свергнуть меня с престола, они открыто

проповедуют республику, они враги всякого порядка, которого и без того теперь в Болгарии нет: посмотрите, в каком состоянии теперь наше офицерство, наша армия; если Россия хочет внутренних потрясений в Болгарии, если она действительно хочет моего удаления, пусть она поддерживает этих врагов отечества, рядом с которыми есть люди такой политической честности, как старик Радославов, который неприятен своим личным характером, но человек безусловно преданный, человек порядка и дисциплины. Если выборы дали бы большинство теперешней оппозиции, то это было бы для меня и для моей династии сигналом к уходу. Хочет ли этого государь император? Хотят ли этого в России?"

Мне, конечно, не стоило никакого труда доказать королю, что его страхи и рассуждения преувеличены, что государь император мне лично изволил говорить, что, хотя бы во имя одного монархического принципа, он не может сочувствовать мысли о государственном перевороте в Болгарии, а что нынешнее правительство действительно и весьма основательно не внушает нам никакого доверия ни своей политической ориентировкой, ни нравственными качествами своих отдельных членов. Что согласно тому, что я говорил при первом свидании с королем, я решил, с одной стороны, не вмешиваться в борьбу партий, считая, что Россия и ее представитель должны стоять выше этого; для России может существовать только Болгария и болгарский народ, как нечто целое и родное, а его политические дрязги с совершенно несоразмерным с населением числом политических партий и 20 издающимися в одной Софии газетами до России не должны восходить; но с другой стороны, я решил—и привожу свое решение в исполнение— видеть представителей всех партий и выслушивать и знать все мнения; с одинаковым вниманием я слушал на-днях как Геннадиева, так и Тодорова и Малинова[1], „и я положительно отрицаю, что

---

[1] О взаимоотношениях Савинского с Малиновым см. №№ 259 и 266. О беседе с Тодоровым Савинский сообщал в письме от 17/4 февр. 1914 г. По его словам, Тодоров выражал уверенность, что в скором времени оппозиция снова станет у власти. „Его тревога вызывается тем, — писал Савинский, — что ныне стоящие у власти австрофилы, лишившись своих портфелей . . , воспользуются одним из многочисленных, всегда возможных поводов, чтобы создать для Турции предлог напасть на Болгарию и отобрать у нее вновь отошедшие к ней земли с Дедеагачем. На это, по мнению г. Тодорова, Турцию будут толкать по просьбе болгарских австрофилов и Германия и Австрия". Далее Тодоров, перейдя к отношениям с Сербией, сказал, что „сближение двух соседей,—это тот объектив, к которому должны стремиться усилия обоих правительств". Мечтать о пересмотре Бухарестского договора Болгария не может, но Сербия должна пойти навстречу интересам болгарского населения сербской Македонии

в лице последних ваше величество имеете врагов себе и династии. Они—люди слишком разумные, чтобы могли желать для столь мало политически зрелой страны, как Болгария, республиканского строя. При том влиянии, которое ваше величество имеете на ход политических дел страны, я считал бы, что в случае, если правительство потерпит на выборах неудачу, вашему величеству следовало бы, не колеблясь, призвать ко власти оппозицию и постараться составить коалиционный кабинет".

Когда в ответ на это король вскрикнул, что он лучше уйдет со своей семьей, чем допустит к себе этих негодяев, я взял на себя сказать королю то, что позволил себе изложить в письме вашему высокопревосходительству от [18] 5 сего февраля[1], т. е. что королю лучше знать, кому нужно вручить власть, хотя не считаться с мнением России ему нельзя, но что если среди членов нового кабинета и будут лица, не внушающие нам полного доверия, то „я берусь лично все-таки с ними работать и сговориться, ибо глубоко убежден, что руссофобов в Болгарии нет и быть не может. Тем, кто взял эту кличку, она была нужна, как замена той, которую носила партия Данева, оказавшего как своим поведением в Лондоне, так и здесь перед [29] 16 июня плохую услугу русско-болгарскому делу[2]. На основании всего прошлого и настоящего мне нетрудно будет убедить всякого честного патриота, что единственное спасение Болгарии—в единении с Россией, с которою ее связывают и чувства и реальные интересы: что хорошо России, не может быть ни вредно, ни плохо Болгарии, и наоборот, но только, конечно, Болгария не должна ни на минуту упускать из виду,—а это она, к сожалению, часто делала,—что у России есть свои политические задачи и стремления, которые, конечно, для России идут в первую голову".

Король слушал меня внимательно и сказал:

Тогда Болгария „могла бы остановить четничество". „Что готовит будущее, более или менее отдаленное,—сказал, наконец, Тодоров,—нам неизвестно, но на тот момент, когда Сербия может стать 12-миллионным славянским государством, у нас не должна быть окончательно утрачена надежда объединить с Болгарией Македонию". „Я был очень рад,—пишет Савинский,—слышать эти слова", ибо „насколько невозможно мне проповедывать мысли об объединении славянских сербских земель, настолько выгодно, чтобы эти мысли существовали у болгар и у сербов, которым на этой почве будет легче сговориться без нарушения установленного последним договором порядка".

[1] См. стр. 472, прим. 2.

[2] В деп. от 18/5 февр. (см. пред. прим.) Савинский между прочим писал про Данева, „что этот политический деятель окончательно выдохся".

„Mon ami, croyez-moi que personne n'a et ne peut avoir confiance en Autriche; l'empereur d'Allemagne me déteste personnellement, outre cela depuis que sa soeur est devenue reine, il est tout entier pour les Grecs, mais avec l'empereur Guillaume on peut s'entendre, tandis qu'avec l'Autriche — non, du reste vous en avez des preuves vous-même. Croyez moi que personne ne pense ici à l'Autriche" [1].

На это я ответил, что был бы готов и рад верить этим словам, тем более что считаю это только логичным и естественным, но, к сожалению, все факты доказывают противное, „и пока ваше величество не дадите мне неоспоримого, осязательного подтверждения ваших слов, до тех пор я буду считать лишним даже доводить слышанное до сведения императорского правительства. Россия, несмотря на все случившееся, не отказывает вам и Болгарии ни в помощи, ни в симпатии, но ей слов мало, ей нужны неопровержимые фактические доказательства".

Возвращаясь к истории пережитого лета, король обвинял наших представителей в Константинополе и Бухаресте за то, что они толкали: первый—турок на Адрианополь, а второй—румын на Софию. Мне, конечно, не стоило труда разбить эти утверждения, а когда я рассказывал королю роль, которую, по приказанию, конечно, министерства, играл Шебеко в остановке румынских войск, шедших на Софию (категорическая телеграмма короля Карла принцу Фердинанду, отправленная по настоянию нашего посланника, с угрозою отрешить принца от командования), то король прибавил с особым ударением:

„Je ne le savais pas, j'entends cela pour la première fois et je suis très heureux de l'apprendre et surtout par vous" [2].

Далее король с благодарностью отметил старания России сохранить за Болгарией Каваллу, но с особой горечью и личной обидой говорил об объявленной накануне уступке Самофракии Греции.

Король так настойчиво убеждал меня просить вас дать ему хотя маленькое и на этот раз совершенно платоническое удовлетворение его попранному личному самолюбию, что, сознавая всю

---

[1] „Друг мой, верьте мне, что никто не доверяет и не может доверять Австрии; император германский ненавидит меня; кроме того, с тех пор как его сестра стала королевой, он всецело на стороне греков; но с императором Вильгельмом еще можно сговориться, тогда как с Австрией невозможно; наконец, у вас у самого есть тому доказательства. Верьте мне, что здесь никто и не помышляет об Австрии".

[2] „Я этого не знал, слышу об этом в первый раз и очень счастлив узнать об этом, в особенности от вас".

трудность, чтобы не сказать невозможность, исполнения его просьбы, я не мог ему отказать в передаче вам его желания, что я и сделал телеграммою № 35.

Желая сделать практические выводы из переданного выше разговора, я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что король чувствует, что австрофильское настроение, охватившее политические круги после войны, сильно слабеет, и все симпатии и надежды возвращаются к России. Сам он, да и его советники сознают, что им без России не обойтись, и если бы не действительный страх за престол и собственную личность, король с легким сердцем расстался бы с теперешним правительством. Но люди, стоящие теперь у власти, известные своей неразборчивостью в выборе средств действия и решившие во что бы то ни стало спасти себя от суда и его последствий, настолько сильно и ловко взялись за короля, что он прямо боится их отпустить, и это, может быть, потому, что среди лиц оппозиции, по его мнению, нет особенно сильных характеров. Но из слов короля, сказанных по поводу его личных отношений с Малиновым, ясно, что он оставляет себе лазейку и, предвидя возможность неудачи для правительства выборов, он и не думает об уходе, а когда придет момент, поручит составление кабинета тому из лиц оппозиционных партий, которое внушает ему наибольше доверия. Если это будет Малинов,—тем лучше.

А. Савинский.

№ 292. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 16. 19/6 февраля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Немедленно по получении переданной старшиною здешнего дипломатического корпуса, австро-венгерским послом, коллективной ноты по вопросу об островах[1] оттоманский совет министров собрался в чрезвычайное заседание для обсуждения ответа Порты на вышеупомянутую ноту.

По этому поводу мнения в совете разделились. Часть министров во главе с великим визирем склонялась к немедленному ответу, тогда как Джемаль и Энвер паши и министр народного просвещения Шукри-бей стояли за оставление ноты совершенно без

[1] Опубл. (в нем. пер.) в Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, J. 1914, S. 858.

ответа. Что касается Талаат-бея, то он своего мнения не высказал, но настоял лишь на отсрочке решения, чтобы тем временем передать вопрос на обсуждение комитета партии „Единения и прогресса“ и запросить мнение последнего.

Как посольству сообщают из известного вашему высокопревосходительству источника, в совещании комитета, имевшем место в тот же день, вопрос о том, следует ли или нет отвечать на коллективную ноту держав, вызвал весьма оживленные и горячие прения. Последним положил конец Талаат-бей, заявив, что лично он склонялся сперва к мнению Джемаля и Энвера пашей, чтобы оставить вопрос нерешенным. Но ввиду полученных в самое последнее время телеграмм от Хакки-паши и Джавид-бея он приходит к заключению о необходимости ответить державам в духе, не оставляющем никакого сомнения в миролюбивом настроении Турции.

Хакки-паша указывал, что малейший неосторожный шаг оттоманского правительства может окончательно уничтожить то более благоприятное отношение к Турции, которое за последнее время начинает проявляться в общественном мнении и в прессе Европы. Со своей стороны Джавид-бей настаивал на необходимости избегать всего того, что может так или иначе невыгодно отразиться на ходе его переговоров, переживающих ныне наиболее критический фазис.

Ввиду этих известий комитет высказался за необходимость немедленного ответа. При этом председатель собрания Мидхад-Шукри указал на то, что Турция до последней минуты надеялась на решение державами вопроса об островах в ее пользу. Если правительство ныне примет решение держав беспрекословно, то оно рискует окончательно потерять себя в глазах народа. Поэтому, по его мнению, следует наряду с ответом державам в предложенном Талаат-беем смысле обратиться к правительствам, наиболее благорасположенным к Турции, особенно к Англии, которая не раз высказывалась за неприкосновенность Оттоманской империи и за сохранение за последней ее анатолийских владений. Равным образом оттоманский посланник в Афинах должен обратить внимание греческого правительства на выгоды для Греции от непосредственного урегулирования вопроса об островах с Турцией. Галиб-Кемаль должен дать понять, что Турция не питает никакого враждебного чувства к Греции и, в случае проявления таковых со стороны Болгарии, она будет строго соблюдать нейтралитет.

Это предложение было единогласно принято комитетом.

Примите и пр. К. Гулькевич.

№ 293. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁷/. Телеграмма № 304. 20/7 февраля 1914 г.

Сообщается в Берлин.

Получите с курьером письмо № 99[1].

В вопросе о преобразовании Совета оттоманского долга Франция настаивает на сохранении председательствования в настоящем виде, Германия же требует, в случае вступления русского делегата, допущения второго германского представителя с правом председательствования наравне с французским и английским делегатами.

Нам представлялось бы возможным примирить эти точки зрения посредством введения второго германского представителя, при условии сохранения настоящего порядка председательствования. Усиление германского представительства должно бы в глазах Франции быть возмещено введением русского делегата.

Полагаем, что принятие этого компромисса весьма желательно ввиду необходимости решить безотлагательно вопрос о Совете долга, могущий задержать завершение переговоров держав с Турцией по другим вопросам.

Благоволите переговорить в этом смысле с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 294. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

⁷/. Депеша № 12. 20/7 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Несколько дней тому назад в газетах появилось известие о том, что китайское правительство предоставило Standard Oil Company в Нью-Йорке концессию на разработку нефти в провинции Шэнси и других пунктах Северного Китая.

Я воспользовался первым моим свиданием с посланником Северо-американских Соединенных Штатов в Пекине, чтобы выяснить у него подробности этой концессии. По словам г. Рейнша, газетные сведения не совсем точны, так как названная компания получила не право разработки нефти, а лишь пока разрешение на образование сино-американской компании для производства исследований нефтяных богатств. Договор о сем подписан 28 января/10 февраля сего года представителем американского общества г. Эверелем, с

[1] См. № 287.

одной стороны, и председателем совета министров Сюн Си-лином, министрами путей сообщения, внутренних дел и торговли—с другой. В силу этого контракта 55% всех выпускаемых для финансирования предприятия акций остаются у Standard Oil Company, 37,5% предоставляются китайскому правительству, которое имеет также право, если пожелает, дополнительно получить и остальные 7,5% акций. В противном случае они остаются в портфеле компании. Что же касается размеров акционерного капитала новой компании, который, как меня уверяют, достигает 100 млн. долларов, а равно и того, не получит ли китайское правительство наличными деньгами причитающуюся ему часть вместо установленного количества акций, посланник отозвался неведением этой стороны дела.

На мой вопрос о местностях, намеченных для концессии, г. Рейнш мне ответил, что дело пока касается трех пунктов, где известно, что есть нефтяные нахождения, а именно, в местечках Иен-ан-фу и Иен-чан в провинции Шэнси по реке Иен-шуй и в местечке Цзянь-чань в северо-восточной части Чжилийской провинции к востоку от Же-хэ.

Нет сомнения, что заключенный контракт имеет серьезное значение для тех государств, где развита нефтепромышленность и которые ввозили на местный рынок керосин, так как с разработкой Standard Oil Company нефтяных богатств в самом Китае торговля нефтяными продуктами перейдет всецело в ее руки; ею же будут снабжаться все порты Китая, и от нее будет зависеть вопрос об установлении цен на нефть и керосин.

В этом вопросе весьма заинтересованы японцы, которые сами рассчитывали получить право на разработку нефти в Цзянь-чане, так как через этот пункт, между прочим, должна пройти проектируемая железнодорожная линия на соединение Южно-манчжурской железной дороги с Же-хэ.

Как я мог заметить из разговора по этому поводу с японским посланником, он весьма недоволен получением американской компанией означенной концессии. До формального протеста со стороны японской миссии дело однако, вероятно, не дойдет, так как для такового трудно было бы найти достаточные основания. Но японцы, конечно, не скроют от китайского правительства своего взгляда на это дело и дадут ему почувствовать свое неудовольствие.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

№ 295. Журнал особого совещания [1].

21/8 февраля 1914 г.

Председательствовал министр иностранных дел гофмейстер Сазонов.

Участвовали: морской министр генерал-адъютант Григорович,

начальник генерального штаба генерал-от-кавалерии Жилинский,

императорский посол в Константинополе гофмейстер Гирс,

товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов,

генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-лейтенант Данилов,

второй обер-квартирмейстер генерального штаба генерал-майор Аверьянов,

временно исполняющий обязанности начальника морского генерального штаба капитан I ранга Ненюков,

начальник Ближне-восточного отдела министерства иностранных дел в звании камергера князь Трубецкой,

начальник Второй оперативной части морского генерального штаба капитан II ранга Немитц.

Присутствовали и составляли журнал особого совещания:

помощник начальника Ближне-восточного отдела министерства иностранных дел в звании камергера Бюцов

и вице-директор канцелярии министерства иностранных дел в звании камергера Базили.

По открытии заседания, министр иностранных дел напоминает членам совещания, что в известной им всеподданнейшей записке его, поданной в минувшем ноябре [2], он почел долгом повергнуть на высочайшее благовоззрение соображения о том, что, в связи с изменением политической обстановки, нельзя не предусмотреть возможности наступления, быть может, даже в близком будущем, событий, которые коренным образом изменят международное положение константинопольских проливов, и что поэтому необходимо безотлагательно, при сотрудничестве соответствующих ведомств, приступить к выработке всесторонней программы действий, направленной к обеспечению благоприятного нам разрешения исторического

---

[1] Лит. копия. На копии имеется следующая надпись: „На подлиннике его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Всецело одобряю заключение совещания". Царское Село, [5 апреля] 23 марта 1914 г.". Опубл. „Вестник НКИД", 1919 г., № 1.

[2] Докладная записка Сазонова Николаю II от 6 дек./23 ноября 1913 г., опубл. L. N., II, p. 363.

вопроса о проливах. С. Д. Сазонов сообщает затем, что государю императору благоугодно было всемилостивейше одобрить изложенные в вышеуказанной записке соображения и разрешить подвергнуть их обсуждению особого совещания. Ввиду этого министр обратился к военному и морскому ведомствам, как наиболее близко прикосновенным к затронутым в этой записке вопросам, с просьбой принять участие в их рассмотрении для нового доклада его императорскому величеству. Пользуясь пребыванием в С.-Петербурге императорского посла в Константинополе, министр иностранных дел пригласил и его к участию в обмене мнений.

Заметив, что в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется маловероятным, министр иностранных дел заявляет, что нельзя однако поручиться за сохранение даже в недалеком будущем существующего положения вещей на Ближнем Востоке. По этому поводу С. Д. Сазонов высказывает твердое убеждение, что если в силу событий проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и Дарданеллах. Заметив, что успех этой операции в значительной степени зависит от скорости ее выполнения, министр указывает на необходимость предусмотреть для разрешения задачи, помимо действий морских сил, еще и десантную операцию. Обращаясь к участникам совещания, С. Д. Сазонов просит их выяснить, что уже сделано и что может и должно еще быть сделано для подготовки возможного нашего выступления на проливах. Министр предлагает при этом последовательно остановиться на следующих вопросах, соответственно намеченным в его всеподданнейшей записке пяти пунктам:

1) меры по ускорению мобилизации достаточно численного десантного корпуса;

2) меры по оборудованию потребных для сего путей сообщения;

3) меры по увеличению наших транспортных средств до размеров, отвечающих потребностям десантной операции;

4) меры по приведению Черноморского флота в положение, при коем он превосходил бы силы оттоманского флота и мог бы, совместно с армией, выполнить задачу прорыва через проливы для их временного или постоянного занятия, если это потребуется;

5) вопрос об осуществлении так называемой перевальной железной дороги на Кавказе, который не может быть отделен от

других мер по усилению средств обороны в бассейне Черного моря и на границах Турции.

Десантная армия, ее состав и ее мобилизация.

1. По предложению министра иностранных дел, совещание обращается к обсуждению вопроса о десантной армии, ее составе и ее мобилизации.

Начальник генерального штаба прежде всего указывает, что для завладения проливами необходимо довольно значительное число войск, которое определится в зависимости от политической и стратегической обстановки операции. Обращаясь к тому, какие части могут быть использованы для десантной операции, генерал-от-кавалерии Жилинский заявляет, что для нее намечены расположенные всего ближе к ее объекту, именно в районе Севастополя и Одессы, 7-й и 8-й корпуса. К ним, вероятно, придется для закрепления операции прибавить еще два корпуса из внутренних округов. Начальник генерального штаба указывает затем, что первый эшелон десантной армии, имеющий высадиться одновременно, должен обнимать не меньше одного корпуса, т. е. от 30 до 50 тыс. человек, так как меньшее количество войск может быть легко подавлено. Я. Г. Жилинский оговаривается при этом, что, ввиду большой трудности десантной операции, первый эшелон войск можно ограничить одним корпусом лишь при особо благоприятных обстоятельствах, когда нельзя ожидать большого сопротивления. Первый отряд десантной армии предполагается составить в виде сводного корпуса из головных частей 7-го и 8-го корпусов, а именно из расположенной в Севастополе и Симферополе 13-й дивизии и расположенных в Одессе 15-й дивизии и 4-й стрелковой бригады. Сославшись на упомянутую им связь между численностью, потребной для завладения проливами армии и политической и стратегической обстановкой этой операции, начальник генерального штаба останавливается на вопросе о возможных противниках наших в этом деле. Таковыми прежде всего явятся турки. Они располагают в настоящее время под Константинополем 7 корпусами. Согласно новому плану Энвер-паши, осуществление коего, впрочем, весьма гадательно, они предполагают оставить на европейском берегу проливов три корпуса.

По этому поводу министр иностранных дел замечает, что против нашей операции захвата проливов могут еще выступить Греция или Болгария. Но, в силу их исторической вражды и взаимного противоречия интересов, есть много шансов, что если одно из этих государств окажется нашим противником, то другое станет

на нашу сторону, и что они, таким образом, будут парализовать друг друга.

На вопрос, не можем ли мы рассчитывать в таком случае на поддержку Сербии, С. Д. Сазонов отвечает, что нельзя предполагать, чтобы наши действия против проливов происходили без общеевропейской войны, и что надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои силы против Австро-Венгрии.

Начальник генерального штаба отмечает все значение для нас сербского выступления против Австро-Венгрии в случае нашего вооруженного столкновения с последней. По имеющимся у нас сведениям, Австро-Венгрия должна будет назначить четыре или пять корпусов на борьбу с Сербией. Генерал Жилинский обращает затем внимание на важность для нас в военном отношении того положения, которое займет Румыния в случае общеевропейской войны.

С. Д. Сазонов отвечает, что Румыния, хотя и не вошла формально в Тройственный союз, но, несомненно, заключила направленное против нас военное соглашение с Австрией. Это со своей стороны подтверждает близко знакомый по своей прежней службе с Румынией императорский посол в Константинополе. Наблюдаемый ныне благоприятный поворот в румынской политике и общественном мнении позволяет однако, по мнению министра иностранных дел, до некоторой степени сомневаться в том, выступит ли действительно Румыния против нас в случае нашей войны с Австрией, но положительных оснований на это рассчитывать у нас не имеется. Возвращаясь к вопросу о возможных наших противниках на проливах, С. Д. Сазонов указывает, что в случае нашего столкновения с Тройственным союзом Германия и Австрия никаких войск в направлении к проливам не пошлют, и что лишь в худшем случае Италия может выслать туда десантный отряд, хотя ей опасно будет оголять свою границу с Францией.

Сославшись на сказанное министром иностранных дел относительно общей обстановки, при которой можно ожидать разрешения вопроса о проливах, начальник генерального штаба со своей стороны высказывает убеждение, что борьба за Константинополь вряд ли возможна без общеевропейской войны. Ввиду этого генерал-от-кавалерии Жилинский считает долгом подчеркнуть, что трата войск на экспедицию против проливов и даже самая возможность этой операции зависят от общей конъюктуры начала войны. Намеченные для этой экспедиции южные корпуса могут быть, по словам Я. Г. Жилинского, двинуты на Константинополь лишь при

отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае войска эти должны будут быть направлены на западную границу, ибо успешная борьба на западной границе решит благоприятно и вопрос о проливах. Так как по плану войны, составленному на случай борьбы на западном фронте, все войска из внутренних округов должны будут войти в состав действующих на нем армий, то, к сожалению, не представляется возможным заменить на этом фронте намеченные для десантной операции южные корпуса другими частями изнутри империи, дабы корпуса эти могли при всяких обстоятельствах быть отправленными в Константинополь. На вопрос министра иностранных дел, не изменится ли в этом отношении положение с проводимым ныне увеличением нашей армии, начальник генерального штаба отвечает, что это усиление выражается только в двух корпусах, образуемых в 1915 и 1916 гг. Корпуса эти будут расположены на нашей западной границе и лишь компенсируют недавние увеличения германской и австрийской армий. Помимо сего, сформирование только двух новых корпусов, очевидно, не может уравновесить посылки на Константинополь четырех корпусов, как того может потребовать такая экспедиция.

Из слов начальника генерального штаба императорский посол в Константинополе выводит заключение, что, если с начала войны произойдут операции на западном нашем фронте, то нельзя быть уверенным, окажется ли для операции завладения проливами необходимая десантная армия, и сможет ли, следовательно, сама эта экспедиция быть осуществлена, когда для нее наступит час. Подчеркнув желательность специально предназначить для десантной операции потребные войска, с тем чтобы они не могли быть отклонены от этой задачи и использованы для другой цели, М. Н. Гирс в виде предположения высказывает мысль, что, быть может, для операции против Константинополя можно было бы назначить расположенные на Кавказе корпуса. В пользу такой постановки императорский посол в Константинополе приводит то соображение, что, в случае анархии в Константинополе, не будет борьбы на нашей турецкой границе, и наши кавказские корпуса окажутся свободными.

Генерал-от-кавалерии Жилинский не считает высказанную М. Н. Гирсом мысль приемлемой ввиду того, что экспедиция на Константинополь, по предположениям военного ведомства, не может нас избавить от войны на кавказской границе. Большая часть турецких сил расположена в Малой Азии. По плану Энвер-паши в

европейской части Турции предполагается оставить лишь три корпуса. В случае десантной операции на проливах нашей задачей должно быть не допустить сосредоточения остальных корпусов у Константинополя и оттянуть их к кавказской границе. Наши три кавказских корпуса должны быть поэтому мобилизованы как только будет приступлено к выполнению десантной экспедиции.

Генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-лейтенант Данилов добавляет к изложенному, что предназначить расположенные на Кавказе войска для десантной операции против проливов невозможно, по его мнению, также и потому, что мобилизация на Кавказе, в силу местных условий, весьма медленна. Железные дороги на Кавказе не имеют достаточной пропускной способности, местного русского населения на месте мало, и части приходится комплектовать запасными из внутренних губерний: мобилизация на Кавказе растягивается по этим причинам не меньше чем на три недели. Генерал-квартирмейстер высказывается затем решительно против возможности предназначения некоторых частей исключительно для экспедиции на Константинополь. По его убеждению, независимо от трудности выполнения задачи по захвату Константинополя, лежащего в глубине Босфора, сколько бы у нас ни было войск,—даже гораздо больше, чем теперь,—мы всегда должны будем предусматривать необходимость направить все наши силы на запад против Германии и Австрии. Только та стратегия хороша, которая является стратегией сильной. Война на западном фронте нашем требует крайнего напряжения всех сил государства, при котором мы не можем игнорировать никакие корпуса, оставляя их для частных задач. Мы должны стремиться к обеспечению успеха на главном театре войны; с победой на этом театре к нам придут благоприятные решения и всех частных вопросов. При борьбе на западном фронте, или в предвидении таковой, отделение для десантной операции на проливах четырех корпусов, по мнению генерала Данилова, надлежит считать недопустимым и невозможным. Обеспечение же Константинополя от захвата третьими державами должно составить особую задачу нашей политики.

С такой постановкой вопроса не соглашается начальник Второй оперативной части морского генерального штаба капитан II ранга Немитц. Вполне признавая правильность тезиса, что надо быть сильным на главном театре против главного противника, жертвуя для этого второстепенными задачами, он присоединился бы к выводам генерал-лейтенанта Данилова, если бы на пути к проливам и Константинополю мы действительно имели бы того же

главного противника как и на западном фронте, т. е. германско-австрийские силы. Тогда, очевидно, единственной задачей было бы разбить германскую и австрийскую армию, после чего, диктуя свою волю в Берлине и Вене, мы получили бы проливы. Но, в действительности, положение представляется, по мнению морского генерального штаба, в ином виде. На пути к проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам проливов и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе. Капитан Немитц считает поэтому, что мы должны именно одновременно с операциями на западном фронте занять военною силою Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых это нам необходимо. Если из состава теперешней нашей армии нельзя выделить для этой задачи необходимого количества войск, то, по мнению капитана Немитца, надлежит сформировать специально для этой цели три новых корпуса. Такая новая жертва на вооружения не может быть признана не по силам России, если этим должно быть обеспечено достижение исторических наших задач.

Отвечая капитану Немитцу, начальник генерального штаба указывает, что мысль его создать еще новые корпуса для константинопольской экспедиции не является ныне осуществимой. Желая точнее установить, после происшедшего обмена мнений, отношение военного ведомства к вопросу о назначении войск для десантной операции на проливах, Я. Г. Жилинский дополняет прежде сказанное им по этому предмету. Проливы, по его убеждению, имеют в глазах всякого русского такое огромное значение, что можно сказать наверное, что при наступлении опасности их перехода из-под турецкой власти в чужие руки мы не сможем отказаться от их захвата и, следовательно, тотчас отправим в Константинополь десантную армию. Надо думать, что произойти это может не иначе, как во время кризиса, который разразится общеевропейской войной. Но война на проливах за Константинополь может предшествовать столкновению на нашем западном фронте. По мнению начальника генерального штаба, очень вероятно, что это так и произойдет. В таком случае, конечно, нельзя и говорить об отклонении намеченных для десантной армии корпусов для этой цели. Об этом может быть речь лишь при иной стратегической конъ-

юнктуре, когда война начнется с операций на германо-австрийской границе и может потребовать сосредоточения всех сил на западном фронте. По составленному на случай операции захвата проливов плану войны, как уже было упомянуто, для этой цели намечены 7-й и 8-й корпуса. Но корпуса эти приняты также в расчет планом войны на западном фронте. Первый из этих корпусов в таком случае должен будет войти в состав армии, действующей против Австрии, а второй намечен для действий против Румынии. Лишь в случае нейтральности последней 8-й корпус может оказаться свободным.

По просьбе министра иностранных дел, начальник генерального штаба освещает затем вопрос о сроке мобилизации намеченных для десантной операции войск. 13-я и 15-я дивизии и 4-я стрелковая бригада, т. е. части, назначенные для формирования первого эшелона десантной армии, содержатся в 60-рядном составе рот, и мобилизация их без артиллерийских парков совершается в 5-дневный срок. Остальные части, входящие в 7-й и 8-й корпуса, имеют пока лишь 48 рядов в ротах и мобилизуются поэтому в 8—9 дней. Столько же времени требуется для мобилизации других двух корпусов, которыми в случае надобности может быть усилена десантная армия. По новому плану усиления нашей армии, все пехотные части будут доведены в ближайшем будущем до 60-рядного состава рот. Срок их мобилизации сократится таким образом до 5—6 дней, так как с увеличением числа рядов в роте суживается район мобилизации. Если бы признано было нужным, возможно привести намеченные для константинопольской экспедиции войска в еще большую готовность доведением их до 84- или даже 100-рядного состава рот. Новый план усиления армии предусматривает введение этой высшей нормы комплектования для известного числа частей, причем военное ведомство может внутренним распоряжением включить те или иные части в это число. Однако такое усиленное комплектование необходимо прежде всего в стоящих на нашей западной границе войсках. Но ввиду того, что первый эшелон намеченных для константинопольской экспедиции десантных войск, т. е. 13-ю и 15-ю дивизии и 4-ю стрелковую бригаду, может оказаться необходимым отправить в возможно краткий срок (например, в случае анархии в Константинополе), то, если последуют на это особые высочайшие указания, возможно будет эти части включить в число войск, имеющих быть доведенными до 84-рядного состава, что сократит срок их мобилизации еще более. Однако к распространению этой меры на две передовые дивизии или на 7-й и 8-й

корпуса полностью Я. Г. Жилинский считал бы возможным прибегнуть лишь в самом крайнем случае, так как подобное усиление этих корпусов могло бы быть произведено лишь за счет расположенных у западной границы войск, возможно большая мощность коих составляет главный предмет забот военного ведомства. Отметив, что все вышесказанное относится только к пехоте, начальник генерального штаба останавливается затем на мобилизации артиллерии. До сего времени в нашей артиллерии существовала в мирное время запряжка только 4 орудий и 2 ящиков в батарее, вследствие чего мобилизация ее растягивалась на 18 дней. Согласно проводимому ныне плану усиления армии, в артиллерии вводится значительное увеличение запряжки. Во всех пограничных округах устанавливается запряжка в мирное время 6 орудий и 12 ящиков; при таком составе артиллерия может выступить уже на 2—3-й день мобилизации. Во внутренних же округах артиллерия будет иметь запряжку 4 орудий и 4 ящиков и будет мобилизоваться в 12—14 дней. Так как Одесский округ относится к внутренним округам, то артиллерия составляющих его 7-го и 8-го корпусов не будет, с проведением реформы, приведена в значительно более благоприятное, чем ныне, состояние в смысле скорости ее мобилизации. Если бы поэтому признано было нужным держать ее в большей боевой готовности, то возможно было бы, если на то последуют высочайшие указания, ввести в артиллерию Одесского округа усиленную запряжку, предусмотренную для пограничных округов, что, конечно, может быть сделано лишь за счет некоторых артиллерийских частей в этих округах, или проведя и для частей десантного корпуса усиленные штаты мирного времени.

Что же касается кавалерии, то она всегда находится в мобилизованном состоянии. Ее, впрочем, предполагается иметь в десантной армии лишь в количестве одного полка на корпус.

Резюмируя сказанное им, генерал-от-кавалерии Жилинский указывает, что с осуществлением уже решенных и имеющих быть проведенными в ближайшем будущем мероприятий, пехотные части, намеченные для десантной армии, будут мобилизоваться в 5—6-дневный срок, а артиллерийские части—в 12—14-дневный срок, и что, в случае высочайшего соизволения, вероятно, можно было бы сократить срок мобилизации для пехотных частей первого эшелона десантной армии, т. е. 13-й и 15-й дивизии и 4-й стрелковой бригады, до 3—4 дней, а также ускорить мобилизацию артиллерии 7-го и 8-го корпусов.

Что же касается времени, потребного для доставления этих

войск в порты для посадки на суда, то 13-я и 15-я дивизии и 4-я стрелковая бригада, будучи расположены в Одессе и Севастополе (и частью в Симферополе), могут быть посажены на транспорты незамедлительно; для доставления в порты остальных частей 7-го и 8-го корпусов необходимо не более 2—3 дней; два же других корпуса из внутренних округов могут быть перевезены в порты приблизительно в шесть дней.

Согласно имеющимся у начальника генерального штаба данным, для приготовления необходимых для десантной операции транспортных средств понадобится, при существующем слабом развитии этих средств в Черном море, несколько больше времени, чем для мобилизации десантной армии, согласно приведенному расчету. Поэтому генерал Жилинский полагает, что, пока не будет создана возможность более скорой мобилизации транспортов, не представляется надобности в каких-либо дальнейших мероприятиях для приведения в еще более напряженное состояние предназначенных для константинопольской экспедиции корпусов, тем более что это не может быть сделано без жертв в боевой готовности на западном фронте; когда же, с улучшением постановки транспортного дела, окажется необходимым сократить еще сроки мобилизации десантной армии, то это можно будет сделать, как было сказано, внутренними мерами военного ведомства.

Морской министр подтверждает правильность сказанного начальником генерального штаба о сроке, потребном для приготовления транспортной операции, относительно которой им будут даны подробные разъяснения при обсуждении этого вопроса. Ныне первый эшелон десантной армии действительно не может быть посажен на суда ранее 10 дней. Если бы удалось достигнуть сокращения этого срока, то морское министерство не преминет уведомить о сем генеральный штаб.

Пути сообщения, потребные для доставления десантной армии в порты для посадки на суда.

2. Совещание переходит затем к вопросу о путях сообщения, потребных для доставления десантной армии в порты для посадки на суда.

Начальник генерального штаба сообщает по сему поводу, что существующие железные дороги в общем удовлетворяют указанной надобности, и что ведущие к Одессе линии в настоящее время еще усиливаются. Из новых линий главными, с точки зрения военного

ведомства, в этом районе являются дороги Бахмач—Одесса и Екатеринослав—Херсон. Первая уже почти готова, вторая намечена к постройке. В отношении железных дорог, с точки зрения десантной операции против Константинополя, таким образом положение можно признать удовлетворительным.

Транспортные средства, потребные для десантной операции.

3. Совещание обращается затем к рассмотрению вопроса о транспортных средствах, потребных для доставления к проливам десантной армии.

Морской министр отмечает прежде всего, что при существующем положении выполнение этой операции находится в мало удовлетворительных условиях. Главное затруднение лежит в полной недостаточности имеющихся у нас в Черном море перевозочных средств. К этому присоединяется еще то, что средства эти не приспособлены для целей перевозки войск, и что не существует еще правильной организации для учета и мобилизации находящихся в Черном море судов. Перевозка в краткий срок достаточно численной десантной армии может быть, по словам морского министра, обеспечена лишь с осуществлением ряда мер соединенными усилиями нескольких ведомств. Генерал-адъютант Григорович предлагает затем начальнику Второй оперативной части морского генерального штаба капитану Немитцу представить совещанию более подробные объяснения по этому вопросу.

Заметив, что дело транспортной операции в Черном море до сих пор находилось в заведывании штаба Одесского округа, и что лишь в ближайшее время предстоит передача его в руки морского ведомства, капитан Немитц указывает, что для приготовления транспортов к посадке первого эшелона десантной армии при существующем положении необходимо не менее 10—12 дней, так что надо считать, что со дня объявления мобилизации до высадки пройдет не менее двух недель. Если транспорты своевременно вернутся в места посадки войск, то они могут уйти во второй рейс не более, чем через неделю по отправлении первого рейса. Число же войск, могущих быть перевезенными в один рейс, определяется при существующем положении только в одну дивизию боевого состава, т. е. всего в 20 тыс. человек. Число это могло бы быть увеличено в настоящее время до одного корпуса боевого состава, если бы создана была организация, которая позволила бы мобилизовать для

транспортной операции весь наличный русский торговый флот в Черном море[1]. В течение двух или трех лет можно было бы, при планомерной работе, подготовить перевозку в один рейс еще большего количества войск, т. е. двух или трех корпусов. Для этого прежде всего необходимо привлечь к десантной операции, кроме русских, еще все находящиеся в Черном море иностранные пароходы, что не может быть сделано без предварительного создания соответствующей организации. Но главным средством обеспечить перевозку столь значительной десантной армии должно явиться развитие нашего торгового флота в Черном море. Цель эта может быть достигнута лишь путем согласованной и энергичной деятельности министерств финансов, торговли и промышленности и морского и требует ряда мер, важнейшей из коих является заключение правительством с субсидированными пароходными обществами и в частности с Добровольным флотом соглашений об усилении их флотов и притом судами, удовлетворяющими специальным условиям перевозки войск. Прибавление к эскадре транспортов 15 таких пароходов соответствующего тоннажа позволило бы усилить на один корпус количество войск, перевозимых в один рейс.

Начальник Ближне-восточного отдела министерства иностранных дел, со своей стороны, подчеркивает все государственное значение увеличения нашего черноморского торгового флота. Развитие последнего необходимо не только с точки зрения наших военных задач, но отвечает настоятельной экономической потребности. К сожалению, до сего времени почти 95% нашего громадного черноморского вывоза обслуживается иностранными судами, и многие десятки миллионов уходят ежегодно в руки иностранцев за перевозку наших грузов. Желательность избавиться в этом отношении от иностранной зависимости дает лишнее оправдание тем финансовым жертвам, которых потребует скорое усиление нашего торгового флота в Черном море.

По предложению министра иностранных дел, совещание выражает пожелание, чтобы правительство безотлагательно озаботилось выработкой мероприятий, направленных к развитию нашего черноморского торгового флота.

М. Н. Гирс возвращается затем к вопросу о сроке, потребном для выполнения транспортной операции. Указанный капитаном Не-

[1] При этом не следует, конечно, упускать из виду, что к десантной операции могут быть привлечены не все пароходы, входящие в состав нашего черноморского торгового флота, а лишь те из них, которые в день мобилизации окажутся в Черном море. (Прим. подлинника.)

митцем двухнедельный срок для прибытия десантных войск в Константинополь может, по мнению императорского посла в Турции, быть в некоторых случаях чрезмерно продолжительным. Так, например, экспедиция на Константинополь может быть вызвана анархией в турецкой столице и опасностью резни. В таком случае требуется большая быстрота действий. Ввиду этого М. Н. Гирс просит выяснить, до какого срока могло бы быть сокращено при соответствующей подготовке выполнение десантной операции.

Начальник Второй оперативной части морского генерального штаба отвечает, что в этом отношении все зависит от степени приспособления торгового флота для транспортной операции и предварительной подготовки его мобилизации. Если милитаризовать соответствующим образом суда Добровольного флота, то одна дивизия боевого состава может быть доставлена в Константинополь в недельный срок.

Министр иностранных дел высказывает пожелание, чтобы весь первый эшелон десантной армии, т. е. сводный корпус, мобилизацию коего предположено сократить до 3—4 дней, мог быть тотчас посажен на суда и прибыл бы таким образом к Босфору через 4—5 дней по объявлении мобилизации.

Начальник генерального штаба обращает по этому поводу внимание совещания на важность того, чтобы суда, которые могут быть призваны к перевозке войск, еще в мирное время были оборудованы в соответствии с этой задачей. Необходимо снабдить их разборными стойлами, змеевиками для варки пищи, шлюпбалками, и т. п. Особенных забот требует приспособление судов к перевозке артиллерии, причем следует иметь в виду новую организацию последней. Надлежащее оборудование пароходов должно быть вменено в обязанность субсидированным обществам. Помимо сего, необходимо заготовить и хранить в портовых складах различные предметы, нужные для десантной операции.

Заметив, что до сих пор очень мало сделано в смысле оборудования судов для перевозки войск, морской министр говорит, что в этом отношении много полезных указаний даст предстоящий нынешним летом в Черном море опыт десантной операции. При этом выяснится также, насколько скоро может быть произведена эта операция. Во время летних маневров предполагается перевезти в два рейса на кавказское побережье одну дивизию боевого состава, т. е. 20 тыс. человек. Одну половину этих войск имеется в виду высадить в порту, другую—на дикий берег. В первом случае, условия высадки будут до некоторой степени сходны с

теми, в которых окажется наша десантная армия, если она высадится в Болгарии и будет пользоваться ее портами; во втором случае, будет известная аналогия с высадкой нашего десанта непосредственно на турецкий берег безо всякой поддержки на суше. К сожалению, соображения финансового характера не позволяют придать этому опыту больших размеров, так как пришлось бы снять с рейсов большое число пароходов, что стоило бы слишком дорого и было бы затруднительно для нашей торговли.

Начальник генерального штаба высказывает затем мысль, что для ускорения подготовки десантной операции могло бы быть полезным иметь всегда готовые специальные военные транспорты.

Морской министр отвечает, что это вызвало бы большие расходы как на приобретение транспортов, так и на их содержание. Эти суда явились бы во флоте мертвым грузом, между тем уже теперь многие и, в частности среди членов наших законодательных учреждений, считают наш флот недостаточно боевым.

Последнее соображение, по мнению товарища министра иностранных дел, не может быть приведено против включения в Черноморский флот нескольких транспортов, так как суда эти призваны были бы к исполнению специальной, чисто военной задачи.

В дополнение к сказанному морским министром капитан Немитц прибавляет, что в настоящее время в морском генеральном штабе изучается вопрос о приобретении небольшого числа подходящих пароходов для оборудования их в целях перевозки лошадей. Так как перевозка последних представляет особенную сложность, то эта мера могла бы существенным образом способствовать ускорению десантной операции.

Черноморские морские силы.

4. От обсуждения мер по увеличению нашего торгового флота в Черном море до размеров, отвечающих потребностям десантной операции для завладения проливами, совещание переходит к вопросу о приведении наших черноморских морских сил в положение, при коем они превосходили бы оттоманский флот и могли бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через проливы для их занятия.

И. д. начальника морского генерального штаба сообщает сведения об относительных силах нашего Черноморского флота и турецких морских сил в настоящее время и в последующие годы. До сего времени нашему флоту принадлежало несомненное

господство в Черном море, но осенью этого года в состав оттоманского флота войдут два дредноута: заказанный Турцией в Англии „Решад V“ и недавно купленный ею у Бразилии „Рио-Жанейро“. К сожалению, мы пока не можем противопоставить этим кораблям в Черном море ни одного дредноута, и превосходство сил в Черном море таким образом в ближайшем будущем перейдет к Турции. Предстоящее усиление турецкого флота имеет весьма неблагоприятные для нас последствия, в частности с точки зрения обсуждаемой операции занятия проливов. Пока турецкий флот будет господствовать в Черном море, нельзя будет приступить к десантной операции, не устранив предварительно господства оттоманских морских сил, а так как уничтожить их может оказаться неосуществим для более слабого в это время русского Черноморского флота, то и самая возможность десантной операции отпадает, пока наши морские силы не приобретут перевеса. Неблагоприятное соотношение наших и турецких сил начнет изменяться с лета 1915 г., если только не произойдет нового усиления турецкого флота приобретением готовых линейных кораблей, чему, как показало прошлое, вряд ли могут помешать финансовые препятствия. Вследствие принятия морским ведомством экстренных мер удалось настолько ускорить постройку сооружаемых в наших черноморских верфях дредноутов, что можно рассчитывать, что корабли „Императрица Мария“ и „Александр III“ будут вполне готовы к [14] 1 июня 1915 г. и к [14] 1 сентября того же года вместо 1916 г., как полагалось по контрактам. Упомянув о существующем мнении, что турецкие дредноуты по своим боевым качествам превосходят наши сооружаемые черноморские дредноуты, капитан Ненюков замечает, что в действительности первые не имеют большого преимущества над вторыми. Правда, турецкие дредноуты имеют 13½-дюймовую артиллерию, тогда как орудия наших дредноутов будут 12-дюймовые, и если бы снаряды были одинакового достоинства, то артиллерия турецких кораблей имела бы значительное превосходство. Но турецкий флот снабжается английскими снарядами, гораздо более слабыми, чем наши того же калибра. Таким образом, можно считать, что два турецких дредноута будут более или менее уравновешены появлением у нас в 1915 г. „Императрицы Марии“ и „Александра III“. Превосходство же сил будет тогда даваться нам остальным флотом, т. е. существующими ныне четырьмя сравнительно менее устарелыми броненосцами („Пантелеймон“, „Иоанн Златоуст“, „Евстафий“, и „Три святителя“), имеющими значительное преимущество над силами, которыми Турция располагает те-

перь до присоединения к ним дредноутов. К концу 1915 г. наш Черноморский флот усилится еще третьим строящимся дредноутом того же типа „Екатерина II“ и в 1916 г.—двумя крейсерами. Наконец, решено приступить к сооружению еще четвертого дредноута одинакового типа с предыдущими тремя, который должен быть готов в 1917 г. и завершить образование полной бригады дредноутов. Кроме этого четвертого корабля, решено спешно построить еще два крейсера, восемь миноносцев и шесть подводных лодок, которые будут готовы в 1917 г. Насколько с сооружением этих судов за нами будет закреплено господство в Черном море,— зависит от дальнейшего развития наших и турецких морских вооружений. Турецкая программа предусматривает приобретение шести дредноутов и двенадцати эскадренных миноносцев, но осуществление этой программы, конечно, весьма неопределенно.

Морской министр по сему поводу сообщает, что морским ведомством намечено еще дальнейшее значительное усиление нашего Черноморского флота в ближайшие годы сооружением второй бригады вполне современных дредноутов.

Совещание с большим удовлетворением принимает это заявление к сведению и выражает пожелание, чтобы предположения морского ведомства получили возможно скорое осуществление.

Морской министр объясняет затем, почему не удалось предотвратить столь неблагоприятную для нас уступку Бразилией Турции дредноута „Рио-Жанейро“. Морское ведомство возбудило в свое время вопрос о покупке его Россией, но затем из английских источников получено было сведение, что корабль этот не продается. Если бразильское правительство изменило свое решение, то на него, вероятно, оказано было в том или ином виде воздействие. Морское ведомство в настоящее время очень озабочено тем, чтобы не допустить перехода в руки Турции других могущих быть купленными дредноутов. По имеющимся сведениям, аргентинское правительство, быть может, согласится продать строящиеся в Северо-американских Соединенных Штатах линейные корабли „Ривадавия“ и „Морено“, и чилийское правительство, повидимому, расположено продать два также строящихся дредноута типа „Амиранте Латорре“. Вследствие отсутствия на рынке других крупных единиц приобретением их мы устранили бы возможность дальнейшего усиления в настоящее время турецкого флота и, с другой стороны, ускорили бы развитие собственных морских сил. Его императорскому величеству благоугодно было согласиться с этими

соображениями и повелеть приобрести продающиеся за границей дредноуты. Потребные на то средства могут быть получены по 117 статье.

Морское ведомство занято в настоящее время выяснением того, какие суда могут быть купленными и на каких условиях. Приобретенные за границей дредноуты могли бы составить ядро новой средиземноморской эскадры, стратегической задачей которой было бы компенсировать преобладание турецкого флота над нашим в Черном море.

Императорский посол в Константинополе высказывает большое удовлетворение по поводу того, что решено приобрести могущие быть купленными дредноуты.

К нему присоединяется министр иностранных дел. Он отмечает вместе с тем значение, которое может иметь появление в Средиземном море наших судов в смысле отвлечения турецких сил из Черного моря.

Посол в Константинополе указывает затем на то, что приобретение турками двух дредноутов дало им большую моральную силу, и что с этим приходится считаться столько же сколько с увеличением их материальной силы.

По этому поводу морской министр замечает, что турки не сразу справятся со столь сложными судами, какими являются современные дредноуты, что для управления ими они не обойдутся без иностранцев, и что для обучения команды потребуется не менее трех месяцев.

Железные дороги на Кавказе.

5. Совещание переходит к последнему из намеченных для его обсуждения пунктов, именно к вопросу о железных дорогах на Кавказе и в частности о так называемой перевальной дороге.

Начальник генерального штаба указывает, что интересы обороны настоятельно требуют сооружения в возможно непродолжительном времени перевальной дороги через Кавказский хребет. Пока эта дорога не будет осуществлена, в случае борьбы на нашей турецкой границе наша армия не будет иметь удовлетворительного сообщения с тылом. Черноморская дорога не может заменить перевальную и явится лишь паллиативом. Она подвергнута опасности разрушения со стороны моря, упирается в тупик—Сурамский перевал. Постройка перевальной дороги необходима также для улучшения условий мобилизации на Кавказе, которая, как уже было упомянуто, вследствие местных причин, производится слиш-

ком медленно. Ввиду того, что при борьбе за Константинополь столкновение на турецкой границе надо считать неизбежным, то необходимая на этот случай постройка перевальной дороги должна быть включена в число мер по подготовлению нашего наступления на Босфор.

Начальник Ближне-восточного отдела министерства иностранных дел замечает, что осложнения на турецкой границе могут возникнуть и помимо борьбы за проливы и могут быть вызваны волнениями в Армении. Князь Трубецкой указывает затем, что с проведением перевальной дороги постройка железных дорог в прилегающих к Кавказу областях Турции утратит опасную для нас сторону. Отстаивать бездорожье в этих областях ныне не представляется более возможным. Нам пришлось согласиться на постройку целой сети линий в Малой Азии, а в пограничной зоне самим взять железнодорожное строительство в свои руки. Благоразумие требует, чтобы мы закончили сооружение перевальной дороги до того времени, когда турецкие железные дороги подойдут к нашей границе. Поэтому следовало бы безотлагательно приступить к постройке перевальной дороги.

Начальник генерального штаба указывает затем, что, кроме перевальной дороги, требуются еще некоторые стратегические железные дороги в Закавказьи: во-первых, сплошной двухколейный путь от Тифлиса через Карс и Сарыкамыш до Караургана (на турецкой границе), что и приводится уже в исполнение. Во-вторых, весьма полезным было бы проложение линии от ст. Михайлово через Боржом до Карса (с веткой на Ольты), каковая линия дала бы Черноморской дороге выход на Карс. В-третьих, могла бы принести пользу и линия от Батума к Карсу, на постройку каковой, насколько известно, имеются частные предприниматели.

Закончив обзор главных вопросов, выдвигаемых необходимостью планомерной подготовки могущего потребоваться в недалеком будущем занятия нами проливов, совещание, по предложению министра иностранных дел, высказывает общее пожелание, чтобы правительством в лице всех прикосновенных ведомств приняты были все меры, которых требует техническое исполнение этой задачи. Обращаясь к конкретным мероприятиям, необходимость коих выяснена была представителями заинтересованных ведомств путем происшедшего обмена мнений, совещание отмечает желательность проведения прежде всего нижеследующих мер, а именно:

1) чтобы имеющие составить первый эшелон намеченных для константинопольской экспедиции десантных войск—13-я и 15-я дивизии и 4-я стрелковая бригада были доведены до 84-рядного состава рот;

2) чтобы в артиллерийских частях Одесского округа была введена усиленная запряжка в мирное время, предусмотренная для пограничных округов, т. е. запряжка 6 орудий и 12 ящиков;

3) чтобы совместными усилиями министерства финансов, министерства торговли и промышленности и министерства морского приняты были самые срочные и действительные меры к усилению наших транспортных средств в Черном море, и в частности, чтобы правительством заключены были с субсидируемыми пароходными обществами соглашения об увеличении их флотов и притом судами, как в отношении типа, так и в отношении оборудования удовлетворяющими специальным условиям перевозки войск;

4) чтобы морское ведомство в ближайшем будущем изыскало способ сократить срок, потребный для перевозки к проливам первого эшелона десантной армии в размере одного корпуса, до 4—5 дней со дня отдачи о том приказа;

5) чтобы в возможно скором времени наш Черноморский флот усилен был второй бригадой наиболее современных и мощных дредноутов, и

6) чтобы в возможно скором времени был закончен сплошной двухколейный путь от Тифлиса чрез Карс и Сарыкамыш к Караургану, и была сооружена перевальная дорога; кроме того необходимо проведение линии от ст. Михайлово чрез Боржом до Карса (с веткой на Ольты), и желательно сооружение частными предпринимателями линии от Батума до Карса.

Совещание просит министра иностранных дел представить эти предположения на благоусмотрение его императорского величества.

Сазонов.
И. Григорович.
Я. Жилинский.

№ 296. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

21/8 февраля 1914 г.

Ввиду полученных из английского источника сведений о предстоящем назначении начальником скутарийской дивизии оставшегося временно во главе ее по уходе генерала Бронзарта полковника

Николаи, я счел долгом запросить по телеграфу о положении этого вопроса российского поверенного в делах в Константинополе [1]. Ныне действительный статский советник Гулькевич уведомил, что хотя назначение это является вероятным, но вопрос еще не выяснен [2].

В секретной телеграмме своей от [21] 8 минувшего января за № 26 [3] поверенный в делах высказал мнение о нежелательности вновь возбуждать вопрос о командовании дивизией в Скутари, и вашему императорскому величеству благоугодно было на означенной телеграмме собственноручно начертать: „Пока нам следует приостановиться от дальнейших настояний—дать немцам передышку“.

Вполне разделяя мнение поверенного в делах и в полном соответствии с высочайшей волей, выразившейся в приведенной помете, я полагал бы соответственным не приводить в исполнение предположения состоявшегося [13 января 1914 г.] 31 декабря минувшего года особого совещания [4] касательно необходимости продолжать настояния в Берлине о недопустимости командования германским генералом частью в Константинополе, о чем приемлю смелость испрашивать всемилостивейших вашего императорского величества указаний [5].

Сазонов.

Не следует более настаивать.

Царское Село, [21] 8 февраля 1914 г.

№ 297. Вице-консул в Урмии заведующему отделом Среднего Востока Клемму.

Телеграмма № 10. 21/8 февраля 1914 г.

Результатом поездки германского агента Шюнемана на Урмийское озеро [6], в сопровождении австрийского вице-консула, явилось законченное, до моего приезда, спешное приобретение Нейманом

---

[1] Тел. от 18/5 февр. за № 280.

[2] Тел. от 19/6 февр. за № 103; 22/9 февр. Гулькевич (тел. за № 108) сообщал, что Штремпель сказал росс. морскому агенту, что Николаи будет продолжать командовать дивизией без утверждения в должности.

[3] См. № 69.

[4] См. стр. 10, прим. 2.

[5] Тел. от. 25/12 февр. за № 116 Гулькевич сообщал, что вышло ирадэ о назначении Николаи начальником скутарийской дивизии.

[6] В донесении от 2 марта/17 февраля 1914 г. за № 21 Введенский выражал уверенность в том, что Шюнеман получил „строгие инструкции от своей миссии в Тегеране взять и Урмийский район в сферу своих интересов“, и что целью поездки

и австрийско-подданным Хонеком в Урмии большого участка земли за городом.

Предполагается устройство кирпичного завода и паровой лесопильной мельницы[1].

Нейман выехал в Тавриз[2] для выработки окончательного плана сооружений и для получения высланной ему в Тавриз через Шюнемана правительственной субсидии, а равно и пособия от ковровой фабрики. Есть основание предполагать, что Нейман будет добиваться в Тавризе от Шоджа-эд-Доуле или в Тегеране от шахского правительства через германскую миссию разрешения на право устройства трамвайного движения от своих сооружений до города и далее к Урмийскому озеру[3].

Необходимо предупредить выдачу означенного разрешения.

Копия в Тавриз.

Введенский.

№ 298. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 317. 22/9 февраля 1914 г.

Сообщается в Париж. Ваша телеграмма № 41[4] получена.

Согласны с выраженными в ней принципами.

Мы получили от Австрии и Италии тожественные записки[5]

Шюнемана было „развить интенсивную германскую деятельность в Урмии подобно тавризской, где без всякой воинской силы, одной энергией и дипломатическими настояниями творится серьезное немецкое дело". По сообщению Введенского, во время поездки Шюнеман имел совещание с австрийским вице-консулом в Тавризе Эртельтом, проживающим в Урмии германским подданным Нейманом, австрийским подданным Хонеком и германским инженером, участником ковровой фабрики в Тавризе. На совещании этом „выяснилась вся невозможность поднять свои интересы только торговлей" и признана была „необходимость развития германского землепользования в Урмийском районе, как источника будущего влияния и проникновения немцев в Азербайджан".

[1] Так в подлиннике. Повидимому, „паровой лесопильни и мельницы" (донесение Введенского от 2 марта/17 февраля 1914 г. за № 21).

[2] В донесении за № 21 (см. пред. прим.) Введенский сообщал, что в Урмии Шюнеману не удалось найти капиталов, достаточных для осуществления его предприятия, и что, возможно, ему придется обратиться к помощи германского правительства.

[3] В донесении за № 21 (см. пред. прим.) Введенский сообщал о попытках Неймана взять в свои руки дорогу от Герма-Ханэ на Урмийском оз. до г. Урмии. Попытка эта окончилась неудачей, и Нейман решил добиваться концессии или разрешения на проведение трамвайной линии.

[4] См. № 290.

[5] В записках австр.-венгр. и итал. посольств в Петербурге от 20/7 февр.

в смысле моей телеграммы № 286[1]. Находили бы желательным установление в Лондоне не только общих взглядов, но и вытекающих из них совместных выступлений по существу и по форме, для соответствующих инструкций нашим представителям или одинаковых ответов другим кабинетам.

Ждем дополнительного сообщения.

Сазонов.

№ 299. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁒. Телеграмма № 54[2]. 22/9 февраля 1914 г.

Копия в Белград.

Н. Рафалович просит сообщить следующее: положение вопроса об интернационализации Восточных дорог следующее. Австрия прекратила, ввиду предложенной французами формулы, выступления в Белграде и перестала требовать немедленного возврата линии обществу Восточных дорог. Однако сербы до сих пор не отправили в Вену своих делегатов для ведения переговоров, которые должны были начаться шесть недель тому назад. Кроме этого, во время отсутствия Пашича из Белграда Иованович получил инструкции, согласно коим он заявил Берхтольду, что Сербия настаивает на выкупе и отказывается вступать в переговоры на основании французской формулы. Здесь выяснилось, что в последнее время Франко-сербский банк, с очевидной целью не допустить другой французской группы к участию в сербских делах, посоветовал Пачу[3] настаивать на выкупе и заручиться [4] [21] 8 февраля сего года контрактом на постройку одной из линий[5], входящей в состав подлежащей интернационализации магистрали. Такое вы-

---

1914 г. сообщалось о согласии Австрии и Италии на интернационализацию Албанского банка при соблюдении условий, изложенных в депеше Крупенского от 10 февраля/28 января 1914 г. за № 7 (см. стр. 275, прим. 2). В двух других записках тех же посольств от того же числа сообщалось, что, по мнению австр.-венгр. и итал. правительств, полномочия международной контрольной комиссии по прибытии в Албанию принца Вида должны войти в рамки, указанные Лондонской конференцией послов.

[1] См. № 277.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 55—56, № 1272.

[3] У Stieve „Passitsch".

[4] Так в подлиннике.

[5] У Stieve (S. 55): „... die franko-serbische Bank . . . Passitsch geraten habe auf Ablösung zu bestehen, und am 8. Februar einen Vertrag zum Bau einer Linie unterzeichnet habe..."

ступление банка, пользовавшегося всегда поддержкой французского правительства, не могло не запутать дела в Белграде и произвело дурное впечатление в Вене, где обнаруживается значительное нетерпение. Мне казалось бы полезным, во-первых, указать сербам на желательность незамедлительного вступления в переговоры в Вене, причем необходимо рассеять впечатление указанного выступления Иовановича; во-вторых, обратить внимание французского правительства на двусмысленную роль французского учреждения, Франко-сербского банка, затрудняющего и без того трудное дело. Вопрос об итальянском участии, повидимому, отпадает, ибо итальянцы отказываются от представительства в правлении и удовольствуются одним финансовым участием, которое будет, не сомневаюсь дано им Францией.

Извольский.

№ 300. Посол в Париже министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 56. 22/9 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму из Константинополя № 5 [1].

Маврокордато просит сообщить М. Н. Гирсу, что его брат телеграфирует из Константинополя, что ему необходимо выяснить до первого марта нового стиля, найдет ли правительство возможным настоять на участии Русско-азиатского банка и Международного банка в угольной концессии. В противном случае у него имеется ряд предложений от иностранных групп; в случае же удовлетворительного решения вопроса необходимо поручить директорам обоих банков в Париже, находящимся в курсе дела, заключить соглашение с Маврокордато [2].

Извольский.

№ 301. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

%. Депеша № 2. 22/9 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Несколько задержанный по случаю недомогания министра иностранных дел ответ греческого правительства на ноту держав о южно-албанском разграничении и островах Эгейского моря был вчера вручен представителям шести держав в Афинах.

---

[1] См. № 24.

[2] Настоящая тел. была препровождена м-ру финансов при отношении от 24/11 февр. 1914 г. за № 114 с просьбой срочно сообщить свой отзыв о ходатайстве Маврокордато.

Ввиду ее пространности и вследствие заявления г. Венизелоса, что греческая ответная нота была, по его распоряжению, тотчас протелеграфирована in extenso во все европейские столицы, я не счел нужным сообщить ее вашему высокопревосходительству по телеграфу. Ныне же имею честь представить ее вам в подлиннике, у сего прилагаемом [1].

Покоряясь решениям держав и предлагая даже содействие свое в целях мирной эвакуации занятых ее войсками албанских областей, Греция бесспорно доказала, несмотря на трудные обстоятельства в связи с усиленной агитацией панэпиротов, свое политическое благоразумие. Ходатайство же ее об европейской гарантии нейтрализованных малоазиатских островов, угрожаемых Турцией, находит себе тем большее, казалось бы, оправдание, что Порта сочла нужным в параллельном ответе своем [2] высказаться крайне двусмысленно относительно своих будущих по сему поводу намерений.

Примите и пр.

Демидов.

№ 302. Военный агент в Турции генерал-квартирмейстеру генерального штаба ген. Данилову.

Рапорт № 44. 22/9 февраля 1914 г.

Секретно.

Мне сообщают следующий текст секретного рапорта управления Восточных железных дорог в Константинополе, отправленного на днях в административный совет этих дорог в Вене:

„Наши тесные отношения с турецким военным министерством позволяют нам довести до вашего сведения в положительной форме, что в Константинополе заключен болгаро-турецкий союз. Он направлен специально против Греции и имеет целью отнять от нее Салоники и владения в Македонии. Усиленная деятельность замечается в генеральном штабе, где подготовляются ко всем возможным случаям. У нас запросили конфиденциальные сведения об общем положении нашей железной дороги и о наличии подвижного состава.

Турецкие военные и политические круги выражают удовлетво-

[1] Ответная нота Греции от 21/8 февраля 1914 г. частично опубл. в Gr. Pol., Bd. 36, Teil II, № 14294, прим.

[2] См. стр. 330, прим. 1.

рение и благодарность Австрии за советы затянуть по возможности переговоры о заключении сербо-турецкого мира. Эта затяжка, хотя и причинила ущерб интересам нашей сети, самовольно занятой Сербией, но в то же время может способствовать вооруженному вмешательству Австрии, которая, под предлогом защиты своих экономических интересов, получит возможность удерживать Сербию, если бы она собиралась помочь Греции в ее конфликте с Турцией и официальной (?) Болгарией. Мы опять будем свидетелями новых сюрпризов, которые не замедлят разыграться на Балканах".

Из того же источника сообщают мне текст донесения главного инженера Восточных дорог в Салониках Хафнера в константинопольское управление, в котором значится:

„Несмотря на все усилия Греции укрепить свое положение в Салониках, мне кажется маловероятным, чтобы она могла там держаться. Несмотря на ее терпимость (?) и хорошее управление, все относятся к ней враждебно, все ей завидуют и желают зла. Она окружена врагами, которые только и поджидают благоприятного момента, чтобы занять ее место. Европейский элемент ей враждебен, так как он видит в греках опаснейших конкурентов. С другой стороны, Болгария, в согласии с Турцией, лихорадочно формирует банды из злодеев и революционеров, чтобы весною снова начать динамитные покушения в Македонии, подобно тому как это было в турецкое время. Сербия, со своей стороны, стремится к Салоникам, несмотря на свою кажущуюся дружбу. По моему мнению, в случае новой войны Греции с Турцией, поддерживаемой Болгарией, содействие со стороны Сербии проблематично. Впрочем, она это уже показала в последние дни второй балканской войны, когда оставила греков действовать в одиночку".

Тексты эти по своему содержанию довольно близко подходят к положению дела, как оно может представляться для сторонних наблюдателей, а посему и подлинность их не кажется мне слишком сомнительной.

По поводу второго текста могу доложить, что выраженное в нем мнение об отношениях Сербии к Греции совпадает с моими впечатлениями, вынесенными из одного из разговоров со здешним сербским делегатом. При всей своей неприязни к Болгарии г. Павлович все же не преминул заметить, что в конце концов, так или иначе, болгаро-сербские отношения должны наладиться, и тогда для обоих государств настанет время сплотиться против Греции, одинаково им враждебной и стоящей поперек дороги.

Генерал-майор Леонтьев.

№ 303. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 36. 23/10 февраля 1914 г.

Je télégraphie Sofia:

Le gouvernement grec prie transmettre au gouvernement bulgare qu'en vertu d'un décret royal signé avant-hier, pleine et entière amnistie a été accordée à toutes les personnes qui ont été compromises dans les deux dernières guerres balcaniques, ou antérieures à ces guerres, par des actes ayant eu en vue de soutenir l'un ou l'autre des belligérants ou ayant trait aux luttes de race qui, en Macédoine, ont précédé lesdites guerres. — Conformément à l'avis émis par le gouvernement royal de Bulgarie dans ses dernières notes, le gouvernement grec considère de son côté, que rien ne s'oppose à la reprise des relations diplomatiques entre la Bulgarie et la Grèce [1].

Démidow.

Перевод.

Телеграфирую в Софию:

Греческое правительство просит передать болгарскому правительству, что королевским декретом, подписанным третьего дня, предоставляется полная амнистия всем лицам, в течение двух последних балканских войн или в предшествующее этим войнам время скомпрометировавшим себя активною поддержкою одной из воюющих сторон или участвовавшим в национальной борьбе, происходившей в Македонии до возникновения упомянутых войн. В соответствии с мнением, выраженным королевским болгарским правительством в его последних нотах, греческое правительство со своей стороны считает, что нет никаких препятствий к возобновлению дипломатических сношений между Болгарией и Грецией.

Демидов.

№ 304. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 26. 23/10 февраля 1914 г.

Братиану сказал мне, что, несмотря на любезные заявления турецкого и болгарского правительств, до него все же частным образом доходят из Константинополя и Софии известия тревож-

---

[1] Тел. от 25/12 февр. за № 38 Савинский доносил, что он сообщил содержание настоящей тел. Демидова Радославову, который встретил это сообщение с удовлетворением „и сказал, что со стороны болгарского правительства не последует ни малейшей задержки в востановлении дипломатического представительства". В ответ на эту тел. Савинского Демидов сообщал (тел. от 27/14 февр. за № 37), что Стрейт удовлетворен заявлением Радославова и предлагает назначить срок для взаимного обмена поверенными в делах. 4 марта /19 февр. Савинский сообщил в Афины фамилию болгарского кандидата и срок его прибытия. Греч. прав-во выразило свое согласие и выставило своего кандидата (тел. Демидова от 5 марта /20 февр. за № 45).

ного характера, свидетельствующие о том, что мысль о реванше ни турками, ни болгарами не оставлена. Ввиду сего Румыния очень хотела бы знать, считает ли императорское правительство, осведомленное гораздо лучше, чем Румыния, возможным в настоящее время вооруженное выступление на суше Турции против Греции, и если да, не признает ли оно полезным предпринять в Константинополе и Софии, по своему усмотрению, те или другие шаги, направленные к сохранению мира на Балканах. По мнению Братиану, такое отвечающее румынским интересам дипломатическое воздействие России могло бы только способствовать укреплению русско-румынской дружбы, которая лишь тогда станет действительно прочной, когда в международной политике обе державы будут действовать рука об руку.

Арсеньев.

№ 305. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 10. 23/10 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера я посетил председателя румынского совета министров, только-что вернувшегося из предпринятой им, в связи с выборами, поездки по стране, дабы обменяться с ним мыслями по текущим политическим вопросам.

В самом начале нашей беседы г. Братиану подтвердил мне еще раз, что никакого нового соглашения между Румынией, Грецией и Сербией ни во время пребывания здесь гг. Венизелоса и Пашича, ни после того подписано не было, и что единственной основой политического единения этих трех держав остается попрежнему то взаимное обещание охранять в неприкосновенности Бухарестский трактат, которое они дали друг другу при его заключении.

На вопрос мой, считает ли румынское правительство опасность греко-турецкого столкновения—по крайней мере, на суше—отныне устраненной, г. Братиану ответил, что получаемые им по сему предмету официальные сведения вполне успокоительны: как оттоманское, так и болгарское правительства уверяют его в полном своем миролюбии. „Однако,—добавил первый министр,—доходящие до меня из Константинополя и Софии другие, частные сообщения имеют скорее тревожный характер, свидетельствуя о том, что и в Турции и в Болгарии происходит опасное брожение умов, могущее при первом же удобном случае вылиться в форму требования немедленного реванша“.

„Может быть,—продолжал г. Братиану,—сообщения эти преувеличены и не вполне отвечают действительности. Это вам должно быть виднее, чем мне, ибо нет сомнения, что Россия, имеющая на Балканах несравненно более многочисленные кадры агентов, чем Румыния, осведомлена на сей счет гораздо лучше. Разделяет ли императорское правительство наши опасения? Я был бы вам весьма благодарен, если бы вы мне ответили на этот вопрос“.

Я мог только сказать г. Братиану, что, по совершенно частному моему мнению, опасность какого-либо воинственного выступления Турции на Балканах если не совершенно устранена, то, по крайней мере, стала значительно менее вероятной с тех пор, как на этих днях в Бухаресте сделано было два важных шага: во-первых, было заявлено г. Пашичем, что в силу греко-сербского союза Сербия выступит на защиту Греции в случае нападения на сию последнюю другой державы, и, во-вторых, было румынским правительством, через посредство здешнего турецкого посланника, сообщено Порте, что наступление турецких войск на Грецию через болгарскую территорию будет сочтено Румынией за нарушение Бухарестского трактата.

Выслушав меня, г. Братиану в самой настойчивой форме выразил желание доподлинно узнать имеющиеся в распоряжении императорского правительства сведения касательно намерений Турции и Болгарии, о чем я счел долгом донести вашему высокопревосходительству по телеграфу (от сего числа за № 26 [1]). При этом председатель румынского совета министров выразил надежду, что в случае, если Россия хотя бы в малейшей степени опасается враждебного выступления на суше Турции против Греции, она не откажется предпринять в Константинополе, а также и в Софии, те или другие—по своему усмотрению—шаги, направленные к сохранению мира на Балканах.

„Мне кажется,—заметил по сему поводу г. Братиану,—что интересы России и Румынии тут совершенно тождественны: так же, как и мы, вы желаете мира и хотите предупредить новые потрясения на Ближнем Востоке. Разве это не прекрасный случай для того, чтобы параллельными, вдохновленными одной и той же мыслью действиями скрепить русско-румынскую дружбу, прочность которой зависит главным образом от того, насколько в международной политике обе державы будут итти рука об руку?“

Уже и раньше мне приходилось отмечать в моих донесениях стремление румынского правительства согласовать свою политику

[1] См. № 304.

с нашей. Отдалившись после событий минувшего лета от прежнего своего друга и покровительницы—Австро-Венгрии, Румыния, повидимому, не прочь была бы пойти и дальше по пути сближения с нами, если бы у нее была уверенность, что во всех вопросах, касающихся ее жизненных интересов, она встретит с нашей стороны деятельную поддержку и сочувствие.

Полной уверенности в этом у нее пока нет, главным образом потому, что не забыто еще румынами наше намерение подвергнуть пересмотру некоторые постановления Бухарестского трактата, который во всей его целости, единодушно признается здесь краеугольным камнем влияния и первенствующего положения Румынии среди балканских держав.

Выступление наше в Константинополе и Софии в настоящее время рука об руку с Румынией изгладило бы в ней сие воспоминание, наглядно доказав ей, что то равновесие сил, которое ныне установилось на Балканах и которое она считает для себя столь выгодным, мы готовы дружно оберегать с ней вместе.

С глубоким почтением и пр.

Б. Арсеньев.

№ 306. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 17. 23/10 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После получения коллективной ноты держав по поводу островов [1] Порта не замедлила обратиться к своим представителям в Риме и в Вене, поручив им обратить внимание правительств, при коих они аккредитованы, на то, что, несмотря на данные ими заверения, они не только приняли участие в ноте, но даже не постарались смягчить поставленные в ней условия.

Как мне сообщают из секретного источника, Наби-бей ответил, что на его представления маркиз Сан-Джулиано заявил ему, что итальянское правительство очутилось перед совершившимся фактом и не могло итти против него. Итальянский министр иностранных дел заверил посла, что он употребил все влияние своего правительства, чтобы по возможности смягчить выражения ноты. Италия, заявил министр, не перестанет, тем не менее оказывать Турции свою поддержку в вопросе об островах и готова преподать ей все необходимые для разрешения этого вопроса советы.

---

[1] См. стр. 369, прим. 1.

В таком же приблизительно смысле ответил и Хильми-паша, указывая, что Порта имеет право быть недовольною поведением Тройственного союза в вопросе об островах, но что в частности Австрия не могла итти наперекор большинства держав. Из своих разговоров с политическими деятелями он вынес впечатление, что если Турции в вопросе об островах удастся представить Европе совершившийся факт, как то имело место в отношении Адрианополя, то державы Тройственного союза не преминут решить вопрос в пользу Турции.

Примите и пр.

К. Гулькевич.

№ 307. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 65. 23/10 февраля 1914 г.

Телеграмму вашу № 290 [1] получил.

Сообщил министру иностранных дел наши условия восстановления китайского суверенитета в Барге. По первому пункту он заметил, что, повидимому, в сущности требуется возвращение к старому порядку вещей, и спросил, подразумеваем ли мы под национальными властями одних только монголов или также других местных уроженцев, например, манчжур, которые часто прежде занимали должности в Барге. По второму пункту министр сказал, что ему необходимо было бы иметь перечень сделок, о коих идет речь, и сослаться [2] на прецедент железнодорожных договоров, которые были заключены Сун Ят-сеном, но затем подвергнулись пересмотру и изменениям перед утверждением их центральным правительством. Он также упомянул, что вообще эти договоры, должно быть, будут заключены от имени китайского правительства и никоим образом не нарушать [2] суверенных прав последнего. По третьему пункту Сунь Бао-ци спросил, предполагается ли лишить китайцев прав строить подъездные пути, как мы отнеслись бы к желанию Китая построить таковые на занятые у нас капиталы, и считаем ли мы вообще, что пути эти могут строиться лишь с нашего согласия. Наконец, четвертый пункт вызвал достаточно возражений и со стороны министра, просившего разъяснить, идет ли речь о концессиях исключительно в Барге, так как в противном случае трудно усмотреть связь между ними и восстановлением в Барге китайского суверенитета. Во всяком случае он выразил желание знать размер

---

[1] См. № 280.

[2] Так в подлиннике.

вознаграждения. Прошу указаний вашего высокопревосходительства, как мне ответить на все возбужденные министром вопросы[1].

Крупенский.

№ 308. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 66. 23/10 февраля 1914 г.

Получил № 288[2].

Из беседы с министром иностранных дел я вынес заключение, что ныне представлялось бы совершенно невозможным без сильных мер давления добиться ограничения китайских войск в Северной Манчжурии особою численною нормою. Что касается включения в ноту китайцев от [5 ноября] 23 октября намеченной в моей телеграмме № 712[3] поправки, с требуемым вашим высокопревосходительством добавлением, то министр лично выразил готовность согласиться на требование, но оговорил, что ему необходимо сначала заручиться одобрением военного министра и президента.

Крупенский.

№ 309. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 328[4]. 24/11 февраля 1914 г.

Сообщается в Париж.

Находим ответ Греции[5] на совместное обращение держав в общем удовлетворительным. Желание получить гарантию против захвата малоазиатских островов вполне основательно, раз туркам дается гарантия, что острова не будут укреплены. Обеспечение

---

[1] В ответной тел. от 26/13 февраля 1914 г. за № 343 Сазонов просил Крупенского дать свое заключение по этим вопросам. В тел. от 28/15 февр. 1914 г. за № 79 Крупенский сообщал, что, по его мнению, в вопросе об управлении Баргой следует выяснить пожелания самих баргутов; желание кит. прав-ва иметь полный перечень сделок, заключенных русскими подданными с баргутскими властями, он признавал „вполне естественным" и считал возможным придать этим сделкам характер договоров с кит. прав-вом. По мнению Крупенского, сделкам этим, ввиду принципиального сопротивления кит. прав-ва переходу земель в собственность иностранцев, можно придать характер срочной аренды. В вопросе о постройке подъездных путей Крупенский не считал себя достаточно компетентным. Претензии золотопромышленников казались ему „чрезмерными и недостаточно обоснованными".

[2] См. № 278.

[3] См. стр. 350, прим. 1.

[4] Лит. копия.

[5] См. стр. 396, прим. 1.

населения островов, возвращаемых Турции, известными гарантиями мы признавали бы равным образом желательным, так как территории, населенные христианами, возвращались Турции всегда при условии таких гарантий. Кастеллоризо, составляя часть Додеканеза, всегда пользовался привилегированным положением. Что касается гарантий населению местностей, отходящих к Албании, в том числе и Химары, мы сомневаемся в осуществимости такого желания, так как международная комиссия является в этом отношении достаточным обеспечением.

Что касается изменений границы, мы с своей стороны расположены к возможному удовлетворению греков.

Сазонов.

№ 310. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже Бенкендорфу и Извольскому.

Телеграмма № 329[1]. 24/11 февраля 1914 г.

Австрийскому послу, просившему меня о возможном удовлетворении пожеланий его правительства в вопросе Албанского банка, я ответил, что мы вовсе не исходим из желания сделать что-либо неприятное Австрии, но не можем поступиться неоспоримым правом на равное участие в финансовом контроле, раз обеспечение займа Албании ляжет равномерно на все державы. Со своей стороны мы расположены были бы дать Австрии возможное удовлетворение не по существу, а по форме.

Французский посол выразил частное мнение о возможности предоставить Австрии и Италии очередное председательство совета банка при равноправном представительстве прочих держав. Не возражали бы против этого, если Франция и Англия согласны. Хотели бы быть осведомлены о их мнении до приезда князя Вида[2].

Сазонов.

---

[1] Лит. копия. Опубл. Stieve, IV, S. 56, № 1273.

[2] У Stieve последняя фраза отсутствует. В ответной тел. от 26/13 февр. 1914 г. за № 49 Бенкендорф сообщал, что англ. прав-во согласно на предоставление Австрии и Италии очередного председательствования в Албанском банке, если Франция на это согласится. Тел. от того же числа за № 61 Извольский доносил, что франц. прав-во считает неудобным предоставить Австрии и Италии очередное председательствование в совете Алб. банка, так как это противоречит принципу равенства всех держав, который Франция считает необходимым поддерживать.

№ 311. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 13[1]. 24/11 февраля 1914 г.

Один из представителей католической партии в итальянском парламенте, граф Содерини, обратился на-днях с запросом к министру иностранных дел о том, намерено ли королевское правительство доказать, что Италия не допустит вмешательства Англии в круг своих интересов в Турции и в область отношений ее к этой державе.

Заявление это, обратившее на себя всеобщее внимание, стоит в логической связи с вопросом об островах Эгейского моря, которым столь живо интересуются в Англии, и потому не могло не поставить маркиза ди Сан-Джулиано в довольно затруднительное положение. Но так как ему ни в коем случае нельзя было уклониться от принятия запроса, то он решил предварительно какого бы то ни было ответа графу Содерини, войти в дружеский обмен мнений с лондонским кабинетом для того, чтобы найти подходящую формулу ответа, приемлемую для английского и удовлетворительную для итальянского общественных мнений.

Переговоры эти, как мне доверительно сообщил министр иностранных дел, близятся ныне к концу, и в ближайшем будущем маркиз ди Сан-Джулиано будет в состоянии выступить в парламенте с ответом на запрос графа Содерини, каковой ответ, помимо связанного с ним отвлеченного интереса, как симптом редко наблюдавшегося доселе охлаждения между Италиею и Англиею, поневоле должен будет затронуть крайне чувствительный для Италии вопрос о Додеканезе.

По последним располагаемым мною сведениям, Италия ведет одновременно двоякого рода переговоры: с Портою, с одной стороны, и с английским обществом Смирно-Айдинской железной дороги—с другой.

В переговорах своих с оттоманским правительством, которое всячески их затягивает, Италия стоит на той точке зрения, что взамен затраченных ею сумм на оккупацию островов Турция за эвакуацию Додеканеза итальянскими войсками должна обеспечить Италии компенсации экономического характера на малоазиатском побережьи. Но последние могут иметь существенное значение для Италии при условии соединения Адалии, где уже образовалась многочисленная итальянская колония, с находящейся в руках английского общества линиею Смирна—Айдин, каковое общество на основании контракта своего с Портою имеет исключительное

[1] Лит. копия.

право постройки подъездных путей к названной магистрали. На основании же соглашения между Портою и Италией Адалийская железная дорога может быть доведена до пункта, находящегося в сорока километрах от английской линии. Хотя переговоры эти и ведутся в Лондоне частным лицом, г. Ногара, тем не менее правительство слишком заинтересовано в их исходе, чтобы оставаться к ним равнодушным, и потому позволительно думать, что только по достижении благоприятных результатов в Константинополе и в Лондоне ответственный руководитель итальянского иностранного ведомства выступит с ответом на затронувший самое чувствительное место современной итальянской политики запрос гр. Содерини.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 312. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо[1]. 24/11 февраля 1914 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Встретив на-днях в обществе генерального секретаря здешнего министерства иностранных дел г. де Мартино, я с ним имел вполне частный, но поэтому не менее интересный разговор. Наша беседа касалась общей политики Италии, ее отношений к Австрии и к России.

Я не скрыл от моего собеседника, что впечатления мои с тех пор, как я в Италии, изменились, к сожалению, в нежелательном для меня смысле. Приезжая сюда, я надеялся, что в вопросе о сближении между Россией и Италией был сделан только первый шаг и что мне удастся пойти далее по намеченному в 1908 г. пути[2]: соглашение, достигнутое в Ракконидже, отношения России к Италии во время войны ее с Турцией, благожелательный прием, сказанный мне здесь, как русскому послу, и, наконец, различные проявления общественного мнения укрепили меня в моей надежде[3]. Мои ожидания однако не осуществились, и почти во всех вопросах поли-

---

[1] Опубл. Siebert III, S. 258—260, № 1039.

[2] У Siebert'a: „und dass ich nur den im Jahre 1908 eingeschlagenen Weg fortzusetzen brauchte" (S. 259).

[3] У Siebert'a: „Die in Racconigi erreichte Verständigung bezüglich der Haltung Russlands im Falle eines Krieges Italiens mit der Türkei wäre wohlwollend aufgenommen worden, und ich sei in meiner Hoffnung durch verschiedene Äusserungen der öffentlichen Meinung bestärkt worden" (S. 259).

тического свойства Италия была на стороне не России, а постоянно поддерживала Австрию. Этого, разумеется, не могли не заметить в С.-Петербурге, где считали себя также вправе ожидать совершенно другого отношения к нам, в особенности там, где итальянские интересы не были, казалось бы, затронуты.

Г. де Мартино мне ответил, что действительно в Риме также с большим сокрушением не могли не отметить некоторого изменения в отношениях России и Италии, но что это изменение есть явление лишь преходящее. Оно объясняется насущными интересами Италии в Албании[1], и он не сомневается,—и это убеждение разделяет также и маркиз ди Сан-Джулиано—что после того, что вопрос об албанской границе и об албанских займах будет окончательно решен, наступит время для еще большего сближения с Россией, чем оно было достигнуто до войны[2]. „Мы не могли,—продолжал мой собеседник,—отдать Греции Валону и пролив Корфу. Мы должны были также, хотя и против нашего желания и неохотно, следовать за Австрией, как вследствие наших соглашений с ней, так и, главным образом, потому, что Италия не могла предоставить Австрии полную свободу действий. Наша цель была, путем умеряющего воздействия на Австрию и избегая разрыва с ней, предотвратить войну, которая для нас явилась бы страшным бичом, безразлично, принимали ли бы мы в ней участие, или оставались бы в стороне. Занятые войной с Турцией и умиротворением Триполитании, мы оказались бы исключенными из участия в решении вопросов, которые неминуемо породила бы война, тем более что мы знали наверно, что Австрия решилась бы на нее[3] в случае неудовлетворения ее желаний относительно черногорской, албанской и сербской границ. Наша политика вообще и наше умеряющее на Австрию воздействие, так же как и благоразумие России, которого нельзя не признать, способствовали предотвращению грозной войны[4]. Но вы знаете, что мы во многих вопросах не согласны с Австрией. Мы стремимся к интернационализации Албании. Мы действуем почти ежедневно в этом направлении[5], и я повторяю,

[1] У Siebert'a: „Er wies auf die Beziehungen Italiens zu England hin".

[2] У Siebert'a: „und zwar besonders im Falle eines Krieges" (S. 259).

[3] У Siebert'a: „Unser Krieg mit der Türkei und die sich daraus ergebenden Fragen haben unsere Aufmerksamkeit völlig in Anspruch genommen und zwar um so mehr, als wir wussten, dass Österreich sich zu einem Kriege entschlossen hätte..." (S. 260).

[4] У Siebert'a: „Unsere ganze Politik verfolgte das Ziel, auf Österreich mässigend einzuwirken und dadurch einen Krieg zu vermeiden" (S. 260).

[5] У Siebert'a: „Dies ist eigentlich auch heute nicht der Fall" (S. 260).

что, когда вопросы, сопряженные с Албанией, будут окончательно решены, наши отношения к России примут иной характер".

Возражая мне на мое замечание, что я должен упрекнуть себя в неумении удержать Италию на том пути, на который она вступила в Раккониджи, г. де Мартино мне сказал, что я напрасно обвиняю себя, что не я, а обстоятельства в этом виноваты, что, собственно говоря, Италия не переменила своей политики, что она продолжает искренно желать сближения с нами и что неоднократно сделанные мне маркизом ди Сан-Джулиано намеки на его желание притти к более точному соглашению с нами предусматривали именно тот момент, когда албанский вопрос окажется ликвидированным[1].

Г. де Мартино—человек чрезвычайно осторожный. Он вообще говорит весьма мало, и я всегда с гораздо большей легкостью узнавал от маркиза ди Сан-Джулиано сведения об отношении Италии к злободневным вопросам, чем от него. Тем более удивила меня его словоохотливость в данном случае, и я не считаю себя вправе не сообщить вашему высокопревосходительству содержание нашей беседы.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 313. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Депеша № 24. 24/11 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В декабре месяце прошлого года итальянское правительство через посредство своего консула в Валоне, обратилось с негласной просьбой к Измаилу-Кемалю-бею разрешить соединить кабелем Бриндизи и Сан-Джиованни-ди-Медуа.

Бывший председатель валонского правительства дал на это свое согласие, но отказался оформить его письменно, ссылаясь на то, что и обращение к нему было сделано в словесной форме. Итальянцы немедленно приступили к работам и быстро закончили их. Таким образом новый кабель открыл уже свои действия, и в Сан-Джиованни-ди-Медуа находится станция его, обслуживаемая двумя итальянскими чиновниками.

Все это дело велось без всякого шума, так что даже австрийцы, ревниво следящие за деятельностью итальянцев, были поставлены

[1] У Siebert'a: „wie San-Giuliano könne auch er nur wiederholen, dass nach der Lösung der albanischen Frage sich von selbst ein innigeres Zusammengehen zwischen Russland und Italien in allen politischen Fragen ergeben werde" (S. 260).

пред совершившимся фактом. Но вслед за этим австрийский представитель в Валоне получил поручение добиться такой же концессии для Австрии, для проведения кабеля между Кастельнуово и албанским побережьем до Санти-Кваранта. Измаил-Кемаль-бей с такой же легкостью дал свое разрешение австрийцам, но разыгравшиеся затем события в Албании не позволили им осуществить полученную ими концессию.

Необходимо заметить, что итальянцы держат уже в своих руках кабель между Валоной и Бриндизи и в силу особой конвенции, заключенной еще в шестидесятых годах прошлого столетия между Турцией и королевством Обеих Сицилий, поместили теперь на телеграфную станцию в Валоне двух итальянских чиновников.

Это обстоятельство, ставящее Италию в особо выгодное положение, конечно, не могло оставить равнодушной Австрию. Не считая удобным открыто выступать против своей союзницы, она прибегла к косвенным средствам. Австрийский консул в Скутари обратил внимание полковника Филиппса, военного губернатора названного города, на незаконность вывода итальянцами кабеля на албанскую территорию в Медуе и устройства там, без разрешения скутарийских властей, итальянской телеграфной станции.

Таким образом, все это дело было доведено до сведения английского правительства, которое поручило своему делегату в контрольной комиссии сделать по этому поводу запрос.

Г. Ламб на последнем заседании исполнил поручение своего правительства. Его запрос произвел крайне неприятное впечатление на итальянского комиссара, тем более, что никакого удовлетворительного объяснения он дать не мог, так как ссылка на словесное разрешение Измаила-Кемаля-бея, непризнанного правителя Албании, очевидно, не имела никакой доказательной силы. Г. Леони главным образом настаивал на культурном значении предприятия и на том, что вся сделка будет оформлена соглашением с будущим албанским правительством. Вопрос этот пока остался открытым, так как итальянский делегат обещал доставить дополнительные сведения и объяснения после наведения справок на месте. Сегодня, в частной беседе со мною, он снова вернулся к этому делу и высказал неудовольствие по поводу недоброжелательных выступлений английского делегата, подтвердив мне, что запрос этот негласно вызван австрийцами.

Вся эта история с кабелем интересна в том отношении, что показывает, как на каждом шагу сталкиваются австрийские и итальянские интересы, и в то же время она подчеркивает совер-

шенно определенное отношение английского правительства к осуществлению международного контроля над действиями двух адриатических держав, которые, под предлогом наибольшей заинтересованности в албанских делах, стараются с ним не считаться.

С глубочайшим почтением и пр.

А. Петряев.

№ 314. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Депеша № 6. 24/11 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Пребывание сербского и греческого министров-президентов в С.-Петербурге, одновременное посещение ими Бухареста и совместное путешестие их до Белграда, где г. Венизелос провел целый день, продолжая совещания с Пашичем и другими министрами, произвели здесь громадное впечатление.

Само собою разумеется, я не стану касаться в настоящей депеше переговоров Пашича с вашим высокопревосходительством, которые доставили ему большое нравственное удовлетворение. Он вернулся в Белград в полном упоении, до глубины души тронутый знаками высокомилостивого внимания к нему государя императора. „В каждом слове вашего царя,—сказал мне Пашич,—я чувствовал, кроме того, особливую благожелательность его императорского величества к Сербии; это являлось драгоценною наградою нам за неизменную преданность России, указаниями которой я неукоснительно руководствовался во всех делах внешней политики. Царская милость служит также в наших глазах залогом светлой будущности Сербии, которая, конечно, без могучей нравственной поддержки России, не в состоянии преодолеть трудности, создаваемые ей на каждом шагу соседней монархией, всегда враждебно настроенной по отношению к сербам“.

Греческий председатель совета министров с неменьшим восторгом отзывался о милостивом приеме, оказанном ему при высочайшем дворе. Побывав в первый раз в России, г. Венизелос вынес самые отрадные впечатления из своего путешествия. Собеседования с вашим высокопревосходительством, по его словам, не оставили в нем сомнения в готовности России отстаивать законные интересы Греции. Венизелос убедился также в том, что императорское правительство относится с полным сочувствием к дружественному сближению 4 балканских государств и искренно желало бы участия

в нем Болгарии. Но это, добавил греческий президент, зависит прежде всего от самих софийских правителей, которые, к сожалению, до сих пор не только не проявляют склонности к сближению с бывшими союзниками, а напротив чуть не открыто готовятся к войне с Грецией в сообществе с исконным врагом балканских христианских народностей.

В Белграде г. Венизелос был принят весьма радушно, уже как старый друг и представитель союзной Греции. Переговоры его с сербскими министрами подтвердили полную согласованность во взглядах обоих правительств. Некоторые возникшие на новых границах недоразумения были легко улажены, и сербо-греческий союз был, так сказать, вторично скреплен торжественными обоюдными заверениями.

Вечером в день отъезда Венизелоса через Скопље и Салоники в Афины сюда прибыл из Бухареста греческий престолонаследник, остававшийся в Белграде гостем короля Петра в течение двух суток. Само собою разумеется, что посещение это, особливо вслед за визитом греческого премьера, вовсе не имело политического характера, хотя и отмечено было всею местною печатью, как многозначительное явление.

Королевич Георгий имел лишь поручение передать от имени своего августейшего родителя королю Петру и королевичу Александру медали, выбитые в воспоминание последней балканской войны.

Встречаемый повсюду с большими овациями столичным населением, греческий принц, по всем вероятиям, немало проскучал в Белграде, ибо король Петр, недомогая за последнее время, принужден был отказаться от различных торжеств в честь своего гостя, а сербский престолонаследник, к довершению неудачи, запоздал возвращением в Белград, приехав сюда на целые сутки позже королевича Георгия.

Я не стану утруждать внимания вашего высокопревосходительства рассказами королевича Александра о пребывании его в С.-Петербурге. Отмечу лишь, что восторгам его высочества по поводу милостивого и благожелательного внимания к нему государя императора, государынь императриц и всей царской семьи нет пределов. Большое впечатление произвел на сербского престолонаследника и радушный прием оказанный ему в собраниях наших гвардейских полков.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 315. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 7 [1]. 24/11 февраля 1914 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Одновременное [2] пребывание Пашича и Венизелоса в Бухаресте вызвало [3] во всей балканской и европейской печати толки о состоявшемся окончательном присоединении Румынии к сербо-греко-черногорскому союзу.

Толки эти однако, как мне совершенно откровенно поведал Пашич, не вполне точны [4]. Ни формального союза, ни какого-либо письменного соглашения в Бухаресте заключено не было. Но из целого ряда дружественных объяснений как Пашича, так и Венизелоса с румынскими государственными людьми с несомненностью явствует [5], что Румыния твердо решила оберегать постановления Бухарестского мирного договора [10 августа] 28 июля 1913 г. и ни в коем случае не допустить нарушения установленного этим актом положения, с чьей бы стороны ни исходило покушение на status quo. И таковых взглядов придерживаются не только политические деятели, участники договора, ныне сошедшие со сцены, но и члены нынешнего кабинета Братиану.

По словам сербского министра-президента, в Бухаресте никто так ясно и с таким пониманием политических условий не определил настоящего положения на Балканах, как сам король Карл. Во время данной Пашичу аудиенции его величество подробно обсуждал безумные замыслы Турции и Болгарии, воскликнув в заключение: „Кто бы мог еще недавно поверить тому, что Румыния может быть поставлена в необходимость силою ограждать какие-то Эгейские острова от насильственного захвата Турции!“ [6].

Этот возглас маститого короля произвел большое впечатление на Пашича, который справедливо усмотрел в нем готовность его величества, в случае серьезных осложнений, двинуть свои войска для защиты греческих интересов.

---

1 Опубл. Siebert, III, S. 257—258, № 1038.

2 У Siebert'a: „während“ (S. 257).

3 У Siebert'a: „waren... verbreitet worden“ (S. 257).

4 У Siebert'a: „völlig unzutreffend“ (S. 257).

5 У Siebert'a: „Dagegen ist in den freundschaftlichen Erklärungen sowohl der rumänischen Staatsmänner als auch der Vertreter Griechenlands und Serbiens zweifellos die ernste Neigung zum Abschluss eines Vertrages zutage getreten; Rumänien ist fest entschlossen...“

6 У Siebert'a: „dass gewisse Ägäische Inseln dem Besitzstande der Türkei erhalten bleiben» (S. 258).

Нет сомнения, что таковая речь в устах короля Карла заслуживает особливого внимания, как свидетельство немаловажной перемены, происшедшей в политических взглядах монарха, всегда руководствовавшегося указаниями из Берлина и Вены.

Переговорами с румынскими министрами Пашич воспользовался, чтобы подвинуть вперед и дело соглашений между обоими государствами по различным торгово-экономическим вопросам. Полное сближение на этой почве, несомненно, послужит и к более тесному скреплению политических уз, одинаково выгодных и для Сербии и для Румынии.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

№ 316. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

%. Депеша № 8. 24/11 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из прошлых донесений моих ваше высокопревосходительство изволили осведомиться о настойчивых стремлениях Эсада-паши вступить в тесные связи с сербским правительством, в целях устранения совместными силами пагубного для интересов Сербии и Албании своекорыстного вмешательства в их дела как Италии, так и Австро-Венгрии. В начале декабря минувшего года, как известно, Эсад-паша командировал в Белград особых уполномоченных, возложив на них поручение—установить дружеские отношения с Сербией и добиться содействия последней к водворению на албанский престол мусульманского князя. По словам приезжавших сюда нотаблей, выдвинутая европейскими державами кандидатура христианского принца Вида не встречает и не может встретить никакого сочувствия в стране, большинство населения которой, исповедуя магометанскую религию, естественно, желает иметь и властителя мусульманина. Они не сказали прямо, что таковым властелином должен быть именно Эсад-паша, пользующийся совершенно исключительным влиянием среди арнаутских племен, но это было ясно само собою из их разговоров.

Посланцам скутарийского героя оказан был здесь весьма ласковый прием. Пашич поручил им заверить Эсада-пашу в искреннем желании сербов жить в мире и согласии с албанцами; обещал от имени сербского правительства полное обеспечение жизни и имущества соседнего населения, а равно и свободного доступа последнему в завоеванные края для торговых сношений, закупки съестных при-

пасов и проч. Наконец, председатель совета министров вручил посланцам 30 тыс. франков для раздачи пособия албанским семействам, невинно пострадавшим при недавнем разгроме сербскими войсками разбойничьих арнаутских шаек, и для организации правильной караульной службы на общей албано-сербской границе.

По вопросу же о кандидатах на албанский престол Пашич благоразумно уклонился от собеседований с уполномоченными Эсада, заявив, что дело это находится в руках европейских держав и что посему Сербия не может принять в нем никакого участия.

Эсад-паша однако на этом не успокоился и с тех пор продолжал через посредство сербских пограничных военачальников обращаться в Белград за содействием к поддержанию его затаенных притязаний. Все дальнейшее поведение его, особливо же спешная посылка преданных ему полчищ не только в центральную Албанию, но и на юго-восток к берегам Охридского озера, ясно свидетельствовали, что энергичный паша не остановится пред насильственным захватом власти в созданной Европою автономной области.

В последнюю минуту однако, почти накануне вступления его войск в Тирану, совершенно неожиданно в образе действий Эсада произошел крутой поворот: он вдруг перешел в лагерь европейского избранника, стал благожелателем принца Вида, добровольно изъявил согласие подчиниться ему, подготовить будущему князю радушный прием и даже вызвался стать во главе депутации, приглашающей нового Скандербега занять трон независимой Албании.

Общий голос твердит, что это все—недобрый знак; что такой властолюбивый, энергичный, всесильный, сознающий свое собственное значение человек, как Эсад-паша, не может с легким сердцем уступить свое место иностранному принцу, который явится в стране проводником чуждых влияний, чуждых интересов, столь противных религии и обычаям албанского мусульманского населения. На основании получаемых здесь из довольно верного источника сведений, Эсад, несомненно, ведет двойную игру: наружно примирившись с кандидатурою принца Вида, выставляя себя его верным подданным, чтобы усыпить всяческие подозрения со стороны, он сумеет найти подходящую минуту для осуществления своих властолюбивых замыслов. Разбираться в средствах он не станет,—тому служит порукой его предшествующая, в турецкое время, деятельность на скутарийском посту.

Приведенные данные подтверждаются и впечатлениями на-днях вернувшегося в Белград из путешествия по Албании здешнего французского военного агента. Полковник Фурнье прожил несколь-

ко недель в Скутари, побывал в Дураццо, Эльбасане и Тиране. Повсюду его поражала преданность не только мусульманского, но даже и католического населения Эсаду-паше. Имя последнего окружено известным ореолом. Его популярность, материальные средства и находящиеся в его распоряжении военные силы по местному масштабу громадны. Никто в Албании не верит, чтобы Эсад при таких условиях согласился отойти на второй план, и Фурнье склонен думать, что вскоре по водворении призываемого ныне князя за его спиною начнут строить козни.

К этому небезынтересно прибавить доверительно сообщенную мне Пашичем подробность: перед самым отправлением своим с депутацией к принцу Виду Эсад-паша вновь командировал уполномоченного в Белград с ходатайством о ссуде 10 тыс. золотых, обязуясь взамен содействовать удовлетворению территориальных притязаний сербского правительства. Так, повидимому, глубоко убежден Эсад-паша в своем мощном влиянии и силе.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 317. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 9[1]. **24/11 февраля 1914 г.**

Как я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству секретными телеграммами от [12 февраля] 30 января и [14] 1 февраля[2], дошедшие до Парижа слухи о том, будто за время отсутствия Пашича в среде сербского правительства взяли верх противники интернационализации Восточной дороги, настаивающие ныне на выкупе названной дороги, не имеют под собой никакой почвы. Подобных неожиданных превращений в старорадикальном кабинете, где главные и наиболее влиятельные члены являются ближайшими единомышленниками лидера партии, и вообще не бывает, а в данном случае это было тем менее возможным, что вопрос о Восточной железной дороге неоднократно тщательно обсуждался в совете министров, и, после того как взвешены были все соображения за и против выкупа дороги, совет единогласно, за исключением министра торговли, вышедшего в отставку, принял французское предложение об интернационализации.

Сербскому правительству хорошо известно, что комбинация,

---

[1] Лит. копия.

[2] См. №№ 245, 246 и 257.

предложенная Францией, встречает сочувствие России, которая допустила участие в ней своих кредитных учреждений; приезжавшему сюда представителю французских капиталистов дано уже было формальное согласие на ведение переговоров об интернационализации; спрашивается, кто же из министров при указанных условиях решился бы дать иное направление этому делу, да еще пользуясь для сего временным отсутствием Пашича.

Очевидно, тут произошло какое-либо недоразумение, в сущности легко объяснимое некоторою прямолинейностью сербского посланника в Вене, который слишком часто беседует с журналистами и слишком много сообщает им из своих собственных соображений.

Как известно, в инструкциях, данных г. Иовановичу, сказано было, что сербское правительство принципиально изъявило готовность к принятию французского предложения об интернационализации Восточной железной дороги, сохраняя однако за собою неотъемлемое право выкупа названной дороги на случай, если бы предстоящие в Вене переговоры не достигли успеха.

Весьма возможно, что в беседах либо с финансистами, либо с чинами Ballplatz'a Иованович неосторожно подчеркнул последнее условие и тем дал повод к предположению, что Сербия прежде всего настаивает на выкупе Восточной дороги.

Во всяком случае до такого заключения не доходил здешний австро-венгерский посланник, который еще на-днях беседовал с Пашичем о Восточной железной дороге и получил от последнего письменную заметку, у сего в копии препровождаемую [1].

Из предшествующих моих донесений вашему высокопревосходительству известно, что за последнее время сербское правительство было немало встревожено вмешательством в дело Восточной дороги римского кабинета.

Повидимому, Италия твердо решила не допускать никаких сделок по изложенному вопросу без ее участия. На это ясно указывает равным образом нота здешнего итальянского посланника, о которой я упоминал в одной из моих телеграмм. (Тождественная нота была вручена итальянским послом в С.-Петербурге [2], копия препровождается в литографиях. Пол. Арх.) [3]

На основании полученных здесь из доверительного источника сведений на эту роль толкает Италию германское правительство, ибо в Берлине крайне недовольны действиями Австрии, захватившей

[1] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.
[2] См. № 111.
[3] Так в подлиннике

в свои руки большинство восточных акций, принадлежавших немецким банкам, и благодаря этому пытающейся занять привилегированное положение в Сербии, с которою однако Германия все более развивает торговые связи.

Сведения о недовольстве Берлина постановкой дела Восточной дороги мне подтвердил в доверительной беседе и мой итальянский коллега. Барон Сквитти откровенно сказал, что интернационализация названной дороги совсем не выгодна и Италии, которая готова была бы оказать Сербии всяческое содействие для выкупа ее.

Со своей стороны Пашич как-то сообщил мне, что немецкий предприниматель Бергер, которому поручена была трассировка Битоли-Скоплянской дороги, предлагал сербскому правительству даже изыскать нужные капиталы для приобретения Восточной дороги.

Гартвиг.

№ 318. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 114. 24/11 февраля 1914 г.

Прошу срочных распоряжений.

Великий визирь доверительно сообщил мне разговор, начатый им с Панасом об островах. Панас заявил, что он не имеет полномочий своего правительства для непосредственных переговоров с Турцией, и что вообще Греция всецело отдала дело в руки Европы. На это великий визирь возразил, что непосредственные переговоры необходимы, ибо Турция не может обойтись без Хиоса и Митилены и все сделает, чтобы их получить [1]. Передав изложенное, Саид-Халим просил меня довести до сведения вашего высокопревосходительства, что он ходатайствует о поддержке России. Делает он это с двоякою целью: во-первых, потому, что—убежденный сторонник сближения с Россией и хочет доказать стране, что в столь важном вопросе Турции особенно выгодна помощь именно России; во-вторых,—полагая, что переход названных островов, и в особенности Лемноса, к Греции не может соответствовать русским интересам. Я ответил великому визирю, что возьмусь передать его просьбу только в том случае, если получу категорическое обещание,

[1] В тел. от 27/14 февр. 1914 г. за № 40 Демидов сообщал, что на его запрос по поводу известий относительно сепаратных переговоров Турции с Грецией Стрейт ответил, что Талаат действительно обратился к Панасу с предложением начать переговоры, намекнув при этом на возможность обмена островов, но Панас „уклонился от разговора на сей предмет“.

что до ответа вашего высокопревосходительства он не обратится за содействием к какой-либо другой державе. Саид-Халим это обещал, не скрыв однако, что ожидает со стороны вернувшегося в Константинополь Вангенгейма попытки вмешаться в дело. При этом великий визирь меня заверил, что до сих пор Порта ни к кому за поддержкой не обращалась. В заключение считаю долгом высказать личное мнение, что так или иначе Порта добьется возвращения помянутых островов, почему было бы выгодно использовать в наших интересах предложение великого визиря.

Гулькевич.

№ 319. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену [1].

25/12 февраля 1914 г.

Императорское правительство не преминуло внимательно рассмотреть переданную в копии великобританским послом депешу сэра Эдуарда Грея от 31 декабря минувшего года [2] по вопросу о Трансперсидской железной дороге.

Взвесив заключающиеся в этой депеше предложения статс-секретаря по иностранным делам, императорское правительство считает нужным со своей стороны изложить свой взгляд на затронутые вопросы.

1) Вопрос о подаче персидскому правительству просьбы об опционе на постройку сказанной дороги разрешается ныне в том смысле, что означенная просьба будет отправлена в Тегеран непосредственно Société d'Etudes по почте или через персидского посланника в Париже. Вслед за получением в Тегеране этого документа ходатайство общества может быть поддержано представителями России, Англии и Франции в отдельности. Подобное выступление французского посланника по имеющему чисто экономический характер делу, в котором участвуют французские граждане и капиталы, не может, по глубокому убеждению импер. прав-ва, подать повод какой-либо другой державе предъявить какие бы то ни было требования. С другой стороны, такое участие французского послан-

---

[1] Черновик рукою Клемма. В делах б. м-ва ин. дел обнаружен только русский текст публикуемой пам. записки. В делах б. лонд. пос-ва хранится копия с нее, также на русском языке, которая была препровождена Бенкендорфу при письме от 28/15 февр. 1914 г. за № 119.

[2] См. № 152 и прим.

ника в означенном шаге представляется необходимым не только в видах удовлетворения справедливого пожелания французской группы Société d'Etudes, но и ввиду известной лондонскому кабинету просьбы о том шахского министра иностранных дел, для которого придание предприятию в глазах персов международного, а не только англо-русского характера имеет существенное значение.

2) По вопросу об обеспечении будущей Трансперсидской ж. д. свободных подступов к морю следует заметить, что S. d'E. не было осведомлено о каких-либо претензиях „Персидского железнодорожного синдиката" на портовые в районе Трансперсидской дороги сооружения, а потому и в уставе сказанного общества, известном великобританскому прав-ву, имеются указания на подобные сооружения, что и естественно, ввиду задач, преследуемых обществом. Нельзя при этом не отметить, что опасения политического свойства, внушаемые означенным вопросом великобританскому прав-ву, едва ли имеют основание, ввиду того, что, как уже раньше указывалось, на южном участке дороги английская группа S. d'E. будет иметь подавляющий перевес перед другими группами[1]. Если б однако этот довод показался лондонскому кабинету недостаточно убедительным, то можно было бы предложить еще следующий выход, на который S. d'E., быть может, согласилось бы, а именно, чтобы заведывание портовыми сооружениями на юге находилось в руках исключительно английской группы этого общества.

По имеющимся у имп. прав-ва сведениям, русская группа в принципе не встречает препятствий ко вступлению в непосредственные переговоры с Persian Railways Syndicate, но она должна предварительно сговориться на этот счет с прочими группами, ибо переговоры должны вестись от имени всего Société d'Etudes.

Что же касается упоминания о подступах к морю в просьбе об опционе, имеющей быть поданной шахскому прав-ву[2], то S. d'E. уже само предложило ограничиться на этот счет совершенно общей формулой, вполне соответствующей той, которая приведена в ноте сэра Э. Грея. При этом однако S. d'E. желает, чтобы русское и великобританское прав-ва дали ему надлежащие заверения в том, что его интересы в вопросе о свободных выходах к морю будут в должной мере ограждены. Текст подобного заве-

[1] См. №№ 25 и 152.

[2] См. стр. 179, прим. 2.

рения, по сведениям имп. прав-ва, уже был сообщен из Парижа английской группе S. d'E. в Лондоне для соответствующих объяснений с британским м. и. д.

3) Относительно комиссии, имеющей исследовать южные направления Трансперсидской дороги, импер. прав-во может лишь повторить, что по соображениям денежного и иного характера оно лишено возможности принять расходы по снаряжению экспедиции на юг Персии на средства русской казны и что участие русского и французского делегатов в означенной комиссии может осуществиться только за счет S. d'E., представителям коего может лишь быть придан официальный характер. Так как при таких условиях французский член комиссии будет являться фактически русским уполномоченным и французское прав-во никакого участия в этом деле принимать не будет, то и опасаться каких-либо нежелательных от сего последствий не будет никаких оснований.

4) Императорское прав-во уже имело честь довести до сведения лондонского кабинета[1], что направление Трансперсидской ж. д. на Исфагань—Шираз и Бендер-Аббас является для него и для S. d'E. безусловно неприемлемым. Казалось бы поэтому, что какие-либо исследования этого направления представляются излишними, тем более что при ограниченности средств S. d'E. работы комиссии должны быть по возможности быстро закончены, и всякие излишние расходы устранены.

Тем не менее, если великобританское правительство будет все же настаивать на исследовании этого направления, и если S. d'E. согласится принять на себя этот расход, то импер. прав-во готово включить это направление в число тех, которые будут подлежать обследованию, с тем однако чтобы комиссии вменено было в обязанность обследовать также и всякие другие направления, и чтобы результаты этих обследований были впоследствии подвергнуты рассмотрению.

Для надлежащих по сему предмету переговоров с S. d'E. желательно было бы получить в возможно непродолжительном времени от великобританского прав-ва его предположения относительно стоимости предстоящей экспедиции в Южную Персию, а равно и относительно времени, потребного для прохождения комиссии по разным возможным вариантам будущего направления железной дороги.

5) Импер. прав-во не встретило бы никаких препятствий к тому,

[1] Пам. запиской от 14/1 мая 1913 г.

чтобы представитель английской группы S. d'E. был назначен самим S. d'E. в составе партии, имеющей проверить уже сделанные ранее подробные изыскания северной части железной дороги [1], рассчитывая, что в свое время на правах взаимности представитель русской группы будет участвовать в таких же изысканиях пути на юге.

б) Обращаясь к приложенной к депеше сэра Э. Грея выписке из депеши его же от 5 февраля 1913 г. за № 64 [2], следует отметить, что взгляды импер. прав-ва на затронутые в ней вопросы уже были сообщены великобрит. посольству в памятной записке от [14] 1 мая 1913 года [3] и что взгляды эти с того времени не изменились. Императорское прав-во считает однако нужным пояснить, что вопрос о равенстве тарифных ставок может получить разрешение лишь после того, как состоится вся постройка транзитного Трансперсидского пути, а не в то время, как будет существовать лишь северная его часть в пределах русской и нейтральной зоны.

Изложив выше свои взгляды на затронутые статс-секретарем по иностран. делам вопросы, импер. министерство иностранных дел, согласно просьбы о том русской группы S. d'E., считает долгом привлечь серьезное внимание лондонского кабинета на значительные проволочки, которые приходится испытывать предприятию Трансперсидской железной дороги и которые отзываются весьма чувствительно на интересах Société d'Etudes.

Основная цель этого общества—создать великий транзитный

---

[1] В письме к Бьюкенену от 31/18 дек. 1913 г. Грей сообщал о пожелании англ. прав-ва, чтобы в состав упомянутой партии входил английский представитель.

[2] В названной выписке значатся следующие условия: части пути, находящиеся вне сферы русского влияния, строятся только по согласованию с англ. правительством; главная линия проходит через Исфагань и Шираз и достигает англ. зоны у Бендер-Аббаса, который и должен быть южным конечным пунктом дороги; вопрос о соединении Трансперсидской ж. д. с индийской ж. д. сетью остается открытым до тех пор, пока англ. прав-во не найдет такое соединение своевременным; английское правительство не берет на себя финансовой гарантии предприятия; пункт выхода ж. д. к морю, намеченный специальной комиссией, представляется на утверждение англ. прав-ва; вопрос о ширине колеи вне русской зоны решается англ. прав-вом; по всем вопросам, касающимся южного участка дороги, решающий голос должен принадлежать английским представителям.

[3] В пам. зап. от 14/1 мая 1913 г. росс. м-во ин. дел, соглашаясь с тем, чтобы вопрос о соединении Трансперсидской ж. д. с индийской ж.-д. сетью оставался временно открытым, решительно возражало против направления линии на Исфагань—Шираз—Бендер-Аббас по соображениям, изложенным в письме Сазонова к Бенкендорфу от 31/18 янв. 1914 г. за № 45 (см. № 152).

путь между Индией и Европой через Россию—цель, которая в самом начале была встречена сочувственно великобританским правительством, все более отодвигается в неопределенное будущее, причем причиной этого являются, повидимому, опасения политического и стратегического свойства, которым, казалось бы, не должно бы быть места при установившихся дружественных отношениях между обеими державами.

В связи с этим задерживается также разрешение вопроса о северной части дороги, так как последний при настоящей постановке дела естественно находится в известной зависимости от решений, которые будут приняты по отношению к южной части.

Отнюдь не настаивая на осуществлении ныне же предприятия Трансперсидского пути во всем его объеме и будучи вполне готово ограничить постройку дороги пока пределами русской сферы влияния, импер. прав-во полагает однако, что к немедленному испрошению опциона на всю дорогу, без обозначения ее направления на юге, препятствий более не встречается. Вместе с тем оно считает с точки зрения своих насущных интересов скорейшее проложение линий в пределах русской зоны совершенно необходимым при тех несомненных успехах, которые наблюдаются в постройке Багдадской железной дороги.

Ввиду этого, русское правительство предлагает вместе с сим Société d'Etudes ныне же представить указанным выше путем персидскому прав-ву просьбу об опционе на всю линию, вместе с правом окончательных изысканий на северной части ее, с тем чтобы по производстве последних был тотчас же составлен концессионный договор на эту часть пути и вслед за тем было бы приступлено к самой постройке.

Если бы засим такого рода постановка вопроса оказалась для Société d'Etudes в нынешнем его составе почему-либо неприемлемой, то пришлось бы признать первоначальное предприятие расстроившимся и обратиться к составлению нового общества специально для постройки русских дорог как в русской, так и в нейтральной зонах, причем императорское прав-во, конечно, сочло бы себя в таком случае свободным от каких-либо обязательств, принятых им на себя в связи с обменом мнений относительно транзитного пути.

Императорскому посланнику в Тегеране вместе с сим даются указания поддержать ходатайство Société d'Etudes, как только таковое будет получено шахским правительством.

№ 320. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [1].

25/12 февраля 1914 г.

[27] 14 февраля царь Фердинанд болгарский празднует день своего рождения.

Хотя в последние годы ему по этому случаю и не посылалось высочайшей поздравительной телеграммы, однако, ввиду обнаруживаемой им ныне особенной чувствительности ко всякому знаку внимания, приемлю в долг испрашивать всемилостив. указаний, не угодно ли будет вашему импер[аторскому] велич[ест]ву осчастливить его телеграммой, имеющей целью показать, что, несмотря на допущенные царем Фердинандом политические ошибки, ваше величество не изменили высокомилостивого своего отношения к верховному вождю болгарского народа.

На случай, если бы вашему импер. вел[ичест]ву благоугодно было соизволить на отправку [27] 14 сего февраля подобной телеграммы, осмеливаюсь представить у сего на высоч[айшее] благоусмотрение проект таковой [2].

[Сазонов.]

№ 321. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

*/. Телеграмма № 335 [3]. 25/12 февраля 1914 г.

Сообщается в Бухарест, Париж и Лондон.

Ваша телеграмма № 114 [4] получена.

Можете передать великому визирю, что при всем желании быть приятными Турции мы не считаем возможным удовлетворить его просьбу воздействия на Грецию для уступки в вопросе об островах. Наоборот, из чисто дружеских побуждений мы советуем Турции подчиниться воле держав, ибо в случае столкновения с Грецией, последняя может с гораздо большей уверенностью рассчитывать

---

[1] Черновик рукою Шиллинга.

[2] Ее текст: „Поздравляя ваше величество со днем вашего рождения, пользуюсь случаем, чтобы высказать вам удовольствие по поводу чувств, выраженных вами мне через моего посланника. Сердечно желаю вашему величеству благоденствия и божьей помощи в исполнении лежащей на вас задачи возрождения и укрепления Болгарии, за мирным развитием которой я продолжаю следить с неизменным сочувствием". Проект был утвержден Николаем II, и 27/14 февр. тел. была отправлена. Фердинанд ответил 28/15 февраля.

[3] Лит. копия.

[4] См. № 318.

на помощь Румынии, Сербии и Черногории, чем Турция на помощь Болгарии, которая будет парализована в своих действиях.

Помимо сего, трудно ручаться за положение, которое принято будет всеми великими державами, которые едва ли допустят новое замешательство на Балканах[1].

Сазонов.

№ 322. Министр иностранных дел поверенному в делах в Бухаресте Арсеньеву.

*/. Телеграмма № 336. 25/12 февраля 1914 г.

Ваша телеграмма № 26[2] получена.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 335[3].

Можете доверительно сообщить Братиану о советах, даваемых нами Турции. Что касается Болгарии, мы ее предупреждали о неминуемой опасности снова сплотить враждебный против себя блок держав в случае каких-либо попыток совместных с Турциею действий.

[Сазонов.]

№ 323. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 337[4]. 25/12 февраля 1914 г.

Считаем желательным, чтобы в основу переговоров о Салоникском банке были положены следующие начала: 1) возможное усиление русского представительства в составе совета банка и 2) предоставление преобладающего, если не вполне самостоятельного, положения представителям России в отделениях в Армении[5].

Находим желательным возложить ведение переговоров на Николая Рафаловича[6].

[Сазонов.]

---

[1] В ответной телеграмме Гулькевича от 26/13 февр. 1914 г. за № 118 сообщалось, что поручение Сазонова исполнено, и что, согласно заверению великого визиря, последний „добивается возвращения островов исключительно мирным путем".

[2] См. № 304.

[3] См. № 321.

[4] Опубл. Stieve, IV, S. 57, № 1275.

[5] У Stieve: „...Selbstständigkeit des russischen Vertreters in der Abteilung für Armenien".

[6] 24/11 февр. эти пожелания были сообщены Сазоновым в м-во финансов.

№ 324. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

%. Телеграмма № 338. 25/12 февраля 1914 г.

Ваша телеграмма № 58 [1] получена.

Ждем окончательного ответа о кандидатах из Голландии [2]. Прошу вас однако теперь же дружески обратить внимание французского правительства на желательность избегнуть каких бы то ни было разногласий в этом вопросе. Мы считаем себя вправе рассчитывать, что Франция поддержит именно тех кандидатов, которых мы предложим, и не будет выставлять своих. Какая-либо инициатива вразрез с нашими желаниями в вопросе, где мы никого не может считать заинтересованными в той же мере, как Россия, вызвала бы естественное раздражение в нашем общественном мнении, и мы полагаем, что Франция поймет желательность устранить подобную возможность.

[Сазонов.]

№ 325. Министр иностранных дел поверенному в делах в Буэнос-Айресе Штейну.

%. Телеграмма № 340 [3]. 25/12 февраля 1914 г.

Сообщается послу в Вашингтоне.

Весьма секретно. Прошу расшифровать лично.

Нашему морскому агенту в Вашингтоне поручены переговоры с банкиром Швабом о покупке нами строящихся в Америке двух аргентинских судов.

Благоволите принять все меры, чтобы склонить аргентинское правит[ельст]во оказать нам услугу уступкой этих судов, и чтобы помешать переходу их в руки Турции или Греции.

Сазонов.

---

[1] В тел. от 24/11 февр. 1914 г. за № 58 Извольский сообщал, что, по мнению франц. м-ва ин. дел, в вопросе о кандидатурах на посты генеральных инспекторов для Армении желательно установить предварительное соглашение между Россией, Англией и Францией. По сообщению Извольского, франц. правительство имело в виду норвежских кандидатов.

[2] В тел. от 25/12 февр. 1914 г. за № 59 Извольский сообщал, что, по сведениям Камбона, „лондонский кабинет ищет кандидатов главным образом среди голландцев".

[3] Передана через посла в Вашингтоне.

№ 326. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 47. 25/12 февраля 1914 г.

Me réfère lettre № 99 [1].

Personnel.

Les intérêts de l'Angleterre à la Dette Publique Ottomane sont tellement inférieurs à ceux de la France que le gouvernement anglais prendra certainement en sérieuse considération l'opinion à ce sujet du gouvernement français. C'est à une remarque de ce genre que se bornera, je crois, tout d'abord la réponse de Grey à ce que je pourrais lui en dire. Je n'ai pas d'indication authentique sur l'opinion française, mais il me revient que cette question est traitée à Paris comme très importante, que conditions déjà officiellement formulées par le gouvernement allemand sont jugées inadmissibles, quoique fondées sur des argumentations difficiles à combattre. D'une autre source il me revient qu'on eût préféré à Paris que nous débutions par la création d'un groupe d'intérêts russes dont les délégués auraient d'abord entamé l'affaire. En tout cas, j'attendrai l'arrivée de Cambon avant d'en parler à Grey: si l'ambassadeur de France n'était pas en mesure de m'appuyer sans réserve, il me semble qu'il serait désirable qu'un accord avec le gouvernement français soit d'abord établi. En tout cas, je crois cette affaire difficile et délicate et je voudrais pouvoir y mettre la prudence nécessaire.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на письмо № 99.

Лично.

Заинтересованность Англии в Оттоманском государственном долге настолько уступает интересам Франции в этом деле, что английское правительство несомненно отнесется самым серьезным образом к мнению французского правительства по данному вопросу. Именно замечанием такого рода, я думаю, ограничится прежде всего ответ Грея на то, что я мог бы ему об этом сказать. У меня нет точных данных относительно французской точки зрения, но, насколько мне известно, этот вопрос расценивается в Париже как весьма важный, и условия, уже официально формулированные германским правительством, считаются неприемлемыми, хоть и основными на аргументах, которые трудно оспаривать. Из другого источника мне сообщают, что в Париже предпочли бы, чтобы мы сначала образовали группу русских держателей, представители которой начали бы дело. Во всяком случае не буду говорить об этом с Греем до прибытия Камбона: если французский посол не будет в состоянии безоговорочно поддер-

[1] См. № 287.

жать меня, то мне представлялось бы более желательным, чтобы сначала было достигнуто соглашение с французским правительством. Во всяком случае, я считаю это дело трудным и щекотливым и хотел бы отнестись к нему с должной осторожностью.

Бенкендорф.

№ 327. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 25/12 февраля 1914 г.

Monsieur le ministre,

J'ai eu l'honneur de rendre compte à votre excellence par télégramme [1] de notre première séance de réunions à trois chez Sir Edward Grey.

Dès que je lui parlai de votre désir à ce sujet il se rendit compte de tout le parti qu'on en pouvait tirer et nous convoqua pour le lendemain même.

Assez malheureusement le „Temps" avait, par un entrefilet, ébruite la chose et par là ouvert des polémiques de presse en Allemagne avant même que je n'aie eu matériellement le temps d'en parler à Sir E. Grey. Nous convînmes de répondre aux questions qui pourraient nous être adressées par les représentants de la presse qu'en effet nous nous réunissions parfois en conférence, mais que cet usage, établi depuis longtemps, ne constitue en réalité aucune nouveauté et que la fréquence de nos réunions dépendait de l'urgence que leur donnaient les événements en cours.

Je n'ai que peu de chose à ajouter au sujet de cette réunion. Dès la prochaine je vous rendrai compte du résultat des instructions que vous avez bien voulu me donner par votre télégramme № 317 [2], en les appliquant tout d'abord aux affaires d'Albanie dans le sens de votre télégramme № 286 [3] et aussi d'une lettre officielle qui m'est parvenue avant-hier [4].

C'est M. Cambon qui parla des complications qui pourraient surgir pour le cas probable que les réponses de la Turquie et de la Grèce ne fussent qu'insuffisamment satisfaisantes. La réponse grecque n'était pas encore connue. Depuis, un court sommaire en est parvenu à Sir E. Grey, trop incomplet pourtant, pour qu'il puisse en conclure rien de définitif. L'impression pourtant me semble meilleure qu'on ne s'y attendait à Londres, en tant que le gouvernement grec ne paraît pas subordonner l'évacuation à des conditions positives. Quoi qu'il en soit,

[1] См. № 290.
[2] См. № 298.
[3] См. № 277.
[4] См. № 285.

Sir E. Grey répondit à l'ambassadeur de France comme un homme qui avait réfléchi déjà à ce dont il était question. Il nous dit que son projet de déclaration d'une part, de l'autre un arrangement entre les Puissances par lequel elles s'engageraient à faire respecter leurs décisions en tout cas, lui avaient paru être conformes à la dignité des Puissances et en même temps garantir une solution pacifique et stable. Le second point de sa proposition n'avait pas été agréé par les Puissances. Seule sa déclaraton avait été acceptée, Sir Edward nous répéta qu'ainsi tronqué, son projet perdait à ses yeux sa portée réelle et que s'il s'y était résigné, il l'avait fait seulement pour ne pas rompre le concert européen.

Sir Edward nous dit alors que c'est aux Puissances de la Triple Alliance qu'incombe la responsabilité de cet échec; que tenter de le réparer par des initiatives nouvelles pourrait n'avoir d'autre résultat que de faire surgir de nouvelles oppositions. Il en conclut qu'aujourd'hui c'est aux Puissances de la Triple Alliance qu'il incombait, pour le cas de difficultés dont elles se trouvent responsables, de faire telles propositions que nous aurions à considérer à trois avant d'y répondre.

Le jour même de notre réunion M. Cambon, mandé à Paris par M. Doumergue, quitta Londres. Il est revenu hier soir, mais je ne l'ai pas encore revu. Cette absence interrompit nos pourparlers.

Quand le courrier me parvient le lundi, je n'ai que peu de temps pour m'acquitter avant mercredi soir des instructions qu'il contient. Aussi n'ai-je pu aborder jusqu'aujourd'hui aucune des questions dont traitent les trois lettres que cette fois j'ai reçues [1]. Les deux qui traitent de l'emprunt monténégrin et les affaires de banque et d'emprunt albanais, ne présenteront, je pense, aucune difficulté. En principe, l'accord sur ces questions est établi. Je veillerai aux détails selon vos instructions.

Il n'en est pas tout à fait de même de la question d'un délégué russe à la Dette Ottomane. Si j'en parlais dès aujourd'hui à Sir E. Grey, il me répéterait sans doute ce qu'il m'a déjà dit une fois: que les intérêts anglais dans la Dette sont tellement inférieurs à ceux de la France qu'il est obligé d'en tenir compte. Ce qui veut dire que tout arrangement entre nous et la France sera très probablement accepté par lui. Par conséquent il s'agit surtout de savoir si M. Cambon est muni d'instructions à ce sujet. Avant son départ, que je sache [2], tel n'était pas le cas. Eclairer cette question à nos réunions me semble

---

[1] См. №№ 285, 286 и 287.

[2] Так в подлиннике.

dépasser notre compétence. Quel que soit le théâtre des négociations, à Berlin ou à Constantinople, qu'elles aient à être menées entre gouvernements, ou tout d'abord entre les syndicats comme semble le suggérer le mémoire allemand du [26] 13 janvier [1], il me semble que le compromis entre les conditions posées par l'Allemagne à la réalisation de notre plan et le point de vue français, devrait faire l'objet d'un accord préalable entre nous et la France. Il est facile à imaginer que les conditions allemandes, bouleversant complètement au profit de l'Allemagne le status actuel de l'administration de la Dette Ottomane, paraissent complètement inadmissibles à Paris. D'autre part, la pression que nous exercerions non seulement sur l'Angleterre, mais sur la France par une opposition à la concession de l'augmentation de 4% des droits de douane, mettrait la France dans un dilemme qui ferait passer cette question au nombre de celles politiques de première importance. La France et aussi l'Angleterre se verraient mises devant le dilemme d'avoir ou bien à passer par les fourches caudines allemandes ou bien d'avoir à renoncer à tout un enchevêtrement de négociations économiques avec la Turquie, auxquelles elles attachent la plus grande importance.

Je doute que dans ces conditions elles soient prêtes à nous donner l'appui désiré et nécessaire. C'est à ce point de vue que l'étude d'un projet de compromis qui puisse satisfaire tant l'Allemagne que la France, et par conséquent l'Angleterre, devrait, cela me semble, précéder toute demande d'appui. La question me semble d'autant plus difficile à résoudre que les arguments développés dans le mémoire allemand me paraissent loin d'être purement spécieux.

Je vous transmets ailleurs les deux réponses données par Sir E. Grey au sujet de l'affaire du Mexique [2] qui est tombée comme une bombe sur le pavé de Londres. Les détails authentiques sur la mort de M. Benton ne sont pas encore parvenus. Ce qu'il y a de sûr, c'est que la tragédie a eu lieu sous les auspices du général Villa, le protégé jusqu'ici, plus ou moins ostensiblement, du gouvernement américain.

---

[1] См. № 103.

[2] При письме от 25/12 февр. 1914 г. Бенкендорф препровождал вырезки из газеты „Times“ от 24 и 25 февр. 1914 г., посвященные запросам в парламенте по поводу убийства великобританского подданного Бентона в Мексике и исчезновения двух его спутников. Из объяснений, данных Греем, можно было заключить, что Бентон имел столкновение с ген. Вилья и был расстрелян. О судьбе двух его спутников ничего определенного не было известно. По заявлению Грея, англ. прав-во ведет по этому поводу переговоры с правительством США, вследствие невозможности сноситься непосредственно с Мексикой.

Jusqu'ici la tendance à Londres est d'user de la responsabilité de fait encourue par M. Wilson et M. Bryan, tout en évitant si possible toute collision de points de vue. Cette fois encore le désir de ménager l'Amérique jouera un rôle dans l'attitude du gouvernement et même du public anglais. Je ne saurais vous en dire davantage pour aujourd'hui.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Я имел честь дать вашему превосходительству в телеграмме отчет о нашем первом совещании втроем у сэра Эдуарда Грея.

Как только я ему сказал о высказанном вами по этому поводу пожелании, он сразу же понял, какую пользу могут принести наши совещания, и созвал нас на следующий же день.

„Temps" довольно неудачно разгласил это обстоятельство и подал этим повод к полемике в германской прессе, раньше даже, чем я имел физическую возможность поговорить об этом с сэром Эдуардом Греем. На вопросы, с которыми могли бы обратиться к нам представители печати, мы условились отвечать в том смысле, что действительно иногда мы устраиваем совещания, но что этот обычай, установленный давно, не представляет в действительности ничего нового и что количество наших совещаний зависит от спешности, которую придают им текущие события.

Об этом совещании я могу добавить лишь немногое. После следующего очередного совещания доложу вам относительно выполнения заключившихся в вашей телеграмме № 317 инструкций,—прежде всего по албанским делам в смысле вашей телеграммы № 286 и служебного письма, полученного мною позавчера.

Камбон говорил о затруднениях, могущих возникнуть в том случае, если ответы Турции и Греции окажутся недостаточно удовлетворительными. Ответ Греции не был еще известен. С тех пор сэром Э. Греем было получено краткое изложение его, слишком однако неполное, чтобы на основании его можно было сделать окончательный вывод. Тем не менее мне кажется, что ответ этот произвел впечатление лучшее, чем того ожидали в Лондоне, поскольку греческое правительство не ставит эвакуацию в зависимость от определенных условий. Как бы то ни было, сэр Э. Грей ответил французскому послу, как человек, уже думавший над этим вопросом. Он сказал нам, что, по его мнению, его проект декларации,—с одной стороны, и соглашение держав о том, что они обязывают заставить уважать свои решения,—с другой, соответствовали бы достоинству держав и в то же время гарантировали бы мирное и прочное разрешение вопроса. Второй пункт его предложения не был одобрен державами. Только его декларация была принята. Сэр Эдуард повторил нам, что его проект, подвергшись такому сокращению, утратил в его глазах всякое реальное значение, и что, если он примирился с этим, то только для того, чтобы не нарушить европейского концерта.

Сэр Эдуард сказал нам затем, что именно на державы Тройственного

союза падает ответственность за эту неудачу; что попытка исправить ее посредством новых предложений, вероятно, не будет иметь другого результата, кроме возникновения новых возражений. Из этого он заключил, что в настоящее время в случае могущих возникнуть по вине держав Тройственного союза затруднений обязанность делать подобные предложения возлагается на них, причем, прежде чем ответить на эти предложения, нам следует рассмотреть их втроем.

В самый день нашего совещания Камбон, вызванный г. Думергом в Париж, покинул Лондон. Он возвратился вчера вечером, но я его еще не видел. Его отсутствие прервало наши переговоры.

Когда в понедельник прибывает почта, у меня нехватает времени, чтобы выполнить ранее вечера среды доставленные с нею инструкции. Вот почему я до сегодняшнего дня не мог приступить ни к одному из вопросов, о которых говорится в трех письмах, полученных мною на этот раз. Вопросы, касающиеся черногорского займа и албанского банка и займа, не представят, я думаю, никаких затруднений. Согласие по этим вопросам в принципе установлено. Согласно вашим инструкциям, я буду следить за деталями.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом о русском делегате в Совете оттоманского долга. Если бы я заговорил об этом сегодня же с сэром Э. Греем, он повторил бы мне, несомненно, то, что он говорил мне однажды,—что английские интересы в долге настолько незначительны, в сравнении с интересами Франции, что он обязан с этим считаться. Это должно означать, что всякое соглашение между нами и Францией будет, весьма вероятно, принято им. Следовательно, дело заключается в том, чтобы выяснить, снабжен ли Камбон инструкциями по этому поводу. Перед его отъездом, как мне известно, он их не имел. Обсуждение этого вопроса на наших совещаниях, мне кажется, выходит за пределы нашей компетенции. Где бы ни велись переговоры—в Берлине или в Константинополе—должны ли они вестись между правительствами или прежде всего между синдикатами, на что, мне кажется, указывает германский меморандум от (26) 13 января,—мне кажется, что компромисс между выдвинутыми Германией условиями реализации нашего плана и французской точкой зрения должен был бы явиться объектом предварительного соглашения между нами и Францией. Легко себе представить, что германские условия, совершенно изменяющие в пользу Германии существующее положение вещей в администрации Оттоманского долга, окажутся совершенно неприемлемыми для Парижа. С другой стороны, давление, которое мы оказали бы не только на Англию, но и на Францию сопротивлением введению 4%-й таможенной надбавки, поставило бы Францию перед дилеммой, которая превратила бы этот вопрос в вопрос первостепенной политической важности: Франция, а равно и Англия, оказались бы поставленными перед дилеммой—пойти на полную капитуляцию перед немцами, или отказаться от переговоров с Турцией по целому ряду экономических вопросов, которым они придают громадное значение.

Сомневаюсь, чтобы при таких условиях они оказались готовыми обеспечить нам необходимую и желательную поддержку. Именно ввиду этого обсуждение компромисса, который мог бы удовлетворить как Германию, так и Францию, а следовательно, и Англию, должно было бы, по моему мнению предшествовать всякой просьбе о поддержке. Вопрос, как мне кажется, тем более труден, что аргументы, выдвинутые в германском меморандуме, представляются мне довольно вескими.

Я передаю вам в другом письме два ответа, данных сэром Э. Греем по поводу мексиканского дела, произведшего здесь впечатление разорвавшейся бомбы. Достоверных подробностей о смерти г. Бентона еще не имеется. Верно только то, что трагедия имела место при попустительстве генерала Вилья, до сих пор более или менее явно покровительствуемого американским правительством. До сих пор Лондон стремится использовать фактическую ответственность, падающую на г. Вильсона и г. Брайана, избегая по возможности касаться всяких принципиальных разногласий. И на этот раз позиция английского правительства и даже английского общественного мнения определится в значительной мере желанием не портить отношений с Америкой. Я не могу вам сегодня сказать ничего больше по этому поводу.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 328. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо [1]. 25/12 февраля 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Merci mille fois et très sincèrement pour votre lettre privée [2]. Ecrite d'un jet, elle me met mieux que tout au fait de vos pensées, ce qui est l'important pour moi.

Je sais bien tout ce qu'on peut dire contre l'idée de deux triples alliances „cercle de feu qui fera éclater la bombe etc. etc.“. Mais il n'y a pas de politique sans un grain de risque au vrai moment, et je me joins pour ma part entièrement et sans réserve à votre manière de voir. Je sais que c'est ce qu'il faudra. Je sais comme d'ailleurs la plupart le pensaient au début de l'Entente que là en est la conclusion naturelle. C'est beaucoup plus de deux ou trois Anglais de conséquence qui pensent encore ainsi, les militaires et marins en majorité. Sur les „front benches“ il n'en manque pas, quoique clairsemés du côté du gouvernement: au Foreign Office outre Nicolson et Buchanan, Hardinge et Mallet, sans parler d'un nouveau qui commence à marquer, Sir Eyre Gower [3], en font peu de mystère. Ce qui vous étonnera c'est que je suis persuadé que si Grey pouvait, il le ferait demain. Mais il est de ceux qui ne parlent guère des choses avant qu'ils les croient mûres. Mais la difficulté est immense. Entre les utopies radicales et la complète inattention actuelle du pays pour la politique étrangère, il y a ce terrible esprit insulaire, qui quoique entamé est encore trop général. Les Anglais aujourd'hui ne se réveilleraient que la veille même d'une crise violente. Ils trouvent commode

---

[1] Опубл. L. N., II, p. 308—311.

[2] См. № 289.

[3] Так в подлиннике; повидимому: Crowe.

d'avoir confiance en Grey et le laissent faire sans lui demander presque de rien. Il y a du bon, aussi des inconvénients à cela. Le pays s'endort à ce point de vue. En ces conditions, si même il était possible, ce qui n'est pas le cas, de forcer, de brusquer les choses, cela serait de la mauvaise besogne. L'étonnement serait tel que surgirait une opposition qui neutraliserait les résultats que vous et en ce cas Grey poursuivraient. Il y a encore à dire que tant en Angleterre qu'en Russie, le public trouve insuffisants les résultats de l'Entente. On s'attendait trop à du palpable, à du direct, on ne discerne pas l'indirect, on oublie que les rapprochements, préludes d'alliances, ont tout d'abord pour but d'éviter les collisions et les malheurs. Difficile de ne pas mentionner d'autres causes de petites frictions, causes impondérables et inévitables tenant à un ordre d'idées tout différent. L'affaire de Saverne a fait plus de mal à la cause allemande en Angleterre, que toutes les tentatives d'hégémonie de Berlin.

Tout de même vous avez eu très fort raison de lancer l'idée, de prononcer le mot, de semer le germe. Je ne le laisserai certainement pas pourrir. Mais le terrain demande encore à être préparé. A parler franchement, il y a les conventions, si nous voulons du sérieux, il faudra les redorer sur tranches. Un énorme et très important public a toujours trouvé la sphère d'influence anglaise en Perse trop maigre à comparer avec la nôtre. C'est très difficile à nier. Au Thibet aussi les circonstances ont changé et changent tous les jours au profit de la Chine, et les Anglais sont pieds et poings liés [1] par la convention, et en réalité que nous fait le Thibet et combien n'est-il pas plus important pour l'Angleterre que pour nous? Bien entendu, donnant donnant. Mais une certaine largeur de vues pour là où les intérêts anglais prédominent ostensiblement, bien du terrain serait préparé d'abord pour le Transpersan, que je considère la vraie voie vers l'alliance. Pourtant, poser dès aujourd'hui la condition d'une alliance serait marcher trop vite, cela ne réussirait pas. Je vous dis tous cela parce que je crois bien que Buchanan a déjà, ou aura sous peu quelque chose de ce genre en poche à vous soumettre. Je vois dans un arrangement de ce genre une condition sine qua non, pour une solidification réelle de nos rapports, dans un avenir le plus prochain possible.

Quant à votre opinion sur l'aveuglement de Grey, laissez-moi ne pas partager entièrement votre opinion. C'est les menaces d'hégémonie allemande qui en dépit de toute apparence le préoccupent constamment, il en suit certains progrès avec dépit. Ne croyez pas qu'il soit aveugle, très loin de là. Vacillant en apparence bien plus qu'en réalité. Son état d'esprit

[1] Так в подлиннике.

est autre. Il est décidément entamé, sinon découragé par l'échec de son initiative à cause précisément parce [1] qu'elle était énergique, mais je crois surtout qu'il commence à être découragé sur sa base permanente jusqu'ici du concert européen. C'est une forte manie qui peut le mener loin. Il y a eu de l'humeur, chose si rare chez lui, dans son dernier télégramme à ce sujet. Il aurait préféré ne rien faire du tout. Mais plus cette évolution est grosse, et de conséquence à ses yeux, comme aux nôtres, plus il faut lui laisser le temps. S'il se décide parfois vite, c'est après avoir très longtemps pensé. Seulement, croyez-moi, après avoir parlé net, ne le „bousculez“ pas. Il a très fort le sentiment d'être ici le pilier et le champion né de l'Entente, à laquelle toute sa politique est soudée, ainsi que son avenir. Des reproches répétés, où il y a eu un peu de malentendu, le froisseraient pour sûr. Il n'est pas homme des initiatives et démarches répétées, ni surtout de menaces, à moins de résolutions fermes pour après, et avant surtout que la Triple Alliance ne se soit, de toute évidence nécessaire pour le public anglais, et manifestement, mise dans son tort. Il en est presqu'à lui tendre des pièges, comme vous avez vu. Que son parti et ses utopies le gênent est évident, mais il y a aussi le public en général. Que peut-il sans cet appui? Il y a là une carte forcée que, si nous voulons faire de la besogne sérieuse, il n'y a pas moyen de ne pas prendre en considération. Vous êtes à la même enseigne [1], mais dans les circonstances actuelles et toute proportion gardée, cela est plus vrai pour lui que pour vous. Vous comparez l'Entente à la Triple Alliance. Mais la vraie différence n'est elle pas que tandis que la Triple Entente est formée de trois Puissances à droits égaux, la Triple Alliance est composée d'un maître et de deux acolytes que le maître, selon le cas, laisse faire ou retient, jusqu'au moment où il ordonne. D'une constellation de ce genre nous ne pourrons jamais faire partie, c'est entre autres motifs pourquoi nous sommes voués à l'autre, malgré une cohésion en effet peut-être moindre, qui ne peut être neutralisée qu'en ne perdant pas de vue le caractère du groupe, et les compromis permanents qui nécessairement en résultent. Administrer simplement de la moutarde à Grey me paraît une thérapeutique un peu douteuse. Au contraire, la vraie base est que vous et lui continuiez à vous bien entendre, c'est d'autant plus nécessaire avec ces ministres éphémères en France, qui changent avec les quartiers de la lune.

De la situation intérieure je ne puis rien vous dire. Elle reste extrêmement compliquée et difficile. Les conservateurs se nourrissent de

---

[1] Так в подлиннике.

l'espoir que le Cabinet „rides for a fall". J'en doute, Asquith au Parlement reste encore maître de la situation.

L'incident Benton fait du mauvais sang et agite; il n'y aura pas de difficultés sérieuses entre l'Angleterre et les Etats-Unis, mais [1] je doute qu'on reste tout-à-fait satisfait les uns des autres. Au mieux on dira en Amérique que l'Angleterre les a poussés trop loin, et ici que le gouvernement américain s'échauffe insuffisamment. Quant à une nouvelle guerre du Mexique entreprise par l'Angleterre seule, je n'y crois pas. L'entreprise est trop gigantesque et il y aurait une brouille, peut-être de grosses complications avec l'Amérique.

Benckendorff.

J'espère que vous pourrez lire mon gribouillage, c'est surtout pour vous éviter ce labeur, que je me suis mis à dicter. Mais on ne peut pas dicter toute chose [2].

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Тысячу раз искреннейшее спасибо за ваше частное письмо. Написанное в один присест, оно лучше всего вводит в курс ваших мыслей, что имеет для меня большое значение.

Я хорошо знаю все, что можно возразить против идеи двух тройственных союзов, „огненного круга, который приведет к взрыву" и т. д. и т. д. Но в настоящий момент нет политики, которая не содержала бы в себе элемента риска, и я с своей стороны присоединяюсь полностью и безоговорочно к вашей точке зрения. Я знаю, что это именно то, что нужно. Впрочем, как и большинство думало при возникновении Антанты, я знаю, что таков должен быть естественный результат. Многие и многие видные англичане думают еще таким образом, в большинстве военные и моряки. На передних скамьях парламента в них нет недостатка, хотя они редки среди сторонников правительства: в Foreign Office, кроме Никольсона и Бьюкенена, Гардинг и Маллет не скрывают своего убеждения, не говоря о начинающем выдвигаться новичке сэре Эйр Кроу. Что вас должно удивить, так это то, что, как я убежден, Грей, если бы он только мог, сделал бы это завтра же. Но он из тех, которые не начинают говорить до тех пор, пока не увидят, что настала пора. Однако трудности огромны. Наряду с радикальными утопиями и нынешним полным невниманием страны к внешней политике, все еще жив этот ужасный дух островной обособленности, который хотя и поколеблен, но пока все еще слишком распространен. В настоящий момент англичане пробудились бы, только будучи поставлены лицом к лицу с жестоким кризисом. Они чувствуют себя очень спокойно, положившись на Грея, и предоставляют ему свободу действий, не спрашивая его почти ни о чем. В этом есть положительная сторона, есть и неудобства. Господство такой точки зрения в стране действует усыпляюще. Если бы даже при таких условиях и было возможно,—чего на самом деле нет,—ускорить события,

[1] B L. N. (p. 311) вместо „mais" — „et".

[2] B L. N. пост-скриптум опущен.

то это было бы совершенно неправильно. Удивление было бы так велико, что возникло бы противодействие, которое нейтрализовало бы желательные для вас и в данном случае для Грея результаты. Нужно еще сказать, что как в Англии, так и в России общественное мнение находит, что существование Антанты недостаточно плодотворно. Слишком сильно было ожидание чего-нибудь ощутительного, непосредственного, косвенных же результатов не замечают, забывают, что сближение, прелюдия союза, имеет прежде всего целью избежать столкновений и несчастий. Нельзя не упомянуть о других причинах небольших трений, причинах невесомых и неустранимых, относящихся к совершенно иному кругу идей. Цабернский инцидент причинил германским интересам в Англии больше вреда, чем все стремления Берлина к гегемонии.

Тем не менее вы имели весьма серьезное основание заронить идею, произнести слово, бросить семя. Я, конечно, не дам ему погибнуть. Но почва еще требует подготовки: говоря откровенно, у нас имеются соглашения, но если мы желаем добиться серьезных результатов, то нам придется их пересмотреть. Громадная и весьма влиятельная часть общественного мнения всегда считала английскую сферу влияния в Персии слишком узкой по сравнению с нашей. Это очень трудно отрицать. В Тибете также обстоятельства изменились и меняются с каждым днем в пользу Китая, а англичане связаны по рукам и ногам соглашением, а между тем, какое нам, в сущности, дело до Тибета и насколько он более важен для Англии, чем для нас. Само собою разумеется, услуга за услугу. Однако известная терпимость там, где явно преобладают английские интересы, хорошо подготовила бы почву—прежде всего для Трансперсидской железной дороги, что я считаю верным путем к союзу. Однако требовать теперь же союза значило бы слишком спешить, и это не удалось бы. Я вам говорю все это, потому что я уверен, что Бьюкенен уже имеет или вскоре будет иметь нечто подобное в своем распоряжении для представления вам. Я вижу в подобного рода соглашении непременное условие для действительного укрепления наших отношений в возможно более близком будущем.

Что касается вашего мнения относительно слепоты Грея, то позвольте мне не согласиться с вашим мнением. Его постоянно беспокоит, вопреки всем видимостям, именно угроза германской гегемонии, он с тревогой следит за некоторыми ее успехами. Не думайте, что он слеп,—это далеко не так. Он гораздо больше кажется нерешительным, чем это есть на самом деле. Его ум иного характера. Он сильно смущен, если не подавлен, неудачей своей инициативы именно потому, что она была энергична, но прежде всего, я думаю, он начинает терять веру в свой основной принцип—европейский концерт. Это навязчивая идея, которая может его далеко завести. В его последней телеграмме по этому поводу звучала досада—вещь столь редкая для него. Он предпочел бы совершенно ничего не предпринимать. Но чем более тяжелой является эта эволюция и чем она важнее по своим последствиям как в его глазах, так и в наших, тем больше времени нужно ему дать. Если он иногда быстро принимает решения, то это после очень долгих размышлений. Только послушайтесь меня: высказавшись раз откровенно, не „подталкивайте“ его. У него очень сильно чувство, что он является здесь столпом Антанты и прирожденным борцом за нее, так как с ней связана вся его политика и все его будущее. Повторные упреки там, где имелось налицо некоторое недоразумение, несомненно, оскорбили бы его. Он не любит повторно выступать со своими предложениями

и особенно угрожать, если только нет твердых решений относительно дальнейшего образа действий и в особенности до тех пор, пока Тройственный союз очевиднейшим образом не поставит себя в положение явно виновного, что необходимо для английского общественного мнения. Как мы видели, он уже близок к тому, чтобы поставить ловушку Тройственному союзу. Что его партия со своими утопиями стесняет его,—это очевидно, но существует помимо того и общественное мнение вообще. Что может он сделать без поддержки последнего? Это—карта, выпавшая ему в игре, и если мы желаем делать серьезное дело, мы не можем с ней не считаться. Вы стоите перед тем же затруднением, но при теперешних обстоятельствах, принимая во внимание всю обстановку, это более справедливо по отношению к нему, чем по отношению к нам. Вы сравниваете Антанту с Тройственным союзом. Но разве нет существенного различия в том, что в то время, как Тройственное согласие состоит из трех равноправных держав, Тройственный союз состоит из хозяина и двух подручных, которым хозяин, смотря по обстоятельствам, то предоставляет свободу действий, то удерживает до тех пор, пока он сам не прикажет. Мы никогда не сможем участвовать в подобного рода группировке, и это, между прочим, одна из причин, почему мы вошли в другую, несмотря на то, что связь, на самом деле, может быть, менее крепка и может исчезнуть, если только упустить из виду характер самой группы и постоянные компромиссы, по необходимости из нее вытекающие. Воздействие сильными средствами представляется мне в отношении Грея несколько сомнительной терапией. Наоборот, верное средство будет заключаться в том, чтобы вы с ним оставались в добром согласиии, что особенно необходимо при недолговечности французских министров, сменяющихся вместе с фазами луны.

О внутреннем положении я ничего не могу вам сказать. Оно остается чрезвычайно сложным и трудным. Консерваторы питают надежду, что кабинет „близок к падению". Я в этом сомневаюсь; в парламенте Асквит остается еще господином положения.

Инцидент с Бетоном раздражает и волнует; серьезных затруднений между Англией и Соединенными Штатами не возникнет, но я сомневаюсь, чтобы они остались вполне удовлетворены друг другом. В лучшем случае в Америке скажут, что Англия толкнула ее слишком далеко, а здесь,—что американское правительство недостаточно реагирует. Что же касается новой войны с Мексикой, которую могла бы предпринять одна Англия, то я в это не верю. Это предприятие слишком крупное, и оно вызвало бы ссору, может быть, тяжелые осложнения с Америкой.

Бенкендорф.

Надеюсь, что вы разберете мой скверный почерк; чтобы избавить вас от этого труда, я стал диктовать свои письма. Но не все можно диктовать.

№ 329. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 25/12 февраля 1914 г.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо [2], а главное, за отпор, данный вами попытке В. Н. Коковцова сесть на мое место.

[1] Опубл. М., стр. 488.

[2] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружено; оно представляло собой ответ на частное письмо Извольского от 12 февр./30 янв. 1914 г., опубликованное в М., стр. 488.

На этот раз удар меня миновал, но я не скрываю от себя, что попытка может возобновиться, если не с той же, то с какой-либо другой стороны. Будь у меня более независимые средства, это меня вовсе не страшило бы, ибо в мои годы иногда очень тяжело жить на чужой стороне; но увы, в течение еще нескольких лет, мне приходится еще дорожить моим служебным положением. Искренно радуюсь, что слухи о вашем уходе не подтверждаются. Никто лучше меня не понимает, как вам тяжело и сколько требуется самоотвержения с вашей стороны, чтобы продолжать работу.

Сын мой поправляется, но довольно медленно, и я должен был отказаться от поездки в Италию. На-днях я свезу его на несколько дней в Биарриц для перемены воздуха, а недели через две ему придется поехать в Петербург для исполнения формальностей по записи в университет, иначе он потеряет целый год. Так как за мною числится все еще не использованное мною разрешение прибыть в Петербург, я, может быть, поеду вместе с ним, но на самое короткое время, и вернусь сюда с женою и дочерью.

В Биаррице я пробуду всего несколько дней и буду все время сообщаться с Парижем по телефону.

Еще раз глубокое вам спасибо за то, что отстояли меня.

Душевно преданный вам

Извольский.

№ 330. Особый журнал совета министров [25] 12 декабря 1913 г и [26] 13 февраля 1914 г. [1].

Секретно.

Об отпуске средств для обеспечения оборонительными укреплениями важнейших технических сооружений Китайской Восточной железной дороги.

Ввиду поступивших в марте 1913 г. от командующего войсками Иркутского военного округа тревожных донесений, в коих генерал-от-инфантерии Эверт сообщал о деятельных военных приготовлениях Китая в Манчжурии, военный министр счел необходимым обеспечить оборону наиболее важных технических сооружений Китайской Восточной железной дороги возможно быстрою постройкою надлежащих укреплений для охраны тоннелей названной дороги и мостов на реках Сунгари, Нонни, Ялинхэ и Муданьцзяне.

---

[1] Печатный оттиск. Заголовок подлинника. Над заголовком надпись: „На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать знак рассмотрения. В Царском Селе, [5 апреля] 23 марта 1914 г.“.

Указывая, вместе с тем, на видимо обострившуюся политическую обстановку в Северной Манчжурии, угрожавшую возникновением серьезных осложнений в ближайшем будущем, и на невозможность возвести в краткий срок долговременные фортификационные сооружения, генерал-адъютант Сухомлинов находил нужным немедленно же приступить к постройке хотя бы временных оборонительных укреплений, с тем, чтобы они были заменены впоследствии сооружениями долговременного типа. Вследствие сего в апреле истекшего года министр финансов вошел в совет министров с представлением[1] об отпуске, на основании статьи 17-й правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.), чрезвычайного сверхсметного кредита в размере 500 тыс. руб., для производства упомянутых фортификационных сооружений на линиях Китайской Восточной железной дороги. При этом статс-секретарь Коковцов объяснил, что, ввиду специально военного значения предположенных сооружений, постройку их надлежало бы выполнить распоряжением командующего войсками Иркутского военного округа, под наблюдением военных инженеров, ограничив участие управления Китайской Восточной железной дороги в возведении намеченных укреплений лишь возможным содействием технических его сил, а также мерами по заготовке потребных материалов.

Рассмотрев, в заседании [8 мая] 25 апреля 1913 г., приведенное представление, совет министров, согласно заключению начальника генерального штаба, признал предпочтительным обеспечить Китайскую Восточную железную дорогу, взамен проектированных временных укреплений защитными сооружениями постоянного типа и, в соответствии с сим, нашел желательным предварительно выяснить, какие именно долговременные сооружения военное ведомство предполагало бы возвести и какие потребуются на это расходы.

Во исполнение упомянутого положения совета министров, минувшим летом в Северной Манчжурии чинами военного ведомства произведены были при участии начальника штаба Заамурского округа пограничной стражи и представителя Китайской Восточной железной дороги, весьма тщательные и подробные изыскания. Представляя ныне на уважение совета министров составленные, на основании означенных изысканий проекты и сметы потребных фортификационных сооружений, военный министр объяснил, что стои-

---

[1] Письмо Коковцова от 26/13 апреля 1913 г. за № 257.

мость оборонительных укреплений, предназначаемых для защиты важнейших технических сооружений Китайской Восточной железной дороги, исчислена в следующих суммах:

1. Хинганский тоннель	159 300	руб.
2. Виадук Хинганской петли	85 000	„
3. Мост через реку Нонни у Фуляэрди	241 400	„
4. „ „ „ Сунгари у Харбина	236 843	„
5. „ „ „ Сунгари у Лошагоу	240 180	„
6. „ „ „ Ляличхэ	78 580	„
7. „ „ „ Муданьцзян	153 700	„
Всего кругло . .	1 200 000	руб.

В этот итог не вошли однако стоимость орудий, пулеметов и прожекторов, коими необходимо снабдить проектируемые укрепления, а также сумма около 30 тыс. руб., подлежащая уплате Китайской Восточной железной дороге за снос некоторых построек, стесняющих обстрел у западного выхода из Хинганского тоннеля. Столь значительное превышение намеченной министерством финансов первоначальной стоимости укреплений объясняется, по заявлению генерал-адъютанта Сухомлинова, главным образом заменою временных фортификационных сооружений укреплениями долговременного типа, а также принятым военным ведомством решением применить при возведении укреплений исключительно труд русских рабочих. Придавая вопросу об обеспечении безопасности и правильности безостановочного движения на Китайской Восточной железной дороге исключительно важное значение, военный министр просит совет министров об отпуске исчисленного на указанную надобность кредита полностью; в случае же затруднительности немедленного ассигнования этой суммы в полном ее размере, военный министр полагал бы возможным отложить постройку укреплений у мостов через реки Ляличхэ и Муданьцзян, что уменьшило бы расходы по осуществлению задуманного мероприятия до 1 013 тыс. руб.

Приступив к соображению изъясненных предположений, совет министров выслушал прежде всего дополнительные по поводу представленного дела объяснения помощника военного министра, заявившего, что военное ведомство всегда считало надлежащее обеспечение безопасности Китайской Восточной железной дороги вопросом существенной государственной важности. Первостепенное значение этого дела обусловливается тем, что Китайская Восточная железная дорога в настоящее время, пока не закончено сооружение Амурской железной дороги, является единственным рельсовым путем, связы-

вающим Приамурский край с Сибирью, а потому всякий перерыв в сообщении по этому пути может совершенно отрезать отдаленную дальневосточную окраину от центральной России и тем самым лишить нас необходимых способов для своевременного подвоза в этот край потребных подкреплений и припасов. Совершенно неудовлетворительное ныне состояние обороноспособности Китайской Восточной железной дороги и полная доступность ее жизненных технических сооружений для неприятельских нападений, а следовательно, и для возможных всегда серьезных повреждений, уже давно тревожили военное ведомство. Однако до последнего времени не имелось налицо веских поводов опасаться со стороны Китая каких-либо враждебных против нас выступлений. Но некоторые недавние события в Китае, последовавшие уже после провозглашения Китайской республики и отпадения Монголии, а именно, усиленная колонизаторская деятельность китайцев в Манчжурии и широкое развитие военных приготовлений Китая в названной стране, побуждают военное ведомство озаботиться ныне безотлагательным обеспечением надлежащими оборонительными укреплениями главнейших сооружений Китайской Восточной железной дороги. Правда, против таковых предположений может быть выдвинуто указание на то, что в последнее время наблюдается известное улучшение наших отношений с Китаем. Однако если даже и признать такое указание правильным, то все же нельзя питать никакой уверенности, что в будущем у нас не возникнет с Китаем каких-либо новых осложнений, тем более, что опыт прошлого должен был бы научить нас сугубой в сем отношении осторожности. Нужно помнить, что не далее, как минувшею весною события на Дальнем Востоке неожиданно приняли весьма угрожающее для нас направление, причем мы оказались вынужденными срочно снарядить и командировать в Северную Манчжурию и Монголию значительные воинские отряды из всех родов оружия. Во время объясненных осложнений и выяснилась с полною очевидностью необеспеченность Китайской Восточной железной дороги от нападений как со стороны регулярных китайских войск, так и со стороны хунхузских шаек, постоянно наводняющих Северную Манчжурию. Входящая в состав Заамурского округа пограничная стража расположена по всему протяжению отдельных линий Китайской Восточной железной дороги небольшими отрядами и совершенно не в состоянии оградить сохранность главнейших технических сооружений названной дороги от внезапных нападений значительных воинских сил. При таких условиях, скорейшее возведение предположенных оборони-

тельных укреплений у главнейших тоннелей и мостов Китайской Восточной железной дороги представляется, по глубокому убеждению инженер-генерала Вернандера, делом совершенно неотложным, причем следует приступить к постройке укреплений теперь же, пока наши отношения с Китаем продолжают носить мирный характер. Если же осуществление этого мероприятия будет, напротив того, отложено, то события могут повернуться в невыгодную для нас сторону, и тогда будет уже поздно думать о долговременных фортификационных сооружениях, а придется встретить надвинувшиеся осложнения в неблагоприятной обстановке не подготовленной заранее к защите Китайской Восточной железной дороги, имеющей, между тем, для нас первостепенное стратегическое значение.

Обсудив настоящее дело, совет министров и с своей стороны не мог не оценить всей важности правильного заявления помощника военного министра относительно чрезвычайно серьезного значения Китайской Восточной железной дороги в качестве стратегической линии, которую необходимо поэтому всемерно оберечь от возможных повреждений. Ввиду сего, следует признать, что предположенные военным министром фортификационные меры для охраны главнейших технических сооружений названной железной дороги являются крайне необходимыми. При этом совет министров не скрывает от себя, что такого рода работы могут повести к проявлению неудовольствия со стороны Японии и Китая и, быть может, вызовут их на какие-либо ответные шаги дипломатического или даже военно-оборонительного свойства. Но особого значения этим опасениям придавать не нужно, ибо, по заключению нашего посла в Токио, японское правительство не будет склонно обострять свои отношения с Россией по такому сравнительно маловажному поводу. Что же касается более близко затрагиваемого рассматриваемыми предположениями Китая, то он переживает в настоящее время длительные внутренние замешательства, от которых едва ли скоро оправится, тем более, что предпринятая правительством Юань-Ши-кая реорганизационная деятельность задерживается отсутствием денежных средств и тяжкими междоусобными раздорами. При изъясненных обстоятельствах нельзя ожидать, чтобы задуманные военным ведомством фортификационные работы вызвали со стороны Китая серьезные протесты и, во всяком случае, не было бы основания приостанавливать из-за них осуществление необходимой для нас оборонительной меры. К тому же не следует упускать из вида, что в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги существует уже целый ряд полевых укреплений, не вы-

звавших в свое время никаких протестов со стороны Японии и Китая, которые надо надеяться, не обратят особого внимания и на возведение ныне намечаемых более крупных оборонительных сооружений. Вследствие сего и приняв в соображение авторитетное заявление министра иностранных дел о согласии его не возражать против вышеозначенных предположений генерал-адъютанта Сухомлинова, совет министров высказался за возможно скорейшее осуществление проектированных сооружений. Обратясь засим к финансовой стороне этого дела, совет министров заметил, что испрашиваемая ныне на изъясненную надобность сумма в 1 200 тыс. руб. значительно превышает первоначальные по сему предмету исчисления, согласно коим стоимость возведения укреплений определялась всего в 700 тыс. руб. Одною из причин, вызвавших таковое повышение предстоящего расхода, является намеченное военным ведомством привлечение к работам исключительно русских рабочих. Между тем, установленный законом (Св. зак., т. IX, Зак. сост., ст.ст. 828, прим. 4, и 830[1], по Прод. 1912 г.) запрет пользования иностранными рабочими для работ, производимых казенными управлениями, касается лишь Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства. Поэтому совет не встречал бы препятствий к тому, чтобы к работам по обеспечению обороноспособности Китайской Восточной железной дороги, пролегающей, как известно, по китайской территории, привлечены были, наряду с русскими, также и рабочие желтой расы. Допущение последних может существенно удешевить стоимость работ, причем само военное ведомство определяет размер этого удешевления в 15%. При таких условиях и так как испрашиваемая ведомством сумма в 1 200 тыс. руб. исчислена была в расчете на обязательное привлечение русских рабочих, совет министров считал бы достаточным ограничиться ныне отпуском 700 тыс. руб., с тем, чтобы, в случае недостаточности сего кредита, военный министр возбудил в свое время вопрос о дополнительном ассигновании.

В заключение своих суждений по обсуждаемому делу, совет принял во внимание, что, ввиду доверительного характера предстоящей меры, испрошение потребных на нее кредитов в законодательном порядке представляется невозможным, и потому надлежит ассигновать необходимые военному ведомству на означенный предмет суммы на основании статьи 17-й правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.), причем оправдывающее изъясненное ассигно-

вание представление должно быть внесено в Государственную думу лишь по миновании надобности в сохранении настоящей меры в тайне.

Руководствуясь изложенным, совет министров положил:

На основании статьи 17-й правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных (Св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.), отпустить семьсот тысяч рублей в распоряжение военного министра на работы по возведению фортификационных укреплений при важнейших технических сооружениях Китайской Восточной железной дороги, с отнесением сего расхода на свободную наличность государственного казначейства.

О таковом своем заключении совет министров всеподданнейшим долгом почитает довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

№ 331. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 345 [1]. 26/13 февраля 1914 г.

Ввиду истечения к Ноурузу срока контракта Морнара с английским банком относительно поступления в последний малиата северных провинций, благоволите принять все меры к тому, чтобы впредь эта привилегия была, как раньше, предоставлена нашему банку. В случае надобности, вы можете дать понять Морнару, что от этого будет зависеть дальнейшее отношение наше к нему [2].

Сазонов.

№ 332. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 60. 26/13 февраля 1914 г.

Получил ваше письмо № 99 [3].

До сих пор мог объясниться по его содержанию с Маржери, ибо Думерг все еще поглощен парламентскими прениями о финансовом положении, от исхода коих зависит судьба кабинета. Мар-

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 3 марта/18 февр. 1914 г. за № 60 Коростовец доносил, что Морнар согласен на внесение малиата в Северной Персии в Учетно-ссудный банк, но просит, „чтобы последний предоставил менее обременительные условия инкассирования и перевода“. В ответной тел. от 5 марта/20 февр. 1914 г. за № 396 Клемм сообщал, что правлением банка даны соответствующие инструкции.

[3] См. № 287.

жери энергично возразил против предположенного вами выступления Франции в Берлине для изыскания компромисса. Уверяя меня в искреннем желании французского правительства оказать нам услугу, он вместе с тем находит несправедливым, чтобы компромисс этот был достигнут за счет интересов Франции, и думает, что переговоры должны происходить между Турцией и Германией без всякого участия или инициативы со стороны Франции. По его мнению, Турция, непосредственно заинтересованная в разрешении дела, могла бы предложить Германии какие-нибудь компенсации в области, не затрагивающей французские интересы. Если бы однако по ходу этих переговоров была предложена какая-нибудь приемлемая для Франции формула, он лично убежден, что французское правительство не откажется рассмотреть ее самым доброжелательным образом. Подробности письмом с сегодняшним курьером [1].

Извольский.

№ 333. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 62. 26/13 февраля 1914 г.

Получил № 338 [2].

Сегодня, еще до получения вашей телеграммы, Думерг доставил мне записку, в которой указываются два норвежских кандидата: г. Гофф, генеральный секретарь норвежского военного министерства, и г. Реймер, советник норвежской миссии в Париже, горячо рекомендуемые здешним норвежским посланником. Думерг присовокупляет, что желательно установить предварительное соглашение по настоящему вопросу с лондонским кабинетом и обсудить втроем, должна ли каждая держава представить двух кандидатов, как об этом просит Порта, или же обе группы—Тройственное соглашение [3] и Тройственный союз—могут представить по два кандидата. По мнению Думерга, дабы не придавать настоящему вопросу политического характера, предпочтительно, чтобы каждая держава представила двух кандидатов, что не мешало бы установить предварительно соглашение между заинтересованными державами, в силу коего послы их в Константинополе, по взаимному уговору, специально поддержали бы двух кандидатов, принадлежащих по возможности к двум различным национальностям. Тотчас по получении вашей телеграммы № 338 я настойчиво указал Маржери, что мы считаем себя в праве ожидать, что Франция поддержит именно

[1] См. № 335.

[2] См. № 324.

[3] Так в подлиннике.

тех кандидатов, которых мы предложим, и не будет выставлять своих. Маржери обещал передать это пожелание Думергу. Позволяю себе высказать, что если бы мы предложили здесь тех или других кандидатов, и французское правительство их примет, это не разрешит вопроса о самой процедуре представления их Порте, а потому следовало бы одновременно предложить нам также ту или другую процедуру.

Извольский.

№ 334. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Депеша № 2. 26/13 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За последнее время внимание правительственных и парламентских кругов во Франции было привлечено увеличившимися, в довольно значительных размерах, заболеваниями и смертностью в рядах французской армии. Явление это, без сомнения, следует в известной степени отнести на счет недавно вотированного закона о трехлетнем сроке службы, в связи с которым было предпринято сооружение ряда новых казарм, спешность постройки которых, быть может, лишила возможности принять в соображение все необходимые гигиенические предосторожности. Впрочем, в равной мере усиление эпидемий можно приписать и особенно неблагоприятным в текущем году климатическим условиям, исключительным холодам и пр.

Однако принципиальные противники трехлетнего срока службы не преминули воспользоваться этим предлогом, дабы начать и в печати и в парламенте ожесточенную агитацию против ненавистного им закона. При этом они, несомненно, имели в виду заставить поддерживаемое ими нынешнее правительство, которое в своей декларации заявило о намерении лойяльно применять закон о трехлетнем сроке, изменить свое отношение к этому закону.

20/7 февраля, во время прений в палате депутатов, помощник статс-секретаря военного министерства г. Мажино дал отпор этим проискам, заявив, что не следует сгущать красок и возбуждать общественное мнение страны против закона, который народное представительство признало необходимым в интересах национальной обороны и который представлялось бы несообразным отменить через несколько месяцев после его введения.

Слова эти были встречены, с одной стороны, бурными одобрениями со стороны депутатов, входивших в состав большинства, на которое опирался прежний кабинет Барту, а с другой—не менее

бурными враждебными криками крайних левых партий. Депутат социалист Марсель Семба несколько раз громко прерывал оратора и требовал от присутствовавшего в заседании председателя совета ответа, была ли речь г. Мажино заранее им одобрена. Г. Думерг хранил однако глубокое молчание и ни словом не зозразил на обращенные к нему запросы. Закончив свою речь, г. Мажино присоединился к своим коллегам по министерству и был горячо приветствован ими и в том числе г. Думергом. При этом г. Барту воскликнул: „Вот рукопожатие, которое завтра будет отмечено в официальном журнале“.

Означенный выше инцидент вызвал оживленные прения в кулуарах, и к следующему заседанию ожидали дальнейшего его развития, так как председатель совета должен был на нем разъяснить свое отношение к вопросу о трехлетнем сроке службы. Положение Думерга являлось тем более щекотливым, что большинство народных представителей и ныне продолжает считать этот закон безусловно необходимым. С другой стороны, нынешний кабинет обладает большинством исключительно благодаря поддержке объединенных социалистов и крайних радикалов-социалистов, которые в корне враждебны введенному сроку службы под знаменами.

Ожидания возможного кризиса однако не оправдались. Повидимому, влиятельные сторонники нынешнего кабинета поняли опасность, ему угрожавшую, и постарались склонить крайние партии замять это дело. Как бы то ни было, но в прошлый понедельник в палате уже шла речь не о законе о трехлетней службе, а лишь о мерах борьбы с усиленной болезненностью и смертностью в армии. По этому же вопросу исключительно и говорил г. Думерг, согласившийся с проектом поручить особой парламентской комиссии изучить причины этих явлений и меры борьбы с ними.

После председателя совета выступил бывший военный министр г. Мильеран, указавший на то, что г. Думерг не выяснил своего отношения к тому, которую из двух внесенных формул перехода к очередным делам правительство принимает. Ту ли, которая внесена социалистом Оганьером и дает комиссии самые широкие полномочия по выяснению причин смертности в армии, или же другую, более умеренную, говорящую лишь о мерах к улучшению санитарных условий в войсках.

Сторонники правительства тут же оценили опасность выступления г. Мильерана, и г. Оганьер немедленно снял с очереди свою формулу, после чего вторая была вотирована подавляющим большинством в 385 голосов против 25.

Избегнув таким образом угрожавшего ему кризиса, кабинет г. Думерга однако едва ли упрочил свое положение; истинное отношение его к наиболее волнующему французский народ вопросу о национальной обороне и способах наилучшего ее осуществления продолжает оставаться не вполне ясным и дает повод к разнообразным толкованиям.

Примите и пр.

Извольский.

№ 335. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 26/13 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Спешу ответить на письмо вашего высокопревосходительства от [19] 6 февраля с. г. за № 99 [2], коим мне поручалось переговорить с министром иностранных дел по вопросу о введении русского делегата в Совет оттоманского долга. Со времени получения этого письма я не имел возможности видеться с г. Думергом, всецело поглощенным бурными прениями в парламенте о финансовом положении, от исхода коих зависит дальнейшее существование председательствуемого им кабинета. Я мог лишь объясниться с г. де Маржери, которому я подробно изложил наши пожелания. Не придавая своему ответу решительного значения, г. де Маржери пространно разъяснил мне точку зрения своего правительства на настоящий вопрос: по его словам, Франция самым благожелательным образом отнеслась к проекту введения нашего делегата в Совет оттоманского долга и энергически поддержала этот проект перед Портою. Вместе с тем ей было с самого начала известно, что Германия, давно уже стремившаяся изменить в свою пользу существующее в сказанном Совете положение, намеревалась воспользоваться этим случаем, чтобы выставить свои требования. Германские вожделения, если бы они осуществились, нанесли бы прямой и существенный ущерб французским интересам, и французское правительство не может не считать, что как бы ни было желательно введение русского делегата в Совет оттоманского долга, было бы несправедливо, если цель эта будет достигнута за счет интересов именно Франции. Поэтому здесь думают, что Франция отнюдь не должна принимать на себя инициативы каких-либо разговоров о настоящем деле с Германией, дабы не укреплять в Берлине надежды, что ценою своего согласия на наши пожелания Германия может до-

[1] Опубл. М., стр. 489.
[2] См. № 287.

биться уступок со стороны Франции. По мнению французского правительства, этот вопрос должен обсуждаться всецело и исключительно между Константинополем и Берлином; оттоманское правительство, непосредственно заинтересованное в его быстром урегулировании, могло бы предложить Германии те или другие компенсации в области, не затрагивающей французских интересов.

На мое возражение, что подобная постановка вопроса страдает узкостью, что необходимо смотреть на настоящий вопрос с общеполитической точки зрения и что мы вправе ожидать от Франции принятия того или другого компромисса, не причиняющего ей прямого и крупного ущерба, г. де Маржери ответил, что французское правительство искренно желает оказать нам услугу и что поэтому если бы, по ходу переговоров между Турцией и Германией, была предложена какая-либо приемлемая для Франции формула, французское правительство, вероятно, не откажется рассмотреть ее самым благожелательным образом. В виде совершенно личного мнения, г. де Маржери высказал, что здесь могли бы, например, согласиться на предоставление германскому делегату очередного председательства один раз в пять лет или нечто подобное; но, повторил г. де Маржери, инициатива подобных предложений отнюдь не должна исходить от французского правительства.

Разговор мой с г. де Маржери носил, так сказать, предварительный и частный характер, и я не премину возвратиться к настоящему предмету при свидании с г. Думергом, покуда же считаю лишь долгом присовокупить, что если мы наталкиваемся на столь упорное нежелание французского правительства пойти на требуемые нами уступки, это объясняется, между прочим, боязнью его перед общественным мнением; вступление второго германского делегата в Совет оттоманского долга, и притом в качестве непосредственного представителя Багдадской ж. д., будет, несомненно, истолковано здешнею публикою как победа Германии над Францией в Турции на экономической почве; вам известно господствующее здесь недовольство оборотом, принятым вопросом о Багдадской ж. д. Окончательное исключение интересов Франции из этого предприятия здесь ставится в вину России, и, если бы на этой почве была сделана, в угоду России, новая уступка, это могло бы вызвать энергические нападки на французское правительство со стороны не только печати, но и влиятельных политических и парламентских кругов.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. Маржери только-что сказал мне, что Палеологу высылается сегодня инструкция с поручением подробно изложить вам точку зрения французского правительства по настоящему вопросу.

Ut in litteris. Извольский.

№ 336. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 9. 26/13 февраля 1914 г.

О двухдневном пребывании в Вене князя Вида я имею очень немногое прибавить к тому, что я имел честь изложить в секретной телеграмме моей от 2/15 февраля № 23[1]. К тому же с тех пор прошли две недели, в течение которых князь Вид успел объехать Лондон, Париж и С.-Петербург, и подробности его посещения Вены уже едва ли могут представить интерес.

Мне лично не пришлось видеться с князем. Он, очевидно, не счел необходимым включить меня, лишь временного поверенного в делах, в число визитов, сделанных им послам, представителям великих держав. На различных же торжествах, устроенных в его честь, естественно, приглашены были только австрийцы. Исключение, и довольно характерное, было сделано министром иностранных дел, пригласившим к завтраку в честь князя, кроме австрийцев, послов германского и итальянского. Этим как бы подчеркивалось существование более близких исключительных отношений Австрии и Италии к Албании (присутствие германского посольства могло объясняться национальностью князя Вида).

Стремление Австрии к созданию таких особенных отношений к Албании и по возможности привилегированного для себя там положения сказывается таким образом в мелочах, как и в более важных вопросах. Если подобного же стремления не наблюдается в Италии, то, по мнению некоторых дипломатов, это объясняется тем, что итальянцы настолько уверены в своем успехе насадить в Албании свою культуру, свой язык, использовать новое государство для итальянской торговли и промышленности, что они не боятся интернационализации Албании и свободной там международной конкуренции и только опасаются одного—остаться вдвоем с Австриею, что неминуемо должно будет привести к нежелательным для Италии трениям с ее соседкой и союзницей.

Примите и пр. Кн. Н. Кудашев.

[1] В тел. от 15/2 февр. 1914 г. за № 23 Кудашев со слов Берхтольда сообщал, что кн. Вид „заявил о своем намерении сообразовать свою политику со взглядами Италии и Австрии", между которыми, по заявлению Берхтольда, „существует на почве албанских дел полнейшее единодушие".

№ 337. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

⁰/. Депеша № 10. 26/13 февраля 1914 г.

Переговоры здешнего сербского посланника с австро-венгерским правительством о Восточных ж. д. пока результатов не дали. Вчера, выходя со мною из министерства иностранных дел, после обычного приема у гр. Берхтольда, г. Иованович мне вкратце сообщил о настоящем положении этого дела. Сербское правительство исходит из того положения, что, на основании многих примеров истории, оно вправе присвоить себе железные дороги путем принудительного выкупа. Тем не менее оно готово пойти и на комбинацию, предложенную французами. Со своей стороны австро-венгерское правительство, отрицая за Сербиею право выкупа и соглашаясь на французский проект, ставит непременным условием осуществления последнего предварительное непосредственное соглашение с Сербиею, в силу коего последняя приняла бы на себя обязательства распространить на все тарифы всех железных дорог свои условия, выработанные для международной торговли по Восточным ж. д. соглашением 1883 г.; сомкнуть сербские линии с боснийскими и обещать, что ранее 1958 г. она не будет возбуждать вопрос о выкупе. Пока у г. Иовановича происходят лишь словесные объяснения с графом Берхтольдом и графом Викенбургом, заведующим в министерстве иностранных дел отделом международной торговли. Спор у них, хотя и академический, но весьма оживленный, ведется в несколько приподнятом тоне. Сербский посланник, повидимому, стремится заставить своих собеседников согласиться с его исходным положением (право выкупа), дабы выставить в виде уступки согласие на французское предложение. По его словам, австрийские дипломаты не имеют ничего возразить на его аргументацию и ограничиваются упорным повторением своих требований, или же выставляют совсем неубедительные доводы. Так, по поводу приведенного г. Иовановичем примера выкупа ломбардских железных дорог по Цюрихскому миру 1860 г., граф Берхтольд будто заметил: „Да ведь вы нас не победили, так где же здесь аналогия?“

На-днях г. Иованович решился огласить точку зрения, им защищаемую в „Neues Wiener Tageblatt“. Статью эту имею честь при сем представить в вырезке [1]. Он это сделал, как он мне ска-

[1] Статья Иовановича „Serbien und die Orientbahnen“, приложенная к наст. депеше в виде вырезки из газеты „Neues Wiener Tageblatt“, хранится в Арх. Вн. Пол. при подлиннике депеши в деле К. № 18.

зал, чтобы ознакомить хотя бы публику со справедливостью его аргументов, потеряв надежду переубедить чиновников министерства иностр. дел. На статью эту откликнулась пока только „Reichspost", в весьма резкой форме порицающая необычный прием сербского дипломата и, конечно, не возражающая ни на один из его доводов.

Г. Иованович имеет мало надежды склонить австро-венгерское правительство к каким-либо уступкам. Со своей стороны, сказал он, Сербия предпочтет передать все дело на усмотрение Европы, чтобы если уступить, то уступить приговору всех великих держав, а не надменным притязаниям одной Австро-Венгрии.

С глубочайшим уважением и пр. Кн. Н. Кудашев.

№ 338. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

¹/. Депеша № 11. 26/13 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Приподнятый тон здешней прессы по адресу России, о котором я имел честь упомянуть в донесении моем от [12 февраля] 30 января за № 7[1], все еще продолжается, создавая искусственно нервное настроение в обществе.

Я воспользовался вчера очередным приемом у министра иностранных дел, чтобы обратить его внимание на это обстоятельство. Министр мне на это ответил: „Всем этим газетным статьям я решительно никакого значения не придаю. Значение имеют намерения правительства, а я знаю, что мы искренно желаем улучшения наших отношений с Россиею и прикладываем к тому наши старания. Донесения же графа Сапари свидетельствуют о таковом же настроении по отношению к нам русского правительства". Засим он перешел к объяснению причин такого возбуждения прессы, находя это объяснение в оглашенных главным образом парижскими газетами известиях о широких военных мерах (вроде проектируемой сети стратегических железных дорог), предпринимаемых Россиею. Я ограничился на это замечанием, что мне не известно в точности, делаются ли и какие у нас военные приготовления, но что инициатива новых широких военных мер во всяком случае принадлежит не нам. „Впрочем,—сказал я,—для меня важно было от вас услышать то, что вы мне заявили о намерениях и настроении вашего правительства".

Граф Берхтольд вполне искренно верит улучшению наших отношений. Он не раз мне высказывал соображение—и повторил его

[1] См. № 244.

снова вчера,—что если Россия и Австрия благополучно, без войны, пережили опасные моменты последнего балканского кризиса, то теперь, когда нет никакой почвы для столкновения, опасность серьезных осложнений с нами миновала.

Я вполне готов разделить оптимизм графа Берхтольда и вполне с ним согласен в том, что в настоящее время нет достаточных причин для особенного обострения отношений России с Австриею. Тем не менее нельзя отрицать, что если отношения обоих правительств в лице центральных их органов строго корректны, то того же нельзя сказать об общественном мнении обеих империй. Недоверие взаимно еще все существует, а в Австрии оно усугубляется страхом, поддерживаемым упоминаемою выше газетною кампаниею, выражаясь главным образом в польских местностях в повторяющихся случаях арестов часто совершенно неповинных русских по подозрению в шпионстве и в возобновлении деятельности, опять-таки в пограничных областях, стрелковых дружин, скоутов и соколов.

Возвращаясь к вызывающему по отношению к России тону австрийской прессы, я позволю себе высказать мнение, что он поощряется именно тем же правительством, которое устами своего министра иностранных дел отрицает за этою прессою всякое значение. Я так думаю не потому, чтобы сомневался в прямодушии графа Берхтольда, а потому, что подозреваю, что газетная кампания, способствующая поддержанию в стране нервного настроения, может иметь очень простую прямую цель: сломить, хотя бы на время, ввиду существующей будто опасности извне для монархии, обструкцию в парламенте и заставить последний поскорее провести закон, уполномачивающий правительство заключить заем и, главное, провести военную реформу, уже утвержденную, как вам известно из моего донесения сего года № 4[1], венгерским парламентом.

Сессия австрийского рейхсрата должна возобновиться в конце будущей недели и, если моя догадка справедлива, то, по принятии упомянутых законов, можно будет надеяться и на перемену тона прессы в более благожелательном для нас смысле.

С глубочайшим уважением и пр. Кн. Н. Кудашев.

---

[1] В депеше от 12 февр./30 янв. за № 4 Кудашев говорит о положении в австрийском парламенте. Вследствие обструкции чешских аграриев, прав-ву не удалось провести бюджет, и оно снова вынуждено прибегнуть к § 14 конституции. В заключение Кудашев кратко передает о принятии венгерским парламентом законопроекта о военной реформе.

№ 339. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 12. 26/13 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я осведомился из источника, заслуживающего полного доверия, в депутатских кругах сараевского сабора, упорно держатся слухи о предстоящих будто бы важных событиях, готовящихся на южной границе австро-венгерской монархии. Речь будто идет не более и не менее как о внезапном нападении австрийцев на Санджак, с целью завладения путем к Салоникам прежде, чем Сербия успеет завершить свою военную организацию.

Такого рода выступление Австро-Венгрии представляется в настоящую минуту всякому, находящемуся в близком и постоянном соприкосновении с центральным здешним правительством, совершенно невероятным. Но возможность распространения среди местных политических деятелей таких слухов не лишена симптоматического значения, так как она свидетельствует о непрекращающемся среди южных славян монархии нервном, выжидательном настроении.

Настроение это поддерживается нижеследующими конкретными данными, полученными мною от того же осведомителя: боснийские ж. д. в последнее время собирают запасы угля, как в военное время; большое число вагонов направлено в Боснянский Брод в распоряжение военных властей на случай перевозки войск; в Сараеве, наконец, происходят ежедневные учения войск с участием артиллерии и пулеметов, что на население производит впечатление подготовления к сражениям. К этим сведениям можно еще прибавить газетное известие о недовольстве среди солдат из чехов, находящихся в городе Невесинье, на продолжительную их задержку в Герцеговине.

С глубочайшим уважением и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 340. Поверенный в делах в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 117. 26/13 февраля 1914 г.

Переговоры между Турцией и Италией по поводу последней железнодорожной ветки от Адалии до Бурдура неожиданно осложнились. Итальянцы надеялись довести ветку до Бурдура и соединить ее засим с английскою сетью и Багдадскою железной дорогой. Между тем, турецкие предприниматели, подстрекаемые будто бы

Джемаль-пашой, хлопочут о получении концессии на линию, которая связала бы между собой названные выше сети. Тогда итальянская ветвь Адалия—Бурдур потеряла бы всякое экономическое значение. К тому же немцы предупредили турок, что лишь путем компенсации они согласились бы допустить соединение итальянской ветки с Багдадской железной дорогою.

Гулькевич.

№ 341. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 8. 26/13 февраля 1914 г.

Получил и отправил телеграмму № 340 [1].

Сообщил содержание ее морскому агенту, который думает, что во избежание огласки, которая могла бы повредить успешному ходу дела, было бы практичнее не обращаться к аргентинскому правительству, пока идут непосредственные переговоры с заводом Шваба. Он телеграфировал в этом смысле морскому министру.

Бахметев.

№ 342. Министр иностранных дел управляющему министерством финансов Барку.

Письмо № 122. 27/14 февраля 1914 г.

Весьма секретно
Спешно.

Копии: председателю совета министров, министру торговли.

М. г. Петр Львович,

Имп. посланник в Софии обратился ко мне с письмом [2], в котором он указывает на настоятельную необходимость, в видах противодействия купленной Австриею болгарской прессе создать в Болгарии органы печати—или воспользоваться уже существующими—для опровержения заведомо ложных и неблагоприятных нам известий, и для разъяснения болгарскому общественному мнению политических вопросов в желательном для нас освещении.

Приводя примеры беззастенчивых измышлений враждебных России органов болгарской печати, вынудивших уже его принимать меры к их опровержению, д. с. с. Савинский представил записку,

---

[1] См. № 325 и прим. Вслед за отправлением № 340 Сазонов тел. от 27/14 февр. 1914 г. за № 353 предложил Штейну воздержаться от выполнения содержавшегося в № 340 поручения впредь до нового распоряжения.

[2] См. № 275.

в копии у сего препровождаемую, составленную имп. вице-консулом в Софии, коему поручены сношения с местной прессой.

Принимая во внимание, что настоящий момент является особенно важным для достижения указанной д. с. с. Савинским цели ввиду предстоящих в Болгарии в ближайшие же дни выборов, мне представляется необходимым теперь же получить возможность воздействовать на местную печать в желательном нам смысле, с каковою целью я считал бы нужным немедленно перевести в распоряжение имп. миссии в Софии 10 тыс. руб.

Вследствие вышеизложенного и. ч. пок. просить в. пр-во не отказать меня срочно уведомить, буде возможно, по телефону, а затем и письменно, не признаете ли вы возможным ныне же ассигновать испрашиваемую мною сумму.

К сему имею честь присовокупить, что копии настоящего письма сообщаются мною, одновременно с сим, председателю совета министров [1] и министру торговли и промышленности.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 343. Поверенный в делах в Стокгольме министру иностранных дел.

/. Депеша № 3. 27/14 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как вашему высокопревосходительству благоугодно будет припомнить, императорской миссии за последнее время неоднократно приходилось доносить о том значении, которое придается здесь теперь вопросу о государственной обороне, и о той агитации, которая происходит в стране в пользу усиления как сухопутных, так и морских вооружений, недостаточных будто бы для существования свободной и независимой Швеции.

Настойчивая и упорная антирусская пропаганда шовинистов, искусно использующих не улегшееся еще после инцидента с нашим военным агентом волнение, и не менее искусная и постоянная деятельность немецкой печати в том же направлении действительно вселили в широкие массы народа убеждение, что отечество в опасности.

[1] Письмом от 27/14 фев. 1914 г. за № 123 Сазонов просил Горемыкина „оказать содействие к удовлетворению возбужденного имп. посланником в Софии ходатайства". Телеграммой от того же числа за № 362 Сазонов сообщал Савинскому о переводе ему 10 тыс. руб.

Ярким доказательством царящего в стране нервного настроения явилась грандиозная патриотическая манифестация более 30 тыс. крестьян, прибывших [19] 6 сего февраля в Стокгольм для выражения королю и кабинету своих пожеланий о немедленном принятии мер, необходимых для обороны страны.

Вашему высокопревосходительству уже известно из моей секретной телеграммы от [10 февраля] 28 января[1], что король, в ответ на приветствия крестьян, произнес речь, в коей подчеркнул свое твердое намерение осуществить еще в течение этого года реформу государственной обороны в полном ее объеме согласно указаниям компетентных в этом деле военных сфер.

Как и следовало ожидать, эти слова его величества, заключавшие в себе как бы публичное порицание изложенной самим министром-президентом в Карлскроне (депеша императорской миссии от [27] 14 декабря 1913 г. № 15) программы либерального кабинета, главным образом, в отношении важного вопроса о сроке службы в пехоте, вызвали здесь громадную сенсацию. Встреченная с восторгом со стороны консерваторов речь короля подверглась резкой критике со стороны либералов и социалистов, как противоречащая, по их мнению, духу конституции и нарушающая суверенные права народа.

Вся страна сразу разделилась на два лагеря и была поставлена, благодаря такому толкованию слов его величества, лицом к лицу с конституционным конфликтом, временно заслонившим даже вопрос о государственной обороне.

На точку зрения своей партии, как выяснилось лишь впоследствии, стал и кабинет г. Стаафа, потребовав от короля формального обещания не произносить в будущем речей политического характера без предварительного осведомления о том ответственных советников короны. Его величество ответил отказом, не желая „лишать себя права свободного сообщения со своим народом“.

Не получив, таким образом, тех конституционных гарантий, которые либеральное правительство положило в основу своей программы, но которые однако формально не выражены в конституционных актах королевства, кабинет подал в отставку.

Попытки сформировать новое либеральное правительство, вследствие единодушного отказа либералов, оказались тщетными. На долю нового временного кабинета выпала задача, далеко не легкая. Он призван, путем роспуска нижней палаты нынешнего риксдага,

---

[1] Содержание ее исчерпывающе передается настоящим документом.

осуществить реформу государственной обороны на началах, изложенных королем в своей речи перед крестьянами.

Трудно предсказать, насколько удастся ему справиться с этой задачей. Все зависит от исхода новых выборов. Есть однако основания думать, что попытки кабинета увенчаются успехом, так как сознание о необходимости широкого и скорейшего проведения в жизнь усиления оборонительных сил страны пустило глубокие корни в народных массах. Но грозный вопрос о конституционном конфликте все еще стоит на очереди, являясь опасным орудием борьбы в руках либералов и прежде всего социалистов, и в этом заключается серьезность создавшегося положения.

Невольно задаешь себе вопрос, что будет, если оппозиция вернется в прежнем составе, и это последнее весьма возможно.

Ответ на этот вопрос даст близкое будущее.

Страна пока готовится к выборной кампании, которая обещает быть чрезвычайно ожесточенной ввиду царящего в стране тревожного настроения.

Все партии выпустили манифесты; либералы и социалисты подчеркивают конституционный вопрос.

Примите и пр. Бар. Розен.

№ 344. Поверенный в делах в Стокгольме министру иностранных дел.

/. Депеша № 5[1]. 27/14 февраля 1914 г.

В германской прессе, как вашему высокопревосходительству известно, в последнее время особенно энергично ведется крайне искусная кампания с целью возбуждения Швеции против России, поддерживаемая попутно той агитацией, которая происходит в самой стране; кампания эта слишком явно стремится к усилению германского влияния и порабощению Швеции и потому начинает уже вызывать в самом королевстве, правда, еще слабые протесты против политических замыслов Германии, могущих нарушить его независимость.

Если народные массы еще не сознали опасности, которая грозит не оттуда, откуда они ее ожидают, т. е. из Германии, а не со стороны России, то в среде людей дела, а не занимающихся внутренней политической борьбой, начинает уже проявляться с достаточной определенностью сознание того, чего можно ожидать от вовлечения Швеции в орбиту Германии.

Императорской миссии неоднократно приходилось доносить о

[1] Лит. копия.

стараниях бывшего либерального правительства успокоить проникнутые страхом перед Россией умы и вселить в широкие массы народа убеждение в необходимости жить в дружбе с державами как Тройственного союза, так и Тройственного согласия.

Рельефным выражением этого старания шведского правительства в столь существенном для шведской политики вопросе является статья, появившаяся некоторое время тому назад в распространенной газете „Göteborgs Posten". Статья эта озаглавлена „Опорный пункт нашей внешней политики", [и] как мне сказал генеральный секретарь здешнего министерства иностранных дел, инспирирована была самим графом Эренсвердом.

Позволяю себе представить эту статью вместе с переводом на благоусмотрение вашего высокопревосходительства [1], тем более что и новый министр при первом свидании со мной дал мне категорические заверения, что правительство намерено твердо продолжать традиционную внешнюю политику строгого нейтралитета и высоко ценит важность постоянных дружественных сношений с Россией, столь выгодных для обеих держав.

Исходя из основного положения, что внешняя политика каждого государства находится в тесной зависимости от экономических условий, статья доказывает, на основании статистических данных, что соображения прямого расчета побуждают Швецию остерегаться грозящей экономической зависимости от Германии и связывают благосостояние королевства с тесными и добрыми отношениями к державам Тройственного согласия и в частности с Россией, „единственным крупным естественным клиентом будущего" для Швеции.

Прилагаемой статье нельзя, конечно, придавать преувеличенного значения, настроение шведских умов пока еще слишком остро направлено против России. Но статья эта все же важна тем, что она идет навстречу нашим стремлениям поддерживать по отношению к Швеции мир и развивать экономические сношения.

Примите и пр. Розен.

№ 345. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 38 [2]. 27/14 февраля 1914 г.

Копия в Париж.

Строго конфиденциально, доверительно.

Министр иностранных дел поведал мне, что дело о приобретении Грецией броненосца не подвигается вперед вследствие отказа ар-

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 61, № 1279.

гентинского правительства его уступить. Секретным протоколом, в связи с конвенцией о займе, греческое правительство обязалось перед французским заказать броненосец во Франции в случае неудачи переговоров о покупке военного судна. Вследствие, таким образом, заинтересованности Франции, чтобы покупка другого имеющегося еще в виду готового броненосца не состоялась, Стрейт усердно просит вас, если возможно, указать в Париже на желательность такого приобретения его Грецией, не упоминая о настоящем его ходатайстве, могущем быть неблагоприятно истолкованным во Франции. Министр иностранных дел прибавил, что покупка эта, буде она состоится, по всей вероятности, не помешает заказу второго судна во Франции[1].

Демидов.

№ 346. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 72[2]. 27/14 февраля 1914 г.

Получил телеграмму № 54[3]. Копии в Париж и Вену.

Сведения, полученные Рафаловичем, не отвечают действительности. Никаких перемен во взглядах сербского правительства на интернационализацию Восточной железной дороги не произошло, о чем сообщал в моих телеграммах №№ 45 и 49[4]. Оно по-прежнему придерживается формулы Дютаста, т. е. образование трех групп— сербской, франко-русской и австрийской наряду с сербским эксплоатационным обществом на условиях, по коим уже состоялось соглашение с нами и французами. Командирование сербского делегата в Вену замедлилось не по вине Сербии, а вследствие возникших новых неосновательных притязаний Австрии, ныне, повидимому, ею оставленных, а равно и вмешательства Италии. По сему последнему поводу Пашич сказал: против приступления к делу Италии мы ничего не имеем, но пусть она ведается с Австрией или Францией. Сербия стоит на сохранении за собой третьей доли участия. Пашич допускает возможность каких-либо интриг со стороны франко-сербского банка, но правительство не имело с ним никаких переговоров по делу выкупа. Банк этот не получал концессии, но ему поручена лишь трассировка некоторых линий, как-то:

[1] По получении этой тел. Сазонов телеграфировал Демидову, что мор. м-во „само ведет переговоры о покупке судов“ (тел. от 5 марта/20 февр. 1914 г. за № 391; опубл. Stieve, IV, S. 62, № 1283).

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 60, № 1278.

[3] Имеется, повидимому, в виду тел. из Парижа, см. № 299.

[4] См. №№ 246 и 257.

Рашка—Митровица, Митровица—Приштина и др., не входящих в сферу интернационализации, но которые Австрия пытается подвести под четверную конвенцию. Недоразумение, вызванное заявлениями Иовановича, уже опровергнуто Пашичем в беседе с Гизлем. Подробные объяснения инцидента заключаются в депеше моей № 9[1], отправленной курьером. Делегат Сербии Илич готов к отъезду в Вену. Здесь ожидают приглашения Австрии.

Гартвиг.

№ 347. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 73. 27/14 февраля 1914 г.
Весьма доверительно.

Пашич доверительно сообщил о некоторых крайне недобросовестных попытках Австрии нарушить сердечные греко-сербские отношения: венский кабинет настойчиво уговаривал греческое правительство не давать сербам никаких привилегий в Салониках, дабы затруднить им торговые сношения с названным портом. Австрийское предложение, конечно, получило отпор в Афинах. Передавая об этом Пашичу, Венизелос усердно просил не разглашать интриги.

Гартвиг.

№ 348. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

·/. Телеграмма № 367[2]. 28/15 февраля 1914 г.

Копия сообщается послу в Токио.

Телеграмма № 59 получена[3].

Английское правительство не обращалось к нам по вопросу о железной дороге Пекин—Жехэ.

В свое время при переговорах о ветке Цзинчжоу—Чаоян англий-

---

[1] См. № 317.

[2] Лит. копия.

[3] Тел. от 21/8 февр. 1914 г. за № 59 Крупенский передавал свой разговор с японским посланником, который „с весьма встревоженным видом“ сообщил ему, что, по имеющимся у него сведениям, английская фирма Паулинг и К⁰ получает от китайского правительства концессию на ж. д. Пекин—Жехэ. По сообщению Крупенского, японский посланник высказал предположение, что английское правительство запросило уже росс. правительство о неимении с его стороны препятствий к получению англ. фирмой названной концессии, и просил Крупенского уведомить его обо всем, что он узнает по этому поводу. Из разговора с англ. посланником Крупенский ничего определенного не узнал, но вынес впечатление, что он „отнесся бы, повидимому, сочувственно к этому вопросу“.

ское правительство не отрицало, что в силу нашего с ним соглашения 1899 г. оно не должно искать железнодорожных концессий к северу от Великой стены, и лишь доказывало, что эта ветка подпадает под установленное сказанным соглашением изъятие в пользу прав, приобретенных British and Chinese Corporation по контракту 1898 г. с китайским правительством. Не соглашаясь с таким взглядом английского правительства и настаивая в принципе, что после соглашения 1899 г. всякое английское железнодорожное строительство к северу от Великой стены нарушает это соглашение, мы на практике удовлетворились обещанием англичан не продолжать ветки Цзинчжоу—Чаоян, не заручившись на то нашим предварительным согласием.

Таким образом у нас есть, повидимому, основание рассчитывать, что без нашего согласия линия Пекин—Жехэ—Чифын не будет построена на английские капиталы, тем более что в ноте [1 июня] 20 мая 1899 г. китайское правительство обязалось строить железные дороги к северо-востоку от Пекина не иначе, как на китайские или русские капиталы.

Хотя сказанная линия представляет для нас некоторые неудобства, японское правительство, конечно, более нас заинтересовано в том, чтобы помешать ее постройке англичанами. Наши соглашения с Англией и Китаем дают нам возможность оказать Японии услугу в этом направлении, за которую мы, очевидно, можем потребовать ответные услуги от японцев, хотя бы в той же области железнодорожного строительства. Чтобы составить себе ясное представление о том, какое направление следует придать настоящему вопросу, нам интересно знать в точности японский план железнодорожного строительства к западу от Южно-манчжурской линии, в который японское правительство нас не посвятило.

Благоволите при случае в осторожной форме и пока лично от себя высказаться в вышеизложенном смысле перед японским посланником.

[Сазонов.]

№ 349. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 118[1]. 28/15 февраля 1914 г.

М. г. граф Александр Константинович,

Из предыдущей переписки вашему сиятельству известно, что в минувшем году по особому соглашению между главным казначеем Персии Морнаром и Шахиншахским банком, последнему предоста-

[1] Черновик рукою Клемма.

влено было инкассирование малиата (поземельных податей) в большинстве северных провинций Персии, каковая привилегия раньше принадлежала нашему Учетно-ссудному банку. Сказанная сделка, как противоречащая в корне англо-русскому соглашению, была в свое время опротестована нашей миссией, которая при этом отметила, что в свое время, когда наш банк намеревался на тех же основаниях инкассировать малиат Койната, входящего в сферу английского влияния, это вызвало возражение со стороны великобританского посланника в Тегеране, вследствие чего нашему банку было предложено отказаться от этого намерения. Г. Тоунлей пытался отвергнуть протест нашего поверенного в делах, ссылаясь на то, что Шахиншахский банк якобы является государственным банком Персии и потому де круг деятельности его не может быть ограничен. Едва ли однако есть какая-либо надобность опровергать эту очевидную фикцию.

Далее, как вам известно, полученная английским банком привилегия не преминула крайне вредно отразиться на положении нашего банка, лишив его столь необходимого притока в его кассы местной валюты, притом еще, что его английский конкурент имеет и без того огромное перед ним преимущество в виде монопольного права выпуска кредитных билетов.

Ввиду изложенного нашей миссии в Тегеране даны были указания непременно добиться того, чтобы с персидского нового года (8/21 марта с. г.), когда истекает контракт Морнара с Шахиншахским банком, инкассирование малиата в нашей сфере влияния было вновь предоставлено нашему банку[1].

Передавая об изложенном, имею честь пок. просить ваше сиятельство разъяснить великобританскому прав-ву законность нашего пожелания и просить его снабдить своего представителя в Тегеране указаниями отнюдь не поддерживать какие-либо притязания английского банка на возобновление предоставленной ему в прошлом году привилегии.

В ожидании уведомления вашего о последующем, пользуюсь случаем и пр. [Сазонов.]

№ 350. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 39. 28/15 февраля 1914 г.

Телеграфирую Петряеву.

Вследствие распространяющегося в Эпире движения в пользу автономии, греческое правительство убедительно ходатайствует о

[1] См. № 331.

нашей поддержке в деле скорейшего предоставления эпиротам просимых в его ответной ноте державам гарантий, что значительно облегчило бы его задачу предстоящей мирной и последовательной эвакуации. Правительство, по моему убеждению, действует с посильной энергией и полной искренностью. Король отдал приказания по возможности разоружать население и священные дружины. При дальнейшем однако возгорании кровавые столкновения едва ли будут избегнуты, а положение здешнего правительства может стать критическим. Демидов.

№ 351. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 12. 28/15 февраля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Германские интриги, подкапывающиеся под наше политическое положение на Ближнем Востоке, здесь, на Дальнем Востоке, стремятся подорвать наш моральный престиж.

Германские интересы обслуживаются в Японии тремя печатными органами: ежедневной иокогамской газетой на английском языке „Japan Daily Herald" и берлинским телеграфным агентством „Deutsche Japan Post", которое одновременно издает в Иокогаме на немецком языке еженедельную газету под тем же заглавием „Deutsche Japan Post" (Wochenzeitung für Deutsche Interessen in Japan).

О вредном для нас направлении берлинского телеграфного агентства „Deutsche Japan Post" я неоднократно доносил императорскому министерству. Нет неправдоподобного слуха, извращенного отзыва о русской политике, наших внутренних делах или деятельности правительства, которые не находили бы себе отклика в телеграфных бюллетенях берлинского агентства в Японии; всякая клевета или сплетня о русских государственных лицах, появляющаяся на столбцах шантажного листка „Berliner Tageblatt", немедленно воспроизводится здесь в бюллетенях „Deutsche Japan Post" и подносится в назидание японскому общественному мнению. Те же телеграммы затем перепечатываются часто с комментариями в немецком еженедельнике „Deutsche Japan Post". Само собой разумеется, что неблагоприятные для нас известия жадно расхватываются падкой до сенсации японской прессой, чему немало способствует здешнее частное осведомительное бюро прессы „Liberal News Agency", черпающие свои сведения о России исключительно из немецких источников.

Не менее вреда наносит нашему престижу в Японии систематическое распространение неблагоприятных отзывов о России вышеупомянутой газетой „Japan Daily Herald". Листок этот, хотя издается на английском языке, но заведомо зависит от немцев и стоит в близких отношениях к германскому посольству в Токио. Газета эта дышит ненавистью ко всему русскому и дает, с явными целями вредить нам, широкое распространение всякой лжи, всякому искажению фактов, которые могут послужить к понижению престижа России на Дальнем Востоке.

Препровождаю на просмотр вашего высокопревосходительства выборку статей из „Japan Daily Herald" за последнюю треть минувшего 1913 г.[1].

Некоторой поправкой к сенсационному характеру известий о нашем отечестве служило еще недавно агентство Рейтера, дававшее более беспристрастные сведения о наших делах, хотя и довольно случайно. Но с переходом представительства Рейтера в Японии в руки некоего Кеннеди с весьма сомнительной репутацией, который состоит одновременно распорядителем вновь учрежденного здесь японского национального телеграфного агентства, всякое доверие к рейтеровским телеграммам должно прекратиться; на добросовестность Кеннеди никак нельзя рассчитывать.

Я имел случай неоднократно обращать внимание здешнего германского посла гр. Рекса на недоброжелательность по отношению к России и тенденциозность публикуемых в Японии немецких изданий. Само собой разумеется, что гр. Рекс, несомненно причастный к неблаговидным приемам „Japan Daily Herald" и Deutsche Japan Post", отрицает всякое к ним касательство. Между тем ни для кого не секрет, что негласным редактором „Japan Daily Herald" является тот же гамбургский еврей, Оствальд, который открыто редактирует еженедельник „Deutsche Japan Post" и получает свои директивы из германского посольства в Токио.

Явной целью этой интриги, систематически проводимой в течение нескольких лет при посредстве подкупной печати, служит стремление подорвать в японцах веру в русскую мощь и посеять в них недоверие к устойчивости русской политики на Дальнем Востоке. Подозрительность японцев по отношению к нам эксплоатируется немцами в собственных интересах.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

---

[1] Вырезки из „Japan Daily Herald" хранятся в Арх. Вн. Пол. в деле Яп. ст. № 922.

№ 352. За директора I департамента чиновнику для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Миллеру.

Письмо № 106. 1 марта/16 февраля 1914 г.

Из донесения управляющего генеральным консульством в Азербайджане от [15] 2 января с. г. за № 8 [1], в копии присем препровождаемого, усматривается, что пограничный с Персией комиссар полковник Цысс намерен выступить для соискания концессионных прав на орошение и обработку земель в персидской части Муганской степи [2].

Имея в виду, что подобную концессию желал бы взять Учетно-ссудный банк Персии, в руках коего означенное орошение приобрело бы характер правительственного предприятия, было бы весьма желательно своевременно устранить всякую постороннюю конкуренцию, в том числе и полковника Цысса [3], за которым могут последовать и иные соискатели.

Первый департамент покорнейше просит вас не отказать доложить настоящее дело г. наместнику е. и. в. и уведомить о мнении генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова по этому вопросу.

[Клемм.]

№ 353. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву.

Письмо № 107 [4]. 1 марта/16 февраля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Николаевич,

Вследствие письма вашего прев-ва от [13 февраля] 31 мин. января за № 3 [5], считаю долгом сообщить вам, для личного

---

[1] Донесение Преображенского от 15/2 янв. 1914 г. за № 8 хранится в Арх. Вн. Пол. в деле П. ст. № 609-б.

[2] Из частных писем Цысса на имя секретаря ген. консульства в Тавризе Введенского и на имя бывшего ардебильского губернатора сердара Решида (в копиях приложенных к донес. Преображенского за № 8) видно, что Цысс намеревался арендовать персидскую часть Муганской степи в компании с группой русских предпринимателей и сердаром Решидом.

[3] Аналогичные указания были даны м-вом ин. дел росс. миссии в Тегеране, ген. консульству в Тавризе и вице-консульству в Ардебиле (тел. Клемма от 28/15 января 1914 г. за № 117).

[4] Черновик рукою Клемма.

[5] В письме на имя Сазонова от 13 февр./31 янв. 1914 г. за № 3 Свербеев передавал свой разговор с посетившим его экс-шахом Мохамедом-Али по поводу помещенной в „Русском слове“ телеграммы из Тегерана, в которой сообщалось о заверениях, данных российским и английским прав-вами персидскому прав-ву

вашего сведения, что в бытность свою в С.-Петербурге Мохамед-Али шах пытался непосредственно довести о своих сетованиях и пожеланиях до сведения государя императора. Попытка эта успеха не имела, но тем не менее оставить обращение шаха безо всякого ответа представляется нам нежелательным, так как это могло бы поддерживать в нем несбыточные надежды.

Ввиду сего имею честь пок[орнейше] просить вас повидаться с шахом и сделать ему вновь надлежащее внушение. Отнюдь не упоминая при этом о сказанной его попытке, вы могли бы начать с того, что содержание показавшейся ему столь обидной телеграммы газеты „Русское слово" не соответствует истине и является вымыслом какого-либо корреспондента означенной газеты; подобного сообщения персидскому прав-ву сделано не было. Затем благоволите высказать шаху приблизительно следующее:

Его величеству не следует доверять разным частным лицам, которые пытались бы склонить его к каким-либо новым выступлениям в Персии, а равно прислушиваться к мнению некоторых своих братьев, в частности Салар-эд-Доуле, если бы они стремились вовлечь его снова в какие-либо авантюры. Достоверные сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, рисуют положение дела в Персии совсем не в том виде, как его стараются представить его величеству, и мы по-прежнему твердо убеждены, что какая-либо попытка совершить насильственный переворот в этой стране могла бы лишь привести к еще худшим результатам, чем в прошлом году.

Новая неудача имела бы для его величества самые серьезные последствия, так как импер. прав-во лишено было бы возможно-

---

в том, что они будут противодействовать попыткам Монамеда-Али вернуться в Персию, и о намерении российского прав-ва установить за ним надзор по возвращении его в Одессу. Мохамед-Али заявил, что после данного им м-ву ин. дел торжественного обещания ничего не предпринимать без согласия российского прав-ва, он глубоко оскорблен содержащимися в упомянутой телеграмме известиями и просит довести об этом до сведения Сазонова. Несколько ранее тот же вопрос являлся предметом переписки между Сазоновым и Бенкендорфом. Тел. от 1 февр./19 янв. 1914 г. за № 20 и от 2 февр./20 янв. 1914 г. за № 21 Бенкендорф уведомлял м-во ин. дел о появившихся в англ. печати сообщениях из Тегерана об оживлении деятельности агентов экс-шаха и приготовлениях их к ожидаемому прибытию его в Хоросан. Бенкендорф передавал также слухи о том, что Мохамед-Али находится инкогнито в Петербурге. В ответной тел. от 3 февр./21 янв. 1914 г. за № 173 Сазонов сообщал, что экс-шах действительно провел 3 дня инкогнито в Петербурге, откуда выехал в Берлин. По сообщению Сазонова, Мохамед-Али „ни с кем из членов правительственных кругов не видался и никаких заявлений не делал", и „вообще приезд его был лишен всякого политического значения".

сти оказать ему, в таком случае, какую-либо поддержку и вновь обеспечить ему необходимые для его существования средства. Поэтому мы можем лишь вновь самым настоятельным образом рекомендовать его величеству не предпринимать ничего и терпеливо дожидаться результата предстоящих в скором времени провозглашения совершеннолетия и коронования его августейшего сына султана Ахмед-шаха.

Передавая об изложенном и в ожидании отзыва вашего о последующем, пользуюсь случаем и пр.

[Сазонов.]

№ 354. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁰/. Письмо. 1 марта/16 февраля 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сегодня, по приказанию короля, меня посетил начальник его тайной канцелярии Добрович и принес мне текст телеграммы, которую государю императору благоугодно было прислать королю по случаю его вчерашнего дня рождения [1], а также текст ответа короля. При этом Добрович сказал, что король был так счастлив телеграмме его величества и так тронут ее тоном и выражениями, что приказал ему сейчас же отправиться ко мне и выразить мне чувства, волнующие короля. „В первый раз,—передавал мне Добрович слова короля,—государь император обращается ко мне по телеграфу в столь милостивых выражениях, и в них я вижу новое доказательство тех неизменно благожелательных чувств, которые его величество питает к Болгарии. За нами есть грехи, мы сделали массу ошибок, но из милостивых слов государя я вижу с благодарностью, что Россия все-таки смотрит на нас как на свое детище и готова нам простить наши заблуждения“.

Я воспользовался этими словами Добровича для целого политического разговора. Я указал прежде всего на ту радость, которую я испытываю лично по поводу обмена телеграмм, а также на то, как я тронут, что король прислал мне их для ознакомления. Далее я выразил удовлетворение по поводу слов короля насчет значения телеграммы государя императора и подтвердил, что действительно его величество готов забыть прошлое, но при условии, что впредь политика Болгарии и отношение ее к России будут именно такими, какими они должны быть и каких Россия вправе ожидать.

---

[1] См. № 320 и прим.

„Теперешнее правительство,—сказал я,—состоящее из лиц нравственно опороченных и осмелившихся публично советовать королю порвать с Россией и обратиться в сторону Австрии, конечно, не может внушать нам доверия. Какие бы слова ни говорились как королем, так и теперешним правительством, они без соответствующих действий и неопровержимых доказательств не будут иметь в наших глазах никакого значения. Чтобы государь император, его правительство и вся Россия поверили им, нужны аргументы более сильные, чем словесные заверения“.

„Когда я уезжал из С.-Петербурга,—продолжал я,—императорское правительство задавало себе вопрос, можно ли работать с людьми, дерзнувшими поставить своим политическим лозунгом „австрофильство против России“, и я нарушаю мои инструкции, когда, во внимание к двукратной просьбе короля, беру на себя говорить вам, что не откажусь разговаривать и с людьми, стоящими ныне у власти; но для того, чтобы оправдать себя в глазах своего правительства, я должен иметь достаточно убедительные аргументы. Покуда между нами и болгарским правительством будет возмутительное письмо [6 июля] 23 июня, мой голос будет голосом вопиющего в пустыне, так как в России никто, начиная с царя и кончая простым крестьянином, не поймет, что можно работать с людьми, открыто объявившими себя против России. Я не должен был бы говорить вам всего этого, так как дело болгар, сознающих, что для них нет спасения вне России, изыскать средства убедить меня в своей теперешней правдивости. Но одушевленный искренним желанием содействовать уничтожению всего того, что может так или иначе задержать столь желательное и необходимое для Болгарии сближение с Россией, я беру на себя инициативу подобных разговоров. Вам, болгарам, нужно изыскать средства загладить то неприятное впечатление и рассеять ту атмосферу недоверия, которая столь основательно создалась в России за последнее время; а средств у вас для этого много, и не мне на них указывать. Говорить о них, конкретизировать их теперь, накануне выборов, результат которых пока нельзя предсказать с достаточной определенностью, быть может, немного рано, но думать о них уже нужно, и хорошо, что есть время для вас обдумать этот важный вопрос“.

„Я прошу вас выразить королю мою искреннюю благодарность за тронувшее меня его внимание и передать его величеству наш сегодняшний разговор, с оговоркой, что я убежден, что милостивые слова вчерашней телеграммы государя императора будут

оценены королем по достоинству, и что в ответ на бесконечную милость его величества король даст нам доказательства, что намерения его вести Болгарию под благосклонным руководством России к мирному и культурному развитию и процветанию „искренни и правдивы“.

Добрович ответил мне, что, по последним донесениям Радко Димитриева королю, он знает, что теперешнее болгарское правительство не внушает доверия в С.-Петербурге, о чем еще недавно говорил посланнику и новый председатель совета министров, но что он может меня заверить, что нынешнее правительство отнюдь не австрофильское, что оно приняло эту кличку из-за партийных соображений, что оно не меньше правительства Данева сознает все значение для Болгарии русского доброжелательства, и что, если оно останется у власти, его политика будет направлена отнюдь не в сторону гибельного для Болгарии германизма, а в сторону славянства и России.

„Пока это все одни слова,—сказал я,—а нам нужны дела; пока есть время, обсудите и обдумайте все, о чем мы с вами только что говорили, и постарайтесь своими действиями внушить нам доверие, которое одно может явиться залогом совместной плодотворной работы“.

Заканчивая это письмо, не могу не сказать, что вышеупомянутая телеграмма государя императора именно в настоящий неопределенный и трудный для Болгарии момент явилась актом величайшей государственной мудрости. Зная характер короля и его личное влияние на дела страны, я убежден, что телеграмма эта заставит его задуматься над ближайшим направлением политики и постараться повернуть ее в то русское русло, которое все настойчивее и настойчивее ему указывается общественным мнением, итти против которого не в состоянии будет и то правительство, которое начертало на своем знамени: „Австрия“.

Примите и пр.

Савинский.

№ 355. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 41. 1 марта/16 февраля 1914 г.

Копия в Белград.

Мне сообщают из доверительного источника, что здешний австрийский посланник обратился, по поручению своего правительства, к Стрейту с запросом относительно тех особых прав и ком-

мерческих льгот, которые будут предоставлены Сербии в Солуни, ибо Австрия намерена будто бы таковые же потребовать и для себя на основах экономического равенства.

Демидов.

№ 356. Министр иностранных дел послам в Лондоне и Париже Бенкендорфу и Извольскому.

⁄. Телеграмма № 370. 2 марта/17 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграммы Петряева №№ 31 [1] и 30 [2] и Демидова № 39 [3].

Если державы согласятся на предложения Греции уплатить Албании 2½ млн. фр. за исправление границы, тем самым освободятся средства, потребные на неотложные расходы. Считали бы желательным разрешение этих вопросов по возможности до приезда принца Вида в Албанию. Полагаем также, что только при удовлетворении других законных желаний Греции можно рассчитывать на ее содействие для устранения опасностей, сопряженных с эвакуацией Эпира.

Обсудите эти вопросы с Греем и Камбоном. Если они признают возможным дать эпиротам обеспечения, просимые Грецией, мы не будем возражать.

Узнаем из достоверного источника, что Италия решительно отклоняет мысль о возможном предоставлении Греции островов Додеканеза.

[Сазонов.]

№ 357. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

⁄. Телеграмма № 372 [4]. 2 марта/17 февраля 1914 г.

Телеграмма № 79 [5] получена.

Не встречаем препятствий, чтобы вы выяснили пожелания баргутов относительно порядка управления Баргою. Равным образом считаем возможным, чтобы вы передали министру иностранных дел

---

[1] В тел. от 28/15 февраля 1914 г. за № 31 Петряев сообщал, что в албанской казне нет средств на содержание жандармского отряда, предназначенного для действий на юге Албании, и что, если для этой цели не будут отпущены особые средства, отряд придется распустить.

[2] В тел. Петряева от 28/15 февр. 1914 г. за № 30 сообщалось, что южно-албанские провинции объявили себя независимыми и избрали врем. правительство.

[3] См. № 350.

[4] Лит. копия.

[5] См. стр. 403, прим. 1.

список сделок, заключенных русскими подданными с баргутскими властями и явленных в вице-консульстве в Хайларе.

Порядок постройки подъездных путей в Барге подлежал бы подробному обсуждению в каждом отдельном случае. В принципе мы не возражаем против того, чтобы эти пути строились китайцами на русские капиталы, но, конечно, при этом должны быть принимаемы во внимание русские интересы в связи с Китайскою Восточною железною дорогою.

Что касается вознаграждения золотопромышленников, то хотя сумма, которую мы потребуем, еще окончательно не установлена, уже теперь можно сказать, что она будет значительно ниже заявленной самими золотопромышленниками.

Сазонов.

№ 358. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Письмо № 129 [1]. 2 марта/17 февраля 1914 г.

Письма и донесения, полученные со времени вашего прибытия в Софию, рисуют картину переходного времени, переживаемого Болгарией, которая ищет исхода из тяжелых условий, созданных минувшей войной, и пока не нашла его. Изворотливый ум короля Фердинанда побуждает его лавировать между многочисленными затруднениями запутанного внутреннего положения и желанием заручиться по возможности благожелательным отношением России, не компрометируя отношений с Австрией, симпатиями к коей связано нынешнее его правительство.

При такой запутанной общей политической обстановке роль представителя России является в наших глазах по существу выжидательной. Это не исключает, конечно, благожелательного внимания к заявлениям как самого короля, так и лиц, стоящих у власти. Но заявления эти, как вы справедливо замечаете в письме от [18] 5 февраля [2], не могут внушать нам сами по себе особого доверия. Вполне соглашаясь с вами, что для нас не представляет решающего значения именование, присваиваемое себе той или иной партией, и что лозунг „руссофильства“ не помешал Даневу в

---

[1] Лит. копия. Опубл. Siebert, III, S. 261—262, № 1040.

[2] Письмо Савинского от 18/5 февр. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено; имеется лит. копия депеши Савинского от 18/5 февраля 1914 г. без номера. В депеше этой Савинский, между прочим, писал: „... если теперешнее правительство удержится у власти и будет казаться, что положение его прочно, нам не следует уклоняться от объяснений с ним“, но для этого недостаточно „слов и заверений с глазу на глаз“, а „нужны дела и доказательства“.

свое время не всегда считаться с нами и даже заигрывать с Австрией, я однако не могу не обратить вашего внимания на то обстоятельство, что нынешний кабинет не внушает нам доверия не столько по своей кличке „австрофильского", сколько по более чем сомнительной репутации лиц, находящихся в его составе.

Предстоящие в Болгарии выборы могут, конечно, закрепить за кабинетом Радославова нужное для него большинство—вы задаетесь при этом вопросом, в какие отношения вам придется в этом случае стать к кабинету Радославова. Конечно, поддержка Болгарии с нашей стороны в отдельных конкретных случаях возможна впредь в той же мере, в какой она осуществлялась нами ныне независимо от личности того или другого министра. Но более тесное сближение наше с Болгарией и этой последней с Сербией при посредничестве России окажется возможным лишь путем упорной работы при условии искреннего поворота в эту сторону общественного мнения и правительства Болгарии. Естественно поэтому, что, пока нынешние правители останутся у власти, известная сдержанность с нашей стороны будет диктоваться элементарной осторожностью.

Насколько мало искренно нынешнее правительство,—указывает полученное нами из весьма секретного источника сведение, что нынешние болгарские министры высказывались перед иностранными представителями по поводу продолжительных бесед ваших с королем в том смысле, что король действует за их спиной и им будто бы нет дела до его личной политики [1].

Если бы нынешнее правительство оказалось неспособным продержаться долго у власти и на смену ему явился коалиционный кабинет с Малиновым во главе, то, конечно, подобную перемену мы бы приветствовали, считая, что она всего лучше может обеспечить Болгарию от вступления на путь приключений. Степень нашей поддержки при таких условиях соответственно могла бы повыситься. Для нас представилось бы возможным, например, содействовать заключению болгарского займа в Париже и усилить работу сближения Болгарии и Сербии. Но и в этом случае в наших действиях необходимо соблюдать осторожность и постепенность, при недостатке коих мы рискуем лишь пошатнуть доверие к нам Сербии и оттолкнуть от себя Румынию, не привязав к себе в то же время Болгарию [2].

---

[1] У Siebert'a: „doch werde seine persönliche Politik nicht ausgeführt werden" (S. 262).

[2] Последующая часть документа у Siebert'a отсутствует.

Таким образом, сохраняя вполне благожелательное отношение к Болгарии и ее правителю, не отдавая всецело предпочтения ни одной политической партии или определенным деятелям, нам следует спокойно выжидать минуты, когда в самой Болгарии глубже укоренится сознание необходимости тесного единения с Россией. Ускорять событтия уже потому не входит в наши расчеты, что при нынешних условиях мы можем содействовать гораздо больше мирной работе возрождения Болгарии, чем осуществлению в ближайшем будущем ее надежды на исправление Бухарестского договора.

Сазонов.

P. S. Мне кажется, что король, осыпая вас любезностями, имеет в виду убедить болгарское общественное мнение в том, что вы становитесь на путь примирения с радославовским кабинетом. Вы, вероятно, сами уже успели отдать себе в этом отчет, но тем не менее я считаю не лишним обратить ваше внимание на подобные попытки.

№ 359. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Т. Телеграмма № 53. 2 марта/17 февраля 1914 г.

Reçu télégramme № 346 [1].

Banque Impériale de Perse estime que avant de procéder à confirmation officielle de l'accord conclu avec Lwow, il serait préférable charger directeurs des deux banques à Téhéran rédiger termes précis de l'arrangement. Confirmation officielle résulterait du fait, que nos deux légations porteront cet arrangement à la connaissance du gouvernement persan. A mon avis pareille procédure présenterait des avantages pratiques réels.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 346.

Имперский банк Персии считает, что ранее официального утверждения соглашения, заключенного с Львовым, было бы предпочтительно поручить директорам обоих банков в Тегеране установить точный текст соглашения. Официальное утверждение выразилось бы в том, что обе миссии доведут это соглашение до сведения персидского правительства. По моему мнению, подобная процедура представила бы существенные практические выгоды.

Бенкендорф.

---

[1] Телеграммой от 26/13 февр. 1914 г. за № 346 Сазонов запрашивал Бенкендорфа, имеется ли официальное утверждение соглашения о поставке серебра для персидского монетного двора.

№ 360. Посол в Париже министру иностранных дел.

⅟. Телеграмма № 65. 2 марта/17 февраля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 366[1].

Передал содержание ее Думергу, присовокупив, что Реймер не представляется нам подходящим кандидатом. Как объяснил мне Думерг, правительство республики, в согласии с Нубаром, считает весьма желательным оградить самолюбие Порты и поэтому представить ей список из четырех или пяти кандидатов на свободный ее выбор. Выбор этот будет только казаться свободным, ибо державы могут всегда указать Порте те два имени, которые они предпочитают, и на них настоять. В этом отношении Франция готова поддержать всецело кандидатов России. Во всяком случае разумеется, что список этот должен заключать только имена, приемлемые для всех держав и, в особенности, для России ввиду ее специальных интересов в этом деле. Французское правительство думает, что этот список должен быть сперва составлен на основании частного соглашения между державами Тройственного согласия. Затем Россия уже от себя сообщила бы этот список всем державам. По дополнении оного именами лиц, которых в него пожелали бы внести державы Тройственного союза, список был бы предъявлен Порте, при условии, конечно, чтобы все заключающиеся в нем имена были по-прежнему приемлемы для всех держав. Французское правительство надеется, что, если на основании запрошенных императорским правительством сведений кандидатуры майора Гоффа и обоих голландцев окажутся для него приемлемыми, ваше высокопревосходительство не встретите возражений против вышеизложенной процедуры.

Извольский.

№ 361. Генеральный консул в Тавризе заведующему отделом Среднего Востока Клемму.

Телеграмма № 202. 2 марта/17 февраля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Шоджа-эд-Доуле и сердар Решид, удалившись в Немет-Абад, вырабатывают текст телеграммы на высочайшее имя с заявлением

[1] В тел. Сазонова от 28/15 февр. 1914 г. за № 366 сообщалось, что в выборе кандидатов на должности ген. инспекторов в Армении российское прав-во руководилось соображениями приемлемости их для армян. Предложенный Думергом способ представления Порте каждой державой двух кандидатов, по мнению Сазонова, неприемлем, так как Порта может остановиться на неподходящих кандидатурах.

от имени населения Азербайджана о нежелательности парламента и ходатайство о присоединении Азербайджана к России.

Я через градоначальника предупредил Шоджа-эд-Доуле, что обращение это не будет иметь других результатов, кроме окончательного разрыва между ним и Тегераном, могущего поставить нас в необходимость выбора между ними.

Просил его отложить окончательное решение до возвращения сюда.

Орлов.

№ 362. Справка, составленная в министерстве финансов [1].

Проект о покупке Русско-азиатским банком расположенных на Балканском полуострове отделений Салоникского банка возник весною 1913 г.

Согласно первоначальному проекту предполагалась передача Русско-азиатскому банку отделений Салоникского банка в следующих городах: Салониках, Адрианополе, Кавалле, Дедеагаче, Драме, Гюмюльджине, Кирк-Килиссе, Монастыре, Ускюбе и Ксанти.

При дальнейших переговорах выяснилось, что для успешного развития операций Русско-азиатскому банку необходимо также приобретение отделения Салоникского банка в Константинополе. В этом отношении однако планы Русско-азиатского банка не встретили сочувствия со стороны французского правительства.

В июне 1913 г. переговоры по сему вопросу вступили в новый фазис.

Ввиду изменившегося положения денежного рынка, Русско-азиатский банк признал для себя более выгодным поглотить весь Салоникский банк путем обмена его акций, нежели прибегать к выпуску новых акций, необходимому в случае покупки одних лишь отделений Салоникского банка.

Однако высказанное в этом смысле предположение Русско-азиатского банка встретило самое несочувственное отношение со стороны французского правительства, находившего несоответственным интересам Франции распространение влияния русского банка на весь вообще район деятельности Салоникского банка.

Попытки найти приемлемую для Франции формулу соглашения не увенчались успехом.

---

[1] Справка датирована февралем 1914 г., без указания числа. Послана м-вом фин. Гирсу при сопровод. письме от 2 марта/17 февр. 1914 г. за № 3667.

В настоящее время переговоры по вопросу Салоникского банка продолжаются, причем обсуждается новая комбинация, имеющая целью образовать путем слияния турецкого Национального и Салоникского банков новое учреждение, финансируемое тремя финансовыми группами: русской, французской и английской.

Детали относительно размера участия групп в образовании необходимого капитала, равно как распределение между группами мест в администрации еще не выяснены и служат предметом обсуждения, в котором, между прочим, принимает участие председатель правления Русско-азиатского банка А. И. Путилов.

По мнению министерства иностранных дел, представлялось бы желательным, чтобы в основу переговоров были положены следующие начала:

1) возможное усиление русского представительства в составе совета банка и

2) предоставление преобладающего, если не вполне самостоятельного, положения представителями России в отделениях в Армении.

Вместе с тем, по мнению того же министра, было бы желательно возложить ведение переговоров исключительно на представителя Русско-азиатского банка г. Николая Рафаловича.

Об изложенных соображениях министерства иностранных дел поставлено в известность правление Русско-азиатского банка.

№ 363. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1].

3 марта/18 февраля 1914 г.

In the conversation which His Majesty's Ambassador had with the Imperial Minister for Foreign Affairs on January 31-st, respecting the changes which have been effected in the political and commercial situation in Central Asia by the recent Russo-Mongolian and Russo-Chinese agreements, Sir G. Buchanan explained the views of His Majesty's Government on the subject.

Sir G. Buchanan is now instructed to inform Monsieur Sazonow that His Majesty's Government propose, with the acquiescence of the Imperial Government, to instruct His Majesty's Minister at Peking to enter into negociations with the Mongolian Government with a view to including an arrangement for securing fair terms and the mainte-

[1] Лит. копия.

nance of the open door for British trade. The Russo-Mongolian Protocol, whilst giving no special privileges to Russian goods, secures to Russian subjects the right to import into Mongolia goods of any origin free of duty [1]. His Majesty's Government desire to secure, under the grant of the Most-Favoured Nation treatment, the same privileges for British subjects and their goods as those enjoyed by the subjects of Russia as well as an undertaking that no import, transit or other duties shall be imposed on the produce or manufactures of any part of His Majesty's territories, which are not equally imposed on those of any other foreign country.

Перевод.

В имевшем месте 31 января разговоре посла его величества с императорским минстром иностранных дел относительно изменений в политическом и торговом положении Центральной Азии, обусловленных недавними русско-монгольским и русско-китайским соглашениями, сэр Дж. Бьюкенен изложил взгляды правительства его величества по этому поводу.

Ныне сэру Дж. Бьюкенену поручено сообщить г. Сазонову, что правительство его величества предполагает, с согласия императорского правительства, поручить посланнику его величества в Пекине вступить в переговоры с монгольским правительством на предмет заключения соглашения, обеспечивающего благоприятные условия и сохранение открытых дверей для британской торговли. Русско-монгольский протокол, не устанавливая специальных привилегий для русских товаров, обеспечивает русским подданным право беспошлинного ввоза в Монголию товаров какого бы то ни было происхождения. Правительство его величества желает обеспечить британским подданным и их товарам, на основании принципа наибольшего благоприятствования, такие же привилегии, какими пользуются русские подданные, а также добиться обязательства не взимать с продуктов и произведений промышленности, ввозимых из любой части территории его величества, никаких ввозных, транзитных или иных пошлин, которые равным образом не будут взиматься с тех же предметов, ввозимых из других иностранных государств.

№ 364. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 375 [2]. 3 марта/18 февраля 1914 г.

Вчера персидский посланник, по поручению Восуг-эд-Доуле, вновь указывал на тяжелое положение последнего, побуждающее его стремиться к отставке. Главною причиною приводятся им ин-

[1] Имеется в виду ст. 2 русско-монгольского протокола от 3 нояб./21 окт. 1912 г., гласившая: „Русским подданным по-прежнему принадлежит право во всякое время ввозить и вывозить без уплаты ввозных и вывозных пошлин всякого рода произведения почвы и промышленности России, Монголии и Китая и других стран и свободно торговать ими без уплаты каких бы то ни было пошлин, налогов или иных сборов".

[2] Лит. копия.

триги Эйн-эд-Доуле и его партии, выставляющих Восуг-эд-Доуле слугой России.

Дело осложняется нашим отношением к вопросу о жандармах и казачьей бригаде.

Исаак-хану было объяснено, что мы принципиально вовсе не против жандармерии, которая ныне представляет собой силу, значительно превышающую бригаду, при значительно же большем количестве шведских офицеров, чем русских в бригаде. Однако мы не можем не отметить, что силой вещей жандармские офицеры поневоле близко соприкасаются с административными делами, каковое обстоятельство, при многочисленности русскоподданных на севере Персии и значительности их интересов, могло бы легко повлечь за собой коллизии вроде тех, которые, к сожалению, нередко возникают ныне между нашими консульствами и бельгийцами. Особенно же нежелательным было бы, ввиду возможных столкновений, появление жандармерии там, где имеются наши войска или части казачьей бригады. Поэтому мы и настаиваем на развитии на севере бригады. В частности, ныне необходимо ускорить сформирование гилянского отдела бригады ввиду отозвания нами казвинского отряда. Если имеются средства, то следует сделать это, вместо усиления жандармерии. Со своей стороны мы принимаем все меры к улучшению постановки дела в бригаде.

Изложенные соображения, а также необходимость избегать всего, что могло бы омрачить наши дружественные отношения с персидским правительством, настолько очевидны, что Восуг-эд-Доуле нетрудно будет, опираясь на них, отразить все обвинения в излишней угодливости перед нами.

Исаак-хан обещал в этом смысле телеграфировать Восуг-эд-Доуле.

Благоволите со своей стороны переговорить с последним в том же смысле.

Сазонов.

№ 365. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Тавризе Орлову.

Телеграмма № 377 [1]. 3 марта/18 февраля 1914 г.

В Тегеране вновь серьезно ополчились против Шоджа-эд-Доуле. Надо внушить последнему необходимость наладить отношения

---

[1] Лит. копия.

с правительством, избегая всяких резких выступлений. Было бы полезно, чтобы Шоджа-эд-Доуле объяснил свою непричастность к демонстрации против объявления о коронации и созыве меджлиса и подтвердил готовность провести выборы в Тавризе, конечно, так, чтобы в меджлис попали от Азербайджана только благонадежные люди.

Копия в Тегеран.

Клемм.

№ 366. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 382 [1]. 3 марта/18 февраля 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ваша телеграмма № 52 [2] получена.

Мы совсем не расположены навязывать Англии и Франции комбинацию, которой они не сочувствуют, в вопросе очередного председательства в Албанском банке, не затрагивающем наших прямых интересов. Готовы присоединиться ко всякому предложению, приемлемому для этих обеих держав [3].

Сазонов.

№ 367. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

·/. Депеша № 12. 3 марта/18 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Известие о неудаче переговоров между национальным комитетом венгерских румын и графом Тиссою, распространившееся здесь в самое горячее время выборной кампании, не вызвало в стране того всенародного раздражения, которое, несомненно, охватило бы ее, если бы в психологический момент внимание румынского об-

---

[1] Лит. копия.

[2] В тел. от 2 марта/17 февр. 1914 г. за № 52 Бенкендорф уведомлял Сазонова, что французское и английское правительства соглашаются на предоставление Австрии и Италии очередного председательствования в Албанском банке на условиях, изложенных в тел. Савонова от 24/11 февр. 1914 г. за № 329 (см. № 310), только потому, что не желают выступать против предложения российского правительства.

[3] В тел. от 3 марта/18 февр. 1914 г. за № 3 Крупенский на основании сведений, полученных в итал. м-ве ин. дел, сообщал, что вследствие настояний римского кабинета Австрия согласна допустить равное участие всех держав в Албанском банке, и что итальянское прав-во готово отказаться от австро-итальянского исключительного председательствования в банке.

щественного мнения не было поглощено острой внутренней партийной борьбой.

Тем не менее отказ венгерского правительства от удовлетворения весьма скромных и притом выраженных в самой лойяльной форме требований трансильванских румын не прошел здесь незамеченным. Все газеты не преминули его отметить, а некоторые его подчеркнули, как доказательство тщетности надежд на миролюбивое разрешение трансильванского вопроса, отныне запутавшегося еще больше и служащего решительным препятствием к восстановлению прежних тесных отношений между Румынией и Австро-Венгрией.

Здешний австро-венгерский посланник граф Чернин, назначенный в Румынию нарочито для возобновления австро-румынской дружбы, видимо, немало удручен столь плачевным исходом переговоров, одним из деятельнейших инициаторов коих являлся именно он. Однако граф Чернин не потерял еще надежды на выработку со временем такого дружелюбного соглашения, которое в одинаковой мере удовлетворило бы как венгерское правительство, ревниво оберегающее первенствующую роль в Венгрии природных мадьяров, так и трансильванских румын, стремящихся к предоставлению им права хотя бы на некоторое национальное самоопределение. На сих днях в беседе со мной он заявил мне, что, несмотря на несговорчивость закарпатских румын, признавших недостаточными предложенные им венгерским правительством уступки, кабинет графа Тиссы тем не менее твердо решил провести в жизнь те реформы, которые во время переговоров он счел возможным обещать румынскому национальному комитету. Граф Чернин надеется, что таковой примирительный образ действий венгерского правительства произведет на трансильванских румын должное впечатление и создаст благоприятную почву для возобновления в недалеком будущем только-что прерваннных переговоров.

На ту же тему мне пришлось недавно беседовать и с председателем румынского совета министров, который на заданный мной ему вопрос о том, может ли обострение внутренней венгро-румынской распри отразиться на отношениях Румынии к Двуединой монархии, ответил мне, что в данном случае все будет зависеть от настроения румынского общественного мнения, роль коего в направлении румынской политики, как то доказали события последнего времени, чрезвычайно велика.

„Ныне, как вы знаете, оно настроено сравнительно спокойно,— продолжал г. Братиану.—Так же спокойно, конечно, смотрит на дело и румынское правительство, не считающее себя вправе змешивать-

ся в домашние мероприятия соседней дружественной державы. Каков будет дальнейший фазис развития трансильванского вопроса, как к нему отнесется румынское общественное мнение и в какой степени румынское правительство вынуждено будет считаться с сим последним,—это покажет будущее".

Насколько, несмотря на все легкомыслие и неустойчивость здешнего общественного мнения и на всю сдержанность правительства, трансильванский вопрос, касающийся достоинства и жизненных интересов целой трети румынской нации, остается в Румынии злободневным,—ясно видно из того необычайного волнения, с коим румынская печать отнеслась к дебречинскому злодеянию. Забыв обо всем—и о результатах только-что закончившихся выборов, и о предстоящем собрании палат, и о вырабатываемых правительством важнейших реформах,—здешние газеты чуть ли не все столбцы свои заполняют подробностями о гнусном террористическом преступлении, совершенном какими-то фанатиками во имя торжества национальных идей в Венгрии. Симпатий своих к преступникам, подозреваемым, но еще окончательно не обнаруженным, они, конечно, не высказывают. Но зато и слов беспощадного осуждения они для них не находят.

Австрийская миссия, имеющая в Бухаресте в своем распоряжении, кроме австрийского официоза „Bukarester Tageblatt", еще две подкупленные ею еврейские газеты („Adevêrul" и „Dimineata), воспользовалась удобным случаем для того, чтобы пустить в сих последних органах слух о причастности к злодеянию если не самого русского правительства, то во всяком случае видных русских общественных деятелей, и в том числе члена Государственной думы графа Бобринского, приезжавшего сюда в конце минувшего месяца будто бы в целях свидания с автором взрыва в Дебречине.

Нелепые клеветнические наветы эти читаются здешней малокультурной публикой с интересом и производят на нее известное впечатление.

С глубоким почтением и пр.

Б. Арсеньев.

№ 368. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 14. 3 марта/18 февраля 1914 г.

Texte de la communication adressée au Monténégro: Les ministres d'Allemagne, de l'Autriche-Hongrie, Grande-Bretagne et Italie et les chargés d'affaires de France et de Russie sont autorisés par leurs gouvernements respectifs à entrer en pourparlers avec le gouvernement

royal monténégrin en vue de conclure un emprunt de 40 millions de francs destinés conformément à la proposition faite à la réunion de Londres au mois d'avril 1913, à régulariser la situation financière du royaume et à lui permettre de satisfaire aux charges résultant de la guerre. Le montant de cet emprunt, à l'avis des Puissances, devrait être employé de la manière suivante: I) 2 millions au remboursement des bons du Trésor, II) 6 millions au payement des réquisitions, III) 1 million aux besoins urgents de l'Etat, IV) 9 millions et demi en remboursement de l'emprunt „Boulton" de 1909 de 6 millions et de l'emprunt „Boden-Kredit-Anstalt" de 1911 de 3 millions et demi, V) 6 millions aux frais de la régularisation de la Boyana et du desséchement partiel du lac de Scutari. VI) Les 15 millions et demi qui resteraient devraient servir à la création: a) d'une banque hypothécaire, b) d'un fonds pour les invalides et les familles des victimes de la guerre, c) à des travaux publics autres que la régularisation de la Boyana et le desséchement du lac de Scutari. La construction de routes dans les nouveaux territoires pour les relier plus étroitement aux anciens territoires et de leur assurer des débouchés, apparaît comme particulièrement urgente et conforme aux intérêts du pays. Le gouvernement monténégrin est prié de vouloir bien faire connaître ses vues au sujet de la répartition de ces 15 500 000 aux trois titres susnotifiés. En vue d'assurer la marche régulière du service de l'emprunt le gouvernement royal devrait affecter à ce service des gages tout spéciaux, tels que: revenus des douanes, du sel, de l'impôt sur l'alcool et autres impôts directs ou monopoles déjà existants ou à créer. Le gouvernement royal du Monténégro est prié de vouloir bien communiquer des données exactes sur le montant de ces revenus, ainsi que sur les frais de leur perception et enfin sur les moyens propres à amener une augmentation de ces recettes et à assurer leur entrée régulière. La perception des revenus directs, ainsi que le service d'intérêts et amortissement de l'emprunt et son emploi devraient être soumis au contrôle d'une commission ad hoc dans laquelle le gouvernement du Monténégro serait représenté et dont les frais seraient à la charge du gouvernement royal [1]. L'organisation et le service de cette commission devraient être le moins coûteux et le plus simple possible, sans que cela... porte cependant préjudice à l'efficacité de son contrôle. Le gouvernement

[1] В тел. от 3 марта/18 февр. 1914 г. за № 14-I Обнорский сообщал, что он добился от своих коллег „принятия абзаца о международном контроле" в предложенной им редакции, „взамен австро-германской, отдававшей контрольной комиссии не только контроль, но и взимание таможенных и монопольных пошлин".

royal est prié de vouloir bien mander son avis au sujet de la manière dont ledit contrôle sera exercé [1].

Obnorsky.

Перевод.

Текст сообщения [держав] Черногории: Посланники Германии, Австро-Венгрии, Великобритании и Италии и поверенные в делах Франции и России уполномочены своими правительствами войти в переговоры с королевским черногорским правительством относительно заключения займа в 40 миллионов франков, согласно предложению, сделанному на Лондонском совещании в апреле 1913 г., предназначенного для урегулирования финансового положения королевства и обеспечения ему возможности покрыть вызванные войной расходы. Заем этот, по мнению держав, должен быть использован следующим образом: I) 2 миллиона—на погашение бонов казначейства; II) 6 миллионов—на уплату по реквизиции; III) 1 миллион—на неотложные нужды государства; IV) 9½ миллионов—на погашение шестимиллионного займа „Бултона“ 1909 г. и 3½ миллионов займа „Boden-Kredit-Anstalt“ 1911 г.; V) 6 миллионов на расходы по урегулированию течения р. Бояны и на частичное осушение Скутарийского озера; VI) Остаток в 15½ миллионов следовало бы употребить на создание: а) ипотечного банка, б) фонда для инвалидов и семей жертв войны, в) на общественные работы, кроме урегулирования течения р. Бояны и осушения Скутарийского озера. Особенно срочным и отвечающим потребностям государства представляется сооружение дорог на новых территориях, с целью связать их теснее со старыми областями и обеспечить им выход к морю. Державы просят черногорское правительство не отказать сообщить свою точку зрения на распределение этих 15 500 000 применительно к трем вышеуказанным пунктам. В целях обеспечения регулярного обслуживания займа, королевскому правительству следовало бы назначить на это специальные средства, как-то: доходы от таможен, соляные доходы, поступления от налога на алкоголь и от других прямых налогов или монополий, уже существующих или имеющих быть вновь учрежденными. Державы просят королевское черногорское правительство сообщить точные сведения о размерах этих доходов, равно как об издержках по их сбору, а также о средствах, коими может быть достигнуто увеличение этих доходов и обеспечено правильное их поступление. Сбор прямых налогов, равно как и расходы по оплате процентов, по погашению займа и по его использованию, надлежало бы подчинить контролю специально образованной комиссии, в которой черногорское правительство было бы представлено и содержание которой следовало бы возложить на королевское правительство. Организация и функционирование этой комиссии должны быть по возможности дешевле и проще, с тем однако, чтобы это не причиняло ущерба действительности осуществляемого ею контроля. Королевское правительство приглашается сообщить свое мнение о способе осуществления этого контроля.

Обнорский.

---

[1] Тел. от 5 марта /20 февр. 1914 г. Сазонов уполномочил Обнорского присоединиться к общему выступлению представителей держав.

№ 369. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 122. 3 марта/18 февраля 1914 г.

По сведениям нашего морского агента, ведутся переговоры о найме в Англии для турецкого флота пятидесяти сверхсрочно-служащих унтер-офицеров, подобных нашим „кондукторам". Турки предлагают каждому по 220 фунтов стерлингов жалованья в год. Англичане требуют по 300 фунтов стерлингов. Греческий морской агент приписывает присутствию английских сверхсрочных унтер-офицеров успешную деятельность крейсера „Аверова" в минувшую войну[1].

Копия в Лондон.

Гирс.

№ 370. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 123. 3 марта/18 февраля 1914 г.

В частной доверительной беседе румынский посланник сообщил мне, что Энвер-паша обратился к нему с вопросом, не примет ли на себя Румыния посредничества для облегчения непосредственных переговоров между Турцией и Грецией в деле об островах на почве обмена Хиоса и Митилены на часть Додеканеза. Вопрос Энвера был передан посланником в Бухарест, откуда обратились к афинскому кабинету. Венизелос отклонил однако румынское посредничество, заявив, что подобный обмен возбудил бы против правительства общественное мнение в Греции, без того уже в настоящее время сильно встревоженное жертвами, приносимыми грекам в Эпире.

Гирс.

№ 371. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 124. 3 марта/18 февраля 1914 г.

Посетивший меня греческий посланник сообщил мне, что неделю тому назад великий визирь доверительно запросил его, не согласится ли Греция приступить к непосредственным переговорам по вопросу об островах, и при этом упомянул о возможности обмена. Панас отклонил разговор, заявив, что сама Порта настаивала при заключении Афинского договора, чтобы решение судьбы остро-

---

[1] В тел. на имя Бенкендорфа от 5 марта/20 февр. 1914 г. за № 390 Сазонов сообщал: „Считали бы весьма желательным, если возможно, задержать наем кондукторов до выяснения вопроса об островах, способного привести к опасным осложнениям".

вов было предоставлено великим державам. Панас доверил мне при этом, что некоторые из моих коллег обратились будто бы к нему с советом войти в непосредственные переговоры с Турцией. Выслушав моего собеседника, я воздержался от выражения какого-либо мнения ввиду того, что я в первый раз видел Панаса и предпочел придерживаться некоторой осторожности. Я обратил внимание на его заключение, что Хиос и Митилена уже в греческих руках, между тем как еще не выяснено, очистит ли действительно Италия Додеканез.

Гирс.

№ 372. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 62. 3 марта/18 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Орлова № 202[1].

Считал бы необходимым предупредить попытку Шоджи, которая окончательно восстановит против него тегеранское правительство, неоднократно указывавшее мне на вредную сепаратистическую деятельность названного генерал-губернатора, встречающую якобы поддержку с нашей стороны. Подобные выступления Шоджи могут побудить персидское правительство поставить вопрос об его удалении из Азербайджана, причем не исключается возможность поддержки со стороны англичан, видящих в политике Шоджи угрозу территориальной целости Персии. Посему, если мы продолжаем считать Шоджу полезным нам сторонником, необходимо повлиять на него в смысле большей сдержанности и хотя бы наружного подчинения центральному правительству.

Коростовец.

№ 373. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 205. 3 марта/18 февраля 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Вмешательство генерального консульства в дела объявления о коронации и выборах не составляет тайны для населения. Вчера мне была прислана петиция за подписью ста тридцати пяти лиц— всего, что имеется в Тавризе крупного в духовенстве, дворянстве, чиновничестве и купечестве.

По исследовании всеми доступными консульству средствами про-

---

[1] См. № 361.

исхождения подписей, лишь десять можно заподозрить в неискренности.

Содержание петиции таково:

„Последние два года население Азербайджана, благодаря присутствию русских войск, провело спокойно. Ныне несколько предателей в личных целях собираются нарушить порядок с возобновлением деятельности меджлиса, противного и шариату, и воле народа. Азербайджанцы всеми силами будут противиться этой попытке Тегерана, не нарушая однако порядка ни в самом Тавризе, ни в его окрестностях“.

До сих пор они относились к русским с почтением: ныне необходимо знать, останется ли императорское правительство нейтральным в этой борьбе, или будет заставлять их подчиниться желаниям Тегерана. Для населения было бы желательно невмешательство.

В связи с заявлением о борьбе вне пределов Тавриза, тот факт, что Шоджа-эд-Доуле в последнее время уделяет много внимания поверке оружия и боевых припасов, заставляет меня заподозрить его в намерении, при дальнейших настояниях на производстве выборов, произвести вооруженную демонстрацию против Тегерана.

Могу ли я [ответить] заявлением, что в таком случае мы употребим наши вооруженные силы для воспрепятствования ему [и] будем настаивать на производстве выборов.

Шоджа-эд-Доуле возвращается из Немет-Абада и, если из разговора с ним выяснится его намерение, то доверительно необходимо сделать ему таковое заявление немедленно.

Так как без нашего давления выборы в Тавризе не состоятся, было бы весьма желательно заверить его, что меджлис и шах декретируют изменение конституции в консервативном духе.

Орлов.

№ 374. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

⁄. Телеграмма № 386 [1]. 4 марта/19 февраля 1914 г.

Сообщается в Париж.

Греческий поверенный в делах высказал мне тревогу своего правительства относительно промедления в ответе держав на его

[1] Лит. копия.

ноту[1]. События в Эпире могут принять весьма серьезный характер, если Греция не заручится серьезными гарантиями для христианского населения, отходящего в пределы Албании, в духе 62-й статьи Берлинского договора.

Эпироты хорошо вооружены и могут оказать отчаянное сопротивление, которому благоприятствуют условия горной местности.

Полагаем со своей стороны крайне желательным скорейшее удовлетворение законных настояний Греции, чтобы дать ей орудие воздействия для предотвращения опасных осложнений.

Греческое правительство ходатайствует также, чтобы в составе жандармерии, руководимой голландскими офицерами, по возможности половина набиралась бы из христиан.

Сазонов.

№ 375. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Тавризе Орлову.

Телеграмма № 387. 4 марта/19 февраля 1914 г.

Срочно.

Телеграмма № 205[2] получена.

Угрожать Шодже и населению вмешательством наших войск отнюдь не следует. Заявите Шодже доверительно от имени министра следующее:

Мы смотрим на него как на человека нам безусловно преданного и потому ожидаем, что он не пустится ни в какие авантюры, которые поставили бы нас в крайне тяжелое положение. Зная его чувства к нам, как в Тегеране, так и в других местах, несомненно, заподозрили бы, что его выступление нами поощряется. Это вынудило бы нас совершенно отказаться от него и предоставить его своей судьбе, так как в наши расчеты совершенно не входит портить наши отношения с шахским правительством. Мы уверены, что ему нетрудно будет успокоить тавризцев и устроить такие выборы, чтобы представителями Азербайджана явились люди верные, способные поддержать правительство в деле коренной переработки основных законов и таких изменений в самом меджлисе, которые сделают это учреждение и безвредным и приемлемым с точки зрения шариата, к чему правительство, несомненно, будет стремиться. Этого мы ожидаем от него, если он хочет и впредь сохранить наше расположение.

Клемм.

---

[1] См. стр. 396, прим. 1.
[2] См. № 373.

№ 376. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 55. 4 марта/19 февраля 1914 г.

Grey a informé Cambon et moi que le ministre de Grèce lui avait dit de la part de son gouvernement que Vénizélos, très disposé à user de son influence pour calmer les esprits et prévenir les complications en Epire, était pourtant privé de tout moyen d'action et ne pourrait rien faire à moins que les Puissances accordent rectification de frontière, droits en régions cédées à Albanie d'autonomie scolaire et autres déjà formulés et incorporation d'éléments épirotes à la gendarmerie. Grey nous dit avoir répondu que le cas échéant il prendrait certainement en sérieuse considération le point de vue du gouvernement grec, mais qu'il ne pensait pas qu'il y avait lieu pour gouvernement britannique de prendre initiative à ce sujet, — initiative qui incombait selon lui surtout à l'Autriche et l'Italie comme Puissances les plus directement intéressées. Grey nous dit que cette attitude lui était imposée par l'accueil négatif fait par les Puissances de Triple Alliance à sa première proposition, celles-ci ayant pourtant répondu qu'après réponse turque et grecque à la déclaration des Puissances, il y aurait lieu de s'occuper, si nécessaire, des mesures ultérieures à prendre. Selon Grey le moment était venu pour elles de faire proposition à ce sujet. Cambon nous rappella que les Puissances n'avaient rien répondu à la réponse officielle que Grèce leur avait faite ce qui justifiait l'appel que Vénizélos avait probablement adressé à toutes les Puissances et que si ni Autriche, ni Italie ne prenaient initiative, les choses pourraient en rester là et des complications surgir. Grey répondit que Grèce ne pourrait être rendue responsable, que d'ailleurs il informerait sans retard les ambassadeurs d'Autriche et d'Italie de la démarche auprès de lui du ministre de Grèce et leur expliquerait le point de vue du gouvernement britannique à ce sujet [1].

Benckendorff.

Перевод.

Грей сообщил Камбону и мне о сделанном ему греческим посланником от имени своего правительства заявлении, что Венизелос, весьма расположенный к тому, чтобы употребить свое влияние для успокоения умов и предотвращения осложнений в Эпире, лишен однако возможности действовать и ничего

[1] В тел. от 6 марта/21 февр. 1914 г. за № 60 Бенкендорф доносил, что Грей сообщил австро-венг. и итальянскому послам о сделанном ему греческим посланником заявлении; излагая точку зрения англ. прав-ва на этот вопрос, Грей указал на желательность включения в ответную ноту держав пункта относительно исправления границы.

не сможет предпринять, если только державы не согласятся на исправление границы, на предоставление населению отходящих к Албании местностей школьной автономии и других прав, упоминавшихся ранее, и на допущение эпиротов в состав жандармерии. Грей сказал, что он ответил, что если представится к тому случай, он, конечно, самым серьезным образом примет во внимание точку зрения греческого правительства, но что, по его мнению, британское правительство не может взять на себя инициативу в этом деле, так как инициатива должна принадлежать Австрии и Италии, как державам наиболее заинтересованным. Грей сказал нам, что занять такую позицию вынудил его неблагоприятный прием, оказанный его первому предложению державами Тройственного союза, так как эти последние ответили, что в случае необходимости вопрос о крайних мерах воздействия можно будет обсудить после получения от Греции и Турции ответов на декларацию держав. По мнению Грея, настал момент, когда они должны сделать предложение по этому вопросу. Камбон напомнил нам, что державы ничего не ответили на официальную ноту Греции, что это обстоятельство оправдывает обращение Венизелоса, которое адресовано им, вероятно, ко всем державам, и что если ни Австрия, ни Италия не возьмут на себя инициативы, дело может остаться в том же положении, и могут возникнуть осложнения. Грей ответил, что на Грецию нельзя возложить ответственность за это, что, впрочем, он незамедлительно уведомит австрийского и итальянского послов о сделанном ему греческим посланником заявлении и разъяснит им точку зрения британского правительства на данный вопрос.

Бенкендорф.

№ 377. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 56. 4 марта/19 февраля 1914 г.

Copie Paris.

Cambon et moi ayant communiqué à Grey copies de tous les documents à notre disposition sur la question de la Banque Albanaise, Grey nous réunit aujourd'hui. Il nous dit que le gouvernement russe lui semblait disposé dans limites des principes déjà établis à adhérer à programme qui serait accepté par France et Angleterre, que lui-même ne ferait pas d'objections à programme émanant de Paris, que par conséquent le plus simple serait de prendre pour base la réponse faite le 26 février par Doumergue aux gouvernements d'Autriche et d'Italie [1]

[1] В ноте от 26/13 февр. 1914 г. (в копии препровожденной Бенкендорфом в росс. м-во ин. дел 5 марта/20 февр. 1914 г.) Думерг заявлял, что франц. правительство не может согласиться на предоставление Австро-Венгрии и Италии преобладания в Албанском банке и придерживается принципа равноправия всех держав в этом деле. Касаясь вопроса о компетенции международной контрольной комиссии, Думерг высказывался в том смысле, что по прибытии в Албанию князя Вида комиссия должна утратить функции исполнительной власти, которые она приняла на себя после удаления Измаила-Кемаля и Эсада-паши, и сохранить только контрольные функции.

à laquelle il adhérerait. Pour ma part je ne trouvais pas d'objections à cette réponse française dont je fais suivre le texte par poste. Je fis observer que résistance austro-italienne à l'alternative de toutes les Puissances à la direction, même annuelle, pourrait rencontrer forte résistance et que compromis difficile à trouver. C'est alors que Cambon fit surgir projet de présidence permanente anglaise. Grey dit qu'il ne pourrait en aucun cas prendre initiative, qu'il accepterait, faute de mieux et seulement s'il n'y avait pas d'autre issue, charge de rechercher dans cercles financiers un Anglais spécialiste qui pourrait convenir. Sur le montant de l'emprunt, auquel Grey s'est montré indifférent, Cambon et moi ne nous sommes pas jugés compétents pour émettre opinion décisive. Personnellement il me semble que diminution trop accentuée pourrait avoir pour conséquence nouvel emprunt seulement austro-italien, membres Commission paraissant d'accord pour juger ressources du pays suffisantes pour 75 000 000 livres [1]. Ni Grey, ni Cambon ne firent opposition à ce que sur 10 000 000 d'avance 2 000 000 fussent subordonnés au prince sans contrôle. Je télégraphie séparément [2] rédaction de Cambon sur notre séance aujourd'hui.

Benckendorff.

Перевод.

Копия Париж.

Камбон и я сообщили Грею копии всех имевшихся у нас документов по вопросу об Албанском банке. Грей пригласил нас сегодня. Он сказал нам, что, как ему кажется, русское правительство в пределах уже установленных принципов расположено присоединиться к программе, которая была бы принята Францией и Англией, что он сам не стал бы возражать против программы, исходящей из Парижа, что, следовательно, проще всего было бы взять за основу ответ, данный 26 февраля Думергом правительствам Австрии и Италии, к которому он присоединился бы. С моей стороны не встретилось возражений против французского ответа, текст которого я отправляю почтой. Я заметил, что австро-итальянское сопротивление попеременному, хотя бы даже годичному участию всех держав в управлении, может вызвать сильный отпор, и что здесь трудно было бы притти к компромиссу. Именно тогда Камбон выдвинул проект постоянного английского председательствования. Грей сказал, что он ни в коем случае не возьмет на себя инициативы в этом вопросе, что, лишь за отсутствием лучшей комбинации и только если не будет другого исхода, он возьмет на себя подыскать в английских финансовых кругах специалиста, который мог бы оказаться подходящим. По вопросу о размерах займа, к которому Грей проявил равнодушие, мы с Камбоном не сочли себя компетентными вынести окончательное решение. Лично мне кажется, что слишком значительное уменьшение могло бы иметь своим последствием новый чисто австро-итальянский заем, так как

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Телеграммой от того же числа за № 57.

члены комиссии, повидимому, согласны с тем, что средства страны достаточны для обеспечения займа в 75 млн. фунтов. Ни Грей, ни Камбон не возражали против того, чтобы из 10-миллионного аванса 2 милл. были предоставлены князю в бесконтрольное распоряжение.

Отчет о сегодняшнем совещании в редакции Камбона я передаю отдельною телеграммою.

Бенкендорф.

№ 378. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 42. 4 марта/19 февраля 1914 г,

Ссылаюсь на мою телеграмму № 39[1].

Стрейт получил известия из Лондона, будто великобританское правительство отказывается принять на себя почин в вопросе о гарантиях, считая, что таковой должен принадлежать либо Австрии, либо Италии. Между тем положение может стать чрезвычайно серьезным при дальнейшем промедлении в ответе. Не представилось ли бы возможным, чтобы императорское правительство или французское взяло на себя инициативу предложения державам сделать совместные шаги в смысле греческих вождений, долженствующие оказать хотя бы временно успокоительное влияние на население Эпира? Таковой шаг мог бы, например, состоять в обещании держав следить за тем, что имеющие быть оговоренными в албанской конституции права национальностей будут строго соблюдаемы. С распространяющимся автономным движением положение греческого правительства становится все более затруднительным.

Демидов.

№ 379. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 81 [2]. 4 марта/19 февраля 1914 г

Копии в Париж и Вену.

Приезжавшему вчера в Белград Дютаста я подробно изложил, на основании совокупности имевшихся у меня данных, взгляды и настроение здешних правительственных и политических кругов по вопросу о Восточной железной дороге в согласии с моими предшествовавшими телеграммами [3] и депешею № 9 [4]. Вслед за сим [5]

---

[1] См. № 350.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 62, № 1282.

[3] См. №№ 245, 246, 257, 346.

[4] См. № 317.

[5] У Stieve: „infolgedessen“.

Дютаста беседовал с Пашичем и убедился, что все дошедшие до Парижа слухи неосновательны, и что сербское правительство вовсе не имело намерения отступать от состоявшегося с французами и нами соглашения об интернационализации. Из довольно уклончивых объяснений Гизля Дютаста вывел заключение, что задержка в переговорах произошла скорее по вине Австрии, которая, видимо, встревожена была интригами Германии и Италии. Одновременно однако австрийский посланник уверил Дютаста, что его правительство не будет создавать никаких затруднений Сербии. Делегаты последней Иованович и бывший министр публичных работ Илич находятся уже в Вене[1]. Вполне успокоенный и довольный Дютаста вчера же отбыл в Париж, предполагая остановиться по пути в Пеште и Вене для окончательных переговоров с финансистами.

Гартвиг.

№ 380. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Письмо № 130[2]. **5 марта/20 февраля 1914 г.**

Доверительно.

Считаю нелишним ознакомить вас с содержанием беседы, которую я недавно имел с новым австро-венгерским послом в С.-Петербурге графом Сапари. Разговор коснулся событий, которые могли бы оказаться тревожными с точки зрения общеевропейского мира[3]. Оговорившись, что он высказывается, не имея на то специальных полномочий своего правительства, граф Сапари поведал мне, что с его точки зрения больше всего беспокойства внушает обнаруживающаяся в Черногории и Сербии склонность ко взаимному сближению и даже слиянию. „В случае, если бы слияние это осуществилось, Австро-Венгрия не могла бы остаться спокойной зрительницей событий. Интересы монархии на Адриатическом море не позволяют ей допустить какого-либо нарушения равновесия. Адриатическое море для Австро-Венгрии то же, что Черное море для России“.

Я возразил моему собеседнику, что едва ли можно опасаться в ближайшем будущем наступления тех событий, которые он предусматривает. При жизни старого короля никто не помышляет се-

---

[1] У Stieve: „. . . begeben sich schon in den nächsten Tagen nach Wien“.

[2] Маш. коп. Опубл. Siebert, III, S. 263 — 265, № 1041.

[3] У Siebert'a: „. . . die im Falle einer Störung des europäischen Friedens eintreten könnten“ (S. 263).

рьезно о том, чтобы лишить его престола. Что касается России, заметил я, то нас, конечно, нельзя подозревать в желании поколебать монархическое начало в Черногории. Тем не менее мы, конечно, не можем закрывать глаза на то обстоятельство, что по смерти короля Николая его наследник едва ли будет в состоянии сохранить в стране то обаяние, которым пользуется его отец. Не вмешиваясь во внутренние дела Черногории, мы не можем и не хотим работать в том или ином направлении, но мы считаем, что та же точка зрения могла бы быть усвоена Австро-Венгриею. Бороться с народными стремлениями—трудная, если не невозможная задача. С другой стороны, я не вижу, почему надо считать непреложной истиной, что, с точки зрения австро-венгерских интересов, слияние Сербии с Черногориею совершенно недопустимо. Не следует вообще предрешать будущего и на основании настоящего говорить о том, что можно и чего нельзя допускать при иных условиях. Пример налицо. Несколько лет тому назад в австро-венгерской монархии считалось аксиомой, что монархия не может отказаться от прав на Санджак. Однако в свое время граф Эренталь отказался от этих прав, а происшедшие в прошлом году события, имевшие последствием смежность границ между Сербией и Черногорией, не вызвали протеста Австро-Венгрии. Произошел ли от этого какой-либо ущерб для монархии? Указание на сходство интересов Австро-Венгрии и России, первой—в Адриатическом море, второй—в Черном море, не представляется для меня убедительным. Наоборот, прежде в теории считалось, что на Черном море могут существовать только русская и турецкая морские силы. В настоящее время мы видим, что прибрежными государствами на Черном море являются Румыния и Болгария. Каждое из этих государств помышляет о том, чтобы обзавестись военными судами. И что же: Россия отнюдь не противится этому стремлению, не видя в нем никакого ущерба каким-либо своим жизненным интересам. Если в будущем на Адриатическом море вместо черногорских портов будут сербские порты, неужели это должно вызвать какое-либо беспокойство в Австрии? Все эти соображения, закончил я, указывают на то, что не следует предрешать заранее событий и ставить себя в такое положение, от которого бы пришлось все равно отказаться в будущем.

Наша беседа на этом закончилась. Я не берусь, конечно, судить, насколько справедливо замечание австро-венгерского посла, что разговор этот начат был исключительно по его инициативе. Думаю, что беспокойство, о котором говорил граф Сапари, разде-

ляется многими в Австро-Венгрии. Я считал нелишним отметить весь этот разговор как для личного вашего осведомления, так и для того, чтобы при случае вы поделились с Пашичем весьма доверительно о том обмене мыслей, который имел место между графом Сапари и мною и который лишний раз указывает на необходимость не ускорять событий, а, наоборот, соблюдать величайшую осторожность в столь жизненном для Сербии вопросе[1].

[Сазонов.]

№ 381. Министр иностранных дел комиссару в Албании Петряеву.

Письмо № 138. 5 марта/20 февраля 1914 г.

М. г. А[лександр] М[ихайлович],

В бытность в Петербурге князя Вида[2] я имел с ним обмен взглядов на предстоящие ему в Албании задачи. Я сказал князю, что у России нет прямых непосредственных интересов в этой стране.

С нашей точки зрения представляется прежде всего желательным сохранение возможно лучших мирных отношений между Албанией и ее соседями, что соответствует, конечно, прежде всего интересам самой Албании.

Далее наши пожелания, конечно, не могут не иметь в виду обеспечения православному населению Албании полной свободы вероисповедания и равенства принадлежащих к православию со всеми другими подданными албанского государства.

Князь Вид уверил меня, что он вполне понимает желательность жить в мире с соседями. Что касается вероисповедных вопросов, то он высказал намерение соблюдать, насколько это от

---

[1] У Siebert'a: „sollten sie mit Paschitsch über diese Frage sprechen, so bitte ich Sie, den ganz vertraulichen Charakter meines Gespräches mit dem Botschafter zu betonen und ihm zu äusserster Vorsicht in der für Serbien so wichtigen Frage zu raten“ (S. 264—265).

[2] В тел. от 20/7 февр. 1914 г. за № 30 Свербеев сообщал, что Вид просит разрешения приехать в Петербург между 27/14 и 28/15 февр. Резолюция Николая II (помеченная 21/8 февр.) на означенной тел. гласила: „Может приехать [27] 14 февраля, если хочет“. Тел. от 22/9 февр. 1914 г. за № 316 Сазонов уведомил об этом Свербеева. В телеграмме Свербеева от 24/11 февр. 1914 г. за № 31 сообщалось, что Вид „выедет из Берлина в среду вечером и будет, следовательно, в Петербурге в пятницу“ и „предполагает выехать из Петербурга в субботу вечером“. В тел. от 25/12 февр. 1914 г. за № 34 Свербеев сообщал, что из Петербурга Вид возвратится в Берлин.

него будет зависеть, полное равенство между всеми вероисповеданиями и добавил, что не имеет лично никаких симпатий или предубеждений в этом отношении. Обсуждая трудности положения, с которыми придется считаться князю, я обратил его внимание на то, как его собственным интересам отвечала бы, на мой взгляд, возможная свобода отношений ко всем великим державам, представленным в Албании. „Ваше положение в качестве ставленника только Австрии и Италии, разумеется, было бы гораздо слабее, чем в том случае, если вы сразу поставите себя в положение ставленника всех великих держав". Князь Вид со своей стороны поспешил согласиться с высказанным мною взглядом и добавил, что он отлично понимает необходимость опираться на все державы. К этому общему обмену взглядов свелась моя беседа с князем Видом, о коей я считаю полезным поставить вас в известность, дабы вы могли сообразовать с изложенным ваши собственные объяснения с будущим правителем Албании.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 382. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Письмо № 142 [1]. 5 марта/20 февраля 1914 г.

Из предшествующей телеграфной переписки вашему сиятельству известно, насколько императорское министерство озабочено вопросом о возможных осложнениях между Турцией и Грецией в случае, если бы первая, вопреки решению держав, не оставила своего намерения вернуть себе Хиос и Митилену. Как видно из секретной телеграммы посла в Париже от 18/5 сего февраля, за № 57 [2], по мнению г. Думерга, между державами должен продолжаться обмен мыслей относительно мер принуждения на случай, если Турция предпримет что-либо в противность решению держав.

Секретной телеграммой от [19] 6 сего февраля за № 297 [3] я просил вас поддержать предложение Думерга и в этом смысле объясниться с Греем. С нашей точки зрения представлялось бы весьма желательным и своевременным выяснить теперь же, какие меры могли бы быть применены в случае, если бы события приняли более тревожный характер. Едва ли можно слишком доверять миролюбивому тону заверений турецких дипломатов. Он, быть может,

---

[1] Царск. экз.

[2] Ссылка на тел. № 57 ошибочна, следует читать „51" (см. № 274).

[3] См. № 283.

в значительной степени объясняется тем обстоятельством, что Турция надеется на заключение крупного займа в Париже и пока еще не уверена, что получит деньги. Но как только это первое затруднение будет устранено, можно опасаться, что деятели, подобные Энверу-паше, могут значительно повысить тон в переговорах с Грецией.

Отдавая себе отчет в тех соображениях, коими руководствуется французское правительство в своем нежелании слишком затягивать переговоры о займе, опасаясь утраты уже выговоренных от Порты преимуществ, мы полагаем, с другой стороны, что Франция не может не задаться вопросом о том, что произойдет в случае, если осложнения не будут предотвращены. Трудно в самом деле представить себе, чтобы борьба между Турцией и Грецией осталась локализированной. Наоборот, с большей вероятностью можно предполагать, что на Балканах в этом случае снова возникнет пожар. Предотвращение его соответствует, конечно, интересам всех без исключения великих держав, а в особенности держав Тройственного согласия. Мы полагаем, что значительные финансовые интересы держателей турецких бумаг во Франции принуждают французское правительство не отказывать в некоторых денежных выдачах Турции. Со своей стороны мы не столько возражали бы против таких незначительных авансов, сколько против единовременного крупного займа, контроль над расходованием коего фактически, конечно, ускользнет из рук державы, которая ссудит Порту деньгами. Таким образом, если в выдаче известных авансов Франция будет сообразоваться только со своим интересом своевременной оплаты купона, то против такой постановки вопроса мы бы не возражали, тем более что в противном случае Турция всегда найдет деньги под ростовщические проценты у иных банкиров, а быть может, даже у французских торговых домов, как то показал недавний опыт.

Устраняя затруднения денежного характера, Турция однако должна считаться и с затруднениями иного свойства. Чтобы отвоевать себе острова, ей, конечно, прежде всего нужен флот. В этом отношении всякое промедление в изготовлении заказанного в Англии судна представлялось бы желательным и целесообразным. Мы полагаем однако, что, если к тому времени, когда судно все же будет готово, политические обстоятельства оставались бы невыясненными, и намерения Порты также внушали бы подозрения, английское правительство имело бы, быть может, возможность задержать судно в своих водах. В этом отношении для нас пред-

ставляла бы интерес проверка сведения о том, имеет ли английское правительство право преимущественной перекупки заказанных другим правительством судов у своих кораблестроительных фирм, в частности у той, на верфях коей строится „Рио-Жанейро". Если бы это было действительно так, то английское правительство имело бы возможность перекупить судно, а затем передать его, если оно само не желает удержать его, другой державе. Приобретение крупных судов Турцией представляет в наших глазах интерес не только в связи с вопросом о возможных осложнениях между Турцией и Грецией. Еще более существенной является для нас возможность нарушения равновесия морских сил на Черном море и преимущество, которое могло бы оказаться у Турции относительно нашего флота.

Помимо приобретения судов, Турции, конечно, важно обеспечить себе опытный персонал. Телеграммою от сего числа [1] обратил ваше внимание на сведения, сообщенные императорским послом в Константинополе [2] о намерении Порты пригласить на службу в свой военный флот 50 сверхсрочных унтер-офицеров механиков. Осуществление подобной меры при настоящих условиях представлялось бы нам крайне несвоевременным. Мы надеемся, что сэр Э. Грей поймет основательность наших опасений.

Сообщая вам эти соображения, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбою не отказать при первом случае переговорить по поводу вышеизложенного с Греем и с французским послом, дабы совместно обсудить положение и меры, способные предотвратить надвигающиеся осложнения.

[Сазонов.]

№ 383. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 147 [3]. 5 марта/20 февраля 1914 г.

Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

По сообщении Учетно-ссудному банку Персии содержания секр[етной] телеграммы вашего сиятельства от [2 марта] 17 сего февраля за № 53 [4], банк этот, уже осведомленный частным путем [5]

[1] См. стр. 485, прим. 1.

[2] См. № 369.

[3] Черновик рукою Клемма.

[4] См. № 359.

[5] Письмо второго секретаря росс. посольства в Лондоне Зиберта от 21/8 февр. 1914 г. на имя директора Учетно-ссудного банка Полубояринова.

о предположении Шахиншахского банка перенести в Тегеран дальнейшие переговоры по вопросу о поставке серебра на персидский монетный двор, сообщил нам следующее:

Сказанное предложение является для нашего банка совершенной неожиданностью и, по мнению его правления, не соответствует тому, что было условлено в Лондоне между представителями обоих банков, и представляется вообще нелогичным. В Тегеране может быть речь только о заключении соответствующего контракта между обоими банками и шахским правительством на основании состоявшегося в Лондоне соглашения; для того же, чтобы приступить к переговорам с тегеранским кабинетом, необходимо, чтобы сказанное соглашение было должным образом оформлено путем официального признания и утверждения его великобританским правительством и император. посольством.

В этом смысле наш банк обращается сегодня с письмом, в копии при сем прилагаемом[1], к правлению Шахиншахского банка. Вместе с тем он просит, чтобы со стороны вверенного вашему сиятельству посольства было оказано зависящее содействие к склонению Шахиншахского банка к принятию заключающегося в означенном письме предложения. Самое письмо нашего банка также при сем препровождается с просьбою, если с вашей стороны не будет никаких возражений против него, распорядиться передачей его по назначению, в противном же случае сообщить ваши замечания по телеграфу, дабы банк мог внести в текст его соответствующие изменения.

Независимо от этого, правление нашего банка выработало прилагаемую при сем формулу сообщения[2], которое желательно получить от великобританского м. и. д. Формула эта несколько более подробна той, которая вошла в известный посольству протокол

[1] Письмо правления Учетно-ссудного банка на имя правления Шахиншахского банка от 2 марта/17 февр. 1914 г. за № 1825.

[2] Приложенная к настоящему письму формула гласила: „... за Имперским банком должно быть обеспечено право ввозить серебро для чеканки в количестве, достаточном для выполнения возложенных на него концессией обязательств, причем подразумевается, что указанный ввоз будет производиться за счет Имперского банка Персии и во всех отношениях независимо от покупки за счет персидского правительства; при соблюдении вышеупомянутого условия привилегия ввоза серебра для чеканки за счет персидского правительства должна быть разделена поровну между Имперским и Учетно-ссудным банками Персии, причем все детали этой операции устанавливаются по взаимному соглашению между обоими банками“. Слова „причем подразумевается ... правительства“ и „все детали ... обоими банками“ в подлиннике подчеркнуты красным карандашом.

заседания представителей обоих банков от 3 сего февраля. Добавления, сделанные здесь к прежней формуле, подчеркнуты в новом проекте. По словам нашего банка, они являются лишь некоторым развитием первоначального текста и ни в чем не нарушают его смысла, почему правление банка надеется, что эта новая редакция никаких возражений со стороны Шахиншахского банка не встретит. Тем не менее придется, конечно, предварительно ознакомить с содержанием новой формулы правление Шахиншахского банка и заручиться его согласием на внесение ее в сказанный протокол взамен прежней.

Передавая об изложенном и в ожидании отзыва вашего о последующем, пользуюсь случаем и пр.

[Сазонов.]

№ 384. Записка, составленная в министерстве иностранных дел [1].

5 марта/20 февраля 1914 г.

Ввиду поднятого великобританским правительством вопроса о пересмотре англо-русского соглашения 1907 г. в части, касающейся Тибета, нам можно было бы потребовать известной компенсации, имея в виду, что фактическая отдача Тибета под протекторат Англии, чего последняя добивается, для нас довольно чувствительна. Поэтому и наши требования могут быть серьезными.

Намечая возможные пункты этих требований, можно остановиться на нижеследующем.

1) С каждым годом все более выясняется крайнее для нас неудобство от продолжающейся обособленности Афганистана. Отсутствие организованных непосредственных сношений с Афганистаном отражается неблагоприятно на нашей торговле, испытывающей серьезные затруднения на афганском рынке. Между тем, если б удалось достигнуть установления хотя бы подобия постоянных официальных сношений между нашими пограничными властями и афганскими губернаторами Герата, Мазар-и-Шерифа, Андхоя и Меймене, наша торговля, имеющая все данные найти отличный рынок сбыта в Афганистане, несомненно, сразу оживилась бы. Быть может,

---

[1] Приложена к проекту циркулярного письма, на бланке со штампом „министр иностранных дел“, имеющему подпись Сазонова, без даты и номера и без обозначения адресата, с надписью: „Весьма доверительно. Спешно“. По содержанию проект письма тождествен с тел. Сазонова от 9 марта/24 февр. 1914 г. за № 417. (См. № 396.)

удалось бы добиться согласия Великобритании на установление определенной зоны в Афганистане, ограниченной провинциями Герат, Меймене, Мазар-и-Шериф, Андхой, Балх и Бадахшан, с властями коих мы установили бы прямые сношения по неполитическим делам путем назначения в важнейшие пункты этой зоны наших агентов, отнюдь не придавая им дипломатического характера. Назначение подобных агентов предусмотрено соглашением 1907 г.

В связи с этим следовало бы решить в благоприятном для нас смысле вопрос о правильной постановке дела распределения вод рек, берущих начало в Афганистане и переходящих затем на русскую территорию.

2) В персидских делах мы равным образом могли бы добиться от англичан некоторых услуг. Напр., они могли бы дать нам обязательство не препятствовать образованию фактически автономного Азербайджана, под пожизненным главенством Шоджа-эд-Доуле и под нашим протекторатом с присоединением к Азербайджану принадлежавших некогда России Гиляна, Мазандерана и Астрабада.

Затем англичане могли бы обязаться дать согласие на наиболее восточное направление Трансперсидской дороги в пределах зоны, отведенной англичанам по соглашению 1907 г.

В-третьих, с англичан следовало бы взять обязательство помочь нам добиться усиления до нужных размеров штата персидской казачьей бригады ввидах постепенной замены ею руководимой шведами жандармерии [1].

В-четвертых, можно было бы потребовать от англичан коммерческий выход к Персидскому заливу.

[Сазонов.]

№ 385. Записка, составленная в министерстве иностранных дел [2].

5 марта/20 февраля 1914 г.

В распоряжении министерства имеется три расчета доли участия Германии и Франции в турецком государственном долге: французский, немецкий и расчет Н. Л. Рафаловича [3]. Выводы каждого различны, как видно из следующего сопоставления:

---

[1] Далее зачеркнут абзац: „В-четвертых, важным делом было бы ускорение заключения Персиею крупного займа, миллионов в двадцать рублей, без гарантии русского и великобританского правительств, каковое условие является единственным препятствием к реализации этого займа".

[2] Лит. копия.

[3] См. № 212 и прим.

	Доля Франции.	Доля Германии.
Франц. табл	49,58%	36,35%
Нем. табл.	37,51%	42,87%
Н. Л. Рафалович . . .		20,00%

Из этих трех расчетов надо сделать выбор.

Расчет Рафаловича представляется основанным на бесспорно недостоверных данных. Достаточно сказать, что французский расчет, всячески старающийся сузить немецкую долю, все же ее определяет в 36,35%, каковая цифра далека от указываемого Н. Л. Рафаловичем максимума. Сверх того, как видно будет из последующего, в нашем распоряжении имеются данные, стоящие вне спора, и эти данные приводят равным образом к признанию ошибочности утверждения Н. Л. Рафаловича.

Сопоставляя расчеты французской и немецкой таблиц, следует выделить из них то, на чем обе сходятся. Обе таблицы одинаково признают (1), что [по] километрическим гарантиям, находящимся в ведении Оттоманского публичного долга, на общую сумму турецких обязательств (капитализация из 5%) в 25 186 372 на долю Франции приходится 8 982 485, на долю Германии—16 203 887 т. ф.

Далее обе таблицы позволяют точно определить (2) доли участия в т. н. новых займах (выпущенных после мухарремского декрета), стоящих под контролем долга. Следует считать правильным опущение багдадских займов IV—VI, еще не выпущенных, т. е. еще не существующих, как это и делают французы. Тогда получается, согласно цифрам обеих таблиц, на общую сумму новых займов в 35 399 936 доля Франции—15 867 698, доля Германии—18 387 237 т. ф.

Французский и германский расчеты не сходятся на определении доли участия в (3) старых займах dette unifiée и lots turcs Разница заключается в следующем: на общую цифру в 48 857 556 т. ф. по французской таблице на долю Франции приходится 29 520 410, на долю Германии—5 196 592, а по немецкой таблице 18 877 167 и 8 258 387. Эта разница происходит от того, что берутся разные основания расчета: французы ссылаются на выводы из операции обмена бумаг после унификации долга, немцы же—на таблицу движения фондов управления долга, а для выигрышных билетов—на данные анкеты 1898 г. Надо полагать, что оба расчета более или менее гадательны, но для конечного вывода различия лишены решающего значения. Это ясно будет, если во французский расчет мы внесем поправку согласно немецким цифрам распределения старого долга. Тогда получится:

	Общая сумма долга.	Доля Франции.	Доля Германии.
Стар. долг	48 857 556	18 877 167	8 258 378
Новые долги	35 399 936	15 867 698	18 387 237
Кил. гарантия	25 186 372	8 982 485	16 203 887
Всего	109 443 864	43 727 350	42 849 502
или в %	100	39,95	39,15

Сопоставляя эти цифры с выводами французской таблицы, надо притти к выводу, что, в зависимости от оснований расчета, доля участия Франции колеблется между 49,58% и 39,95%, а доля Германии—между 36,35% и 39,15%. Допуская вероятность, что истина находится где-нибудь посредине, придется признать, что доля участия Германии немногим меньше доли участия Франции.

Казалось бы, при таких условиях есть основание считать некоторые уступки германским пожеланиям допустимыми. В этом смысле, быть может, и следовало бы объясниться в Париже.

Нольде.

№ 386. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 58. 5 марта/20 февраля 1914 г.

Reçu vos télégrammes № 384 [1] et 386 [2].

Vous aurez constaté dans mon télégramme d'hier № 55 [3] que M. Gennadius a fait auprès de Grey la même démarche et que cette question a été traitée à trois hier tant au point de vue du retard de la réponse des Puissances à la Grèce, que de ses conséquences. Grey tient Autriche et Italie autrement dit la Triple Alliance responsables de la situation et s'adresse à ce sujet aux ambassadeurs de ces Puissances. Son appui moral est garant à la Grèce pour ses revendications légitimes, mais il se refuse à prendre nouvelle initiative. Je transmets copies des deux télégrammes à Grey et Cambon.

Benckendorff.

Перевод.

Ваши телеграммы № 384 и № 386 получены.

Из вчерашней моей телеграммы № 55 вы увидите, что г. Геннадиус сделал Грею подобное же заявление, и что этот вопрос обсуждался нами вчера в связи

[1] Тел. от 4 марта/19 февр. 1914 г. за № 384 Сазонов сообщал Бенкендорфу, что по мнению итальянского прав-ва, из австро-итальянского аванса Албании можно было бы выплачивать 234 тыс. фр. ежемесячно на содержание жандармерии и, кроме того, выдать 200 тыс. фр. единовременно на ее экипировку.

[2] См. № 374.

[3] См. № 376.

с вопросом о задержке ответа держав Греции и о последствиях этой задержки. Ответственность за создавшееся положение Грей возлагает на Австрию и Италию, иными словами, на Тройственный союз и намерен обратиться по данному вопросу к послам этих держав. Что касается законных притязаний Греции, последней обеспечена с его стороны нравственная поддержка, но он отказывается снова взять на себя инициативу. Копии обеих телеграмм я передаю Грею и Камбону.

Бенкендорф.

№ 387. Посол в Берлине министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 35. 5 марта/20 февраля 1914 г.

Появившаяся два дня назад в „Köllnische Zeitung“ корреспонденция из Петербурга, носящая крайне враждебный по отношению к России характер, произвела здесь сильнейшее впечатление в печати, так как за последнее время германская печать вообще враждебно к нам настроена и, по имеющимся у меня сведениям, будто бы нисколько не сдерживается здешним правительством. Я нашел нужным вчера в дружеской беседе указать Ягову на это и в особенности на последнюю корреспонденцию „Köllnische Zeitung“, так как эта газета является органом, которым министерство иностранных дел постоянно пользуется для своих официозных сообщений по внешней политике. Ягов, очевидно, отрицал всякую причастность официальных сфер к возводимым на нас печатью обвинениям, пытаясь объяснить их значительным промедлением в опровержении содержания вашей бюджетной речи, а также беспокойством, вызванным слухами о последствиях нашего министерского кризиса и невоздержанностью нашей печати. Эти объяснения я не мог признать убедительными и очень просил его по возможности воздействовать на печать, нынешнее настроение которой может способствовать лишь ухудшению наших отношений. Признавал бы желательным, если бы и вы нашли возможным поговорить в этом смысле с германским послом, тем более что корреспонденция „K. Z.“ исходит из Петербурга от лица, повидимому, близко стоящего к Пурталесу.

Свербеев.

№ 388. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

⁺/. Письмо. 5 марта/20 февраля 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я позволил себе телеграфировать вам вчера[1] касательно уклончивого отношения сэра Э. Грея к делу о взятии на себя почина

[1] См. № 378.

предложения державам предоставить эллинскому населению очищаемых местностей просимые греческим правительством гарантии.

Время, повидимому, не терпит. Если державы желают мирной эвакуации, а в частности мы—сохранения у власти нынешнего правительства в Греции, последнему следует своевременно облегчить непосильную задачу.

Процесс эвакуации пока проходит мирно, но, по всем признакам, скоро настанет момент, когда появятся крупные осложнения, в особенности при сдаче албанцам Аргирокастро и Дельвино, этих центров автономного движения. Помимо сего, нельзя не предвидеть массового выселения жителей в Грецию, что возбудит острый вопрос экономического и аграрного свойства. Г. Венизелос в самых убедительных выражениях телеграфирует властям, чтобы население не покидало своих жилищ во имя высших патриотических чувств; едва ли однако можно надеяться на то, чтобы этими воззваниями улеглась паника, охватившая страну.

Как председатель совета, так и министр иностранных дел считают положение чрезвычайно серьезным, если Европа не скажет в ближайшие дни слова успокоения. На мой вопрос, какой же именно ответ держав он полагал бы достаточным для водворения спокойствия, г. Стрейт ответил, что права меньшинства, оговоренные § 62 Берлинского трактата, а также школьные гарантии должны бы удовлетворить встревоженное население. Министр указал при этом на желательность назначения в Албании местного губернатора для каждой административной единицы,—христианина при большинстве христиан, мусульманина—при преобладании мусульман. Жандармерия же должна бы состоять из местных жителей, в соответствии и полной аналогии со смешанным составом последних.

Сегодняшние известия из Эпира, сообщенные мне г. Венизелосом, чрезвычайно тревожны. Началось дезертирство в греческих рядах: полковник Дулис перешел на сторону временного правительства[1]. В Санти-Кваранта потребовалось присутствие внуши-

---

[1] В тел. от 5 марта/20 февр. 1914 г. за № 46 Демидов писал: „полковник Дулис покинул греческие ряды, чтобы примкнуть к повстанцам". „Ввиду вероятности повторения таких случаев вследствие близкого соприкосновения войск с местным населением, Венизелос счел нужным удалить из занятых областей всех офицеров из местных уроженцев". „Если не воспоследует в ближайшем будущем успокоительный ответ держав по гарантиям, то, по словам Венизелоса, крайне измученного, следует предвидеть катастрофу". Венизелос опасался в частности вооруженной интервенции Италии.

тельной военной силы для охраны порядка, так как в противном случае законные греческие власти принуждены были бы уступить место революционным, что значительно затруднило бы функционирование портовых порядков.

Мой английский коллега, с коим я часто обмениваюсь взглядами по сему поводу, крайне сожалеет о принятом его правительством отрицательном решении в вопросе о гарантиях; по его мнению, серьезность создавшейся обстановки в недостаточной мере сознается державами, и он склонен думать, как и г. Венизелос, что, при дальнейшей пассивности Европы, не исключена возможность австрийского или итальянского военного вмешательства в греко-албанские дела.

Примите и пр. Демидов.

P. S. Остров Сасено, как мне сказал г. Стрейт, не мог быть очищен греческими войсками, согласно решениям держав, одновременно с эвакуацией Корицкой казы, из-за необходимости получить на сей предмет разрешение палаты, в скором времени созываемой, так как имеется дело с отчуждением греческой территории. Г. Венизелос сказал мне, что прения по сему поводу неминуемо вызовут крайне нежелательное в настоящую минуту обсуждение внешней политики правительства.

Ut in litteris. D.

№ 389. Управляющий министерством финансов в особое совещание по делам Китайской Восточной железной дороги.

Письмо № 108. 5 марта/20 февраля 1914 г.

Секретно.

Ввиду получения за последнее время Японией от Китая концессий на постройку целого ряда железнодорожных линий в Южной Манчжурии, чем в значительной степени усиливается положение японцев в названной стране, было, по соглашению б. министра финансов с министрами иностранных дел и военным, признано желательным наметить схему постройки в Северной Манчжурии выгодных для нас в стратегическом и коммерческом отношениях железных дорог, кои могли бы создать противовес усилению Японии в районе ее влияния, а также установить постепенность, в которой могли бы быть сделаны соответствующие шаги для полу-

чения согласия Китая на проведение той или другой из намеченных линий.

С этою целью была образована при правлении общества Китайской Восточной железной дороги, где сосредоточивались наиболее подробные сведения о возможных вариантах желательных для нас рельсовых путей в Северной Манчжурии и их коммерческом и экономическом значении, особая комиссия под председательством товарища председателя названного правления тайного советника Вентцеля, при участии представителей министерств иностранных дел, военного и финансов.

По всестороннем обсуждении настоящего вопроса в заседании от [4 февраля] 22 минувшего января означенная комиссия пришла к следующим заключениям:

1) Признавая, что мерою, наиболее отвечающею цели улучшения поколебленного строительными планами японцев стратегического положения нашего в Северной Манчжурии, является устройство второй колеи от ст. Карымская до Харбина,—ходатайствовать о пересмотре вопроса о таковом устройстве в установленном порядке.

2) В тех же видах признать желательным проведение линии от Благовещенска к Харбину с веткою на Цицикар с тем условием, чтобы линия эта имела русскую колею и строилась бы или одновременно на всем протяжении, или от Благовещенска.

3) Признать для нас выгодною—при условии осуществления указанных в пунктах 1-м и 2-м мероприятий—постройку нижеследующих линий в Северной Манчжурии: 1) Харбин—Бодунэ, 2) Имяньпо—Наньтяньмынь, 3) Цицикар—Бодунэ и 4) подъездных путей к Китайской Восточной железной дороге в пределах Барги, также с условием принятия русской колеи.

4) Не предрешая вопроса о том, в какой форме и на каких условиях могли бы быть получены нами от Китая концессии на постройку намеченных линий, добиваться ныне же принципиального согласия китайского правительства на предоставление преимущественного права на постройку указанных в пунктах 2-м и 3-м рельсовых путей русским лицам и компаниям, с тем чтобы им было одновременно предоставлено таковое же право на разработку естественных богатств в районе помянутых линий.

5) Принять меры, в порядке дипломатического воздействия, к недопущению распространения иностранного железнодорожного строительства к северу от Таонаньфу в направлении к Китайской Восточной железной дороге, и

6) Поручить управлению Китайской Восточной железной дороги произвести дальнейшее исследование районов намеченных железнодорожных линий и изыскания направления этих линий.

Прилагая при сем в копии журнал вышеупомянутой комиссии [1] и разделяя, с своей стороны, ее заключения, управляющий министерством финансов имеет честь представить об изложенном на усмотрение особого совещания.

Управляющий министерством финансов П. Барк.

№ 390. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁒. Телеграмма № 59. 6 марта/21 февраля 1914 г.

Reçu votre télégramme № 390 [2] et télégramme de Constantinople № 122 [3].

En ai parlé à Grey qui m'a dit qu'il prendrait immédiatement renseignements, qu'il n'avait pas connaissance de demande turque de sous-officiers, mais que Porte avait demandé qu'officiers anglais puissent rester en temps de guerre ce qui a été refusé. J'en ai parlé aussi à Nicolson que j'ai trouvé mieux renseigné que Grey quoique lui aussi ne connaissait pas détails. Il me dit qu'il en conférerait sans délai avec Grey.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 390 и телеграмму из Константинополя № 122.

Говорил о них с Греем; он сказал мне, что немедленно наведет справки, что ему не известно о просьбе Турции относительно унтер-офицеров, но что Порта просила об оставлении английских офицеров во время войны, в чем ей было отказано. Я говорил также с Никольсоном, оказавшимся лучше осведомленным, чей Грей, хотя также не знающим о деталях. Он сказал мне, что безотлагательно переговорит об этом с Греем.

Бенкендорф.

№ 391. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

⁒. Депеша № 18. 6 марта/21 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ссылаясь на донесение мое от [13 февраля] 31 минувшего января за № 10 [4], имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству, в русском переводе, присланную мне на-днях

---

[1] „Журнал особой комиссии для выработки схемы постройки в Северной Манчжурии новых железнодорожных линий" от 4 февр./22 янв. 1914 г.

[2] См. стр. 485, прим. 1.

[3] См. № 369.

[4] В деп. от 13 февр./31 янв. за № 10 Крупенский передавал свой разговор с кит. м-ром ин. дел Сунь Бао-ци по вопросу об отозвании русских войск из Алтайского округа. К деп. был приложен переданный Крупенским кит. м-ру ин. дел ниже-

китайским министром иностранных дел памятную записку, служащую ответом на переданный мною г. Сунь Бао-ци список тех требований, коими мы обусловливаем вывод наших войск из Алтайского округа.

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, ответ этот в сущности сводится к полному отказу по всем пунктам наших условий, за исключением лишь требования об организации ежегодных международных съездов для разбора спорных дел между пограничным населением, против коего китайцы, очевидно, никаких возражений не могли иметь.

До получения дальнейших указаний от вашего высокопревосходительства я намерен ограничиться заявлением министру иностранных дел, что, при подобном отношении к нашим весьма умеренным требованиям, китайское правительство, естественно, не может рассчитывать на вывод русских войск из Алтайского округа.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

следующий перечень требований, которыми росс. прав-во обусловливало вывод русских войск из Алтайского округа:

„Условия, лишь по выполнении коих может последовать отозвание русских войск из Алтайского округа:

1. В качестве мер, необходимых для успокоения местного населения, — оставление киргизам управления их национальными властями и установление их обложения в пользу китайской казны в справедливом размере, без насильственного отчуждения их земель.

2. Окончательное закрепление за русскими подданными временно предоставленного им ныне права свободного беспошлинного плавания и торговли по Черному Иртышу и его притокам с предоставлением русским необходимого для судоходства права технического оборудования этих рек и надзора за их фарватером

3. Увеличение участка, отведенного русским для пристани на Бурчуме до размеров, вызываемых быстрым развитием этого торгового центра, и окончательный отвод с этою же целью таких же участков в устьях Кабы и Крана, а также в урочище Дурбулчжин [на] перешейке озера Улюнгур. Кроме того разрешение русским пароходным компаниям на открытие в Манасе и Гучене товарных агентств, необходимых в будущем для привлечения грузов.

4. Окончательное закрепление за русскими подданными права владения в Алтайском округе землями и другими недвижимостями на началах собственности или аренды, равно как возведение построек с торговыми или промышленными целями, а также право свободного проживания и занятия разными промыслами, как, например, охотой, рыболовством или сельским хозяйством.

5. Организация постоянных международных съездов не менее одного раза в год для разбора спорных дел между пограничным населением.

6. Подтверждение признания китайским правительством и осуществление на практике принадлежащего русским подданным, согласно ст. 12 договора 1881 г., права ввозить в застенный Китай товары всякого, в том числе и китайского происхождения, не исключая и чая, и торговать ими там“.

Приложение.

Памятная записка китайского министра иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому от 27/14 февраля 1914 г.

24 января/6 февраля сего года мне была передана вами лично памятная записка [2], состоящая из 6 пунктов требований, при условии точного соблюдения Китаем которых Россия готова произвести эвакуацию своих войск из Алтая.

По внимательному изучению означенных требований я прихожу к заключению, что таковые вместе с эвакуацией являются двумя совершенно различными вопросами, которые, казалось бы, нельзя подвергать одновременному обсуждению. Эвакуация войск зависит исключительно от местных условий. Если же не касаться вопроса о спокойствии округа, а только ставить эвакуацию в зависимости от исполнения предъявленных требований, то явится несоответствие с неоднократными принципиальными заявлениями вашего превосходительства о невозможности произвести эвакуацию войск вследствие неспокойного состояния Алтайского округа.

Имея в виду дружеские отношения между двумя государствами, Китай, конечно, считает возможным согласиться на все требования, которые исходят из договорных постановлений.

Пункт 2-й имеет в виду плавание по рекам Алтайского округа. Ввиду неимения донесений от местных властей о том, действительно ли выработаны временные правила по этому вопросу, надлежит, вместе с пунктом 3-м относительно сооружения пристаней, возложить на местные высшие власти обязанность представить подробные объяснения, каковые будут засим рассмотрены центральным правительством.

При сем равным образом будут выработаны соответствующие правила для постоянного исполнения их в пользу обеих сторон. Ввиду принадлежности Манаса и Гучена к Синьцзянской провинции, а не к Алтайскому округу, настоящий вопрос не может быть рассматриваем в общей совокупности. Изложенные в пункте 4-м требования касательно приобретения и аренды земельных участков, ввиду существования уже консульства в Шара-Сумэ, имеют быть исполняемы на основании 13-й статьи договора 1881 г. Что же касается вопросов рыболовства, охоты и земледелия, имеющих серьезное значение для добывания средств существования, то на

[1] Маш. копия.

[2] См. стр. 508, прим. 4.

основании имевшего уже в декабре минувшего года место протеста Китая против перехода границы русскими подданными и занятия ими земледелием в долине реки Кабы, Китай по-прежнему предлагает принять взаимные меры к обузданию пограничного населения от подобных переходов во избежание недоразумений.

Требования пункта 5-го относительно съездов, конечно, встречают с китайской стороны полное сочувствие.

По поводу пункта 6-го следует иметь в виду, что исполнение договорных постановлений является обязанностью Китая, но ввиду наличия специальных правил относительно вывоза чая китайское правительство собирается поднять вопрос о внесении изменений в эти правила, каковые изменения и должны служить предметом особых переговоров.

Требования 1-го пункта касательно киргизов являются недостаточно ясно формулированными. Киргизы в Алтайском округе не имеют кочевий, а поселены на отведенной в их пользование земле, подчиняются китайской юрисдикции, уплачивают налоги и давно уже пребывают в спокойствии.

Не понимая значения упомянутого только-что пункта, я надеюсь получить по поводу его точные разъяснения.

Формулируя ответ на каждый из предложенных вашим превосходительством пунктов в настоящей памятной записке, вверенное мне министерство, по примеру вашему, не придает сему документу официального характера.

№ 392. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 62. 7 марта/22 февраля 1914 г.

Grey m'a parlé avec anxiété et inquiétude des événements d'Azerbeidjan, la retraite de Schodja, sa décision d'un appel à la Russie, son projet de manifestation déclarant sa rupture avec gouvernement persan. Grey apprécie hautement télégramme de Korostovetz à consul général à Tauris dont notre ministre a communiqué contenu à Townley. Mais reste l'action de Schodja laquelle, s'il réussissait, attaquerait base de convention. Grey me dit qu'il ne s'agissait pas en ce cas des droits russes à influence prépondérante dans Nord de Perse, droits plus anciens que convention que celle-ci avait consacrés et qui étaient imprescriptibles dans leur substance, mais des circonstances nouvelles créées par Schodja pas prévues par la convention, qui rendaient nécessaire une révision complète des bases de la convention en conditions extrême-

ment difficiles. — Je répondis à Grey que je ne savais rien de l'événement, dont j'entendais parler pour la première fois, que tout comme à lui il me semblait fort fâcheux et que j'étais persuadé que l'action de Schodja ne rencontrerait ni l'approbation ni l'appui du gouvernement impérial. Grey n'ajouta rien sinon que ces nouvelles l'avaient rendu anxieux et qu'il avait pensé que le mieux était de m'en parler confidentiellement de suite. — Pour si les faits [1] sont tels que je les connais jusqu'ici, je crois qu'un désaveu catégorique sur place de décision de Schodja, la rupture de relations avec lui et la reconnaissance éventuelle d'un nouveau gouverneur général peuvent seules prévenir les conséquences qu'une séparation d'Azerbeidjan entraînerait inévitablement. Une crise... qui serait une contradiction de notre droit d'influence, aurait des conséquences tout semblables.

Benchkendorff.

Перевод.

Грей с тревогой и беспокойством говорил мне о событиях в Азербайджане, об отставке Шоджи, о его решении обратиться к России, о его намерении объявить о своем разрыве с персидским правительством. Грей вполне одобряет телеграмму Коростовца нашему генеральному консулу в Тавризе, содержание которой наш посланник сообщил Тоунлею. Остается однако выступление Шоджи, которое, в случае его удачи, подорвало бы основу соглашения. Грей сказал мне, что дело в данном случае идет не о русских правах на преобладающее влияние в Северной Персии,—правах более древних, чем само соглашение, лишь освященных последним и неотъемлемых по существу,—а о новых обстоятельствах, созданных Шоджей, не предусмотренных соглашением и делающих необходимым полный пересмотр самых основ его в условиях чрезвычайно трудных. Я ответил Грею, что ничего не знаю об этом факте и слышу впервые, что он представляется мне так же, как и ему, весьма досадным, и что я убежден, что выступление Шоджи не встретит ни одобрения, ни поддержки со стороны императорского правительства. Грей добавил лишь, что эти известия встревожили его, и что он счел за лучшее сразу доверительно поговорить со мной об этом. Если факты таковы, как они мне сейчас рисуются, то я думаю, что только категорическое неодобрение решения Шоджи, разрыв отношений с ним и, в случае надобности, согласие на назначение нового генерал-губернатора могут предотвратить последствия, которые неизбежно повлекли бы за собой отделение Азейрбайджана. Кризис..., который противоречил бы нашему праву на преобладающее влияние, имел бы совершенно аналогичные последствия.

Бенкендорф.

№ 393. Заведующий отделом Среднего Востока чиновнику для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Миллеру.

Телеграмма № 409 [2]. 8 марта/23 февраля 1914 г.

Макинскому хану мною, по поручению министра, было сделано серьезное внушение, причем ему были перечислены все его

[1] Так в подлиннике.

[2] Лит. копия.

провинности, согласно донесениям вашим и Чиркова. Затем ему в ультимативной форме предъявлен был ряд требований [1], который он письменно обязался исполнить.

В числе требований имеется пункт, ограждающий наших сторонников от каких-либо гонений.

После изъявления сердаром покорности он был принят министром и затем представлен государю императору персидским посланником [2].

Все происшедшее здесь произвело на сердара, видимо, сильное впечатление, и можно надеяться, что впредь его поведение изменится к лучшему [3].

Подробности почтой.

Сообщается в Тегеран, Тавриз, Хой.

Клемм.

№ 394. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 48. 8 марта/23 февраля 1914 г.

Urgent.

Les représentants d'Autriche et d'Italie à Athènes viennent de faire en présence de leur collègue d'Allemagne la communication suivante,

---

1 Требования, предъявленные м-вом ин. дел к сердару, заключались в следующем:

Уплатить 43 289 руб. по искам за ограбление русско-подданных на макинской территории, за грабежи и увод скота у пограничного русского населения, за поранение русского казака и его лошади.

Разобрать совместно с Миллером, командированным в Маку для выяснения всех недоразумений между сердаром и росс. вице-консульством в Хое, все претензии русско-подданных к жителям Макинского ханства по долговым обязательствам.

Учредить должность серхеддара, с достаточным количеством всадников, для поддержания порядка в приграничной полосе, с подчинением ему всех курдских племен.

Следить за правильным взносом малиата с селений Макинского ханства, причем часть доходов от малиата должна пойти на учреждение в Маку отдела шахской казачьей бригады под руководством русского инструктора.

Не подвергать преследованиям лиц, входивших в сношения с русскими должностными лицами, и относиться с должным уважением к представителям росс. прав-ва (письмо Клемма на имя сердара от 12 февр./30 янв. 1914 г.).

2 Макинский хан был принят Николаем II 2 марта/17 февр. (тел. Миллера от 9 марта/24 февр. 1914 г. за № 199).

3 Тел. от 19/6 марта 1914 г. за № 519 Клемм, уведомляя Миллера об отъезде хана макинского (18/5 марта) в Тифлис для представления наместнику, указывал на желательность „надлежащего внушения“ и со стороны наместника. „Теперь,— сообщал Клемм, — мы торопим учреждение консульства в Маку, куда на первое время предполагается командировать Олферьева“.

verbale et collective, au ministre des affaires étrangères de Grèce: „1. A la suite d'une proposition émanant de nous la Commission de contrôle à Valona a pris décision, consignée dans un protocole, qu'en Albanie pleine égalité droits confessionnels et usage toutes les langues y employées sera garantie. Nous accorderons de concert avec l'Italie la plus large publicité à cette décision. Les deux Cabinets déclarent au gouvernement de Grèce qu'ils se rangent entièrement du côté de cette décision et qu'ils useront de leur influence en faveur de son application intégrale.— 2. Les deux Cabinets maintiennent les accords établis avec M. Vénizélos concernant rectification frontières. Réalisation de [ceux]-ci sera poursuivie par les deux Cabinets dès que troupes grecques auront évacué territoire attribué à l'Albanie. — 3. Rectification frontière caza de Korytza, désirée par Grèce, est en contradiction avec décisions Londres et porterait préjudice exclusivement à Albanie. Les deux gouvernements ne sont par conséquent pas à même y donner leur consentement et se voient obligés insister sur évacuation complète de ce district dans sens des décisions internationales. — 4. Quant au désir de la Grèce concernant des questions de détail, telles que inclusion dans gendarmerie albanaise éléments locaux appropriés, les deux gouvernements se déclarent prêts à les prendre en considération et à les recommander au prince d'Albanie". — Cette communication austro-italienne, répondant à note grecque adressée aux Puissances [1], a été faite au ministre des affaires étrangères verbalement en langue allemande et transmise à titre courtois par le ministre d'Allemagne à mon collègue d'Angleterre. J'ajouterai que tant Sir Francis Elliot, que M. Deville et moi, nous avons été vivement surpris de cette démarche isolée de la Triple Alliance au sujet de question intéressant Europe.

Démidow.

Перевод.

Спешно.

Представители Австрии и Италии в Афинах только-что сделали в присутствии своего германского коллеги следующее вербальное коллективное, сообщение греческому министру иностранных дел: „1. Согласно сделанному нами предложению контрольной комиссией в Валоне принято и занесено в протокол решение, что в Албании будет гарантирована полная свобода вероисповедания и равноправие всех имеющихся языков. Вместе с Италией мы предадим это решение самой широкой гласности. Оба кабинета заявляют греческому правительству, что они всецело поддерживают это решение и употребят все свое влияние, чтобы оно полностью было проведено в жизнь. 2. Оба кабинета подтверждают достигнутые ими с г. Венизелосом соглашения относительно исправления границ.

---

[1] См. стр. 396, прим. 1.

Осуществление их будет поставлено обоими правительствами на очередь с того момента, когда греческие войска эвакуируют территорию, отведенную Албании. 3. Исправление границы Корицкой казы, которого желает Греция, противоречит решениям Лондонской конференции и нанесло бы ущерб исключительно Албании. Поэтому оба правительства не могут согласиться на него и принуждены настаивать на полной эвакуации этого округа в соответствии с решением держав. 4. Что касается пожеланий Греции в отношении таких частных вопросов, как допущение в албанскую жандармерию пригодных для этой цели местных жителей, оба правительства заявляют о своей готовности принять их во внимание и рекомендовать албанскому князю учесть их". Это австро-итальянское сообщение, являющееся ответом на греческую ноту, адресованную державам, было сделано министру иностранных дел устно на немецком языке и в порядке любезности было передано германским посланником моему английскому коллеге. Добавляю, что как сэр Фрэнсис Эллиот, так г. Девилль и я были очень изумлены сепаратным выступлением Тройственного союза по вопросу, интересующему всю Европу. Демидов.

№ 395. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 85. 8 марта/23 февраля 1914 г.

Здешний черногорский посланник сейчас получил тревожную телеграмму из Цетинье с поручением сообщить содержание ее Пашичу о серьезном столкновении, происшедшем сегодня в семь часов утра на новой черногорской территории в округе Плевлье: австрийский батальон, перейдя границу, напал на черногорский пост „Высьсенокоса", убив всех четырех стражников. Затем стал обстреливать казарму, ранив несколько солдат и унтер-офицера. Так как нападение это совершено без всякой видимой причины, король Николай видит в нем провокацию и опасается отместки со стороны черногорцев, что, в свою очередь, может вызвать опасные осложнения[1]. Гартвиг.

№ 396. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 417 [2]. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Великобританское правительство возбудило вопрос о пересмотре нашего соглашения относительно Тибета в смысле отмены

[1] Тел. от 13 марта/28 февр. за № 16 Обнорский сообщал: „Вся обстановка внезапного занятия доминирующего над черногорскими позициями пункта Сенокос на северной границе Санджака подавляющим по численности австрийским отрядом указывает на заранее обдуманное намерение завладеть этим пунктом и на малую вероятность его очищения". Австрийцы ссылаются „на невыясненность" границы „еще в турецкие времена"; черногорцы, вероятно, удовольствуются вознаграждением пострадавших и „выражением" Австрией „сожаления по поводу кровопролития".

[2] Лит. копия. Опубл. Siebert, III, S. 265, № 1042.

ограничительных для Англии его постановлений и предоставления ей свободы действий в этой стране. Я ответил, что готов войти в рассмотрение этого вопроса, но, конечно, за преимущества, которые получила бы Англия, предоставляю себе выставить со стороны России пожелания, подлежащие удовлетворению.

Благоволите телеграфировать, не представляется ли, по вашему мнению, возможным потребовать от Англии каких-либо компенсаций в сфере интересов, подлежащих вашему ведению, и в чем таковые могли бы заключаться.

Имейте в виду, что первоначально великобританское правительство ставило вопрос на почву взаимного признания преимущественного положения России в Монголии и Англии в Тибете. Мы отказались от такой постановки вопроса, указав на то, что Россия пользуется свободой действий в Монголии, тогда как Англия связана относительно Тибета соглашением 1907 г.

[Сазонов.]

№ 397. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

*/. Телеграмма № 419 [1]. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Сообщается в Тавриз.

Ссылаюсь на телеграммы Преображенского [2] №№ 219 и 220.

Передавать шахскому правительству пожелания Шоджа-эд-Доуле в виде его требований, конечно, не следует, но вы могли бы обратить внимание правительства на необходимость как щадить личное самолюбие Шоджа-эд-Доуле, так и относиться с должной терпимостью к взглядам, которые азербайджанские депутаты будут высказывать в меджлисе и вне его. Нельзя также объявлять означенных депутатов под нашим покровительством, но фактически мис-

[1] Царск. экз.

[2] Очевидно, ошибка. Имеются в виду телеграммы Орлова от 7 марта/22 февраля 1914 г. за №№ 219 и 220. В телеграмме за № 219 сообщалось, что Шоджа-эд-Доуле „обязался сохранять внешне приличные отношения“ и просил Сазонова „защитить его от третирования тегеранских министров, не соответствующего его официальному положению“. В тел. за № 220 Орлов передавал заявление Шоджи, о том, что он не предполагал итти на Тегеран, но имел в виду необходимость защиты против возможного выступления против него шведской жандармерии. В вопросе о выборах Шоджа обещал подчиниться желанию росс. прав-ва при том условии, чтобы перс. прав-во обещало „с полным вниманием огнестись к взглядам, которые азербайджанские депутаты будут высказывать“, и чтобы росс миссия гарантировала личную неприкосновенность депутатов и исправную выплату им содержания.

сия могла бы оказывать им защиту в случае каких-либо притеснений, Шоджа-эд-Доуле же должен удовольствоваться нашим обещанием, что со стороны миссии представителям Азербайджана будет оказываться зависящее содействие.

[Сазонов.]

№ 398. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 422 [1]. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Не прекращающаяся рознь в тегеранском кабинете вызывается преимущественно образом действий Эйн-эд-Доуле, от которого, по имеющимся у нас сведениям, регент очень охотно избавился бы.

Со своей стороны, считали бы удаление из состава кабинета этого принца, с одной стороны, ищущего опоры у демократов, а с другой—придерживающегося старых приемов взяточничества, весьма желательным для скорейшего налажения дружной и плодотворной работы кабинета. Для этого следовало бы только воспользоваться тем, что Эйн-эд-Доуле сам просится в отставку. К сожалению, однако Тоунлей, повидимому, оказывает принцу поддержку [2].

Было бы желательно склонить Грея на нашу точку зрения и добиться соответствующих инструкций Тоунлею [3].

[Сазонов.]

---

[1] Царск. экз.

[2] Тел. от 25/12 февр. 1914 г. за № 53 Коростовец доносил, что перс. министр внутренних дел Эйн-эд-Доуле подал в отставку, которая была отклонена. В ответной телеграмме от 3 марта/18 февр. 1914 г. за № 378 Сазонов, указывая на то, что отставка Эйн-эд-Доуле, враждебно относящегося к Восуг-эд-Доуле и вносящего рознь в кабинет, „представлялась бы весьма желательною“, просил Коростовца переговорить с регентом и склонить его к решению принять эту отставку. В тел. Коростовца от 7 марта/22 февр. 1914 г. за № 64 сообщалось, что отставка Эйн-эд-Доуле была отклонена вследствие трудности найти ему преемника и опасения регента иметь столь популярного сановника своим открытым врагом. Вместе с тем указывалось, что, ввиду оказываемой Эйн-эд-Доуле английской миссией поддержки, желательно достигнуть по этому поводу соглашения с англ. правительством.

[3] В дополнение к настоящей телеграмме Бенкендорфу была послана копия тел. Сазонова на имя Коростовца от 11 марта/26 февр. 1914 г. за № 437, в которой сообщалось, что, по мнению Восуг-эд-Доуле, отставка Эйн-эд-Доуле в данное время нежелательна, так как это подняло бы еще его значение в глазах демократов и могло бы создать кабинету лишние затруднения. Сазонов предлагал Коростовцу сговориться с Восуг-эд-Доуле относительно подходящего момента для удаления Эйн-эд-Доуле.

№ 399. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Письмо № 159 [1]. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Доверительно.

М. г. М[ихаил] Н[иколаевич],

Им[ею] ч[есть] препроводить у сего в-у пр-ву копию секр. письма имп. посла в Париже от 13/26 февраля с. г. [2], а равно и составленную бар. Нольде записку по вопросу о долях участия Франции и Германии в турецком государственном долге [3].

Данные эти могут представиться полезными в ваших переговорах с турками о дальнейшем направлении вопроса о введении нашего представителя в Совет оттоманского долга. Ввиду того, что попытка склонить французское прав[ительст]во к более деятельному содействию нам в этом вопросе, повидимому, не может рассчитывать на серьезный успех, нам остается прибегнуть к единственному остающемуся в нашем распоряжении способу—возможного воздействия на Порту в желательном для нас направлении.

Покорнейше прося вас о последующем не отказать уведомить меня, пользуюсь случаем и пр.

[Сазонов.]

№ 400. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 49. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 29 [4] и на вашу № 285 [5].

Сегодня международная финансовая комиссия по получении всеми ее членами уполномочия своих правительств дала согласие на принятие в ее ведение нового греческого 500 000 000 займа.

Демидов.

---

[1] Черновик рукою Трубецкого.

[2] См. № 335.

[3] См. № 385.

[4] В тел. от 9 февр./28 янв. 1914 г. за № 29 Демидов сообщал об обращении греческого прав-ва к международной фин. комиссии с просьбой взять на себя обслуживание 5% займа в 500 млн. фр.

[5] В тел. от 19/6 февр. 1914 г. за № 285 Сазонов со слов греческого поверенного в делах сообщал, что „в Париже ставят условием разрешения греческого займа, чтобы оный обслуживался международной финансовой комиссией в Афинах“. Вместе с тем Сазонов сообщал, что он не встречает препятствий к тому, чтобы русский делегат в комиссии выразил согласие на принятие займа в ведение комиссии „в случае получения подобных инструкций прочими делегатами“.

№ 401. Военный агент в Румынии генерал-квартирмейстеру генерального штаба ген. Данилову.

Рапорт № 37. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Секретно.

Как было донесено мною телеграммой от [18] 5 февраля с. г. за № 6, председатель румынского совета министров г. Братиану поручил здешнему турецкому посланнику передать своему правительству, что при возможном столкновении Турции с Грецией на суше, т. е. при активной или пассивной помощи Болгарии, Румыния не останется безучастной зрительницей такового конфликта, а сочтет предоставление Болгарией своей территории для прохода турецких войск за нарушение Бухарестского трактата, для сохранения коего в неприкосновенности Румыния не остановится перед крайними средствами.

Таким образом Румыния, политика которой за последнее время может быть охарактеризована главным образом в смысле стремления сохранить за собой по возможности полную свободу действий, имея постоянно в виду сохранение в неприкосновенности Бухарестского трактата, под влиянием настояний со стороны Греции и Сербии определенно высказалась и предопределила свое отношение к возможному греко-турецкому конфликту.

Что же касается до вопроса существования каких-либо союзнических обязательств между Румынией, с одной стороны, и Грецией с Сербией—с другой, то здесь достоверно известно, что таковых обязательств теперь не существует, и результатом пребывания в Бухаресте гг. Пашича и Венизелоса явилось лишь вышеупомянутое заявление румынского правительства.

Следует заметить, что если бы столкновение между Турцией и Грецией произошло бы на море, что в настоящее время считается по неготовности турецкого флота невозможным, то отношение Румынии к этому конфликту было бы совершенно иное, а именно, Румыния осталась бы строго нейтральной. Наоборот, при столкновении Греции и Турции на суше у Румынии не может быть уверенности в том, что Болгария останется строго пассивной зрительницей военных действий, а скорее можно будет ожидать, что Болгария воспользуется подходящим случаем для широких целей реванша, которые могут также затронуть и интересы Румынии, подняв вновь вопрос о пересмотре Бухарестского трактата.

Постановление сей конференции служит, по заявлению румынского министра-президента, основой румынской политики и, исходя

только из этой непоколебимой точки зрения, правительство сделало подобное решительное заявление Турции.

Полковник Семенов.

№ 402. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 22. 9 марта/24 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Посетив на-днях вселенского патриарха, я имел с ним продолжительную беседу, коснувшуюся всех наиболее интересующих константинопольскую церковь вопросов.

Святейший Герман сообщил мне, что отношение турецкого правительства к патриархии не улучшилось. Преследования православных, выразившиеся в арестах и выселениях наиболее видных представителей греческого населения, доныне не прекращаются и даже как бы усиливаются за последнее время, особенно во Фракии, где, по мнению его святейшества, принимают характер систематического разорения и ослабления христианского элемента.

Несмотря на султанское ирадэ об амнистии, адрианопольские тюрьмы переполнены христианами, и на все старания представителей патриархии добиться точного применения постановлений помянутого акта, провинциальные турецкие власти отговариваются неполучением инструкций из Константинополя, а находящиеся в столице высшие чины оттоманской администрации ограничиваются лишь выражениями их готовности положить конец самовластию своих младших товарищей. Бойкот против греков, распространившийся по всей Оттоманской империи, по словам патриарха, еще более затрудняет положение его паствы, лишенной во многих местах средств к существованию. В заключение святейший Герман просил меня оказать давление на Порту в целях более внимательного отношения ее к интересам вселенской церкви.

Я заверил патриарха, что в этом вопросе, как и вообще во всех делах, касающихся нужд православного населения Турции, он вполне может рассчитывать на посильную поддержку императорского посольства. Патриархия не будет лишена этой поддержки и во время разрешения вопросов политического характера, ставших для нее на очередь в результате балканской войны.

Условия, на которых отойдут к Болгарии, Сербии и Греции отвоеванные недавно епархии, положение православных общин в пределах Албании, урегулирование нового политического порядка Афонской горы и, наконец, восстановление расстроенного послед-

ними событиями экономического равновесия патрархии—составляют ряд вопросов, в которых императорское правительство с особым участием будет наблюдать за деятельностью его святейшества, всегда готовое содействовать ему в охранении интересов вселенского престола.

Принеся искреннюю признательность за сделанные ему заявления, святейший Герман выразил готовность держать меня в курсе предстоящих переговоров, добавив, что до сего времени со стороны помянутых выше государств не последовало каких-либо конкретных предложений, дающих хотя бы приблизительную возможность определить, в каком положении окажется патриархия после отчуждения 55 из 88 ее епархий. Касательно же Албании патриарх высказал убеждение, что здесь возможны лишь два решения вопроса: или албанские епархии останутся в прежней зависимости от вселенской церкви, или же в отношении их будет принят церковный порядок, подобный установленному Австро-Венгрией в Боснии и Герцеговине, главным образом потому, что большинство населения вновь созданного государства состоит из мусульман.

Отложив более подробное рассмотрение затронутых в беседе вопросов до недалекого будущего, я ограничился лишь указанием, что Россия, как одна из держав, под общим контролем коих находится Албания, воспользуется, конечно, своим положением для защиты там православного населения и возможного ограждения интересов вселенской патриархии. В заключение нашего разговора я вновь подтвердил патриарху свою готовность оказывать ему зависящее содействие.

Сообщая изложенное для сведения вашего высокопревосходительства, почитаю долгом добавить, что настоящим обменом мнений я имел в виду дать константинопольскому патриарху возможность найти удобную почву для установления с нами тех близких и искренних отношений, кои единственно смогут удержать вселенскую церковь на высоте, требуемой ее историческим прошлым и общими всем православным народам интересами. Ближайшее будущее покажет, насколько святейший Герман и его сотрудники в состоянии выйти из круга узко-национальных греческих идей навстречу более широким задачам и стремлениям.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 403. Памятная записка персидского министерства иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу [1].

9 марта/24 февраля 1914 г.

Son excellence le ministre de Russie a bien voulu faire en date du 29 Rabiel-Avval 1332—25 février 1914 — au sujet de l'engagement des officiers suédois pour la constitution de corps mobiles de gendarmes certaines observations verbales, dont la portée se résume ainsi: „Le gouvernement impérial de Russie n'a aucune objection à l'engagement desdits officiers, mais préférerait voir la gendarmerie diriger son activité vers le Sud, tandis que l'effectif de la brigade des cosaques devrait être augmenté pour être employé dans les régions du Nord".

Le ministre des affaires étrangères de Perse a l'honneur de faire remarquer à monsieur Korostovetz que lorsque le gouvernement prit en 1911 la décision de s'adresser à la Suède pour l'engagement d'un corps d'officiers instructeurs à l'effet d'organiser un service de gendarmerie, la convention russo-anglaise existait déjà, il n'y avait aucun équivoque sur l'intention du gouvernement persan qui était bien décidé de créer une gendarmerie pour tout l'empire, sans distinction du Midi ou du Nord. Aussi les Puissances voisines, soucieuses de voir l'ordre et la tranquillité publics se rétablir dans l'intérêt de leur commerce, accueillirent-elles favorablement l'engagement d'officiers suédois dans le but précité. On a eu recours à la Suède parce que le gouvernement persan, désireux de ménager les susceptibilités de ses voisins, avait déjà pris la résolution de ne faire appel pour le recrutement d'officiers qu'aux Puissances de second ordre.

Les suggestions que formule le ministre de Russie, à l'heure qu'il est, vont donc tout-à-fait à l'encontre des considérations susmentionnées et ne tiennent pas compte des principes qui ont présidé à la création d'un service de la gendarmerie.

Le ministre de Russie n'ignore pas, d'autre part, que le gouvernement persan, sur la proposition des Puissances voisines a accepté de conformer sa politique avec la convention de 1907, dont la base consiste dans le maintien de l'indépendance et de l'intégrité de la Perse et c'est à cette occasion que le gouvernement impérial prit acte des garanties formelles [2] à cet effet dans le préambule de ladite convention.

Monsieur Korostovetz aura également suivi le courant d'opinion qui

---

[1] Препровождена в м-во ин. дел при депеше Коростовца от 12 марта/27 февр. 1914 г. за № 12. Лит. копия.

[2] Так в подлиннике.

compte dans certains milieux anglais des partisans tendant à confier la gendarmerie du Sud à des officiers anglais.

Il n'y a nul doute que la thèse de la création de forces militaires dans le Nord sous le commandement d'officiers russes, accentuerait l'opinion en faveur de l'engagement d'officiers anglais. Or cette répartition amènerait à[1] un état de choses contraire aux principes énoncés dans l'entente anglo-russe et créerait une situation dont le Cabinet ne pourrait assumer la responsabilité.

Quant aux cosaques, le ministre de Russie conviendra sans doute que les devoirs de la brigade de cosaques de sa majesté impériale le schah diffèrent entièrement de ceux de la gendarmerie. Cela ressort d'ailleurs de leurs désignations respectives. La brigade a été dès sa formation la garde du corps de sa majesté impériale, tandis que la mission de la gendarmerie a été celle de maintenir l'ordre et la sécurité publics dans toutes les régions du pays. S'il est vrai que le gouvernement persan a approuvé dernièrement la formation d'un détachement de la même brigade à Tauris, c'est qu'il a pris en considération le fait que cette ville a été et sera toujours le siège de la résidence de l'héritier du trône. A cette occasion le ministre des affaires étrangères tient à souligner que le gouvernement impérial, notamment depuis les dernières années, n'a cependant rien négligé pour encourager la brigade et, loin de vouloir la considérer comme une force décorative, dans le but de profiter de l'existence d'une force disciplinée, lui a confié des missions d'ordre militaire. Le contingent a été augmenté à un chiffre important (tout récemment le détachement de Tauris a été doublé). Et malgré l'exiguité des ressources, le gouvernement impérial a porté le budget très minime de cette force à environ deux korours de tomans (1 000 000) par an. Nonobstant ces témoignages de bonne volonté, il faut avouer franchement, la brigade n'a pas correspondu aux espérances du gouvernement persan.

Chaque fois que le gouvernement réquisitionnait une force de cosaques pour une mission quelconque, la brigade sous différents prétextes s'est souvent excusée de se conformer aux ordres du gouvernement. D'ailleurs depuis l'établissement d'une trésorerie générale qui doit centraliser les recettes et dépenses de l'Etat, la brigade n'a pas présenté aucun budget aux autorités compétentes et a repoussé le contrôle de sa comptabilité par les agents financiers du gouvernement. Elle a également négligé de soumettre à l'approbation et à la signature du gouvernement les contrats de ses officiers, et n'a jamais en

---

[1] Так в подлиннике.

pratique obtempéré aux instructions du ministère de la guerre, dont elle relève. En vue de[1] tout ce qui précède et par suite de la situation pécunière dans laquelle se trouve actuellement le gouvernement, il ne pourra consentir à une nouvelle augmentation de l'effectif de la brigade des cosaques [2].

Перевод.

Его превосходительству российскому посланнику угодно было сделать 29 Рабиель-Авваля 1332 г.—25 февраля 1914 г.—несколько словесных замечаний по поводу приглашения шведских офицеров для образования летучих жандармских отрядов. Содержание этих замечаний сводится к следующему:

„Императорское российское правительство не имеет никаких возражений против приглашения названных офицеров, но предпочитало бы, чтобы район деятельности жандармерии был ограничен югом Персии, тогда как деятельность казачьей бригады сосредоточивалась бы на севере, и состав ее был бы увеличен".

Министр иностранных дел Персии имеет честь обратить внимание г. Коростовца на то, что, когда в 1911 г. правительство приняло решение обратиться к Швеции на предмет приглашения отряда инструкторов для организации жандармской службы, русско-английское соглашение уже существовало, и намерение персидского правительства, твердо решившего создать жандармерию для всей империи, без различия юга и севера, тогда не возбудило никаких сомнений. Равным образом соседние державы, озабоченные в интересах своей торговли восстановлением порядка и общественного спокойствия, отнеслись благосклонно к приглашению шведских офицеров для указанной цели. К Швеции обратились потому, что персидское правительство, не желая задевать своих соседей, еще раньше приняло решение с приглашением офицеров обращаться только к второстепенным державам.

Пожелания, формулированные в настоящее время российским посланником, идут таким образом целиком в разрез с вышеуказанными соображениями и не считаются с руководящими принципами организации жандармерии.

С другой стороны, российскому посланнику небезызвестно, что персидское правительство согласилось на предложение соседних держав согласовать свою политику с соглашением 1907 г., главные основы которого заключаются в сохранении независимости и неприкосновенности Персии, и именно в связи с этим

---

[1] Так в подлиннике.

[2] В деп. от 12 марта/27 февр. 1914 г. за № 12 Коростовец, препровождая копию настоящей зап., сообщал, что, по словам Восуг-эд-Доуле, последним „было сделано все возможное, чтобы убедить коллег в полезности сохранения и даже усиления казачьей бригады, но что доводы его не имели успеха, особенно когда выяснились финансовые затруднения, испытываемые казначейством, и перспектива дефицита". Из беседы с Восуг-эд-Доуле Коростовец вынес впечатление, что „персы боятся главным образом английского выступления на юге, и если бы мы взялись парализовать таковое, то ценою известных уступок можно бы рассчитывать на улажение этого дела". В тел. от 12 марта/27 февр. 1914 г. за № 72 Коростовец сообщал, что он ответил Восуг-эд-Доуле, что не признает основательности его доводов и настаивает на выполнении требования росс. м-ва ин. дел об усилении бригады на севере Персии и о недопущении туда жандармерии.

шахское правительство приняло к сведению соответствующие формальные гарантии, заключающиеся во вводной части указанного соглашения.

Г. Коростовец, вероятно, обратил внимание на имеющее сторонников в некоторых английских кругах течение в пользу того, чтобы поставить во главе жандармерии на юге английских офицеров.

Нет никакого сомнения в том, что мысль о создании на севере военной силы под командой русских офицеров, усилила бы течение в пользу приглашения английских офицеров. Между тем такое распределение привело бы к положению вещей, противоречащему принципам, возвещенным в англо-русском соглашении, и создало бы положение, ответственность за которое кабинет принять на себя не может.

Что касается казаков, то российский посланник, несомненно, признает, что обязанности казачьей бригады его императорского величества шаха совершенно отличны от обязанностей жандармерии. Это, впрочем, вытекает из задач, поставленных перед каждой из них. С самого своего основания бригада была лейб-гвардией его императорского величества, тогда как обязанностью жандармерии было поддержание порядка и общественной безопасности во всех частях страны. И если действительно персидское правительство одобрило в последнее время образование отряда бригады в Тавризе, то только потому, что этот город был и всегда будет резиденцией наследника престола. При этом министр иностранных дел считает долгом подчеркнуть, что в то же время шахское правительство, особенно за последние годы, принимало все меры к поощрению бригады, и, далекое от желания считать ее воинской частью, служащей для парадных целей, возлагало на нее обязанности военного характера, извлекая пользу из существования дисциплинированной воинской силы. Состав ее был увеличен в значительной степени (совсем недавно тавризский отряд был удвоен). И, несмотря на скудость ресурсов, шахское правительство довело весьма скромный бюджет этой войнской части почти до двух куруров томанов (1 000 000) в год. Несмотря на такие доказательства доброжелательного к ней отношения, следует откровенно признать, бригада не оправдала надежд персидского правительства.

Всякий раз, как правительство предъявляло требование на какую-либо казачью часть, чтобы возложить на нее какое-нибудь поручение, бригада под различными предлогами отказывалась выполнять приказания правительства. Сверх того, со времени учреждения главного казначейства, которое должно централизовать доходы и расходы государства, бригада не представила соответствующим учреждениям никакой сметы и отвергала контроль над своей отчетностью со стороны финансовых агентов правительства. Равным образом она не представляет на одобрение и подпись правительства контракты своих офицеров и на практике никогда не повиновалась распоряжениям военного министра, которому она подчинена. Ввиду всего изложенного и вследствие стесненного финансового положения в настоящее время правительство не может согласиться на новое увеличение состава казачьей бригады.

№ 404. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 69. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Восуг-эд-Доуле от имени регента сообщил, что ввиду сепаратистской политики Шоджи и его систематической оппозиции пер-

сидскому правительству, последнее не видит другого выхода из невозможного положения, как замена названного администратора другим лицом, также угодным России, но более умеренным. Исаак-хану будет, вероятно, поручено представить вашему высокопревосходительству соображения в этом смысле. Я ответил Восугу, что у нас, вероятно, не согласятся даже обсуждать таковое предложение.

Коростовец.

№ 405. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 96. 9 марта/24 февраля 1914 г.

Продолжение номера 66[1].

Китайское правительство согласно на внесение в ноту о войсках в Северной Манчжурии поправки, намеченной в моей телеграмме № 712[2], но противится установлению месячного срока для предупреждения нас об увеличении войск, заявляя, что в случае беспорядков или внезапного появления крупных разбойничьих шаек может оказаться необходимость спешно двинуть на места подкрепления. Прошу указаний, должен ли я непременно настаивать на месячном сроке или могу ограничиться требованием, чтобы о предположенных усилениях войск мы были извещаемы „по возможности заблаговременно".

В. Крупенский.

№ 406. Журнал междуведомственного совещания при министерстве иностранных дел [10 марта] 25 февраля 1914 г. по вопросу о режиме, к установлению которого надлежит стремиться для иностранной торговли в Монголии [3].

Председательствовал:

Товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов.

Присутствовали:

От министерства иностранных дел:

Чиновник особых поручений при министре д. с. с. Козаков.

Делопроизводитель V класса первого департамента с. с. Юдин.

От министерства финансов:

Директор общей канцелярии министра д. с. с. Львов.

Начальник отделения той же канцелярии с. с. Котвич.

От министерства торговли и промышленности:

---

[1] См. № 308.

[2] См. стр. 350, прим. 1.

[3] Печатный оттиск. Заголовок подлинника.

Управляющий отделом торговли д. с. с. Сибилев.

Чиновник особых поручений при министре к. с. Голубов.

[1.] Открывая заседание, председатель отметил, что тогда как ввоз в Монголию через русскую границу пользуется полной свободой как от пошлинного, так и от всех иных видов обложения, иностранный ввоз в эту страну идет транзитом через Китай, а потому несет все виды существующего в Китае для иностранной торговли обложения. Министерство иностранных дел признает рискованным стараться в договорных постановлениях еще усилить то благоприятствование, которым русская торговля пользуется в Монголии. Если бы в тройном русско-китайско-монгольском договоре было постановлено, что на китайско-монгольской границе устанавливается таможенное обложение идущих из Китая в Монголию товаров, не исключая иностранных, то такое постановление было бы, несомненно, опротестовано державами. Поэтому и стремясь изыскать какие-либо способы для затруднения ввоза в Монголию через китайскую границу, министерство иностранных дел, как то изложено в разосланной заинтересованным ведомствам записке[1], остановилось на мысли создать в Монголии внутреннее обложение торговли по образцу действующего в Китае (ликин). Правда, при таком порядке иностранные товары, ввозимые морем в открытые порты Китая, будут оттуда проникать в Монголию при транзитных свидетельствах, без оплат внутренних пошлин, уплатив лишь 7½-процентную ввозную и транзитную пошлины; но все те товары, которые были переупакованы или переработаны в Китае и везутся в Монголию китайскими купцами, будут уплачивать сказанное пошлинное обложение. Это составит большое преимущество для русских, товары которых идут при торговых билетах и таким образом избегнут внутреннего обложения. Нашей задачей в Монголии является не затрагивать иностранных интересов, которые там ныне незначительны. Пока эти интересы не страдают, державы мирятся с нашим преимущественным положением в Монголии и не оказывают Китаю поддержки против нашей политики. Но раз эти интересы будут затронуты, те же державы, несомненно, вмешаются в монгольский вопрос, потребуют твердого обоснования своего с Россией равноправия в Монголии, принцип коего они неизменно отстаивают на всем пространстве китайского государства, и результатом этого будет лишь усиление стремления иностранцев к проникновению на монгольский рынок.

---

[1] Записка эта (не датированная) хранится в Арх. Вн. Пол. в деле М. Ф. № 251 з.

Переходя к рассмотрению записки министерства иностранных дел, совещание выслушало прежде всего заявление представителя министерства торговли и промышленности касательно деятельности наших торгово-промышленных кругов по развитию русской торговли на монгольском рынке. По сообщению д. с. с. Сибилева, в разосланной членам совещания записке министерства иностранных дел означенная выше деятельность охарактеризована не вполне точно. Следует иметь в виду, что полное устранение китайцев, на которое указывается в записке как на благоприятный факт, послужило, наоборот, на первое время существенным тормозом к распространению русских товаров в Монголии, так как китайцы являлись единственными в стране торговыми посредниками, и с уходом их приходилось вновь налаживать сложную торговую организацию. Кроме сего, снабжение товарами монгольского рынка сводится по преимуществу к распространению в стране мануфактуры. При этом следует иметь в виду, что распространенный в Монголии тип тканей на русских фабриках до настоящего времени не выделывался, так что пришлось приспособлять производство к выделыванию нового товара, что, по заявлению торговых кругов, не могло в известной мере не отразиться на цене товара; к тому же в это именно время наступил момент вздорожания стоимости хлопка. Тем не менее заинтересованное купечество, приложив к делу много усилий, оказалось в состоянии изготовлять нужный товар по подходящей цене и в настоящее время двинуло таковой в Монголию на сумму около 700 тыс. руб., причем общая заготовка намеченных для Монголии партий доходит, по сообщению московского биржевого комитета, до 2 млн. р. Техническими и материальными затруднениями, с которыми встретилось наше купечество, прежде чем удалось изоготовить подходящий для Монголии по качеству и по цене товар, и объясняется, по заявлению того же биржевого комитета, то обстоятельство, что наше купечество не могло проявить особой быстроты в своих мероприятиях в этом новом деле, требовавшем поэтому известной осторожности.

При обсуждении положений, выдвинутых в записке министерства иностранных дел, совещание не пришло к единогласному решению. Было намечено два пути, которыми можно итти в вопросе о режиме иностранной торговли в Монголии.

Представители министерства финансов отметили, что упомянутая выше записка министерства иностранных дел составлена, повидимому, в том предположении, что в торговом отношении в

Монголии продолжает действовать режим, установленный прежними договорами пекинского правительства с иностранными державами, и остается неясным, внесло ли в этот режим какие-либо изменения отделение Монголии от Китая. Между тем выяснение этого последнего вопроса имеет существенное значение для установления точки зрения на подлежащее обсуждению совещания дело. Если Монголия, несмотря на признанную за ней автономию, должна подчиняться постановлениям договоров Китая с иностранцами, то, повидимому, нет иного выхода, как остановиться на предложении министерства иностранных дел ввести в Монголии систему ликинных сборов. Если же признать, что автономия Монголии обнимает и право заключения торговых договоров, то казалось бы возможным исходить из того, что она не обязана руководствоваться принципом равноправия держав и вольна обложить их торговлю любыми пошлинами; только русская торговля в силу Ургинского протокола 1912 г. должна и впредь оставаться беспошлинной. Вторая альтернатива более соответствовала бы целям ограждения интересов нашей торговли в Монголии и, кроме того, дала бы монгольскому правительству надежный источник доходов. Представителями министерства иностранных дел было разъяснено, что хотя монгольское правительство в силу русско-китайской декларации [5 ноября] 23 октября 1913 г. автономно в торговых и промышленных вопросах, а следовательно, и в деле заключения торговых договоров, но каждая из держав, впредь до заключения торгового трактата с Монголией, может требовать, чтобы ее торговые сношения с этой страной определялись ее трактатами с Китаем. Пример этого можно видеть в Египте, где Россия и Франция продолжали пользоваться правами, вытекавшими из их договоров с Турцией, даже и тогда, когда Египет получил автономию, и египетское правительство уже заключило торговые договоры с другими державами.

Представители министерства финансов, поддержанные представителями министерства торговли и промышленности, полагали, что, даже став на такую точку зрения, нужно признать право монгольского правительства ввести на своей границе с Китаем в свою пользу пошлинное обложение иностранной торговли в размере, предусмотренном торговыми договорами Китая с державами, подобно тому, как после отделения Египта таможенные пошлины с внешней торговли этой страны стали поступать в пользу египетского правительства. Монголы не обязаны считаться с тем, что вследствие географического положения Монголии иностранные то-

вары могут проникать туда только через Китай или через Россию; от самих держав зависело бы договориться с Китаем и Россией об условиях транзита своих товаров в Монголию. Представители министерств финансов и торговли и промышленности считали поэтому желательным сделать при тройных русско-китайско-монгольских переговорах попытку выговорить для Монголии право ввести пошлинное обложение на своей границе с Китаем. Для побуждения же китайцев к уступчивости в этом деле мы могли бы сделать им некоторые уступки в других областях: так, можно было бы согласиться на распространение на нашу границу с Манчжурией нового морского таможенного тарифа после его пересмотра; затем, повидимому, не представляло бы для нас особой опасности, если бы мы поступились правом беспошлинной торговли во Внутренней Монголии. Если бы вследствие введения сказанного пошлинного обложения последовали протесты держав, и они пожелали бы вести непосредственные переговоры с монгольским правительством о порядке своих торговых сношений с Монголией, то при этих переговорах монголы, несомненно, также отстаивали бы свое право облагать иностранные товары ввозными пошлинами. Переговоры эти не представляли бы поэтому для нас, по мнению представителей министерств финансов и торговли и промышленности, опасности. При такой постановке весь вопрос об иностранной торговле с Монголией был бы поставлен на определенную почву. Нынешняя же его неопределенность во всяком случае долго продолжаться не может. Державы, несомненно, скоро придут к убеждению в необходимости вступить в сношения с монгольским правительством. Во всяком случае в наших интересах содействовать такому разрешению вопроса, чтобы державы вели переговоры о положении своей торговли в Монголии с самими монголами, а не с пекинским правительством, на которое мы можем оказывать воздействие в гораздо меньшей степени, чем на монголов.

Представители министерства иностранных дел возражали на это, что державы не примирятся с увеличением пошлинного обложения их товаров, идущих в Монголию через открытые порты Китая. Они не будут входить в обсуждение вопроса о том, в чью пользу, китайского или монгольского правительства, идут уплачиваемые ими за такие товары пошлины, но будут требовать, чтобы размер этих пошлин остался тот же, что и до создания автономной Монголии. Преимущества, которыми пользуется в этой стране русская торговля, не были никогда признаны державами, и если не были ими до сих пор опротестованы, то только потому, что они

имели там ничтожные интересы. Но за последнее время эти интересы возникли и стали расти. Попытка увеличить преимущества русской торговли созданием большего, чем то было до сих пор, обложения иностранного не-русского ввоза в Монголию встретит поэтому, несомненно, энергичный протест со стороны держав. Они сошлются при этом на принцип равноправности, на котором построены их договоры с Китаем, и будут требовать равенства обложения между их ввозом в Монголию и русским ввозом. Эти протесты будут обращены не только к китайскому и монгольскому правительствам, но и к российскому правительству. Если мы ответим, как то предполагают представители министерств финансов и торговли и промышленности, указанием на самостоятельность Монголии в деле торговых договоров и тем побудим державы вступить в непосредственные переговоры по этому вопросу с монгольским правительством, то неизвестно, какие права они выговорят себе в Монголии. При слабости государственного сознания у монголов они могут пойти на условия, по своей невыгодности для нас далеко превосходящие отказ от таможенного обложения на китайско-монгольской границе. Помимо сего, для нас не может быть выгодно слагать с себя ответственность за действия монгольского правительства. Напротив, нам нужно приучать державы к мысли, что о монгольских делах они должны говорить в Петербурге. До сих пор мы благополучно разрешали с китайским правительством возникавшие вследствие провозглашения Монголиею своей самостоятельности вопросы, и нам удалось добиться молчаливого признания нашего негласного протектората над этой страной. Это объясняется тем, что Китай не пользовался иностранной поддержкой в монгольском вопросе и чувствовал себя поэтому бессильным противиться нашим требованиям. Причины такого отношения держав к монгольскому вопросу нужно искать в том, что мы благоразумно не затрагивали их интересов в Монголии, которые по своей незначительности не мешают нашей там деятельности. Но если эти интересы будут нами открыто нарушены увеличением пошлинного обложения иностранного ввоза в Монголию, то мы не будем иметь возможности пользоваться попрежнему свободой деятельности в монгольском вопросе. Неопределенность прав иностранцев в Монголии, которой представители министерств финансов и торговли и промышленности желают положить конец, напротив, по мнению представителей министерства иностранных дел, выгодна нам, ибо она создает нам возможность

укреплять наше политическое положение в Монголии, не возбуждая подозрительности держав.

2. Считая поэтому нецелесообразным введение пошлинного обложения на китайско-монгольской границе, которое потребует определенного постановления в тройном русско-китайско-монгольском договоре, представители министерства иностранных дел полагали, что в тройном русско-китайско-монгольском договоре должен быть закреплен режим, основанный на трактатах Китая с державами, т. е. ввоз в Монголию через открытые порты Китая должен оплачиваться 5%-й ввозной пошлиной с правом иностранца-импортера отправить свой товар в Монголию либо при транзитном свидетельстве, с оплатой 2½% транзитной пошлины, либо без такого свидетельства, уплачивая все внутренние пошлины (ликинные сборы). При этом может, конечно, взникнуть вопрос об отчислении в пользу монгольского правительства части взысканных китайскими таможнями пошлин. В этом вопросе нам, как само собой разумеется, надлежит по возможности отстаивать интересы монгольского правительства. Но на самой китайско-монгольской границе нельзя вводить таможенного режима без риска осложнений, совершенно не соответствующих выгодам, которые мы могли бы извлечь из этой меры. Единственной же возможной мерой для того, чтобы удорожить ввоз из Китая в Монголию, могло бы быть, по мнению представителей министерства иностранных дел, введение в последней названной стране внутреннего обложения торговли по образцу китайского. Хотя многие иностранные товары, при помощи транзитных свидетельств, ускользали бы от этого обложения, но товары, ввозимые китайцами, несли бы его; между тем именно китайцы являются главными конкурентами русских в Монголии.

При обсуждении отстаиваемых представителями министерства иностранных дел предположений совещание обратило внимание на то, что если бы правительство решило итти этим путем при тройных переговорах, соответствующие статьи тройного договора следовало бы редактировать так, чтобы ими не нарушался принцип автономности монгольского правительства в торговых вопросах и за ним было признано право заключать торговые договоры с державами. Признание для Монголии силы выдаваемых китайскими таможнями транзитных свидетельств должно бы быть формулировано как трактатное постановление, а не как естественное послед-

ствие распространения на Монголию договоров Китая с державами. Взамен такого признания для Монголии было бы желательно выговорить признание в Китае силы транзитных свидетельств, выдаваемых монгольскими властями на товары, идущие из Монголии в открытые порты Китая. Во всяком случае, создаваемый таким образом порядок должен был бы иметь характер временного, установленного впредь до создания в Монголии пограничных таможен по договорам монгольского правительства с державами.

3. Представителями министерства торговли и промышленности было заявлено, что московский биржевой комитет намечал третье возможное решение вопроса об обложении иностранной торговли с Монголией, а именно установление таможенного обложения по всей границе этой страны как с Китаем, так и с Россией. При этом русским экспортерам выдавались бы российским правительством вывозные премии, приблизительно соответствующие размеру ввозной монгольской пошлины. Выданные таким образом российским правительством суммы возмещались бы затем монгольским правительством из выдаваемой ему Россиею ссуды. Совещание отнеслось однако отрицательно к этому предположению как ввиду того, что ссуды монгольскому правительству из русского государственного казначейства не могут быть постоянным явлением—рассчитывать же на то, что монгольское правительство будет в состоянии из собственных средств возмещать нам расходы по выдаче сказанных вывозных премий, едва ли возможно,—так и потому, что факт выдачи нами вывозных премий, возмещаемых монгольским правительством, не замедлил бы обнаружиться и, несомненно, повел бы к протестам держав.

В заключение совещание остановилось на соображении, что успех нашей торговой деятельности в Монголии зависит не только от создания в этой стране того или другого вида выгодного нам торгового обложения, но и от ряда других мер, не требующих сношений с иностранными правительствами. Наиболее настоятельно нужной из таких мер следует признать создание на месте кредита для русских торговцев путем открытия в Монголии нашего банка, устав которого вырабатывается в Государственном банке. Совещание постановило внести в журнал пожелание о скорейшем открытии деятельности нашего банка в Монголии.

№ 407. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 428. 10 марта/25 февраля 1914 г.
Cito.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 48[1].

Германский посол сообщил сегодня, что выступление, сделанное представителями Тройственного союза в Афинах, произошло по недоразумению.

По его словам, им было предложено лишь выработать проект совместного обращения к Греции, а не делать его отдельно от других держав. Послу поручено просить нас не рассматривать выступление как сепаратный шаг держав Тройственного союза и дать наше согласие.

Графу Пурталесу было отвечено, что, не предрешая вопроса о процедуре, сообщение держав Тройственного союза едва ли может и по существу удовлетворить Грецию. Не говоря о том, что оно умалчивает об островах, в нем не дается полного удовлетворения и по вопросам, связанным с Эпиром.

Между тем мы не можем не опасаться, что неудовлетворение разумных пожеланий Греции поколеблет положение Венизелоса и умеренных элементов в Греции, что само по себе способно создать опасное положение.

Во всяком случае наше отношение к ноте трех держав может определиться лишь по установлении общности взглядов с Францией и Англией.

Доверительно.

На основании секретных источников австро-итальянское выступление в Афинах представляется нам не случайным, а преднамеренным. Что касается Германии, то она, быть может, была действительно вовлечена своими союзниками, коим однако не отказала в поддержке.

Прошу вас переговорить по этому вопросу с Греем и Камбоном. Со своей стороны мы убеждены, что отдельные выступления держав Тройственного союза являются естественным последствием слабости держав Тройственного согласия, с коими Австрия и Италия, повидимому, признают бесполезным считаться.

[Сазонов.]

---

[1] См. № 394.

№ 408. Министр иностранных дел поверенному в делах в Буэнос-Айресе Штейну! [1].

Телеграмма № 431. 10 марта/25 февраля 1914 г.

№ 2. Благоволите доверительно предложить аргентинскому прав-ву продать нам два строящихся в Америке броненосца за 43 млн. долл. и телеграфируйте нам ответ через посольство в Вашингтоне.

Весьма желательно, чтобы наше предложение не подвергалось огласке [2].

Сазонов.

№ 409. Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову, министру внутренних дел Маклакову и тов. главноуправляющего землеустройством и земледелием Игнатьеву.

Письмо № 181 [3]. 10 марта/25 февраля 1914 г.

Мм. гг. Владимир Александрович,
Николай Алексеевич,
гр. Павел Николаевич,

Иркутский ген.-губернатор обратился ко мне с прилагаемым при сем в копии письмом от [27] 14 мин. января за № 450 [4], при котором препроводил ко мне прошение на высоч. имя представителей двух наиболее населенных урянхайских хошунов Да и Бейсе о принятии их в состав Российской империи.

В своем письме егерм. Князев высказывает мнение, что задача не допустить слияния Урянхайского края с владениями ургинского хутухты создает необходимость в некоторой степени удовлетворить эти прошения, заявив урянхам о принятии их под покровительство России на тех или других основаниях.

---

[1] Передана через посла в Вашингтоне.

[2] См. стр. 455, прим. 1.

[3] На подлиннике №№ 181, 182 и 183. Черновик рукою Ковакова.

[4] В письме от 27/14 янв. 1914 г. за № 450 иркутск. ген.-губ. сообщал о мерах, принятых им в целях недопущения присоединения Урянхайского края к Монголии, а также в целях укрепления русск. влияния в крае, в результате чего хошуны Да и Бейсе обратились к нему с ходатайством о принятии их в русское подданство. Препровождая Сазонову два прошения упомянутых хошунов на имя Николая II, Князев указывал на „желательность дать на названные прошения урянхам определенный ответ если не в смысле формального принятия урянхов в подданство России, то, по крайней мере, в виде официального заявления урянхайским правителям о принятии их под покровительство России“, так как отказ росс. прав-ва „может их заставить вновь искать защиты своего духовного главы — ургинского хутухты“.

Как известно вашему высокопрев-ву (прев-ву, сият-ву), правительство признало нужным действовать в урянхайском вопросе с осторожностью и постепенностью. Те причины, которые обусловили такое направление нашей политики—отсутствие путей сообщения между Сибирью и Урянхайским краем и являющаяся последствием сего отрезанность названного края от России,—но могли быть до сих пор устранены: в течение шести месяцев в году доступ из Минусинска в Усинско-урянхайский край становится почти невозможным. Благодаря этому мы не располагаем в Урянхае тою силою, которая была бы необходима, чтобы ныне же объявить его русскою территориею и его население—русскими подданными. К тому же такое радикальное решение вопроса, несомненно, повело бы к некоторой ломке внутреннего строя урянхов. Между тем в своих прошениях хошуны Да и Бейсе выставляют, правда, лишь в виде пожеланий, условиями своего подчинения русской власти неприкосновенность их нынешнего строя. Вышеизложенные соображения побуждают меня примкнуть к мнению иркутского ген.-губернатора, что урянхов следует пока принять не в русское подданство, а лишь под русское покровительство. Само собою разумеется, что меру эту следовало бы принять не только по отношению хошунов Да и Бейсе, но и прочих урянхайских хошунов, уже ранее заявлявших о своем желании перейти под русскую власть.

Что касается вышеупомянутых условий, ставимых урянхами хошунов Да и Бейсе своему присоединению к России, то я не думаю, чтобы нам следовало связывать себя в этом отношении какими-либо обязательствами, хотя нельзя и игнорировать их пожеланий. Время покажет, в какие формы выльются отношения урянхов к русской власти. От многих из своих нынешних пожеланий урянхи и сами могут добровольно отказаться под влиянием общения с русскими.

Казалось бы, напротив, мы можем и должны обставить наше согласие принять урянхов под русское покровительство известными обязательствами с их стороны. Прежде всего, урянхи должны, очевидно, лишиться права внешних сношений и обязаться поэтому не вести сношений с соседями иначе, как через находящегося в Урянхайском крае командированного иркутским ген.-губернатором чиновника. Я полагал бы также полезным ныне же заручиться обязательством урянхов прибегать к посредничеству сказанного чиновника для разбора и улажения возникающих между отдельными хошунами разногласий и недоразумений. Мне казалось бы осторожным ограничиться пока этими условиями. В дальнейшем

нам предстоит, конечно, установить какие-л[ибо] органы контроля также за внутренним управлением хошунов. Но эту задачу я полагал бы нужным отложить до того времени, когда мы создадим пути постоянного сообщения между Сибирью и Урянхайским краем и будем, благодаря этому, располагать там достаточною реальною силою.

Предполагая в этом смысле войти с всеподданнейшим докладом к его имп. величеству для испрошения высоч. соизволения на принятие пяти урянхайских хошунов под русское покровительство, считаю долгом предварительно покорнейше просить ваше высокопрев-во (превосх-во, сият-во) не отказать в возможно непродолжительном времени сообщить мне ваш отзыв относительно направления, которое по вышеизложенному моему мнению следовало бы придать настоящему вопросу [1].

Копию сего письма я одновременно сообщаю председателю совета министров, которому покорнейше прошу вас не отказать сообщить копию вашего отзыва.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 410. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 64. 10 марта/25 февраля 1914 г.

Reçu télégramme № 297 [2] et lettre № 142 [3].

Cambon n'a reçu aucune instruction à ce sujet de Doumergue. D'accord avec lui, j'aborderai cette question à notre première réunion. Pourtant tant lui que moi — nous doutons qu'il sera possible d'établir dès à présent un plan d'action définitif pour une éventualité dont il est difficile de prévoir les circonstances. Crise actuelle dans affaires intérieures anglaises rendra Grey encore plus prudent. Je préfèrerais que question d'appui financier soit traitée plus spécialement à Paris. Je

---

[1] В ответном письме от 12 марта/27 февр. 1914 г. за № 271 Игнатьев сообщал, что он не может согласиться с тем, чтобы „удовлетворение общего и, видимо, вполне единодушного желания урянхайского народа восстановить прежнюю, существовавшую еще во времена первых царей дома Романовых, подчиненность России“ было ограничено „лишь принятием их под покровительство России“, и считает необходимым „незамедлительно“ возбудить перед царем вопрос „о принятии всего населения Урянхайского края в полное подданство великой Российской империи со включением в состав государственной территории всех земель и вод этого края“. Ответы Сухомлинова и Маклакова см. т. II, № 167, прим.

[2] См. № 283.

[3] См. № 382.

considère fort désirable n'avoir à traiter avec lui en présence de Grey rien où nous ne serions pleinement d'accord. Reprendrai question nouveaux „instructeurs" anglais à bord vaisseaux turcs. N'ai pas connaissance d'un droit de préemption amirauté sur vaisseaux de guerre construits en Angleterre. En tout cas, pour considérations financières soumises à contrôle parlementaire, crois impossible son application en temps de paix sauf le cas de nécessité pour marine anglaise, ce qui est loin d'être le cas.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 297 и письмо № 142.

Камбон не получил от Думерга никаких инструкций по этому поводу. По соглашению с ним я коснусь этого вопроса на первом нашем совещании. Однако как он, так и я—мы сомневаемся в возможности установить теперь же окончательный план действий на случай событий, относительно которых трудно что-либо заранее предусмотреть. Переживаемый Англией внутренний кризис сделает Грея еще более осторожным. Я предпочел бы, чтобы вопрос о финансовой поддержке подвергся специальному обсуждению в Париже. Считаю весьма желательным не обсуждать с Камбоном в присутствии Грея ни одного вопроса, относительно которого мы не достигли бы полного согласия. Я вновь подниму вопрос о новых английских „инструкторах" на турецких судах. Мне ничего не известно о преимущественном праве английского адмиралтейства на покупку военных судов, построенных в Англии. Во всяком случае по финансовым соображениям, подчиненным парламентскому контролю, считаю невозможным применение этого права в мирное время, за исключением случаев, когда английский флот особенно в том нуждается, о чем в данном случае не может быть речи.

Бенкендорф.

№ 411. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 65. 10 марта/25 февраля 1914 г.

Reçu № 424 [1].

Cambon m'avait lu avant que je les [2] reçus, confidentiellement deux télégrammes d'Athènes. Ministre de France dans premier rendait compte comme Démidow. Dans second il rectifiait disant que ministre d'Autriche avait paru seul, mais parlé au nom des gouvernements d'Autriche et d'Italie. Cambon m'a très confidentiellement lu troisième télégramme de Paris. Radowitz serait venu Quai d'Orsay dire que réponse austro-italienne identique et séparée à Grèce avait été donnée contrairement à avis du gouvernement allemand qui avait conseillé abouchement avec

[1] За означенным номером передана в Париж и Лондон тел. Демидова за № 48 (см. № 394).

[2] Так в подлиннике.

toutes les Puissances. Cambon me dit que Mensdorff a informé hier Grey de démarche à Athènes. Grey se serait exprimé comme extrêmement étonné du procédé.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 424.

Еще до того, как я ее получил, Камбон прочел мне конфиденциально две телеграммы из Афин. В первой из них французский посланник передавал о случившемся так же, как и Демидов. Во второй он вносил поправку, сообщая, что австрийский посланник явился один, но говорил от имени австрийского и итальянского правительств. Весьма конфиденциально Камбон прочел мне третью телеграмму из Парижа, в которой сообщалось, что Радовиц заявил на Quai d'Orsay, что этот идентичный и сепаратный ответ был дан Греции Австрией и Италией вопреки мнению германского прав-ва, советовавшего договориться со всеми державами. Камбон сказал мне, что Менсдорф вчера уведомил Грея о выступлении в Афинах и что Грей выразил по поводу случившегося свое крайнее изумление.

Бенкендорф.

№ 412. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 66. 10 марта/25 февраля 1914 г.

Me réfère à vos lettres № 118 [1] et 147 [2].

Ai fait démarches prescrites concernant arrangement entre les deux banques. Quant à la perception du maliat, je crois désirable soulever cette question seulement après avoir obtenu dans quelques jours confirmation officielle de l'arrangement entre les deux banques pour l'importation de l'argent. La perception du maliat touchant directement aux intérêts de la Banque Impériale persane, notre demande pourrait rendre celle-ci plus intraitable dans la question principielle [3] d'un arrangement avec notre banque et en même temps rendre plus difficile le rôle du gouvernement anglais, attendu que son influence sur la banque ne peut être considérée comme complète.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на ваши письма № 118 и 147.

Выполнил предписания относительно соглашения между обоими банками. Что касается взимания малиата, я считаю желательным поднять этот вопрос только через несколько дней после получения официального утверждения соглашения между обоими банками относительно ввоза серебра. Так как взима-

---

[1] См. № 349.

[2] См. № 383.

[3] Так в подлиннике.

ние малиата касается непосредственно интересов Имперского банка Персии, наше требование могло бы вызвать со стороны последнего еще большую несговорчивость в принципиальном вопросе о соглашении с нашим банком и в то же самое время сделать роль английского правительства в данном вопросе еще более трудной, так как оно не пользуется неограниченным влиянием на банк. Бенкендорф.

№ 413. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 67. 10 марта/25 февраля 1914 г.

Reçu № 423 [1] et Téhéran 62 [2].

Communiquerai contenu 423 à Grey à première occasion. Point de vue de Korostovetz formulé dans son № 62 ne me paraît pas tout à fait suffisant. Pour l'Angleterre il s'agit surtout des tendances séparatistes de Schodjah qui de fait est notre protégé. Je tiens à constater encore une fois que cette coïncidence peut être la source de très graves dissentiments avec le gouvernement anglais. Incident actuel est d'autant plus inopportun et demande attention plus spéciale et solution la plus radicale possible à cause des négociations chemin de fer Transpersan. Benckendorff.

Перевод.

Получил № 423 и № 62 из Тегерана.

При первой возможности сообщу содержание № 423 Грею. Точка зрения Коростовца, формулированная в его № 62, не представляется мне вполне удовлетворительной. Для Англии дело заключается главным образом в сепаратистских тенденциях Шоджи, фактически являющегося нашим протеже. Я констатирую еще раз, что эта коллизия может быть источником весьма тяжелых разногласий с английским правительством. Настоящий инцидент является особенно несвоевременным и требует особенного внимания и самого радикального разрешения в связи с переговорами о Трансперсидской железной дороге. Бенкендорф.

№ 414. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Письмо [3]. 10 марта/25 февраля 1914 г.

При последнем моем свидании с маркизом ди Сан-Джулиано министр мне сказал, что до сих пор продолжаются между державами переговоры об ответе, который следует дать Греции на ее

---

[1] Тел. от 9 марта/24 февр. 1914 г. за № 423 Сазонов в ответ на тел. Бенкендорфа от 7 марта/22 февр. за № 62 (см. № 392) уведомлял последнего, что слухи о намерениях Шоджи активно выступить против Тегерана сильно преувеличены и что после соответствующих указаний со стороны Орлова Шоджа согласен допустить производство выборов в Тавризе.

[2] См. № 372.

[3] Лит. копия.

просьбу о гарантии державами дальнейшего обладания ею присоединенными островами, в особенности Хиосом и Митиленой; что всякая держава выступает в этом вопросе со своим предложением и что, вероятно, пройдет еще немало времени, прежде чем будет достигнуто полное соглашение.

Со своей стороны маркиз ди Сан-Джулиано не полагает возможным дать требуемую Грецией гарантию, т. к. она возложила бы на державы обязательства, идущие дальше их намерений. Римский кабинет предпочел бы отказать Греции в гарантии, не препятствовать укреплению Хиоса и Митилены, тем более что он имеет основание думать, что Турция против этого не возражала бы. В Консульте вырабатывается проект ответа Греции, который по окончательном его редактировании будет сообщен всем державам.

Между тем греческий посланник передал мне конфиденциально, что афинский кабинет, опасаясь кровопролития в местностях Эпира, из которых удаляются греческие войска, объявляет блокаду побережья Санти-Кваранта в трехмильном расстоянии от берега. Вместе с тем он предлагает, чтобы при назначении губернаторов или префектов в Эпире сообразовались с национальностью большинства населения, и там, где губернатор будет христианином, вице-губернатор был бы мусульманин, а там, где губернатором будет назначен мусульманин, его помощником был бы непременно христианин.

Несколько странный разговор я имел с навестившим меня румынским посланником.

Князь Гика меня спросил, как я объясняю, что болгарское правительство уверяет бухарестский кабинет, что императорское правительство помешало Болгарии войти в непосредственное соглашение с Румынией по вопросу о территориальных компенсациях последней. В румынской Зеленой книге действительно упомянуто о том, что такие переговоры были начаты и впоследствии прекращены с болгарской стороны без дальнейших объяснений. По словам князя Гика, сообщение, что причиной этому—мы, несколько смутило бухарестский кабинет, который при этом не прочь де видеть в этом болгарскую или австро-болгарскую интригу, направленную против России.

Я ответил князю Гике, что мне об этом ничего неизвестно, но что благожелательное отношение России к Румынии за время всей войны должно ее гарантировать от всяких подозрений. С этим князь Гика вполне согласился, тем более что и он знал, что с.-петербургский кабинет еще в период болгарских побед не скрывал, что, по его мнению, благожелательный нейтралитет Румынии

заслужил признание и вознаграждение в виде территориальных компенсаций.

Встретив после этого болгарского посланника, я ему сказал, что до меня дошли сведения, что софийский кабинет распространяет в Бухаресте вышеупомянутые слухи и что такое поведение болгарского правительства едва ли может считаться корректным. Г. Ризов мне ответил, что Россия действительно помешала Болгарии непосредственно согласиться с Румынией и что поэтому весьма понятно, что Болгария не делает из этого секрета.

Не доверяя своей памяти и не будучи достаточно осведомленным по существу этого вопроса, я должен был воздержаться от всякого спора с болгарским дипломатом, но не мог не сказать ему, что я не в первый раз замечаю, что он, Ризов, будучи год тому назад ярым руссофилом, относится теперь к России скорее неприязненно. Впрочем тогда, как и теперь, эти чувства неискренни. Г. Ризов, бесспорно, человек умный, но еще более хитрый и фальшивый и старается приспособиться к веяниям, от которых зависит его личное положение.

Хотя моя частная беседа с князем Гикой и не касалась вопроса, прямо относящегося к кругу моей деятельности, я однако считаю долгом довести о ней до сведения вашего высокопревосходительства.

Примите и пр. Крупенский.

№ 415. Генеральный консул в Будапеште поверенному в делах в Вене Кудашеву.

⁄. Донесение № 10[1]. 10 марта/25 февраля 1914 г.

В политической жизни Венгрии за последние две недели обращают на себя особое внимание три вопроса.

Первый из них касается непосредственно России. Газеты, субсидируемые министерством иностранных дел, вновь начали всячески убеждать своих читателей в агрессивности политики России, приводя в доказательство как те меры, которые действительно принимаются у нас для естественного развития нашей боевой мощи, так и те, которые, повидимому, измышлены самими газетами. Замечательно, что совершенно в том же духе, хотя и не называя прямо России, решился высказаться и венгерский военный министр, защищая новые военные законопроекты перед палатой магнатов 13/27 [2] февраля.

---

[1] Маш. копия.

[2] Так в подлиннике.

Ближайшая цель этой кампании ясна—убедить венгерское общественное мнение в необходимости тех тяжелых жертв людьми и деньгами, которые будут возложены на народы монархии с принятием упомянутых законопроектов. Но чем мотивируются в действительности самые эти законопроекты,—мнения расходятся. Одни думают, что высшие сферы в Вене искренно опасаются войны с Россией, другие же убеждены, что сами эти сферы и желают вызвать войну, видя в ней единственное средство возвратить то, что потеряно на Балканах, и спаять народности монархии, которой иначе грозит участь Турции. Отсюда—стремление сделать войну с Россией и популярной и желательной, и притом в ближайшем времени.

С другой стороны, носятся слухи о том, что Германия будто бы подготовляет какую-то катастрофу, от которой „содрогнется мир" и которая заставит императора Франца-Иосифа „горько пожалеть об отношении его к Венгрии"; ставятся в какую-то связь вопросы о Вене и Константинополе. Слухи эти весьма смутны, но исходят они именно из немецких источников. Может быть, они вполне неосновательны; недаром однако венгерский министр-президент, говоря в парламенте по румынскому вопросу [1], счел необходимым без всякой видимой причины вклинить в свою речь заверение о том, что пангерманизм в Венгрии успеха не имеет и опасности не представляет. Едва ли граф Тисса сделал бы это, если бы не считал убеждение в противоположном достаточно серьезным, чтобы встревожить общественное мнение.

Возвращаясь к настоящему моменту, нельзя не отметить, что кампания против России пока обнаружила здесь лишь всеобщий инстинктивный страх перед ее мощью и сознание в ненадежности тех уз, которые связывают с короной Габсбургов столь различные народы. Новое доказательство их центробежных стремлений было—недавнее покушение на венгерского губернатора в г. Фиуме. По-видимому, не представляется сомнений, что граната была брошена итальянцем.

Остальные два из упомянутых выше вопросов—угрорусский и румынский. Их оба правительственная печать и партия стремились использовать в тех же антирусских целях.

Результат мармарош-сигетского процесса уже известен из газет. Часть обвиняемых освобождена еще до приговора, другая оправ-

---

[1] Донесение [25]12 февр. 1914 г. ном. 9. (Примечание подлинника.)

дана, и важнейшие обвиняемые присуждены к весьма тяжелым наказаниям. Иеромонах Алексей Кабалюк присужден к 4½ годам тюрьмы, правда, с зачетом предварительного заключения. Впрочем уже с самого начала процесса было ясно, что обвиняемые будут осуждены независимо от того, будет или нет доказана их виновность, и будут наказаны не в меру их вины, а в меру их опасности для настоящего режима. Приговору же придают теперь характер не столько кары, сколько меры предупреждения и устрашения.

Что касается румынского вопроса, то внимание страны привлекают, с одной стороны, прения в парламенте, а с другой—дебречинское покушение. По поводу этого последнего правительство своим образом действий, а правительственные газеты в своих статьях всячески стараются обелить Румынию, газеты же эти продолжают свои попытки обвинить Россию и настаивают, что преступник—не румын, а русский, и притом агент гр. Бобринского и какого-то князя Долгорукого. Эти бездоказательные и недостойные инсинуации встречают резкое осуждение в оппозиционной прессе. Однако яд клеветы все же делает свое дело.

В парламенте начались (упомянутые в донесении № 9) прения относительно переговоров гр. Тиссы с трансильванскими румынами. От имени последних депутат Михали сообщил парламенту предъявленные ими в форме 11 пунктов требования, а гр. Тисса—свои возражения. В общем получается впечатление, что венгерское правительство прилагает крайние усилия достигнуть примирения с Трансильванией и будет на деле осуществлять пресловутый пактум, хотя он и не заключен формально. Трансильванцы же, повидимому, желают воспользоваться удобным случаем и, добившись уступок, еще более обособиться от Венгрии и приблизиться к осуществлению идеи о соединении с Румынией. Но, конечно, лишь время может разрешить вопрос, удастся ли венгерскому правительству путем уступок примирить своих „сограждан, говорящих на румынском языке", с их принадлежностью короне св. Стефана и вместе с тем надолго удержать Румынию в орбите Двуединой монархии.

[Приклонский.]

№ 416. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 11. 10 марта/25 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В предшествующих донесениях моих [1] я неоднократно касался

[1] См. №№ 224, 225 и 315.

вопроса о нынешних сербо-болгарских отношениях, улучшение коих желательно не только в прямых интересах обоих соседних государств, но и в видах достижения нашей главной в настоящее время политической задачи—упрочения мирного порядка вещей на Ближнем Востоке. Благоприятным симптомом в данном положении, как мне казалось, служит то обстоятельство, что, по крайней мере, одна сторона—Сербия—несомненно, выказывает искреннюю готовность к примирению с вчерашним боевым противником. Еще недавно я имел честь указывать на ярко изменившиеся в Сербии после заключения мира в Бухаресте настроения—на заметное как в правительственных и политических кругах, так и во всех здешних общественных слоях, проявление благожелательных чувств к болгарам, участие коих в новом балканском союзе, по всеобщему признанию, имело бы громадное значение для будущих судеб славянских народностей.

К сожалению, нельзя того же сказать о Болгарии, где в большинстве вражда и озлобление положительно затмевают рассудок. Спору нет, нельзя приравнивать победителя к побежденному: слишком различны их психические состояния; первому, конечно, легче простить и предать забвению многое из того, что в душе второго залегло в виде кровной обиды, оскорбленного самолюбия и разбитых мечтаний. Но тут-то, казалось, и должен был бы рассудок вступить во все свои права: едва ли разумно со стороны побежденного, на которого падает нравственная ответственность за понесенные им невзгоды, отвергать руку примирения, особливо когда и вся политическая обстановка складывается далеко не в его пользу.

Но этого именно и не хотят понять нынешние софийские заправилы, стремящиеся руководить общественным мнением в Болгарии, пренебрегающие благожелательными советами России и все еще мечтающие путем какого-либо насильственного переворота изменить создавшееся на Балканах положение.

Правда, из среды более уравновешенных элементов раздаются порою голоса за примирение с Сербией, но они тотчас же встречают сильный отпор со стороны правительства. Так было с известными заявлениями болгарского посланника в С.-Петербурге, в которых Радославов усмотрел лишь личные взгляды генерала Радко Димитриева, совсем не разделяемые и даже не одобряемые софийским кабинетом. Что касается примирительных предложений, исходивших из болгарских, так называемых руссофильских, кругов, то, к сожалению, предложения эти большею частью обста-

вляются такими условиями, которые вызывают здесь лишь раздражение, и, несомненно, вредят делу возможного сближения.

К числу подобных выступлений, заранее обреченных на новый неуспех, нельзя не отнести и тот проект „посредничества", о коем говорится в секретной телеграмме нашего посланника в Софии от [7 февраля] 25 января № 19[1], полученной мною в последних литографиях. Некоторые из тамошних политических деятелей, желая будто бы иметь новое доказательство (неужели таких свидетельств было недостаточно?!) благоволения императорского правительства к болгарам, выразили желание, чтобы Россия явилась пред Сербией представительницей болгарских интересов в Македонии!

Ваше высокопревосходительство имели случай близко ознакомиться с политическими взглядами Пашича; убеждать его в необходимости более мягкого отношения к болгарскому элементу в Македонии—значило бы по французскому выражению prêcher un converti[2]. Сербским правительством в последнее время много сделано, чтобы по возможности примирить интересы различных национальностей в завоеванных краях, и положение в Македонии на самом деле вовсе не таково, каким оно изображается болгарскою революционною печатью. В Софии это прекрасно знают, и посему я склонен думать, что в проекте, переданном некоторыми болгарами чрез егермейстера Савинского, скрывается тайное намерение бросить тень на отношения России к Сербии; ибо „представительство" России здесь в пользу македонцев, с одной стороны, являлось бы вовсе нежелательным для нас вмешательством во внутренние дела Сербии, а с другой—свидетелствовало бы о недоверии нашем к политике королевского правительства.

Если в Болгарии искренно желают умиротворения Македонии, то лучшим средством для этого было бы прекращение посылки в новозавоеванную область революционеров-агитаторов, против которых, само собою разумеется, сербское правительство принуждено принимать суровые меры, отзывающиеся неблагоприятно и на ни в чем неповинном болгарском населении.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

---

[1] См. № 198.

[2] „Ломиться в открытую дверь".

№ 417. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 12[1]. 10 марта/25 февраля 1914 г.

Секретной телеграммой от [4 марта] 19 сего февраля № 81[2] я имел честь сообщить о результатах переговоров по делу Восточной дороги вновь приезжавшего сюда на-днях представителя французских капиталистов. Из объяснений с председателем совета министров и с министром финансов г. Дютаста мог лично удостовериться, что сербское правительство вовсе не имело намерения уклониться от состоявшегося уже по этому делу соглашения, и что все слухи о происшедших будто бы в здешних правительственных кругах новых течениях явились плодом сплошного недоразумения, а может быть, и злонамеренных наветов из Рима и Берлина.

Небезынтересно отметить, что вызванный в Белград за несколько дней перед тем сербский посланник в Вене на запрос мой, как мог он, наперекор решениям своего правительства, отстаивать на Ballplatz'е комбинацию выкупа Восточной дороги, категорически опроверг приписываемые ему заявления. Иованович, по его словам, как при свиданиях с графом Берхтольдом, так и в разговоре с начальником отделения министерства иностранных дел графом Викенбургом, специально ведающим торговыми делами, неукоснительно придерживался данных ему инструкций. Оговорив неотъемлемое право Сербии на покупку Восточной дороги в случае неудачи всякой иной сделки, сербский посланник заявил о готовности королевского правительства тотчас же приступить к переговорам по французскому предложению.

Достойно внимания, что здешний австро-венгерский посланник подтвердил буквально то же самое и мне и г. Дютаста, который, вполне удовлетворенный, возвратился в Париж.

Сербские делегаты, как я имел честь телеграфировать, находятся уже в Вене. Однако не далее как сегодня Пашич получил далеко неутешительные сведения от г. Иовановича. По словам последнего, на первом же состоявшемся заседании, к которому почему-то не были приглашены французские представители, австро-венгерские делегаты настойчиво добивались возбудить общий вопрос о железнодорожном строительстве в Сербии, пытаясь связать это с делом интернационализации Восточной дороги.

Не достигнув цели, граф Викенбург отложил дальнейшие пере-

---

[1] Лит. копия.

[2] См. № 379.

говоры до 12/25 марта. Пашич видит в этом плохое предзнаменование, опасаясь каких-либо новых, неприятных для Сербии, выступлений со стороны Австро-Венгрии.

Гартвиг.

№ 418. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 11. 10 марта/25 февраля 1914 г.

Аргентинский посланник уже получил ответ на запрос[1], сделанный в Буэнос-Айресе, и прочел мне телеграмму морского министра, в которой сказано, что: „правительство ни под каким видом и ни на каких условиях не согласится войти в переговоры о продаже судов кому бы то ни было".

Бахметев.

№ 419. Запись беседы министра иностранных дел с ханом макинским[2].

11 марта/26 февраля 1914 г.

1) Сердар усердно ходатайствует, чтобы в качестве наиб-серхеддара был признан его сын и наследник власти Аббас-паша-хан, к которому в качестве помощника он придаст Мамед-Али-хана визиря, представлявшегося в прошлом году г. министру. Сердар указывает на испытанную опытность М.-Али-хана в курдских делах и в случае согласия министерства на

Г. министр обещал принять это во внимание.

[1] В тел. от 1 марта/16 февр. 1914 г. за № 9 Бахметев сообщал, что на заданный им аргентинскому посланнику вопрос относительно строящихся в США судов последний ответил, что „суда решительно никому не продаются". В тел. Бахметева от 10 марта/25 февр. 1914 г. за № 10 сообщалось, что росс. морской агент обратился в Петербург с просьбой официально через росс. пов. в делах в Буэнос-Айресе предложить аргентинскому прав-ву продать России суда, а также просил Бахметева переговорить по этому поводу с аргент. посланником в Вашингтоне. Последний, по словам Бахметева, повторил ему в еще более категорической форме свое прежнее заявление и в подтверждение своих слов поручил находившемуся в Нью-Йорке аргент. адмиралу сообщить по телеграфу мор. м-ру в Буэнос-Айрес о предложении росс. прав-ва.

[2] Запись составлена в м-ве ин. дел. Заголовок подлинника: „Беседа г. министра с сердаром во время представления последнего его высокопревосходительству [11 марта] 26 февраля 1914 года".

предлагаемую им комбинацию он берет на себя полную ответственность за порядок на нашей границе.

2) Ходатайствует о снятии ареста с его имений Геджлер, наложенного нашим консулом в Хое.

Г. министр обещал расследовать.

3) Сердар доложил г. министру, что представители курдского племени Хейдаранлу (в Абаге и Махмудие) командировали специального человека в Тифлис навстречу сердару, телеграфно сообщив ему, что имеют передать чрезвычайно важное поручение. Сердар между прочим развил мысль, что курды и армяне ныне, соединившись на общей почве ненависти к туркам, желали бы отдаться под покровительство России и лишь по одному знаку русских готовы поднять мятеж против бессильных в занимаемых ими областях турок и, отделившись от Турции, облегчат России исполнение намеченных ею задач.

Г. министр ответил, что это вопрос сложный и серьезный, и что он сейчас ответить на него ничего не может, но разрешил сердару после переговоров с посланцом курдов в Тифлисе написать о подробностях д. с. с. фон Клемму.

4) Сердар благодарил г. министра за назначение в Маку консула [1] и обещал работать с последним рука об руку на благо и на пользу интересов России. Он заверил также, что его взоры устремлены исключительно на Россию, от которой он ждет помощи и поддержки, а потому всех врагов России считает своими собственными врагами. Сердар просил о скорейшем командировании консула в Маку, которому просил преподать, чтобы последний уважал и сохранял наследственные прерогативы сердара, принимая во внима-

Г. министр обещал исполнить.

---

[1] В письме на имя Миллера от 7 марта/22 февраля 1914 г. за № 149 Клемм, отмечая, что м-во ин. дел „озабочено учреждением в Маку особого консульства“, сообщал, что, поскольку для разрешения этого вопроса потребуется известное время, м-во имеет в виду командировать в Маку „для временного исправления обязанностей консула“ росс. консула в Басре Олферьева.

ние, что его ханский дом существует около 300 лет и значительно старше Каджарской династии.

5) Сердар просил восстановить власть эмира Амджеда в Хое, отрешенного от должности Шоджа-эд-Доуле.

6) Сердар торжественно обещал отныне вести себя так, чтобы агенты императорского правительства давали о нем лишь самые лучшие отзывы, что он и ранее всегда старался угождать русским агентам, но помимо его воли произошли некоторые недоразумения, которые теперь не повторятся.

7) Когда сердар доложил о своем представлении государю императору и о милостивом приеме, оказанном ему в Царском Селе, г. министр ответил ему, что он решился ходатайствовать о высочайшей аудиенции лишь после принятия сердаром предъявленных к нему требований [1].

Министр предположил, что, очевидно, это вызвано неисполнительностью его.

Г. министр благодарил.

Переводил драгоман VI класса

С. Шапшал.

№ 420. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 68. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Me réfère à votre lettre № 119 [2].

J'ai demandé à Grey s'il avait pris connaissance de 2 mémoires en date du 12/25 [3] et du 13/26 [4] février a. c. remis à Buchanan concernant Transpersan. Il me dit qu'il n'avait fait que les parcourir et que le comité international allait se réunir pour les examiner. L'affaire est en retard à cause de l'absence momentanée de Nicolson qui est souffrant. J'ai dit à Grey que je venais de recevoir moi-même ces

---

[1] См. стр. 513, прим. 1.

[2] При письме от 28/15 февр. 1914 г. за № 119 Сазонов препроводил Бенкендорфу копии с двух пам. записок, переданных им англ. посольству в Петербурге, о которых идет речь в публикуемой телеграмме.

[3] См. № 319.

[4] См. стр. 33, прим. 2.

2 mémoires et un télégramme [1] m'instruisant de lui proposer d'agir sans plus de retard sur le groupe anglais de Société d'Etudet pour procéder à demande d'option sur la base des mémoires, qui, lui dis-je, me paraissait éviter toute difficulté. Grey me dit que cela serait revenir au projet de Balmoral ce dont il avait constamment gardé le désir Pourtant il me dit ne pas pouvoir s'engager avant examen de comité international.

Benckendorff.

Перевод

Ссылаюсь на ваше письмо № 119.

Я спросил Грея, ознакомился ли он с двумя врученными Бьюкенену меморандумами от 12/25 и 13/26 февраля с. г. по вопросу о Трансперсидской железной дороге. Он сказал мне, что только бегло их просмотрел и что международный комитет соберется в скором времени для их рассмотрения. Дело задерживается из-за временного отсутствия Никольсона, который болен. Я сказал Грею, что только-что я сам получил эти два меморандума и телеграмму, поручающую мне предложить ему воздействовать без дальнейшего промедления на английскую группу Société d'Etudes, в том смысле, чтобы было возбуждено ходатайство об опционе на основах, изложенных в меморандумах, чем, как мне кажется, удастся избегнуть всяких затруднений. Грей сказал мне, что это было бы равносильно возвращению к бальморальскому проекту, чего он всегда желал. Однако, по его словам, он не может принять на себя обязательств ранее рассмотрения дела международным комитетом.

Бенкендорф.

№ 421. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 69. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Grey m'a parlé avec étonnement extrême de démarche austro-italienne à Athènes. Il me fit lecture des télégrammes successifs reçus à ce sujet d'Athènes. Il trouve le procédé d'une incorrection complète. Il admet possibilité maladresse et quelque erreur de la part des représentants. Pendant entretien il reçut dernier télégramme qui tend à transformer démarche en communiqué préalable confidentiel, une rectification intérieure venue après que démarche avait été communiquée à la Chambre. Grey me dit qu'il ne comprenait pas rôle joué par Allemagne en cette affaire, que d'ailleurs il ne désirait pas donner à l'in-

[1] Тел. от 27/14 февр. 1914 г. за № 351 Сазонов поручал Бенкендорфу просить Грея о воздействии на англ. группу Société d'Etudes в вопросе о передаче перс. прав-ву ходатайства об опционе на всю дорогу, с правом производства изысканий на северном участке, и о поддержке означенного ходатайства англ. миссией в Тегеране на равных началах с русской и французской миссиями.

cident encore obscur, valeur plus sérieuse qu'il ne comportait. Mais qu'il lui paraissait symptomatique et à prendre en considération pour réponse que Angleterre, Russie et France ont à donner. Il compte réunir au plus tôt Cambon et moi. — Grey me demanda, si je pouvais lui fournir quelques explications sur campagne de presse en Allemagne, qu'il ne comprenait pas du tout et qui l'inquiète. Je répondis que, sauf des généralités, je ne pouvais rien lui dire de neuf. Grey me fit observer que la chose est d'autant plus étrange, que si Allemagne avait voulu créer situation menaçante, affaire général Liman lui en eut fourni aisément l'occasion, que pourtant elle avait su éviter écueil, ce qui n'avait pas été facile, que dès lors la campagne actuelle lui paraissait tout à fait inexplicable raisonnablement.

Benckendorff.

Перевод.

Грей говорил мне с величайшим изумлением об австро-германском выступлении в Афинах. Он прочел мне телеграммы, последовательно полученные по этому поводу из Афин. Он находит такой образ действий совершенно некорректным. Он допускает возможность неловкости и какой-либо ошибки со стороны посланников. Во время беседы он получил последнюю телеграмму, которая стремится изобразить выступление как предварительное доверительное сообщение, ввиду того, что исправление появилось после того, как о выступлении было сообщено палате. Грей сказал мне, что он не понимает роли, которую в этом деле играла Германия, что он, впрочем, не желал бы придавать инциденту, еще не выясненному, более серьезное значение, чем он того заслуживает; но что последний представляется ему симптоматичным и что его следует учесть при выработке ответа, который дадут Англия, Россия и Франция. Он рассчитывает устроить совещание с Камбоном и со мною в самое ближайшее время.—Грей спросил меня, могу ли я дать ему какие-либо пояснения по поводу поднятой в германской печати кампании, которой он совершенно не понимает и которая его беспокоит. Я ответил, что, помимо общих мест, я не могу ему сказать ничего нового. Грей обратил мое внимание на то, что это обстоятельство тем более странно, что, если бы Германия желала создать угрожающее положение, дело генерала Лимана давало ей для этого удобный повод, что она тем не менее сумела обойти этот подводный камень,—а это было вовсе не легким делом,—и что после того нынешняя кампания ему представляется с точки зрения здравого смысла совершенно непонятной. Бенкендорф.

№ 422. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 71. 11 марта/26 февраля 1914 г.

№ 1 [1].

Au début de notre séance aujourd'hui nous échangeâmes nos renseignements sur événements Athènes, qui coïncidaient. Grey nous informa que l'ambassadeur d'Allemagne avait fait démarche analogue à

[1] См. № 432.

celle de Pourtalès [1]. Grey, en réponse, lui manifesta étonnement du procédé, et se refusant à se prononcer sur contenu de communication remarqua pourtant incidemment absence de mention de question îles. Il accepta comme tout à fait honnête rôle joué par le ministre d'Allemagne à Athènes. Grey nous fit récit visite ambassadeur d'Autriche. Mensdorff lui dit que Puissances d'Alliance avaient pensé gagner temps en faisant communication immédiate et demanda opinion Grey sur contenu. Grey, en réponse, refusa d'abord tout commentaire sur texte et, replaçant question sur terrain des faits, il dit à l'ambassadeur que pour maintien concert européen et par égard pour l'Autriche et l'Italie il avait, il y a 10 jours, demandé à ces Puissances leur opinion au sujet réponse à faire, que, avant de rien répondre à sa démarche, Puissances avaient fait à Athènes réponse assez officielle pour qu'elle fût immédiatement portée par le ministre grec à la tribune de la Chambre, que, en ces conditions, il répétait son refus. Il ne formula aucune opinion sur texte de communication austro-italienne. Ambassadeur d'Autriche répondit que dans son opinion personelle représentants d'Autriche et d'Italie pourraient avoir usé de précipitation regrettable. Grey répondit que ceci ne le regardait pas, qu'il s'agissait d'un fait accompli, considéré officiel à Athènes, que dès lors Puissances de l'Entente n'avaient qu'à se concerter sur réponse à donner au gouvernement de Grèce, qui serait séparée, à moins que gouvernements d'Autriche et d'Italie ne proposent moyen pour rétablir concert européen, aujourd'hui rompu de fait par leur faute. Grey compte donner même réponse à ambassadeur d'Italie. Grey nous dit alors que dans son opinion arrêtée, il ne s'agissait pas de malentendu, mais d'un plan préconçu, dont il ignorait but, qu'il croyait rôle de l'Allemagne honnête, que probablement ministre d'Allemagne avait été imprudent faute d'instructions, outre celle générale d'appuyer ses collègues. Il nous dit que c'est le caractère prémédité qui donnait son importance à un incident, lequel autrement n'en eût pas eu de sérieux. Il nous dit que ce qui était arrivé une fois se répéterait probablement. Cambon fit à ce moment lecture télégramme Doumergue. Dans opinion ministre de France les Puissances de l'Entente auraient à s'adresser au Cabinet de Berlin avec leurs observations. Doumergue propose que Grey prenne la parole en leur nom, comme le mieux qualifié. Grey demanda, si j'accédai. Je répondis que je me ralliais à opinion française. Grey nous dit qu'il ferait prier Lichnowsky pour lui répéter ce qu'il avait dit à Mensdorff et le chargeant de dire à Berlin que dans

[1] См. № 407.

son opinion le moyen de rétablir les choses était que les gouvernements d'Autriche et d'Italie communiquent aux autres Puissances texte de leur réponse au gouvernement de Grèce, les invitant à y adhérer pour que démarche puisse être faite à Athènes au nom de toutes les Puissances; dans cas contraire le gouvernement d'Angleterre pour sa part, et, il pensait, les gouvernements de Russie et de France aussi, auraient à rendre entièrement responsable non pas l'Allemagne, mais l'Autriche et l'Italie de rupture du concert européen, ce qui rendait complète liberté d'action à gouvernement d'Angleterre et aux Puissances de l'Entente, que en cette occasion il s'adressait dans intérêt commun, au nom des Puissances de l'Entente, au gouvernement d'Allemagne, comme le seul intermédiaire possible. — Je ne fis pas d'objections, au contraire je dis, que je pensais, que le moment était venu de s'affirmer. Je fis pourtant observer à Grey, que, si son projet n'obtenait pas le résultat désiré, il pourrait s'ensuivre ou des complications, ou une plus grande liberté d'action pour Autriche et Italie. Grey me répondit qu'il était persuadé que l'Allemagne avait tout intérêt à ne pas laisser aller les choses jusque là, attendu qu'elle redoute plus que tout que l'Albanie ne produise une friction sérieuse entre l'Autriche et l'Italie. — Grey doit voir l'ambassadeur d'Allemagne demain, jeudi. Il télégraphiera à Goschen le contenu de son entretien, le chargeant de le répéter et d'ajouter qu'une réponse à Grèce devait comprendre tous les points, y compris les îles, qu'il vaudrait mieux s'abstenir de toute réponse que d'en faire une incomplète. Grey nous informera vendredi des particularités de son entretien avec l'ambassadeur d'Allemagne.

Benckendorff.

Перевод.

№ 1.

В начале нашего сегодняшнего совещания мы обменялись совпавшими между собой сведениями по поводу событий в Афинах. Грей сообщил нам, что германский посол сделал заявление, аналогичное заявлению Пурталеса. В ответ Грей выразил ему свое удивление по поводу случившегося и, отказываясь высказаться по существу сообщения, вскользь отметил, что в нем отсутствует упоминание об островах. Он сказал, что считает роль германского посланника в Афинах вполне добросовестной. Грей рассказал нам о визите австрийского посла. Менсдорф сказал ему, что державы союза думали, немедленно сделав сообщение, выиграть время, и спросил, какого мнения Грей о его содержании. В ответ Грей отказался сначала от каких бы то ни было комментариев по поводу текста и, перенеся вопрос на почву фактов, сказал послу, что в целях поддержания европейского концерта и дабы проявить внимание к Австрии и к Италии он десять дней тому назад запросил эти державы об их мнении

по поводу ответа, который должен быть дан; что раньше, чем что-либо ему ответить на это его заявление, державы дали в Афинах ответ достаточно официальный для того, чтобы он был немедленно вынесен греческим министром на трибуну палаты,—что при таких условиях он повторяет свой отказ. Он не высказал никакого мнения по поводу текста австро-итальянского сообщения. Австрийский посол ответил, что, по его личному мнению, представители Австрии и Италии проявили, быть может, прискорбную поспешность. Грей ответил, что это его не касается, что речь идет о совершившемся факте, который в Афинах рассматривается, как официальное выступление, что после этого державам согласия остается лишь согласиться относительно своего ответа греческому правительству, который будет сепаратным, если только австрийское и итальянское правительства не предложат способа для восстановления европейского концерта, ныне фактически по их вине нарушенного. Грей рассчитывает дать такой же ответ итальянскому послу. Затем Грей сказал нам, что, по его глубокому убеждению, дело идет не о недоразумении, а о предвзятом плане, цель которого ему неизвестна, что роль Германии он считает добросовестной, что, вероятно, германский посланник поступил неблагоразумно за отсутствием иных инструкций, кроме общей инструкции поддерживать своих коллег. Он сказал нам, что инцидент, который при других обстоятельствах не представлял бы собою ничего серьезного, приобретает значение именно благодаря преднамеренному его характеру. Он сказал нам, что то, что произошло, вероятно, повторится. Камбон прочитал в этот момент телеграмму от Думерга. По мнению французского министра, державы согласия должны обратиться со своими замечаниями к берлинскому кабинету. Думерг предлагает Грею, как старейшему, высказаться от их имени. Грей спросил, согласен ли я. Я ответил, что присоединяюсь к мнению французов. Грей сказал нам, что он попросит к себе Лихновского, чтобы повторить ему то, что он сказалМенсдорфу, и предложит ему сообщить в Берлин, что, по его мнению, исправить создавшееся положение можно, если австрийское и итальянское правительства сообщат другим державам текст своего ответа греческому правительству, пригласив их присоединиться к нему, дабы выступление могло быть сделано в Афинах от имени всех держав; в противном случае английское правительство и, как он думает, также правительства России и Франции, с своей стороны, должны будут возложить всю полноту ответственности за нарушение европейского концерта не на Германию, но на Австрию и Италию, что предоставит полную свободу действий английскому правительству и державам согласия; и сейчас, в интересах всех, он обращается от имени держав согласия к германскому правительству как к единственно возможному посреднику.—Я не возражал, наоборот, я сказал, что, по моему мнению, настал момент заявить о себе. Я заметил однако Грею, что если его проект не достигнет желаемого результата, могут либо создаться осложнения, либо Австрия и Италия получат еще большую свободу действий. Грей ответил мне, что, по его убеждению, Германия весьма заинтересована в том, чтобы не допустить до этого, так как она опасается больше всего, чтобы Албания не создала серьезных трений между Австрией и Италией. Грей должен видеть германского посла завтра, в четверг. Он протелеграфирует Гошену содержание своего разговора, поручая ему сказать то же самое и добавить, что ответ держав Греции должен содержать все пункты, включая и пункты об островах, что лучше воздержаться от всякого ответа, чем давать неполный. Грей сообщит нам в пятницу подробности своего разговора с германским послом. Бенкендорф.

№ 423. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо [1]. 11 марта/26 февраля 1914 г.

. . . .[2]

Un rapport spécial [3] que je crains ne pouvoir expédier que vendredi, après le départ du courrier, vous donnera les détails de la séance de la Chambre des Communes de lundi dernier. Cette séance marque trop dans l'histoire de la crise intérieure que traverse l'Angleterre pour que je n'ajoute quelques commentaires.

Votre excellence n'ignore pas que le Cabinet actuel, après avoir écarté par des moyens assez violents pour avoir constitué une crise en eux-mêmes, — j'entends le Parliament Act, — a vu tous ses plans neutralisés par l'opposition aussi tenace que décidée, que la province de l'Ulster a offert au principal point du programme ministériel: le Home Rule pour l'Irlande. Il est bientôt devenu clair que cette opposition était de celles dont il n'était pas possible de ne pas tenir compte et que de la mépriser en faisant agir une majorité assurée dans la Chambre des Communes était équivalent à provoquer une guerre civile. Depuis fort longtemps Mr. Asquith se trouvait pressé de produire en public les moyens que le gouvernement pourrait proposer pour sortir du dilemme. Des conférences entre le premier ministre, Mr. Bonar Law, comme chef de l'opposition et Sir Edward Carson dont les circonstances ont fait le chef du mouvement dans l'Ulster, n'ont produit aucun résultat. Pourtant ces conférences mêmes, tenues au plus chaud de la crise ont prouvé que de part et d'autre le désir d'une entente existait et les dangers de la situation étaient pleinement reconnus. Le procédé sur lequel insistait l'opposition unioniste anglaise était une élection générale immédiate. Ce thème supposait que si le pays approuvait le principe du Home Rule, l'opposition unioniste cessait. Mais telle n'était nullement l'attitude, ni du parti que représente Sir E. Carson, ni celle des nationalistes irlandais. Ce dernier parti voyait par ce moyen remis en question tous les avantages acquis tandis que l'Ulster, quitte à accepter les conséquences d'une attitude qui en ce cas eût fait de ses partisans de rebelles purs et simples, ne se déclarait nullement disposé à accepter le résultat d'une élection qui lui aurait été contraire. A part cette considération principale, plusieurs autres, de

[1] Лит. копия.

[2] Первая строка неразборчива.

[3] Имеется в виду депеша от 13 марта/28 февр. за № 2, в которой, сообщая о заседании палаты общин в понедельник 9 марта/24 февр., Бенкендорф излагал компромиссные предложения Асквита относительно исключения Ульстера на 6 лет из сферы действия гомруля.

nature de tactique parlementaire, décidèrent le Cabinet à refuser le moyen qu'exigeait l'opposition. C'est lundi dernier que Mr. Asquith se décida à dévoiler ce qu'il proposait en place. Votre excellence en trouvera les détails et les particularités dans le rapport spécial. Il est à noter que tant Mr. Asquith que M. Bonar Law, dans sa réponse, établirent tout d'abord leur point de vue général. M. Asquith déclara que le projet du Home Rule était définitif et que le Cabinet n'y renonçait pas. M. Bonar Law, tout au contraire, déclara que son parti en principe était contraire à tout Home Rule, sauf l'intervention de l'électorat. Mais par là-même un point était acquis. C'est qu'à part ces principes immuables, la porte n'était pas fermée à une voie qui menerait à une situation spéciale pour l'Ulster. C'était faire porter la discussion directement sur le point le plus dangereux. M. Asquith, en acceptant, quoique hypothétiquement le principe de l'exclusion de l'Ulster, a évidemment fait une concession qui constitue un progrès réel et il eût été illusoire de prévoir qu'une proposition ministérielle, qui pour être large n'en présente pas moins des côtés faibles, avait aucune chance d'être acceptée par Mr. Bonar Law, encore moins par Sir E. Carson. Dans la presse en général et même dans le public politique il y a eu comme une déception. Je crois pourtant que telle n'est pas l'impression des principaux acteurs de la scène. A lire attentivement, plus encore, à entendre le ton des principaux discours (car j'assistais à la séance), à sentir l'atmosphère de la Chambre attentive et silencieuse à ce qu'on aurait pu entendre les mouches voler, — l'impression reste que la gravité du danger est universellement reconnue, que l'imminence même du danger rend, comme il arrive en Angleterre, non pas moins, mais plus calme, — que le ferme désir de prévenir ce même danger est éprouvé par tous, finalement que le mot „d'exclusion“ prononcé et admis par tous y compris le chef du parti nationaliste irlandais M. Raymond [1], offre la possibilité d'une planche de salut. Il reste aujourd'hui à résoudre le problème très compliqué, mais à un certain point de vue secondaire, des modalités de cette exclusion. Je trouve une preuve à l'appui de cette impression et je ne suis pas seul à la trouver dans le fait qu'après une discussion où seuls les chefs des partis ont pris la parole la Chambre a ajourné le débat, évitant par là qu'il ne s'envenime après des discours dont il est difficile de dire lequel se distingue par plus de calme sérieux, de clarté et de sage sobriété de paroles. La question en est là. La difficulté est très loin d'être surmontée, mais un pas en avant a été fait et un temps de

---

[1] Так в подлиннике; повидимому: Redmond.

réflexion garanti. Des conférences confidentielles seront-elles reprises, c'est ce que je ne saurais dire. Je doute qu'elles recommencent immédiatement et je doute aussi que la Chambre soit ressaisie à neuf de cette question avant tout abouchement entre les chefs de partis. Il faut encore noter un danger constant, c'est celui de quelque rixe subite dans l'Ulster même qui pourrait mettre le feu aux poudres. Généralement ce n'est pas tenu pour probable. Je ne voudrais pas prolonger cette lettre en y ajoutant des pronostics basés sur des hypothèses qui courent les centres politiques de la ville. Pourtant il m'appartient d'attirer l'attention de votre excellence sur la tension d'esprit éprouvée par tout le pays, sans en exclure le gouvernement. Caractérisée par plus de calme, elle n'en est pas moins absorbante au point de voiler beaucoup trop tout autre préoccupation. Que Mr. Asquith, Sir Edward Grey et quelques autres pensent avec le même sérieux aux difficultés de la politique étrangère n'est pas suffisant. L'écho nécessaire dans le public, ils ne le trouvent guère pour le moment. C'est là une particularité de la situation actuelle que je ne puis m'abstenir de signaler. Que quelqu'incident éclatant changerait fort subitement cet état d'esprit n'est que naturel. Mais actuellement personne ne s'intéresse à des négociations diplomatiques sur des questions lointaines et souvent peu comprises, et ce que l'on préfère, c'est d'en entendre parler le moins possible malgré les efforts en sens contraire de plusieurs grandes feuilles publiques notamment le „Times" dont l'attitude devient de jour en jour plus favorable au resserrement de l'Entente.

Veuillez agréer etc.

Benckendorff.

Перевод.

....

Из специального донесения, которое, боюсь, я смогу послать только в пятницу после выезда курьера, вы узнаете о подробностях заседания палаты общин в минувший понедельник. Это заседание имеет слишком большое значение в истории переживаемого Англией внутреннего кризиса, чтобы я не добавил некоторых пояснений.

Вашему превосходительству небезызвестно, что, избавившись от кризиса при помощи средств, имевших настолько ясно выраженный насильственный характер, что сами по себе они уже знаменовали кризис—я имею в виду парламентский акт,—нынешний кабинет увидел, что все его планы разрушены упорным и решительным сопротивлением со стороны Ульстера главной части министерской программы—гомрулю для Ирландии. Скоро выяснилось, что с этою оппозициею невозможно не считаться и что пренебрегать ею, пользуясь надежным большинством в палате общин, значило бы вызывать гражданскую войну. Уже весьма давно г. Асквиту предъявлялось требование заявить публично, ка-

кие у правительства есть средства для разрешения этого вопроса. Совещания между премьер-министром, г. Бонар Лоу, в качестве вождя оппозиции, и сэром Эдуардом Карсоном, которого события сделали вождем ульстерского движения, не привели ни к какому результату. Однако даже эти совещания, состоявшиеся в самый разгар кризиса, доказали, что обе стороны хотят прийти к соглашению, и что опасность положения полностью осознана. Способ действия, на котором настаивала английская юнионистская оппозиция, заключался в немедленных общих выборах. Этим предполагалось, что юнионистская оппозиция уступит, если страна одобрит принцип гомруля. Но это отнюдь не соответствовало ни позиции партии, представителем которой являлся сэр Э. Карсон, ни позиции партии ирландских националистов. Эта последняя считала, что таким путем ставятся под сомнение все уже приобретенные ею выгоды, в то время как Ульстер решительно отказывался подчиниться результатам неблагоприятных для него выборов, хотя бы пришлось принять все последствия такого противодействия, превращавшего его сторонников в обыкновенных бунтовщиков. Помимо этого важнейшего соображения, некоторые другие, имевшие парламентско-тактический характер, заставили кабинет отвергнуть способ, которого требовала оппозиция. В минувший понедельник г. Асквит решился объявить, что он предлагал вместо этого. Ваше превосходительство найдете детали и указания на особенности этого дела в специальном донесении. Следует отметить, что как г. Асквит, так и г. Бонар Лоу, в своем ответе, установили прежде всего в основном каждый свою точку зрения. Г. Асквит заявил, что проект гомруля является окончательным и что кабинет от него не отказывается. Г. Бонар Лоу, наоборот, заявил, что его партия в принципе против всякого гомруля, если только не последует противоположного решения со стороны избирателей. Тем самым однако уже был достигнут некоторый результат. Дело в том, что, если принципы и сохранялись незыблемыми, оставалась все же лазейка, через которую можно было бы достигнуть особого положения для Ульстера. Это значило перенести дискуссию в плоскость наиболее опасную. Допуская, хотя бы в качестве гипотезы, принцип исключения Ульстера, г. Асквит, повидимому, делал уступку, которая действительно представляла собою реальный шаг вперед, и невозможно было бы предположить, чтобы правительственное предложение, хотя и отличающееся общим характером, и имеющее немало слабых сторон, не имело никаких шансов на то, чтобы быть принятым г. Бонар Лоу, а тем более сэром Э. Карсоном. В прессе вообще и даже в кругах политиков наблюдается как будто разочарование. Я думаю однако, что впечатление главных действующих лиц не таково. Когда читаешь внимательно, а еще больше, когда слышишь тон главных речей (ибо я присутствовал на заседании), когда воспринимаешь атмосферу палаты, внимательной и молчаливой настолько, что можно было бы слышать полет мухи, то создается впечатление, что серьезность положения признается всеми, что непосредственная близость опасности делает людей, как это бывает в Англии, не менее, а более спокойными, что твердое желание предотвратить ее испытывается всеми; наконец, что слово „исключение“, будучи произнесено и принято всеми, включая и вождя партии ирландских националистов Редмонда, открывает возможность спасительного выхода. В настоящее время остается разрешить очень сложную но в известном смысле второстепенную проблему о способах этого исключения. Я нахожу подтверждение полученных мною впечатлений—и не я один нахожу его—в том факте, что после дискуссии, в которой участвовали только вожди, палата отсрочила дебаты,

избегая тем самым их обострения, после речей, из которых трудно отдать предпочтение какой-либо одной, настолько отличались они спокойствием, серьезностью, ясностью и мудрой умеренностью. В таком положении находится вопрос. Трудность далеко еще не преодолена, но шаг вперед сделан, и обеспечено время для размышления. Возобновятся ли конфиденциальные совещания? Этого я не сумею сказать. Я сомневаюсь, чтобы они немедленно возобновились, и сомневаюсь также, что палате вновь будет предложен этот вопрос до переговоров между вождями партий. Следует еще отметить присутствие постоянной опасности, именно опасности какого-нибудь неожиданного столкновения в самом Ульстере, которое может вызвать взрыв. В общем, это считается мало вероятным. Я не хотел бы удлинять письмо предсказаниями, основанными на гипотезах, циркулирующих в политических центрах столицы. Однако я должен обратить внимание вашего превосходительства на напряженное состояние, в котором находится вся страна, не исключая и правительства. Отличаясь относительным спокойствием, состояние это тем не менее является настолько всепоглощающим, что все другие заботы отступают на второй план. Недостаточно того, что г. Асквит, сэр Эдуард Грей и некоторые другие придают такое же серьезное значение затруднениям в области внешней политики. В данный момент они не находят необходимого отклика в общественном мнении. В этом заключается специфическая особенность настоящего положения, которую я не могу не отметить. Если бы какой-нибудь яркий инцидент неожиданно изменил такое состояние умов,—это было бы только естественно. Но в настоящее время никто не интересуется дипломатическими переговорами по вопросам, далеким от их интересов и часто малопонятным, и предпочитают, чтобы о них говорилось возможно меньше, несмотря на противоположные усилия со стороны некоторых больших газет, особенно „Times“, позиция которого становится с каждым днем все более сочувственной идее сплочения Антанты.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 424. Посол в Париже министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 69 [1]. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 52 [2]. Копия в Константинополь.

Вчера подписано соглашение между Русско-азиатским и Русским торгово-промышленным банками и братьями Маврокордато касательно принадлежащего последним опциона на разработку каменноугольных копей близ Гераклеи и на постройку железнодорожной ветки в этой местности для обслуживания копей.

Извольский.

№ 425. Посол в Париже министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 70. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Телеграмма № 428 получена [3].

Копия в Лондон.

Здешний итальянский посол и германский поверенный в делах

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 64, № 1288.

[2] Тел. от 19/6 января 1914 г. за № 52 Сазонов предлагал Извольскому поддержать ходатайство бр. Маврокордато.

[3] См. № 407.

также объяснили австро-итальянское выступление в Афинах недоразумением. Думерг сказал мне, что, по его мнению, следовало бы воспользоваться тем, что Австрия и Италия высказались в своем сообщении афинскому кабинету за предоставление гарантий греческому населению Эпира, чтобы вновь поставить вопрос об островах и добиться от держав Тройственного союза согласия на предоставление Греции гарантии спокойного обладания Хиосом и Митиленою. Думерг телеграфировал в этом смысле в Лондон Камбону, поручая ему переговорить об этом с Бенкендорфом и Греем.

Извольский.

№ 426. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Кампания германских газет против России, вызванная корреспонденциею „Kölnische Zeitung“ [2], была встречена здесь всеобщим недоумением; г. Думерг сказал мне, что до сих пор ему еще не удалось доискаться истинных причин этого дружного похода против нас германских органов печати, но что он не сомневается в том, что поход этот был предпринят с ведома и согласия берлинского правительства. По мнению столь осведомленного французского посла в Берлине г. Жюля Камбона, находившегося в момент открытия сказанной кампании в отпуску в Париже, вероятнее всего, что в данном случае имеется в виду подготовить общественное мнение к новым военным затратам либо на перевооружение сухопутной артиллерии, либо на увеличение флота. Если же допустить, что при этом преследовалась также цель путем застращиванья ослабить связь между державами Тройственного согласия, то, по убеждению г. Думерга, цель эта не только не достигнута, но получились как раз обратные результаты; когда вчера в палате депутатов г. Думерг, говоря об отношениях Франции к России и Англии, подчеркнул полную солидарность между этими тремя державами, он с удовольствием заметил, что слова его были встречены сочувственно не только в рядах умеренных партий, но и среди радикалов-социалистов, обыкновенно не упускающих случая высказаться против России.

Из разговоров моих как с политическими деятелями, так и с лицами самых различных общественных слоев я вывожу заключе-

---

[1] Лит. копия. Опубл. L. N., II, p. 243—244.
[2] См. № 387.

ние, что если руководители германской политики рассчитывали на то, что, бросая России обвинение в намерении нарушить мир, они попадали в тон стоящей в настоящую минуту у власти во Франции ультра-радикальной партии, известной своею наклонностью к пацифизму и к соглашению с Германиею, они опять совершили грубую психологическую ошибку. На то, что подобный расчет действительно существовал в Берлине, указывает ряд статей германских газет, одновременно с нападками на Россию восхвалявших г. Кайо и других министров, еще недавно горячо выступавших против трехлетнего срока военной службы и известных своими симпатиями к Германии. Я уже писал вам, что все эти лица, очутившись на ответственных постах, в вопросах военной и внешней политики сразу усвоили себе направление своих предшественников, и газета „Temps" совершенно справедливо замечает, что вчерашняя речь г. Думерга могла бы быть произнесена г. Барту или г. Пишоном. Антирусский поход германской печати произведет, конечно, впечатление не только на французские правительственные круги, но и на широкие слои населения и будет, несомненно, использован сторонниками трехлетнего срока военной службы для борьбы против радикалов-социалистов, проповедующих возврат к двухлетнему сроку. Таким образом мне кажется, что в сфере, подлежащей моему наблюдению, инициатива петербургского корреспондента „Kölnische Zeitung" не только не причинила никакого ущерба нашим интересам, но, напротив того, оказала нам некоторую услугу.

Примите и пр.

Извольский.

№ 427. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Письмо[1]. 11 марта/26 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сегодня на дипломатическом приеме мне представился случай навести разговор с г. Думергом на вопрос о турецком займе, затронутый в письме вашем к графу Бенкендорфу от [5 марта] 20 февраля с. г. № 142[2], причем я не преминул высказать ему опасение, что, получив крупный заем, турецкие деятели, в роде Энвера-паши, могут значительно повысить тон в переговорах с Грецией.

Г. Думерг сказал мне, что при переговорах с Турциею о займе

---

[1] Опубл. М., стр. 491.
[2] См. № 382.

французское правительство в полной мере приняло во внимание указанную мною опасность. В своей речи, произнесенной вчера в палате депутатов, г. Думерг преднамеренно упомянул о миролюбивых заверениях, полученных им от турецкого правительства, и о том, что Франция лишь в том случае окажет Турции финансовое содействие, если она будет уверена в сохранении мира. Но,—сказал г. Думерг,—очевидно, что одних подобных заверений со стороны Порты недостаточно. К соглашению о займе будет приложено отдельное заявление, что каждая из частей займа будет допущена к реализации не иначе как в зависимости от мирного течения дел. Первая часть займа будет выпущена приблизительно через полтора месяца; вторая же и последующие части—не ранее как в будущем году. Точная цифра первой части еще не установлена; турки просят о 500 млн., но получат, вероятно, не более 350 млн. фр. Сумма эта почти целиком пойдет на уплату по неотложным краткосрочным займам, причем употребление ее будет поставлено под наблюдение Оттоманского банка. При таких условиях г. Думерг убежден, что нет серьезного основания опасаться, что ссужаемые Порте деньги будут употреблены ею на воинственные цели. Вообще г. Думерг имеет основание думать, что за последнее время во взглядах турецких политических деятелей произошла существенная перемена, и что в Константинополе ныне понимают, что Турция должна вступить на путь мирной культурной работы. В Софии, повидимому, также на время оставили мечты о немедленном реванше; этой счастливой перемене настроения турок и болгар, по убеждению г. Думерга, в значительной степени содействовало решительное положение, занятое Румыниею, стоящей на страже порядка вещей, созданного Бухарестским трактатом.

Примите и пр.

Извольский.

№ 428. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 37[1]. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Со вчерашнего дня после инспирированной самим Яговым успокоительной статьи в „Lokal Anzeiger“,—статьи, самой по себе не особенно даже удачной,—сразу прекратилась враждебная нам газетная кампания. Ягов, которого я видел вчера, объясняет это тем, что все его первоначальные старания воздействовать на печать в самом разгаре ее возбуждения, достигшего своего максимума после

[1] Царск. экз.

корреспонденции „Kölnische Zeitung[1], оставались без результата. Воздействие это стало возможным, лишь когда печать извела всю накопившуюся, будто бы, в ней горечь против России. Объяснения Ягова не представляются мне однако достаточно обоснованными.

Свербеев.

№ 429. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от [8 марта] 23 февраля с. г. за № 48[2] я счел долгом передать вам дословный текст словесного сообщения, сделанного в прошлое воскресенье представителями Австро-Венгрии и Италии в Афинах—при поддержке их германского коллеги—греческому министру иностранных дел касательно Южной Албании.

Сообщение это представляет собою частичный ответ на последнюю ноту греческого правительства, адресованную шести великим державам; оно сделано было от имени двух кабинетов—австрийского и итальянского, с присоединением германского—что придало заявлению яркую окраску сепаратного выступления Тройственного союза.

На следующий день однако германский мой коллега заявил сэру Ф. Эллиоту и мне, показывая только-что полученную им телеграмму, что ему предписано было участвовать лишь в совместной с его австрийским и итальянским товарищами редакции ответной ноты, которую надлежало вручить греческому правительству, si omnes, от имени всех шести держав; ему при этом поручено было экстренно просить г. Венизелоса не разглашать состоявшегося заявления ввиду происшедшего недоразумения. Но уже было поздно: в тот же день на заседании палаты г. Стрейт поспешил объявить о сделанном шаге двух держав, при участии третьей—Германии, а во вторник все газеты уже воспроизвели текст помянутого заявления с комментариями, далеко не дышащими симпатией или признательностью, как на то надеялись инициаторы выступления.

Шаг таким образом нисколько не достиг цели. Из слов графа Боздари я вывожу, что как он, так и г. Силащи бесспорно действовали на основании точных указаний из Рима и Вены; следовательно,

[1] См. № 387.
[2] См. № 394.

с их стороны исключена всякая возможность ошибки; что же касается присоединения к демарше германского посланника, то мне представляется, что на самом деле произошло недоразумение и что в виды берлинского кабинета нисколько не входило примкнуть к подобному отдельному выступлению. Как бы то ни было, мой итальянский коллега пытается ныне умалить значение этого шага; он говорит мне, что сообщение было сделано устно, что цель его состояла в желании скорейшего успокоения эпиротов, что оно являлось не ответом, столь усердно просимым Грециею, на ее последнюю ноту, а лишь некоторым его предвкушением, наконец, что заявление это отчасти состоялось по его же ходатайству, вследствие настоятельных просьб г. Венизелоса получить возможно скорее какие-нибудь заверения в пользу греческого населения Албании.

Однако в порыве негодования против Германии за ее отречение от солидарности в этом шаге он мне доверительно поведал, что во всех обменах взглядов по сему поводу между берлинским, венским и римским кабинетами ни разу не упоминалось об общем ответе, а лишь о совместном действии Тройственного союза. Вследствие сего он не объясняет себе, каким образом германское правительство могло отступить от принятой им позиции.

Возможно, что в переговорах Тройственного союза берлинский кабинет неуклонно подразумевал общий шаг держав, имея в виду составление втроем лишь редакции ответа, и что он оказался бессознательно вовлеченным в отдельное выступление. Но не подлежит, на мой взгляд, сомнению, что Австрия и Италия вполне намеренно шли на сепаратное действие с расчетом рельефно показать свое преобладающее значение в албанских делах и снискать себе признательность Греции за благожелательный отклик и щедрые дарования, которыми здесь, повидимому, далеко не довольствуются.

Примите и пр.

Демидов.

№ 430. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 104[1]. 11 марта/26 февраля 1914 г.

Единственной компенсацией, на которую я мог бы указать со стороны Англии за признание нами ее свободы действий и преимущественного положения в Тибете[2], казалось бы мне признание ею

[1] Опубл. Siebert, III, S. 265—266, № 1043. У Siebert'a есть ссылка на получение тел. Сазонова за № 417.

[2] См. № 396.

Северной Манчжурии, Монголии и Западного Китая, кроме Кашгарии, входящими в сферу нашего исключительного влияния с обязательством не препятствовать осуществлению наших планов в этих областях и не преследовать там никаких целей, которые были бы признаны нами противными нашим интересам. В случае если бы эта компенсация казалась англичанам чрезмерной по сравнению с делаемой им с нашей стороны уступкой, мы могли бы, кроме того, дать подобное же обязательство Англии относительно долины Янцзы [1].

Крупенский.

№ 431. Министр иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

*/. Телеграмма № 447 [2]. 12 марта/27 февраля 1914 г.

Телеграмма № 12 [3] получена.

Считаем дальнейшее существование монгольской бригады необходимым фактором как нашего влияния, так и целости монгольского государства, ибо бригада является, повидимому, единственным надежным средством борьбы центрального ургинского правительства с возможными сепаратистическими стремлениями отдельных князей.

Ввиду того, что в настоящем виде бригада не удовлетворяет желаниям монгольского правительства, полагаем возможным пойти навстречу этим желаниям внесением в организацию бригады следующих изменений.

1. Установить возможно краткий срок обучения монгольских солдат в бригаде с тем, чтобы по окончании обучения они увольнялись, составляя таким образом запас обученных военному делу людей. Хотя для обучения было бы достаточно шести месяцев, но

---

[1] У Siebert'a: „Jansda".

[2] Царск. экз.

[3] В тел. Миллера от 29/16 янв. 1914 г. за № 12 сообщалось о нежелании монгольского прав-ва возобновить соглашение о бригаде, подписанное 16/3 февр. 1913 г. Главные основания этого соглашения были следующие: бригада формируется из двух конных полков по шесть сотен в каждом, пулеметной команды и взвода артиллерии, общей численностью в 1900 человек. Для обучения бригады росс. прав-во командирует в качестве инструкторов 17 офицеров и 42 урядника, которые получают содержание от монг. прав-ва. На расходы по организации бригады и приглашению инструкторов монг. прав-во вносит в росс. консульство 350 600 р., которые удерживаются из двухмиллионной ссуды, предоставленной Монголии российским правительством. Соглашение было действительно сроком на один год со дня начала обучения солдат.

так как зимою правильные занятия едва ли возможны, то, вероятно, придется остановиться на годовом сроке.

2. Состав бригады определить в два конных полка по четыре сотни в каждом, одну батарею из четырех орудий и пулеметную команду из четырех пулеметов, общей численности в тысячу человек.

3. Число наших инструкторов сократить до одного начальника, семи или девяти офицеров и двадцати трех или двадцати пяти нижних чинов.

Соответственно этому уменьшились бы, конечно, и расходы на бригаду.

Благоволите, руководствуясь вышеизложенным, подготовлять монголов к возобновлению соглашения о бригаде. Детальная выработка соглашения могла бы быть отложена до прибытия в Ургу генерала Аверьянова, на которого предположено возложить производство инспекторского смотра бригаде и поверку совместно с представителем монгольского правительства ее денежной отчетности.

Благоволите телеграфировать, встречаются ли с вашей стороны препятствия, чтобы генерал Аверьянов приехал в Ургу в первых числах мая, ко времени истечения срока нынешнего соглашения о бригаде, началом которого мы считаем середину мая, когда в бригаду были зачислены первые монгольские солдаты.

[Сазонов.]

№ 432. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 71. 12 марта/27 февраля 1914 г.

№ 2 [1].

L'entretien sur sujet Athènes [2] a été si prolongé que d'autres n'ont été que mentionnés. J'introduisis question neutralité Corfou et remis à Grey et Cambon copies mémoire austro-italien du 13/26 décembre dernier [3]. Grey promit examiner sans retard. Cambon dit que Doumergue avait été impressionné que l'Autriche et l'Italie avaient admis présidence de banque par étranger. Doumergue propose présidence anglaise. Grey répondit qu'il ne pouvait prendre initiative, mais que, si

[1] См. № 422.

[2] См. № 394.

[3] 26/13 дек. 1913 г. австро-венг. и итал. посольствами в Петербурге был передан м-ву ин. дел проект нейтрализации под гарантией великих держав островов Корфу и Паксоса с территориальными водами, канала Корфу и прибрежной полосы земли.

toutes les Puissances s'adressaient à lui, le chargeant de trouver un sujet anglais recommandable, il s'en chargerait. Toutes les Puissances auraient part égale dans capital et comité d'administration, avantages pour places directeurs pourraient être laissés à l'Autriche et l'Italie. Sur proposition Cambon, montant d'emprunt devrait êtré fixé pour le moment à 30 000 000 francs. Grey accéda et moi aussi.

Benckendorff.

Перевод.

Разговор по вопросу о событии, происшедшем в Афинах, настолько затянулся, что остальные вопросы были только слегка затронуты. Я выдвинул вопрос о нейтрализации канала Корфу и передал Грею и Камбону копии австро-итальянской памятной записки от 13/26 декабря прошлого года. Грей обещал рассмотреть ее в самом ближайшем времени. Камбон сказал, что у Думерга создалось такое впечатление, будто Австрия и Италия согласны на то, чтобы председателем банка был иностранец. Думерг предложил место председателя банка предоставить англичанину. Грей ответил, что он не может взять на себя инициативу, но что если все державы обратятся к нему с просьбой подыскать подходящего кандидата из английских подданных, он возьмет это на себя. Всем державам должно быть предоставлено равное участие в капитале и в административном совете банка, причем Австрии и Италии могло бы быть предоставлено преимущество в отношении должностей директоров. Согласно предложению Камбона, сумма займа должна быть в настоящее время установлена в 30 000 000 франков. Грей согласился на это, и я также.

Бенкендорф.

№ 433. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Письмо[1]. 12 марта/27 февраля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В предыдущих моих письмах я имел случай высказывать, что нынешнее французское правительство, с гг. Думергом и Кайо во главе, до сих пор в области внешней политики продолжает выполнять программу своих предшественников, и что в этой области у нас нет никакого повода относиться отрицательно к его деятельности. Г. Думерг—бесспорно весьма умный человек и проявляет в совершенно для него новой сфере дипломатии очень много такта и благоразумия. Единственно, в чем его можно упрекнуть, это в том, что, будучи поглощен парламентом и заботами о предстоящих выборах, он не имеет времени входить в подробности дел, вследствие чего отдельные департаменты министерства иностранных дел, которые до известной степени держались г. Пишоном в повиновении,

[1] Опубл. М., стр. 491—494 и L. N., p. 245—248.

опять приобретают первенствующее влияние, не всегда для нас выгодное и удобное. Заместитель г. Палеолога, г. де Маржери, мне кажется, не вполне оправдывает наши ожидания и в некоторых делах, не затрагивающих непосредственных интересов Франции, как, например, в вопросе об армянских инспекторах, проявляет мелочность и настойчивость, очевидно, внушаемые ему подчиненными лицами в роде г. Гу.

Существующие между Россией и Францией союзнические отношения налагают на представителя государя императора в Париже обязанность с величайшей осторожностью относиться к вопросам внутренней французской политики и тщательно воздерживаться от проявления одобрения или неодобрения по адресу постоянно сменяющихся у власти лиц и партий. Поэтому, несмотря на то, что некоторые из членов нынешнего кабинета, как, например, гг. Думерг и Кайо [1], имеют репутацию убежденных руссофобов и, кроме того, принадлежат к партии, политические принципы коей не могут быть нам симпатичны, я стараюсь поддерживать с ними вполне дружественные и корректные отношения; вместе с тем, я считаю своею обязанностью самым внимательным и беспристрастным образом наблюдать над современным фазисом внутренней французской политики и над действиями кабинета, пребывание коего у власти может иметь самые серьезные и, может быть, даже роковые последствия для дальнейшей судьбы союзной Франции. Вы, конечно, хорошо помните обстоятельства, при коих произошло падение кабинета г. Барту. За внешними причинами этого падения— разногласия по финансовым вопросам—на самом деле скрывались поводы, так сказать, более интимного, электорального свойства. Близость общих выборов выдвинула вопрос о том, под непосредственным влиянием которой из партий произойдет выборная кампания. Лица умеренно-республиканского направления, поставленные во главе правительства г. Пуанкаре тотчас по вступлении его в президентскую должность, унаследовавшие от прежних радикальных министерств тщательно подобранный ими состав местной администрации, долго не решались приступить к изменению этого состава; уверяют, что именно решение г. Барту заняться ввиду близких выборов этим вопросом послужило сигналом к дружному натиску крайних партий, окончившемуся падением этого министра. Нынешнее правительство, составленное из радикальных элементов и одержавшее победу при помощи самых крайних социалистических партий,

[1] В L. N. слова „как, например, гг. Думерг и Кайо..." пропущены (р. 245).

имеет исключительною задачею удержаться у власти до окончания выборной кампании. Поставленный в парламенте в самое затруднительное положение, кабинет г. Думерга принужден в большинстве стоящих на очереди вопросов—о финансовом положении, о фискальной реформе, о применении трехлетнего срока военной службы и т. д.—лавировать между взглядами умеренных республиканцев и требованиями крайних радикалов-социалистов, от голосов коих зависит его существование. При таких условиях очевидно, что ни один из этих вопросов не будет разрешен до предстоящего окончания полномочий палаты депутатов; с другой стороны, несмотря на все опасности и затруднения, все более и более выясняется, что кабинет г. Думерга продержится до окончания выборов, ибо с его существованием связана судьба переизбрания большинства нынешних депутатов. Одною из главных забот г. Думерга и его товарищей является приискание достаточных негласных денежных средств для проведения выборов; от вашего внимания, конечно, не ускользнула энергическая кампания, предпринятая против г. Кайо газетою „Figaro“, в которой почти ежедневно печатаются скандальные разоблачения приемов, с помощью коих министр финансов предпринял пополнение электоральной кассы правительства. Разоблачения эти, по мнению компетентных лиц, если и страдают некоторыми преувеличениями, тем не менее в общем имеют несомненные фактические основания; но за неимением в руках ведущего эту кампанию г. Кальметта документальных доказательств нападки эти вряд ли могут пошатнуть положение г. Кайо, который относится к ним вполне равнодушно и едва дает себе труд их опровергать. Вышесказанные обвинения могли бы иметь для него[1] серьезные последствия лишь в том случае если бы в палате депутатов нашлась влиятельная группа, которая настояла бы на их расследовании. Но в настоящей стадии предвыборной кампании громадное большинство депутатов заинтересовано в том, чтобы избежать немедленного кабинетного кризиса, ибо по утвердившемуся здесь обычаю между правительством и отдельными парламентскими фракциями до выборов устанавливаются закулисные соглашения относительно распределения значительного количества избирательных округов, так что в сущности избирательная борьба касается далеко не всех местностей, а лишь известного числа таких округов, где ни у одной из фракций нет ясно выраженного большинства. Та-

[1] Слово „него“ в М. (стр. 493) поставлено в скобках, в L. N. (p. 247) выпущено с пометкой „(lacune)“.

ким образом уже теперь можно почти с уверенностью предсказать: 1) что выборы произойдут при нынешнем составе правительства и 2) что в результате их получится палата приблизительно такого же состава, как та, которая ныне оканчивает свои полномочия, с некоторым, вероятно, усилением крайних радикально-социалистических элементов.

Нынешняя палата депутатов не оставит в благоразумной части Франции доброй памяти; результаты ее деятельности, на которой отразилось влияние главным образом крайне левых фракций, налицо: крайне неудовлетворительное финансовое положение, являющееся последствием различных опытов применения социалистических теорий, и ослабление военного могущества Франции вследствие введения двухлетнего срока военной службы. Лишь к концу настоящей легислатуры выдвинулось несколько деятелей, в роде Бриана, Мильерана, Барту и Пуанкаре, которые приложили энергические усилия, чтобы остановить дальнейшее разложение государственной жизни Франции и вернуться к более благоразумной внутренней и военной политике. С особенной силою эти течения проявились во время премьерства г. Пуанкаре, закончившегося избранием этого сильного политического деятеля президентом республики. Вы, конечно, помните страстную борьбу, которая велась против этого избрания именно теми лицами, которые теперь или стоят во главе правительства, как г. Кайо, или поддерживают его за кулисами, как гг. Клемансо и Жорес. Если, как это весьма вероятно, лицам этим удастся провести в желательном для них смысле предстоящие выборы, следует ожидать не только повторения печальных опытов минувшей легислатуры, но даже их усугубления. При этом рознь между крайними элементами будущей палаты и умеренно-республиканскими ее фракциями, вероятно, примет форму острой борьбы против личности президента республики. Г. Пуанкаре будет, может быть, предложена альтернатива, перед которой некогда стоял президент Мак-Магон: „se soumettre ou se démettre“ [1]. Во всяком случае он, несомненно, подвергнется со стороны новой палаты такой же систематической неприязни, которая уже раз привела президента республики г. Казимира Перье к решению добровольно покинуть свой пост. Мне известно, что г. Пуанкаре вполне ясно отдает себе отчет в угрожающих ему трудностях и готовится к открытой борьбе с крайними партиями; к счастию для Франции, нынешний президент распублики, в отличие от мяг-

[1] „Подчиниться или уйти“.

кого и нервного г. Казимира Перье, обладает необыкновенно сильным характером, и вряд ли от него можно ожидать малодушного отступления перед натиском враждебного парламента; но не следует забывать, что глава Французской республики облечен лишь ограниченными политическими правами и что даже, если он не согласится оставить президентства до истечения своих полномочий, ему придется при составлении столь часто сменяющихся здесь кабинетов считаться с составом будущей палаты.

Рисуя столь малоутешительную картину современного внутреннего положения Франции, я старался по возможности не сгущать красок и относиться вполне объективно к тому, что происходит перед моими глазами и что имеет несомненное и весьма серьезное значение не только для французской нации, но и для России, связанной с Францией политическим и военным союзом. Для нас далеко не безразлично, выйдет ли эта страна на путь благоразумной финансовой, социальной и военной политики или погрязнет в том, что здесь так удачно назвали „les mares stagnantes“ [1], т. е. в море мелких избирательных интриг и местных аппетитов и страстей, дающих широкий простор разрушающей деятельности крайнего радикализма и социализма. Не далее, как через шесть недель, исход избирательной кампании даст возможность до некоторой степени и с некоторою достоверностью осветить этот жгучий вопрос.

Примите и пр.

Извольский.

№ 434. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Письмо [2]. 12 марта/27 февраля 1914 г.

Третьего дня, во вторник, как бы по мановению жезла прекратилась здесь враждебная против нас газетная кампания. Накануне в „Lokal Anzeiger“ появилась, как я вас уведомил секретной моей телеграммой за № 36 [3], инспирированная на Вильгельмштрассе, хотя и не вполне удачно редактированная, успокоительная заметка, а во вторник в утреннем своем издании та же газета отметила как продолжающуюся дружественную и совместную нашу

[1] „Стоячие болота“.

[2] Лит. копия; частично опубл. у Siebert'а (см. ниже, стр. 575, прим. 1).

[3] Повидимому ошибка: тел. № 36 посвящена иному вопросу. О заметке „Lokal Anzeiger“ Свербеев сообщает тел. от 11 марта/26 февр. за № 37. См. № 428.

работу с Германией в вопросе армянских реформ, так и предстоящий во второй половине марта месяца (9/22) отъезд императора Вильгельма в Корфу—два симптома, ясно доказывающие, что политический горизонт и чист и безоблачен.

Последнюю свою заметку „Lokal Anzeiger" закончил однакоже крайне бестактным заявлением, что сообщенное французскими газетами известие о том, что российский посол обратил будто бы внимание берлинского кабинета на корреспонденцию „Kölnische Zeitung", лишено всякого основания. Сам Ягов указал мне на эту бестактность и выразил свое по этому поводу негодование.

В дружеской беседе с статс-секретарем я не преминул обратить самое серьезное его внимание на крайне неблагоприятное впечатление, произведенное у нас участием „Kölnische Zeitung" во враждебных против России выступлениях германской прессы, и просил его в случае возобновления их найти тот или другой способ, чтобы успокоить общественное мнение. В интересах самого же германского правительства,—прибавил я,—казалось, было бы не давать слишком большого простора печати, которая систематическими и неуместными своими выпадами и измышлениями часто способствует лишь, как и в данном случае, всеобщему возбуждению и крайне нежелательному обострению отношений.

Как на пример подобного возбуждения, я указал Ягову на то обстоятельство, что, как мне о том доложено было секретарями вверенного мне посольства, газеты, воспроизводившие статью „Kölnische Zeitung", продавались на улицах нарасхват под крики разносчиков: „Russland rüstet gegen Deutschland, Krieg mit Russland" [1].

Одновременно я воспользовался всеми упомянутыми в письме вашем от [5 марта] 20 февраля аргументами, чтобы доказать статс-секретарю всю неосновательность возводимых на Россию обвинений и приписываемых ей намерений.

По словам выслушавшего меня со вниманием Ягова, он, снова отрицая всякую причастность правительства к петербургской корреспонденции „Kölnische Zeitung", приложил все свои старания дабы воздействовать умиротворяющим образом на здешнюю прессу, но попытки эти, к крайнему его сожалению, не могли иметь успеха ввиду той горечи, которая постепенно накопилась в печати против России.

Поместить же какую-либо заметку в „Norddeutsche Allgemeine

[1] „Россия вооружается против Германии, война с Россией".

Zeitung“ статс-секретарь не счел возможным, так как статья „Kölnische Zeitung“ была не передовицей, а простой корреспонденцией из С.-Петербурга. Что же касается до успокоительного заявления в самом рейхстаге, то о таковом не могло бы быть и речи вследствие далеко еще не улегшегося неудовольствия политических партий как против самого канцлера, так и против всего правительства. Возникновение враждебной нам газетной кампании Ягов объясняет, как я имел честь вас уведомить: 1) промедлением опровержения в нашей печати той части бюджетной вашей речи, в которой вы будто бы выразились недружелюбно по отношению к Германии; 2) беспокойством, вызванным слухами о возможных последствиях министерского нашего кризиса; 3) невоздержанностью и жестокими нападками нашей печати на Германию и 4) главным образом той скрытой обидой, которую здесь ощутили вследствие вынужденной уступки нам в вопросе командования в Константинополе. Обида эта, или, скажем, неудовольствие, по словам Ягова, настолько еще сильно и свежо, что оно-то именно в связи с враждебным настроением к Германии русской печати и является главною причиною того взрыва негодования, которое проявилось в последних выступлениях германской прессы против России.

Не может, мне кажется, подлежать сомнению, что как само правительство, так и немецкое общественное мнение до сих пор действительно крайне возбуждены против нас за наше вмешательство в вопрос, который они будто бы считали делом исключительно германо-турецким, но вряд ли возбуждение это является ближайшей причиною только-что заканчивающейся газетной кампании.

Не вызвана ли она желанием доказать, с одной стороны, неотложность вотирования новых военных налогов в Австро-Венгрии, а с другой—необходимость использовать на экстраординарные военные нужды в самой Германии полностью всю ту сумму, которая поступит от принудительного единовременного налога и которая по сделанному здесь расчету должна будто бы превысить полтора миллиарда марок.

Дело в том, что налог этот должен быть уплачен в три приема, причем решено было отказаться от третьего взноса в том случае, если бы первые два покрыли требуемый миллиард. Ныне же, повидимому, выясняется, что взносы эти даже превысят эту сумму, и, по слухам, итог всего налога составит свыше полутора миллиардов. Из этого специального источника в 1913 году израсходовано было 416 млн., а на текущий год намечено 394 млн. Таким образом свободных осталось бы 190 млн., между тем, как мне передают,

расходов предвидится еще около 650 млн., а новые экстренные поступления ожидаются лишь [в] 1917 году, когда начнется взимание вотированного уже налога на ежегодный прирост состояний, исчисляемого в 250 млн. в год.

Вот на покрытие вышесказанных 650 млн. и нужны средства, а добыть их неоткуда иначе, как употребив на них излишек сверх ожидаемого миллиарда. Вследствие этого правительство будто бы имеет намерение войти с новым законопроектом, который позволил бы ему воспользоваться полностью третьим взносом, что оно пока, впрочем, категорически отрицает [1].

Согласно имеющимся у меня из разных источников доверительным сведениям, возрастающая мощь России внушает в Берлине самые серьезные опасения. В 1916 году, по мнению здешних правительственных сфер, готова будет наша осадная артиллерия, и вот в этот-то момент Россия явится тем страшным соперником, с которым Германия вряд ли будто бы в состоянии была бы сразиться [2].

Неудивительно поэтому, если таково действительно сложившееся здесь убеждение, что в Германии напрягают все усилия, чтобы быть готовыми на случай военного с нами столкновения; неудивительно также, что нас стараются запугать, а вместе с тем не показать и вида, что сама Германия боится России. А страх этот, на мой взгляд, тем не менее сквозит в каждой строке печатавшихся за последнее время статей, посвященных русско-германским отношениям [3].

В заключение позволяю себе высказать надежду, что здесь не ошибаются, и что у нас действительно принимаются все меры для усиления нашей военной мощи,—усиления тем более необходимого, что Германия не щадит ни средств, ни энергии на доведение своей боевой готовности до максимума [4].

Примите и пр.

Свербеев.

P. S. По поводу принимаемых у нас военных мер статс-секретарь сказал мне, что они неудивительны ввиду того, что они яв-

---

[1] Начиная со следующего абзаца, опубл. Siebert, III, S. 266—267, № 1044.

[2] У Siebert'a: „mit dem Deutschland den Kampf aufzunehmen haben wird" (S. 266).

[3] У Siebert'a: „Nach meiner Überzeugung spricht trotzdem aus allen Zeilen, die in letzter Zeit gedruckt worden und den russisch-deutschen Beziehungen gewidmet sind, einzig und allein nur diese Furcht vor Russland".

[4] У Siebert'a: „einer Stärkung, die Deutschland zwingen muss, weder Mittel noch Energie zu schonen, um die vollkommene Kriegsbereitschaft Deutschlands bis zum äussersten zu erreichen".

ляются последствием единовременного налога на военные нужды в Германии. Единственная разница заключается лишь в том, что в Германии все проходит через парламент, а следовательно, и гласно, в России же военные меры принимаются втихомолку.

Ягов упустил из внимания, что колоссального единовременного налога нельзя было бы добиться без предварительной шумной его подготовки и что в конце концов все же неизвестно, на что будет использован полученный миллиард[1].

Ut in litteris.

Свербеев.

№ 435. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

/. Депеша № 16. 12 марта/27 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Враждебное к России настроение здешней прессы, особенно обозначившееся за последние три-четыре недели, поддерживается публикованием отчетов двух политических и ряда шпионских процессов, внося в наши отношения с Австриею, несмотря на вполне корректные, даже дружеские формы в сношениях посольства с министерством иностранных дел и венским обществом, все же тяжелую атмосферу.

Такое настроение прессы отчасти искренно, отчасти же поддерживается искусственно. Искренно оно постольку, поскольку оно является выражением весьма понятного раздражения, вызванного удачными разведками, в свое время произведенными некоторыми нашими агентами, обнаружившими существование ужасающего нравственного разложения в среде лиц, облеченных доверием высшего военного начальства. Искренно оно, и поскольку оно отражает негодование на ведущуюся из России в Галиции и Венгрии агитацию, исключительно культурный характер которой под влиянием страха за возможные ее политические последствия здесь никем не признается. Искусственно это настроение, поскольку оно временно поддерживается правительством в расчете на влияние, которое оно может иметь на парламент чрез общественное мнение, для скорейшего проведения военного закона и закона о займе. Ввиду такого упорства прессы в сохранении указанного по отношению к России тона появление известной статьи „Kölnische Zeitung" произвело здесь сначала впечатление какой-то условленной сообща между

---

[1] Пост-скриптум у Siebert'а опущен.

Германиею и Австриею газетной кампании против России. Первым откликнулся на статью германской газеты официозный орган здешнего военного ведомства „Militärische Rundschau“. Начав с упоминания о готовящейся будто бы всеобщей пробной мобилизации русской армии, статья (при сем в вырезке прилагаемая [1]) утверждает, что такая мера не должна вызывать опасений, так как она преследует исключительно полезные учебные цели и ни о каких отдаленных намерениях русского правительства не свидетельствует. Как мне передавали, эти заявления не понравились не только в Берлине— ввиду их умеренности,—но и на Ballplatz'е. У меня создалось впечатление, что если в министерстве иностранных дел на первых порах, быть может, и обрадовались неожиданному выступлению против нас германской прессы, то не замедлили во-время спохватиться, поняв опасность подобного рода увлечений. Министерство не замедлило в последнем номере „Montagsrevue“ [2] высказаться по отношению к будто бы предпринимаемым нами вооружениям в довольно умеренном тоне, а на другой день в „Neues Wiener Tageblatt“ и в „Pester Lloyd“ появились совершенно тождественные статьи, текст коих считаю долгом при сем приложить [3], вполне трезво обсуждающие вопросы, составленные и напечатанные, как мне дали понять, в министерстве для смягчения впечатления, произведенного кампанией германских и здешних газет.

Каковы бы ни были чувства, воодушевляющие по отношению к нам здешнее правительство, я не сомневаюсь в том, что всякая неожиданность, вроде недавней газетной вспышки в Германии, ему неприятна, так как всякие осложнения, могущие окончиться войной, для Австро-Венгрии очень опасны. Конечно, положение ее теперь по сравнению с тем, чем оно было год тому назад, изменилось и изменилось значительно к лучшему: армия под руководством генерала Конрада, по отзывам компетентных людей, пополнила многие свои недочеты и продолжает неустанно свою работу; с другой стороны, по всему чувствуется, что теперь уже нет того приниженного духа, который замечался здесь, когда впервые стали доноситься вести о неожиданных, блестящих победах балканских славян. Тем не менее, еще далеко не все недочеты пополнены, и необходимость дальнейшего завершения военных реформ слишком сознается ответственными лицами, чтобы Австро-Венгрия с легким

[1] См. „Militärische Rundschau“ от 4 марта 1914 г.
[2] См. „Montagsrevue“ от 9 марта 1914 г.
[3] „Neues Wiener Tageblatt“ и „Pester Lloyd“ от 10 марта 1914 г.

сердцем решилась на открытый конфликт с Россиею и особенно искала бы ускорить минуту его наступления.

С глубочайшим уважением и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 436. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 12 марта/27 февраля 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

L'étrange façon dont s'est faite, dimanche dernier, la communication orale des ministres d'Autriche et d'Italie [1] n'a pas manqué de surprendre les sphères gouvernementales grecques; sa teneur n'a guère contenté l'opinion. De l'avis général, la démarche a fait long feu.

Mr. Streit est venu me voir le lendemain même de l'événement et m'a avoué qu'il ne savait qu'en penser, attendu que la Grèce s'était adressée aux six Puissances et continuait à souhaiter avec anxiété la réponse commune. Il a ajouté que c'était heureux qu'il connaissait l'allemand, la lecture de la communication lui ayant été faite en cette langue par Mr. Czilassy, ministre d'Autriche.

Devant faire dans l'après-midi une déclaration à la Chambre touchant cette démarche, le ministre me dit qu'il se bornerait à donner lecture du document, tout en s'efforçant d'interprêter au sens le plus extensif la portée des assurances données par les deux Cabinets et en exprimant l'espoir qu'une réponse prochaine générale viendrait supplémenter, dans un esprit plus ample, les satisfactions demandées par la Grèce.

La démarche en question, loin de faciliter la tâche pénible du gouvernement, donna lieu, au contraire, à des interpellations parlementaires, où l'opposition s'en prévalait pour demander quels étaient les motifs de cette conversation séparée de la Grèce avec les deux Puissances les plus réfractaires à ses intérêts. Quant à la presse, elle juge les garanties insuffisantes et le nouveau souverain d'Albanie incapable, dans l'état où sont les choses, de réaliser les promesses qu'il pourrait donner; elle déplore le silence au sujet des garanties pour la possession des îles; elle considère à tout prendre qu'on est singulièrement précis dans ce qu'on refuse à la Grèce et terriblement vague dans ce qu'on accorde aux Epirotes.

Après le comte Bosdari, c'est, hier soir, Mr. Czilassy qui s'est employé à atténuer auprès de moi la signification de cette démarche

---

[1] См. № 394.

manquée. Il m'a prié de la soutenir dans la mesure du possible — je ne sais pas trop comment — et à tâcher [1] de la réduire, à mes yeux, à son expression la plus simple. Toujours est-il que l'Autriche cherche assurément et par tous les moyens — de presse et autres — à se ménager les sympathies grecques, et je ne suis pas éloigné de croire que cette dernière sortie préméditée n'ait visé, outre l'affirmation d'intérêts spéciaux, quelque revirement austrophile en Grèce.

Je ne pense pas qu'il y ait lieu de se plaindre de l'abortive manoeuvre en question, car au delà de cette réponse partielle, dont on ne sait que faire ici, on prête une importance capitale, — exagérée peut-être — à la réponse unanime des Puissances. Sir Francis Elliot m'a donné communication, à titre tout confidentiel, d'un télégramme qu'il venait de recevoir de Sir E. Grey, où celui-ci lui faisait part de son mécontentement au sujet de la démarche séparée de l'Autriche et de l'Italie. Le ministre britannique aurait fait observer au comte Mensdorff qu'il était superflu de discuter la question de la réponse à la Grèce, une fois que certaines Puissances jugeaient bon de faire bande à part. Il aurait ajouté que cette réponse devenait inutile, ou bien encore que les autres Puissances se verraient obligées de s'entendre entr'elles pour faire leur propre communication. C'est ainsi que, bon gré mal gré, le Cabinet de Londres se voit constamment obligé, quelle que soit sa répugnance à l'admettre, de prendre parti dans les manifestations d'antagonisme des groupements européens.

La situation en Epire ne semble hélas guère s'améliorer; le mouvement autonome s'étend et paraît vouloir adopter des tendances nettement anti-grecques, presque autant qu'anti-albanaises. Le roi Constantin m'a dit hier encore, qu'il en était, plus que jamais, préoccupé. Sa majesté m'a confié que les révolutionnaires brûlaient partout ses portraits et que le district de Korytza même, pacifiquement évacué, redevenait un théâtre de lutte. Il a ajouté que si la tension s'augmentait encore, il se verrait obligé de faire réoccuper par ses troupes les régions déjà livrées aux Albanais. Je me bornai à faire observer à sa majesté que pareille mesure offrirait de sérieux dangers et que dans l'intérêt même de la Grèce il fallait à tout prix l'éviter.

La dernière communication de Sofia permet d'espérer le prochain rétablissement des relations diplomatiques greco-bulgares. Je viens de la transmettre à Mr. Streit qui se félicite de cet heureux événement, comme d'ailleurs, je m'en félicite moi-même. L'arrivée à Athènes du chargé d'affaires bulgare, le 16 mars vieux style, sera parallèle à celle

[1] Так в подлиннике.

du chargé d'affaires grec à Sofia. Quant aux ministres plénipotentiaires des deux pays, déjà désignés et agréés par les deux gouvernements, leur nomination officielle ne saurait tarder. Mr. Streit m'a promis le plus bienveillant accueil au représentant de Bulgarie, que, de mon côté, je me ferai un devoir de guider dans ses difficiles débuts.

Veuillez agréer etc.

Démidow.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Странный способ, каким австрийский и итальянский посланники сделали в прошлое воскресенье свое устное сообщение, не мог не изумить греческие правительственные круги. Содержание этого сообщения совершенно не удовлетворило общественного мнения. По общему мнению, выступление только затянуло дело.

Г. Стрейт посетил меня на другой день после выступления и признался мне, что он не знает, что думать об этом, так как Греция обращалась к шести державам и продолжает с беспокойством ждать общего ответа. Он добавил, что хорошо, что он знает немецкий язык, так как сообщение было ему прочитано на этом языке австрийским посланником Силаши.

Министр сказал мне, что, так как в тот же день после полудня ему предстоит сделать в палате декларацию по поводу этого выступления, то он ограничится чтением документа, постарается истолковать заверения, данные двумя кабинетами, в самом широком смысле и выразит надежду, что вскоре последует общий ответ, который сможет удовлетворить высказанные Грецией пожелания о компенсациях.

Выступление, о котором идет речь, далеко не вывело правительства из затруднительного положения, наоборот, дало повод для интерпелляции в парламенте, причем оппозиция воспользовалась этим для того, чтобы задать вопрос, каковы мотивы сепаратных переговоров Греции с двумя державами, наиболее несговорчивыми в деле ее интересов. Что касается прессы, то она считает, что данные гарантии неудовлетворительны и что новый правитель Албании при настоящем положении вещей неспособен будет выполнить обещания, которые он мог бы дать; она выражает сожаление по поводу умолчания о гарантиях относительно островов; она считает, что, вообще говоря, то, в чем отказывают Греции, выражено с необычайной точностью, а то, что предоставляется эпиротам,—чрезвычайно туманно.

После графа Боздари вчера вечером г. Силаши старался ослабить в моих глазах значение этого неудавшегося выступления. Он просил меня по возможности поддержать это выступление—я плохо представляю себе, каким образом,—и пытался придать ему в моих глазах самое простое значение. Все же несомненно, что Австрия стремится всеми средствами—через прессу и другими путями—приобрести симпатии греков, и я недалек от той мысли, что это последнее преднамеренное выступление имело своею целью, помимо подтверждения специальных интересов, также возрождение австрофильских настроений в Греции.

Я не думаю, чтобы были основания жаловаться на неудачный маневр,

о котором идет речь, потому что, в гораздо большей мере, нежели этому частичному ответу, с которым здесь не знают что делать, здесь придают главное—быть может, даже преувеличенное—значение единогласному ответу держав. Сэр Френсис Эллиот сообщил мне совершенно доверительно телеграмму, полученную им только-что от сэра Э. Грея, в которой последний сообщает ему о своем неудовольствии по поводу сепаратного выступления Австрии и Италии. Британский министр будто бы сказал графу Менсдорфу, что излишне обсуждать вопрос об ответе Греции, раз некоторые державы сочли за благо действовать сепаратно. Он будто бы добавил, что этот ответ стал бесполезным, или же что другие державы сочтут себя вынужденными сговориться между собою, чтобы сделать свое собственное сообщение. Таким образом волей-неволей лондонский кабинет, несмотря на свое нежелание признать это, постоянно оказывается вынужденным участвовать в проявлениях антагонизма, существующего между европейскими группировками.

Положение в Эпире, увы, отнюдь не улучшается; автономистское движение ширится и, повидимому, обнаруживает тенденцию принять определенный антигреческий характер, почти настолько же, как и антиалбанский. Король Константин еще вчера сказал мне, что он более чем когда-либо озабочен этим. Его величество поведал мне, что революционеры повсюду сжигают его портреты и что даже Корицкий округ, мирно эвакуированный, стал снова ареной борьбы. Он добавил, что, если напряжение еще усилится, он будет принужден вновь занять своими войсками области, уже отданные албанцам. Я ограничился замечанием, что подобная мера представляет серьезную опасность, и что в интересах самой же Греции нужно во что бы то ни стало избежать этого.

Последнее сообщение из Софии позволяет надеяться на близкое восстановление греко-болгарских дипломатических сношений. Я только-что передал его г. Стрейту, который поздравляет себя с этим счастливым событием, как, впрочем, я поздравляю с этим себя самого. Прибытие в Афины болгарского поверенного в делах 16 марта старого стиля совпадает с прибытием греческого поверенного в делах в Софию. Что касается полномочных посланников обеих стран, уже назначенных и одобренных обоими правительствами, то их официальное назначение едва ли заставит себя ждать. Г. Стрейт обещал мне оказать самый благожелательный прием представителю Болгарии, которого я в свою очередь сочту своим долгом направлять в начале его трудной деятельности.

Примите и пр.

Демидов.

№ 437. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 136[1]. 12 марта/27 февраля 1914 г.

Копии в Париж, Лондон и Вену.

Реформы в Анатолии. Австрийский посол сообщил мне, что венский кабинет предписывает ему войти в сношения с послами великих держав для скорейшего выбора кандидатов в генеральные инспектора и представления их списка Порте. Паллавичини[2], в ка-

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 71, № 1292, датировано 13 марта/28 февр. 1914 г.

[2] У Stieve: „Bralaviamini".

честве нашего декана, высказал мне намерение созвать нас для совместного обсуждения этого вопроса. Он доверительно выразил предположение, что предписание, полученное им из Вены, вызвано конфиденциальными настояниями Хильми-паши. Я ответил ему, что не вижу пользы в нашем совещании, пока правительства наши не сообщат нам списка кандидатов, намечать коих надлежит им, а не нам в Константинополе, не имеющим возможности искать отсюда подходящих лиц. Я доверительно добавил, что, по моим сведениям, императорское правительство серьезно занимается этим вопросом и, вероятно, в очень скором времени войдет по его поводу в сношения с кабинетами великих держав. Выступление Австрии, действующей, вероятно, с согласия своих союзниц, еще более убеждает меня в крайней для нас необходимости скорее выступить с нашим списком, иначе руководящая роль в этом деле может ускользнуть у нас из рук.

Гирс.

№ 438. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 13[1]. 12 марта/27 февраля 1914 г.

Как вашему высокопревосходительству уже известно из моих телеграфных донесений[2], министр внутренних дел принц Эйн-эд-Доуле обратился к регенту с прошением об отставке, мотивируя последнюю разногласиями и интригами членов кабинета и трудностью настоящего положения. Отставка эта была однако отклонена Наиб-эс-Солтане, не имеющим подходящего кандидата для замены Эйн-эд-Доуле, а также опасающимся интриг популярного и влиятельного сановника, который в случае удаления от дел может причинить немало хлопот правительству.

Можно с уверенностью утверждать, что отставка министра внутренних дел является простым тактическим маневром, производимым ради личных расчетов, чтобы вызвать кабинетный кризис и освободиться от некоторых неудобных коллег, ибо в действительности принц Эйн-эд-Доуле очень дорожит положением и, вероятно, рассчитывает пробраться в председатели совета министров.

Сэр В. Тоунлей, с которым я беседовал по этому вопросу, признался, что Эйн-эд-Доуле не только не собирается уходить, а хотел бы устранить интригующих против него министров иностран-

---

[1] Лит. копия.

[2] См. стр. 517, прим. 2.

ных дел и финансов, но, к сожалению, не находит сочувствия в регенте, и, кажется, опасается противодействия России. Особенно неприятен для него министр финансов Каввам-эс-Солтане, которому Эйн-эд-Доуле хотел бы дать пост губернатора, чтобы удалить его из столицы. В случае осуществления этой комбинации, нынешний военный министр, который кстати также подал в отставку и удалился от дел, получил бы министерство почт и телеграфов, а на его место пригласили бы сепехдара, продолжающего пользоваться известным престижем. Нынешнего военного министра Мостоуфи-оль-Мемалека считают нужным удержать в числе членов правительства, как человека с именем и связями.

Я, конечно, объяснил сэру В. Тоунлею, что подобная комбинация не встретит сочувствия в Петербурге, где прежде всего желали бы удаления принца Эйн-эд-Доуле как человека беспринципного и подкупного и притом перешедшего на сторону демократов. „Сановник этот,—прибавил я,—не пользуется доверием регента и симпатиями императорского правительства, ввиду чего дальнейшая совместная работа кабинета едва ли будет плодотворной“. Мой английский коллега опять повторил все прежние доводы в пользу Эйн-эд-Доуле, уже упомянутые в донесении от [26] 13 февраля № 10[1], дав понять, что мы придаем слишком много веры наветам его противников—министров иностранных дел и финансов. Лица эти, сами вышедшие из ничтожества, теперь интригуют против своего бывшего принципала, дабы помешать его усилению в будущем, но в сущности не могут привести никаких серьезных обвинений. При этом мой собеседник выразил даже некоторое недоумение, напомнив, что не так давно камергер Поклевский особенно старался рассеять недоверие, которое великобританская миссия питала к Эйн-эд-Доуле, пользовавшемуся полным расположением императорского правительства. В заключение сэр В. Тоунлей заметил, что хотя не разделяет нашего взгляда о непригодности Эйн-эд-Доуле, но не преминет донести своему правительству о делаемых нами возражениях. Что касается кандидатуры Саад-эд-Доуле, на которую я намекал еще раньше, то таковая, по его мнению, исключается ввиду крутого и неуживчивого нрава этого деятеля, почти не имеющего сторонников и восстановившего против себя всех прежних коллег и сотрудников.

Примите и пр. Коростовец.

---

[1] Депеша Коростовца от 26/13 февр. 1914 г. за № 10 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

№ 439. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 61[1]. 12 марта/27 февраля 1914 г.

Ввиду обращения ко мне монгольских властей с запросом о времени открытия в Урге Монгольского национального банка, прошу снабдить меня на этот счет указаниями. Опасаюсь открытия здесь частного русского или иностранного банка.

Да-лама не оставляет своей мысли о монгольском государственном банке, ссылаясь на неосуществление до сего времени концессии Юферова.

Миллер.

Повторяю: с открытием банка нужно поспешить.

Царское Село, [13 марта] 28 февраля 1914 г.

№ 440. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

'/. Телеграмма № 456[2]. 13 марта/28 февраля 1914 г.

Ссылаюсь на письмо Крупенского от [27] 14 сего февраля[3].

Благоволите обратить внимание министра иностранных дел, что поездки японских военных в Ургу являются несвоевременными, так как еще более затруднят нашу задачу убедить монгольское правительство отказаться от притязаний на Внутреннюю Монголию. Ургинское правительство до сих пор убеждено в возможности добиться объединения Внешней и Внутренней Монголии путем соглашения с Япониею. Оно продолжает ссылаться при этом на якобы сделанные ему Кодамою предложения.

[Сазонов.]

№ 441. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 13 марта/28 февраля 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Ce war scare de la presse allemande est un vilain et désagréable, sinon dangereux symptôme. Pourvu que la presse russe n'insiste pas trop longtemps, un ou deux jours de forte réponse est nécessaire.

[1] Царск. экз.

[2] Лит. копия.

[3] В письме Крупенского на имя Сазонова от 27/14 февр. 1914 г. сообщалось о намерении нач. штаба японского отряда в Тяньцзине майора Танака отправиться в Ургу. Японский посланник в Пекине заверил Крупенского, что он относится к этому проекту отрицательно, и просил не давать всему этому делу никакого дальнейшего хода". Тем не менее Крупенский выражал опасение, что „попытка проникнуть в Ургу" может быть повторена „на этот раз втайне от нас" каким-либо другим японским офицером.

J'aime à croire que cela ne manquera pas. Et puis peut-être les choses se calmeront. A quelque chose malheur est bon, cela a émoustillé jusqu'à l'apathie du public anglais. Et, y compris les germanophiles, il n'y a pas eu une voix qui ne rende l'Allemagne responsable, et l'Allemagne seule. Personne ne pense beaucoup à l'Autriche. Cette impression est tout spécialement salutaire et utile. Quant à Grey il a dressé l'oreille tout de suite. Et quand il demande non seulement à moi, mais à d'autres, qu'est ce que cela veut dire? C'est qu'il se méfie, et qu'il voit anguille sous roche. — Là-dessus est venue la balourdise d'Athènes. Encore une fois, rien, à notre point de vue spécial anglo-russe, rien ne pouvait venir plus à propos. Ce qu'il résistait à faire non sans quelque raison, parce qu'on lui eut reproché ici de devenir agressif, parler au nom de la Triple Entente vu menace de rompre le concert européen, les circonstances, une faute de la Triple Alliance, où il voit la dignité anglaise engagée, l'y oblige et lui donne l'argument voulu. Vous aurez vu qu'il n'a pas hésité, à sa façon, il est vrai, mais quand même. Je ne sais pas encore ce qu'il a pu dire à Lichnowsky. Mais j'ai dîné hier à l'ambassade d'Allemagne, jamais je n'ai vu un collègue, cousin et ami, plus chiffonné. Quant à Mensdorff il a perdu 3 kilos de poids. Je ne doute pas d'après quelques mots dits par Lichnowsky, non pas à moi, mais à ma femme que Grey lui a parlé aussi de la campagne de presse. — Tout cela est juste ce qu'il fallait. N'oubliez pas qu'ici le seul reproche qu'on lui fasse [1], mais de certains côtés on le lui fait journellement, c'est d'être trop sous l'influence française, et russe surtout. C'est pourquoi il résiste souvent. Cette fois c'est autre chose. L'argument voulu lui est fourni et son terrain est fort. Il est vrai qu'en Albanie les intérêts anglais sont fort peu engagés. Mais il y a l'absence de mention des îles, dans la réponse faite par l'Autriche [et l'] Italie à la Grèce. Il faudra voir ce qui en sortira.

J'ai lancé immédiatement Siebert sur la Banque I[mpéria]le de Perse pour l'affaire de l'achat des lingots d'argent. Je crois que ceci marchera facilement. Mais pour ne pas gâter cette affaire-là, j'ai été obligé de retenir celle du maliat beaucoup plus difficile, le dividende des actionnaires de la banque est en jeu, et elle se défendra contre le For. Office même, beaucoup plus énergiquement. Il est vrai que ce retard augmente la difficulté de la date du nouvel arrangement désiré. Mais en tout cas, elle était bien rapprochée, et n'ai-je pas été saisi de cette affaire bien tard? Je doute que nous puissions conclure pour cette année-ci. C'est trop mettre l'épée à la gorge, et [on] ne peut aller si

[1] Так в подлиннике.

vite. Je crains qu'il se faudra contenter d'un arrangement pour l'année d'après. Mais est-ce là une affaire d'importance suffisante, pour en faire une question politique. J'en doute un peu surtout aujourd'hui.

A peine les mémorandums reçus par le courrier ordinaire de dimanche dernier sur le Transpersan, j'ai immédiatement parlé à Grey. Croyez qu'il ne demanderait pas mieux, comme il me l'a dit du reste, que de revenir au projet de Balmoral, pur et simple. Mais il a son особенное [1] совещание qui lui met terriblement des bâtons dans les roues. Le mémorandum de fond et de style est excellent, sauf un point que je n'aurais pas, et que, je l'avoue, je regrette. La répétition de la menace. La faire une fois, était juste, nécessaire et utile. Elle a porté je le sais. La répéter est trop. Cela froissera. Ils se diront: on nous traite comme des Turcs, cela touche à l'extrême limite, peut être dépassé; cela d'un procédé amical quand tout le projet ne peut être basé que sur les rapports ultra-amicaux entre la Russie et l'Angleterre, et qui plus est c'est fournir un argument aux adversaires, qui en tireront, il faut espérer, momentanément la conclusion, que s'il en est ainsi, il n'y a plus rien à risquer, et rester sur la défensive. J'ai si fort ce sentiment que je me demande, si vous ne feriez pas bien d'un peu amadouer les choses à Buchanan. Par exemple en lui disant qu'il s'agit d'un droit, repris éventuellement et qu'honnêteté exigeait de prévenir, mais que cela voulait pas dire que du jour au lendemain nous bâtirons des lignes stratégiques contre l'Afghanistan, l'idée d'une guerre entre la R[ussie] et l'Angleterre étant, dieu merci, devenue inimaginable. Je crois que cela vaut cela. Il nous faut fournir des arguments à Grey et à ceux qui l'appuient et non pas lui créer des difficultés. Ceci en est une. Je vous conjure de bien considérer cette nuance essentielle.

Vilenkin part demain matin. Ce soir encore Grey nous retint si tard qu'entre la séance, le dîner et le „Court" à $9^1/_2$ je n'aurai le temps de rien ajouter. C'est à peine si je pourrai télégraphier.

Voilà ce que j'avais de plus pressé à vous dire. J'ai vu Revelstoke, charmé de l'accueil que vous lui avez fait.

Mille amitiés bien sincères. Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Это запугивание войной, производимое германской прессой,—отвратительный и неприятный, если только не прямо опасный симптом. Лишь бы только русская

[1] Так в подлиннике.

пресса задерживалась на этом не слишком долго; необходимо дать решительный ответ в течение одного или двух дней. Хочется думать, что так это и будет. А затем дело, может быть, и уляжется. Не быть бы счастью, да несчастье помогло—это подняло даже апатичное английское общественное мнение. Включая германофилов, нет ни одного голоса, который не считал бы ответственной Германию и только Германию. Об Австрии никто особенно не думает. Такое впечатление особенно спасительно и полезно. Что касается Грея, то он сейчас же навострил уши. И когда он спрашивает не только у меня, но и у других, что это означает, то это значит, что он настроен недоверчиво и видит, что что-то неладно. К этому прибавилась глупость, совершенная в Афинах. Еще раз повторяю, с нашей специальной англо-русской точки зрения ничего не могло случиться более кстати. Он отказывался начать говорить от имени Тройственного согласия опасаясь нарушения европейского концерта не без некоторого основания, потому что его здесь упрекнули бы в агрессивности. Но теперь его заставляют это сделать обстоятельства, давая ему желанные аргументы, а именно ошибка Тройственного союза, которая, по его мнению, задела английское достоинство. Вы увидите, что—правда, на свой лад,—но тем не менее он не колебался. Я еще не знаю, что он мог сказать Лихновскому. Но я обедал вчера в германском посольстве: никогда я не видел коллегу, кузена и друга более взволнованным. Что касаетсяМенсдорфа, то он потерял три кило веса. Основываясь на замечании Лихновского, сделанном не мне, а моей жене, я не сомневаюсь, что Грей ему говорил также и о кампании в печати. Это как раз то, что и требовалось. Не забудьте, что единственный упрек, который ему здесь делают,—а со стороны известных кругов ему делают этот упрек ежедневно,—это то, что он слишком подпал под французское и особенно под русское влияние. Вот почему он часто сопротивляется. На этот раз дело обстоит иначе. Желанный аргумент ему предоставлен, и его позиция крепка. Правда, в Албании английские интересы затронуты весьма мало, но в ответе, данному Греции Австрией и Италией, отсутствует упоминание об островах. Посмотрим, что из этого получится.

Я немедленно направил Зиберта в Имперский банк Персии по делу о покупке слитков серебра. Полагаю, что это дело не представит затруднений. Но чтобы его не испортить, я был вынужден задержать значительно более трудное дело о малиате, ибо дивиденды акционеров банка в опасности, и последний будет защищаться против самого Форейн Оффиса значительно более энергично. Правда, что эта задержка увеличивает трудность достижения нового соглашения, но во всяком случае, оно было довольно близко, и не был ли я слишком поздно осведомлен об этом деле? Сомневаюсь, чтобы мы смогли заключить соглашение в текущем году. Это значило бы уже пристать с ножом к горлу, а нельзя действовать столь быстро. Опасаюсь, что придется удовольствоваться тем, что соглашение будет заключено в будущем году. Но разве это дело такой важности, чтобы делать из него политический вопрос? Я несколько сомневаюсь в этом, особенно сейчас.

Как только в прошлое воскресенье с очередным курьером были получены меморандумы о Трансперсидской ж. д., я немедленно переговорил с Греем. Поверьте, что он был бы очень рад, как он мне вдобавок сказал и сам, просто-напросто вернуться к бальморальскому проекту. Но у него имеется свое „особое совещание", которое отчаянно ставит ему палки в колеса. Меморандум прекрасен и по содержанию и по стилю, за исключением одного пункта,

которого я не включил бы, и о котором, признаюсь, я жалею. Я говорю о повторении угрозы. Прибегнуть к ней один раз было справедливо, необходимо и полезно. Она оказала свое воздействие, я это знаю, но повторять ее—это слишком. Это будет принято как оскорбление. Они скажут себе: нас третируют как турок, это переходит всякие границы, и это скажут они о дружеском деле, в то время как весь проект может быть основан только на сверхдружеских отношениях между Россией и Англией; мало того, это значит дать аргумент противникам, которые, надо думать, сейчас же сделают отсюда заключение, что если это так, то рисковать нечем и незачем оставаться в оборонительном положении. Это мое чувство настолько сильно, что я спрашиваю себя, не лучше ли было бы, чтобы вы немного смягчили дело в глазах Бьюкенена, например, сказав ему, что речь идет о праве, приобретенном случайно, что если бы действовать по совести, это следовало бы предотвратить, но это не значит, что не сегодня—завтра мы построим стратегические линии против Афганистана, так как война между Россией и Англией, слава богу, стала немыслимой. Я думаю, что одно стоит другого. Нам следует снабдить аргументами Грея и тех, которые его поддерживают, а не создавать ему затруднений, Это же явится одним из затруднений. Я очень прошу вас хорошо взвесить это существенное обстоятельство.

Виленкин отправляется завтра утром. Этим вечером Грей снова задержал нас так долго, что между заседанием, обедом и приемом при дворе в 9½ у меня не будет времени дополнить что-либо. Я едва смогу телеграфировать. Вот что я имел сказать вам наиболее спешного. Я видел Ревельстока, который очарован оказанным ему вами приемом.

Тысяча искреннейших дружеских пожеланий.

Бенкендорф.

№ 442. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Письмо. 13 марта/28 февраля 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сегодня утром я видел статс-секретаря, который заговорил со мною о статье наших „Биржевых ведомостей“ [1] касательно состояния русской армии. Г. Ягов высказал мне некоторое беспокойство относительно происхождения этой статьи, на что я поспешил заверить моего собеседника, что, по моему убеждению, наши официальные сферы не могут быть причастны к этой статье. Статс-секретарь тем не менее не скрыл от меня своих опасений, что выступление „Биржевых ведомостей“ снова вызовет в немецкой печати известное возбуждение, и сообщил мне, что он постарается без промедления принять меры, чтобы столь нежелательная для наших отношений газетная полемика не возобновилась.

---

[1] Вечерний выпуск „Биржевых ведомостей“ от [12 марта] 27 фев. 1914 г. Статья без подписи, под заголовком: „Россия хочет мира, но готова к войне“.

Действительно уже через несколько часов после нашего разговора в „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ появилась заметка, в газетной вырезке у сего прилагаемая, в коей высказывается убеждение, что Германия не имеет оснований к беспокойству по поводу статьи в „Биржевых ведомостях“[1]. При этом официозный орган Вильгельмштрассе говорит, что повествования о русском военном превосходстве так же мало могут помешать хорошим отношениям между двумя правительствами, как недавний алармистский и ничем необоснованный крик петербургского корреспондента одной из немецких газет. Далее „Nordd. A. Z.“ заявляет, что вообще было бы ложно придавать значение время от времени появляющемуся националистическому возбуждению, которое пытается компрометировать твердую, честную и преследующую мирные цели официальную политику.

Поручаю представителю СПТА целиком передать по телеграфу в Петербург помянутую статью.

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 443. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 77. 13 марта/28 февраля 1914 г.

Телеграфирую в Тавриз, ссылаясь на телеграмму министра за № 419[2].

Благоволите категорически поставить на вид Шоджа-эд-Доуле, что он должен абсолютно воздерживаться от каких-либо выступлений против тегеранского правительства и вообще не предпринимать безусловно никаких политических действий без ведома и одобрения генерального консульства, под опасением немедленно лишиться дальнейшего покровительства императорского правительства. Поэтому если миссия выразила согласие на производство выборов в Тавризе, то он не должен чинить этому препятствий, могущих иметь для него лишь самые отрицательные результаты.

Азербайджанские депутаты будут иметь неоспоримое право на личную неприкосновенность и свободу мнения в Тегеране; в случае необходимости, им может быть оказана с нашей стороны соответственная поддержка.

Ввиду существования известных обязательств министерства перед англичанами и регентом, императорским представителям и

---

[1] См. „Nordd. Allg. Ztg.“ от 13 марта/28 февр. 1914 г.

[2] См. № 397.

покровительствуемым им[1] туземным правителям следует воздерживаться от противодействия выборам, принимая лишь соответственные меры против избрания крайних депутатов.

Коростовец.

№ 444. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 19. 13 марта/28 февраля 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении секретной телеграммы вашего высокопревосходительства от [28] 15 сего февраля за № 367[2] я не преминул воспользоваться первым удобным случаем, чтобы сообщить моему японскому сотоварищу, что англичане не обращались к императорскому правительству по вопросу о железной дороге Пекин—Жехэ; вместе с тем я в осторожной форме высказался от своего имени в предписанном мне в означенной телеграмме смысле.

Г. Ямаза горячо благодарил меня за мои объяснения, но в общем я не мог не заметить, что его отношение к настоящему вопросу было гораздо более спокойным, чем при предыдущих наших беседах по тому же предмету. Эта перемена объясняется, по всем вероятиям, тем, что японскому посланнику—так же как и мне—стало тем временем известно, что хотя китайское правительство и обратилось к „British and Chinese Corporation“[3] с предложением финансировать постройку помянутой железнодорожной линии, компания эта не высказала ни малейшего желания взяться за это мало доходное предприятие, сопряженное к тому же с затруднениями политического характера.

Ввиду сего весьма возможно, что, успокоившись таким образом на этот счет, японское правительство и не сочтет в настоящую минуту нужным приступить к обмену мыслей с нами по вопросу о железнодорожном строительстве в означенной местности, к чему в противном случае мой разговор с г. Ямазой мог бы служить побудительным поводом.

Принимая однако во внимание несомненное желание китайского правительства приступить тем или иным способом к постройке железнодорожной линии Пекин—Жехэ, я счел нелишним

[1] Так в подлиннике.

[2] См. № 348.

[3] В телеграмме от 26/13 февр. 1914 г. за № 75 Крупенский сообщал, что, по словам японского посланника, концессию на постройку ж. д. Пекин—Жехэ предполагает взять не фирма Паулинг, а „British and Chinese Corporation“, и что линию эту предположено провести не только до Жехэ, а дальше на север, до Чи-фынь-сяня.

при свидании с министром иностранных дел напомнить ему о существовании обязательства, принятого на себя Китаем по отношению к нам в ноте от [3 июня] 22[1] мая 1899 г. и о котором ни г. Сунь Бао-ци, ни его товарищи по кабинету не имели, вероятно, ни малейшего представления. Министр обещал мне ознакомиться с документами, касающимися этого обязательства, и привлечь на них внимание своих коллег.

Я имел равным образом вторичную беседу по настоящему вопросу с великобританским посланником, причем мне удалось выяснить, что, вполне признавая, что в силу соглашения с нами 1899 г. Англия отказалась от постройки железных дорог к северу от Великой стены, сэр Джон Джордан считает однако, что она не только сохранила за собой свободу строить железные дороги между Великой стеной и Пекином, но имеет право, на основании контракта о постройке Пекин-Шанхайгуаньской железной дороги, противиться постройке всякой линии от Пекина к северу, в районе 80 миль от названной дороги, на иные капиталы, чем английские. Из слов моего великобританского коллеги я мог заключить, что этим правом великобританское правительство не преминет воспользоваться в случае попытки каких-либо иностранных капиталистов, не исключая и японских, приступить к сооружению железнодорожной линии от Пекина на север.

Так как, с другой стороны, и мы имеем несомненное право воспротивиться постройке железных дорог к северу от Пекина на иностранные капиталы, финансовое же положение Китая не позволяет ему приступить к таковой на собственные средства, то следует полагать, что в ближайшем будущем вряд ли возможно будет осуществить проект о сооружении железной дороги между Пекином и Жехэ.

С глубоким почтением и пр.

В. Крупенский.

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

[1] Так в подлиннике.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Convention militaire secrète bulgaro-turque, signée le 12/25 janvier 1914, à Sofia et à Constantinople[1].

Article 1. Le gouvernement de sa majesté impériale le sultan, d'une part, et le gouvernement de sa majesté le roi de Bulgarie, de l'autre, déclarent avoir un intérêt commun au maintien de l'équilibre dans la presqu'île des Balkans. Les deux hautes parties contractantes s'engagent à sauvegarder cet intérêt commun par un accord réciproque complet.

Article 2. Le gouvernement royal bulgare déclare qu'il ne fera aucune difficulté à l'exécution, par le gouvernement ottoman, de toutes mesures qui ne léseraient ni directement ni indirectement le gouvernement bulgare. Le maintien de rapports corrects et amicaux entre les deux pays est reconnu comme une condition des plus importantes.

Les deux hautes parties contractantes se garantissent mutuellement l'inviolabilité des frontières de leurs territoires.

Article 3. Le gouvernement impérial ottoman accepte le principe posé par le gouvernement royal bulgare, [à] savoir que les territoires situés à l'ouest du fleuve Struma sont reconnus se trouver dans la sphère d'influence bulgare, sous la réserve mentionnée à l'article 9 de la présente convention.

Article 4. Toute agression contre l'une des deux hautes parties contractantes, susceptible de porter atteinte aux principes énoncés dans les articles 1 et 3 de la présente convention, sera considérée comme un „casus belli" pour les deux parties à la fois au cas, seulement, où l'une d'elles se trouverait entraînée à une guerre entre deux Etats au moins de la presqu'île des Balkans. Dans le cas précité, chacune des deux parties contractantes qui serait saisie, par l'autre, d'une demande d'aide et d'assistance accordera son appui militaire dans la mesure nécessaire pour la sauvegarde des principes énoncés dans les articles 1, 2 et 3 de la présente convention.

Article 5. En cas d'opérations militaires les troupes du gouvernement impérial ottoman auront le droit de passer librement à travers le territoire de la Thrace bulgare, à la condition que le gouvernement ottoman prenne la responsabilité de maintenir l'ordre le plus sévère parmi ses troupes. Dans ce cas le gouvernement ottoman sera autorisé à utiliser les voies ferrées et tous moyens ordinaires de transport par terre. Toutefois, le passage par les troupes ottomanes de la frontière bulgare antérieure à la paix de Bucarest sera subordonné à l'assentiment préalable du gouvernement

---

[1] Лит. копия. Заголовок подлинника. Хранящаяся в Архиве Вн. Пол. копия соглашения заключена в обложку, имеющую следующую помету: „Текст конвенции, доставленный французским посольством в Петрограде [13 мая] 30 апреля 1915 г. За точность текста посольство не ручается".

bulgare. Il sera interdit de lever des contributions dans les territoires de chacune des deux hautes parties contractantes.

Chacune des deux hautes parties contractantes e[s]t tenue de prévenir l'autre de l'occupation qu'elle aura faite du territoire de cette dernière.

Article 6. En cas d'acquisitions territoriales réalisées grâce à une action militaire commune, ces acquisitions seront réparties entre les deux hautes parties contractantes suivant les succès de chacune d'elles, à condition qu'il soit tenu compte non seulement du principe énoncé à l'article 2, mais encore autant que possible des considérations stratégiques et ethnographiques.

Les deux hautes parties contractantes se réservent de procéder à une rectification de la frontière de leurs possessions actuelles dans la mesure que l'exigeraient leurs intérêts mutuels.

Article 7. Le gouvernement royal bulgare déclare n'avoir aucun intérêt dans la mer Egée en dehors de la limite de ses possessions actuelles. Mais il soutiendra dans la mer Egée les intérêts du gouvernement impérial ottoman.

En cas d'action militaire commune des deux hautes parties contractantes, la flotte impériale ottomane aura le droit d'utiliser les ports bulgares de la mer Egée et de la mer Noire. En cas de besoin, le ministère de la guerre bulgare fera le nécessaire pour ravitailler la flotte de guerre en charbon et autres.

Article 8. Les opérations militaires communes se feront sur les bases de mutuel accord et suivant les exigences stratégiques.

Les troupes des deux hautes parties contractantes garderont chacune leur commandement respectif et prendront soin, elles-mêmes, de leur armement et de leur ravitaillement de toute sorte autant que possible dans la limite de leur propre administration.

Article 9. Les deux hautes parties contractantes tout en sauvegardant, autant que possible, le principe ethnique, conviennent de reconnaître que les territoires situés sur la ligne Ochrida, Dibra, Prisrend et Prishtina ne sont pas — en temps [1] qu'ils sont habités par des Albanais de religion musulmane — compris dans leurs sphères d'action respectives. Les droits de l'Etat indépendant d'Albanie sur ces territoires sont reconnus en principe.

Article 10. En cas d'action militaire commune contre un ou plusieurs Etats étrangers, la conclusion des conditions de paix ainsi que la fixation du chiffre de l'indemnité auront lieu sur les bases d'un mutuel accord.

Article 11. En cas de divergences, celles-ci seront réglées par un tribunal d'arbitrage, composé de représentants des hautes parties contractantes. La décisio de ce tribunal sera prise à la majorité des voix.

Article 12. La présente convention entre en vigueur immédiatement après sa signature pour une durée de 5 années.

Signée le 12/25 janvier 1914, à Sofia et à Constantinople.

Ont signé

pour la Bulgarie:	pour la Turquie:
Radoslawow.	Saïd [H]Alim.
Fitchew.	Enver.

---

[1] Так в подлиннике.

Перевод.

Болгаро-турецкая секретная военная конвенция, подписанная 12/25 января 1914 г. в Софии и в Константинополе.

Статья 1. Правительство его императорского величества султана, с одной стороны, и правительство его величества болгарского короля—с другой, заявляют, что они одинаково заинтересованы в поддержании равновесия на Балканском полуострове. Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддерживать эти общие им интересы, действуя в полном взаимном согласии.

Статья 2. Королевское болгарское правительство заявляет, что оно не будет чинить никаких препятствий выполнению оттоманским правительством всяких мероприятий, не причиняющих ни прямо, ни косвенно ущерба болгарскому правительству. Поддержание корректных и дружеских отношений между обеими странами признается одним из важнейших условий.

Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно гарантируют друг другу неприкосновенность границ их территорий.

Статья 3. Императорское оттоманское правительство принимает принцип, установленный болгарским королевским правительством, а именно, что территории, расположенные на запад от реки Струмы, признаются находящимися в сфере болгарского влияния, при соблюдении условия, указанного в статье 9 настоящей конвенции.

Статья 4. Всякое агрессивное действие против одной из высоких договаривающихся сторон, способное нарушить принципы, изложенные в статьях 1 и 3 настоящей конвенции, будет рассматриваться как casus belli для обеих сторон одновременно только в том случае, если бы одна из них оказалась вовлеченной в войну, по крайней мере, с двумя государствами Балканского полуострова. В указанном случае каждая из договаривающихся сторон, получив просьбу другой о помощи и содействии, предоставит ей свою военную поддержку в размере, необходимом для защиты принципов, изложенных в статьях 1, 2 и 3 настоящего соглашения.

Статья 5. В случае военных действий войска оттоманского императорского правительства будут иметь право свободного прохода через территорию болгарской Фракии, при условии, что оттоманское правительство возьмет на себя ответственность за поддержание самого строгого порядка в своих войсках. В этом случае оттоманское правительство будет иметь право пользоваться железными дорогами и всеми обычными средствами сухопутного транспорта. Тем не менее переход оттоманскими войсками болгарской границы, существовавшей до Бухарестского мира, будет допускаться лишь с предварительного согласия болгарского правительства. Будет запрещено взимать контрибуции на территории каждой из высоких договаривающихся сторон. Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется предупредить другую о предстоящей оккупации территории этой последней.

Статья 6. В случае территориальных приобретений, сделанных благодаря совместным военным действиям, эти приобретения будут распределены между двумя высокими договаривающимися сторонами соответственно успехам каждой из них при условии, что будет принят во внимание не только принцип, изложенный в статье 2, но, поскольку возможно, также и стратегические и этнографические соображения.

Обе высокие договаривающиеся стороны выговаривают себе право приступить к исправлению границ своих теперешних владений в тех пределах, в которых этого потребуют их обоюдные интересы.

Статья 7. Болгарское королевское правительство заявляет, что оно совершенно не заинтересовано в Эгейском море вне пределов своих теперешних владений. Однако оно будет поддерживать интересы императорского оттоманского правительства в Эгейском море.

В случае общего военного выступления двух высоких договаривающихся сторон императорский оттоманский флот будет иметь право пользоваться болгарскими портами Эгейского и Черного морей. В случае необходимости, болгарское военное министерство примет меры, необходимые для снабжения военного флота углем и пр.

Статья 8. Общие военные действия будут проводиться на основе обоюдного согласия и в соответствии с требованиями стратегии.

Войска двух высоких договаривающихся сторон сохранят каждое свое собственное командование и сами озаботятся своим вооружением и всякого рода снабжением, насколько это будет возможно в пределах их собственного управления.

Статья 9. Обе высокие договаривающиеся стороны, соблюдая по возможности этнический принцип, соглашаются признать, что территории, расположенные по линии Охрида, Дибра, Призрен и Приштина, не входят—поскольку они населены албанцами-мусульманами—в соответствующие сферы действия. В принципе признаются права на эти территории албанского независимого государства.

Статья 10. В случае общих военных действий против одной или нескольких иностранных держав, установление условий мира, а равно и определение размера вознаграждения будут иметь место на основах взаимного согласия.

Статья 11. В случае возникновения разногласий, последние должны быть урегулированы арбитражным судом, составляемым из представителей высоких договаривающихся сторон. Решения этого суда будут выноситься по большинству голосов.

Статья 12. Настоящая конвенция вступает в силу немедленно по ее подписании сроком на 5 лет.

Подписано 12/25 января 1914 г. в Софии и в Константинополе.

Подписали

от Болгарии: Радославов, Фичев

от Турции: Саид-Халим, Энвер

УКАЗАТЕЛЬ I.

Именной [1]

[1] Цифры обозначают страницы

УКАЗАТЕЛЬ II.

Корреспонденты [1]

Австро-Венгрия

Ноты, пам. записки: № 170

Министерство ин. дел — посольство: № 54

Посольство — министерство ин. дел: №№ 78, 126, 127, 128, 243, 244, 336, 337, 338, 339, 435

Ген. консульство в Будапеште — министерство ин. дел: №№ 117, 415

Консульство в Праге — министерство ин. дел: №№ 79, 99, 100

Албания.

Министерство ин. дел. — комиссар: №№ 131, 381

Комиссар — министерство ин. дел: №№ 89, 101, 176, 313

Англия.

Ноты, пам. записки: №№ 25, 51, 129, 148, 249, 254, 319, 363

Министерство ин. дел — посольство: №№ 19, 43, 53, 97, 105, 151, 152, 159, 188, 195, 200, 215, 228, 240, 241, 242, 277, 283, 285, 286, 287, 289, 298, 309, 310, 349, 356, 366, 374, 382, 383, 398, 407

Посольство — министерство ин. дел: №№ 2, 3, 64, 74, 121, 122, 143, 181, 182, 189, 201; 217, 231, 232, 233, 272, 273, 290, 326, 327, 328, 359, 376, 377, 386, 390, 392, 410, 411, 412, 413, 420, 421, 422, 423, 432, 441

Военный агент: № 4

Перехваченная переписка: №№ 98, 171

Аргентина.

Министерство ин. дел — миссия: №№ 325, 408

Болгария.

Ноты, пам. записки: № 134

Министерство ин. дел — миссия: №№ 227, 266, 358

Миссия — министерство ин. дел: №№ 22, 44, 66, 80, 157, 198, 259, 275, 291, 354

Военный агент: № 108

Германия.

Ноты, пам. записки: №№ 103, 213

Министерство ин. дел — посольство: №№ 32, 140, 258, 353

Посольство — министерство ин. дел: №№ 5, 6, 17, 18, 21, 87, 88, 93, 145, 156, 167, 175, 251, 252, 263, 387, 428, 434, 442

---

[1] Цифры обозначают номера документов

УКАЗАТЕЛЬ III.

Темы дипломатической переписки [1].

Австро-Венгрия.

Албания.

Англия.

---

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов, — цифры, проставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Монголия.

Персия.

Россия.

Румыния.

Сербия.

Тибет.

Турция.

Франция.

Черногория.

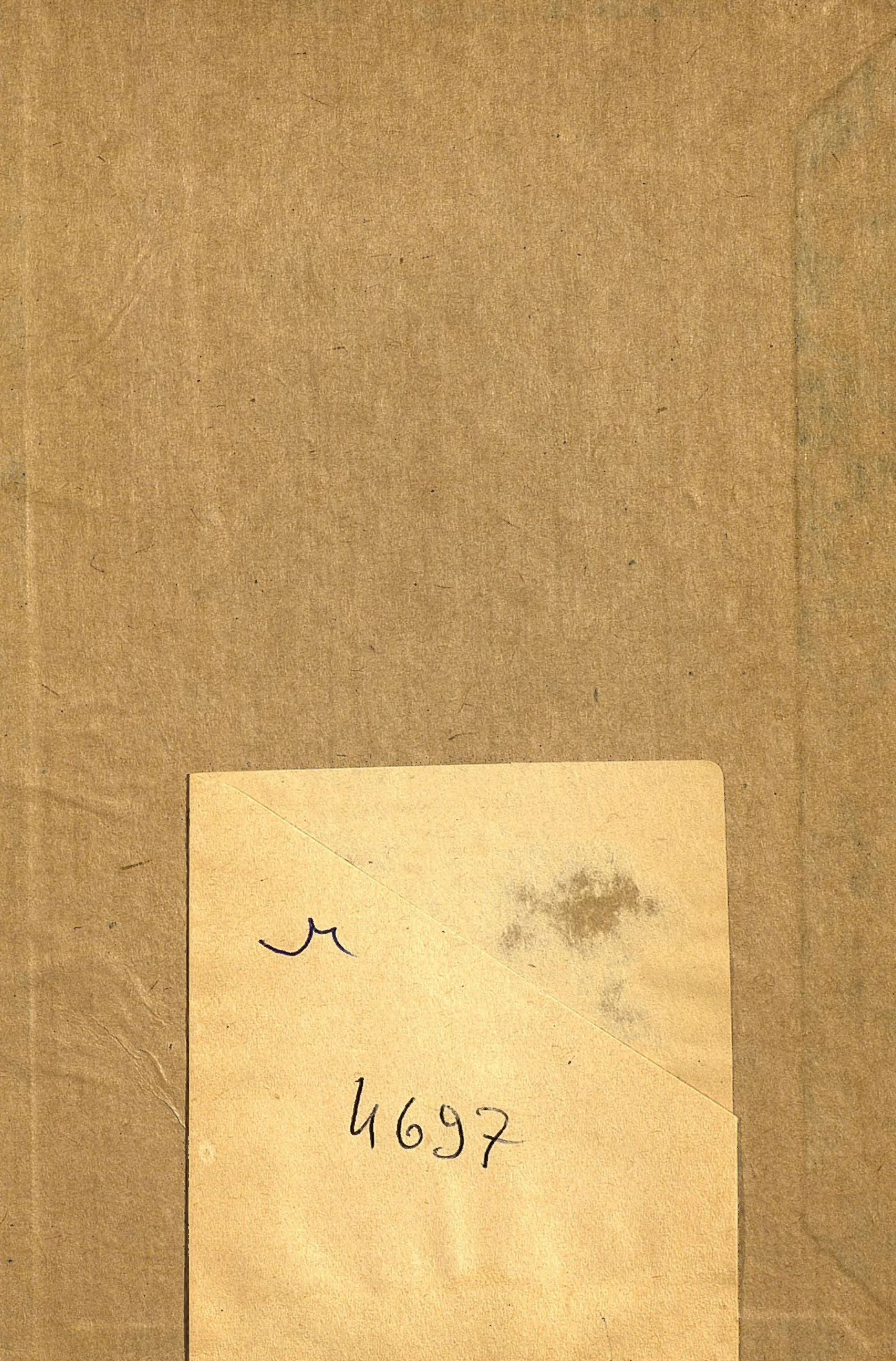
Швеция.

Япония.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Абзац	Строка	Напечатано	Вместо
XII	1	4	правительства	правительства“
XXXI	4	между строками 6 и 7	—	В. Б./Г. — Восток Ближний, Греция;
4	3	1	телеграмма	телеграммой
4	3	2	высопревосходительству	высокопревосходительству
5	1	3	упарвлять	управлять
88	3	6	обращении	обращения
91	прим. 1	7	прим. 1	прим. 2
103	6	1	ссылюсь	ссылаюсь
105		1	Стас-	Статс-
136	3	5	сэре	сэру
140	3	19	достоянства	достоинства
150	3	2	прискробные	прискорбные
176	2	1	прийти	притти
177	прим. 2	1	1914	1913
192	4	6	comléter	compléter
210	1	2	Бухарский	Бухарестский
225	2	2	Франции	Фракии
242	5	1	33.	334.
260	1	3	Муцлус	Муциус
261	1	19	умолкает	умолкнет
263	прим. 2	4	и	не
265	прим.	18	Bleich	Bleichroeder
277	3	13	известную	известного
289	4	2	нашим	вашим
292	3	3	pesonnellement	personellement
301	4	6	произело	произвело
316	5	1	—	во
317	1	6	когео	коего,
320	6	3	vf	of
333	3	18	vous avez,	vous avez vu,
334	7	1	частных	частых
335	4	6	его	их
387	1	13	осуществим	осуществимым
397	3	6	европейский	еврейский
425	2	8	может	можем

Страница	Абзац	Строка	Напечатано	Вместо
426	6	9	основными	основанными
428	1	8	déclaraton	déclaration
430	6	2	заключившихся	заключавшихся
433	2	9	liés 1	liés [1]
437	3	1	с Бетоном	с Бентоном
467	5	1	Монамед-Али	Мохамед-Али
477	5	2	представителями	представителям
478	2	1	месте	место
478	2	2	минстром иностранных	министром иностранных
482	3	3	„Dimineata)	„Dimineata")
499	3	2	прилагаемом	прилагаемым
504	4	1 и 2	„Kölnische	„Kölnische
510	2	2	1914 г.	1914 г. [1]
512	1	13	Benchkendorff	Benckendorff
516	8	9	огнестись	отнестись
535	1	2	Штейну!	Штейну.
536	1	6	но	не
551	1	2	Etudet	Etudes
551	4	4	собертся	соберется
557	надпись		страница не обозначена	
560	13	1	под	под-
568	1	5	êtré	être
576	4	1	но ранных	иностранных
584	17	4	просил не	просил, „не
588	1	17	затруднений	затруднений,
595	1	1	â	à
596	11	2	décisio	décision
599	3	8 правого столбца	Бом ар	Бомпар
604	—	22 левого столбца	Ферстнер	Форстнер
604	—	14 правого столбца	550, 5 9	550, 589


4697